ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный **М. М. Стасюлевичемъ** въ 1866 году.

СОРОКЪ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ.

ЯНВАРЬ.

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1913.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ въ 1913 г.

(Сорокъ-восьмой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ НАУКИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ,

издаваемый **М. М. КОВАЛЕВСКИМЪ**, подъ редакціей **К. К. АРСЕНЬЕВА и Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКАГО**,

при ближайшемъ участіи:

И. В. ЖИЛКИНА, М. М. КОВАЛЕВСКАГО, Н. А. КОТЛЯРЕВСКАГО, В. Д. КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА, А. А. МАНУИЛОВА, А. С. ПОСНИКОВА, М. А. СЛАВИНСКАГО, Л. З. СЛОНИМСКАГО и К. А. ТИМИРЯЗЕВА.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:	По четвертямъ года:
Безъ доставки, въ Конторахъ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ и Москвѣ, съ доставкою	16 » — »	8 » — »	4 » — »
Въ друг. городахъ, съ перес.	17 » — »	8 » 50 »	4 » 25 »
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 » — »	9 » 50 »	4 » 75 »

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою 1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

въ Главной Конторѣ журнала, Моховая, 37, въ книжныхъ магазинахъ: М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28; К. Риккера, Невскій, 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій, 20; Т-ва М. О. Вольфъ, Невскій, 13, и въ Гост. Дворѣ.

ВЪ КІЕВѢ:

въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

въ Отдѣленіи Конторы журнала: Тверской бульв., 15, въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

въ книжн. магаз. «Образованіе», Ришельевская, 12; въ книжн. магаз. «Одесскихъ Новостей», Дерибасовская, 20; въ книжн. магаз. «Трудъ», Дерибасовская, 25.

ВЪ ВАРШАВѢ:

въ книжномъ магазинѣ «С.-Петербургскій Книжный Складъ» Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе.—1) Почтовый адресъ долженъ быть написанъ четко и заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію и точное названіе мѣста жительства и губерніи, если въ мѣстѣ жительства подписчика *нѣтъ почтоваго учрежденія, гдѣ допускается выдача журналовъ, необходимо указать ближайшее почтовое учрежденіе, гдѣ таковая выдача производится.*—2) Перемѣна адреса должна быть сообщена Главной конторѣ журнала *не позже 26-го числа каждаго мѣсяца, съ указаніемъ прежняго адреса*; перемѣна адреса, поступившая въ Контору послѣ 26-го, дѣлается лишь со слѣдующаго очередного номера. За перемѣну адреса городского на иногородній, уплачивается одинъ рубль; въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный, иногороднаго на городской) за перемѣну адреса никакой платы не взимается.—3) Жалобы на неисправность доставки посылаются исключительно въ Главную Контору журнала и, согласно циркуляру Почтоваго Департамента, *не позже полученія слѣдующей книжки журнала.* Жалобы, поступившія позже этого срока, равно какъ и жалобы на неполученіе книжки, *вслѣдствіе несвоевременнаго заявленія о перемѣнѣ адреса*, оставляются Конторою безъ вниманія.—4) При доплатной подпискѣ необходимо указывать свой точный адресъ и фамилію, а также и *прежній адресъ*, если предшествовавшая взносу книжка получалась подписчикомъ по иному адресу.—5) Подписныя квитанціи высылаются Главною Конторою только тѣмъ изъ иногороднихъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. (можно и почтовыми марками).

РЕДАКЦІЯ и ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“.

Моховая, 37.

МОСКОВСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ: Тверской бульв., 15.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Б. Подъяческая, 39.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ПЕРВАЯ.—ЯНВАРЬ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Рукописи, присылаемыя въ редакцію для просмотра, должны быть переписаны на пишущей машинѣ и на одной сторонѣ листа; на отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Пріемъ редакторовъ: К. К. Арсеньева — по субботамъ отъ 3½ до 4½ ч. а Д. Н. Овсянико-Куликовскаго — по средамъ отъ 2 до 3 ч. (кромѣ праздниковъ).

Пріемъ секретаря—по средамъ отъ 11 до 1 ч., а также въ часы пріемовъ редакторовъ (кромѣ праздниковъ).

ПО РУСИ.

(Изъ впечатлѣній проходящаго).

Летитъ степью вѣтеръ и бьетъ въ стѣну Кавказскихъ горъ; горный хребетъ надулся, точно огромный парусъ, и земля со свистомъ несется среди бездонныхъ голубыхъ пропастей, оставляя за собою изорванные вѣтромъ облака, а тѣни ихъ скользятъ по землѣ, цѣпляются за нее, не могутъ удержаться и—плачутъ, стонутъ...

Деревья гнутся долу, словно бѣгутъ; кусты встряхиваютъ вѣтвями, какъ собаки шерстью, и стелятся по черной землѣ; она дымится вся въ пыли; течетъ, не умолкая, сухой шорохъ, свистъ и вой, щелкаютъ аисты, крякаютъ сытыя вороны, немолчно трещатъ степные сверчки и, словно командуя всѣмъ, раздаются крики солидныхъ, крупнорослыхъ станичниковъ. Съ голой степи мчится перебитая молотилками золотая солома, на площади нарядной казачьей станицы крутятся сѣрые вихри, летаютъ птичьи перья, облупки лука и сожженный солнцемъ желтый листъ.

Торопливо появляется солнце, быстро исчезаетъ, точно оно гонится за бѣгущей землею и устало уже—отстаетъ, тихо падая съ неба въ дымный, темный хаосъ на западѣ, гдѣ тоже горы въ снѣжныхъ вершинахъ, и краснѣютъ тучи, тяжелыя, какъ вспаханная земля.

Порою между массами тучъ ослѣпительно сверкаетъ серебрикованное сѣдло Эльборуса и хрустальные зубья другихъ горъ—онѣ вцѣпились въ облака и пытаются удержать ихъ. Такъ ясно чувствуешь бѣгъ земли въ пространствѣ, что трудно дышать отъ напряженія въ груди, отъ восторга, что летишь вмѣстѣ

съ нею, красивой и любимой. Смотришь на эти горы, окрыленныя вѣчнымъ снѣгомъ, и думается, что за ними безконечно-широкое синее море и въ немъ гордо простерты иныя, чудесныя земли или просто—голубая пустота, а гдѣ-то далеко—чуть видные въ ней—кружатся разноцвѣтные шары невѣдомыхъ планетъ, родныхъ сестеръ моей земли...

Со степи ѣдутъ безъ конца возы обмолоченнаго хлѣба; въ пыли, черной и жирной какъ сажа, степенно и тяжко шагаютъ круторогіе сивые волы, глядя въ землю терпѣливымъ взглядомъ круглыхъ глазъ; на возу лежитъ козакъ, въ сѣрой отъ пыли рубахѣ; мохнатая папаха сдвинута на затылокъ, лицо черно отъ загара, глаза красны отъ вѣтра, а борода склеена потомъ, пылью и точно каменная. Иногда козакъ идетъ впереди воза, у ярма; вѣтеръ толкаетъ его въ спину, раздувая рубаху; человѣкъ также гладокъ и солиденъ, какъ волъ, и глаза у него такіе же терпѣливо-умные; двигается онъ, не торопясь, какъ будто зная все, что ждетъ его впереди.

— Цоб... цобе...

У нихъ хорошій урожай въ этомъ году, всѣ они—здоровые, сытые, но смотрятъ хмуро, говорятъ неохотно, сквозь зубы. Можетъ быть, устали въ работѣ...

Но мнѣ кажется, что въ этомъ сытомъ краю мало смѣются, рѣдко слышишь пѣсню.

Хороводомъ стоятъ приземистыя бѣлыя хаты; точно дородныя бабы, стоятъ онѣ, опоясавшись кручеными поясами плетней, пышно окутанныя шелками садовъ, покрытыя выцвѣтшей парчею камышевыхъ крышъ, а надъ крышами качаются серебристые тополя, вздрагиваетъ кружевная листва акаціи, тарахтятъ, какъ дѣтскія погремушки, сухіе стручья, темныя ладони каштановъ треплются въ воздухѣ, точно желая схватить быстро бѣгущія облака. Со двора на дворъ бѣгаютъ козачки, высоко подоткнувъ подолы юбокъ и рубахъ, обнаживъ до колѣнъ большія, крѣпкія ноги; торопясь убраться къ празднику, онѣ озабоченно покрикиваютъ другъ на друга и на круглыхъ ребятишекъ, которые—словно воробьи—купаются въ пыли и, черпая ее горстями, высоко подкидываютъ въ воздухъ.

У церковной ограды, за вѣтромъ, развалились по сухому, рыжему бурьяну «шляющіе за работой»; ихъ десятка два, все это—оборъ, никудышный народъ, мечтатели, ожидающіе счастливаго случая, доброй улыбки судьбы или—лѣнтяи, опьяненные широкимъ просторомъ богатой земли, тихіе плѣнники русской страсти къ бродяжеству. Они ходятъ группами въ два-три

человѣка изъ станицы въ станицу, именно «за работой», смотрятъ на нее, удивляются ея обилію, но работаютъ только по крайней нуждѣ, когда уже нѣтъ возможности утолить голодъ иными способами—попрошайничествомъ или воровствомъ.

Почти у всѣхъ у нихъ глаза робкіе или виноватые, испуганные или тупые, и они совершенно утратили сознаніе разницы между правдой и ложью.

Завтра—Успеньевъ день, въ богатой станицѣ—праздникъ, и вотъ они собрались отовсюду, въ надеждѣ, что праздничный день напоитъ и накормитъ ихъ до сыта, безъ труда съ ихъ стороны.

Все это «русскіе» изъ центральныхъ губерній, они до черна сожжены непривычнымъ солнцемъ юга, волосы ихъ выгорѣли, вѣтеръ ершитъ и треплетъ ихъ лохмотья, всѣ они притворяются смирными, благочестивыми — устали отъ трудовъ, отъ неудачъ жизни и вотъ—сошлись сюда, отдохнуть, помолиться.

Когда мимо нихъ проплываетъ—охая и поскрипывая—тяжелый возъ хлѣба, проходитъ жуя соломинку козакъ,—они покорно, наянливо кланяются ему, а онъ смотритъ на нихъ косо, пренебрежительно, не ломая шапки, чаще же совсѣмъ не видитъ, какъ изгибаются передъ нимъ сѣрыя лохматыя туши чужихъ ему людей.

Ниже и какъ-то замѣтнѣе, вычурнѣе другихъ кланяется козакамъ «голодающій» тулякъ Коневъ, мужикъ сухой, обгорѣлый, точно головня, съ черной бородкой, безпечно разсѣянной по костлявому лицу, съ ласковой улыбочкой темныхъ глазъ, глубоко спрятанныхъ въ орбиты.

Я только сегодня присталъ къ этимъ людямъ, но Коневъ—старый знакомый мой, — по пути изъ Курска до Терской области я неоднократно встрѣчалъ его. Онъ—человѣкъ «артельный», любитъ держаться среди людей, но, кажется, лишь потому, что очень труслив. На всѣхъ точкахъ земли внѣ своей деревни, прижавшейся гдѣ-то къ пескамъ Алексинскаго уѣзда, онъ убѣжденно говоритъ всегда одно и то же.

— Дѣйствительно, землица тутъ богатая, а съ людями я не согласенъ... никакъ! Въ нашемъ краю народъ куда-те душевнѣе, настоящій русскій народъ, равненья нѣтъ со здѣшнимъ! Тутъ—кремни, тутъ души и на трешникъ нѣтъ.

Онъ любитъ тихо и задумчиво разсказать чудесный случай неожиданнаго обогащенія:

— Вотъ—въ подковы ты не вѣришь, а я те скажу—нашелъ одинъ ефремовскій мужикъ подкову, а недѣли черезъ

три за этимъ дядя его лавошникъ въ Ефремовѣ—со всею семьею и сгори—видалъ? Все наслѣдство—мужику этому попало—да Нѣтъ, ты не бай, чего не знаешь: судьба человѣка жалѣетъ она его часто съ добромъ стережетъ...

Его черныя, круто изогнутыя брови всползаютъ высоко на лобъ, а глаза изумленно выкатываются изъ орбитъ, точно Коневъ и самъ не можетъ повѣрить въ то, что разсказалъ.

Когда козакъ пройдетъ, не отвѣтивъ на поклонъ, Коневъ смотритъ въ спину ему и ворчитъ:

— Вотъ онъ—заѣлся, не видитъ даже человѣка... Нѣтъ, я прямо скажу: суходушный народъ...

Съ нимъ—двѣ женщины; одна—лѣтъ двадцати, коротенькая, толстая, со стеклянными глазами и полуоткрытымъ ртомъ. У нея лицо дурочки: нижняя часть его, съ обнаженными зубами, какъ будто смѣется, а когда взглянешь въ неподвижные глаза подъ низкимъ лбомъ—кажется, что она сейчасъ заплачетъ: испуганно и визгливо, точно кликуша.

— Отпустилъ онъ меня сюды съ чужими людями, — жалуется она басомъ, засовывая короткимъ пальцемъ подъ зеленый и желтый платокъ выгорѣвшіе волосы.

Толсторожій скуластый парень съ маленькими глазками монгола толкаетъ ее локтемъ въ бокъ, сипло и лѣниво говоря:

— Бросилъ онъ тебя. Только ты его и видѣла...

— Да-а,—задумчиво тянетъ Коневъ, разбираясь въ своей котомкѣ.—Теперь бабъ очень просто покидаютъ, никчему онѣ въ этомъ годѣ, нипочемъ...

Баба морщится, испуганно мигая, растягиваетъ ротъ. Ея подруга говоритъ бойко и внятно:

— А ты не слушай ихъ, озорниковъ...

Она постарше лѣтъ на пять и лицо у нея не обычное: большіе темные глаза все время играютъ, почти каждую минуту мѣняя выраженіе; то они пристально и серьезно смотрятъ куда-то вдоль станичной улицы и въ степь, гдѣ летаетъ вѣтеръ, вдругъ торопливо начинаютъ искать чего-то на лицахъ людей, потомъ тревожно прищурятся, по красивымъ губамъ пробѣжитъ улыбка—женщина опуститъ голову, пряча лицо, а когда вновь подниметъ его—глаза у нея опять новые: сердито расширены; между тонкихъ бровей лежитъ угловатая складка, запекшіяся губы аккуратнаго рта плотно и упрямо сжаты, она шумно, какъ лошадь, втягиваетъ воздухъ тонкими ноздрями прямаго носа.

Въ ней чувствуется что-то не крестьянское: изъ-подъ синей юбки высунулись потрескавшіяся ступни ногъ—это не

деревенскія растоптанныя ноги, подъемъ ихъ высокъ, замѣтно, что онѣ привыкли къ башмакамъ. Она чинитъ голубую съ бѣлыми горошинами кофту, и видно, что работать иглой привычно ей,—небольшія загорѣлыя руки мелькаютъ надъ измятой матеріей ловко и быстро. Вѣтеръ хочетъ вырвать шитье изъ этихъ рукъ и не можетъ. Среди этихъ людей, она точно кусокъ мѣди, въ кучѣ обломковъ стараго, изъѣденнаго ржавчиной желѣза.

Большинство людей, среди которыхъ я иду по землѣ не то восходя, не то спускаясь куда-то,—сѣро, какъ пыль, мучительно поражаетъ меня своей ненужностью, и не за что ухватиться въ человѣкѣ, чтобы открыть его, заглянуть въ глубину души, гдѣ живутъ еще незнакомыя мнѣ мысли, неслыханныя мною слова. Хочется видѣть всю жизнь красивой и гордой, хочется дѣлать ее такою, а она все показываетъ острые углы, темныя ямы, жалкихъ, раздавленныхъ, изолгавшихся. Хочется бросить во тьму чужой души маленькую искру своего огня,—бросишь, она безслѣдно исчезаетъ въ нѣмой пустотѣ...

А эта женщина будитъ фантазію, заставляя догадываться о ея прошломъ, и невольно я создаю какую-то сложную исторію человѣческой жизни, раскрашивая эту жизнь красками своихъ желаній и надеждъ. Я знаю, что это ложь, и знаю—худо будетъ мнѣ, со временемъ, за нее, но грустно видѣть дѣйствительность столь уродливой безъ одеждъ фантазіи.

Большой рыжій мужикъ, спрятавъ глаза, съ трудомъ подъискивая слова, медленно разсказываетъ голосомъ густымъ, какъ деготь:

— Ладно-о. Пошли. Дорогой я ему баю—хошь не хошь, Губинъ, а воръ—ты, больше некому...

Всѣ «о» разсказчика крѣпкія, круглыя, они катятся, точно колеса тяжелаго воза по теплой пыли проселочной дороги.

Скуластый парень неподвижно остановилъ на молодой бабѣ въ зеленомъ платкѣ свинцовые бѣлки, съ мутными, точно у слѣпого, зрачками, срываетъ сѣрыя былинки, жуетъ ихъ, какъ теленокъ, и, засучивъ рукавъ рубахи на плечо, сгибаетъ руку въ локтѣ, косясь на вздувшійся мускулъ.

Неожиданно онъ спрашиваетъ Конева:

— Хошь, дамъ раза?

Коневъ задумчиво посмотрѣлъ на кулакъ, большой, какъ пудовая гиря и словно ржавчиной покрытый, вздохнулъ и отвѣтилъ:

— Ты себя по лбу вдарь, можетъ, умнѣй будешь...

Парень смотритъ на него сычомъ, спрашивая:

— А почему я дуракъ?

— Наличность доказываетъ...

— Нѣтъ, постой,—тяжело поднявшись на колѣни, придирается парень.—Ты отколь знаешь, каковъ я?

— Губернаторъ вашъ сказывалъ мнѣ...

Парень помолчалъ, удивленнопо смотрѣлъ на Конева и спросилъ:

— А какой я губерніи?

— Отвяжись, коли забылъ.

— Нѣтъ, погоди! Ежели я тебя вдарю...

Переставъ шить, женщина повела круглымъ плечомъ, какъ будто ей холодно стало, и ласково освѣдомилась:

— А въ самъ-дѣлѣ, какой ты губерніи?

— Я? Пензенской,—отвѣтилъ парень, торопливо перевалившись съ колѣнъ на корточки,—Пензенской, а что?

— Такъ...

Женщина помоложе странно засмѣялась подавленнымъ смѣхомъ.

— И я...

— А уѣзда?..

— А я и по уѣзду Пензенская,—не безъ гордости сказала молодуха.

Сидя передъ нею, точно передъ костромъ, парень протягивалъ руки къ ней и увѣщевающимъ голосомъ говорилъ:

— У насъ городъ хорошъ! Трактировъ, церквей, домовъ каменныхъ... а въ одномъ трактирѣ — машина играетъ... все, что хошь... всѣ пѣсни!

— И въ дурачки тоже играетъ,—тихонько бормочетъ Коневъ, но увлеченный разсказомъ о прелестяхъ города парень уже ничего не слышитъ, шлепаетъ большими влажными губами и, какъ бы обсасывая слова, ворчитъ:

— Домовъ каменныхъ...

Женщина, снова оставивъ шитье, спросила:

— И монастырь есть?

— Монастырь?

Свирѣпо почесавъ шею, парень молчитъ, потомъ сердито отвѣчаетъ:

— Монастырь! Я дотошно не знаю... я одинъ разъ въ городу-то былъ, когда насъ, голодающихъ, желѣзную дорогу строить гнали...

— Эхе-хе,—вздохнулъ Коневъ, вставая и отходя.

Люди прижались къ церковной оградѣ, какъ соръ, согнан-

ный степнымъ вѣтромъ и готовый снова выкатиться въ степь на волю его. Трое спятъ, нѣкоторые чинятъ одежду, бьютъ паразитовъ, нехотя жуютъ черствый хлѣбъ, собранный подъ окнами козачьихъ хатъ. Смотрѣть на нихъ скучно, слушать безпомощную болтовню парня досадно. Старшая женщина, часто отрывая глаза отъ работы, чуть-чуть улыбается ему, и хотя улыбка скупенькая, она раздражаетъ меня, и я иду за Коневымъ.

У входа въ церковную ограду стоятъ сторожами четыре тополя; вѣтеръ гнетъ ихъ, они кланяются сухой пыльной землѣ и въ мутную даль, гдѣ возвысились окованныя снѣгомъ вершины горъ. Рыжая степь облита золотымъ солнцемъ, она гладка, пустынна и зоветъ къ себѣ тихимъ свистомъ вѣтра, сладкимъ шорохомъ сухихъ травъ.

— Бабеночка-то?—мечтательно спрашиваетъ Коневъ, прислонясь къ стволу тополя и обнявъ его рукою.

— Откуда она?

— Говоритъ, рязанская, а звать Татьяной... н-да...

— Давно съ тобой ходитъ?

— Не-е... кабы давно! Седни утромъ встрѣлась, верстъ за тридцать отсюда... съ подругой, съ этой. Да я и ране видалъ ее, около Майкопу, на Лабѣ-рѣкѣ, въ косовицу. Въ ту пору былъ съ ней мужикъ пожилой, бритый, вродѣ-бы-солдатъ, не то любовникъ ей, не то дядя. Пьяница, драчунъ. Тамъ его за три дня дважды били. А теперь вотъ идетъ она съ подругой этой. Дядю-то посадили въ козачью тюрьму, какъ онъ шлею и возжи пропилъ... Козакъ—строгій...

Коневъ говоритъ охотно, но какъ бы додумывая какую-то невеселую думу. Онъ смотритъ въ землю. Вѣтеръ треплетъ его разсѣянную бородку и рваный пиджакъ, срываетъ съ головы картузъ, измятую тряпицу съ вырванной подкладкой,—картузъ этотъ точно чепчикъ и придаетъ интересной головѣ Конева смѣшной бабій видъ.

— М-да-а,—сплюнувъ сквозь зубы, тянетъ онъ,—примѣтная бабеночка... рысакъ, просто сказать! Нанесъ чортъ толстомордаго этого... у меня бы съ ей, глядишь, дѣла наладились хорошія, а онъ... пожалуйте! Пёсъ...

— Ты говорилъ, у тебя жена есть...

Коневъ метнулъ въ лицо мнѣ сердитый взглядъ и отвернулся, ворча:

— Али я жену въ котомкѣ ношу?

Площадью идетъ кособокій усатый козакъ, съ большими ключами въ рукѣ—въ другой у него смятая фуражка впередъ

козырькомъ. За нимъ, всхлипывая и вытирая глаза кулаками, плетется кудрявый мальчикъ, лѣтъ восьми, и шаршавая собака — морда у нея унылая, хвостъ опущенъ, должно быть—тоже обижена. Когда мальченко всхлипнетъ громче, козакъ останавливается, молча ждетъ его и, ударивъ по темени козырькомъ фуражки, идетъ дальше, качаясь какъ пьяный, а мальчикъ и собака нѣсколько секундъ стоятъ на мѣстѣ, одинъ—визжитъ, другая, равнодушно нюхая воздухъ старымъ чернымъ носомъ, встряхиваетъ хвостомъ въ рѣпьяхъ. Видъ у нея ко всему привычный, и она похожа на Конева, только старше.

— Ты вотъ сказалъ—жена,—тяжко вздыхая, говоритъ Коневъ,—конечно... ну, все-таки, не всякая болѣзнь до смерти!.. Женили меня девятнадцати лѣтъ...

Остальное я знаю, слышалъ эти разсказы неоднократно, но мнѣ лѣнь остановить Конева, и въ уши назойливо лѣзутъ знакомыя жалобы.

— Дѣвка сытая, на любовь охочая. Пошли-посыпались дѣти, вродѣ бы тараканы съ полатей.

Вѣтеръ становится тише, уныло шепчетъ о чемъ-то...

— Оглянуться не успѣлъ, а ихъ—семеро и всѣ живутъ, на тебѣ! А всего заводу было тринадцать, къ чему это? Теперь считай: ей сорокъ два, а мнѣ сорокъ три, она—старуха, а я—вотъ онъ! Я еще веселый. Одолѣла меня бѣдность-нищета, старшенькая дѣвченочка моя зиму эту въ кусочки ходила—что подѣлаешь? А я по городамъ шлялся, ну, тамъ для насъ одно дѣло: гляди да облизывайся. Прямо, вижу, не хватитъ меня,—плюнулъ на все и—пошелъ...

Сухонькій, стройный, этотъ человѣкъ не позволяетъ думать, что онъ работалъ много и любитъ работать. Разсказывая, онъ не жалуется, говоритъ просто, какъ бы вспоминая о комъ-то другомъ.

Козакъ поравнялся съ нами, расправилъ усы и густо спросилъ:

— Откуда?

— Изъ Россіи.

— Вы всѣ оттуда,—сказалъ онъ, и отмахнувшись рукой отъ насъ, пошелъ къ паперти. Носъ у него уродливо широкъ, круглые глазки заплыли жиромъ, лысая голова напоминаетъ башку сома. Мальчикъ, вытирая носъ, ушелъ за нимъ, собака обнюхала ноги наши, зѣвнула и свалилась подъ ограду.

— Видалъ?—ворчитъ Коневъ.—Нѣтъ, въ Россіи народъ обходительнѣй, куда-те! Стой-ко?

За угломъ ограды—бабій визгъ, глухіе удары; мы бросаемся туда и видимъ: рыжій мужикъ, сидя верхомъ на пензенскомъ парнѣ, покрякивая и со вкусомъ считая удары, бьетъ его тяжелыми ладонями по ушамъ, рязанская женщина безуспѣшно толкаетъ рыжаго въ спину, ея подруга визжитъ, а всѣ остальные, вскочивъ на ноги, сбились въ кучу, смѣются, кричатъ...

— Такъ!

— П-пять!—считаетъ рыжій.

— За что?

— Шесь!

— Буде! Эхъ-ма,—подпрыгивая на одномъ мѣстѣ, волнуется Коневъ.

Одинъ за другимъ раздаются хлесткіе, чмокающіе удары; парень возится, лягается, ткнувшись лицомъ въ землю. Высокій сумрачный человѣкъ въ соломенной шляпѣ, не торопясь засучивъ рукава рубахи, встряхиваетъ длинной рукою, вертлявый сѣрый паренекъ воробьемъ наскакиваетъ на всѣхъ и совѣтуетъ вполголоса:

— Прекратите. Заарестуютъ всѣхъ по скандалу...

А высокій подступилъ вплоть къ рыжему, однимъ ударомъ по виску сшибъ его со спины парня и, обращаясь ко всѣмъ, поучительно сказалъ:

— Это по тамбовски!

— Безстыдники, лиходѣи,—кричала рязанская, наклонясь надъ парнемъ; щеки у нея были багровыя, она отирала подоломъ юбки окровавленное лицо избитаго, темные глаза ея блестѣли сухо и гнѣвно, а губы болѣзненно дрожали, обнажая ровные ряды мелкихъ зубовъ.

Коневъ, прыгая вокругъ нея, совѣтовалъ:

— Ты водой его, воды дай...

Рыжій, стоя на колѣняхъ, протягивалъ тамбовцу кулаки и кричалъ:

— А онъ чего силой хвасталъ?

— За это—бить?

— А ты кто таковъ?

— Я?

— Самый ты?!

— Я те вотъ шаркну еще разъ...

Остальные горячо спорили о томъ, кого надо считать зачинщикомъ драки, а вертлявый паренекъ, всплескивая руками, умолялъ всѣхъ:

— Оставьте шумъ! Чужая сторона, строгости и все... а, Б-боже мой!

Уши у него странно оттопырены, кажется, что, если онъ захочетъ, то можетъ прикрыть ушами глаза.

Вдругъ въ красномъ небѣ гулко вздохнулъ колоколъ, заглушивъ всѣ голоса, и въ то же время среди толпы очутился молодой козакъ съ палкой въ рукѣ, круглолицый, вихрастый, густо окропленный веснушками.

— Отчего шумъ, стерво?—добродушно спросилъ онъ.

— Избили человѣка,—сказала рязанка, сердитая и красивая.

Козакъ взглянулъ на нее, усмѣхнулся.

— Гдѣ спите?

Кто-то неувѣренно сказалъ:

— Тутъ.

— Не можно. Ще церкву обворуете... Гайда до войсковой, тамо васъ разведутъ по хатамъ.

— Вотъ это—ничего!—говорилъ Коневъ, идя рядомъ со мною.—Это, все-таки...

— Ворами насъ считаютъ,—сказалъ я.

— Такъ вездѣ! Это и у насъ тоже полагается. Осторожность: про чужаго всегда лучше думать, что онъ воръ...

А рязанка шла впереди насъ рядомъ съ толстомордымъ парнемъ; онъ раскисъ и бормоталъ что-то невнятное, а она, высоко поднявъ голову, четко говорила тономъ матери:

— Ты молоденькій, тебѣ не надо съ разбойниками якшаться...

Медленно билъ колоколъ, и на встрѣчу намъ со дворовъ выползали чисто одѣтые старики и старухи; пустынная улица оживала, коренастыя хаты смотрѣли привѣтливѣе.

Звонкій дѣвичій голосъ кричалъ:

— Ма-амъ? Мамка? Ключъ отъ зеленаго сундука гдѣ? Ленты взять...

Мычали волы, отвѣчая зову колокола глухимъ эхомъ.

Вѣтеръ стихъ; надъ станицей замедленно двигались красныя облака, и вершины горъ тоже рдяно раскраснѣлись; казалось, онѣ таютъ и текутъ золотисто-огненными потоками на степь, гдѣ, точно изъ камня высѣченный, стоитъ на одной ногѣ аистъ и слушаетъ тихій шорохъ уставшихъ за день травъ.

На дворѣ войсковой хаты у насъ отобрали паспорта, двое оказались безпаспортными, ихъ отвели въ уголъ двора и спрятали тамъ въ темный хлѣвушокъ. Все дѣлалось тихо и спокойно, какъ обычное, надоѣвшее. Коневъ уныло посматривалъ въ темнѣющее небо и ворчалъ:

— Удивительно, даже...

— Что?

— Пачпорта, напримѣръ. Хорошаго, смирнаго человѣка можно бы и безъ пачпорта по землѣ пускать... Ежели я безвредный...

— Ты—вредный,—сердито и увѣренно сказала рязанка.

— Почему такъ?

— Я знаю почему...

Коневъ усмѣхнулся и замолчалъ, закрывъ глаза.

Почти до конца всенощной мы валялись по двору, какъ бараны на бойнѣ, потомъ меня, Конева, обѣихъ женщинъ и моршанскаго парня отвели на окраину станицы въ пустую хату, съ проломленной стѣною, съ выбитами стеклами въ окнахъ.

— На улицу не выходить—заарестуемъ,—сказалъ козакъ, провожавшій насъ.

— Хлѣбушка бы, небольшой кусокъ,—заикнулся Коневъ.

Козакъ спокойно спросилъ:

— Работалъ?

— Мало ли!

— А на меня?

— Не довелось...

— Когда доведется, то я тебѣ дамъ хлѣба...

И, коротенькій, толстый, выкатился со двора, какъ бочка.

— Ка-акъ онъ меня, а?—изумленно возводя брови на середину лба, бормоталъ Коневъ.—Это просто жохъ-народъ... ну-ну...

Женщины ушли въ самый темный уголъ хаты и точно сразу заснули тамъ; парень сопя ощупывалъ стѣны, полъ, исчезъ, вернулся съ охапкой соломы въ рукахъ, постелилъ ее на глинобитный полъ и молча разлегся, закинувъ руки подъ избитую голову.

— Глядите, какое соображеніе выказалъ пензякъ-то—воскликнулъ Коневъ завистливо. —Бабы, эй! Тутъ гдѣ-то солома есть...

Изъ угла сердито отвѣтили:

— Поди да принеси...

— Вамъ?

— Намъ.

— Надо принести.

Сидя на подоконникѣ, онъ немножко поговорилъ о бѣдныхъ людяхъ, которымъ хотѣлось пойти въ церковь помолиться Богу, а ихъ загнали въ хлѣвъ.

— Да. А ты баешь—народъ одна душа! Нѣтъ, братокъ, у насъ въ Россіи люди праведниками считать себя очень стѣсняются...

И вдругъ перекинувъ ноги на улицу, онъ безшумно исчезъ.

Парень уснулъ безпокойнымъ сномъ; возился, раскидывая по полу толстыя ноги и руки, стоналъ и всхрапывалъ, шуршала солома. Въ темнотѣ шушукались бабы, шелестѣлъ сухой камышъ на крышѣ хаты—вѣтеръ все еще вздыхалъ. Щелкалъ по стѣнѣ какой-то прутъ, и все было какъ во снѣ.

За окномъ густо-черная ночь, безъ звѣздъ, многими голосами шептала о чемъ-то жалобномъ и грустномъ; съ каждой минутой звуки становились все слабѣе, а когда сторожевой колоколъ ударилъ десять разъ, и гулъ мѣди растаялъ—стало еще тише, точно многое живое испугалось звона ночного и спряталось, ушло въ невидимую землю, въ невидимое небо.

Я сидѣлъ у окна, глядя, какъ земля дышетъ тьмою и тьма давитъ, топитъ теплой черной духотой своей сѣрые бугры хатъ. Церковь была уже невидима, точно ее стерло. Вѣтеръ, многокрылый серафимъ, гнавшій землю три дня къ ряду, внесъ ее въ плотную тьму, и земля, задыхаясь отъ усталости, чуть движется въ ней, готовая безсильно остановиться навсегда въ этой тѣсной чернотѣ, уже насквозь пропитавшей ее. И утомленный вѣтеръ тоже безсильно опустилъ тысячи своихъ крыльевъ—мнѣ кажется, что голубыя, бѣлыя, золотыя перья ихъ поломаны, окровавлены и покрыты тяжкой пылью.

Думалось о маленькой и грустной человѣчьей жизни, какъ о безсвязной игрѣ пьянаго на плохой гармоникѣ, какъ о хорошей пѣснѣ, обидно испорченной безголосымъ, глухимъ пѣвцомъ. Стонетъ душа, нестерпимо хочется говорить кому-то рѣчь, полную обиды за всѣхъ, жгучей любви ко всему на землѣ, хочется говорить о красотѣ солнца, когда оно, обнявъ эту землю своими лучами, несетъ ее, любимую, въ голубомъ пространствѣ, оплодотворяя и лаская. Хочется сказать людямъ какія-то слова, которыя подняли бы головы имъ, и сами собою слагаются юношескіе стихи:

Всѣ родной землею нашей
Мы для счастья рождены.
Для того, чтобъ быть ей краше,
Солнцемъ мы землѣ даны!
Въ этомъ свѣтломъ солнца храмѣ
Мы и боги, и жрецы.
Нами жизнь творима, нами!..

Сквозь тьму, изъ угла, гдѣ спрятались женщины, тихою прерывистой струей просачивается шепотъ—я напряженно вслушиваюсь, стараясь поймать слова, различить голоса.

Вотъ твердо и увѣренно говоритъ рязанка:

— А ты не показывай, что больно...

Ея подруга сморкается и гуняво тянетъ:

— Да-а, абы можно терпѣть...

— Притворись, говорю. Онъ бьетъ, а ты—ровно бы тебѣ ничего это, даже шутка...

— Тоды онъ забьетъ.

— Да еще посмѣйся ему, улыбнись ласковенько...

— Не били тебя, видно, не знаешь ты...

— Знаю! И били, милая. Очень я это испытала. А ты не бойся, не забьетъ...

Гдѣ-то далеко глухо брехнулъ песъ, прислушался и яростно залаялъ, ему тотчасъ отозвались другіе, и минуты двѣ я не слышалъ бесѣды бабъ; потомъ собаки задохнулись, и снова потекла тихая рѣчь.

— Мужику тоже трудно жить, не забудь, милая. Всѣмъ намъ, простымъ-то людямъ, трудно, вотъ и надо, чтобъ кто-нибудь показывалъ, будто ему ничего... вовсе, будто, легко ему...

— Ой, Богородица Пречистая...

— Бабья ласка—великое дѣло; баба и мужу, и любовнику въ мѣсто матери встаетъ. Ты вотъ попробуй и увидишь: начнетъ онъ твоему характеру завидовать, станетъ мужикамъ хвастаться: у меня де жена—что хошь съ ей дѣлай—веселая, ласковая, вродѣ—мѣсяцъ май!.. Ничему не поддается—хоть голову руби...

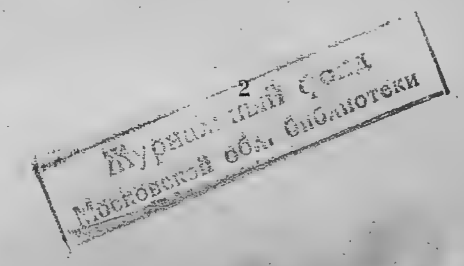
— Нѣ-етъ...

— А ты думаешь—какъ? Это, доченька, такая жизнь...

Мѣшая слушать, на улицѣ досадно шаркаютъ чьи-то невѣрные шаги.

— Сонъ Богородицы знаешь?

— Не-е...

— Спроси старухъ. Это хорошо знать. Не грамотна?

— Нѣту. А какой сонъ-оть?

— Вотъ слушай...

Подъ окномъ раздается осторожный вопросъ Конева:

— Наши тутъ? Ну, слава Те Господи. Заплуталъ я, братъ, собакъ взбудилъ, еле на кулаки не попался... на-кось, держи!

Онъ подалъ мнѣ большой арбузъ, потомъ самъ ввалился въ окно, отряхиваясь и шумя.

— И хлѣбца добылъ довольно. Думаешь, укралъ все? Ни-ни! Почто красть, коли выпросить можно? Я ловокъ на это, умѣю подсыпаться къ людямъ. Иду, вижу: въ хатѣ огонь, за столомъ люди ужинаютъ... а гдѣ много людей, тамъ всегда одинъ добрый есть! Вотъ и поужиналъ, и выпилъ, и вамъ притащилъ... эй, бабоньки?

Онѣ не отвѣчали.

— Дрыхнутъ курвины дочери. Бабы?

— Чего надо?—сухо спросила рязанка.

— Арбузу хотите?

— Спасибо.

Коневъ сталъ осторожно подвигаться на голосъ.

— А хлѣба? Пшенисный хлѣбъ, мягкій... просто какъ ты...

Подруга рязанки сказала голосомъ нищей:

— Дай мнѣ хлѣбца...

— То то же! Гдѣ вы тутъ?

— Мнѣ и арбузу...

— Ты которая?

— Ой,—болѣзненно вскрикнула рязанка.—Куда те несетъ, пострѣлъ?

— Не кричи... темно...

— Спичку бы зажегъ, чортъ...

— Самъ четвёртъ. Спичекъ у меня мало. Ежели я схватился за тебя, не велика бѣда. Мужъ билъ—больнѣй было. Билъ мужъ-то?

— А тебѣ что?

— Любопытно. Эдакую бабеночку...

— Ты слушай... ты не тронь... а то...

— А что?

Они спорили долго, бросая другъ въ друга какими-то короткими и все болѣе злыми словами, наконецъ, рязанка глухо крикнула:

— О, чортъ паршивый... туда же...

Началась возня, раздались удары по мягкому, Коневъ скверно хихикалъ, а пензенская промямлила:

— Не балуйте, безстыжіе...

Я зажегъ спичку, подошелъ къ нимъ и молча оттащилъ Конева прочь; это не обидѣло его, а какъ будто только охладило: сидя на полу въ ногахъ у меня, отдуваясь и поплевывая, онъ говорилъ увѣщевающимъ голосомъ:

— Съ тобой, дура, играютъ, а ты—эко, разошлась!.. Убудетъ тебя...

— Получилъ?—спокойно спросили изъ угла.

— Ну, такъ что? Губу разбила... важность!

— Подкатись-ка еще, я те и башку разобью...

— Лошадь! Глупость деревенская... И ты тоже,—обратился онъ ко мнѣ,—тащишь, за что попало въ руки... одежу рвешь...

— Не обижай человѣка.

— Чудакъ, не обижай! Развѣ бабу этимъ обидишь?

И со смѣшкомъ, грязно, онъ началъ разсказывать о томъ, какъ ловко бабы умѣютъ грѣшить, какъ онѣ любятъ обмануть мужика.

— Похабники,—сонно проворчала пензачка.

Скрипнувъ зубами, парень вскочилъ, сѣлъ и, схватившись за голову руками, угрюмо заговорилъ:

— Уйду завтра... домой пойду... Господи! все едино...

Снова свалился, какъ убитый, а Коневъ сказалъ:

— Оглобля.

Во тьмѣ, поднялась черная фигура, безшумно, какъ рыба въ водѣ, поплыла къ двери, исчезла.

— Ушла, — сообразилъ Коневъ.—Здо-ровая бабища! Ну, все-таки, ежели бы ты не помѣшалъ, я бы одолѣлъ ее, ей Богу!

— Иди за ней, попробуй...

— Нѣтъ,—сказалъ онъ, подумавъ,—тамъ она палку какую найдетъ, кирпичъ, али что другое. Ничего, я ее достигну! Это ты напрасно помѣшалъ... позавидовалъ мнѣ...

Онъ снова сталъ скучно хвастать своими побѣдами и вдругъ умолкъ, точно проглотивъ языкъ.

Тихо. Все остановилось, прижалось къ неподвижной землѣ и спитъ. Меня тоже одолѣваетъ чуткій сонъ, я вспоминаю всѣ подарки умершаго дня, они ростутъ, пахнутъ, становясь все тяжелѣе и—точно степная могила надо мною. Дребезжитъ колоколъ, крики мѣди падаютъ во тьму неохотно, паузы между ними не ровны.

Полночь.

На сухой камышъ крыши и въ пыль улицы шлепаютъ тяжелыя рѣдкія капли дождя. Трещитъ сверчокъ, торопливо разсказывая что-то, и во тьмѣ хаты снова плаваетъ горячій, подавленный, всхлипывающій шепотъ:

— Ты подумай, голубь, что такъ-то, безъ дѣла ходить, на чужихъ работать...

Слышенъ глухой отвѣтъ избитаго парня:

— Я тебя не знаю...

— Тише...

— Чего тебѣ надоть?

— Ничего не надо. Жалко мнѣ тебя—молодой ты, сильный, а живешь зряшно, я и говорю: идемъ-ка со мной.

— Куда?

— На морской берегъ, тамъ, я знаю, есть хорошія мѣста: ты гляди — вонъ, какая земля здѣсь ласковая до человѣка, а тамъ еще лучше...

— Врешь, поди...

— Тихонько ты! А я женщина хорошая, я все умѣю, всякую работу, и заживемъ мы съ тобой хорошо, тихо, на своемъ мѣстѣ... Я-те дѣтокъ нарожу-выкормлю...

Парень громко хрюкаетъ; мнѣ неловко, хочется дать имъ знать, что я не сплю, но любопытство мѣшаетъ сдѣлать это, я молчу и вслушиваюсь въ странную, волнующую кровь бесѣду.

— Нѣтъ, погоди, — тяжело дыша шепчетъ женщина, — не балуй... я вѣдь не для этого... я же серьезно... пусти...

Грубо и громко парень ворчитъ:

— Тогда не лѣзь! Сама лѣзетъ, а сама же ломается...

— Тише ты, услышатъ—стыдно будетъ мнѣ...

— А приставать ко мнѣ не стыдно...

Молчаніе. Парень сердито сопитъ и возится; капли дождя падаютъ все такъ же неохотно, лѣниво и сквозь ихъ шумъ текутъ слова женщины:

— Ты думаешь я мужика ищу? Мнѣ мужа надо надежнаго, хорошаго человѣка...

— Еще я-те не хорошъ!

— Экой ты какой...

— Мужа ей!—фыркаетъ парень.—Ловки вы тутъ... мужа! Ишь, ты...

— Ты—послушай: шляться мнѣ надоѣло...

— Ступай домой.

Помолчавъ, женщина отвѣтила очень тихо:

— Нѣту у меня дома, и родни нѣтъ...

— Врешь, поди,—повторилъ парень.

— Ей Богу! Забудь меня Богородица, коли вру...

Мнѣ кажется, что въ этихъ словахъ ея звучатъ слезы, мнѣ нестерпимо тяжело и тошно, хочется встать и вышвырнуть парня изъ хаты пинками, а потомъ долго говорить этой женщинѣ какія-то сердечныя слова. На руки бы взять ее какъ покинутаго ребенка...

А у нихъ снова началась возня.

— Н-ну, не ломайся,—мычитъ парень.

— Нѣтъ, не надо... силомъ не дамся...

И вдругъ она вскрикнула болѣзненно и удивленно:

— Ой... за что? За что же?

Я вскочилъ и тоже закричалъ, чувствуя, что звѣрѣю. Стало тихо, кто-то осторожно поползъ по полу, задѣлъ изломанную дверь, висѣвшую на одной петлѣ.

— Это не я,—заворчалъ парень,—это, вонъ, паскуда пристаетъ ко мнѣ. Жулики здѣсь все, покою нѣтъ...

Въ сторонѣ отъ него обиженно вздохнули.

— Дуракъ ты, дуракъ...

— Молчи... распутница...

Дождь пересталъ, въ окно вливалась духота, тишина сдѣлалась еще плотнѣе, тяжело давила грудь и точно паутина оклеивала лицо, глаза. Я вышелъ на дворъ—на немъ было, какъ въ погребѣ лѣтомъ, когда ледъ уже растаялъ и черная яма полна теплой, густой сыростью.

Гдѣ-то близко дышала, всхлипывая, женщина; прислушался и подошелъ къ ней: она сидѣла въ углу двора, спрятавъ голову въ ладоняхъ, и качалась, словно кланяясь мнѣ.

Сердясь на нее за что-то, я долго стоялъ передъ нею, не зная, что сказать, потомъ спросилъ:

— Ты сумасшедшая, что ли?

— Отстань, не сразу отозвалась она.

— Слышалъ я твои рѣчи къ нему...

— Ну такъ что? Тебѣ какое дѣло? Братъ мнѣ ты, али кто?

Говорила она, точно сквозь сонъ и не сердясь. Мутныя пятна стѣны, точно безглазыя лица, наблюдали за нами, а рядомъ тяжко дышалъ волъ.

Я сѣлъ рядомъ съ женщиной.

— Эдакъ ты очень скоро сломишь себѣ голову...

Не отвѣтила.

— Мѣшаю я тебѣ?

— Нѣтъ, ничего. Сиди,—сказала она, опустивъ руки и присматриваясь ко мнѣ.

— Ты откуда?

— Нижегородскій.

— Далё-око...

— Любъ тебѣ парень этотъ?

Не сразу и какъ бы считая слова, сказала:

— Ничего. Здоровый такой... да вотъ—потерянный. Глупый еще, видно. А жалко: хорошій мужикъ былъ бы на хорошемъ мѣстѣ.

Церковный колоколъ ударилъ дважды—она дважды перекрестилась, не прерывая рѣчи.

— Жалко глядѣть, когда молодое зря пропадаетъ, жалко силушки, кабы можно—взяла бы всѣхъ и поставила на хорошія мѣста...

— А себя не жаль?

— Какъ не жаль? И себя тоже...

— Чтожъ ты стелешься передъ эдакимъ болваномъ?

— Я бы его выправила. Думаешь нѣтъ? Не знаешь ты меня...

Она глубоко вздохнула.

— Онъ прибилъ тебя, что ли?

— Нѣтъ. Ты его не тронь, ужъ...

— А крикнула?

Неожиданно прислонясь ко мнѣ плечомъ, она тихонько созналась:

— Въ грудь онъ меня ударилъ... онъ бы одолѣлъ меня... А я не хочу, не могу я такъ, безъ сердца, словно кошка... Экіе вы всѣ какіе... несуразные...

Бесѣда оборвалась. Въ дверяхъ хаты всталъ кто-то и тихонько свистнулъ, точно собаку позвалъ.

— Это онъ,—прошептала женщина.

— Уйти, что ли?

Она схватила меня за колѣно, торопливо сказавъ:

— Нѣтъ, не надо, не надо...

И вдругъ подавленно застонала:

— Го-осподи жалко всѣхъ... всю-то жизнь жалко, всю наскрость, всѣхъ людей... Господи-Батюшко...

Плечи ея тряслись, она плакала и шептала, жалобно всхлипывая.

— Вотъ, ночью... какъ вспомнишь все, что видѣла, всѣхъ

людей—тошно, тошно... закричала бы на всю землю... а что? Не знаю... нечего сказать...

Это было мнѣ глубоко знакомо и понятно—мою душу тоже давилъ этотъ крикъ безъ словъ.

— Кто ты такая? — спрашивалъ я ее, поглаживая качавшуюся голову, трепетное плечо, и, успокоившись, она тихо разсказала мнѣ сказку своей жизни: она—дочь столяра и пчеловода. По смерти матери отецъ женился на молодой дѣвицѣ, мачеха уговорила его отдать дочь въ монастырь, тамъ Татьяна и жила съ девяти лѣтъ по невѣстинъ возрастъ. Выучилась грамотѣ, рукодѣльямъ, а потомъ отецъ выдалъ ее за пріятеля, солдата, пожилаго человѣка, лѣсника въ монастырскомъ лѣсу.

Мнѣ досадно, что я не вижу лица ея—предо мной круглое, тусклое пятно и, должно быть, она закрыла глаза. Такая странная тишь, что женщина все время говоритъ едва слышнымъ шепотомъ. Оба мы точно погружены глубоко въ черную пустоту, гдѣ нѣтъ жизни, и наша доля—начать жизнь.

— Человѣкъ былъ нехорошій и пьяница, у него въ караулкѣ монашки гуляли по ночамъ съ охочими людьми, и меня онъ сталъ къ этому склонять, я было не хотѣла поддаваться, а онъ—бить меня, ну уступила я, да на ту пору и пондравился мнѣ одинъ человѣкъ... съ нимъ, а не съ мужемъ, я и узнала настоящее, женское. А любовникъ-то мой женатъ былъ, дозналась жена его про меня—тутъ мужа моего прогнали съ должности. Богата она была и, конечно, обидно ей уступать мѣсто свое не знай кому. Красивая, толстая только очень ужъ. Потомъ вскорѣ мужъ мой померъ—опился въ день Фрола-Лавра, а батюшка еще раньше померъ же. Я—къ мачехѣ, а она говоритъ: зачѣмъ ты мнѣ? Подумай. Подумала я—вѣрно, не зачѣмъ. Я, было, опять въ монастырь, ну вижу не для меня это, да и мать Таисья, старушка, учительша моя, сказала мнѣ: иди-ка ты, Татьяна, въ міръ, можетъ, и найдешь себѣ счастье! Вотъ я и пошла... да и хожу...

— Не ладно ты счастья ищешь...

— Ужъ какъ умѣю...

Теперь темнота не казалась туго натянутою тканью тяжелаго занавѣса, но порѣдѣла отъ напряженія, стала прозрачнѣе, а мѣстами собралась въ густыя складки, въ комья, набилась въ окно хаты и смотритъ оттуда слѣпымъ чернымъ глазомъ.

Надъ буграми крышъ всплыла въ небо колокольня, поднялись тополи, по стѣнѣ хаты расползлись трещины и вмѣстѣ съ

язвами выкрошившейся известки сдѣлали стѣну картой какой-то невѣдомой страны.

Я взглянулъ въ темные глаза женщины, они блестѣли сухо, печально и показались мнѣ наивными, какъ у дѣвочки-подростка.

— Чудачка ты...

— Какая есть,—отвѣтила она, облизывая губы тонкимъ, точно кошачьимъ языкомъ.

— Чего ты ищешь?

— Это у меня обдумано, это я знаю. Вотъ, погоди—встрѣтится мнѣ хорошій мужикъ, и найдемъ мы съ нимъ землю себѣ. Найдемъ мы ее около Новаго Аѳона, я тамъ мѣста знаю, была. И вотъ, начнемъ устраивать ее хорошо: садъ будетъ, огородъ и пашня, какъ надобно для хозяйства.

Слова ея звучали все увѣреннѣе и крѣпче.

— Устроимся мы по хорошему-то, а къ намъ еще люди подойдутъ, а мы ужъ—старожилы, намъ почетъ отъ нихъ! Такъ еще, да еще и вотъ те новая деревня, хорошее мѣсто. Мужа, глядишь, въ старосты выберутъ. Водила бы я его чисто, бариномъ. А въ саду дѣти играютъ, бесѣдка въ саду-то выстроена... бѣда, какъ хорошо можно жить!

Дѣйствительно, будущее продумано у нея насквозь, она рисуетъ новую деревню съ такими подробностями, какъ будто долго жила въ ней.

— Хорошаго жительства хочется... Господи! Кабы удалось... Первое дѣло, конечно, мужикъ нуженъ...

Лицо у нея милое, глаза смотрятъ въ тающую ночь, мягко лаская все, на чемъ остановятся. А мнѣ ее жалко, жалко, почти до слезъ, и чтобы скрыть это, я шучу:

— Не гожусь ли я тебѣ?

Усмѣхнулась, легонько:

— Нѣтъ... Ты не годишься...

— Почему?

— Мысли другія у тебя ..

— Ну, откуда тебѣ знать мои мысли?

Она отодвинулась отъ меня, сухо сказавъ:

— По глазамъ вижу... Нѣтъ, зря говорить я не согласна...

Мы сидимъ на дубовой суковатой колодѣ, почернѣвшей отъ сырости; женщина хлопаетъ ладонью по ней.

— Богато живутъ козаки, а не нравится мнѣ, какъ...

— Что не нравится?

— Скушно, будто. Всего много, а скушно...

Не сдержавъ жалости къ ней, я тихонько сказалъ:

— И тебѣ скучно будетъ, не найдешь ты, чего ищешь, я думаю...

Она отрицательно качаетъ головой.

— Бабѣ скучать некогда. У ней такой оборотъ жизни: то—ребенка хочетъ, то—няньчитъ его... одного вынянычила—другой готовъ. Весна да осень, а зима съ лѣтомъ мимо идутъ.

Пріятно было смотрѣть въ ея задумчивое лицо; конечно, хотѣлось крѣпко обнять ее, но лучше—уйти поскорѣе въ тихую, пустынную степь, и, унося съ собою воспоминаніе объ этой женщинѣ, шагать одиноко по твердой дорогѣ къ серебряной стѣнѣ утонувшихъ въ небѣ горъ, къ чернымъ ущельямъ, разинувшимъ на степь свои глубокія прохладныя пасти. А уйти —нельзя, паспортъ отобранъ козаками.

— Ты самъ-то чего ищешь?—вдругъ спросила она, снова подвинувшись ко мнѣ.

— Ничего. Просто смотрю, какъ люди живутъ.

— Одинокій?

— Да.

— Какъ я, все равно. Господи, Господи, сколько на свѣтѣ одинокихъ-то...

Волы просыпаются и тихонько мычатъ, напоминая звукъ волынки, на которой играетъ гдѣ-то далеко слѣпой старикъ. Сонный сторожъ невѣрной рукой четырежды ударилъ въ колоколъ, два раза—тихо, одинъ — очень громко и сердито, такъ, что мѣдь взвизгнула, и снова тихо, чуть коснувшись пѣвучей мѣди желѣзнымъ языкомъ.

— Какъ же люди-то живутъ?

— Плохо.

— Да-а. И я вижу это—плохо...

Мы долго молчимъ, потомъ она говоритъ тихонько:

— Вотъ, свѣтаетъ, а я глазъ не сомкнула, и часто это со мной... Задумаюсь про все, задумаюсь... будто я одна на землѣ, и все надобно мнѣ одной устроить по новому-то.

— Недостойно себя живутъ люди, въ безгласіи и ничтожествѣ, въ неисчислимыхъ обидахъ нищеты и глупости, — говорю я, забываясь, и горячо исчисляю все видѣнное мною темное, постыдное, мучительное.—Гляди, ты съ добромъ идешь къ человѣку; свободу свою, силу готова ему за дружбу отдать, а онъ этого не понимаетъ и — какъ его обвинить? Кто показывалъ ему доброе?

Она положила руку на плечо мнѣ и смотритъ прямо въ глаза, немножко пріотворивъ красивый ротъ.

— Ой,—слышу я,—это вѣдь правда. Милый человѣкъ, вѣрно: нѣтъ добру цѣны!

Крѣпко прижавшись другъ къ другу, мы точно плывемъ, а встрѣчу намъ, выплываетъ, свѣтлѣя, освобожденное ночью: бѣлыя хаты, посеребренныя деревья, красная церковь, земля, обильно окропленная росою.

Восходитъ солнце; надъ нами — точно тысячи бѣлыхъ птицъ —плывутъ стаи прозрачныхъ облаковъ.

— Господи,—шепчетъ Татьяна, толкая меня,—ходишь одна, думаешь, а о чемъ? Ну, милый же вы человѣкъ... все это — правда! Никому ничего не жаль... ахъ, какъ вѣрно!

И вдругъ вскочивъ на ноги, она приподняла меня и прижалась ко мнѣ такъ крѣпко, что я отстранилъ ее; но она плачетъ, тянется ко мнѣ и цѣлуетъ сухими, точно острыми губами — эти поцѣлуи доходятъ до сердца.

— Ну, добрый же вы мой,—всхлипывая шепчетъ она, а у меня земля уходитъ изъ-подъ ногъ.

Оторвалась, оглянула дворъ и дѣловито пошла въ уголъ его—тамъ, подъ плетнемъ, густо разрослись незнакомыя мнѣ травы.

— Иди, идите-ко.

Потомъ, сидя въ бурьянѣ, точно въ маленькой пещерѣ, смущенно улыбаясь, оправляя волосы, она тихонько шепчетъ:

— Вотъ, какъ случилось... Господь мнѣ проститъ...

Удивленный, чувствуя себя какъ во снѣ, я благодарно смотрю на нее. Мнѣ какъ-то особенно легко: въ груди у меня свѣтлая пустота, а въ ней, какъ ласточки въ небѣ, мелькаютъ какія-то неуловимыя радостныя мысли и слова.

— Въ большомъ горѣ и маленькая радость велика,—слышу я.

Какъ будто извиняясь предо мною, она говоритъ немножко печально:

— Что сдѣлаешь съ собой? Иной разъ такъ ужъ бываетъ— нахлынетъ что-то въ душу до того, что даже больно въ грудяхъ, и такъ ужъ вся и открылась бы, какъ передъ мѣсяцемъ... али—въ жару—предъ рѣкою... право, ей Богу! Послѣ, конечно, стыдненько... не гляди-ко ужъ на меня! Что уставился, словно робенокъ?

А я не могу отвести глазъ отъ нея, думая о томъ, что потеряется она на запутанныхъ дорогахъ.

— И лицо, будто у новорожденнаго...

— Глупое, что ли?

— Похоже, что глупое.

Застегнувъ кофту, она сказала:

— Скоро, чать, къ обѣднѣ ударятъ... Пойду, надо помолиться Богородицѣ. Ты сегодня идешь?

— Какъ только паспортъ получу...

— Куда путь?

— На Алагиръ. А ты?

Вставъ на ноги, она оправляетъ юбку, бедра у нея уже плечъ, вся она осанистая, стройная.

— Я-то? Не знаю еще... Надобно мнѣ въ Нальчикъ... а, можетъ, не пойду. Не знаю.

И протянувъ ко мнѣ крѣпкія, ловкія руки, она предложила, краснѣя:

— Ну, давай, поцѣлуемся еще, на ростанье.

А обнявъ одной рукою и крестя другой, сказала:

— Прощай, дружокъ! Спаси тебя Христосъ за хорошее слово, за всю твою повадку...

— Пойдемъ вмѣстѣ?

Вырвалась изъ рукъ моихъ, твердо и строго говоря:

— Не годится это мнѣ... не согласна! Кабы ты крестьянинъ былъ, а такъ что толку? Однимъ часомъ жизнь не мѣряютъ, а годами...

И ушла въ хату, тихо улыбнувшись мнѣ на прощанье. Я сѣлъ на колоду, думая объ этой женщинѣ: что найдетъ она?.. Увижу я ее еще когда-нибудь?

Заблаговѣстили къ ранней обѣднѣ, станица давно уже проснулась и солидно, невесело шумѣла.

Когда я вошелъ въ хату за котомкой—хата была уже пуста, должно быть, всѣ вышли черезъ разломанную стѣну прямо на улицу.

Сходилъ въ войсковую избу, взялъ паспортъ и отправился на площадь—нѣтъ ли попутчиковъ?

Какъ вчера у ограды валялись люди изъ Россіи, сидѣлъ, прислонясь спиною къ бревну, толстомордый пензякъ; его разбитое лицо стало еще больше, уродливѣе, а глаза совсѣмъ заплыли въ багровыхъ опухоляхъ.

Явился новый сѣденькій, остробородый старичекъ, въ бархатной выцвѣтшей скуфейкѣ, тощій и сухой. Личико у него съ кулакъ, носъ хищно загнутъ и—красный, пористый, а глаза—сердито вороватые.

Рыжій орловецъ и вертлявый паренекъ насѣдаютъ на него:

— Ты чего ради шляешься?

— А ты? — тоненькимъ голосомъ спрашиваетъ старикъ,

прикручивая проволокой отломившуюся ручку закопченаго желѣзнаго чайника и ни на кого не глядя.

— Мы за работой ходимъ!

— Мы живемъ, какъ велѣно...

— Кѣмъ?

— А Богомъ! Забылъ?

Старикъ равнодушно и четко говоритъ:

— Плюетъ на васъ Богъ пескомъ да пылью, кою вы же сами поднимаете, шляясь по землѣ Его, зря...

— Стой!—кричитъ ушастый парень.—Какъ? А Христосъ съ апостолами не ходилъ по землѣ?

— То Христосъ! — значительно сказалъ старикъ, поднявъ на спорщика острые глаза.—Дураки! Что говорите, съ кѣмъ въ рядъ ставитесь. Я, вотъ, крикну козака...

Много разъ слышалъ я такіе споры, и они также противны мнѣ, какъ бесѣды о душѣ.

Надобно идти.

Появился Коневъ, растрепанный, потный и, тревожно мигая, спросилъ:

— Рязанку эту, Таньку, видалъ? Нѣтъ? Ахъ, вѣдьма, стало быть, ушла она въ ночь! Дали мнѣ вчера чего-то выпить, настойки, что ли! Спалъ я всю ночь, какъ медвѣдь зимой... А она съ этимъ, видно, съ пензякомъ...

— Вотъ онъ,—указалъ я.

— Э... нако ты! Ну, какъ же расписали человѣка, а? Богомазы, просто сказать...

Онъ снова началъ безпокойно оглядываться.

— Куда жъ онѣ обѣ пошли?

— За обѣдней, можетъ...

— И вѣрно! Конечно. За-адѣла, братъ, меня баба эта—ухъ, какъ!

Но и послѣ ранней обѣдни, когда, подъ веселый звонъ колоколовъ нарядное козачество, степенно выплывъ изъ церкви, разлилось по станицѣ яркими ручьями,—мы не нашли Татьяну.

— Ушла, — печально ворчалъ Коневъ. Ну, однако жъ, я ее найду... я настигну...

Мнѣ не вѣрилось въ это и не хотѣлось этого.

Лѣтъ черезъ пять я шагалъ по двору Метехскаго замка въ Тифлисѣ, безуспѣшно пытаясь догадаться,—за какія провинности посадили меня въ эту тюрьму?

Картинно-грозная извнѣ, внутри она была наполнена веселыми и мрачными юмористами—мнѣ казалось, что всѣ люди въ ней устроили «съ разрѣшенія начальства» любительскій спектакль и, какъ подростки, охотно, усердно, но неумѣло играютъ плохо понятыя роли арестантовъ, надзирателей, жандармовъ.

Сегодня, напримѣръ, пришли въ камеру мою надзиратель и жандармъ, чтобы вести меня на прогулку. Я заявилъ имъ:

— Можно мнѣ не гулять? Нездоровъ я и не хочется...

Большой, русобородый красавецъ-жандармъ строго поднялъ палецъ вверхъ:

— Тебѣ хотѣть не велѣно...

А надзиратель, черный какъ трубочистъ, съ большими синими бѣлками глазъ подтвердилъ вывихнутымъ языкомъ·

— Тута ныкому нэ вэлэно хотэть, знаишь?

И вотъ я гуляю.

На дворѣ, мощенномъ камнемъ, жарко, точно въ печи. Виситъ надъ нимъ плоскій и мутный квадратъ пыльнаго неба. Съ трехъ сторонъ дворъ замыкаютъ высокія сѣрыя стѣны, съ четвертой—ворота, съ какой-то страховидной надстройкой надъ ними.

Сверху черезъ крыши непрерывно вливается глухой шумъ бѣшеныхъ волнъ рыжей Куры, воютъ торговцы на базарѣ Авлабара—азіатской части города; пересѣкая всѣ звуки, ноетъ зурна, голуби воркуютъ гдѣ-то... Я чувствую себя внутри барабана, а по кожѣ его бьютъ множествомъ палокъ.

Изъ двухъ линій оконъ вторыхъ и третьихъ этажей смотрятъ сквозь рѣшетки смуглыя лица, курчавыя головы туземцевъ— одинъ изъ нихъ упрямо плюетъ во дворъ, явно стараясь доплюнуть до меня, но только напрасно истощаетъ силы. Другой раздраженно и упрекающе кричитъ:

— Послушэты! Зачэмъ ходышь такымъ курицамъ? Хады галава вэрхъ!

Поютъ странную пѣсню,—вся она запутанная, точно мотокъ шерсти, которымъ долго играла кошка. Тоскливо тянется и дрожитъ, развиваясь, высокая воющая нота, уходитъ все глубже и глубже въ пыльное тусклое небо и вдругъ, взвизгнувъ, порвется, спрячется куда-то, тихонько рыча, какъ звѣрь, побѣжденный страхомъ. Потомъ снова вьется змѣею, выползая изъ-за рѣшетки на жаркую свободу.

Внимая этой пѣснѣ, отдаленно знакомой мнѣ — звуками своими она говоритъ что-то понятное сердцу, больно трогающее

его,—я хожу въ тѣни тюремнаго корпуса, поглядывая на окна и вижу: въ рамкѣ одного изъ желѣзныхъ квадратовъ вклеено чье-то печально-удивленное, голубоглазое лицо, обросшее безпечно растрепанной черной бородкой.

— Коневъ?—вслухъ соображаю я.

Онъ,—на меня уставились, прищурясь, очень памятные мнѣ глаза.

Оглядываюсь: мой надзиратель дремлетъ, сидя въ тѣни на крыльцѣ у входа въ корпусъ, двое другихъ играютъ въ шашки, четвертый, усмѣхаясь, смотритъ, какъ двое уголовныхъ качаютъ воду, приговаривая въ тактъ движенію рычага:

— Машкамъ,—Дашкамъ,—Дашкамъ,—Машкамъ...

Я подхожу ближе къ стѣнѣ.

— Коневъ, ты?

— Не могу признать,—бормочетъ онъ, втискивая голову въ рѣшетку,—а вѣрно: я—Коневъ!

— За что?

— По фальшивой монетѣ... только я совсѣмъ случайно, просто сказать вовсе не причемъ я тутъ...

Надзиратель проснулся, гремятъ ключи, точно кандалы; онъ дремотно совѣтуетъ:

— Нэ стой... далши отходи, у стѣна нэлза...

— Середи двора жарко, дядя.

— Вездѣ жарко,—справедливо говоритъ онъ, снова опуская голову, а сверху падаетъ тихій вопросъ Конева:

— Ты кто?

— Татьяну рязанскую помнишь?

— Эко,—словно обидясь тихонько воскликнулъ онъ.—Не помню! Чать мы вмѣстѣ судились...

— И она? По монетѣ?

— А какъ же? Только она тоже случаемъ попала, все равно, какъ и я...

Медленно шагаю вдоль стѣны, въ душной тѣни ея; изъ оконъ подвала тянетъ запахомъ прѣлой кожи, кислаго хлѣба, вѣетъ сыростью, мнѣ вспоминаются Татьянины слова:

— Въ большомъ горѣ и маленькая радость велика...

Новую деревню хотѣла построить на землѣ, хотѣла создать какую-то новую хорошую жизнь...

Вспоминаю ея лицо, ея довѣрчивую, жаждущую грудь, а сверху торопливо падаютъ на голову мнѣ тихія, сѣрыя какъ пепелъ слова:

— Главный-то затѣйщикъ—любовникъ ея—поповъ сынъ,

онъ въ дѣлѣ этомъ—машинистъ... На десять годовъ заторкали его...

— А ее?

— Татьяну Власьевну—на шесть и меня эдакъ же. Послѣ завтра отправляюсь я въ Сибирь... попала мышь въ подбойку! Въ Кутаисѣ судили, у насъ бы, въ Россіи, легше было... тутъ народишко дикой, злой народъ, злодѣйскій...

— Дѣти у нея были?

— При распутной-то жизни? Нѣтъ, какія тамъ дѣти... Да и поповичъ-то чахоточный, куда ему...

— Жалко ее...

— Еще бы-те!—шипитъ Коневъ оживленно.—Женщина, конечно, глупая, однако прекрасная... просто сказать—рѣдкая... Такъ до людей жалостлива...

— Ты тогда нашелъ ее?

— Это когда?

— Послѣ Успеньева дня?

— Зимой настигъ я ее, за Покровъ уже повернуло время, она около Батума у офицера старенькаго при дѣтяхъ была—жена у него сбѣжала, ну...

Точно курокъ револьвера щелкаетъ сзади меня—это надзиратель хлопнулъ крышкой большихъ серебряныхъ часовъ, спряталъ ихъ и, потягиваясь, зѣваетъ, широко распяливъ ротъ.

— Она, братъ, деньги имѣла, она могла хорошо жить, кабы не распутство ея... да и распутство-то—по жалости...

Надзиратель говоритъ:

— Кончалъ гулять, эй...

— А ты кто? Лицо я помню, а гдѣ видалъ...

Я иду въ камеру, до ярости обиженный тѣмъ, что слышалъ, и, остановясь на ступени крыльца, кричу:

— Прощай, братъ! Кланяйся ей...

— Чиго крычишь?—сердится надзиратель.

Въ корридорѣ сумрачно, густо пахнетъ парашей; надзиратель размахиваетъ ключами, и они звенятъ сухонькимъ, скупымъ звономъ. Я поддразниваю его, чтобы заглушить скорбь въ душѣ, но это не помогаетъ, а онъ, отворивъ дверь камеры, говоритъ мнѣ гнѣвно:

— Сыды дэсять лэтъ!..

Стою у окна. Черезъ сѣрые зубцы стѣны мнѣ видно буйный бѣгъ Куры, сакли и дома, прилѣпленные на берегу ея, фигуры рабочихъ на крышахъ кожевенныхъ заводовъ. Подъ окномъ ходитъ часовой, сдвинувъ фуражку на затылокъ.

Память уныло считаетъ десятки безплодно и безсмысленно погибающихъ русскихъ людей, и сердце угрюмо сжимается великой, неизбывной на всю жизнь данной тоскою.

М. Горькій.

ДВА СОДОМА.

Когда надъ стогнами Содома
Огонь небесный засверкалъ,
Бродилъ одинъ, вдали отъ дома,
Я въ тишинѣ пустынныхъ скалъ.

Ночное небо развервалось
Все искрометнѣй, всѣ страшнѣй,
И тѣнь дрожала и шаталась
Средь возрастающихъ огней.

И рдѣли скалъ нагіе склоны,
Вершинами пронзая тьму,
И гулъ, и трескъ, и вопль, и стоны
Неслись къ молчанью моему.

Но страха трепетное жало
Не обожгло души моей,
И сердце гордое шептало:
«Иди туда, иди скорѣй!»

Порока огненныя чаши
Всю жизнь я смѣло пилъ до дна,
И смерть мнѣ, всѣхъ сожженій краше,
Въ небесномъ пламени дана.

Я преклоняюсь духомъ вольнымъ,
Мой Богъ, передъ Твоимъ судомъ:
Сожги, сокрой подъ прахомъ дольнымъ
Меня и мой родной Содомъ.

. . . .

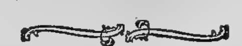
То древній сонъ земной гордыни.
Всегда онъ живъ въ душѣ моей,
Но сонъ иной мнѣ снился нынѣ,
Среди унынья темныхъ дней.

Нѣтъ древнихъ стѣнъ, нѣтъ стройныхъ башенъ,
Гдѣ проходилъ спасенный Лотъ,
И дымъ безпламенный такъ страшенъ
Надъ бѣлымъ призракомъ болотъ.

И нѣту грознаго Владыки,
И мщенья огненнаго нѣтъ,
Но въ бѣлой тьмѣ на скорбномъ Ликѣ
Еще страшнѣе тихій свѣтъ.

И тихій голосъ громче грома:
—Поникъ, блѣднѣю, трепещу, —
«Я все простилъ сынамъ Содома,
Но вамъ, познавшимъ, не прощу».

П. Соловьева.

ДѢТИ.

Посвящаю женѣ моей Раисѣ Осиповнѣ Айзманъ.

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

Жоржъ и Тараска.

1.

— А ты звиткиля?

— Что такое?

— Звиткиля ты?

Жоржъ угрюмо посмотрѣлъ на спрашивавшаго Тараску.

Чортъ знаетъ, по каковски говоритъ этотъ мальчуганъ! Прямо противно... А между тѣмъ это единственный человѣкъ, съ которымъ хоть какъ-нибудь отведешь душу... Большiе не поймутъ. У большого свое на умѣ. Свои дѣла, свои думы. Съ большимъ начни-ка,—онъ и за чубъ! А столько за день накопится горькаго раздумья, и такъ хочется обо всемъ переговорить!..

Самымъ близкимъ и нужнымъ человѣкомъ для Жоржа все же является Тараска, этотъ маленькiй и чуждый хохленокъ. Но почему же, чортъ!—онъ такъ раздражаетъ,—«звиткиля, звиткиля!

— Что это такое «звиткиля»?

Тарасъ растерялся, сконфузился. Онъ не знаетъ, какъ переводится по-русски это простое и столь родственное ему слово... Круглыми черными глазами своими смотритъ онъ на товарища, и въ глазахъ этихъ выраженiе виноватое и печальное...

— А откуда ты прiѣхалъ?—вдругъ нашелся онъ потомъ.

— Вотъ оно что!.. Такъ это и значитъ «звиткиля»? — Худое лицо Жоржа презрительно искривляется.—Хохолъ сѣлъ на колъ.

Это онъ говоритъ въ отместку и съ сердцемъ.

И, подумавъ немного, онъ прибавляетъ:

— Ни откуда я не пріѣхалъ... Я здѣшній, петербургскій... Я тутъ родился.

Оба мальчика служатъ въ большой гостинницѣ «Бель-Вю», и теперь, въ ночь подъ Рождество, сидятъ въ своей каморкѣ и тоскуютъ.

Жоржъ—парнишка хилый, заморенный, бѣлобрысый, съ мягкими и жидкими гладкими волосенками, которые, точно пластыремъ, облѣпляютъ его неправильнаго строенія продолговатый черепъ. Черты лица у мальчика тонкія, красивыя, почти одухотворенныя, носящія ясный отпечатокъ какого-то особеннаго породистаго изящества... Фигурку же имѣетъ онъ невзрачную, непропорціально сложенную, немножко кривую, опредѣленно говорящую о плохой наслѣдственности, о предкахъ, хорошо знавшихъ и сивуху, и голодуху, и холодную сырость подвала...

Жоржъ служилъ «телефоннымъ мальчикомъ». Но три мѣсяца назадъ на эту должность приняли новенькаго, хохленка Тараса, котораго привезъ изъ деревни дядя его, буфетчикъ Никифоръ, а Жоржа повысили въ рангѣ и сдѣлали однимъ изъ помощниковъ швейцара.

Теперь обязанность мальчика состояла въ слѣдующемъ: онъ сидитъ въ вестибюлѣ, у парадной, стеклянной, широкой, какъ ворота, тяжелой двери и когда увидитъ, что кто-нибудь направляется къ выходу, или же, наоборотъ, съ тротуара идетъ въ гостинницу,—онъ нажимаетъ на полу мѣдную педаль. Отъ этого дверь покорно и мягко распахивается. Входящему нѣтъ надобности утруждать себя, не нужно вынимать руку изъ кармана, не нужно браться за дверную ручку... «Пожалуйте»,—какъ бы говоритъ открывающаяся дверь... Другой нажимъ на педаль,—и дверь также мягко и безшумно закрывается. Вотъ и вся работа!

Нетрудно и несложно.

Но сидѣть у двери надо съ восьми утра до десяти вечера, и каждый разъ, когда дверь распахивается, съ улицы на мальчика, прямо въ лицо ему, ударяетъ широкая волна морознаго воздуха, или тяжелый потокъ сырой петербургской гнили... А сбоку, между тѣмъ, и сзади, изъ большого малахитоваго камина, который топился день и ночь, пышетъ на Жоржа сухой жаръ...

За недолгое время службы около дверей у мальчика уже два раза что-то дѣлалось въ горлѣ: точно набивали въ глотку гвоздиковъ, и становилось больно глотать. Скоро однако все это проходило, и Жоржъ оправлялся. Теперь, съ полудня, опять

словно что-то вонзилось въ гортань мальчика, что-то колющее и горячее... Кромѣ того, Жоржу было какъ-то по необыкновенному и непріятно тепло, и минутами передъ глазами мальчика вставалъ вдругъ желтоватый туманъ. Тараска тогда казался страннымъ, чрезмѣрно большимъ, почти страшнымъ.

И еще одну вещь Жоржъ находилъ очень странной: праздничный трезвонъ, который доносился въ каморку, шелъ какъ будто не извнѣ, не съ улицы, не отъ церкви Алексѣя Митрополита, которая днемъ такъ отчетливо видна изъ окошка, а раздавался гдѣ-то внутри самого Жоржа, въ груди или въ головѣ,— понять было трудно...

II.

— Въ деревнѣ у насъ теперь... Ахъ Боже жъ мой, Боже жъ мой!—воскликнулъ Тараска.

Жоржъ враждебно фыркнулъ.

— Что жъ у васъ въ деревнѣ?.. Добро какое!.. Гадость въ деревнѣ, и больше ничего.

— Колядки,—умиленно говоритъ Тарасъ.

И черные большіе глаза его свѣтятся тоской и воодушевленіемъ.

— Снѣгъ такой бѣлый, бѣлый, ажъ синій!.. А хлопчики ходятъ по дворамъ, подъ окнами поютъ,—и около Олесиной хаты... А кто имъ колбасы шматокъ, а кто чего другого...

И, склонившись впередъ, къ товарищу поближе, мальчикъ таинственно и съ гордостью добавляетъ:

— А я, Жоржъ, у церкви на клиросѣ пѣлъ.

Жоржъ сумрачно и какъ-то сбоку смотритъ на эту черную голову... «Въ церкви пѣлъ... Мужикъ... Хохолъ свинячій»...

Голова у Жоржа болитъ. Почему-то все хочется глотать слюну, а когда глотаешь ее, въ горлѣ печетъ и колетъ... Ноетъ спина, и такъ сильно, что трудно сидѣть... Кромѣ того, петербуржецъ Жоржъ не знаетъ, что это такое «колядки». Одинокій, безпризорный, съ дѣтства всѣми брошенный, онъ никогда не бываетъ въ церкви и ни разу не пѣлъ на клиросѣ! Да онъ и вообще не поетъ... Не до пѣнія!..

И мальчика разбираетъ зависть къ счастливому товарищу... Душитъ злость, и онъ думаетъ, что надо бы какъ-нибудь сдѣлать больно этому дурацкому мужику, надо обидѣть его.

— Пѣвецъ какой!—говоритъ Жоржъ.—У тебя голосъ, какъ у собаки на заду волосъ.

Но Тараска не обижается. Не такъ онъ теперь настроенъ, чтобы могла къ нему пристать обида. Полный дорогихъ и милыхъ воспоминаній, онъ свѣтло, ласково смотритъ на оскорбителя и оживленно продолжаетъ.

— А лѣтомъ... знаешь, лѣтомъ, якъ пойдешь у степъ, якъ у степъ пойдешь... охъ, Жоржичка, если бы ты зналъ!.. Цвѣтовъ тамъ!.. Кульбабы, та такія золотенькія, золотенькія!.. А коло хаты у Олеси все ромашка, ромашка та пивеньки. Синіе... Вотъ ужъ синіе!.. А скачковъ у степу!.. А въ садочку у дяди Нечипора шелковица, та така солóдка, солóдка!..

— «Селедка, селедка»,—передразниваетъ Жоржъ, презрительно искривляя губы.—А можетъ быть не селедка, а вовсе флотскій борщъ.

— Та ей Богу же!—радостно сверкая глазами, сильнѣе разгорается Тарасъ.—А на баштанѣ, Жоржинька, огурцы, кавуны, дыни... А кабаки яки!.. Вотъ бы ты побачивъ!.. Таки здоровенные, таки здоровенные, въ высшей степени, ось якъ оця ванна...

Тарасъ мальчикъ способный и понятливый, онъ уловилъ не мало столичныхъ словъ, очень умныхъ и необыкновенныхъ. Ему уже ничего не стоитъ употреблять такія выраженія, какъ вотъ это «въ высшей степени», или «безусловно», или «невѣроятно вполнѣ».. По части краснорѣчія, онъ, должно быть, скоро перещеголяетъ петербуржца Жоржа.

Съ утра до одиннадцати ночи стоитъ Тарасъ у телефонной будки, звонитъ, вызываетъ, передаетъ то, что поручили сказать жильцы, а когда зовутъ къ телефону жильцовъ, несется стремглавъ по корридору и по лѣстницамъ, чтобы позвать, кого надо, или чтобы передать, что было сказано... Телефонъ одинъ, на два этажа, на восемьдесятъ номеровъ, звонятъ поминутно, и работы у Тараса пропасть. Онъ вызываетъ, отвѣчаетъ, на аспидной доскѣ записываетъ номеръ телефона и адресъ вызывающихъ или то, что нужно будетъ потомъ передать отсутствующему сейчасъ жильцу... Пока добѣжитъ онъ просить вызваннаго къ телефону, въ будкѣ звонятъ снова, и если не получаютъ сразу отвѣта, сердятся, нетерпѣливо и раздраженно ругаются, говорятъ грубости, грозятъ жаловаться... Тараска, поэтому, мчится всегда изо всѣхъ ногъ вверхъ по лѣстницѣ и внизъ по лѣстницѣ, и каждый день часамъ къ четыремъ чувствуетъ себя усталымъ, разбитымъ. Ноги подкашиваются и ноютъ, и уже трудно дышать. Когда взбѣгаетъ онъ наверхъ, онъ задыхается, сопитъ, и что-то у него въ груди рѣжетъ. Но бѣжать

по лѣстницѣ все-таки надо; бѣжать надо, какъ можно проворнѣе, потому что въ будкѣ уже опять дребежжитъ звонокъ, и надо туда поспѣть, надо дать отвѣтъ, надо показать пріѣзжему провинціалу, какъ дѣйствовать телефономъ, надо записать какое-нибудь сто первое порученіе на аспидной доскѣ...

Телефонная будка помѣщается въ серединѣ длиннѣйшаго узкаго корридора, темноватаго, похожаго на большой жолобъ, или на крытую канаву. Въ часы, когда телефонной публики приходитъ меньше, Тараска сидитъ на подоконникѣ и изучаетъ книжку съ телефонными абонентами. Скучное занятіе!.. Онъ смотритъ въ окно. Окно выходитъ во дворъ, къ какимъ-то желтымъ стѣнамъ, къ дровянымъ сараямъ... А если смотрѣть въ корридоръ, то направо корридоръ идетъ очень далеко, и налѣво далеко, и видны вездѣ бѣлыя двери, одинаковыя, плоскія, скучныя... Въ корридорѣ стоитъ полумракъ, тоскливый, давящій. Когда зажгутъ электричество, мракъ не разсѣивается, а только дѣлается какимъ-то желтсватымъ и, можетъ быть, еще болѣе скучнымъ и унылымъ... Противно здѣсь, жутко... А дома, между тѣмъ, въ родной деревнѣ, подъ Херсономъ... Ахъ, въ этой родной деревнѣ!..

Такъ тревожно и грустно дѣлается Тарасу, что слезы подступаютъ къ глазамъ... Онъ отворачивается къ стѣнѣ, глянцевитой, выкрашенной въ мертвый блѣдно-зеленый цвѣтъ, и рукавами форменной синей куртки съ золотыми пуговками, которую надѣли на него, когда поступилъ онъ на службу въ Бель-Вю, поспѣшно вытираетъ себѣ глаза... Видно, какъ вздрагиваетъ на затылкѣ воротникъ съ широкимъ двойнымъ галуномъ... «Мамо,— шепчетъ мальчикъ,—мамо...»

И стоитъ передъ нимъ выкрашенная въ мертвый, блѣдно-зеленый цвѣтъ глянцевитая стѣна...

Спитъ Тараска въ косомъ трехугольномъ чуланчикѣ, который отдѣляется отъ мужской уборной тонкимъ простѣнкомъ. Для Жоржа, старшаго по службѣ, имѣется здѣсь кровать. Тараска же спитъ на длинномъ сундукѣ, въ которомъ хранится грязное гостинничное бѣлье. Въ углу стоятъ два поломанные умывальника и старая ванна. Здѣсь же сброшены въ кучу рваные тюфяки, съ вывалившимися внутренностями и желтѣютъ удушливо пахнущіе ведерки съ мастикой, которыя приноситъ сюда полотеръ. Освѣщается чуланчикъ электричествомъ.

Каждую ночь, къ одиннадцати часамъ, оба мальчика, покончивъ свой трудовой день, приходятъ сюда спать. Надо бы поговорить, надо бы подѣлиться впечатлѣніями, можетъ быть,

другъ другу на многое пожаловаться и вмѣстѣ всплакнуть. Но одолѣваетъ усталость. Ноги не держатъ, дѣти сваливаются на свои постели и засыпаютъ сномъ тяжелымъ, неспокойнымъ, нездоровымъ.

Сегодня, по случаю праздника, мальчиковъ освободили раньше обычнаго. Тараскинъ дядя, буфетчикъ Никифоръ, обѣщалъ даже свести племянника ко всенощной. А Тараска уже сговорился съ Жоржемъ, что возьметъ и его. Но случилось какъ-то такъ, что дядя Никифоръ напился пьянъ раньше, чѣмъ предполагалъ,—еще до вечера,—и теперь онъ храпѣлъ, какъ недорѣзанный боровъ, въ сѣняхъ подлѣ кухни... Узнавъ про это, Тараска вздохнулъ и горестно поникъ. А Жоржъ пришелъ въ злобное настроеніе, и, сжавъ кулаки, сказалъ по адресу пьянаго:

— Сволочь. Примадонна американская.

И тогда Тарасъ, которому очень нравились умныя столичныя слова,—чтобы ихъ не потерять,—тутъ же тихонько повторилъ:

— Примадонна. Примадонна американская.

III.

Что наступаетъ праздникъ, чувствовалось въ теченіе всѣхъ послѣднихъ дней. Приходилъ крысоморъ съ шипящимъ аппаратомъ выкуривать мышей. Производилась чистка въ корридорахъ. Съ лѣстницы, съ краснаго ковра, убрали прочь загрязнившуюся полотняную съ отпечаткомъ подошвъ дорожку и разостлали другую, чистенькую. Вторая горничная Аксюта поспѣшно терла суконкой и желтой мазью мѣдныя дверныя ручки. Особое напряженіе, пріятное и торжественное замѣчалось всюду. Въ телефонной будкѣ разговоры велись не дѣловые, какъ всегда, а совсѣмъ особые, предпраздничные, — о балахъ, о церковной службѣ, о новыхъ платьяхъ или подаркахъ. Условливались вмѣстѣ ѣхать въ гости, разспрашивали, какъ достать билетъ въ театръ и обсуждали, не будетъ ли хорошо, если воспользоваться праздникомъ и съѣздить для отдыха въ Финляндію...

Внизу, открывая и закрывая парадную, Жоржъ видѣлъ, какъ то и дѣло входили люди съ разными покупками, и какъ товарищи его по службѣ, помощники швейцара, выбѣгали на улицу, къ извозчикамъ, забирать съ саней пакеты и картонки... Всѣ стали хлопотливѣе, озабоченнѣе, дѣловитѣе, — и какъ-то

добрѣе... Добрѣе сдѣлались люди особенно сегодня, къ вечеру. Новое настроеніе овладѣвало всѣми, миролюбивое, ласковое, мягкое... Спокойнѣе и кротче становились и голоса, и слова, и лица...

И даже здѣсь, въ грустномъ косомъ чуланчикѣ, гдѣ сидѣли теперь и бесѣдовали одинокія дѣти, чувствовалась сегодня атмосфера необычная: не произведена была уборка, даже не подметали; вещи не мѣнялись и не переставлялись. А все же какъ будто больше было порядка, какъ будто свѣтлѣе стало вокругъ и чище, и смотрѣли эти старыя, поломанныя, изувѣченныя вещи дружелюбнѣе и веселѣе... Одинъ только Жоржъ былъ мраченъ и сердитъ, а ласковость и милая уступчивость Тараса раздражали его, какъ и эта острая боль въ горлѣ, какъ и то, что затруднено было его дыханіе... И горѣвшіе лихорадкой глаза мальчика наливались минутами выраженіемъ тяжелой ненависти...

— Кабаки, какъ ванна, — возобновилъ прервавшійся разговоръ Жоржъ.—Ты это все врешь...

Ему больно отъ рѣчей Тараски, его мучитъ зависть и ревность... И въ то же время такъ хочется слушать эти рѣчи: душа жадна узнать что-нибудь новое, другое, не то, что видишь здѣсь каждый день, въ этомъ большомъ каменномъ городѣ, въ скучномъ и тѣсномъ корридорѣ гостинницы, или черезъ стекла парадной двери, за которой - тротуаръ, кусокъ грязной мостовой, другой тротуаръ и сѣрый, грузный, шестиэтажный домъ, злобно жмурящійся въ черноватой и душной мглѣ... — «Кабаки какъ ванна!..»

— Я, положимъ, и самъ видалъ въ зеленной лавкѣ большіе кабаки. Только, во-первыхъ это вовсе не кабаки называется, оселъ ты хохлацкій, а это тыквы.

— А василечки у насъ какіе, а баклажаны, а яка черешня!—захлебываясь отъ радости, говоритъ Тарасъ.—А соняшники!.. Знаешь: куда солнце идетъ, туда и соняшникъ лычко повертаетъ... Утромъ вонъ туда лычко, а якъ до вечерни звонять, то уже оно на другой бокъ схилится, гдѣ солнышко спать ляжеть, гдѣ Олесина хата...

— Ишь ты... Чего жъ это они такъ?..

Во рту у Жоржа сухо, губы слипаются. Руки такія тяжелыя, что трудно ими шевелить. И стоитъ, тихо колеблясь, желтоватый туманъ въ глазахъ.

То, что разсказываетъ Тарасъ, съ трудомъ входитъ въ сознаніе Жоржа. Но слушать почему-то очень хочется... А разсказываетъ Тарасъ вещи удивительныя: солнце, солнце тамъ,

въ Червонной-Криницѣ, яркое, чудесное, такое горячее, что «ажъ слизае шкура». И пчелки тамъ на пасѣкѣ, и мухи такія большущія, и червяки... А раки!.. Около церкви ставокъ есть, а въ томъ ставку раковъ, раковъ,—мати Божья!.. А дѣдъ Охримъ, такой вотъ онъ человѣкъ: даже когда раковъ совсѣмъ нѣту и никому не удается наловить и пятка, дѣдъ Охримъ чуть только въ ставокъ войдетъ, и сейчасъ сколько угодно раковъ и наберетъ. Травку такую знаетъ!.. Пожуетъ травку, три раза на воду плюнетъ, а потомъ слова скажетъ,—слова же эти никому на свѣтѣ, кромѣ дѣда Охрима, неизвѣстны,—и тогда раки такъ сами къ нему и ползутъ. Ползутъ и ползутъ. Возьметъ дѣдъ Охримъ раковъ сколько ему надо,—три копы, пять копъ, десять, а потомъ—по дачамъ, и по два злота за копу...

И такъ странно звучатъ въ косомъ и тѣсномъ чуланчикѣ, заваленномъ ломанной и дурно пахнущей рухлядью, эти взволнованные разсказы про солнечную сторону, про населяющихъ ее людей и звѣрей, про золотые душистые цвѣты, которыми она убрана. Такъ радостно сверкаютъ возбужденные, широко раскрытые глаза маленькаго, черноглазаго разсказчика!.

Жоржъ смотритъ на него хмуро, съ завистью... И сильнѣе дѣлается у него желаніе осадить Тараску, срѣзать его...

— А соловейко!..—воскликнулъ Тарасъ:—Якъ весна придетъ, то чего онъ только не робыть, той соловейко!.. На тополѣ онъ, около Олесиной хаты...

Тутъ ужъ Жоржъ не можетъ больше выдержать.

— А Зимній Дворецъ у васъ есть?—вдругъ выпаливаетъ онъ.

Тарасъ умолкаетъ. И на лицѣ его появляется выраженіе недоумѣнія. Жоржъ это замѣчаетъ.

— А Аничковскій дворецъ у васъ есть?—вызывающе говоритъ онъ.

Тарасъ молчитъ. Жоржъ съ трудомъ проглатываетъ слюну, и, чувствуя отъ этого острую боль въ глоткѣ, продолжаетъ.

— Въ Петербургѣ у насъ есть и Маріинскій дворецъ, и Таврическій, и Мраморный... Ты видалъ?

Что можетъ отвѣтить Тарасъ?

Въ Петербургѣ онъ видѣлъ кухню дяди Ничипора, который привезъ его сюда изъ деревни, да длинный корридоръ, выкрашенный мертвой, блѣдно-зеленой масляной краской... Тарасъ молчитъ. А Жоржъ, чувствуя побѣду, раскачивается еще больше.

— У насъ есть Мраморный дворецъ, и Серебряный, и Брилліантовый... Ты ничего не видалъ?

Смущенный и сбитый съ позиціи, Тарасъ шепчетъ:

— Нѣтъ. Я не бачивъ.

— «Не бачивъ»... Болванъ!.. А на Невскомъ кони,— посмотрѣлъ бы, какіе кони!

— А какіе?

— Дуракъ,—«какіе»... Желѣзные!

Тарасъ падаетъ духомъ окончательно.

Въ Червонной Криницѣ есть много разной худобы. Кони есть пѣгіе, вороные, гнѣдые; и малорослые, и очень крупные. Лошаки есть, мерины, жеребцы, кобылы. У псаломщика Кондратія есть Подпанокъ, старый больной меринъ, который отъ дряхлости уже не можетъ ни ходить, ни стоять, и изъ-за него надъ Кондратіемъ много смѣются и издѣваются. Лавочникъ Никита Непорожній, какъ только завидитъ Кондратія, такъ сейчасъ на всю деревню и заоретъ, что купитъ для него въ городѣ дѣтскую повозочку, и Кондратій будетъ въ повозочкѣ катать Подпанка... Разные, значитъ, бываютъ кони. Но вотъ, чтобы желѣзные?..

— Не. Того не буває, чтобъ изъ зализа.

— Не бываетъ?.. Ахъ ты хохолъ... Въ морду тебѣ... А пойди-ка на Аничковскій мостъ: самые желѣзные! Ноги задравши и фыркаютъ такъ, что ого... «Не бываетъ»...

Тарасъ не возражаетъ.

Но по его лицу Жоржъ видитъ, что хохолъ не вѣритъ.

— Болванъ, а автомобиль?—говоритъ онъ тогда.—Въ деревнѣ у васъ небось и автомобилей нѣтъ, все лошади везутъ. Тащутъ, тащутъ, э, э...—Жоржъ кладетъ обѣ руки на свое правое плечо, изгибаетъ дугой хребетъ, пыжится, надувается, кряхтитъ, дѣлаетъ видъ, будто съ великимъ усиліемъ тащитъ на спинѣ страшно тяжелый грузъ.—Э, э, тащутъ, дураки. У самихъ уже силъ нѣтъ, а тащутъ. Не могутъ, чтобы автомобиль... Все лошади, клячи, холеры бендерскія. А въ Петербургѣ у насъ взяли да сейчасъ себѣ автомобили сдѣлали...

— Автомобиль, такъ то жъ машина,—говоритъ Тарасъ:— зализна же машина.

— Ну да машина!.. А желѣзные кони тоже съ машиной. Въ середкѣ въ нихъ машина. А ноги задравши, фу-фу!..

— То такъ и бѣгаютъ?

— Такъ и бѣгаютъ.

— Куда бѣгаютъ?

— А куда надо... Въ Красное Село, въ Царское Село, въ Государское Село... Въ Ораніенбаумъ. Въ городъ Парижъ.

IV.

Мальчики умолкаютъ.

Тараска подавленъ величіемъ и пораженъ изобрѣтательностью хитрыхъ петербургскихъ людей. А Жоржъ измученъ усиліями, которыя дѣлалъ, чтобы подавить Тараску.

Оба молчатъ.

Теперь у Жоржа губы запеклись, нѣмѣетъ все тѣло. Гуще сталъ передъ глазами мальчика желтый туманъ. Странные образы, спутанные и жуткіе, беззвучно колышатся въ этомъ туманѣ... Тараска смотритъ на побѣдившаго его товарища, потомъ на потолокъ, гдѣ слабо свѣтитъ маленькая электрическая лампочка... И неспокойная, тоскующая мысль его снова начинаетъ бродитъ въ солнечной дали, по роднымъ и милымъ краямъ. Желѣзные кони нисколько не интересуютъ его. На что они? Тамъ, въ Червонной Криницѣ, есть кое-что получше. Тамъ пойдешь въ степь, сорвешь кульбабабу, стебелечекъ на четыре хвостика расщеплешь, всунешь въ ротъ и начнешь приговаривать:

Кульба-баба,
Кульба-діл,
Слухай суди трошки,
Зроби собі рожки,

и потомъ посмотри,—уже стебелечекъ завился, завертѣлся, крученный сталъ, какъ у барашка рога. Вотъ оно что!..

А то пойдешь на пасѣку къ дѣду Охриму, попросишь у него въ горшечекъ меду, тотъ меду дастъ, а когда придетъ Олеся, отдашь ей весь медъ... И медъ отдашь, и горшочекъ отдашь... Олеся, она такая, что ей все можно отдать. Отдашь, и нисколько не жалко. Глаза у Олеси синіе, а брови черныя-черныя, какъ ночью въ ставкѣ вода. Красивѣе всѣхъ Олеся... А какъ она смѣется!.. А какъ она плакала, когда Тарасъ уѣзжалъ въ Петербургъ...

Когда Тарасъ окончательно выйдетъ въ люди и сдѣлается въ «Бель-Вю» старшимъ швейцаромъ, онъ на Олесѣ женится... Вотъ!..

Да. И когда видѣлъ человѣкъ такіе чудеса, то что для него желѣзные кони, которые бѣгаютъ по Петербургу!..

Доносившійся въ чуланчикъ колокольный звонъ настраивалъ душу Тараса на торжественный ладъ. Лицо Тараса было сосредоточено, черные глаза напряженно смотрѣли вдаль... Ему и грустно было, и хорошо, и, можетъ быть, хотѣлось плакать... А Жоржъ сидѣлъ противъ него на кровати, привалившись спиной къ зеленоватой стѣнкѣ, и вѣки у него были тяжелыя, лицо какое-то синеватое... Теперь ему уже не жарко. Теперь стынутъ ноги, спина отъ холода поминутно вздрагиваетъ. Непонятно разростается Тарасъ, и по прежнему никакъ не отличить: точно ли это гдѣ-то на улицѣ гудятъ колокола, или раскачиваются они и звонятъ въ самой головѣ Жоржа...

То, что вотъ осадилъ Жоржъ дурака-хохла и утеръ ему носъ этими желѣзными конями съ Аничковскаго моста, то очень хорошо. Великолѣпно даже! Пусть чертова деревня не лѣзетъ со своими тамъ раками и съ Олесей... Осадить сопляка надо было... Но настоящаго удовольствія Жоржъ отъ этого все-таки не испытываетъ. И не то мѣшаетъ ему, что онъ знаетъ, что солгалъ, и желѣзные кони съ Аничковскаго моста бѣгать не умѣютъ. А хоть бы и бѣгали!.. Мѣшаетъ ему то, что до коней этихъ Жоржу нѣтъ никакого дѣла. Они—не его, и онъ—не ихъ. Онъ коней этихъ не любитъ, а кони не любятъ его. И говоритъ онъ о коняхъ безъ ласки, безъ нѣжности, безъ воодушевленія... Тараска же—вотъ скотина!—какъ онъ про василечки, да про пчелокъ, да про то, что отъ ихняго солнца въ Червонной Криницѣ шкура слѣзаетъ...

Жоржъ чувствуетъ, что ни о чемъ и никогда не можетъ онъ говорить съ воодушевленіемъ, и не о чемъ ему вспоминать съ нѣжностью... Даже въ этотъ особенный вечеръ, въ праздничный, когда и отъ работы его освободили рано, когда и старшій швейцаръ, усатый, сухой и такой суровый старикъ, говорилъ съ нимъ ласково и дружелюбно, даже и въ этотъ вечеръ онъ чувствуетъ себя одинокимъ, ненужнымъ, ни для кого не интереснымъ и сердитымъ... И знаетъ онъ, что ничего интереснаго и дорогого нѣтъ на свѣтѣ и для него...

Мать?

Гдѣ она?

Ни слуху объ ней, ни духу, четвертый годъ.

Отца онъ не зналъ никогда, и не знаетъ даже, кто именно былъ его отецъ.

Дразнятъ Жоржа часто, говорятъ ему, что онъ незаконнорожденный. Мать служила горничной въ гостинницѣ—чуть ли не въ этомъ же самомъ «Бель-Вю», и отъ какого-то пріѣзжаго

барина она забеременѣла... Говорятъ, очень важный былъ баринъ, изъ нѣмцевъ, или шведъ, баронъ, что-ли... Оттого и имя ребенку дали такое необычное—Жоржъ. Аристократическое и иностранное...

Мать не любила своего мальчика. Послѣ того, какъ онъ взятъ былъ изъ воспитательнаго, онъ валялся по разнымъ трущобамъ, мать не хотѣла платить за него, нѣсколько разъ его покидала, а сама скрывалась; но люди, у которыхъ она ребенка оставляла, ее разыскивали и насильно заставляли ее забирать дитя...

Въ послѣдній разъ Жоржъ видѣлъ свою мать три года назадъ, незадолго до Рождества. Это было въ десятомъ часу ночи, посреди улицы. Она хотѣла отъ него скрыться, хитростью и тайкомъ, и послала въ лавочку купить спичекъ. Уже пріоткрывъ дверь лавочки, онъ случайно обернулся и увидѣлъ, что мать поспѣшно уходитъ, направляется къ углу... Онъ сбѣжалъ тогда со ступенекъ и бросился за матерью. Догналъ ее, а она, разозлившись, что не удался ея планъ, стала его драть за волосы и бить въ лицо и въ грудь. Онъ плакалъ, цѣловалъ ея руки, кричалъ: «мамочка, мамусенька, любая моя мамочка»... И чѣмъ громче и горше онъ рыдалъ, и чѣмъ нѣжнѣе звалъ ее, тѣмъ свирѣпѣе становилась она... Сбѣжался народъ, стали женщину стыдить, упрекать, ругать. Кто-то и замахнулся на нее... Она злобно огрызалась, кричала, показывала кукиши, ругалась неприличными словами. Можетъ быть, она была нетрезва...

Она пыталась вырваться, уйти. Мальчикъ съ отчаяннымъ плачемъ бѣжалъ за матерью, цѣплялся за ея юбку, за руки, покрывалъ руки и юбку поцѣлуями и умолялъ не бросать его... Толпа, все выростая, шла за ними, и уже появился городовой и сталъ свистать въ свистокъ...

Жоржъ вспоминалъ теперь эту слякотную осеннюю ночь, эту кривую, плохо освѣщенную улицу съ большими лужами, по которымъ бѣжалъ онъ за вырывавшейся и быстро уходившей отъ него матерью. Какъ страстно звалъ онъ мать! Какъ горячо и трепетно цѣловалъ мокрую оборку ея юбки!.. Отчего онъ такъ любитъ ее, отчего?

Вотъ и теперь, когда вспоминаетъ про все это, онъ тихо бормочетъ: «подлая... проклятая... чтобы ее черти взяли»,—но какъ горько ноетъ его сердце, какъ тяжко душатъ слезы, и чего бы, чего бы не отдалъ онъ за то, чтобы раскрылась вдругъ дверь, и чтобы вошла сюда мать, положила бы свою руку на его горящую голову и тихо позвала бы его—«Жоржъ»!..

Ахъ, не открывалась дверь. Она не открывалась, и никого кромѣ черноголоваго Тараса не было въ косой, трехугольной каморкѣ... Скудный свѣтъ лился сверху, отъ маленькой электрической лампочки. Безформеннымъ пятномъ тускнѣли въ углу поломанные умывальники, и гулко раздавался медлительный и густой звонъ...

— Праздникъ,—думалъ Жоржъ.—Колокола... Какой праздникъ?.. Ахъ, да, Рождество...

Онъ напряженно припоминалъ, вызывалъ въ памяти то немногое, отрывистое, неточное и засоренное, что слыхалъ объ этомъ праздникѣ... Родился младенецъ... Въ ясляхъ, въ хлѣву родился святой младенецъ... Искупитель и заступникъ... Защитникъ слабыхъ, несчастныхъ и обремененныхъ. Миръ принесъ и радость... Радость?.. Хорошо. А гдѣ же радость для него, для Жоржа?.. И миръ гдѣ?.. И утѣшеніе?.. И гдѣ его мать?.. Вотъ, не открывается вѣдь дверь. И никто не приходитъ, и никто не зоветъ. И только гудятъ неумолчно колокола, а гдѣ гудятъ, на улицѣ ли, въ горящей ли головѣ,—этого никакъ не понять...

V.

— А якъ придетъ лѣто, я поѣду до дому,—сказалъ Тараска.

Жоржъ поднялъ голову, открылъ глаза, уставился на товарища, и не понимая, хмурясь, поморщилъ лобъ.

— Чего?

— До дому поѣду.

— Врешь, не поѣдешь.

— Поѣду!—увѣренно отвѣтилъ Тарасъ:—Мама сами казалы.

«Мама»... у него есть и мама!

Не только дѣдъ Охримъ, и раки въ ставкѣ, и солнце, и пасѣка, и Олеся, и большія тыквы,—есть еще и мама...

И эта мама не гонитъ его, не старается убѣжать отъ него и скрыться въ ночной тьмѣ. Она его зоветъ, и она его ждетъ...

— Ты врешь, тебя мама не любитъ!—говоритъ Жоржъ.— Кабы тебя мама любила, она не послала бы тебя въ Петербургъ.

— Та воны жъ таки и не хотѣли!—радостно, съ видомъ побѣдителя, подхватываетъ Тараска.—Воны таки и не пускали, да вотчимъ кричалъ... У меня батька нѣту, у меня отчимъ, то отчимъ кричалъ та кричалъ...

— А ты бы самъ на него закричалъ.

— Якъ пріѣхалы въ Червонну Криницу дядя Ничипоръ, и кажуть: «пошлить хлопчика зо мной въ Петербургъ, я съ него

безусловно человѣка зроблю». А вотчимъ и каже: «нехай ѣдегъ». Тутъ, каже, и безъ него девять душъ, ѣдятъ да ѣдягъ, всѣ девять ѣдатъ, то пускай таки Тарасъ ѣдетъ»... А мать якъ начнуть плакать, якъ начне!..

— Вотъ и врешь. Вовсе и не «начнуть»...

— Боже жъ мой, якъ воны, бѣдныя, плакалы!..

Голосъ у Тараса дрожитъ отъ жалости и состраданія, и на черныхъ глазахъ его сверкаетъ слеза.

— А я... тѣмъ часомъ... я и самъ... я тоже... А Олеся... Олеся до меня, по пидъ млынъ прибѣжала... Олесенька... прощаться зо мной...

Мальчикъ сквозь сдержанныя рыданія и съ улыбкой гордости и счастья вспоминаетъ подробности своего отъѣзда, своего разставанія съ милой деревней, и вотъ-вотъ не выдержитъ онъ и разревется во весь голосъ...

Жоржъ слушаетъ.

Слушать—и въ особенности понимать—ему все труднѣе и труднѣе. Въ горящей головѣ путаются слова Тараса, путаются разные образы, и только одно сознаетъ Жоржъ ясно: Тараску мать ждетъ... А свою собственную мать Жоржъ видитъ теперь свѣтлой и бѣлой, съ серебряной короной на головѣ... Лицомъ же она точь въ точь, какъ та молодая графиня, которая живетъ теперь въ «Бель-Вю», въ первомъ этажѣ, въ двадцать четвертомъ номерѣ, и которая часто возвращается домой въ сопровожденіи браваго гвардейца въ бобровой шинели... Вчера, когда уже болѣла у Жоржа голова и уже колыхались легкіе клубы мглы передъ глазами, онъ открылъ парадную дверь графинѣ и спросилъ себя: — «а можетъ быть это моя мама»?.. Теперь же вотъ оказывается, что такъ именно оно и есть: графиня—его мама.

Какимъ образомъ это могло случиться, Жоржъ не знаетъ. Пожалуй, онъ готовъ сознаться, что тутъ дѣйствительно есть что-то странное. Странное такъ странное. Пусть! Можетъ быть, это отъ его болѣзни... А все-таки оно такъ: графиня — его мама... И кромѣ того: съ тѣхъ поръ, какъ графиня сдѣлалась его мамой, она стала еще болѣе прекрасной и очаровательной, чѣмъ была до сихъ поръ. Теперь графиня вся лучистая, и она носится въ облакахъ, какъ та удивительная женская фигура, которая бисеромъ вышита на голубомъ экранѣ и выставлена въ витринѣ новаго синематографа на Невскомъ...

Здѣсь, въ косомъ чуланчикѣ, матери Жоржа нѣтъ. Мать носится далеко, въ солнечной землѣ, въ деревнѣ, о которой раз-

сказываетъ Тараска. Но Жоржъ тѣмъ не менѣе отчетливо видитъ ея лицо,—доброе, кроткое, нѣжное лицо, дорогіе, милые, зовущіе глаза... Ну что жъ, зовутъ, надо идти!

— Сейчасъ и пойду,—отчетливо говоритъ Жоржъ.

— А то жъ якъ?... Вотъ только черезъ Пасху тутъ побуду, а тамъ Тройца, и жнива,—я на жнива до дому.

— Ты дуракъ и оттого будешь ждать Тройцы.

Жоржъ глотаетъ слюну и рукой отводитъ прилипшіе къ мокрому лбу мокрые бѣлокурые волосы.

— Жди себѣ сколько хочешь, а я ждать не стану. Ѣду!

— Куда ѣдешь?

— Экранъ голубой, и корона серебряная.

— Якъ?

— Графиня зоветъ... Знаешь, у ней такіе глаза... Это моя мама.

Тарасъ испуганно смотритъ на товарища. Тотъ дышитъ тяжело, взглядъ его блуждаетъ, лицо мокрое... Тараска догадывается.

— Ты нездужаешь?—испуганно въ тоскѣ спрашиваетъ онъ.

— Я, братъ, не жду. Я сейчасъ ѣду.

— Жоржичка, тебѣ не полегчало?.. Тебѣ хуже зробылось?..

Жоржъ молчитъ. Тарасъ въ тревогѣ приподнялся и чего-то ждетъ... Вотъ, если бы былъ здѣсь дѣдъ Охримъ! У дѣда Охрима травка есть. И онъ знаетъ слова. Всякую хворобу можетъ вылѣчить. Чуть кто нездужаетъ, Охримъ все вылѣчитъ: и завалки, и лихорадку, и отъ запоя, и если течь изъ уха. Вотъ только когда чиряки на душѣ, тутъ ужъ и Охримъ не знаетъ, что дѣлать. Но вѣдь у Жоржа чиряковъ нѣту... Ахъ, если бы дѣда Охрима сюда!..

— Жоржъ!—зоветъ Тарасъ.—Жоржичка, Жоржъ...

И въ этомъ тревожномъ призывѣ, въ серебряной нѣжности и ласкѣ дѣтскаго голоса, чудится Жоржу осуществленіе его давнишнихъ, сладостныхъ грезъ. Вотъ оно, пришло время!.. Уже не бьетъ мать Жоржа по головѣ, не проклинаетъ его, не прячется отъ него въ ночной темнотѣ!... Вотъ зоветъ она, полная любви и нѣжности. Теперь это не просто мать его,—свѣтлая женщина, съ тихой улыбкой и лучистой короной на головѣ,—это воплощеніе всего того радостнаго, кроткаго, добраго, къ чему всегда такъ трепетно стремилось его дѣтское сердце, и чего онъ лишенъ былъ на протяженіи всей горестной жизни.

Зоветъ мать, и онъ къ ней идетъ. И вмѣстѣ они будутъ гулять тамъ, на баштанѣ, и на пасѣкѣ, и будутъ ловить раковъ,

и продавать ихъ на дачахъ по два злота за копу... Жоржъ забудетъ прошлое, онъ никогда не напомнитъ матери о томъ, что она покидала его. Да она и не покидала! Этого не было. Мать всегда любила его, и жалѣла, и нѣжила... Какъ все хорошо теперь, о какъ хорошо!.. И никогда уже не будетъ Жоржъ одинокимъ. И никогда уже не будетъ Петербургской слякоти, ни холодной гнили, проклятой, холодной гнили, которая врывается черезъ открываемую парадную дверь и ползетъ мокрой змѣей подъ рубашкой, по спинѣ... Будетъ свѣтить и грѣть золотое солнце, отъ котораго слѣзаетъ шкура, большія золотыя дыни будутъ зрѣть вокругъ, а графиня въ серебряной коронѣ будетъ ласкать своего мальчика, и тихо нѣжить его, и тихо плакать.

И придетъ Олеся.

. . . .

— Ждать до жнива?.. Очень надо... Позвольте мнѣ билетъ до Червонной Криницы!

Словъ этихъ Жоржъ не произнесъ. Но онъ полагалъ, что отчеканиваетъ ихъ такъ же громко и увѣренно, какъ звонко говоритъ, проходя по вестибюлю, бравый гвардеецъ, сопровождающій графиню...

— Да, до Червонной Криницы. Къ моей мамѣ, господинъ кассиръ... Къ моей мамѣ!..

Тараска, утомленный долгимъ днемъ работы, одурманенный сладкими и волнующими воспоминаніями и этимъ ядовитымъ, горьковатымъ запахомъ паркетной мастики, которую оставили здѣсь полотеры, спалъ, свѣсивъ съ сундука ноги. Ноги слегка касались поломанной ванны. Съ маленькой, мертвой, немигающей лампочки лился на мальчика равнодушный, блѣдный свѣтъ... А Жоржъ, улыбаясь, съ выраженіемъ тихаго блаженства въ полуприкрытыхъ глазахъ, собравъ остатки своихъ силъ, тихо сползалъ съ кровати...

— Здѣсь скамья не занята?.. Подвиньтесь, пожалуйста... Вы не одинъ въ вагонѣ. Подвиньте вашъ чемоданъ... Чемоданъ надо на полку... Багажъ всегда кладутъ на полки... А у меня билетъ до Червонной Криницы... У меня безъ пересадки... Къ мамѣ... Къ моей мамѣ!.. Да...

Онъ опустился на полъ и пылающей головой слегка стукнулся о мѣдную ножку умывальника.

— Мама...—умиленно позвалъ онъ:—Олеся...

VI.

Некому было сидѣть въ вестибюлѣ, открывать и закрывать дверь.

У телефонной будки временно поставили Аксюту, вторую горничную, а на мѣсто Жоржа перевели Тараса.

Мальчику показали, какъ нажимать педаль, чтобы дверь открывалась, чтобы она закрывалась, и послѣ нѣсколькихъ опытовъ онъ вполнѣ овладѣлъ секретомъ. Новаго командира дверь слушалась такъ же покорно, какъ слушалась до сихъ поръ Жоржа... И дверь эта, которую Жоржъ столько разъ закрывалъ и открывалъ для другихъ, для него самого не открылась ни разу: для отправки мальчика въ больницу его вынесли по черному ходу...

И когда на улицѣ укладывали больного въ больничную каретку и увозили, Тарасъ сидѣлъ въ вестибюлѣ, противъ пылавшаго камина, на стулѣ, который унаслѣдовалъ отъ товарища, и черезъ широкое зеркальное стекло парадной двери смотрѣлъ, какъ увозятъ Жоржа.

Онъ тихо шмыгалъ носомъ и то и дѣло подносилъ къ глазамъ отдѣланные галунами обшлага своей форменной куртки... Онъ вытиралъ глаза, и галунъ царапалъ ему кожу...

А старшій швейцаръ, сухой, усатый старикъ, тѣмъ временемъ доброжелательно говорилъ ему:

— Вотъ ты и получилъ повышеніе. Въ Петербургѣ, мальчишка, ты скоро выйдешь въ люди, а не то что...

Бравый гвардеецъ, въ бобрахъ, звякая саблей, спустился съ лѣстницы и направился къ выходу. Тарасъ поспѣшно нажалъ педаль. Тяжелая дверь широко распахнулась...

И вмѣстѣ съ радостнымъ, праздничнымъ трезвономъ ворвалась въ дверь холодная волна гнилого воздуха и желѣзнымъ коломъ вонзилась въ горло Тараса.

Д. Айзманъ.

ЛѢТНЯЯ НОЧЬ.

«Дай мнѣ звѣзду»,—твердитъ ребенокъ сонный:
«Дай, мамочка»... Она, обнявъ его,
Сидитъ съ нимъ на балконѣ, на ступенькахъ,
Ведущихъ въ садъ. А садъ степной, глухой,
Идетъ, темнѣя, въ сумракъ лѣтней ночи,
По скату къ балкѣ. Въ небѣ, на востокѣ
Краснѣетъ одинокая звѣзда.

«Дай, мамочка»... Она съ улыбкой нѣжной
Беретъ худое личико: «Что, милый?»
«Вонъ ту звѣзду»... «А для чего? Играть?»
«Какая же ты глупая! Конечно...»

Лепечутъ листья сада. Тонкимъ свистомъ
Сурки въ степи скликаются. Ребенокъ
Спитъ на колѣняхъ матери. И мать,
Обнявъ его, вздохнувъ счастливымъ вздохомъ,
Глядитъ большими грустными глазами
На тихую далекую звѣзду.

Прекрасна ты, душа людская! Небу,
Бездонному, спокойному, ночному,
Мерцанью звѣздъ подобна ты порой!

Ив. Бунинъ.

РЕВОЛЮЦІОННЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

(Герценъ, Бакунинъ, Лавровъ).

Герценъ, Бакунинъ, Лавровъ — какое далекое прошлое напоминаютъ мнѣ эти имена. Съ Герценомъ познакомился я въ 1865-мъ, съ Бакунинымъ въ 1866-мъ, съ Лавровымъ весною 1870 г.

Быть можетъ, покажется страннымъ, что я ставлю какъ бы въ одну линію людей столь различныхъ по таланту, по темпераменту, по роду дѣятельности. Но всѣ они, не смотря на ихъ индивидуальныя особенности, въ той или въ другой формѣ, въ той или иной степени олицетворяли чисто революціонную идею: они стремились всѣми силами разрушить весь современный строй, мало заботясь о томъ, чѣмъ его замѣнить. Правда, еще въ сороковыхъ годахъ Бакунинъ писалъ, что «духъ разрушенія—вмѣстѣ съ тѣмъ и духъ созиданія»; но эта фраза, надѣлавшая въ свое время много шума, не болѣе какъ одно изъ тѣхъ красивыхъ общихъ мѣстъ, не соотвѣтствующихъ никакой конкретной дѣйствительности. Правда тоже, что всѣ трое были соціалистами; но соціализмъ, по крайней мѣрѣ такъ, какъ его понимали, вовсе не программа, а только смутное, туманное представленіе о какомъ-то будущемъ золотомъ вѣкѣ человѣчества. Ясно, отчетливо видѣли они только то, съ чѣмъ неустанно боролись, каждый по своему, во имя совершенно отвлеченныхъ идей справедливости, равенства, свободы. Это были, слѣдовательно, настоящіе революціонеры—преемники, исправленные и лучше вооруженные, людей XVIII-го вѣка. Конечно, разница

между ними, помимо степени дарованія, огромная: это три совершенно различные типа, вѣрнѣе—три различные темперамента. Герценъ—революціонеръ-художникъ, Бакунинъ—революціонный дѣятель, Лавровъ—теоретикъ революціи.

Между ними было еще другое и весьма характерное сходство. Они были въ одинаковой мѣрѣ насквозь пропитаны, не скажу—Гегелевой философіей, потому что у Гегеля, въ сущности, не было никакой философіи,—а *гегеліанизмомъ*, т. е. той своеобразной фразеологіей, той чисто формальной логикой, тѣми діалектическими пріемами, прилагавшимися безразлично къ самымъ разнообразнымъ предметамъ, которые были въ такой модѣ среди германскихъ и русскихъ мыслителей въ первой половинѣ прошлаго вѣка. Эту особенность не надо упускать изъ виду при оцѣнкѣ дѣятельности этихъ трехъ вождей русскаго революціоннаго движенія того времени: она объясняетъ въ значительной мѣрѣ ихъ достоинства и ихъ недостатки.

Не смотря на наши радикальныя разногласія по философскимъ и политическимъ вопросамъ, не смотря на мое глубокое, почти физіологическое отвращеніе ко всякой метафизикѣ и въ особенности къ туманнымъ измышленіямъ нѣмецкихъ «философовъ», я сохранилъ и съ Герценомъ, и съ Бакунинымъ, и съ Лавровымъ самыя дружескія отношенія. Не разъ тѣ, которые послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго увлеченія разошлись съ ними изъ-за разныхъ теоретическихъ разногласій—а ихъ было не мало,—удивлялись постоянству моихъ симпатій. Оно объяснялось очень просто: я всячески избѣгалъ споровъ по вопросамъ философіи или политики, ибо ясно сознавалъ, что такіе споры могли привести только къ совершенно безцѣльной потерѣ времени. Я интересовался не ихъ міровоззрѣніемъ, абсолютно несовмѣстимымъ съ міровоззрѣніемъ позитивизма, которому я никогда не измѣнялъ, а ихъ личностью, ихъ жизненнымъ опытомъ, тѣмъ, что они видѣли и съ чѣмъ сталкивались въ продолженіе ихъ долгой и бурной жизни. Я слушалъ съ величайшимъ интересомъ и удовольствіемъ ихъ разсказы о прошломъ, ихъ воспоминанія о столкновеніяхъ съ самыми разнообразными европейскими и русскими дѣятелями; все это было для меня въ высшей степени поучительно. При такихъ условіяхъ, очевидно, не могло возникнуть никакихъ ссоръ. Одинъ только разъ вступилъ я въ полемику съ Герценомъ, о чемъ скажу ниже—и тотчасъ же ее прекратилъ, потому что ясно понялъ, что она совершенно безполезна и ни къ чему доброму привести не можетъ.

I.

Осень 1865-го года проводилъ я въ Женевѣ, куда Герценъ, нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ, перевезъ типографiю «Колокола». Самъ онъ жилъ нѣсколько за городомъ, въ роскошной виллѣ, извѣстной подъ именемъ Château Boissière, которую занимала передъ этимъ какая-то русская великая княгиня. Вилла походила дѣйствительно на дворецъ: большiя высокiя комнаты, богатая мебель, кругомъ огромный тѣнистый садъ. Герценъ любилъ жить широко, принимать, давать обѣды, а вмѣстѣ съ тѣмъ—странная особенность—онъ во все время своего почти 25-лѣтняго пребыванiя за границей жилъ въ гостинницахъ или въ меблированныхъ домахъ, что было и неудобно, и дорого.

Воспитанный въ барской обстановкѣ отцовскаго дома, располагая значительными средствами, онъ могъ, казалось бы стремиться обзавестись своимъ собственнымъ хозяйствомъ, соотвѣтствующимъ его требованiямъ и вкусамъ. Но, видно, онъ былъ рожденъ кочевникомъ: онъ переѣзжалъ изъ города въ городъ, перевозя всѣ свои пожитки въ небольшомъ кожаномъ чемоданѣ; иногда, кромѣ чемодана, былъ еще ящикъ съ книгами. Книгъ у него было довольно мало; уѣзжая, онъ большею частью оставлялъ ихъ на мѣстѣ, съ намѣренiемъ потомъ перевезти, и покупалъ, когда было нужно, ту же книгу нѣсколько разъ. Даже чернильница, изъ которой вышло столько блестящихъ произведенiй и съ которой онъ никогда не разставался, была одна изъ тѣхъ маленькихъ «походныхъ» чернильницъ, очень удобныхъ въ прежнiя времена, когда не во всѣхъ гостинницахъ можно было найти приличныя письменныя принадлежности. Чернильницу эту, подаренную мнѣ сыномъ его въ день похоронъ, бережно хранилъ я, какъ драгоцѣнную реликвiю, и только въ прошломъ году передалъ въ собственность Герценовскому Обществу въ Петербургѣ.

Въ самой первой молодости я былъ восторженнымъ почитателемъ Герцена. Еще будучи въ лицеѣ зачитывался я «Колоколомъ», который тогда легко было получать черезъ книгопродавцевъ. Мать моя, ѣздившая каждое лѣто на воды, привозила мнѣ цѣлыя кипы «запрещенныхъ книгъ», и главнымъ образомъ, конечно, сочиненiя «Искандера». Его либеральныя идеи, облеченныя въ изящную форму, его безпощадное бичеванiе всякой несправедливости не могли не увлекать молодое поколѣнiе того

времени,—времени освободительнаго движенія конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ. Кто изъ насъ, тогдашней либеральной молодежи, не мечталъ заявить ему такъ или иначе свое глубокое сочувствіе, съѣздить къ нему на поклоненіе! И вотъ, случай привелъ меня въ его непосредственное сосѣдство. Десять минутъ ходьбы отдѣляли меня отъ его жилища; естественно явилось желаніе сдѣлать ему почтительный визитъ. Но, сообразивъ хорошенько, я остановился въ недоумѣніи: какое право имѣю я навязывать свое знакомство человѣку европейски знаменитому? съ какой стати молодой человѣкъ 22 лѣтъ, только что покончившій университетъ и рѣшительно ничѣмъ себя не заявившій, будетъ отнимать его драгоцѣнное время? Я рѣшился спросить совѣта у кого-нибудь изъ эмигрантовъ, которые были съ нимъ лично знакомы.

Русскихъ эмигрантовъ въ то время въ Женевѣ было много. За весьма рѣдкими исключеніями, это были люди крайне не культурные, умственно и нравственно надломленные. Выброшенные изъ своей среды случайными обстоятельствами, они жили или, лучше сказать, бѣдствовали въ какомъ-то туманѣ горькихъ разочарованій и несбыточныхъ надеждъ. Не имѣя никакой реальной почвы подъ ногами, вѣчно раздраженные, озлобленные на все и на всѣхъ, они ссорились между собой безъ всякой причины и безъ всякой нужды. Своею умственной и нравственной немощью, своими мелкими интригами, своими грубыми манерами они производили на меня самое непріятное впечатлѣніе, и хотя я со всѣми ими познакомился, но держался отъ нихъ по возможности въ сторонѣ. Къ Герцену большинство ихъ относилось критически: они находили, что онъ недостаточно имъ денежно помогаетъ—а помогалъ онъ имъ много,—что онъ отсталъ отъ революціонныхъ идей и что «Колоколъ» сталъ чуть ли не консервативнымъ органомъ. Одно, однако, они всѣ признавали: Герценъ былъ человѣкъ общительный, добрый и къ молодежи крайне снисходительный. Это меня ободрило, и я рѣшился сдѣлать ему визитъ.

У меня было, впрочемъ, къ Герцену въ нѣкоторомъ родѣ рекомендательное письмо—мое первое литературное, хотя и анонимное произведеніе, которое я ему и снесъ съ подобающей надписью. Зимой 1864—1865 г. проживалъ вмѣстѣ со мной мой дорогой товарищъ по лицею и неизмѣнный другъ Е. В. де-Роберти, и мы съ нимъ затѣяли перевести извѣстную брошюру Литтре, которую онъ, на подобіе знаменитыхъ «Paroles d'un croyant» Ламенэ, озаглавилъ «Paroles de philosophie posi-

tive». Къ переводу, сдѣланному сообща, написалъ я предисловіе, въ которомъ говорилъ о современной Россіи, о ея умственномъ движеніи и, разумѣется, о Герценѣ. Вотъ съ этой-то брошюрой, озаглавленной: «Нѣсколько словъ о положительной философіи» и отпечатанной анонимно въ Берлинѣ, отправился я, не безъ нѣкотораго душевнаго волненія, въ Château Boissière. Герцена я не засталъ—онъ куда-то уѣхалъ на короткое время,—но черезъ нѣсколько дней получилъ слѣдующую записку:

«Я только что пріѣхалъ, опоздавъ тремя днями, и слышалъ, что вы были у меня. Сдѣлайте одолженіе—приходите къ намъ обѣдать завтра, въ понедѣльникъ, въ половинѣ седьмого.

Книжку вашу я прочелъ—и хотя мнѣ не приходится говорить о предисловіи, такъ какъ вы меня похвалили,—но я скажу вамъ два три замѣчанія или вопроса—напр., одно право на будущее Россіи—ненужность христіанства вы намѣтили, а соціальный бытъ пропустили; за что же, говоря о Добролюбовѣ очень хорошо и справедливо, вы забыли Чернышевскаго.

Но объ этомъ при свиданьи. Въ Совр. Ант. какая-то попытка васъ отдѣлать. [1])

Если вы не можете обѣдать завтра—напишите, мы перемѣнимъ день».

12 ноября. Воскресенье. Boissière.

До свиданья.

А. Герценъ.

Таково было мое первое знакомство съ Александромъ Ивановичемъ, перешедшее скоро, несмотря на разницу лѣтъ, въ самыя близкія отношенія до самаго конца его, увы, слишкомъ короткой жизни. Тутъ же познакомился я съ его ближайшимъ, неразлучнымъ пріятелемъ Н. П. Огаревымъ. Эта дружба, начатая со школьной скамьи и прошедшая неизмѣнной черезъ самыя разнообразныя житейскія треволненія, представлялась мнѣ всегда въ видѣ странной психологической загадки, которая объясняется развѣ только тѣмъ, что «крайности сходятся». Невозможно, дѣйствительно, представить себѣ болѣе радикально противопо-

[1]) Слово «васъ» относится здѣсь не ко мнѣ лично, а къ позитивной школѣ, которую писавшій въ «Современникѣ» Антоновичъ, какъ истый метафизикъ, отъ души ненавидѣлъ.

ложныхъ типовъ. Одинъ—живой, отзывчивый, вѣчно дѣятельный; другой—неповоротливый, угрюмый, сосредоточенный.

Странное дѣло: не смотря на то, что Огаревъ былъ и по образованію, и по уму неизмѣримо ниже Герцена, онъ имѣлъ на него значительное, и далеко не всегда благотворное вліяніе. Для меня, знавшаго хорошо ихъ взаимныя отношенія, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что многія изъ крупныхъ ошибокъ Герцена лежатъ на совѣсти несомнѣнно благонамѣреннаго, но не менѣе несомнѣнно неуравновѣшеннаго и упрямаго Николая Платоновича, который въ шестидесятыхъ годахъ находился всецѣло подъ ферулой Бакунина и разношерстной толпы окружавшихъ его молодыхъ революціонеровъ.

Въ этотъ же памятный для меня вечеръ увидалъ я и третьяго «знатнаго» русскаго эмигранта въ Женевѣ—кн. П. Вл. Долгорукова. Онъ представлялъ собой уродливую смѣсь сумасброднаго барства и напускнаго либерализма, ханжества и свободомыслія; въ спальнѣ у него былъ кіотъ съ массой образовъ въ богатыхъ ризахъ, передъ которымъ горѣли лампады, а въ его кабинетѣ красовались бюсты Вольтера и Дидро. Это былъ человѣкъ безспорно умный и по своему начитанный, но очень злой, злопамятный и весьма сомнительной нравственности, какъ показалъ его процессъ съ Воронцовымъ, въ которомъ онъ хотя и былъ оправданъ формально, благодаря усиліямъ его адвоката, знаменитаго Мари, но въ сущности оставленъ въ нѣкоторомъ подозрѣніи. По совѣту самого же Герцена, который цѣнилъ его по достоинству и сильно недолюбливалъ, я держался отъ него какъ можно подальше и видѣлъ его всего нѣсколько разъ. Онъ умеръ въ 1868-мъ году и, по разсказамъ Герцена, самымъ прозаическимъ образомъ: онъ былъ убѣжденъ, что всѣ окружавшіе его родственники и пріятели хотятъ его отравить.

Съ перваго же раза Герценъ произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе, которое никогда не изгладилось. Такую богато одаренную натуру я ни прежде, ни послѣ не встрѣчалъ, несмотря на то, что видѣлъ на своемъ вѣку много замѣчательныхъ людей. Отъ него вѣяло благороднымъ умомъ и безконечной сердечной добротой; въ этомъ было его обаяніе, и тѣмъ, кто не подходилъ къ нему близко, кто знаетъ Герцена только по его печатнымъ трудамъ, не легко понять то вліяніе, какое онъ имѣлъ на всѣхъ къ нему подходившихъ. Разсказчикомъ онъ былъ неподражаемымъ и идеальнымъ собесѣдникомъ. Онъ не ораторствовалъ, не слушая партнера, какъ это дѣлаютъ многіе: онъ, напротивъ того, вызывалъ возраженія, внимательно выслушивалъ

и съ необыкновенной быстротой умѣлъ всегда облечь въ изящную форму мѣткій отвѣтъ. Остроты, неожиданныя сравненія, анекдоты, афоризмы, подчасъ парадоксы, расточалъ онъ въ разговорѣ вовсе не съ цѣлью удивить или ошеломить противника, а для того, чтобы ярче и очевиднѣе представить то положеніе, которое онъ принималъ за истину. Въ его книгахъ и статьяхъ этотъ необыкновенный, ослѣпляющій блескъ сильно блекнулъ, отчасти потому, что печатная рѣчь имѣетъ свои особенныя требованія, которымъ волей-неволей надо подчиняться, а главнымъ образомъ вслѣдствіе особой и весьма характерной причины. Герценъ, какъ мнѣ разъ сказалъ И. С. Тургеневъ, былъ рожденъ стилистомъ, но, къ несчастію, не умѣлъ писать ни на какомъ языкѣ. Его странные обороты, чрезмѣрное употребленіе исковерканныхъ иностранныхъ словъ, полное пренебреженіе элементарными правилами употребленія знаковъ препинанія,—все это бросалось въ глаза и побуждало внимательнаго читателя относиться критически къ недостаткамъ, которые исчезали въ разговорной рѣчи.

Послѣ долгаго, почти полувѣковаго полнаго забвенія, въ послѣднее время по поводу его столѣтія стали писать о Герценѣ очень много и очень пространно, хотя не всегда удачно. Его разобрали, что называется, по косточкамъ; его талантъ, его убѣжденія, его дѣятельность подверглись самому тщательному, всестороннему изслѣдованію, и ни одна особенность не осталась неизвѣданной. Но, какъ всегда бываетъ при черезчуръ подробномъ, микроскопическомъ анализѣ, главныя черты исчезли и общій обликъ потерялъ свои контуры. Еще недавно между тѣми немногими, которые помнили о существованіи издателя «Колокола», было принято считать его очень талантливымъ, но совсѣмъ отъ насъ отсталымъ человѣкомъ, а теперь вдругъ, послѣ «изслѣдованій», причислили его къ сонму «великихъ» людей.

Меня всегда крайне удивляла щедрость, съ которой въ Россіи расточаютъ этотъ эпитетъ. Чуть человѣкъ нѣсколько выдѣлился изъ дюжины подобныхъ, его величаютъ великимъ: изъ Менделѣева сдѣлали великаго химика, изъ Толстого великаго философа. Ну, а какъ же обозвать настоящихъ великановъ—Лавуазье или Конта? Очень ужъ будетъ имъ обидно, если примѣнить къ нимъ ту же кличку. Какъ бы то ни было, Герценъ не былъ великимъ человѣкомъ; онъ былъ въ высшей степени талантливъ, необыкновенно симпатиченъ, но ему не доставало характерной черты великаго человѣка: прямого соотвѣтствія между

умственными и нравственными способностями и тѣмъ дѣломъ, на которое онѣ направлены.

Всѣ его промахи, непослѣдовательности, противорѣчія, въ которыхъ его такъ часто обвиняли и которые внесли такъ много горечи въ послѣдніе годы его жизни, потому что онъ самъ ихъ ясно сознавалъ, происходятъ отъ одной и той же причины: онъ дѣлалъ то, что не способенъ былъ дѣлать. Его ранняя тюрьма и ссылка, положеніе outlaw, созданное ему недальновиднымъ русскимъ правительствомъ, наконецъ, пребываніе въ свободной странѣ, позволявшее ему говорить не стѣсняясь—все это обратило его, съ раннихъ лѣтъ, въ политическаго дѣятеля, а талантъ его и энергія дали ему роль вождя. Между тѣмъ онъ вовсе не обладалъ качествами, необходимыми политическому дѣятелю и былъ совершенно неспособенъ на роль воеводы. Онъ это самъ смутно чувствовалъ и при всякомъ удобномъ случаѣ возвращался къ чисто литературнымъ работамъ, но воля его не могла устоять противъ сложившихся обстоятельствъ, противъ среды, окружавшей его заграницей, противъ толпы русскихъ всякаго калибра, пріѣзжавшихъ къ нему на поклоненіе, наконецъ, противъ постоянныхъ наущеній Огарева. У Герцена не было ни должнаго хладнокровія, чтобы безпристрастно судить о событіяхъ, ни достаточнаго терпѣнія выждать удобную минуту, ни умѣнья распознавать людей, ни, наконецъ, того особаго политическаго чутья, безъ котораго такъ легко сбиться съ дороги среди быстро мѣняющихся общественныхъ явленій.

Герценъ былъ художникъ въ самомъ широкомъ, лучшемъ смыслѣ этого слова, на рѣдкость образованный и необычайно разносторонній. Онъ жилъ чувствомъ и воображеніемъ, поддаваясь безпрекословно непосредственнымъ впечатлѣніямъ; эта черта, характерная для художниковъ, была въ немъ особенно поразительна. Онъ, напримѣръ, ненавидѣлъ и презиралъ консерваторовъ 1848-го года гораздо болѣе, чѣмъ авантюристовъ второй имперіи; а между тѣмъ не могъ же онъ не ставить Тьера, Одилона Барро, Кавеньяка и умственно, и нравственно неизмѣримо выше такихъ проходимцевъ, какъ Сентъ-Арно, Морни или Персиньи. Но кровавую расправу іюньскихъ дней онъ пережилъ, онъ *ее видѣлъ*, а о картечныхъ залпахъ на Монмартрскомъ бульварѣ 3 декабря узналъ только издалека, по наслышкѣ.

Какъ всѣ очень впечатлительные люди, онъ жилъ настоящимъ; изъ прошлаго вспоминалъ онъ только то, къ чему онъ непосредственно прикасался; будущее казалось ему далекимъ, недоступнымъ. Въ своей статьѣ подъ заглавіемъ «Общій фондъ»

онъ передаетъ разговоръ съ «молодымъ послѣдователемъ Конта», который увѣрялъ его, что клерикализмъ быстро теряетъ свою силу въ современной Франціи и скоро исчезнетъ изъ сферы политическихъ соображеній.

— *Но мы съ вами этого не увидимъ,*—возразилъ Герценъ.

Этотъ нашъ разговоръ я дѣйствительно вспоминаю: онъ происходилъ по поводу произвольнаго закрытія каѳедры Ренана. Такое торжество теократіи поразило Герцена какъ оскорбленіе всякой свободы мысли, какъ несомнѣнное доказательство безграничнаго вліянія религіозныхъ идей. А между тѣмъ поклонникъ Конта былъ правъ, и мы видимъ теперь, какъ легко и безобидно произошло во Франціи отдѣленіе религіи отъ политики, церкви отъ государства. Со времени нашего разговора прошло, правда, 45 лѣтъ; но что такое полвѣка въ исторіи развитія общественной мысли?

Такихъ примѣровъ сентиментальности въ вопросахъ, въ которыхъ настоящій политическій дѣятель прилагаетъ исключительно разсудкомъ, можно привести сколько угодно. Они ясно показываютъ, что Герценъ съ самаго начала сбился съ пути, и что не правы были тѣ, которые требовали отъ него программы практическихъ дѣйствій, совѣтовъ, точныхъ наставленій. Не въ его натурѣ было составлять политическія программы и направлять молодое поколѣніе; онъ, какъ истый художникъ, былъ слишкомъ своеобразенъ, слишкомъ выдѣлялся изъ толпы тогдашнихъ дѣятелей, чтобы имѣть на нихъ *непосредственное* вліяніе. Правда, онъ всѣми силами своего таланта защищалъ необходимость освободить «крестьянъ отъ помѣщиковъ, печатное слово отъ цензуры, личность отъ побоевъ», но на эти положенія, съ которыми соглашались даже самые умѣренные, смотрѣлъ онъ съ чисто нравственной, а не политической точки зрѣнія; да и самыя положенія эти касались вопросовъ несомнѣнно важныхъ, но спеціальныхъ, не имѣвшихъ прямого отношенія къ политическому строю. Въ шестидесятыхъ годахъ крестьяне были освобождены, цензурные законы измѣнены, тѣлесныя наказанія отмѣнены, а государственный механизмъ оставался съ прежними изъянами, и Герценъ остановился въ недоумѣніи, не зная, какъ его лѣчить.

Вѣрно оцѣнилъ Герцена старикъ Малярдье, бывшій членъ Учредительнаго Собранія 1848 г.; въ день похоронъ Герцена онъ бросилъ на гробъ его букетъ иммортелей и громко сказалъ: au Voltaire du XIX-me siècle!—Вѣрнѣе было бы сказать: *русскому* Вольтеру. Такъ назвалъ я Герцена въ предисловіи къ редакти-

рованному мною въ 1875-1877 гг. первому собранію его сочиненій. «Сравненія,—писалъ я тогда,—ничего не доказываютъ, но они часто многое объясняютъ, представляя для литературной оцѣнки новыя, дополнительныя мѣрила. Здѣсь сравненіе невольно напрашивается: Герцена съ полнымъ правомъ можно назвать русскимъ Вольтеромъ. Двѣ черты характеризуютъ въ особенности великаго французскаго писателя: изумительная всеобщность таланта, способнаго быстро переходить отъ одного предмета къ другому, и совершенно своеобразная, безпощадная иронія. Эти черты принадлежатъ Герцену въ высокой степени. Безъ сомнѣнія, въ его произведеніяхъ нѣтъ того разнообразія, той универсальности, которыя встрѣчаются въ твореніяхъ Вольтера; онъ, быть можетъ, серьезнѣе глядѣлъ на общественную жизнь, но это зависѣло отъ того, что ему приходилось знакомиться исключительно съ русскими, сравнительно несложными и малочисленными вопросами, и рѣшать ихъ сообразно требованіямъ не XVIII, а XIX вѣка. Помимо этого различія въ объемѣ, если можно такъ выразиться, все схоже во французскомъ и русскомъ писателяхъ, и сходство распространяется не только на индивидуальныя свойства, но и на характеръ вліянія на окружающую среду. Въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ, ни въ какой странѣ послѣ Вольтера не было человѣка, который, ставъ въ разрѣзъ со всѣмъ установленнымъ и принятымъ, однимъ своимъ перомъ имѣлъ бы такое необычайное вліяніе, какимъ было вліяніе Герцена на русскую публику... Сила Вольтера—это часто повторяли на всѣ лады—состояла въ томъ, что онъ заключилъ союзъ съ королями противъ боговъ. Въ этомъ опредѣленіи, какъ во всѣхъ опредѣленіяхъ, имѣющихъ претензію резюмировать въ нѣсколькихъ словахъ цѣлую жизнь и цѣлый общественный строй, много неточности и много преувеличенія, но въ немъ есть значительная доля правды. Вольтеръ ставилъ вопросы философскіе и нравственные выше вопросовъ политическихъ, выше вопросовъ о государственной формѣ; онъ имѣлъ, слѣдовательно, на своей сторонѣ всѣ слои общества въ странѣ, въ которой скептицизмъ распространился,—и въ дворянствѣ, и въ духовенствѣ... Совершенно подобную роль игралъ Герценъ въ Россіи. Онъ тоже, по крайней мѣрѣ въ блестящую эпоху своей дѣятельности, стоялъ на почвѣ общихъ интересовъ, онъ тоже не брезгалъ мнѣніемъ людей оффиціальныхъ, потому что зналъ, что при русскомъ государственномъ строѣ безъ ихъ вмѣшательства нельзя ничего сдѣлать; онъ тоже писалъ Царю и давалъ ему совѣты; онъ тоже не дотрагивался до формы правленія, которую никто не думалъ

мѣнять, и довольствовался требованіемъ нравственныхъ улучшеній, которыхъ всѣ хотѣли».

Почти 40 лѣтъ прошло съ того времени, какъ я писалъ эти строки: съ тѣхъ поръ я не разъ перечитывалъ творенія Герцена и вспоминалъ подробности моихъ сношеній съ нимъ—и все-таки остался при своемъ мнѣніи. Прибавить можно развѣ то, что Вольтеръ съ начала до конца своей долгой жизни остался въ области, къ которой приспособлялись всѣ его способности, а Герценъ съ раннихъ лѣтъ вступилъ въ сферу, для которой вовсе не былъ созданъ.

Тутъ невольно приходятъ на память два яркихъ примѣра такого несоотвѣтствія между умственнымъ устоемъ замѣчательнаго человѣка и избранной имъ дѣятельностью: Ламартинъ и В. Гюго. Но они выступили на арену политической борьбы, когда ихъ литературная карьера была покончена, когда они могли посвятить политической борьбѣ только свои послѣднія, слабѣющія силы. Тѣ, которые восторгаются ихъ стихотвореніями или ихъ блестящей прозой, не читаютъ ихъ парламентскія рѣчи, хотя между ними есть удивительные образцы ораторскаго искусства.

Въ 1866-мъ году Герцена я видѣлъ мало. Зимой и весной я былъ въ Парижѣ, лѣто провелъ въ Неаполѣ, и только въ концѣ августа, проѣздомъ въ Россію, куда я собирался на короткое время, встрѣтилъ я его на берегу Женевскаго озера, гдѣ онъ жилъ сначала въ Лозаннѣ, а потомъ въ самой Женевѣ. Засталъ я его, обыкновенно столь живого и веселаго, грустнымъ, удрученнымъ. Онъ грустилъ о быстромъ уменьшеніи тиража «Колокола», жаловался на неблагодарность, не понималъ причинъ рѣзкой перемѣны общественнаго мнѣнія, забывая, что въ Россіи все всегда шло и идетъ скачками и зигзагами. Послѣ Герцена Добролюбовъ и Чернышевскій, послѣ нихъ Владиміръ Соловьевъ, послѣ него Левъ Толстой, наконецъ, нивѣсть откуда взявшійся и русскому духу совсѣмъ не свойственный клерикализмъ. Оптимистическій взглядъ Герцена на Россію исходилъ изъ совершенно субъективныхъ условій. Онъ пришелъ въ прикосновеніе съ западной средой уже взрослымъ человѣкомъ, съ установившимся характеромъ и не могъ никакъ съ ней сродниться. Пока онъ былъ въ Россіи, издалека, теоретически, Западъ казался ему исполненнымъ блестящими надеждами; вездѣ видно было броженіе умовъ, стремленіе къ свободѣ, желаніе равенства и братства. И вдругъ... какое разочарованіе: въ Венеціи развѣвается австрійскій флагъ, папа вступаетъ тріум-

фально въ Римъ, франкфуртскій сеймъ разогнанъ штыками, Баденское возстаніе подавлено, разсвирѣпѣвшіе буржуа разстрѣливаютъ соціалистовъ, Наполеонъ сидитъ на развалинахъ республики. Значитъ, Западъ великъ только въ прошломъ; теперь онъ въ полномъ разложеніи и для него нѣтъ будущаго. Но такъ какъ развитіе человѣчества не можетъ остановиться и источникъ прогресса изсякнуть, остается признать, что Россія, къ которой Герценъ потомъ прибавилъ Сѣверо-Американскіе Штаты, станетъ во главѣ движенія впередъ. Правда, современное положеніе Россіи неудовлетворительно, уродливо, но въ ея нѣдрахъ кроются могучія силы, способныя создать новый соціальный строй, основанный на общинѣ и артели, и перенести его въ Западную Европу. Этотъ узкій національизмъ, выросшій на почвѣ Гегелевскихъ антиномій, сильно походилъ, по крайней мѣрѣ въ своихъ заключеніяхъ, на блаженной памяти славянофильство, противъ котораго Герценъ ратовалъ такъ яростно и такъ успѣшно въ Москвѣ сороковыхъ годовъ.

Когда я посѣтилъ Герцена въ Лозаннѣ, мнѣ показалось, что его своеобразный патріотизмъ, поразившій меня при первомъ знакомствѣ въ прошломъ году, дошелъ до апогея; въ этомъ направленіи дальше нельзя было идти. Онъ хотѣлъ теперь — какъ выразился онъ въ русскомъ прибавленіи къ первому номеру французскаго «Колокола»—говорить не съ Россіей, а о Россіи; онъ хотѣлъ учить Западъ, указывать ему путь, по которому онъ долженъ былъ слѣдовать. Онъ глубоко обижался тѣмъ, что западные дѣятели не восторгаются русской культурой, русскимъ первобытнымъ коммунизмомъ, что они смотрятъ на нихъ хотя и снисходительно, но все же свысока.

Я, разумѣется, не пытался спорить съ нимъ, доказывать всю ошибочность и несостоятельность подобныхъ политическихъ соображеній: наши точки зрѣнія были слишкомъ различны и слишкомъ несходны наши методы мышленія. Но я попробовалъ перевести его на болѣе нейтральную почву. Я зналъ—онъ мнѣ объ этомъ самъ говорилъ,—что у него есть въ запасѣ чисто литературныя произведенія, отчасти совсѣмъ законченныя, отчасти только начатыя. Я его убѣдительно просилъ напечатать ихъ какъ можно скорѣе. Въ этой сферѣ онъ былъ полный хозяинъ, безупречный мастеръ, и недоброжелателей онъ не встрѣтилъ бы ни между старыми, ни между молодыми. Моя ли просьба подѣйствовала, или онъ самъ хотѣлъ отдохнуть отъ послѣднихъ неудачъ своей политической пропаганды, но въ самомъ началѣ слѣдующаго года появились два прелестныхъ

очерка подъ заглавіемъ: «Сазоновъ» и «Энгельсоны»; первый помѣченъ 1863 г., второй—1858 и 1865 гг. Онъ обращалъ мое вниманіе на эти очерки въ письмѣ отъ 26 декабря 1866 г., которое читатель найдетъ въ приложеніи къ моимъ воспоминаніямъ. Я надѣялся, что несомнѣнный успѣхъ этихъ очерковъ побудитъ его продолжать въ томъ же направленіи, но хотя у него было нѣсколько превосходныхъ этюдовъ, напечатанныхъ потомъ въ его посмертныхъ сочиненіяхъ, онъ держалъ ихъ подъ спудомъ и упорно продолжалъ никого болѣе не интересовавшій «Колоколъ», который съ начала 1868 г. онъ попробовалъ издавать на французскомъ языкѣ и который прекратился только за годъ до его смерти.

Его нетерпимость ко всему, что касалось Запада, и національная обидчивость особенно ярко выразились въ 1867-мъ году по поводу двухъ событій: парижской выставки, которою интересовался тогда весь цивилизованный міръ и конгресса мира и свободы, собравшагося въ Женевѣ. «Богъ съ ней, съ выставкой»—писалъ онъ мнѣ; однако любопытство взяло верхъ, и онъ, сколько помнится, въ августѣ пріѣхалъ на короткое время въ Парижъ. Тутъ мы съ нимъ видѣлись каждый день и часто вмѣстѣ обѣдали то у меня, то въ Café Foy или у Вефура, тогда знаменитыхъ ресторанахъ, въ которыхъ можно было хорошо *обѣдать*, а теперь—заурядныхъ трактирахъ, гдѣ можно болѣе или менѣе удовлетворительно *ѣсть*. Герценъ не былъ гастрономомъ: онъ слишкомъ любилъ англійскіе пикули и соусы, дающіе всему тотъ же самый вкусъ уксуса и перца, но хорошую кухню онъ умѣлъ цѣнить.

По выставкѣ мы ходили много, но она Герцену сильно не понравилась. Онъ давно привыкъ жить уединенно въ окрестностяхъ большихъ городовъ, среди избраннаго круга; шумъ и гамъ разношерстной толпы его крайне утомляли; да и надо признаться, на этомъ международномъ базарѣ трудно было различить вещи, дѣйствительно интересныя среди массы всякой мишурной дряни. Быть можетъ, тоже ему непріятно было видѣть, какое ничтожное мѣсто занималъ русскій отдѣлъ, и какъ мало было въ немъ достойнаго похвалы. Великій непосѣдъ, онъ скоро уѣхалъ въ Ниццу, а оттуда во Флоренцію, гдѣ жилъ его сынъ, ассистентъ извѣстнаго физіолога Шифа.

Къ женевскому конгрессу онъ отнесся еще отрицательнѣе. Хотя онъ одобрялъ мысль этого сборища радикаловъ всѣхъ европейскихъ странъ и записался въ число сочувствующихъ, но, несмотря на всѣ мои просьбы и увѣщанія, въ Женеву не пріѣхалъ.

Свое намѣренное отсутствіе онъ объяснилъ въ письмѣ къ предсѣдателю учредительной комиссіи Барни, и пространнѣе въ заглавной статьѣ перваго номера французскаго «Колокола». Эти объясненія прямо истекали изъ его крайняго, чрезмѣрнаго патріотизма. Онъ находилъ, что западная демократія, хотя и относилась весьма дружелюбно къ нѣкоторымъ русскимъ, слишкомъ низко цѣнитъ Россію, слишкомъ презрительно смотритъ на ея политическій строй и слишкомъ забываетъ собственные изъяны; онъ требовалъ не терпимости, не снисхожденія, а признанія полнаго равенства Россіи съ другими европейскими странами. Эти соображенія и требованія были тутъ совсѣмъ не у мѣста и къ вопросамъ о мирѣ и свободѣ вовсе не относились; его мнѣнія никто изъ эмигрантовъ не раздѣлялъ, и даже его неразлучный alter ego— Огаревъ—присутствовалъ на конгрессѣ съ начала до конца. Въ этомъ я не виню Герцена—онъ слѣдовалъ тутъ своему темпераменту; но это только лишній разъ доказываетъ, что онъ былъ человѣкъ сентиментальнаго увлеченія, а не обдуманной политики.

Здѣсь умѣстно будетъ вспомнить объ этихъ швейцарскихъ конгрессахъ, столь напугавшихъ тогда консервативныя партіи во всей Европѣ и на которыхъ въ первый разъ, послѣ долгаго вынужденнаго молчанія, республиканская идея выразилась въ совершенно опредѣленной формѣ; тѣмъ болѣе умѣстно, что моя полемика съ Герценомъ завязалась, какъ сейчасъ увидимъ, по поводу одного изъ этихъ конгрессовъ.

Женевскій конгрессъ не удался или, вѣрнѣе сказать, не осуществилъ тѣхъ надеждъ, которыя на него возлагали его организаторы. Слишкомъ обширна, отвлеченна, практически невыполнима была его задача, слишкомъ разнохарактерны были люди, собравшіеся ее разрѣшать. Да и вообще къ чему могутъ привести всѣ эти съѣзды—научные, философскіе, политическіе, столь распространенные теперь во всѣхъ цивилизованныхъ краяхъ? Я въ своей молодости усердно посѣщалъ всякіе конгрессы до тѣхъ поръ, пока не убѣдился, что изъ нихъ не вышло ни одного открытія и что на нихъ не зародилось ни одной новой идеи. Однимъ они дѣйствительно очень полезны: они сближаютъ людей болѣе или менѣе сродныхъ и облегчаютъ обмѣнъ мыслей и знаній. Но неуспѣхъ Женевскаго конгресса, едва не окончившагося скандаломъ, имѣлъ еще свои спеціальныя причины. Съѣхавшись изъ самыхъ разнообразныхъ странъ свѣта, мы не подозрѣвали, что попали въ самый разгаръ избирательной борьбы въ Женевскомъ кантонѣ. Двѣ партіи отчаянно стремились захватить власть: умѣренная протестантская буржуазія и радикалы, во главѣ кото-

рыхъ стоялъ умный и ловкій Фази, бывшій женевскій диктаторъ. Радикалы были слишкомъ малочисленны, чтобы имѣть какіе-либо шансы на успѣхъ, и потому соединились съ католическими жителями окрестностей Женевы, которые готовы были вступить въ союзъ съ кѣмъ бы то ни было, лишь бы провалить протестантовъ. Какъ хитрый, но неразборчивый въ средствахъ политиканъ, Фази ввелъ въ огромную залу Palais électoral, гдѣ мы засѣдали, нѣсколько сотенъ этихъ фанатиковъ, вооруженныхъ дубинами, съ ихъ главными вожаками, и далъ имъ на съѣденіе нашъ «миролюбивый» конгрессъ. Особенно ненавистенъ имъ былъ Гарибальди, засѣдавшій въ качествѣ почетнаго президента; освистать его они однако не рѣшались—до того былъ великъ престижъ этого по истинѣ необыкновеннаго человѣка. За то свистали они отчаянно и кричали во все горло всякій разъ, какъ кто-нибудь изъ ораторовъ касался религіознаго вопроса и говорилъ о необходимости разрушить главный притонъ всякаго обскурантизма—папскій престолъ. Послѣднее засѣданіе было до того бурно и до того близко къ всеобщему избіенію, что пришлось закрыть его, не дожидаясь конца.

На этомъ засѣданіи я, впрочемъ, не присутствовалъ. Наканунѣ я отказался отъ званія члена «Лиги мира и свободы» и послалъ президенту письмо съ объясненіемъ мотивовъ моего отказа. «Я считаю вопросъ о мирѣ—писалъ я ему—синтезомъ трехъ спеціальныхъ вопросовъ: вопроса религіознаго, вопроса политическаго и вопроса соціальнаго. Всѣ три должны, по моему, быть рѣшены прежде чѣмъ разсуждать о способахъ достиженія свободы и мира. Я не пріѣхалъ въ свободную Швейцарію, въ среду лучшихъ людей европейской демократіи, для того, чтобы съ высоты трибуны провозглашать пользу мира—это я могъ бы высказать вездѣ, и самая неограниченная монархія не воспретила бы это мнѣ. Я пріѣхалъ, чтобы обсудить спокойно условія, позволяющія въ современномъ состояніи общества установленіе мира; между этими условіями я ставлю на первомъ планѣ религіозный вопросъ. Конгрессъ принужденъ былъ его отстранить, и я не могу продолжать свое сотрудничество въ дѣлѣ по моему не вѣрно поставленномъ» [1]).

До сихъ поръ я считаю, что былъ правъ; но въ одномъ отношеніи могъ я впослѣдствіи сожалѣть о посылкѣ своего письма, которое пришло къ президенту вмѣстѣ съ письмомъ П. В. Долгорукова. Почтенный князь, по совершенно противо-

---

[1]) Annales du Congrès de Genève, 1867, стр. 335.

положной причинѣ находя, что слишкомъ много и неблагопріятно говорилось о религіи, и, вѣроятно, помолившись передъ своими многочисленными образами, заявлялъ, что онъ съ идеями конгресса болѣе не согласенъ. По тексту моего письма можно было подумать, что и я будирую съ клерикальной точки зрѣнія. По счастію, меня тогда уже знали, какъ послѣдователя Конта и сотрудника Литтре.

Несмотря на неудачный финалъ, Женевскій съѣздъ былъ въ сущности очень интересенъ, а для меня, еще молодого и неопытнаго, крайне поучителенъ. Помимо того, что я познакомился съ самыми яркими представителями передовыхъ партій самыхъ разнообразныхъ странъ Европы, я имѣлъ счастливый случай близко видѣть Гарибальди, слава котораго гремѣла на весь свѣтъ. Его костюмъ, вся его повадка, его безъискусственныя рѣчи, его необыкновенное безкорыстіе—все въ немъ было не отъ міра сего; это была античная фигура, какимъ-то чудомъ перенесенная въ несвойственную ей современную среду. Всматриваясь въ него, мнѣ стали понятны типы древнихъ основателей религій, представлявшихъ странную смѣсь желѣзной воли съ необыкновенной кротостью, дѣтской наивности съ извѣстной театральностью и извѣстнымъ «себѣ на умѣ», несомнѣннаго невѣжества съ тонкой проницательностью. Всѣ эти противоположныя свойства бросались въ глаза при первомъ знакомствѣ съ легендарнымъ героемъ освобожденія Италіи.

Я былъ въ числѣ членовъ международной комиссіи, избранной для встрѣчи Гарибальди, который пріѣхалъ наканунѣ черезъ Симплонъ. Мы отправились съ особымъ поѣздомъ на тотъ конецъ озера—въ Вильневъ. Когда онъ вышелъ на крыльцо Hôtel Byron, гдѣ остановился, мы всѣ закричали «да здравствуетъ Гарибальди», а такъ какъ ни для кого не было тайной, что онъ подготовляетъ новую экспедицію въ папскія владѣнія, мы прибавили: «да здравствуетъ свободный Римъ!» Этотъ воинственный возгласъ былъ очевидно нѣсколько рискованъ въ нейтральной странѣ, но Гарибальди тотчасъ нашелся и, принимая вѣроятно большинство изъ насъ за швейцарцевъ, махая своей сѣрой пуховой шляпой, громко сказалъ: «Да здравствуетъ Женева—этотъ Римъ разума!» Оно, положимъ, было не совсѣмъ вѣрно, за то значительно смягчало наше восклицаніе и къ тому же льстило женевскому самолюбію. Несмотря на его кажущуюся простоту, у Гарибальди нерѣдко встрѣчались такія удачныя выходки.

Наше возвратное путешествіе въ Женеву было тріумфально.

На каждой станціи —а станцій вдоль берега озера много—надо было останавливаться. Вездѣ встрѣчали народные оркестры, игравшіе болѣе или менѣе фальшиво гарибальдійскій маршъ; вездѣ произносились привѣтственныя рѣчи. Въ особенности знаменательно было присутствіе женщинъ, которыя проталкивались сквозь толпу и подносили своихъ малыхъ, иногда грудныхъ дѣтей къ окну вагона, гдѣ стоялъ Гарибальди. Онъ улыбался свойственной ему доброй, кроткой улыбкой и прикасался къ дѣтямъ съ тѣмъ умилительнымъ жестомъ, съ какимъ, вѣроятно, во время оно святые всѣхъ странъ и всѣхъ религій совершали свои чудеса. Это было, въ самомъ дѣлѣ, трогательное зрѣлище.

Въѣздъ его въ Женеву былъ необыкновенно торжественъ; за исключеніемъ властей, которыя, вѣроятно, не хотѣли себя компрометировать, его встрѣчало все населеніе. Всѣ улицы, черезъ которыя проѣзжала, шагомъ и съ трудомъ подвигаясь, его коляска, были запружены толпой; люди были видны во всѣхъ окнахъ, на всѣхъ балконахъ, на всѣхъ крышахъ. Весь этотъ народъ разныхъ національностей махалъ шляпами и платками и неистово кричалъ на всевозможныхъ языкахъ: «да здравствуетъ Гарибальди!» Полиція совершенно отсутствовала, а между тѣмъ порядокъ былъ образцовый и не произошло ни одного несчастнаго случая. Я на своемъ вѣку присутствовалъ на многихъ встрѣчахъ всякихъ коронованныхъ особъ въ самыхъ разнообразныхъ европейскихъ городахъ, но такого искренняго, народнаго энтузіазма я больше не видалъ.

У меня было къ Гарибальди очень любезное рекомендательное письмо отъ Герцена, но видя, какая масса праздношатающихся туристовъ осаждаетъ его квартиру и утомляетъ больного старика, я рѣшилъ имъ не воспользоваться. Это благое намѣреніе, однако, не осуществилось. Встрѣтилъ какъ-то на улицѣ знакомаго мнѣ д-ра Риболи — близкаго пріятеля Гарибальди, и онъ тотчасъ же потащилъ меня къ нему; любопытство, признаюсь, взяло верхъ, и я не особенно сопротивлялся. Несмотря на простоту обращенія и чрезвычайную любезность, Гарибальди не принималъ посѣтителей какъ простой смертный, а «давалъ аудіенціи», какъ особа высшаго разряда. Ясно было, что онъ сознавалъ свое исключительное положеніе и давно привыкъ ко всякимъ почестямъ и знакамъ уваженія. Изъ нашего разговора, вѣроятно, весьма банальнаго, у меня ничего не осталось въ памяти; но одну фразу я помню, потому что она меня поразила своей мѣткостью. Я обратился къ нему, разумѣется, со словомъ «генералъ»; онъ меня тотчасъ же перебилъ: «я не

генералъ, а простой солдатъ революціи». Такое самоопредѣленіе совершенно вѣрно. Если подъ именемъ генерала подразумѣвать человѣка, способнаго дѣйствовать самостоятельно и независимо, Гарибальди не былъ генераломъ; онъ былъ всегда орудіемъ въ рукахъ другихъ: сначала республиканца Маццини, впослѣдствіи монархиста Кавура. Онъ былъ всегда превосходнымъ исполнителемъ чужой идеи.

Въ томъ же 1867-мъ году въ моей литературной карьерѣ произошло важное для меня событіе: Литтре и я стали издавать философскій журналъ, имѣвшій цѣлью не только распространять въ широкихъ кругахъ тогда еще мало извѣстныя идеи Конта, но и развивать ихъ и прилагать къ современнымъ научнымъ и соціальнымъ вопросамъ. Программу нашу я, конечно, тотчасъ же послалъ Герцену, который ее напечаталъ въ «Колоколѣ» съ очень сочувственнымъ отзывомъ. «Во имя науки, освобожденной не только отъ религіи, но и отъ метафизики, можно идти на проповѣдь»,—писалъ онъ мнѣ 17 мая, прибавляя, что наше дѣло «прекрасно». Но это были не болѣе какъ любезныя фразы, потому что нашему предпріятію онъ не могъ сочувствовать. О положительной философіи Герценъ имѣлъ весьма смутныя понятія; въ одной изъ своихъ статей, вспоминая петрашевцевъ, онъ писалъ, что они «слѣдовали Фурье и Конту», т. е. одновременно ничѣмъ необузданной фантазіи и строго научному мышленію. Такое невѣдѣніе одного изъ глубочайшихъ мыслителей всѣхъ временъ вовсе не удивительно: положительная философія не соотвѣтствовала умственному темпераменту Герцена и не находила въ его научныхъ познаніяхъ достаточной основы. Его пышная фантазія не уживалась въ предѣлахъ относительнаго, она стремилась, вмѣстѣ съ нѣмецкой матафизикой, на которой онъ воспитался и которой остался вѣренъ до конца, къ не существующей абсолютной истинѣ. Онъ любилъ полную волю во всемъ, и инстинктивно отстранялся отъ всего, что походило на школу, на систему, на традицію. Никакихъ авторитетовъ онъ не признавалъ—въ этомъ онъ отличался отъ большинства своихъ соотечественниковъ,—и если восторженно хвалилъ Гегеля, Шеллинга, даже Бема, то только въ тѣхъ ихъ положеніяхъ, которыя соотвѣтствовали его собственнымъ убѣжденіямъ.

Въ этомъ отношеніи мы стояли на совершенно противоположныхъ точкахъ зрѣнія, и на этой почвѣ возникла у насъ случайная полемика, которую не могу не припомнить здѣсь, потому что она очень рельефно характеризуетъ наши дружескія отношенія и наши глубокія разногласія.

Осенью 1868-го года собрался въ Бернѣ второй конгрессъ «Мира и свободы», на этотъ разъ очень немноголюдный—насъ было человѣкъ сто,—но за то прошедшій мирно, безъ всякихъ непріятныхъ инцидентовъ. Какъ и въ Женевѣ, на очередь были поставлены три вопроса: политическій, религіозный и соціальный—и по каждому изъ нихъ были предложены и вотированы опредѣленныя заключенія. Во всякомъ собраніи, хотя бы самомъ либеральномъ, бываютъ всегда правые и лѣвые,—такъ было и въ Бернѣ: съ одной стороны, большинство умѣренныхъ, съ буржуазной окраской; съ другой—меньшинство, впрочемъ довольно значительное, къ которому я принадлежалъ, радикальныхъ, съ соціалистическими тенденціями. По каждому вопросу и тѣ, и другіе предлагали свою формулу и избирали своего докладчика; на мою долю выпалъ религіозный вопросъ. Моя рѣчь, очень короткая—я всегда терпѣть не могъ длинныхъ словоизверженій, наводящихъ неизбѣжно скуку, каковъ бы ни былъ талантъ оратора, — надѣлала тогда много шума. Европейская пресса, слѣдившая съ большимъ интересомъ за этими собраніями международной демократіи, смотря по своему колориту, то преувеличенно хвалила меня, то жестоко критиковала. Въ сущности рѣчь моя была самая безобидная: я доказывалъ необходимость отдѣленія церкви отъ государства, изъятія школы изъ-подъ вліянія клерикализма, пользу замѣны религіозныхъ вѣрованій научнымъ знаніемъ, т. е. такіе принципы, которые давно уже на Западѣ перешли изъ сферы умозрѣній въ область практическихъ примѣненій.

Герцену рѣчь моя очень понравилась; онъ напечаталъ ее въ 13-мъ, предпослѣднемъ номерѣ своего французскаго «Колокола», прибавивъ къ ней предисловіе, которое привожу здѣсь въ переводѣ:

«Я не принималъ дѣятельнаго участія въ бернскомъ конгрессѣ. Не приводя личныхъ соображеній и не повторяя того, что я сказалъ по поводу конгресса 1867-го года, я, признаюсь откровенно, несмотря на мое сердечное сочувствіе желаніямъ конгресса, никогда не могъ понять *практической* его цѣли, въ виду армій, стоящихъ на сторожѣ, громко требующихъ *права на работу* и готовыхъ кинуться въ бой со всей жестокостью кровожаднаго патріотизма, который эксплоатируется правительствомъ и котораго никакой конгрессъ не въ силахъ остановить.

«Внимательное чтеніе *Соединенныхъ Штатовъ Европы* не разсѣяло моихъ сомнѣній. Разсужденія этого журнала, спѣшу сказать, почти всегда безукоризненны и уже нѣсколько вѣковъ

признаны таковыми. Вопросъ о мирѣ и войнѣ давно исчерпанъ въ немъ не осталось никакихъ сомнѣній и нѣтъ мѣста для новыхъ открытій; дѣло идетъ теперь о приложеніи и осуществленіи этихъ теорій. У бернскаго конгресса, какъ и у конгресса женевскаго, нѣтъ никакихъ средствъ сдѣлать принятыя заключенія обязательными, остановить вооруженія, распустить арміи, предотвратить войну, такъ же какъ ихъ не было у квакеровъ, ѣздившихъ передъ Крымской войной излагать догматы своей миролюбивой религіи Николаю. Политично ли выказывать свое безсиліе передъ безсовѣстнымъ врагомъ? Я не думаю.

«Наши друзья и соотечественники Бакунинъ и Вырубовъ иначе посмотрѣли на конгрессъ. Понимая, что его единственное значеніе—служить *европейской трибуной*, они оставили въ сторонѣ всякія оплакиванія несчастій войны и проклятія военнымъ издержкамъ въ мирное время. Они указали на раны гораздо болѣе тяжкія и отнесли прямо всѣ рѣзни къ другимъ причинамъ.

«Ихъ убѣжденія вполнѣ согласны съ моими—это убѣжденія Молодой Россіи. Это нашъ неумолимый, послѣдовательный *нигилизмъ* явился на собраніе демократіи Запада, который его создалъ, но не узнаетъ его теперь и отворачивается.

«Бакунинъ и Вырубовъ съ группою друзей, вышедшихъ вмѣстѣ съ ними изъ конгресса, явились *людьми новаго міра* между учеными представителями умѣренности и якобинства, съ наилучшими намѣреніями поддерживающими одной рукой старое зданіе, которое стараются разрушить другой. Русскіе могли, какъ я, воздержаться, но, принимая участіе въ конгрессѣ, они могли явиться только держа высоко наше знамя «Нигилизма»: *Уничтоженіе стараго и зарожденіе новаго*!»

Какъ ни любезенъ былъ отзывъ, я имъ никакъ не могъ удовлетвориться. Во-первыхъ онъ, выражаясь языкомъ оффиціальныхъ опроверженій, не соотвѣтствовалъ дѣйствительности; нигилистомъ я не былъ ни въ какой мѣрѣ и всецѣло принадлежалъ не отрицательной, а органической доктринѣ. Во-вторыхъ, тогдашняя «Молодая Россія», ходившая въ мундирѣ Базарова, съ ея грубымъ отрицаніемъ всякаго искусства, съ ея крайне скудными и поверхностными знаніями, съ ея манерой рубить все съ плеча и, подъ предлогомъ непризнаванія авторитетовъ, ругать самыхъ почтенныхъ дѣятелей,—была мнѣ глубоко антипатична. Я готовъ былъ признать ея полное право на существованіе, какъ представительницы неизбѣжнаго, переходнаго фазиса обществен-

наго развитія, черезъ который Западъ прошелъ въ свое время; но идти съ этой нигилистической Россіей я никакъ не могъ.

Я долго колебался. Вступать въ объясненія, помѣщать свою прозу въ «Колоколѣ» значило навлекать на себя неминуемо гоненія правительства, въ то время очень реакціоннаго,—а всѣ мои матеріальные интересы были тогда еще въ Россіи. Съ другой стороны, признать себя нигилистомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ защищать въ своемъ журналѣ совершенно противоположные взгляды, казалось мнѣ несовмѣстимымъ съ требованіями самой элементарной логики. Наконецъ, теоретическій интересъ побѣдилъ всѣ практическія соображенія, и я послалъ слѣдующее письмо, напечатанное по-французски въ 14-мъ—послѣднемъ—номерѣ Колокола:

Любезный Александръ Ивановичъ!

«Позвольте мнѣ прежде всего искренно поблагодарить васъ за честь, которую вы мнѣ сдѣлали, напечатавъ въ «Колоколѣ» стенографіей весьма обиженную рѣчь, произнесенную мною въ Бернѣ. Въ виду нападокъ на меня французской и иностранной прессы по поводу моей дѣятельности на второмъ конгрессѣ мира, это воспроизведеніе моей рѣчи представляетъ для меня особый интересъ. Надо будетъ имѣть особенное желаніе сдѣлать изъ меня защитника инквизиціи, чтобы не видѣть, что я отъявленный врагъ всякаго деспотизма и хочу вести пропаганду исключительно распространеніемъ знанія.

«Но, выражая вамъ благодарность за напечатаніе полнаго текста моей рѣчи, которую судили только по отдѣльнымъ искусно передѣланнымъ фразамъ, я не могу не протестовать—разумѣется очень дружественно—противъ тѣхъ строкъ, которыя вы мнѣ посвятили въ «Колоколѣ». Соединяя мое имя съ именемъ Бакунина, вы назвали насъ людьми *новаго міра*, высоко несущаго знамя *нигилизма*. Я не знаю, каково будетъ мнѣніе Бакунина, но что касается до меня, то я не согласенъ принять ни этотъ эпитетъ, ни эту роль. Говорю это не для того, чтобы снять съ себя личную отвѣтственность, а для того, чтобы выгородить доктрину, которой считаю себя послѣдователемъ, и журналъ, который здѣсь редактирую. Когда дѣло идетъ о моей личной отвѣтственности, я никогда не обижаюсь названіями матеріалиста, нигилиста, атеиста (которыя мнѣ часто даютъ), хотя я не принадлежу ни къ одной изъ этихъ категорій,—потому что считаю необходимымъ пріучить

публику не ставить въ позоръ какую бы то ни было философію, будь это христіанство или матеріализмъ.

«Но тутъ являются совсѣмъ особыя обстоятельства; тутъ уже не общій терминъ, а совершенно опредѣленная квалификація, и выражаетъ ее не противникъ, а пріятель. Странная вещь! Вы здѣсь сошлись—и вѣроятно первый разъ въ жизни—съ человѣкомъ, которому вы, конечно, не сочувствуете, съ г. Молинари; это совпаденіе одна изъ причинъ, побудившихъ меня написать вамъ это письмо. Вы, конечно, читали его нелѣпую статью въ *Journal des Débats* и видѣли тоже въ послѣднемъ номерѣ нашего журнала мой отвѣтъ, въ которомъ, впрочемъ, я его не цитирую (этимъ господамъ не слѣдуетъ дѣлать рекламы). Когда я писалъ свою статью, я никакъ не предвидѣлъ, что буду вынужденъ отвѣчать въ томъ же смыслѣ пріятелю—человѣку, котораго глубоко уважаю. А между тѣмъ, въ общемъ я долженъ сказать вамъ то же, что сказалъ авторамъ статей въ Débats и другихъ газетахъ, утверждавшихъ, что меньшинство Бернскаго конгресса было «русской сектой». Нѣтъ, я не нигилистъ; не то, чтобы я былъ абсолютнымъ противникомъ нигилизма—я его одобряю какъ направленіе, я его не признаю какъ догматъ. Вы сами вѣрно опредѣлили его, говоря, что онъ представляетъ отрицаніе стараго порядка вещей. Я же полагаю, что время отрицанія прошло, что французская революція, этотъ послѣдній актъ вѣка Вольтера и энциклопедистовъ, положила ему конецъ, что настало время утвержденія. Безъ сомнѣнія, есть еще страны—и я согласенъ, что Россія принадлежитъ къ ихъ числу,—гдѣ старое зданіе едва поколеблено и гдѣ, слѣдовательно, возможна одна отрицательная философія. Но обращать ее въ универсальную философію и прилагать ее всегда и вездѣ—въ высшей степени нераціонально. Нигилизмъ—ничто иное какъ философія прошлаго вѣка, вооруженная научнымъ аппаратомъ, который тогда не существовалъ; по своей аргументаціи, по своимъ стремленіямъ она не представляетъ и не можетъ представить рѣшительно ничего оригинальнаго; передъ ней такой образецъ, до котораго трудно достигнуть и который невозможно превзойти. Я не нигилистъ, потому что нигилизмъ на всемъ Западѣ чистый анахронизмъ; я работаю по мѣрѣ силъ въ пользу философіи нашего вѣка, которая относится къ нигилизму такъ же, какъ самъ нигилизмъ относится къ теологіи, изъ которой онъ вышелъ. Вы видите, такимъ образомъ, что я не человѣкъ *новаго міра* (а подъ нимъ, я знаю, вы разумѣете Россію и Америку), именно потому, что этотъ міръ находится еще въ

фазисѣ отрицанія, а отрицаніе меня не удовлетворяетъ. Я вовсе не пренебрегаю этимъ міромъ, которому, быть можетъ, будетъ принадлежать будущее, но я предпочитаю остаться человѣкомъ міра стараго, которому принадлежало прошедшее и принадлежитъ еще настоящее.

«Извините меня за это, быть можетъ слишкомъ длинное письмо—мнѣ не хотѣлось бы злоупотреблять гостепріимствомъ, которое вы ему окажете, я въ этомъ увѣренъ, на столбцахъ «Колокола».

Сердечно вашъ

Парижъ, 16 ноября. Г. Вырубовъ.

На это письмо Герценъ помѣстилъ въ «Прибавленіи», вышедшемъ 15 февраля 1869 г., довольно длинный отвѣтъ, который привожу здѣсь цѣликомъ въ переводѣ, чтобы предоставить ему послѣднее слово.

Любезный Вырубовъ!

«Согласно вашему желанію, я помѣстилъ ваше письмо въ послѣднемъ номерѣ «Колокола». Что касается меня, то я не раздѣляю вашихъ сомнѣній. Слово *нигилизмъ* принадлежитъ къ условному языку, оно было изобрѣтено противниками радикальнаго, реалистическаго движенія въ Россіи и осталось въ употребленіи. Не ищите же его опредѣленія въ этимологіи; разрушеніе, проповѣдуемое нашими реалистами, стремится всѣми своими побужденіями къ созиданію. Я увѣренъ, что вы не потребуете отъ меня повторенія того, что я всегда называлъ *нигилизмомъ въ Россіи*—это было бы съ вашей стороны жестокимъ признаніемъ, что вы не читали ни одной изъ десятка моихъ статей, въ которыхъ я старался разъяснить этотъ вопросъ.

«Что касается термина *новый человѣкъ*, то онъ обижаетъ васъ только потому, что вы мнѣ приписываете совершенно мнѣ чуждое его опредѣленіе. Мнѣ никогда не приходило въ голову прилагать дѣленіе четырерукихъ (simiae antiquae continentis и simiae novae continentis) къ нашимъ современникамъ. Дѣло тутъ не въ географіи, а въ полной независимости отъ христіанскихъ, монархическихъ, идеалистическихъ, юридическихъ и экономическихъ традицій стараго міра, въ образованіи государства безъ бога и церкви, какъ вы сами говорите. Я употребилъ терминъ *новый*

человѣкъ какъ равнозначащій понятію христіанъ о новомъ Адамѣ. Имѣлъ ли я право употребить этотъ терминъ, говоря о васъ и о Бакунинѣ?

«Припомнимъ факты. На Бернскомъ конгрессѣ все шло тихо въ опредѣленной колеѣ, позволявшей избѣгать утесовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ высказывать благородныя симпатіи благородному дѣлу. Вдругъ являются два человѣка, которые, пренебрегая всѣми вопросами о разоруженіи, всѣми надеждами на вѣчный миръ, выходятъ изъ программы и приводятъ на судъ конгресса одинъ — Бога съ его церковью, другой — собственность съ государствомъ, служащимъ ей опорой.

«Такая рѣзкая постановка вопросовъ, безъ предосторожностей, безъ уваженія къ принятому, была всегда, отличительной чертой нашихъ нигилистовъ, нашихъ *новыхъ людей*, безъ традицій и знамени, «изношеннаго побѣдой», но съ крѣпкими убѣжденіями, огромной отвагой логики; отдѣлившись отъ традиціи, они не записались ни въ какую опредѣленную школу.

«Поэтому-то всѣ либералы, доктринеры, чистые республиканцы, деисты *стараго міра* не ошиблись, вотируя противъ нихъ. Случилось такъ — и я не могу признать это за случайность, что эти два «новыхъ» человѣка—русскіе. Если бы я былъ въ Вернѣ, я, какъ Діонисій въ балладѣ Шиллера, потребовалъ бы чести быть *третьимъ*. Я конечно не думаю, что уничтоженіе церкви уничтожитъ войну. Плотоядныя животныя, хотя они въ Бога и не вѣрятъ, имѣютъ свой милитаризмъ и ведутъ ожесточенную войну, совершенно какъ религіозные люди и «храбрые народы». Я не думаю тоже, чтобы можно было перейти отъ *личной* собственности къ собственности *коллективной* посредствомъ декрета, какъ это хотѣлъ сдѣлать Т. Мюнстеръ. Но логика и разумъ этого требуютъ; ложь и нелѣпость, разъ обнаруженныя, оскорбляютъ, подавляютъ, унижаютъ.

«Спрашиваю васъ, любезный Вырубовъ, имѣлъ ли я право помѣстить въ обширную категорію нигилизма двухъ смѣлыхъ защитниковъ атеизма и соціализма и считать ихъ за людей «новыхъ», потерянныхъ среди представителей «стараго міра»,— міра, въ которомъ *Церковь* нужна для оправданія карающаго *Государства*.

«Потому-то Бакунинъ и не протестовалъ. Соединяя ваше имя съ именемъ Бакунина, я, правда, забылъ одно: вы приняли—простите мнѣ это выраженіе—схиму извѣстной доктрины, вы носите ея цвѣта, съ тѣмъ рвеніемъ раскольника, которое

даетъ силу проповѣди и вмѣстѣ съ тѣмъ умаляетъ личную независимость. Вы опасаетесь всякаго подозрѣнія въ невѣрности и принимаете мои слова за покушеніе на цѣлость вашего философскаго брачнаго контракта. Это единственная почва, на которой вы въ правѣ отвергать такъ симпатично данное мною вамъ прозвище; въ простотѣ моей души я думалъ, что нѣтъ никакого противорѣчія между позитивизмомъ и революціоннымъ реализмомъ Молодой Россіи.

«Новый человѣкъ», какъ требовалъ Апостолъ, долженъ былъ принадлежать не Апеллесу, не Павлу, а *новому міру*. Если я такъ думалъ о васъ, въ этомъ конечно нѣтъ для васъ ничего обиднаго,—тѣмъ болѣе, что я, признаюсь, совершенно неспособенъ придерживаться какого бы то ни было катехизиса, къ которому надо безпрестанно прибѣгать, чтобы подыскивать подходящій текстъ. Мнѣ кажется, что въ наукѣ нѣтъ откровенія, нѣтъ постоянныхъ догматовъ; все въ ней, напротивъ того, движется и совершенствуется. Наука вызываетъ и созидаетъ своихъ вождей, подчиняется ихъ вліянію и проходитъ мимо, не давая имъ патента на изобрѣтеніе, не создавая имъ маіоратовъ изъ своихъ всѣмъ открытыхъ областей. Смѣю думать, что таково было мнѣніе самого Конта въ блестящую эпоху его генія, но, не будучи въ состояніи убѣдить васъ цитатой, полагаюсь на васъ.

«Если бы вы не подчинялись традиціи, какъ могли бы вы сказать, что, при современныхъ условіяхъ, время отрицанія прошло для Франціи. Какъ будто религія, государство, юридическіе и военные предразсудки не заправляютъ во Франціи всѣми умами, за исключеніемъ нѣсколькихъ эксцентриковъ? Пропасть, отдѣляющая науку отъ народа, неизмѣрима. Отвлеченіе просто и можетъ быть вѣрно sub specie aeternitatis, но его прямая линія нисколько не соотвѣтствуетъ причудливой кривой исторіи, въ которой есть и узлы, и возвраты назадъ. Для того, чтобы прилагать на практикѣ какую-нибудь формулу, надо овладѣть всѣми элементами, всѣми имѣющимися условіями. Несомнѣнно, что наука теперь переходитъ изъ метафизики въ позитивизмъ, но можно ли утверждать, что толпа идетъ за ней? Есть еще, къ несчастью, не мало горъ, которыя надо прорубать какъ Монъ-Сени. Не отрекайтесь же отъ тѣхъ, которые копаютъ и разрушаютъ для того, чтобы вашъ гордый локомотивъ могъ перейти, не на картѣ, а въ дѣйствительности, отъ фетишизма въ область науки.

«Большое счастіе было бы для Франціи, которую Жирар-

денъ удивляетъ, оглушаетъ своими дерзкими фразами, еслибъ пронесся по ней духъ отрицанія, если не въ школахъ, то на улицѣ, въ общественныхъ учрежденіяхъ. Лишь бы почва была еще способна производить; она очень стара, истощена и видимо изъ плодотворныхъ пажитей обращается въ окрестности Рима и Понтійскія болота.

«Извините за откровенность, весьма дружественную, моего письма; на эту откровенность обязывало меня мое уваженіе къ вамъ. Нашъ «Колоколъ», вы знаете, пересталъ звонить; если вы будете мнѣ отвѣчать, дайте мнѣ мѣстечко въ вашемъ журналѣ для возраженія. Дружескій привѣтъ».

Ал. Герценъ.

«P. S. Видѣли ли вы, что *Голосъ* продолжаетъ «обвинять» васъ въ редакторствѣ *Народнаго дѣла*? Какъ они хорошо освѣдомлены!»

Этимъ наша полемика и кончилась. Я бы могъ, конечно, возразить ему, что разъ онъ причисляетъ меня къ рѣзко опредѣленной школѣ, онъ не можетъ ставить меня въ ряды нигилистовъ, которые, по его же собственнымъ словамъ, не принадлежатъ ни къ какой школѣ. Я могъ бы обратить вниманіе на странное смѣшеніе позитивизма съ нигилизмомъ, этихъ двухъ діаметрально противоположныхъ полюсовъ философской мысли. Я бы могъ тоже сказать, что если Бакунинъ дѣйствительно не протестовалъ печатно, за то осуждалъ гораздо строже меня герценовскій «новый міръ».

«Обращаясь къ вашему письму въ «Колоколѣ»,—писалъ мнѣ Бакунинъ 15 февраля 1869 г.,—«я разнюсь съ вами не въ порицаніи герценовскаго славяно-русскаго мессіанизма. Старый, на старости лѣтъ съ ума спятилъ, и очень удивился бы Герценъ молодой, какого я зналъ до 48-го года, еслибъ ему кто сказалъ, что онъ на старости лѣтъ будетъ городить такой вздоръ. Предоставляю положительной физіологіи и соціологіи объяснить причины такой грустной перемѣны».

Еслибъ мы продолжали нашъ теоретическій споръ съ нашими весьма боевыми темпераментами, мы очень скоро дописались бы до колкостей, а я, во что бы то ни стало, хотѣлъ сохранить добрыя отношенія съ человѣкомъ, въ которомъ я искренно любилъ благородный характеръ и глубоко уважалъ блестящій талантъ. Сохранить равновѣсіе добрыхъ отношеній было не такъ-то легко; моя искренняя симпатія встрѣчала мало взаимности. Герценъ меня очень уважалъ—онъ это не разъ мнѣ

доказалъ, посвящая въ свои семейныя дѣла и спрашивая совѣта во многихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ,—но сочувствовать онъ мнѣ не могъ. Его пылкій, порывистый характеръ, его необыкновенная впечатлительность, заставлявшая его быстро переходить отъ одного предмета къ другому и быть всегда подъ вліяніемъ измѣнчивыхъ внѣшнихъ условій, трудно уживались съ моей разсудочной натурой и моей привычкой къ научному мышленію. Онъ, правда, относился съ большимъ почтеніемъ къ точной наукѣ—онъ вѣдь былъ кандидатомъ физико-математическаго факультета,—но почтеніе его было, такъ сказать, платоническое. Онъ признавалъ научные методы постольку, посколько они не стѣсняли свободы его умозрѣнія; мысль его не признавала никакихъ рамокъ, при первомъ затрудненіи она неудержимо стремилась перешагнуть границы строго научнаго знанія. Отсюда наши частыя столкновенія, которыя его крайне раздражали и о которыхъ онъ не разъ упоминалъ въ своихъ письмахъ Огареву. Насколько было возможно, я избѣгалъ споровъ на философскія и политическія темы, въ которыхъ особенно ярко выступала разница нашихъ воззрѣній, и мы, благодаря взаимнымъ уступкамъ и взаимному уваженію, жили въ мирѣ и согласіи, все болѣе сближались и все чаще видѣлись, въ особенности въ послѣдніе мѣсяцы его жизни, когда, утомленный наконецъ вѣчнымъ скитаніемъ, онъ рѣшился устроиться окончательно въ Парижѣ.

Я ожидалъ, что мое выступленіе въ «Колоколѣ», мое дѣятельное участіе въ международныхъ конгрессахъ «мира и свободы» навлекутъ на меня гоненія русскаго правительства, въ особенности въ то время, когда оно, проскакавъ быстро впередъ, вдругъ повернуло оглобли и пошло шибко назадъ. Но, къ моему вящшему удивленію, ничего такого не случилось. Я ѣздилъ безпрепятственно почти каждый годъ въ Россію на нѣсколько недѣль, то повидать товарищей, то поохотиться въ деревнѣ, не подвергаясь никакимъ непріятнымъ замѣчаніямъ со стороны властей.

Гоненіямъ подвергся я, совершенно для меня неожиданно и вопреки всякимъ вѣроятіямъ, гораздо позже, двадцать лѣтъ спустя, когда я уже давно перешелъ изъ русскаго подданства во французское гражданство, и притомъ съ согласія русскаго правительства.

Но объ этомъ когда-нибудь въ другой разъ.

Парижъ. Г. Н. Вырубовъ.

ПИСЬМА А. И. ГЕРЦЕНА Г. Н. ВЫРУБОВУ 1866-1869.

16 декаб. 1866. 7 Quai Mont Blanc.

Я очень былъ радъ даже печальному письму вашему. И такъ, вы sain et sauf—возвратились изъ любезнаго вертепа. Трудна эпоха, по которой мы проходимъ—но я, какъ и прежде гляжу съ сочувствіемъ, но безъ отчаянья. Прошу васъ обратить вниманіе въ «Колоколѣ» на рядъ статей подъ заглавіемъ: «Порядокъ торжествуетъ!»—1-ая въ декабрскомъ л. Вы немного отвыкли отъ Николаевскаго времени—и мало знали его—оно было не лучше (цѣлыхъ 30 лѣтъ), а произвело путнаго и сильнаго много. A propos, знаете ли вы фельетоны Шедо Фероти о «нигилизмѣ въ Россіи» въ «Эхо» отъ № 90... Это очень забавная вещь какъ мѣра *ихъ* пониманья.

Что ваши литературно-научные проекты? Не хотите ли издавать sommaire о Контѣ на русскомъ — Огар. и еще одинъ господинъ (математикъ) хотятъ сильно заняться этимъ. На Литре я срѣзался — сталъ было читать его толстую книгу о Контѣ и со всѣми усиліями, долженъ былъ бросить—вялость, неумѣнье группировать, повтореніе и пуще всего—вѣчный споръ объ изобрѣтеніи и чести лавочки надоѣлъ. [1]).

Я ѣду завтра черезъ Ниццу во Флоренцію. Въ Ниццѣ пробуду нѣсколько дней—пишите Poste restante. А во Флор. 41 Via S-ta Monaca 2-v p-o. Если же хотите что написать Огар.—пишите сюда 7 Quai Mont Blanc.

---

[1]) Этотъ строгій и странный отзывъ о замѣчательной книгѣ, имѣвшей огромный успѣхъ, лишній разъ показываетъ, что Герценъ имѣлъ случайное понятіе о новой научной философіи и не сочувствовалъ ей. Онъ былъ слишкомъ проникнутъ нѣмецкой метафизикой.

У насъ здѣсь—гадость за гадостью. Негодяи изъ нашихъ, негодяи изъ поляковъ, сумасшедшіе, лишившіеся ума. Хуже кабака нѣтъ въ мірѣ. Кн. Долг. неистовствуетъ по временамъ... и это разсѣеваетъ.

Видѣли ли вы тогда проѣздомъ Сат.(ина) или его жену—и могли ли исполнить комиссію. Нат. Ал. Огарева спрашиваетъ васъ объ этомъ.

Всѣ вамъ кланяются.

Прощайте. Не забывайте иной разъ, что у насъ собирается *фондъ* въ пользу нашихъ эмигрантовъ. Я согласенъ, что было бы лучше, если-бъ часть ихъ умерла съ голода, но по слабости все же надобно ихъ покармливать.

Жму вамъ руку.

А. Гр.

Я возвращусь въ Жен. 1 марта.

2.

26 декаб. 1866. Nice—87, Promenade des Anglais.

Пишу нѣсколько строкъ, чтобы сказать, что письмо ваше получилъ. Бак.(унинъ) все въ Неаполѣ—но ко мнѣ очень давно не писалъ. Я пробуду здѣсь еще дней десять.

Если вы можете употребить нѣсколько денегъ въ Парижѣ—на бѣдныхъ соотечественниковъ—то въ фондъ не посылайте. Я о Шахо.(вскомъ) знаю [1]) съ самой превосходной стороны. Л(угининъ) брался немного устроить его. Но что это за Михайловскій? Я зналъ одного величайшаго негодяя (entre nous)—маленькой, черной, былъ во флотѣ, бѣжалъ изъ Одессы. Остерегайтесь его. [2]). Я не дѣлю мнѣнія христіаннѣйшаго Луг.(инина), что слѣдуетъ помогать всякому негодяю, когда онъ въ нуждѣ, и согласенъ гораздо больше съ Калонномъ, министромъ Людвига XVI, который отвѣчалъ поэту, просившему у него денегъ на про-

---

1) Бывшій офицеръ, настоящее имя котораго Озеровъ; эмигрировалъ во время польскаго мятежа.

2) Оказалось, что мой Михайловскій и Михайловскій Герцена—одно и то же лицо. Не смотря на то, что при насъ онъ разыгрывалъ роль безбожника, онъ записался въ папскіе зуавы и получилъ на обмундированіе 4000 фр. Деньги онъ взялъ, мундира не купилъ и въ Римъ не поѣхалъ.

питаніе: mais à quel titre?—Monsieur, il faut donc(que) j'existe!—Je n'en vois pas la nécessité.

Еслибъ вы посмотрѣли, до какихъ чудовищныхъ размѣровъ развился rufianism нашихъ *юныхъ* братій въ Женевѣ, вы поняли бы, откуда у меня бездна желчи противъ нихъ. Они насъ ругаютъ уже печатно (и все изъ-за денегъ), а Шедо Фероти меня защищаетъ.... Унавоженные съ обѣихъ сторонъ мы процвѣтемъ должно быть вотъ какъ.

Здѣсь прекраснѣйшій Кн. Т. Жаль, что вы не встрѣтились.

Лугинину поклонитесь. Онъ пишетъ ко мнѣ по двѣ строки на слоновой кости или бѣленомъ свинцѣ—кладетъ въ гранитный пакетъ и не франкируетъ. Это вѣрно мода—въ Fleurus [1])—я всегда предпочиталъ Жемапъ. Это не мѣшаетъ мнѣ его любить отъ души—но мѣшаетъ переписываться.

Не знаю, пріѣду ли въ Парижъ? Богъ съ ней съ выставкой.

Желалъ бы, чтобы вы прочли прибавл. къ Былое и Думы (еще не вышло) именно объ Энгел. и Сазоновѣ—тутъ пришлось сказать многое.

Прощайте.

P. S. Бога ради замѣтьте, что въ Кол. 1 января конецъ 2-го столбца—искаженъ въ печати.

---

17 мая 1867—7 Quai Mont Blanc.

Очень радъ съ вами опять перекликнуться и съ искреннимъ желаніемъ успѣха прочелъ вашу программу. Во имя науки, освобожденной не только отъ религіи, но и отъ метафизики, можно идти на проповѣдь. Худшій врагъ вашъ—это двойство образованія, это оврагъ, который дѣлитъ васъ Лейбъ-Компанейцевъ разума съ всей толщей народонаселенія—въ которомъ есть слои «всѣхъ возрастовъ отъ тридцати до двухъ годовъ считая»—прошлыхъ историческихъ формацій, но нѣтъ *современнаго* слоя. Въ странѣ 800.000 солдатъ, въ которой журналы подстрекаютъ на войну, въ странѣ, гдѣ уничтоженіе тюрьмы за долги принимается за дебоширство, вы останетесь фалангой будущаго. Гдѣ тотъ рядъ сильныхъ произведеній, которыя бы подтверждали скорыя надежды развитія? Но работать надобно—

[1]) Rue Fleurus — улица, на которой въ то время жилъ Лугининъ.

тутъ нѣтъ выбора, и потому ваше дѣло, разумѣется, прекрасно. Въ слѣдующ. Колоколѣ мы объявимъ о Revue.

Письмо мое къ Аксакову—не къ Аксакову; я, такъ какъ вы сами говорите, просто и взялъ его за предлогъ чтобъ еще разъ имъ поставить ужъ не points sur les i, а пате на «ижицахъ».

Здѣсь дѣлаются чудеса—составилась легкая бесѣда русскихъ емиграчей (это новое слово для нихъ придуманное мною), которой крѣпкая голова Сер.(но)- Сол. (овьевичъ), выпущенный меньше года изъ сумасшедшаго дома. Они себѣ поставили цѣлью обругивать меня, печатать брошюры, лгутъ, напр., о моей розни и ссорѣ съ Чернышевскимъ, словомъ «демолируютъ» меня да и только.

Въ Парижъ я теперь не поѣду, больно грузно. А къ 1 іюлю поѣду опять въ Италію—и можетъ до зимы.

Я радъ, что вамъ по душѣ Былое и Думы—у меня есть готовые V и VI часть да еще суплементинъ (V—Лондонъ и эмигранты нерусскіе, VI—Исторія типографіи и Колокола, изъ нея будетъ большой отрывокъ въ Кол. Суплементъ состоитъ изъ швейцарскихъ видовъ и Venezia la bella—послѣдней статьей я доволенъ).

Читали ли вы «Дымъ» И. Тургенева? Не стыдно ли въ сѣдинѣ своей... такую дрянь. Я его немного задѣлъ.

О Шахов. тоже вѣсть ваша хороша. Помогайте ему пожалуйста—тѣмъ больше, что съ 15 мая я уничтожилъ общій фондъ, благодаря нахальству емиграчей. (Если когда вздумаете прислать на бѣдныхъ, знайте, что я теперь распоряжаться буду самодержавно).

Затѣмъ прощайте—не знаю, будетъ ли что у меня, но если найду у кого изъ нашихъ подходящую статью, то можно ли ее вамъ послать *по русски?*

Будьте здоровы. А. Г.

Луг. если опять увидите, поклонитесь ему и передайте о Сер.-Сол. Я Луг. очень уважаю и очень люблю. Вѣроятно русскихъ, qui s'exposent à l'exposition видимо не видимо?

А вы мнѣ 1-ую книжку Revue пришлите.

Сейчасъ получ. отъ Баку(нина) письмо. Онъ въ Искіи—хлопочетъ, шумитъ—прочтите его письмо въ Кол.

4.

17 іюня. 7 Quai du Mont Blanc.

Благодарю васъ за письмо и брошюру, въ которой тотчасъ прочелъ вашу часть—и очень доволенъ ею. Я на дняхъ писалъ вамъ небольшую записку съ нѣкіимъ Баумъ-Риттеромъ, но онъ уѣхалъ въ Гейдельбергъ и ближе недѣли не будетъ въ Парижѣ. Дѣло вотъ въ чемъ. Въ то самое время, какъ я напечаталъ вашу програму въ Кол., я получилъ проектъ подобнаго Revue, но больше спеціальнаго, которое собирались издавать во Флоренціи нѣсколько молодыхъ людей, редакторомъ хотѣлъ быть Monod [1])—человѣкъ очень дѣльный, умный и образованный, Шперъ и Молешотъ обѣщали участвовать, Levier D-r и мой сынъ тоже. Меня просили статей о Россіи и Фогтѣ.

Устоять ли два такіе журнала? Вотъ вопросъ, въ силу котораго я просилъ ихъ пріостановиться и просто посовѣтываться съ вами и Литре. Нельзя ли сдѣлать fusion или акцентуировать разницу. Идутъ они всѣ изъ основъ положительной философіи.

Флоренцію я не считаю удобнымъ центромъ, издавать можно—въ Лондонѣ [2]), Парижѣ, Брюсселѣ и Женевѣ.

Я думалъ, что Monod поѣдетъ въ Парижъ, а онъ уѣхалъ въ Берлинъ и поручилъ очень милому и очень больному поляку Baum-Ritter'у побывать у васъ. Omni casu прошу васъ его ласково принять. Напишите мнѣ ваше мнѣніе? Думаете ли вы, что въ Парижѣ долго будутъ терпѣть вашъ Revue. Вы въ вашей статьѣ мастерски проѣхали между скалами. Это не всегда удается, особенно при полемикѣ. Отчего вамъ не имѣть редакц. въ Парижѣ, а изданіе въ Женевѣ. Вы сдѣлали бы этимъ большую пользу типографіи нашей (т. е. Чернецкому). Подумайте—я бы вамъ привелъ всю эту молодежь. Вотъ вамъ задача.

Хорошо ли видѣться въ Ліонѣ?—Съ тѣхъ поръ какъ я писалъ Лугинину, много утекло воды. Что вамъ стоитъ пріѣхать въ Женеву—на сутки? Луг. просто грѣхъ уѣхать такъ, я уже ему писалъ вопросъ о комиссіи и не имѣлъ отвѣта.

---

[1]) Женился въ 1870 г. на младшей дочери Герцена, Ольгѣ Александровнѣ, [illegible]

[2]) Страшно дорого.

Чтобъ вы никогда не читали Колоколъ черезъ 15 дней, я вчера послалъ *новый* (отъ 15 іюня) sous bande. Прошу васъ написать получили ли его—мнѣ это *нужно* знать.

Какъ я отнесся къ дѣлу Березовскаго, вы видите. Милаго нашего Фалстафа я осмѣялъ въ концѣ N. Очень хотѣлось бы знать, какъ эти статьи подѣйствовали на русскихъ Ex-gr на графиню Саліасъ—и на не графа Утина. Скажите, что я жду также отзыва отъ Лугин.

Вы мнѣ должны сказать ваше мнѣніе безъ пощады.

У насъ одна новость—это мой Кучукъ Кайнарджи съ И. С. Тургеневымъ, примиреніе и ein zarter Briefwechsel.

Прощайте. А мнѣ жаль, что вы отняли свои силы отъ Россіи. Такой ужъ у меня нравъ. Огар. раздѣляетъ мое мнѣніе.

Я до 1 іюля и не думаю ѣхать, мнѣ надобно съѣздить дня на два въ Бернъ. Если бы вы или Луг. хотѣли забѣжать въ Genf—напишите два дня прежде и подождите отвѣта.

Еще разъ прощайте и будьте здоровы.

Ал. Герценъ.

Если Луг. не хочетъ въ Женеву, можно выбрать возлѣ Женевы—да я и здѣсь берусь спрятать отъ дурного глаза.

5.

6 ноября 1867.—27 Promenade des Anglais, Nice.

Посылаю вамъ, почтеннѣйшій и нагорный житель Лаціума, нашу программу. Хорошо, если бы объ насъ сказали въ двухъ трехъ журналахъ.—Я пошлю въ Courrier и въ Libertè, даже въ Temps—просто (?) вы знаете кой-кого изъ Courrier.

Ну довольны ли вы передовой страной? Или до вашихъ горныхъ селеній не доходятъ наши воздыханія?

Я полонъ ненависти до конца ногтей.

Благодарю за вашъ добрый пріемъ—можетъ скоро придется опять побывать въ П.—изъ Америки еще нѣтъ отвѣта.

Если вамъ не жаль, то пришлите книжку Revue вашего.

Отъ Огар. не добьюсь. Да (въ силу предложенія вашего) не вышла ли 3 книжк. Карлейля на франц.?

Весь вашъ А. Герценъ.

6.

12 ноября 1867—Nice (Alp. Mar.)
27 Promenade des Anglais

Письмо изъ Лаціума получилъ,—cum tabellario—какъ расписывался Цицеронъ, получая въ Брундузіумѣ цидулки отъ своей супруги.

Карлейля только 3 книгу пришлите. У него картины хороши, а разсужденія à la Jean Paul Richter in's Blaue hinaus.

Взглядъ вашъ на исторію я очень дѣлю, и понимаю его. Но вѣдь въ исторіи мы играемъ двойную игру—зрителей и актеровъ: если актеръ не будетъ страстно проникнутъ своей ролью, онъ ее играть не станетъ и останется профессоромъ исторіи, а не дѣятелемъ. Вотъ отчего одни смотрятъ на болѣзнь и изучаютъ ее, а другіе ею болѣютъ, они сами докторъ и больной. Нельзя не знать, что сломленной ногѣ будетъ больно, а вѣдь все-таки больно.

Далѣе, вашъ научный взглядъ дозволяетъ вамъ сказать ex. gr.—что Испанія въ маразмѣ, въ старости, въ величавой импотенціи, а что Сѣв. Ам. пышетъ здоровьемъ, но многое въ ней сыро и не обтерлось, но вамъ ея будущее ближе къ сердцу—чѣмъ интересная агонія въ Эскуріалѣ.

Далѣе вы не вовсе правы въ томъ, что вожаками остались Франц. и Англія. Англія идетъ, но не ведетъ, авангардъ ея Америка.

А солдатская страна—претъ назадъ—и нашла коса на камень, т. е. на Пруссію. Она поведетъ; теперь праздникъ въ Нѣмецкой слободѣ—Колбасократія. Франц.—твердый и мощный оплотъ всякаго консерватизма, старшая дочь церкви — она и должна была спасти Святой Сіежъ.

Засимъ прощайте. Дѣло въ Америкѣ вчера кончилось (т. е. вчера получилъ письмо)—успѣшно, даже съ выгодой [1].

---

[1]) Это относится къ финансовымъ дѣламъ Герцена, значительная часть состоянія котораго была помѣщена, по совѣту Ротшильда, въ американскихъ бумагахъ, одно время очень упавшихъ.

Третью книжку жду и впередъ благодарю. Можетъ къ 15 декаб.—лично явлюсь.

Объявилъ ли объ насъ во француз. болѣзни Courrier? Или я пошлю на съѣденіе первый листъ.

Искренно преданный А. Герценъ.

Здѣсь говорятъ, что въ финансовой нуждѣ въ Россіи заготовленъ ужасный указъ—объ обязательномъ выкупѣ казенными крестьянами земель—безобразнѣйшее дѣло.

Ал. Ник. сдѣлался ханжой и все толкуетъ, что если будетъ Гретъ атентатъ, то бѣда, и по этому спеціально и усиленно молится.

Пошлите ему 3 книжку.

7.

28 ноября 1867. Florence.
9 Piazza Felice (Via Maggio) 3° p°.

Я уѣхалъ изъ Ниццы, не получивъ вашего отвѣта, и пишу къ вамъ теперь по поводу одного небольшаго дѣла. Мой сынъ написалъ небольшую и очень недурную вещицу (Conversations physiologiques), довольно популярную—о нервныхъ явленіяхъ мозга, о рефлексахъ и пр. Думаете ли вы, что вашъ издатель возьмется за изданіе, и если да, то на какихъ условіяхъ. Книжка будетъ въ 140—150 стр. такого формата, какъ Карлейль. Я готовъ напечатать въ своей типографіи, но полагаю, что наши пути далеко не такъ хороши, какъ у Ш. Бальера (кажется такъ?).

Пожалуйста, черкните объ этомъ строчку.

Далѣе, у меня есть и еще просьба. Вы меня можете сильно обязать взглядывая сами или поручивъ кому-нибудь въ журналы между 5 и 15—20 дек., не будутъ ли насъ зашать за 1-ый листъ «Колокола». Я даже попросилъ бы—если что будетъ особеннаго—мнѣ прислать, послѣ сочтемся. Если и вамъ захочется пощелкать насъ въ вашемъ «Revue»—пощелкайте. Я здѣсь слышалъ, что ваша статья о Мирн. Конг. очень хо-

роша, но за что же вы ее не прислали, т. е. 3 книжку? Или вы ее послали только въ Женеву?

Здѣсь та тоска, которая бываетъ въ домѣ послѣ большаго несчастья и притомъ некрасиваго—когда отца повѣсятъ за воровство, сына за насилье отдерутъ кошками или въ этомъ родѣ.

Меня Heimweh по Англіи разбираетъ. Вы ее ужъ возьмите въ милость—и будьте здоровы, а если можно покойнѣе и веселѣе меня.

Преданный вамъ
А. Герценъ.

P. S. Кол. вы получите, я полагаю, 5 или 6 дек. Мой переѣздъ его задержалъ. Слышали вы, что К. Фогта въ Ахенѣ прусскіе жандармы съ обнаженными саблями спасали отъ набожной аудиторіи, скандализированной его вольнодумствомъ въ зоологіи?

8.

9 декабря 1867—Florence
9 Piazza S. Felice (Via Maggio) 3º pº.

Виноватъ и виноватъ. Книгу М. Дюфреса прочиталъ, оставилъ въ шкапѣ и уѣхалъ изъ Ниццы. Книга эта хорошая, и я ее охотно оставлю—купите друг. экземпл., а я вамъ отдамъ въ Парижѣ (гдѣ буду вѣроятно въ январѣ). Я уѣхалъ изъ Ниццы 17 ноября, и тогда вашего revue не было.

А вѣдь старичка Кине вы упрекнули даромъ въ концѣ статьи. Одно сказать у человѣка на сію минуту—совѣсть (нравственное сознаніе своего отношенія къ людямъ) затмилась— и другое, что на это есть причины. Это и не противорѣчіе, а констатація съ одной стороны и объясненіе съ другой. Можетъ отсутствіе совѣсти—хорошій признакъ въ теченіе историческаго катаклизма, какъ расчищеніе для новой совѣсти.

О Величк. узнаю.

На счетъ рукописи самъ еще не знаю, но Мечниковъ ставитъ тотъ же вопросъ. Онъ прочелъ нѣсколько лекцій, и Огар. пишетъ—весьма не дурно. Ему хотѣлось бы ихъ издать на франц. Я говорилъ ему, чтобъ обратился къ вамъ.

Колок. для зарекомендованія себя явится *15 декаб.* (съ числомъ 1 янв. 1868)—мнѣ жаль, но за многое вы меня побраните. Журналы если будутъ писать оборвутъ. Жаль, если и Курье Ф. . . . . (слово не разобрано).

Иду въ камеру—смотрѣть, сегодня рѣшается вопросъ—есть совѣсть или нѣтъ у итальянцевъ,

Пожалуйста, не сердитесь за Дюфреса—это все жизнь бѣгуна или вагабонда.

Сынъ мой кланяется.

А. Герценъ.

Собираюсь 15-го ѣхать на Миланъ.

9.

11 сентября Chat. Prangin prés Nyon.

Будемъ очень рады васъ видѣть—мы же всѣ разсыпаемся кто въ Женеву, кто во Флоренцію, а я ѣду въ Парижъ на нѣсколько дней.

Мы обѣдаемъ въ два часа, пьемъ чай въ 7. Въ воскресенье, полагаю, всѣ будутъ дома.

Если вы будете такъ добры и пріѣдете—пріѣзжайте одни. Огар. будетъ радъ побесѣдовать безшумно. Здоровье его нехорошо. И меня все увѣряютъ, что я боленъ.

Ну, а Швейцарію вы пощадите, а то какъ вы насъ отдѣлаете ad instar Лондона? Просто придется горы срывать.

Да и миръ то намъ дайте, т. е. міру. Пока ждемъ замиренья всѣхъ. Я читаю отъ доски до доски Les Etats Unis—фельетоны Армана Гёга и прочее.

Усердно кланяюсь.
Весь вашъ
А. Герценъ.

Къ 15 уѣзжаемъ мы всѣ.

10.

27 окт. 1868. Lyon. Hôtel de l'Europe.

Я къ вамъ съ просьбой. Не можете ли вы мнѣ указать и даже достать un mot d'introduction къ какому - нибудь очень порядочному доктору медицины или натуралисту, непремѣнно позитивному и въ хорошемъ направленіи, въ Марселѣ или Ліонѣ, всего лучше тамъ и тутъ.

Я могъ бы сослаться, какъ изд. Колокола, на ваше Revue, но такъ какъ вы покрыли насъ молчаніемъ, то la Revue positive выйдетъ тутъ négative для меня. Это не въ упрекъ, а въ шутку.

Изъ Vichy я пріѣхалъ какъ турецкій кофе—безъ сахара; съ 4%—сахаръ свели на 0,3.

Я въ Ліонѣ еще нѣсколько дней. Если уѣду, мнѣ его пришлютъ. Но вспомните, что Контъ сказалъ: Bis dat qui cito dat.

Вѣрно Реклю знаетъ всѣхъ.

Во Флоренціи—какъ я и предвидѣлъ—послѣ Матеуччи началась реакція. Переживетъ насъ старушка Католическая, какъ вы ее ни позорили на толкунѣ мира.

Засимъ усердно кланяюсь.
Ал. Герценъ.

P. S. А знаете ли вы, что я вамъ долженъ за Дюфреса? Забылъ въ Prangin.

Тата сказывала мнѣ, что встрѣтилась съ вашими въ вагонѣ и о томъ, что у васъ Прудоновская точка зрѣнія на прекрасный полъ. Консерватизмъ, я полагаю, хоть въ чемъ-нибудь да долженъ дѣлать свою обструкцію. Это своего рода связь съ современностью, канатъ, держащій воздушный шаръ отъ слѣдованія за Иліей пророкомъ.

Еще разъ прощайте.

Боткинымъ D-r я безъ мѣры доволенъ—да, это серьезный человѣкъ.

11.

3 ноября.—Lyon.

Письмо ваше получилъ, и пишу вамъ одной ногой въ вагонѣ—ѣду сейчасъ въ Женеву, гдѣ вѣроятно пробуду недѣли три (пишите на адресъ Огар. или poste rest.). Статью мы, разумѣется, помѣстимъ—и даже за отвѣтомъ дѣло не станетъ—вся бѣда въ томъ, что я васъ попрошу поторопиться: очень можетъ быть, что съ новаго года Колоколъ прекратится (пока это секретъ). Мнѣ кажется, что вы слову нигилизмъ придаете невѣрное значеніе. Человѣкъ, который въ конгресѣ мира ставитъ прямо вопросъ атеизма, можетъ называться нигилистомъ, реалистомъ, позитивистомъ. Всего забавнѣе если-бъ мы васъ назвали Контистомъ, какъ будто позитивизмъ выдуманъ такимъ-то мастеромъ, тогда-то и тамъ-то. Это было хорошо для Магомета и....

Но пишите и присылайте—намъ это на руку.

Я читалъ небольшую миленькую вещь Du Travail de la nature et de l'homme—что это за Г. этотъ Фуко или какой-то Эд.

А если можете дайте чье-нибудь имя въ Марсели. Мнѣ, можетъ, придется тамъ пробыть нѣсколько дней.

Прощайте.

Дочь моя не ѣдетъ въ Женеву.

Если вамъ пріятно, я явлюсь къ вашимъ — я останов. въ Hôtel de la Russie.

На-дняхъ пришлю вамъ Пол. Звѣзду на 1869.

12.

26 янв. 69. Villa Fili ppi..

Я обѣщалъ васъ извѣстить о моей статьѣ—представьте, что «Нед.» лежала у насъ и мы не видали, что статья «Скуки ради»—была въ *48 №*—почти безъ малѣйшаго выпуска.

Вы хотѣли справиться о Пол. Звѣздѣ и даже о томъ, что получилъ ли ее Ханыковъ.

Какъ вы доѣхали? Здѣсь холодно.

Я могу заключить новой формулой искренно уважающій васъ и откровенно не согласный со многимъ. Карамзинъ назвалъ бы васъ Мизогиномъ за сомнѣніе въ писательскомъ талантѣ женщинъ,—и вообще въ науко-литературномъ амазонствѣ.

Жду ваши громы въ отвѣтъ и приготовляю паратонеры, также и книжицу Наке.

Прощайте и пуще всего будьте здоровы.
А. Герценъ.

P. S. Когда вы уѣхали, я вспомнилъ, что Геслеръ объяснялъ тѣмъ же доводомъ необходимость кланяться шляпѣ, которымъ вы—законность ареста буржуа за фонарь. «Ты знаешь, Тель, что есть законъ»... Но Теля онъ не убѣдилъ—стало есть двѣ логики, два ума-разума.

13.

16 февраля. Villa Filippi, rue Mercanzoni.

Какой-то фатумъ мѣшаетъ моему письму противъ васъ явиться—въ послѣдней корректурѣ прибавленія въ русской части были такія ошибки, что я остановилъ. Пользуясь этимъ, я еще обращаюсь къ вамъ съ двумя просьбами.

1-ое. Если можно купить у Наше или въ другомъ мѣстѣ микроскопъ отъ 70... до 80... 85 до 90 франковъ, вы меня обяжете, велѣвши прислать сюда съ почтовымъ ordre à payer.

2-ое. Пришлите, т. е. велите прислать отъ Tourmer—Rue Notre Dame de Nazareth 58—преподавательную химическую лабораторію отъ 12 до 20 франковъ.

И то и другое — прислать могутъ по адресу такому-то: Nice (Alpes Mar.) Rue Mercanzoni Villa Fillippi.

Книги Наке я не получилъ. Гдѣ живетъ его отецъ? Нельзя ли съ вашимъ книгопродавцемъ G. Bal. начать переговоры объ изданіи на французскомъ языкѣ моихъ записокъ?

Будьте такъ добры и напишите отвѣтъ.

Изъ редакціи русскаго журнала я получилъ любезнѣйшую просьбу продолжать.

Усердно кланяюсь вамъ
А. Герценъ.

14.

10 марта 1869. Villa Filippi. R. Mercanzoni.

Благодарю васъ за микроскопъ, «а за старанье вдвое», какъ говоритъ Софья Павловна въ «Горе отъ ума». Я его еще не получилъ, но вѣроятно Наше его пришлетъ. Я очень радъ и потому, что полемика наша жила какъ розы живутъ—одинъ день и что вы не вознегодовали на меня. Только пожалуйста оставьте мысль, что я ненавижу Францію и Парижъ,—я просто *вижу* и, не обязанный какому-нибудь ордену или какому-нибудь Папѣ—говорю истинно, что живу. Если-бъ моя борьба, мое ремесло жизни было въ Парижѣ, я не задумался бы ни на минуту и переселился бы туда—я съ поля битвы или опасности по слабости нервъ—нигдѣ не уходилъ. Но добровольно, безъ пользы, нанять квартиру возлѣ полицейской сѣкальни—и слушать, какъ сѣкутъ другихъ—не хочу. Вы какъ-то привыкли, васъ, напр., оскорбило бы ужасно, если-бъ таскали въ тюрьму людей изъ католической контроверзы, или, если-бъ таскали въ кутузку контистовъ—а что людей, врущихъ вздоръ, ежедневно осуждаютъ на 6, 4, 3 мѣсяца съ разореніемъ — вы принимаетесь философствовать—и можетъ хорошо дѣлаете, да мнѣ дѣлать-то это не нужно.

Послѣд. книжку вашего Revue прочелъ отъ трезвости Литре до пьянства въ Россіи. Старичекъ уморительный, всю статью писалъ безъ reclam'ы Конту — но au bout du compte въ подстрочномъ замѣчаніи не удержался. Ужъ и Фихте свою идею *науки наукъ* не взялъ ли у Конта? Вы не повѣрите, какъ портитъ эта манера ученическаго неистовства серьезность статей. Даже милый авторъ (и очень хорошо дѣйствующій на нравственность) статьи объ Кондорсе сблудилъ подъ конецъ. Къ тому же всѣ эти господа подражаютъ тяжелому, утомительно-длинно-парантезо-доктринерскому слогу учителя, и это врядъ облегчаетъ трудъ чтенія. A propos, я добрался до текста «писанія»—о женщинахъ и женскомъ вопросѣ—теперь у меня есть ключъ на 309 стр. V тома. И тамъ даже про (*слово не разобрано*) разводъ—большой дебошъ!

Я хочу въ маѣ съѣздить въ Брюссель (если орда западная не займетъ его до тѣхъ поръ—въ отместку, что Белги не уступили дорогу) — есть у васъ знакомые тамъ? — Если есть скажите. Можетъ я на годъ останусь тамъ. Здѣсь, т. е. въ

Ниццѣ, я до 10 апрѣля — даже поѣду въ Геную для свиданія съ своими и не знаю еще черезъ Mont Cenis или обратно поѣду въ Брюссель.

Думаю, что если вы не посылали химической лабор., то и не очень нужно теперь на отъѣздѣ—а Tournier я писалъ, пришлетъ, хорошо—не пришлетъ, все равно.

И. С. Тургеневъ вдругъ написалъ мнѣ премилое письмо и прислалъ свой портретъ. Онъ ѣдетъ въ Карлсруэ на зиму.

Прощайте; не сердитесь на замѣчаніе и вѣрьте, что я искренно уважаю васъ.

А. Герценъ.

Liberté не получилъ. Пришлите если стоитъ. А я васъ угощу стихами, которые получилъ.

Всѣ наши вамъ дружески кланяются.

15.

29 марта, Villa Filippi.

Я нѣсколько дней собирался къ вамъ писать, не по дѣлу, а по желанью поболтать. Вы вѣрно видѣли, какую штуку надо мною стрясли Биржевыя Вѣдомости 8 іюня. Въ Бир. Вѣд. была даже длинная статья о моемъ раскаяніи, о томъ, что меня ужаснула «литература нѣкоего Элпидина»... увѣряю васъ съ фамильей и съ словомъ нѣкоего. И намекнуто, что вѣроятно меня простятъ, и жаль, что не прибавили съ условіемъ принять титулъ Кельсіева II. Одна изъ замѣчательныхъ вещей, это то, что прежде моихъ отвѣтовъ (вы вѣрно читали въ Temps, въ Siècle, Nord) отвѣчалъ кто-то въ СПбур. Вѣдомостяхъ—что это не правда.

Видно еще есть друзья.

Вѣроятно ваша возьметъ,—и я къ лѣту поѣду на рекогносцировку въ Брюссель. Говорятъ, только климатъ больно скверенъ и вѣчныя лихорадки и тифы (A propos—правда ли это? Вы видаете медиц. авторитеты?).

Въ Брюссель меня манитъ собственно желаніе заняться изданіемъ «Былаго и Думы»—и еще кой-какихъ моихъ шрифтовъ на французс. языкѣ. Поговорю съ Lacroix; Дантю важенъ,—

глупъ и скученъ, что вашъ Бальеръ?—Я даже былъ бы готовъ начать печатать въ Revue Moderne. Для R. des deux Mondes, не смотря на однажды писанное мнѣ очень учтивое письмо Бюлоза—я думаю цвѣтъ не подходящій. Какъ ваше мнѣніе?

Я остаюсь здѣсь до 20 апрѣля, потомъ въ Генуѣ—и медленно торопясь черезъ Сплюгенъ.

Сынъ мой имѣлъ публичную схватку съ Парлаторе (который на мѣстѣ Матеучи) и до того одержалъ викторію (онъ въ отвѣтъ ему читалъ публичную лекцію), что вѣроятно долженъ подать въ отставку. У него серьезный талантъ фортрага и популярнаго изложенія. Я совѣтую ему пожить въ Парижѣ, послушать вашихъ профессоровъ и потомъ махнуть въ Нью-Іоркъ. Онъ по англ. говоритъ и пишетъ совершенно свободно.

Нат. Ал. и Тата вамъ кланяются. Весна отвратительная. Представьте, что еще слѣды варіолита остались у Т.

Какую глупость сдѣлалъ Чернецкій—подписавъ со стороны хозяевъ типографовъ свое имя—въ дѣлѣ гревы. Бакунинъ преуспѣваетъ. Отъ Тургенева вдругъ получилъ coup sur coup три письма совершенно мирныя—онъ въ Карлсруэ.

Затѣмъ прощайте Наше прислалъ микроскопъ, хорошъ,—я ему написалъ, чтобъ онъ тирировалъ на меня вексель (по его же предложенію)—но векселя никто не представлялъ. Можетъ потому, что я его спросилъ, отчего у васъ написано 80 фр., а у него 90?

Будьте здоровы.

А. Герценъ.

Здѣсь проѣзжалъ Черкесовъ съ непохудѣвшей супругой и домочадцами—поѣхалъ къ папѣ Пію IX—на Куличъ и Пасху. Я и не зналъ, что онъ вамъ доводится какъ-то сродни.

Въ «Недѣлѣ» № 10—вторая статья Ніонскаго и довольно длинная. Безъ малѣйшаго пропуска.

16.

9 апрѣля.

Благодарю васъ за ваше письмо и за всѣ сообщенія. Я хотѣлъ бы издать на франц. три вещи, пожалуй подъ однимъ общимъ заглавіемъ: 1-ое—«Былое и Думы», начиная съ трехъ томовъ перев. Делаво (я его поправлю) и прибавляя къ нимъ

еще три или два, 2-ое—Сборникъ повѣстей—«Кто виноватъ?» «Сорока воровка», Круповъ etc, etc; изъ которыхъ часть переведена уже—изъ этого выйдутъ два тома. 3-е—Выборъ политическихъ и соціальныхъ статей—два тома: 1) Съ того берега 2) Varia. Къ концу я приложилъ бы эпилогъ и къ началу политической части—предисловіе. Пока только. Это выйдетъ 7 или 8 томовъ обыкновеннаго формата. Редакцію перевода я могу взять на себя, но переводить всего не могу—стало за переводъ надобно платить (Париж. цѣнъ я не знаю, но думаю что онѣ не меньше 75 фр.). Нельзя же наконецъ на всемъ изданіи не выговорить и себѣ если не львиную часть, то скромную taxa laborum.

Остервѣненіе русской оффиціозной прессы—противъ меня—заставляетъ меня думать, что это отеческое приглашеніе домой—какъ Captatio benevolentiae—они бьютъ сначала въ рыло—это національно.

Уговаривалъ же меня М. П. Погодинъ возвратиться, представляя Соловецкій монастырь въ перспективѣ. Если вы можете достать 71 и 73 №№ «Бирж. Вѣдом.», вы увидите статьи въ 4, 5 колонъ, исполненныхъ ругательствъ. Я не читалъ еще статьи въ Янв. Русскомъ Вѣстникѣ—нѣкоего Ренекамфа, говорятъ, тоже хороша. Придется помакнуть перо въ этотъ ватеръ клозетъ—и написать отвѣтъ. Я однако не понимаю, что ихъ прорвало вдругъ?

Я раньше послѣднихъ чиселъ апрѣля не уберусь и проѣду въ Брюссель вѣроятно не Парижемъ, а черезъ Сплюгенъ и Куаръ. Но всякое письмо, адресованное въ Женеву (40 Pré l'Evêque) или во Флоренцію (—alla Specola. Via Romana), дойдетъ. Сынъ мой пока остается во Флоренціи. Противъ него сенаторъ Ламбрускини написалъ піэтистическо-натурфилософическую діатрибу. Съ тѣхъ поръ какъ дѣло о libre arbitre было внесено въ вашъ правительствующій сенатъ, сенаторы полагаютъ, что они призваны на рѣшеніе философскихъ процессовъ [1]). Книги Наке не получалъ. Я спрашивалъ здѣсь, гдѣ его отецъ—никто не знаетъ. Лугинина поклонъ мнѣ очень пріятенъ, я думалъ, что онъ совсѣмъ забылъ меня или отвернулся. Говорили, что онъ ѣдетъ къ Гуго Шифу—конечно, это лучше, чѣмъ къ Виктору Гюго. Жму ему руку.

Видѣли ли вы, какая травля идетъ у Отеч. Зап. съ одной

---

[1]) Намекъ на то, что во французскомъ сенатѣ были очень шумныя пренія о допущеніи въ медицинскомъ факультетѣ диссертаціи г-на Гренье (Grenier), въ которой онъ отрицалъ свободную волю.

стороны и у Антоновича + Жуковскаго съ другой. Попался бѣдный Некрасовъ—свои загрызутъ, вотъ послѣ этого... и лги на себя стоны и слезы народныя.

Затѣмъ прощайте.

А. Герценъ.

Если я здѣсь не найду Вѣст. Каткова, не легко ли вамъ достать? Я не могу писать, не прочитавши, а намъ по какой-то ошибкѣ Георга не посылаютъ.

Что это вашъ Б. говорилъ рѣчь въ Вѣнѣ на панславянскомъ пиру?

Наши вамъ усердно кланяются. Дочь моя ѣдетъ мѣсяца на два во Флоренцію тоже въ концѣ мѣсяца.

Nachet счетъ заплатилъ—по 90, а не 80.

17.

6 августа 1869. Bruxelles, 18 rue de Paris.

За мѣсяцъ до отъѣзда изъ Ниццы (въ апрѣлѣ помнится) я писалъ къ вамъ, почтеннѣйшій Вырубовъ, письмо, на которое отвѣта не было. Если вы не получили его я очень радъ. Если получили, и я не получилъ отвѣта—очень не радъ. Если же вы получили и не отвѣчали—очень извиняюсь, что пишу, не дождавшись отвѣта. Г. Пятковскій—литераторъ участвующій въ «От. Зап.», «Дѣлѣ» и участвовавшій въ «не Дѣлѣ» просилъ меня *положительно*—дать ему нѣсколько строкъ къ вамъ, какъ къ извѣстному представителю всего *положительнаго*. Онъ человѣкъ добрый—и вы мнѣ вѣрно отпустите грѣхъ вмѣшательства.

Я съ 1 іюля въ Брюсселѣ—и здѣсь не того.

Думаю побывать въ вашихъ краяхъ и искренно желаю, чтобъ мое письмецо застало васъ здоровымъ.

А. Герценъ.

ХОЛЕРНЫЙ ГОДЪ.

I.

Послѣ голода ждали холеру.

Весна открылась удачная. Озими изъ-подъ снѣга вышли зелеными, бодрыми, легко и сразу двинулись въ ростъ. Яровые тоже шли дружно. Сады отцвѣли богато. Не тревожили ихъ ни морозы, ни помоха. Годъ сулился быть урожайнымъ, а народъ не переложилъ тревоги на радость. Ждали холеру, увѣренно ждали, не допускали и мысли, что холеры можетъ не быть, хоть не знали совсѣмъ, что такое холера.

Простой народъ вездѣ одинаковъ: живетъ только предчувствіями и крѣпче вѣритъ въ бѣду, чѣмъ въ радость.

Старики вспоминали прежніе годы, когда она, лютая, косила людей, какъ траву на займищѣ:

— Махнетъ полой, и свалишься!

Съ юга шли слухи, что въ Баку и въ Астрахани народъ бунтуетъ.

Собирались и у насъ бунтовать. Народъ въ городѣ безпокоился. По базарамъ, трактирамъ, наемкамъ, по берегу Волги сходились толпы. Говорили съ мрачнымъ укоромъ:

— Конецъ Рассеѣ: мору напущено...

Боже спаси,—увидятъ въ толпѣ человѣка, одѣтаго «бариномъ». Такъ и блеснутъ сотни пытающихъ глазъ, такъ и хруснутъ пальцы, сжимаясь въ кулакъ.

— Голенастый морило! у—у!

Жутко станетъ «барину». Кружитъ, обходитъ толпу, а то извозчика кликнетъ, наутекъ! Надежнѣй такъ.

А вслѣдъ ему злое несется, какъ волку:

— Улю-лю-лю-у!

Бабы, какъ, всегда, вѣрили въ чудеса; сойдутся и шепчутъ тихенькимъ кроткимъ шепотомъ. Сами стылыя, зенки таращатъ, будто бы дурманомъ сыты.

— Знаменье было, бабочки, знаменье... живой не сойти съ этого мѣста! Пришелъ старецъ съ Аѳона, изморенный, весь сѣденькій. Зашелъ старецъ въ церкву, помолиться хотѣлъ. Не поспѣлъ сказать: «Господи»,—растворились врата, и одинъ за другимъ вышли три кочета: бѣлый, красный и черный. Испужался старецъ.

— Господи, что за притча за такая?

И молвитъ бѣлый кочетъ голосомъ человѣчьимъ:

— «Не бойся, старче, я—моръ на людей отъ голода!»

И красный молвилъ:

— «Я моръ на людей отъ холеры!»

Молвилъ и черный кочетъ:

— «Гнѣвъ я Господній за грѣхи: покайтесь!»

И заплакалъ старецъ слезами:

— «Господи, Господи! гнѣвенъ ты въ сердцѣ своемъ. Вымретъ Рассея въ три года.»

Много другихъ чудесъ знали бабы въ городѣ, и въ каждомъ чудѣ были: пѣтухи, барашки, старцы, холера и голодъ съ грѣхами. Жестокъ и гнѣвенъ былъ Богъ въ бабьихъ понятьяхъ.

О томъ, что есть холера и какъ она убиваетъ людей, говорить не любили. Молчали, будто бы все это было извѣстно:

— Скрючитъ, и вся не долга!

Поясняли только дѣтишкамъ, когда тѣ надоѣдали съ распросами.

— Чего это? а? холера-то? Какая?

— Такая долговязая баба. Костистая вся, испитая, въ саванѣ и съ косой на плечѣ, что вотъ траву въ деревняхъ косятъ... Дыхнетъ однова,—ну и съ ногъ свалишься!

Такъ отвѣчали одни, другіе—иначе:

— Отрава это, вродѣ тараканьяго мору, напущена въ воду: въ рѣчки, въ родники, колодцы...

Третьи:

— Холера, это—мгла поднебесная, похожа на помоху, что хлѣба въ полѣ сушитъ, а то—на сѣрный цвѣтъ... Кого опахнетъ, тотъ съ ногъ долой...

И послѣ того ребятишки всячески играли въ холеру: мутили воду, наряжались въ матернины юбки, становились на хо-

дули, и били другъ друга палками, вродѣ какъ косами подкашивали.

Среди взрослыхъ день ото дня тревога росла. Всѣ хотѣли спастись отъ холеры, которая можетъ быть и пришла ужъ, бродитъ гдѣ-нибудь по задворкамъ, стучитъ костякомъ, миткалевой фатой помахиваетъ.

И кромѣ молитвы да покаянья, кромѣ злобы на баръ, не знали ни одного вѣрнаго средства. Любители выпить хвастались, что ихъ не возьметъ никакая холера, и выпивали чаще, чѣмъ прежде, и пили помногу, но сами вѣрили себѣ только тогда, когда пьяны бывали. Потому и пили, чтобъ трезвыми не мучиться.

Тѣ, кого звали въ народѣ «барами», тоже потрухивали. Они хотя звали холеру не «моромъ», не старухой съ клюкой», какъ въ простонародьи, а называли ее «азіатская гостья», «заклятая»,—но все же боялись и, можетъ быть, болѣе жгуче боялись, чѣмъ на базарахъ.

Въ тоскѣ и тревогѣ пили коньякъ, кипяченую воду съ мятой, перцовку, соляную кислоту въ растворѣ, прятали подъ ложечкой мѣдные крестики, лапки... молились. Молились почти всѣ: и тѣ, кто въ Бога вѣрилъ, и тѣ, кто не вѣрилъ въ него. Купцы, чиновники, студенты, интеллигентныя барышни, газетные репортеры, мастеровые, чернорабочіе... всѣ молились.

Церкви бывали полны. Подъ росписными куполами, на папертяхъ и въ притворахъ, въ алтаряхъ и на хорахъ, вездѣ витала тоска. Иконостасы горѣли пасхальнымъ блескомъ. Шептались тѣни и сумракъ угловъ. Строго съ укоромъ и местью глядѣли святые съ иконъ, бѣсновались кликуши... а народъ тосковалъ.

Все: и чтенье псалмовъ дьячками, и пѣнье стихиръ церковными хорами, и томные возгласы протопоповъ, и густые призывы дьяконовъ, даже колокольчики ктиторовъ, для чего-то собирающихъ деньги,—все дышало однимъ и тѣмъ же—тоской. Но не той покаянной великопостной тоской, которая повторяется изъ года въ годъ передъ Пасхой. Тамъ сознанье своей личной грѣховности, привычной, покорной и мирной. Здѣсь же виталъ чей-то чужой грѣхъ, мятежный, стихійный и страшный въ своей безповоротности. Только потому, что не знали иныхъ молитвенныхъ словъ для службъ, молились старыми псалмами, старыми эктиньями, антифонами и прокимнами. На душѣ у всѣхъ было новое, непривычное...

А тысячепудовый гулъ колоколовъ ползалъ по городу еще

съ большей тоской, разнося ее по зеленымъ окрестностямъ и по радостно широкой глади Волги, разлившейся въ томъ году не въ примѣръ обильно. И цвѣтущій ликующій май опустился вдругъ ниже покаянныхъ дней великаго поста.

Служили молебны послѣ обѣденъ и всенощныхъ. Ходили по городу съ крестными ходами. Поднимали «Владычицу—чудотворную», что десятки лѣтъ покоилась нетронутой въ густомъ кіотѣ червоннаго золота за монастырской стѣной. Плакали передъ ней сухимъ тоскующимъ плачемъ, кланялись, шептали молитвы... Холера близилась своимъ чередомъ.

Неизвѣстно откуда, какъ и черезъ кого пришла въ городъ «молитва», небывалая, новая. Разсказывали исторію ея такъ: въ Шотландіи, на горѣ «Моривъ», спасался отшельникъ-пресвитеръ. Однажды, во время бдѣнія, сошелъ къ нему съ неба Христосъ. Подалъ Христосъ бумажку пресвитеру, говоритъ:

— Вотъ вамъ молитва. Кто хочетъ спастись отъ холеры, тотъ долженъ читать ее утромъ и вечеромъ по три раза подъ рядъ. Кромѣ того каждый долженъ молитву эту переписать на три бумажки и раздать троимъ вѣрующимъ.

Молитва переписывалась и распространялась. Попадались бумажки, написанныя чистымъ писарскимъ почеркомъ, встрѣчались каракули. Слова молитвы были безъ смысла, но людямъ хотѣлось вѣрить въ нее, и они вѣрили. Развѣ въ холерѣ было больше смысла, нежели въ молитвѣ?

Когда же «молитва» попала въ газету, и ее напечатали съ поясненіями, какъ образчикъ народнаго легковѣрія, то газета пошла на расхватъ. «Молитву» вырѣзали со столбцовъ газеты и печатные столбики хранили и распространяли, какъ бы писаніе. Поясненья же газеты никто не читалъ.

Душа людей въ то время была подобна зрачкамъ испуганныхъ глазъ. Отъ страха она расширялась и, расширившись, вмѣщала въ себя все, что сулило надежду. Не простую только надежду, а чудесную съ примѣсью небыли, какъ основаніе страха,—холера.

По угламъ, по заборамъ, по фонарнымъ столбамъ были расклеены листы отъ губернатора съ печатными правилами: «какъ уберечь себя отъ холеры». Въ этихъ листахъ не было ничего необычнаго, ничего сверхъестественнаго, какой казалась всѣмъ грядущая холера. Совѣтовалось почаще мыть руки, пить кипяченую воду вмѣсто сырой, держать чистоту вокругъ дома, обращаться къ врачу при первой тревогѣ. Словомъ все то, что аккуратные люди и безъ того дѣлали ежедневно. И построили

для рабочаго люда досчатые сараи по берегу Волги, гдѣ можно было за дешево пить чай и даромъ получать кипяченую воду.

А ей все равно было. Она приближалась медленно и настойчиво поднималась вверхъ по рѣкѣ. Умирали люди въ Царицынѣ, черезъ недѣлю въ Дубовкѣ, еще черезъ недѣлю въ Камышинѣ. Похоже было, что прилипаетъ она не къ люднымъ быстроходнымъ судамъ, таится на рыбницахъ, буксирахъ, баржахъ.

И у насъ говорили ужъ:

— Умираютъ не спроста! замѣть, сколь много гробовъ встрѣчается на улицахъ...

И дѣйствительно, гробовъ было больше обыкновеннаго, и похоронный перезвонъ никогда не былъ столь ужасенъ, крикливъ и громокъ. Боялись ходить мимо кладбища, сторонились больницъ, противъ врачей росло глухое тревожное чувство.

Когда санитары съ полиціей стали обходить дворы и жилища съ приказомъ: чистить и мыть,—ихъ возненавидѣли. Не мыли, не чистили. Или ругались имъ вслѣдъ, иль благочестиво вздыхали:

— Выше Бога хотятъ сдѣлаться...

Охотно платили всякіе штрафы за нарушеніе санитарныхъ правилъ.

Говорили:

— Все равно два вѣка не жить... съ собой не возьмешь.

Проходя мимо мѣстъ, засыпанныхъ известью, сѣрой, залитыхъ вонью карболки, злобно плевались, ворчали:

— Вотъ окаянные! воздухъ загадили...

И зажимали носы, кружили, обходили поодаль, будто бы въ карболкѣ и въ извести таилась холера. Даже тѣ, кто хорошо зналъ, зачѣмъ это сдѣлано, не были въ силахъ подавить брезгливости къ мѣрамъ противузаразнымъ. Охотнѣй шагали черезъ парныя груды навоза, чѣмъ черезъ известь и сѣру.

И не было въ городѣ никого, кому бъ повѣрила темная масса народа...

Такъ городъ, въ которомъ я жилъ въ то время, шелъ навстрѣчу заразѣ, ждалъ ея появленія. И когда дождался—сталъ бунтовать.

Всѣ, кто могъ выѣзжали изъ города. Уѣхалъ и я въ свое родное село.

II.

Сто верстъ отъ желѣзной дороги, сорокъ отъ уѣзднаго города, пятнадцать отъ базара и почты. Въ селѣ ни школы, ни

волостного правленія, только—церковь да кабакъ. И грамотныхъ людей—не больше пять-шесть: попъ съ дьячкомъ, кабатчикъ да писарь и пара мужиковъ. Не знали ни книгъ, ни газетъ, ни журналовъ. Печатное слово было: у попа въ «Епархіальныхъ вѣдомостяхъ», да закапанныхъ воскомъ тріодяхъ, у писаря въ «Сельскомъ вѣстникѣ», у мужиковъ въ «податныхъ тетрадяхъ», пожелтѣлыхъ, замусленныхъ, бережно заткнутыхъ за спинки иконъ. Вотъ и вся цивилизація.

О холерѣ совсѣмъ не слыхали. Мирно справлялась деревня съ полевыми работами, радуясь доброму году послѣ перестраданнаго лютаго голода. Я не думалъ тревожить людей своими разсказами: самъ былъ радъ родному покою. Да и могъ ли встревожить? Люди были подъ властью труда: вставали на зорькѣ, работали, наскоро ѣли все еще «голодный» землистый хлѣбъ и опять работали, работали, не разгибая спины.

Приближался покосъ, рожь зацвѣтала. Надо было допахивать паръ. Парину, ее только возьмешь сошникомъ, покудова дождичекъ держитъ. А дожди перепадали, и проса всходили травными: съ пыреемъ да ключевой травой, переплетались вьюнками. Надо было полоть и полоть. Овсы тоже: въ силу вошли, а сами пополамъ съ куколемъ, молочаемъ цвѣтутъ. И яровое кишѣло бабами, дѣвками. Шла горячая полка.

За то озимое добрѣло въ безлюдьи. Рожь цвѣла, ровно бъ окуталась инеемъ, только не хрустскимъ и снѣжнымъ, какъ въ первозимье, а золотистымъ, пахучимъ, шелковымъ. И бѣжитъ поле безъ начала, безъ конца волнуется на вѣтру, шуршитъ соломой, весну догуливаетъ. Ежели бъ каждый годъ такая нива была! ого-о!

На первыхъ порахъ деревенской жизни я каждый день уходилъ ко ржамъ. Это было мое любимое поле. Оно клиномъ подходило къ селу, убѣгая верстъ за семь, взбиралось на изволокъ къ старому синему лѣсу. И поле и лѣсъ зовутъ у насъ Воровскимъ. Когда-то, говорятъ, Пугачевъ стоялъ лагеремъ здѣсь, оттого и названье повелось.

Среди поля ближе къ лѣсу вздыбился широкій одинокій холмъ, Суркомаръ, наполовину распаханный, наполовину зеленый. На него-то и взбирался я. Прежде и Суркомаръ былъ подъ лѣсомъ. Тамъ и сямъ торчатъ по склонамъ полусгнившіе необхватные пни дубовъ и березъ, межъ ними кустится живучая поросль неклена, дубняка, бересклета.

Лягу ничкомъ на траву, гдѣ видъ пошире, откуда даль кажется сказкой, и замечтаюсь, задумаюсь. Порой засну, и вижу

во снѣ всѣ пережитые ужасы ожиданья холеры, всю тоску городской неувѣренной жизни. Проснусь потный, измученный, придавленный кошмарными видѣньями, передъ глазами лужекъ, а по лужку брызнуто желтымъ, росисто-сѣдымъ малиновымъ, голубымъ. То смѣются, перемигиваясь съ солнышкомъ, лютики, незабудки, и клеверъ. Пчелы и шмели, коротко подгудывая, бѣгаютъ и прыгаютъ по просвиркамъ цвѣтка, тычутся хоботками въ гнѣздышки, точно считаютъ ихъ. Наверху синее бѣлесое небо, а на небѣ облака сіяютъ: родятся гдѣ-то за лѣсомъ и плывутъ незамѣтно, поднимутся въ самый зенитъ, распадутся по перышку, растаютъ. За облаками ничего нѣтъ, но хочется глядѣть туда: гдѣ-то вѣдь тамъ переливается жаворонокъ и ласково свиреститъ коршунъ.

Внизу на солнцѣ—село, бѣлая нарядная церковь съ зеркальными крестами, которые ставилъ богомольный мужикъ Ванюга «души для спасенья», и острые огневые блестки рѣки, поля, поля, на поляхъ народъ... До холеры ли тутъ?

Но пришли все-таки слухи, доползло безпокойство и сюда. Пріѣхала изъ города лавочница, за товаромъ ѣздила. Первымъ дѣломъ объявила всѣмъ, что вздорожало все въ тридорого.

— Нѣтъ привозу! заставы стоятъ вездѣ и всякую всячину духомъ сѣрнымъ обкуриваютъ. И-и-и! цѣны не божьи. А народъ супротивъ того бунтуется.

Лавочницины вѣсти никого по виду не тронули. Говорили:

— Мелетъ себѣ баба, чтобъ мороки нагнать на людей, да цѣну поднять на все. Ну да вѣдь мы безъ чаевъ-сахаровъ промаемся! Далъ бы Господи хлѣбца въ сласть...

Послѣ этого все-таки стали досужей порой поговаривать о холерѣ. За завтракомъ ли въ полѣ, дома ли за ужиномъ, иль въ воскресный день по дорогѣ изъ церкви возьмутъ да и вспомнятъ ее.

Потомъ забезпокоились власти. Бумага пришла, чтобы приняты были мѣры... Мѣры! шутка сказать...

Село было большое заурядное, какъ большинство земледѣльческихъ селъ черноземнаго края. Въ глаза бросался навозъ ненужный, лишній совсѣмъ по здѣшнимъ землямъ по трехпольному способу хозяйничанья. И потому навозъ былъ вездѣ. Вдоль села, дѣля его на двѣ половины, вилась и путлялась добрая рѣчка. Изъ нея брали воду. И рѣчка эта похожа была на сплошное свалочное мѣсто.

Въ одномъ мѣстѣ плотина сдерживала напоръ широкаго многоводнаго пруда. Она была вся изъ навоза, пахла стойломъ

и посылала внизъ по теченью бурыя струйки пахучаго настоя. И мельникъ, озабоченный тѣмъ, чтобъ плотину не смывало послѣ дождей, всѣми мѣрами заманивалъ мужиковъ, чтобъ везли къ нему подъ мельницу новыя груды отбросовъ. Кому поднесетъ стаканчикъ другой водочки, кого мучкой поманитъ.

Ниже черезъ рѣчку было перекинуто три-четыре моста. Они были сплошь изъ навоза. И такъ какъ ихъ сносило каждую весну полой водой, то каждую жъ весну, по спадѣ воды, мосты настилали вновь, вновь заваливали свѣжимъ навозомъ. И онъ гнилъ, гнилъ безъ передышки. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣчка промывала себѣ новые ходы, ее унимали тоже навозомъ, каждый годъ свѣжимъ. Навозомъ ровняли рытвины, ухабы, водомоины по оврагамъ, ямы отъ старыхъ погребовъ и овиновъ... Словомъ вездѣ былъ навозъ. А начальство распорядилось: убрать его!

— Легко ли?—жаловался староста, бѣгая по селу.

И было не только не легко, но просто немыслимо исполнить приказъ. Потому самые послушные изъ домохозяевъ, выбравъ подходящее времячко, сдѣлали все, что могли, то есть очистили свои дворы, выкинувъ нечистоты на рѣчку или подъ мельницу.

Потомъ пріѣзжалъ становой съ новымъ приказомъ: «отнюдь не мочить коноплю въ рѣчкахъ, прудахъ и водоемахъ».

Бабы потужили-потужили, — нечего дѣлать, безъ конопли не обойдешься. Повытаскали изъ пруда, изъ рѣчки, стали мочить въ родникахъ, откуда брали для питья воду, и жаловались:

— Пути нѣтъ этому становому! Самъ не носитъ посконное, ну и придирается... И такъ неколи, неколи, до зарѣзу неколи, а тутъ еще безъ времени съ коноплей возись...

Повозились, пока стояло междупарье, а потомъ бросили и со становымъ считаться: пришло новое «неколи», не терпящее никакихъ отсрочекъ—сѣнокосъ.

Своихъ луговъ было не много, убирались съ ними въ два-три дня. Главный покосъ бывалъ на сторонѣ: кто ходилъ косить къ сосѣднему барину изъ двухъ пятыхъ долей, кто снималъ луга за деньги.

Мои родные косили въ этомъ году съемную траву въ казенномъ лѣсу за тридцать пять верстъ въ сосѣднемъ лѣсистомъ уѣздѣ.

Большой семьей, веселымъ обозомъ въ пять подводъ выѣхали мы на работу, заранѣе радуясь кочевой трудовой жизни въ палаткахъ подъ тѣнью могучихъ сурскихъ дубовъ и паху-

чихъ медовыхъ липинъ, цвѣтущихъ какъ разъ въ эту сочную пору года.

И безъ того было весело дорогой, а тутъ еще въ каждомъ селѣ при въѣздѣ и выѣздѣ припасли намъ даровую забаву. Оказывается, — только мы въ хлопотахъ и сборахъ забыли про грозную бунтующую въ городахъ холеру, а начальство бдило. По околицамъ селъ и деревень возлѣ дорогъ были разставлены караулы. Какъ на войнѣ: по трое-четверо очередныхъ мужиковъ съ дубинами, съ рогатками и со строгимъ приказомъ въ оба глядѣть, не пускать холеру. Насъ останавливали грознымъ окрикомъ:

— Стой! Что за люди?

Подводы останавливались, всѣ сходили съ телѣгъ, разминали ноги, балагуря и подшучивая надъ строгимъ «карантиномъ».

«Карантинъ» обстоятельно разспрашивалъ: кто мы, откольніе, куда и за какой надобностью ѣдемъ? Потомъ такъ же обстоятельно пересматривали нашу скудную кладу. Къ нашему счастью, съ нами не было ни одной костлявой старухи, ни одной долговязой, мрачнаго вида женщины. Всѣ бабы нашей семьи, хотя не цвѣли, какъ маковъ цвѣтъ отъ прошлогодняго урожая, были молоды, веселы, остры на языкъ, хохотали вмѣстѣ съ дѣвками безъ удержу надъ всякимъ пустякомъ. Про мужиковъ и говорить нечего. Они были кряжисты и жестко-мозолисты, какъ дубы на краю дороги, прожарены солнцемъ и вѣтромъ и настолько выглядѣли землеробами, что казалось вотъ-вотъ передъ тѣмъ только утроба земная разродилась ими, выпихнула ихъ изъ себя вмѣстѣ со всей полевой жизнью, полной солнца, свиста, стрекота, золотаво-зеленыхъ красокъ и крѣпкаго немудраго счастья.

Одинъ я выглядѣлъ подозрительно. Хотя на мнѣ были тѣ же синія съ бѣлой полоской домотканныя штаны, та же рубаха изъ домашняго красна, лапти съ пѣтушками на ногахъ, какъ и у самихъ же «карантинныхъ», но лицо и руки, а можетъ быть и обликъ весь выдавали во мнѣ горожанина.

— Э-эхъ, хлопотъ изъ-за тебя, Митька:—гнѣвался дѣдъ, и начиналъ обстоятельно объяснять старшему изъ «карантинныхъ» всю исторію семьи, чуть ли не съ прапращура. Тутъ было все: и какъ старшій сынъ Васька выучился самоучкой грамотѣ и писалъ на воротахъ мѣломъ задачи, а прадѣдъ покойный, царство небесное, таскалъ его за вихры за это, какъ пошелъ Васька охотой въ солдаты за меньшаго брата Ивана, какъ служилъ, отслужился, опять былъ взятъ при наборѣ и воевалъ съ турками, какъ послѣ войны остался жить въ городѣ, поступилъ на мѣсто и сколько по-

лучалъ жалованья... Наконецъ про меня:—который годъ пошелъ мнѣ съ третьяго дня рождества, въ какомъ училищѣ учился и въ какое могу поступить еще, которое лѣто подъ рядъ пріѣзжаю домой и какія должности могу занять, если кончу всѣ курсы... Долго, безъ конца говоритъ старикъ, а другой его слушаетъ, опершись сивой волнистой бородой о дубинку, и не разберешь: торчатъ ли изъ бороды во всѣ стороны дымчатыя всклокоченныя волосы, или это клочья того самаго сѣна, на которомъ онъ только что спалъ.

Пока старики бесѣдуютъ, мы затѣваемъ шумную веселую игру, закруживъ въ свой хороводъ и молодыхъ «карантинныхъ». Потомъ, доказавъ такимъ способомъ свою холерную благонадежность, ѣдемъ дальше.

Сѣнокосъ проходилъ не менѣе весело, чѣмъ дорога. Трава была вольная, не знавшая никакихъ потравъ, сочно, послушно ложилась въ ряды подъ острой поющей косой, быстро сохла на жаркомъ іюльскомъ солнцѣ, пахла бодрящимъ запахомъ лѣта. Рядомъ былъ лѣсъ, нетронутый, вѣковой съ ровной прохладой для послѣобѣденнаго отдыха, а въ лѣсу—грибы. Грибы явились такимъ нежданнымъ подаркомъ для всей артели-семьи, что радость не унималась въ теченіе нѣсколькихъ дней. Цѣлый годъ ѣли картофель и просо, во всѣхъ видахъ: и хлѣбъ просяной съ картошкой, и каша пшенная съ картошкой и блины съ картошкой... Изъ всѣхъ хлѣбовъ только и уродились въ прошломъ году эти два. Плохо уродились, но все же кормили народъ. Про настоящій хлѣбъ, про разныя приправы къ ѣдѣ, казалось забыли всѣ, и вдругъ—грибы. Ѣли ихъ и въ кашицѣ и жареными и какъ-то еще по особому съ разными съѣдобными травами. Ѣли, хвалили и радовались.

Но отъ грибовъ же пришла и тревога. Однажды, кажется, уже въ концѣ четвертаго дня, послѣ ужина вдругъ почувствовали себя плохо женщины, дѣвки и я. Сначала таились, убѣгали подальше въ глубь лѣса, сами же надъ собой подшучивали, потомъ стало невтерпежъ отъ мучительныхъ болей въ животѣ, и встревожились. Долго не догадывались о причинѣ сразившей насъ болѣзни. Была похожа она на холеру, но никто не зналъ путемъ, какъ холера дѣйствуетъ на человѣка.

Я въ то время кончилъ свое образованіе и считался среди родныхъ и знакомыхъ знающимъ парнемъ. И вправду: я хорошо умѣлъ доказать пиѳагорову теорему, зналъ въ какомъ году происходилъ съѣздъ удѣльныхъ князей въ Любечѣ, о чемъ тужила Пенелопа, подъ какимъ градусомъ сѣверной широты расположенъ Нордъ-Капъ, какъ попадали стѣны Іерихона отъ трубнаго

звука, и т. д. и т. д., все это зналъ я, не зналъ только какой болѣзнью захворали мы, поѣвши грибовъ.

Утромъ меня и двухъ ослабшихъ дѣвокъ повезли безъ памяти домой. Повезъ насъ дѣдъ. Опять дорогой останавливали подводу строгіе окрики «карантиновъ», опять дѣдъ устанавливалъ нашу благонадежность путемъ долгихъ разсказовъ о семьѣ. Мы лежали на телѣгѣ больные съ кружащимися слабыми головами и еще болѣе слабыми разстроенными желудками.

«Карантины» жалѣли насъ и не задерживали.

Немудрено, что холера пришла въ наши края, и пришла нежданно негаданно не въ томъ совсѣмъ видѣ, какъ ждали ее «карантины» и бдительное начальство.

Въ двухъ верстахъ отъ нашего села вверхъ по теченію рѣчки надъ самой вершиной красавца пруда стояла деревня Новая. Приходомъ была она къ намъ и на нашемъ же кладбищѣ хоронила своихъ покойниковъ. Однажды утромъ около поздняго завтрака съ колокольни послышался похоронный перезвонъ. Мы сидѣли со старухой Авдотьей, караулившей въ рабочую пору ребятъ со всего курмыша, и пили чай изъ обливного горшочка. Авдотья считалась знахаркой въ округѣ, умѣла заговаривать кровь, превосходно правила вывихнутые въ кулачныхъ бояхъ пальцы, была повитухой, а теперь лѣчила меня отъ грибной отравы разными настоями травъ. И надо сказать, лѣчила удачно.

— Что это? Покойникъ никакъ?—встревожилась она, прислушавшись къ перезвону:—Чтой-то не слыхать было... не хворалъ никто...

Глянули въ окно, увидали обозъ. Лѣнивымъ, медленнымъ шагомъ переступаютъ по наѣзженной пыльной улицѣ лошади, точно идутъ какимъ-то особымъ мертвымъ маршемъ подъ печальную музыку перезвона:

— Блямъ! бимъ-би-блямъ! бу-умъ!

Восемь подводъ, и на каждой по новому, играющему на солнышкѣ золотомъ сосновому гробу. Ни духовенства впереди, ни свѣчъ, ни заунывнаго пѣнія «Святый Боже». Идутъ только съ десятокъ угнетенныхъ горемъ бабъ и два-три мужика со злыми, словно не выспавшимися лицами.

— А вѣдь это изъ Новой народъ!—догадалась Авдотья.— Какъ же это не слыхать было? И вѣсточки не дали...

Въ ней, видно, оскорблено было чувство знахарки.

Обозъ съ гробами тихо, медленно проползъ мимо насъ, повернулъ къ церкви. Кромѣ малыхъ ребятъ, глядѣвшихъ на

небывалое зрѣлище съ острымъ птичьимъ любопытствомъ, никого не было на улицѣ. Перезвоны затихли, а мы со старухой все еще были подъ впечатлѣніемъ тупого страха, надвинутаго на насъ восемью новыми, обструганными до золотого блеска гробами...

— Не холера?—сказалъ я вслухъ свою догадку.

— Ну! Господи помилуй!—открестилась Авдотья, думавшая, должно быть, о другой сторонѣ проплывшаго ужаса. — Откуда холерѣ быть?.. И слуховъ не было...

Черезъ минуту прибѣжалъ церковный сторожъ Филиппъ, звать къ могилкамъ отпѣвать покойниковъ. Псаломщика не было дома: уѣхалъ на покосъ въ Узинскую пойму, батюшка прислалъ Филиппа за мной.

Покойниковъ не вносили въ церковь, прямо привезли на кладбище, здѣсь отпѣли, не открывая гробовъ, и зарыли въ общей широкой могилѣ. Старикъ-священникъ густо кадилъ ладаномъ, издали обходилъ гробы, стараясь стоять на вѣтру, ни до чего и ни до кого не дотрогивался, даже денегъ не взялъ за требу:

— Хорошо, хорошо! За вами будетъ, за вами...— сказалъ мужикамъ и торопливо, слишкомъ торопливо для своихъ старческихъ лѣтъ пошелъ къ дому.

Это была холера.

На другой день, въ ту же самую пору, подъ тотъ же рѣжущій сердце перезвонъ провезли къ намъ на кладбище не восемь, а двѣнадцать гробовъ. Гробы уже не блестѣли на солнцѣ, какъ вчера. Они не были такъ тщательно обструганы и пригнаны и форма ихъ была уродлива.

Все село мучительно встревожилось. Многіе мужики побросали работу, не смотря на горячее время, и безъ пути бѣгали по селу, не зная въ тоскѣ, что дѣлать, куда идти.

И тутъ же на грѣхъ узнали всѣ, какъ дѣйствуетъ на человѣка холера. У многихъ отъ страха схватило животы, стало тошнить безъ причины, сводить судорогой ноги.

Старуха Авдотья разсказала, какъ занесли холеру въ Новую.

Мужикъ изъ Новой былъ въ городѣ, на похоронахъ брата. Привезъ домой осиротѣлую семью и роздалъ на поминъ души все, что оставалось отъ покойника: рубашки, штаны, рукавицы, валенки.

Такая раздача въ обычаѣ у нашихъ крестьянъ, считается она душеспасительнымъ дѣломъ. Всѣ, получившіе подарки, на другой день заболѣли животомъ, а на третій день умерли. За-

болѣли другіе, но деревня все еще не догадывалась, что болѣзнь—холера. Послѣ того только, какъ увидали, какъ брезговалъ батюшка, отпѣвая, призадумались.

III.

Надо было бороться нашему селу, остановить бѣду, пока она не скрутила всѣхъ, и никто не зналъ, что и какъ дѣлать.

Старостой въ селѣ былъ дядя мой, братъ матери. Послѣ вторыхъ похоронъ я пошелъ къ нему. За поставцомъ нашелся номеръ «Губернскихъ Вѣдомостей» съ наставленіемъ: «Какъ уберечь себя отъ холеры» и присланная отъ губернскаго земства брошюрка: «Что такое холера и какъ съ ней бороться». Прочитавъ находку, я со всѣмъ пыломъ молодости предложилъ рядъ рѣшительныхъ мѣръ, но староста не согласился быть «въ отвѣтѣ» одинъ. Сходъ созвать за короткое время, да еще въ горячую пору было немыслимо. Надумали собрать на совѣтъ почетныхъ стариковъ, «каштановъ», какъ у насъ говорили.

Заняли у цѣловальника самоваръ, приготовили чай, угощеніе. Я прочиталъ «каштанамъ» газету и книжечку. Старики слушали въ тревожномъ молчаніи, и видно было, какъ напрягалась мысль подъ давленіемъ грозной бѣды, какъ наростало въ людяхъ что-то новое, просвѣтленное. Я зналъ, какъ туги обыкновенно старики къ книжному слову, и пытался толковать, что считалъ непонятнымъ.

На этотъ разъ, однако, не нужно было толкованій: умы раскрыла опасность.

— Вотъ, вотъ! — перебивалъ меня то одинъ, то другой согласнымъ словомъ. — И допрежь домекалъ я: отъ нечисти она... нечистью передается...

Предложенныя мѣры были одобрены, и старики пообѣщали старостѣ поддержать его передъ сходомъ, когда будетъ отчитываться въ расходахъ. А мѣры для перваго раза были такія:

1) не пускать больше изъ Новой покойниковъ на свое кладбище и сейчасъ же послать объ этомъ телеграмму губернатору;

2) послать нарочнаго въ земскую больницу съ извѣщеніемъ, что въ Новой холера;

3) поставить караулы на рѣчкѣ, не давать брать изъ нея воду ни для питья, ни для другихъ нуждъ, а посылать всѣхъ за водой въ родники;

4) родники задѣлать досками такъ, чтобы ведра въ нихъ не могли пролазить и затаскивать на уторахъ нечистоту. При каждомъ родникѣ привѣсить ковшъ-черпакъ для этого, и, наконецъ,

5) въ воскресенье послѣ обѣдни собрать народъ около пожарныхъ бочекъ и прочитать ему газету съ книжкой.

Старики разошлись, а мы со старостой принялись за дѣло. Составивъ телеграмму губернатору, я поскакалъ за пятнадцать верстъ на почту. Миновалъ не безъ хлопотъ «карантины», поздно вечеромъ подъѣхалъ къ почтово-телеграфному отдѣленію. Здѣсь пришлось помытарствовать. Сначала почтальонъ пошелъ разыскивать чиновника. Я сидѣлъ на крыльцѣ и ждалъ, держа въ поводу взмыленную отъ бурной скачки лошадь съ потникомъ вмѣсто сѣдла и двумя черезсѣдѣльниками вмѣсто стремянъ.

Долго погодя пришелъ чиновникъ. Должно быть его оторвали отъ очень пріятнаго занятія:—былъ онъ золъ и раздражителенъ со мной, но на лицѣ свѣтились остатки только что пережитаго удовольствія.

— Ну, чего тебѣ?

Говорю:

— Вотъ телеграмма, срочная. Потрудитесь принять...

Взялъ телеграмму, пошелъ въ помѣщеніе. Я привязалъ лошадь къ фонарному столбу и—за нимъ. Сидитъ чиновникъ за барьеромъ спиной ко мнѣ, что-то дѣлаетъ. Жду-жду-жду...

— Вы бы квитанцію мнѣ дали.

— А? Кто тутъ? какую квитанцію? Ахъ да, это ты, братецъ? отъ К—скаго старосты? Твою телеграмму я не могу принять.

— Какъ такъ?

— А такъ. Она адресована къ губернатору. Безъ начальника не приму, а начальникъ спитъ.

— Разбудите!

— Не кричи!

— Вы видите, телеграмма срочная!

На мое счастье начальникъ жилъ въ томъ же домѣ и должно быть спалъ въ сосѣдней комнатѣ черезъ стѣнку. Тамъ повозилось что-то, посопѣло, и вылѣзъ крупный старикъ въ неимовѣрно широкомъ бѣломъ балахонѣ, брюхомъ впередъ.

— Что за шумъ подняли?

Взялъ изъ рукъ чиновника телеграмму, зѣвнулъ въ нее, гукнулъ:

— Да что вы тамъ, съ ума посходили со своими мордвами? Отъ сельскаго старосты къ губернатору! Не приму!

— Примите тогда жалобу къ начальнику округа...

— Что? Да ты изъ какихъ?

— Изъ тѣхъ самыхъ!

— Мм... Впрочемъ... Можно будетъ принять—обратился онъ къ чиновнику,—пусть только подписку выдастъ: «вслѣдствіе особыхъ настояній подавателя»... и какъ тамъ...

— А самъ ты не холерный?

— Какъ видите.

Телеграмма была принята, отправлена, и сдѣлала все, что было нужно. На другое же утро пріѣхалъ въ Новую исправникъ, отвелъ холерное кладбище.

Скорая отзывчивость начальства на нашу дерзкую телеграмму всѣхъ пріободрила. Староста хоть и согласился приложить вчера свою печать къ телеграммѣ, все же въ тайнѣ побаивался. Послѣ же того, какъ я разсказалъ ему про свои мытарства на телеграфѣ, сталъ было потрухивать явно. Теперь миновали всякіе страхи, онъ высоко поднялъ голову, бойко заметался по селу, постукивая должностнымъ подожкомъ.

Всѣ общественные родники очистили, вычерпавъ изъ нихъ илъ до чистой подающей воду песчаной жилы, оправили, задѣлали крышками, привѣсили къ каждому по парѣ новыхъ леекъ. Забота о родникахъ особенно понравилась народу. Здѣсь мы попали не на новшество, а на древній, освященный вѣками обычай. Въ нашихъ мѣстахъ считается хорошимъ, душеспасительнымъ дѣломъ оправлять родники, чистить ихъ, ухаживать за ними. Почти всѣ роднички на поляхъ и водопои были устроены когда-то благочестивыми добровольцами «души гля спасенія».— Люди эти жили можетъ быть сто, а можетъ быть больше лѣтъ тому, а имя ихъ въ народѣ не забывается и до сего дня.

Всѣ полевые роднички, всѣ водопои называются по имени того, кто ихъ оправилъ когда-то въ срубъ, украсилъ колодой. И въ лѣтнюю засуху, во время молебствій о дождѣ на родники эти ходятъ съ иконами, служатъ молебны, поминаютъ добромъ невѣсть когда жившаго устроителя. Вообще, чистая родниковая вода въ нашихъ мѣстахъ пользуется такимъ же стариннымъ почетомъ, какъ и хлѣбъ съ солью. Можетъ быть это—остатокъ язычества, когда моленія и жертвоприношенія богамъ природы происходили на берегу студеныхъ ключей и полевыхъ родниковъ. Народъ сталъ пить чистую воду, но такъ какъ оправку родниковъ на этотъ разъ связали съ холерой, то вдругъ особенное значеніе получили тѣ изъ слуховъ, которые говорили, что холера—отрава, пущенная въ воду. Наша забота о родникахъ

какъ будто выдвинула на первое мѣсто эту именно басню изъ ряда другихъ многочисленныхъ басенъ, занесенныхъ въ деревню изъ города. За питьевой водой стали доглядывать, и вскорѣ вышелъ случай чуть ли не стоившій жизни прохожему человѣку.

Проходилъ черезъ село старичокъ въ городскомъ платьѣ съ большимъ дождевымъ зонтикомъ подъ мышкой. День былъ душный, и старику захотѣлось пить, но спросить не у кого. Народъ былъ въ полѣ и на гумнѣ: возили сѣно, убирали въ ометы. Подошелъ старичекъ къ роднику, видитъ благоустроенно, чисто. Покачалъ головой, похвалилъ, напился изъ ковшика, пошелъ дальше. Видитъ другой родникъ, также обдѣланъ, подошелъ, осмотрѣлъ. Къ третьему подошелъ,—все дивуется. А за нимъ слѣдомъ, какъ воробьи за просыпаннымъ пшеномъ, ребятишки: и съ боку забѣгутъ, и сзади посмотрятъ.

Видятъ ребята,—чужой человѣкъ по родникамъ ходитъ и внутрь заглядываетъ, дѣлаетъ что-то. Слыхали отъ большихъ, что беречь надо воду, быть на сторожѣ, отрядили пословъ къ большимъ на гумна:

— Баринъ какой-то по родникамъ ходитъ! Въ рукахъ держитъ не знай чего... Самъ въ шляпѣ! Наговариваетъ, нашептываетъ и сыпетъ чего-то... Стра-ашны-ый!..

Встревожились бабы, старухи, стали скликать мужиковъ. Тѣ наспѣхъ повскакали верхомъ, да вдогонку. Старикъ успѣлъ выйти за село только. Его догнали, связали, волокомъ притащили къ расправѣ.

Оказалось, къ счастью, что старика знали многіе изъ мужиковъ лично: онъ служилъ конторщикомъ у одного изъ ближнихъ помѣщиковъ, гдѣ мужики брали испольщину.

Старика отпустили, но родники еще разъ почистили.

IV.

Въ воскресенье я хотѣлъ прочитать на площади книжечку о холерѣ. Чтобы народъ собрался, надо было объявить объ этомъ въ церкви за службой. Въ субботу вечеромъ пошелъ за этимъ къ батюшкѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ началась въ приходѣ холера, батюшку трудно было застать: не то онъ прятался, не то уѣзжалъ куда. Только въ субботу и можно было съ нимъ увидаться. Дорогой сошлись мы съ Ванюгой, который тоже шелъ къ попу.

— Ну вотъ, вмѣстѣ и налягемъ на него!—сказалъ Ванюга,

когда узналъ, зачѣмъ иду я,—у меня тоже дѣльце вродѣ твоего: хочу благословиться, да иконы ночью поднять... надо!

Ванюга былъ мѣстный «Дядя Власъ». Онъ пѣлъ и читалъ на клиросѣ, его трудами блестѣли на церкви новые зеркальные кресты въ золоченыхъ ободкахъ и самая гордость прихожанъ,—большой праздничный колоколъ, въ значительной мѣрѣ сооруженъ былъ на собранные имъ мѣдяки.

Я зналъ, что попъ сердится за телеграмму объ отводѣ особаго кладбища въ Новомъ, и не ждалъ ласковой встрѣчи. Компанія Ванюги была мнѣ на руку.

Батюшка вышелъ къ намъ на крылечко.

— Ну, что скажешь, баламутъ?—обратился ко мнѣ.

Я разсказалъ, что было мнѣ надо.

— О-о! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! И не проси. Не дамъ благословенья!

— Но вы же сами знаете, батюшка, какія басни говорятъ о холерѣ...

— Отъ этихъ басенъ я худого не вижу, а ты со своей прытью у меня половину прихода отъ храма отбилъ. Изъ Новой теперь никто въ церковь не можетъ идти... Нѣтъ, и не проси и не настаивай, хуже будетъ!

— Очень жаль, батюшка, придется видно и въ этомъ дѣлѣ безъ васъ обойтись...

— Да, обойдись ужъ! А то прытокъ ты на телеграммы. Нѣтъ зайти, посовѣтоваться... Теперь и ѣздить мнѣ туда на своихъ лошадяхъ? Ты думалъ, на отца духовнаго и холеры нѣтъ?

Началъ было и Ванюгѣ отказывать:

— Смущаютъ меня всѣ эти затѣи... весьма тревожатъ и не радуютъ. Слова нѣтъ: похвально въ дни испытаній обращеніе къ Богу, да опасны могутъ быть народныя скопища... Завтра помолимся въ храмѣ и достаточно. Господь услышитъ...

— Нѣтъ ужъ, батюшка, оставьте сумлѣнья!—уперся Ванюга,—народу весьма желательно помолиться... И мы васъ не утрудимъ.

За Ванюгой было народное желаніе, потому ему уступили. Моя просьба осталась при мнѣ. Впрочемъ, на обратномъ пути Ванюга пообѣщалъ самъ отъ себя объявить о моемъ желаніи прочитать книжечку. И на этомъ мы распрощались.

Поздно вечеромъ, когда смерклось и вызвѣздило, надъ селомъ пронесся низкій ударъ большого колокола. Одинъ только ударъ. Размашисто, густо и какъ-то по особому тревожно, съ понятной только для страстной пятницы скорбью, проползъ онъ надъ всѣми

закоулками и курмышами, будя рано засыпающій по лѣтамъ народъ.

Село ожило. Замелькали вездѣ торопливыя тихія тѣни. У церковной ограды скучилась еле примѣтная издали безгласная толпа. Затеплилась пловучимъ краснымъ огонькомъ восковая свѣча, колыхнулись хоругви, и высокій чистый теноръ Ванюги запѣлъ съ заражающимъ чувствомъ:

— Не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды, развѣ Тебѣ, Владычице!..

— Ты намъ помози!—ухнула масса. И стало какъ будто свѣтлѣе. Заколыхались, пошли вдоль села съ тихимъ рыдающимъ пѣніемъ и глухимъ скребущимъ сердце шуршаніемъ ногъ.

Въ городѣ весной тоже молились. Я видѣлъ, какъ народъ, наполняя церкви до духоты и давки, тосковалъ въ смертельномъ страхѣ, искалъ слова обращенія къ Богу, болѣе близкія страдающей душѣ, чѣмъ написанныя въ книгахъ. Вмѣстѣ со всѣми я чувствовалъ тогда, что словъ такихъ нѣтъ, что только по необходимости народъ прислушивается къ мощнымъ и грубымъ возгласамъ дьяконовъ, не удовлетворяясь ими. Видѣлъ я тамъ же, какъ люди хватались, словно за пловучую пѣну при кораблекрушеніи, за новыя случайныя молитвы, не то хлыстовскія, не то баптистскія. Слышалъ умиленное, стройное до послѣдней тонкости, пѣніе дорого стоющихъ пѣвчихъ. Слышалъ томные съ дѣланной, а можетъ быть и съ настоящей, печалью причитанія архіереевъ. Чувствовалъ всю полноту народной скорби...

Все это было не то, что я видѣлъ, а главное чувствовалъ теперь. Здѣсь нѣтъ съ народомъ священника, нѣтъ дьяконовъ и по чину положенныхъ молитвъ. Здѣсь—одно глубокое, всѣхъ связавшее чувство. И какъ это ни странно,—чувство радостное. Вверху всего носился тонкій съ зовущей дрожью голосъ Ванюги:

— Радуйся, Дѣво! Радуйся-а!

Я стоялъ и двигался среди другихъ, такъ же умиленный, какъ и всѣ, и радовался. Чему радовался? Томной ли тьмѣ лѣтней ночи, торжественной тишинѣ звѣзднаго неба, или вдругъ, ни вѣсть съ чего родившейся любви ко всему живому?

Все равно было, какія слова читаетъ Ванюга. Важны и радостны были не слова, а самый голосъ и всѣ другіе голоса вокругъ. Они жили, дышали любовью и ласкали мой слухъ, какъ самая нѣжная колыбельная пѣсня, пѣсня любящей матери. Если бы, вмѣсто слова «радуйся» стали пѣть: «печалься! печалься»! или: «гнѣвайся! гнѣвайся»!—все равно, я бы радовался.

Я радовался тому, что рядомъ со мной, плечомъ къ плечу стоитъ Сережка Маркеловъ, у котораго сипатый голосъ и,— говорятъ,—французская болѣзнь заразительная, неизлечимая... Мнѣ хочется поцѣловать его, какъ хочется не трогать гнусаваго комара, который подудѣвъ надъ самымъ ухомъ, сѣлъ на високъ и тянетъ мою кровь съ острой зудящей болью.

Пусть его тянетъ! Еще, еще... Я жалѣю тебя!

Всѣ плакали, не стыдясь своихъ слезъ, не склоняя головъ къ груди. Шли, плотно и твердо ступая лаптями по дорожной пыли. Пѣли. Не знали молитвъ, пѣли то, что знали:

— Гора Аѳонъ, гора святая, я не видалъ твоихъ чудесъ...

— Въ пустынѣ старецъ жилъ прекрасный...

Не все ли равно, что пѣть.

Ходили такъ до вторыхъ пѣтуховъ, и когда опять направились къ церкви, чтобъ поставить иконы на мѣсто, на востокѣ зардѣлись бѣлыя съ розовымъ полосы, посвѣтлѣло, наши утомленныя лица осунулись, позеленѣли. Только въ глазахъ игралъ и прыгалъ огнево-небесный радостный блескъ.

Воскресенье на утро было похоже скорѣе на Троицу, чѣмъ на скучный праздникъ рабочей поры. Съ покосами убрались, рожь не зажинали, и народъ былъ дома, праздновалъ. За обѣдней церковь была полна, и батюшка сказалъ проповѣдь, въ которой холеру назвалъ Божьимъ попущеніемъ за наши грѣхи, и просилъ не поддаваться «нѣкоторымъ, обуяннымъ гордыней молодымъ людямъ, которые въ ослѣпленіи своемъ хотятъ ее побороть»... Это былъ камень въ мой огородъ.

Послѣ обѣдни народъ все же собрался около пожарнаго сарая, и я, взобравшись на бочку съ водой, прочиталъ ему книжку. Трудно припомнить сейчасъ, какое вліяніе оказало это чтеніе, но одинъ несомнѣнный слѣдъ отъ него остался: многіе стали пить вмѣсто сырой воды кипяченую съ чаемъ, или просто съ богородской травой.

Вечеромъ Ванюга опять поднялъ иконы, опять ходили по селу съ пѣніемъ молитвъ и духовныхъ пѣсней. Читали акафистъ. Такъ какъ кромѣ Ванюги другихъ чтецовъ не было, а онъ уставалъ, то я тоже принялъ участіе въ чтеніи. Мы чередовались.

Чтеніе акафиста насъ съ Ванюгой такъ сблизило, что ночью послѣ всего, когда иконы были поставлены на мѣсто, мы не пошли вслѣдъ за другими по домамъ. Разговорившись, прошли за гумна на выгонъ. Ванюга говорилъ, я слушалъ:

— Э-эхъ, Василичъ!—открывалъ онъ свою душу,—мы съ

твоимъ тятяшей, молоды были, одну думу думали, вмѣстѣ учились потайно грамотѣ... И росло въ насъ эдакое-такое, что и сказать нельзя! Ровно какъ свѣчки теплились передъ престоломъ Божьимъ... А теперь что? Одинъ я остался, и нѣтъ у меня друзьевъ душевныхъ. Только вотъ стоскуюсь когда, не въ моготу станетъ мнѣ, пойду, встану на крылосѣ и во весь голосъ: «Подъ твою милость»!—отлягетъ малость... А псаломщикъ сейчасъ: «Зачѣмъ ты, Ванюга, такъ грубо? Ты тону дождись». А онъ, тонъ-то, вотъ у меня гдѣ! Въ сердцѣ... «Грубо»... Скажетъ тоже...

Ночь стояла сонная съ густой тягучей темью и до того тихая, что голосъ дергача изъ дальняго болота казался рядомъ.

Мы присѣли на ярусѣ кривыхъ, плохо оскобленныхъ чернолѣсовыхъ бревенъ. Рядомъ былъ недодѣланный срубъ съ узкими, какъ татарскіе глазки, оконцами, и въ одно изъ оконецъ глядѣлась красноватая, будто ползущая куда-то, звѣздочка. Впереди за чернымъ, совсѣмъ чернымъ, выгономъ стлалось болѣе свѣтлое ржаное поле. Чудилось, какъ оно ширится, ширится и убѣгаетъ за крутецъ, туда, гдѣ высится Суркомаръ и чернѣетъ Воровской страшный лѣсъ, котораго я такъ боялся въ дѣтствѣ.

Было и жутко, и пріятно, клонила дремота. А Ванюга разсказывалъ тоскующимъ тономъ, какъ онъ мечтаетъ всю жизнь встрѣтиться съ такимъ образованнымъ человѣкомъ, который зналъ бы все, о чемъ ни спросишь, и былъ бы свой братъ мужикъ, и не гнушался бы лаптей, и понялъ бы всю глубину тоскующей крестьянской души, которая отдыхаетъ въ работѣ, а въ бездѣльи мучается. Долго печаловался Ванюга. Я слушалъ, слушалъ и дремалъ. А онъ, должно быть, рѣшилъ уже, что долго жданный образованный человѣкъ нашелся, сидитъ рядомъ съ нимъ. Вдругъ заговорилъ со мной на «вы» и не прежними мужицкими словами, а другими, которыми надлежитъ говорить съ образованнымъ человѣкомъ:

— Какъ вы относитесь къ этому, напримѣръ?

— Къ чему?

— Вотъ... ну вродѣ: бабы село опахиваютъ...

— Какъ это село опахиваютъ?

— Такъ. Очень даже понятно и естественно: отъ холеры тоже! Какъ это на вашъ взглядъ? То есть, какъ вы находите?

Я не зналъ совсѣмъ, что село опахиваютъ отъ холеры.

— Да неужели же, дескать, эта самая, съ позволенья сказать, волшебница Авдотья ни разу васъ не предувѣдомила? И даже не сообщила ни разу?

— Бабушка Авдотья?

— Разумѣется она! Всю эту линію она ведетъ. Да вотъ, не желаете-ль взглянуть? Надо полагать, сей ночью онѣ выѣхали... И мы поднялись съ яруса, пошли крадучись къ тому мѣсту, гдѣ по разсчету Ванюги должны были пахать бабы.

Присѣли въ тѣни крайней половни, стали ждать. Вскорѣ появилась на недалекомъ темномъ горизонтѣ толпа бѣлыхъ привидѣній. Было ихъ около дюжины. Всѣ въ бѣлыхъ рубахахъ до пятъ, всѣ съ распущенными косами. Везли обыкновенную соху-винтовку такъ, какъ мужики возятъ ее на пашню и съ пашни: на волокушахъ, сошниками кверху и впередъ. Сзади, еле поспѣвая за всѣми и путаясь въ черезчуръ долгой рубахѣ, шла, торопилась старуха Авдотья.

— Главное, не обнаружьте себя чѣмъ ни на есть, — шепталъ, предупреждая, Ванюга,—иначе не причемъ возвратятся... Она, эта самая Авдотья, твердо знаетъ примѣту...

Мы притаились, почти не дышали. Привидѣнья прошли совсѣмъ около, обдавая насъ пылью и запахомъ пота. Онѣ неслышно ступали босыми ногами по пыли дороги и видимо захвачены были важностью и строгостью того большого, на ихъ взглядъ, дѣла, которое собирались начать. Соха колыхалась, шуршала, обработанные концы сошниковъ поблескивали, какъ фосфорныя спички во тьмѣ, чуть-чуть дрожала палица. Многихъ изъ привидѣній я успѣлъ разглядѣть и узнать.

— Бабъ здѣсь, собственно говоря, не имѣется... — шепнулъ Ванюга,—всѣ дѣвки... и старуха. Вчерашняго дня здѣсь прекратили пахоту, пойдутъ теперь дальше.

И дѣйствительно толпа привидѣній остановилась, стала къ востоку лицомъ, перевернули соху сошниками въ землю, старуха взялась за ручки, пошли.

Шли быстро, молча, таинственно. Слышно было тяжелое дыханіе, и чудились струйки пахучаго женскаго пота. Соха скрипѣла, подрагивала, еле брала твердый, никогда не паханный дернъ.

Мы съ Ванюгой пошли домой.

— Я полагаю, что больше ничего, какъ невѣжественные предразсудки?—спросилъ испытующе Ванюга и самъ же отвѣтилъ:—Суевѣрія жалкія и больше ничего...

На другой день утромъ я нарочно пошелъ на выгонъ. Легкая извилистая борозда, мѣстами углубляясь, мѣстами обрываясь, тонкой черной лентой опоясала село. Она должна охранить насъ отъ холеры.

— Кто знаетъ,—думалось мнѣ,—можетъ быть это и суевѣрія жалкія, а можетъ быть частица того великаго духа жизни, которая на ряду съ ночными моленіями, съ чтеніемъ книжки у пожарнаго сарая и съ вѣрой въ чистую воду для питья крѣпитъ въ человѣкѣ силу борьбы, родитъ вѣру въ свое благополучье.

V.

Опять опустѣло село и теперь уже наглухо. Жнитво—самое горячее время въ поляхъ. Цѣлую недѣлю отъ воскресенья до воскресенья народъ не ночуетъ дома. Боятся: вдругъ налетитъ ураганъ и вымолотитъ все зерно до послѣдняго, или градъ на послѣдяхъ ударитъ. Нынче день годъ кормитъ. Жнутъ, не разгибая спины, мужики, бабы, подростки со стариками. Ребятишки, тѣ вертятся около становища, грудныхъ караулятъ, зыбки качаютъ. Утромъ жнутъ по зарѣ, покудово росно и влажно. Позавтракаютъ, когда солнышко встанетъ въ дерево вышиной, опять жать, до обѣда. Самое жаркое время, нельзя жать,—изъ горсти сыплется,—тогда спать полягутъ. Угомонится малость солнышко,—опять жать до ужина и послѣ ужина по вечерней зарѣ до самой полуночи.

Тѣ, кто пожнется съ своимъ, ѣдутъ на сторону жать испольное, съемное, или за деньги барину. Такъ идетъ время отъ самой Казанской до Ильина дня. Не знаешь совсѣмъ, кто на селѣ хворый, кто здоровый, есть холера, или нѣтъ ея.

Въ Новой за лѣто умерло человѣкъ шестьдесятъ, а потомъ затихать стало. Люди только болѣли холерой, но не умирали.

Однажды черезъ наше село проѣзжала фельдшерица. Не знаю, какъ и отъ кого узнала обо мнѣ, заѣхала. Поговорили обо всемъ, что у насъ было сдѣлано, и она настойчиво пригласила меня пріѣхать въ больницу поговорить съ докторомъ. Было это за восемнадцать верстъ, и я пошелъ пѣшкомъ. По дорогѣ теперь уже не было никакихъ карантиновъ: иди куда хочешь, безпрепятственно. Замѣтно только болѣе зоркое приглядываніе къ прохожему человѣку со сторонн мужиковъ. Какъ всегда, кланяются при встрѣчѣ, снимаютъ шапку, а острый подозрительный взглядъ исподлобья такъ и щупаетъ со всѣхъ сторонъ незнакомца, такъ и пытаетъ.

Докторъ оказался очень простымъ и ласковымъ человѣкомъ, но былъ такъ занятъ, что мнѣ удалось поговорить съ нимъ урывками десять-пятнадцать минутъ, не больше. Оставилъ ноче-

вать меня, просилъ распорядиться ѣдой и чаемъ, самъ наскоро кончилъ пріемъ больныхъ, вскочилъ на тройку давно ожидавшихъ земскихъ, поскакалъ на сторону.

— Кажный божій день такъ,—разсказывалъ служитель, угощая меня докторскимъ чаемъ,—вскочитъ съ зарей, не протретъ путемъ глазъ,—скачетъ! Сказываютъ въ Троицкомъ теперь завелась: какъ косой коситъ, въ повалку...

Здѣсь за лѣто впервые я просмотрѣлъ газеты, узналъ объ ужасахъ, какіе были во всемъ Поволжьи. Въ Х-скѣ толпа убила доктора, въ С-вѣ разгромила холерные бараки и полицію, въ другихъ городахъ тоже бунтовали. И вездѣ умиралъ народъ сотнями въ день.

Изъ земской аптечки выдали мнѣ порошокъ сулемы для приготовленія обеззараживающей жидкости, пузырекъ мятныхъ капель отъ рвоты и другихъ какихъ-то безобидныхъ капель «отъ живота».

— Все это не дѣйствительно противъ холеры,—говорилъ фельдшеръ, снабжавшій меня лекарствами,—но успокаиваетъ... Вѣдь у насъ какъ? Коли боленъ человѣкъ, обязательно лекарство давай, иначе не понимаютъ...

Обогатили меня еще книжками, правилами для санитаровъ, и я вернулся домой съ гордымъ чувствомъ признаннаго борца съ тяжелой бѣдой.

Дома съ первыхъ же дней пришлось невольно выступить въ такой роли, какой я не ждалъ и не думалъ брать на себя. Выданныя изъ больницы лекарства предполагалось тратить только въ случаѣ несомнѣнной хелеры. Буде кто захвораетъ съ явными признаками, я долженъ былъ тотчасъ залить сулемнымъ растворомъ всѣ зараженныя мѣста, дать для успокоенія больного капель и гнать скорѣе за докторомъ. Этимъ кончалась моя обязанность.

Но, какъ говорится: Богъ за насъ, а чортъ прямо въ глазъ.

Первой узнала о моихъ лекарствахъ бабушка Авдотья и стала подговариваться къ тому, чтобы добрую половину отлить ей: у нея часто голова кружится, и животъ крутитъ, да и бабы иной разъ пристаютъ... противъ тошноты чтобъ!

Не успѣлъ я отказать бабушкѣ Авдотьѣ, какъ пришелъ сосѣдъ Максимъ, страдавшій давнишней застарѣлой хворью. Этотъ такъ упорно просилъ хоть капельку, хоть понюхать только, что я не зналъ куда дѣться. Всѣ мои доводы, всѣ увѣренія—какъ объ стѣнку горохъ. Я ему—о холерѣ, а онъ:

— Ну что тебѣ стоитъ одну каплю съ чаемъ мнѣ...

— Да вѣдь не поможетъ!

— А може, Господь смилостивится... Мнѣ и такъ стало куды легче съ той поры, какъ ты не велѣлъ воду сырую пить... Чай теперича пью—и свѣтъ увидалъ. Вотъ бы еще капельку этого? Василичъ!—просилъ онъ чуть не молясь,—утоли страдающаго!

Не устоялъ, налилъ ему стаканъ крѣпкаго чая и въ чай пустилъ три капли мятной настойки. Самъ я не смѣялся потому только, что не хотѣлось обижать мужика. Онъ же, выпивъ съ жадностью лекарство, такъ просіялъ, такъ пріободрился и пошелъ домой такимъ козыремъ, что я растерялся. Потомъ Максимъ не переставалъ благодарить меня и все увѣрялъ, что капли поставили его на ноги. Вслѣдъ за Максимомъ пришла баба съ годовалымъ парнишкой. Ребенокъ хворалъ разстройствомъ желудка и до того истощился, что не держалъ на плечахъ голову, какъ трехмѣсячный.

— Третью недѣльку, мотри-ко, такъ-то! — жаловалась баба,—и меня измоталъ и самъ извелся... Вишь, что осталось его!

— Ты ба къ доктору съѣздила.

— Да-ть ѣздила разъ... Гдѣ его возьмешь доктора? Его, сказываютъ, и не видитъ никто. Все гдѣ-то холеру гоняетъ...

Далъ ребенку три капли. Самому было совѣстно, убѣжать въ пору. А баба въ благодарность пару яицъ вынимаетъ изъ тряпочки. Ребенку тоже полегчало. И съ той поры къ нашей избѣ потянулись всѣ, кому не лѣнь, какъ къ новому источнику: и старухи съ затяжной простудой, и старики съ ревматизмами, и малыхъ ребятъ приводили съ трахомой на глазахъ...

Попалъ я въ то нелѣпое положеніе, отъ котораго даже теперь стыдно. Холеры не было, а были больные съ застарѣлыми, по большей части неизвѣстными мнѣ хворями. Я посылалъ ихъ къ доктору, а они резонно указывали, что доктора теперь не сыщешь нигдѣ, и приставали ко мнѣ до одури съ просьбой удѣлить малую толику капель... Мятныхъ капель отъ ревматизма и чесотки.

Прошелъ Ильинъ день. Народъ пожался, молотилъ на сѣмена рожь. Косили овсы. Въ это время вдругъ заболѣлъ, и заболѣлъ холерой, молодой жизнерадостный и крѣпкій мужикъ Власъ. Скрутило его въ какихъ-нибудь два-три часа. Вышло дѣло такъ.

Косилъ Власъ овесъ у самой грани, прилегавшей къ яровому же полю Новой деревни. Грань шла по потному полевому

овражку, полному свѣжихъ, оправленныхъ и не оправленныхъ въ срубъ, родничковъ. Мужику захотѣлось пить, а на горе вода, взятая изъ дома въ лагункѣ, вся вышла. Не стерпѣлъ, спустился въ овражекъ и напился въ первомъ же родничкѣ. Напился и тутъ же почувствовалъ себя плохо. Запрягли наскоро лошадь, привезли домой, и только успѣли уложить на кровать,—онъ умеръ въ страшныхъ корчахъ и судорогахъ.

Позвали меня.

Въ избѣ на покрытой соломой кровати лежалъ трупъ недавняго красавца Власа съ поднятыми кверху колѣнями и кривыми, точно вывихнутыми руками. Лицо такъ похудало, такъ глубоко ввалились глаза и почернѣло все въ немъ, что нельзя было узнать его. Съ покойникомъ были только отецъ и жена, молодая перепуганная баба. Ни сосѣди, ни родные, уже знавшіе о несчастіи, не пришли. Не было и обычнаго чтенья псалтири.

— Не пришли! Никто не пришелъ,—шептала баба, и въ эту минуту для нея было бо́льшимъ страданіемъ не то, что умеръ мужъ, а то, что никто не пришелъ къ нимъ раздѣлить горе.

Незадолго передъ этимъ я самъ говорилъ народу о заразительности холеры, совѣтовалъ опасаться заразы отъ больныхъ и покойниковъ, совѣтовалъ не ходить въ холерныя избы на поминки... Словомъ, говорилъ и совѣтовалъ много благоразумнаго, необходимаго для борьбы съ нагрянувшимъ бѣдствіемъ.

Но теперь при видѣ полнаго одиночества несчастной семьи, во мнѣ зашевелилось оскорбленіе. Стыдно стало и за себя и за людей.

— Не пришли...

Старикъ не поздоровался даже. Прежде онъ любилъ встрѣчаться со мной, душевно и ласково разговаривалъ, разспрашивалъ о городской жизни и всегда удивлялся, что въ городѣ продаютъ воду по копѣйкѣ за два ведра.

Я подошелъ къ нему; а онъ сверкнулъ навстрѣчу сухимъ злымъ взглядомъ глубокихъ глазъ, заговорилъ, кидая словами:

— Погляди, погляди! Узнаешь что-ль Власа-то? Кто это такой дошлый? Кому надо собачью смерть наслать на парня? Померъ... померъ... безъ покаянья... Ты что пришелъ? Кто звалъ тебя? Попа надо, не тебя!

Старикъ отвернулся, закрылся, какъ маленькій, рукавомъ, всхлипнулъ, словно заскулила собака:

— Безъ покаянья... Хрестьянскаго погребенья не даютъ...

Потомъ срыву повернулся къ двери, вышелъ, хлопнулъ ею во всю, такъ что затряслись тонкія чернолѣсовыя стѣны избы, и уже изъ сѣней договорилъ злымъ надсаженнымъ голосомъ:

— Пр-ровалитесь вы въ таръ-тарары! Анафемы прокляты!

Староста нарядилъ четверыхъ мужиковъ. Приготовили гробъ, могилу, обмыли покойника, и, когда смерклось, пронесли его прямо на кладбище, схоронили. Батюшки по обыкновенію не было дома.

Я хотѣлъ было засыпать гробъ и могилу известкой, но старикъ съ такой яростью накинулся на меня, что пришлось оставить это.

За то молодая вдова оказалась куда покладистѣй. Она вскипятила два большихъ чугуна, вымыла сулемнымъ растворомъ всю избу, кровать и лавки, сожгла постилку, одежу, въ которой Власъ захворалъ, и все лишнее тряпье.

Вернувшіеся съ кладбища мужики тоже не побрезговали сулемой.

Зашли на дворъ, гдѣ я приготовилъ для нихъ цѣлую корчагу, и съ удовольствіемъ выполоскались въ ней до послѣдней ниточки.

Смертью Власа началась и кончилась въ нашемъ селѣ холерная эпидемія.

VI.

Лѣто прошло, и мало-по-малу устанавливалась осень. Миновалъ Первый Спасъ—первый сѣвъ, былъ и прошелъ Фроловъ день—лошадиный праздникъ. Поля все больше и больше пустѣли, а село оживало. Холера кругомъ затихла. Уже никто не захварывалъ ею.

Изъ Новой народъ опять сталъ ходить къ намъ въ церковь, и батюшкѣ досталось не мало въ этотъ годъ за сорокоусты.

Холеры не было, но долго не могли забыть ее. Вспоминали страхи, говорили, какъ была она по другимъ селамъ, привозили съ базара разсказы о бунтахъ и погромахъ. У насъ въ селѣ она оставила по себѣ особый еле уловимый слѣдъ грусти. Размягчила сердца и сдѣлала всѣхъ другъ къ другу добрѣе, любовнѣе. Можетъ быть кое-что прибавилъ къ тому и хорошій урожай, но видно было внимательному глазу, что люди стали лучше.

Изъ насъ, больше другихъ хлопотавшихъ съ холерой,

составился къ осени дружный кружокъ. Здѣсь были: Ванюга, староста, старшина съ сельскимъ писаремъ, наша семья и даже старуха Авдотья. Мы чаще встрѣчались другъ съ другомъ, подолгу разговаривали. Задумывались надъ пережитыми тревогами, и сама собой родилась мысль увѣковѣчить чѣмъ-нибудь минувшее лѣто.

Говорили, что хорошо бы открыть въ селѣ училище, и меня сдѣлать учителемъ. Мысль эта нравилась всѣмъ. Меня поднимала она за облака и радовала, какъ малое дитя. Бродя по селу, я уже чувствовалъ себя на половину учителемъ, болталъ съ ребятишками о ребьячихъ нуждахъ и затѣяхъ, разсказывалъ имъ занимательныя исторіи. Ребята уже льнули ко мнѣ и шепоткомъ говорили:

— Учитель... учитель...

А я высматривалъ лучшее мѣсто для школы, соображалъ, гдѣ насажу общественный садъ, куда поставлю образцовый пчельникъ, гдѣ подходящее мѣсто для... народнаго дома.

Говорили, но никто не рѣшался заикнуться на сходѣ объ училищѣ. Оно потребовало бы не малыхъ расходовъ, общество же наше было не изъ богатыхъ. Нѣсколько лѣтъ тому былъ большой пожаръ. Сгорѣла половина села и церковь и поповы дома. Строились и задолжали. Церковь съ поповыми домами стоила тысячъ подъ тридцать. И не всѣ еще деньги были выплачены. Кромѣ того многихъ подрѣзалъ прошлогодній голодъ. Думать ли объ училищѣ? Духу не хватало.

Однако же мысль, родившаяся въ маломъ кружкѣ, не умирала. Она ширилась и, расползалась по всѣмъ концамъ села, прививалась все къ большему и большему количеству мужиковъ.

Народъ изъ разныхъ концовъ, встрѣчаясь со мной, все чаще и чаще заговаривалъ объ училищѣ.

— Ну что, Василичъ, какъ дѣлишки?—спроситъ иной, привѣтно здороваясь и потрясая кудрями.

— По немножку. Какъ вы?

— Богъ носитъ покудово... Скоро въ городъ?

— Собираюсь. Дай срокъ, уберутся наши, съ просомъ покончить надо.

— Дѣло такое. А то ба оставался у насъ... Житье не такое, чтобы ужъ, а кормиться можно. Прокормимъ!

— Да-ть, не въ кормежкѣ дѣло!—возражаю я, а самъ цвѣту весь отъ радости: знаю, къ чему мужикъ свою рѣчь клонитъ.

— Оставаться-то не при чемъ...

— Вона! Чай откроемъ училищу. Дядья у тебя въ силѣ, самъ ты любъ міру, только молви! Слово скажи...

И вотъ однажды такое слово было промолвлено. На большомъ шумномъ сходѣ выступилъ молодой, мало знакомый мнѣ мужикъ изъ дальняго конца, заговорилъ объ училищѣ.

Мнѣ думается, что въ народѣ живетъ общая, вѣками закрѣпленная мѣра признанія вещей. Благодаря ей всѣ знаютъ безъ споровъ, что нужно и должно быть и чего не нужно, что лишне.

Пусть, напримѣръ, соберется сходъ изъ мужиковъ, бывающихъ въ церкви разъ въ годъ, или совсѣмъ небывающихъ въ ней, а проводящихъ всѣ праздники въ кабакѣ. Пусть на этомъ сходѣ выступитъ общественникъ и скажетъ:

— Братцы, не нужно намъ церкви. Была у насъ старая, мы лѣнились ходить въ нее. Теперь сгорѣла она. Строить новую денегъ нѣтъ. Шутка ли? тридцать тысячъ рублей! Обойдемся безъ церкви...

Такого общественника, если даже слыветъ онъ умнымъ и дѣльнымъ человѣкомъ, не станутъ слушать. Скажутъ ему:

— Замолчи! Ты—сумасшедшій! Какъ можно безъ церкви!

И скажутъ такъ не потому только, что народъ съ испоконъ вѣковъ сживается съ церковью. Она краситъ картину села, даритъ народъ праздниками и т. д. Вѣдь и кабакъ сжился съ народомъ, и онъ тысячу лѣтъ краситъ народные праздники. Однако, если тотъ же общественникъ скажетъ на томъ же сходѣ:

— Давайте закроемъ кабакъ въ селѣ! Онъ намъ не нуженъ, лишній.

То кабака не закроютъ конечно, а общественника выслушаютъ, похвалятъ и почувствуютъ себя передъ нимъ грѣшниками.

И сдѣлаютъ такъ потому, что прикинутъ и къ тому и къ другому случаю ту самую мѣру, о которой я говорю. Сами не замѣтятъ, какъ примѣряютъ. Но иногда мѣра эта вдругъ измѣнится. То, что казалось ненужнымъ, лишнимъ,—до зарѣзу понадобится, или наоборотъ. Чтобы такъ случилось, надо пережить народу какую-нибудь крупную духовную встряску, чтобы онъ поднялся на мигъ выше житейскихъ будней и взглянулъ на свое житье бытье сверху внизъ. Тогда достаточно бываетъ небольшого намека на что-нибудь новое и полезное, и за него ухватятся.

Такой самой встряской для нашего села было холерное время. Оно измѣнило народный взглядъ на школу и грамотность. Какъ вышло все, трудно прослѣдить. Но если бы тотъ же молодой мужикъ заговорилъ о необходимости для нашего села училища въ прошломъ году, то на него закричали бы всѣ и «каштаны» первые:

— Это еще что за выдумки? На что намъ училищу, аль голоштанниковъ разводить? Вонъ они учены те: отцу-матери не почетчики! Только и норовятъ, ка-бы домъ бросить, да на сторону! Дѣды-прадѣды жили, не знали грамотѣ, да лучше насъ справлялись! Не надо училищи! Не желаемъ...

И провалили бы единогласно училище.

Теперь, послѣ холеры, вышло не такъ. Молодого мужика выслушали съ большимъ почтеніемъ. Согласились не сразу, разумѣется, но говорили не о томъ, что не нужно училища. Ссылались на бѣдность, на долги, которые сдѣлало общество при постройкѣ церкви, на прошлогодній голодъ. «Каштаны» совѣтовали обождать съ этимъ дѣломъ годъ или два, когда общество оправится.

Такія рѣчи для насъ уже были побѣдой. Мы разсчитали, что деньги на постройку будемъ просить изъ губернскаго земства, рублей хотя бы тысячу, въ ссуду, а лѣсъ начнемъ хлопотать изъ казенной дачи: даромъ, или на льготныхъ условіяхъ. Если приговоръ составить теперь же, то съ годъ протянутся хлопоты, да годъ уйдетъ на постройку дома. Значитъ обществу придется начать свои траты какъ разъ черезъ два года.

Все это сказали сходу старшина съ сельскимъ писаремъ. Старики согласились единогласно.

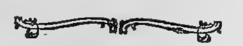
Въ концѣ августа я уѣхалъ обратно въ городъ. Уѣзжалъ съ надеждой черезъ годъ, черезъ два поселиться окончательно въ родномъ селѣ и, не покладая рукъ, осуществлять свои молодыя мечты. Но мечты такъ и остались мечтами до настоящаго дня.

И сбудутся ли когда?

Благодаря холерному году, я дѣйствительно сталъ народнымъ учителемъ, но только не тамъ, гдѣ хотѣлось сердцу. Выше меня оказалось «благоусмотрѣніе начальства» и то, что называютъ словомъ: «обстоятельства». Они кидали и продолжаютъ кидать меня по слову Христа: «Инъ тя препояшетъ и поведетъ, амо же не хощеши».

Какіе слѣды оставила холера въ городѣ? Не знаю. Кажется только четыре смертныхъ казни и множество тюремныхъ заключеній за холерный бунтъ.

С. Апикинъ.

БОЛЬШІЕ И МАЛЕНЬКІЕ.

Послѣ долгихъ и утомительныхъ поисковъ мы нашли наконецъ недалеко отъ парка и моря очень приличную и недорогую комнату съ отдѣльнымъ балкономъ.

Жильцовъ немного и, главное, нѣтъ обязательнаго table d'hôt'a, который меня такъ утомлялъ за границей.

Съ балкона видны горы и часть моря, а съ террасы, куда выходятъ двери всѣхъ комнатъ, открывается роскошный видъ на море и паркъ.

Мнѣ здѣсь очень нравится, но Нина, какъ всегда, недовольна и ворчитъ:

— Ну-да, тебѣ все хорошо... Былъ бы папа, ни за что не согласился бы жить въ такой клѣтушкѣ. Помнишь, какія у насъ были комнаты за границей. Вѣдь докторъ сказалъ тебѣ, что мнѣ надо много свѣта и воздуха.

Возражаю примирительно:

— Послушай, Ниночка, комната совсѣмъ не такъ мала, а утромъ здѣсь много солнца... Вѣдь ты же слышала, сколько спрашиваютъ за большія комнаты. Здѣсь все дороже, чѣмъ за границей... Вѣдь надо же, чтобы хватило денегъ на фрукты, на докторовъ, на леченіе и мало ли еще на что, для тебя же,

Но Нина не хочетъ понять и продолжаетъ свою воркотню.

— Эта комната стоитъ 50, а другія—70, развѣ это много—20 рублей разницы. Вѣчно ты экономишь, точно тебѣ жалко денегъ...

Въ голосѣ ея звучатъ уже плаксивыя, капризныя нотки.

Я молча вынимаю передъ зеркаломъ длинныя шпильки изъ шляпы и кладу ихъ на столикъ.

Я знаю по опыту, что стоитъ мнѣ начать говорить стро-

гимъ тономъ, и Нина разразится истерическими рыданьями и будетъ обвинять меня въ томъ, что я дурная, злая мать, которая нисколько не заботится о ней, а только о себѣ...

Нинѣ 10 лѣтъ... Должна же она наконецъ понять, что мы живемъ ужъ больше года безъ папы на тѣ 200 р., которые онъ намъ великодушно высылаетъ.

Самъ онъ тратитъ на себя втрое больше, но что *намъ* до этого?

Не могу же я просить у него прибавки, потому что Нина чувствуетъ себя несчастной безъ того баловства и комфорта, къ которому онъ пріучилъ ее съ дѣтства.

Когда мы рѣшили разойтись, мы предоставили Нинѣ выборъ между нами, не объясняя ей истинныхъ причинъ нашего рѣшенія, но предупредивъ ее, что со мной она не будетъ пользоваться тѣми удобствами, которыми она пользовалась раньше.

Она, конечно, не могла знать, что тѣ средства, которыя до сихъ поръ шли на нее, теперь нужны были ея отцу для его новой любви, завладѣвшей имъ съ такой силой, что всѣ прежнія привязанности умерли въ немъ... И Нина первая была принесена ей въ жертву.

Но развитая не по лѣтамъ дѣвочка давно уже чутьемъ угадала что-то зловѣщее въ нашей домашней атмосферѣ, вдумалась, вслушалась, и мы оба были поражены рѣзкой перемѣной въ ея отношеніи къ отцу и словами, съ которыми она бросилась ко мнѣ на шею, вся дрожащая, напуганная, жалкая, какъ маленькій загнанный звѣрекъ.

И теперь еще звучатъ въ моихъ ушахъ ея истерическія рыданія:

— Къ тебѣ, мамочка, къ тебѣ, я не хочу оставаться у папы!.. Я знаю, онъ хочетъ жениться на другой мамѣ... Я ни за что здѣсь не останусь...

Теперь я пишу объ этомъ спокойно и даже думаю спокойно.

За годъ моей новой жизни въ душѣ моей образовалась такая крѣпкая броня, защищающая меня отъ излишней реакціи на внѣшнія впечатлѣнія, что я и на себя и на мою дѣвочку смотрю глазами наблюдателя, а не дѣйствующаго лица...

Да, мы обѣ съ ней пережили много...

Нина уже успѣла свести знакомство съ сосѣдкой по комнатѣ, или вѣрнѣе, съ ея маленькой дочкой.

Я слышу, какъ, на другомъ концѣ балкона, она умно и

толково отвѣчаетъ на любопытные разспросы матери, съ недѣтскимъ тактомъ обходя подводные камни, и въ промежуткахъ дружелюбно разговариваетъ съ дѣвочкой.

— Такъ вы, значитъ, всю зиму жили съ мамой за границей? А гдѣ же вашъ папа? У васъ есть папа?

— Папа—въ Петербургѣ. Онъ редакторъ газеты, онъ не можетъ уѣхать... А теперь мы къ нему поѣдемъ, вотъ поживемъ здѣсь мѣсяцъ, пока тепло, а потомъ и поѣдемъ...

— Папа, бѣдненькій, навѣрное, очень безъ васъ соскучился? Вѣдь вы единственная дочь?

— Да... Папа намъ часто пишетъ и проситъ поскорѣе пріѣхать... Папа очень меня любитъ... Когда мнѣ было пять лѣтъ, онъ мнѣ привезъ куклу съ меня ростомъ... И еще есть другая—немного поменьше. У меня дома—пятнадцать куколъ!

— Боже, какая масса! видно, что папа—баловникъ!—умиленно восклицаетъ дама.

Я слушаю съ грустной улыбкой.

Нина, Нина, какой ты тонкій дипломатъ, какъ ловко ты переплетаешь правду съ ложью? И сознаешь ли ты сама, что лжешь, или вѣришь своимъ словамъ?

Мы больше не нужны папѣ, бѣдная моя дѣвочка, мы больше ему не нужны...

Сегодня все утро провели на берегу моря и вернулись совершенно измученныя жарой. Намъ обѣимъ запрещено купаться въ морѣ, и это такъ мучительно сидѣть у воды подъ палящимъ солнцемъ и только съ завистью смотрѣть на счастливицъ, взлетающихъ съ волны на волну или раскинувшихся и едва прикрытыхъ водою у берега.

Но безъ всякой зависти и прямо съ соболѣзнованіемъ приглядываюсь я къ коричневымъ, обнаженнымъ тѣламъ женщинъ, лечащихся солнечными ваннами. По большей части все это пожилыя женщины съ дряблымъ, тучнымъ тѣломъ, потерявшимъ всякія формы. Лежатъ терпѣливо по цѣлымъ часамъ, подставляя солнцу, то грудь, то спину...

Нина, стройная и тоненькая, какъ мальчикъ, въ плотно охватывающемъ ее купальномъ костюмчикѣ, лазаетъ по камнямъ, высматривая краббовъ.

Она уже свела дружбу съ мальчикомъ ея возраста, головой ниже ея и чуть не въ вдвое худѣе.

Мальчика этого она приспособила къ ловлѣ краббовъ, а свое участіе въ этой ловлѣ ограничила высматриваніемъ добычи.

Поймавъ жалкаго коричневаго паучка и бросивъ его въ

ведерко съ водой, они бѣгутъ ко мнѣ съ радостнымъ визгомъ и заставляютъ любоваться краббенкомъ.

Я хвалю, чтобы доставить имъ удовольствіе, но на самомъ дѣлѣ не нахожу въ немъ ничего интереснаго и не могу понять, зачѣмъ имъ нужны эти противные паучки.

— Я ихъ замариную въ спирту и повезу въ Петербургъ,— объявляетъ Нина:—вѣдь они же такіе миленькіе!

— О, они здорово щиплются! — говоритъ худенькій мальчикъ съ удивительно серьезными глазами, показывая палецъ, за который ухватился краббъ.

— Почему же, Нина, ты не ловишь ихъ сама, если они тебѣ нужны?

— Я не умѣю такъ ловко брать за спинку, они кусаются, а онъ не боится,—спокойно говоритъ Нина, и умные глазки ея блестятъ лукавствомъ.

Я смотрю на море, все сверкающее подъ яркимъ солнцемъ, на небо... Какъ удивительно нѣжна и прозрачна его темноголубая окраска! Взоромъ своимъ я холодно оцѣниваю всю окружающую меня красоту, но ничто не шевелится въ моей омертвѣвшей душѣ, ни одна искорка не разгорается въ ней ярче, ни одинъ звукъ не поднимается изъ ея темной глубины. Неужели все кончено для меня? Молодость, радость жизни, свѣтлыя волненья чувствъ и мысли... Все кончено...

— Мамочка, посмотри, какой потѣшный, совсѣмъ лиловый,—кричитъ Нина и подноситъ къ самому моему лицу только что пойманнаго крабба.

— Моя мама говоритъ, что это очень рѣдкій, я его поймалъ, но все равно, пусть она возьметъ, мнѣ не надо, зачѣмъ мнѣ,—говоритъ мальчикъ, пожимая острыми плечиками, и смотритъ на меня строгими, серьезными глазами.

Въ этихъ глазахъ мнѣ чудится какая-то тайна, тайна спрятавшейся и молча страдающей дѣтской души, и мнѣ вдругъ становится близокъ и милъ этотъ серьезный мальчикъ.

— Вы гдѣ живете? А, знаю... Такъ вы приходите, пожалуйста, къ Нинѣ, у нея есть книги, игрушки, вмѣстѣ вамъ будетъ веселѣе...

— Хорошо я спрошу у мамы; если позволитъ, я приду,— солидно отвѣчаетъ мальчикъ.

Послѣ обѣда, когда я, уложивъ Нину съ книжкой на кровать, какъ предписано ей докторами, лечащими ее отъ малокровія и нервнаго истощенія, сѣла за письмо къ сестрѣ, на террасѣ

раздался торопливый топотъ дѣтскихъ ногъ, и въ комнату вбѣжалъ новый знакомый Нины.

Нина вскочила, довольная, что несносное лежанье прервано, но я уговорила ее лечь, объяснивъ мальчику, для чего ей это нужно, и предложила имъ, пока Нина лежитъ, почитать вслухъ. Оба согласились охотно, и я битыхъ два часа читала имъ, прерываемая только Ниной; мальчикъ жадно слушалъ, не отрывая отъ моего лица своихъ строгихъ внимательныхъ глазъ.

Вечеромъ они оба съ большимъ аппетитомъ поѣли, и онъ простодушно признался, что дома у нихъ ѣдятъ только разъ въ день, а вечеромъ пьютъ чай съ булками, и ему часто хочется покушать между завтракомъ и обѣдомъ.

— Почему же мама не даетъ тебѣ?—съ возмущеніемъ замѣтила Нина,—ты бы ей сказалъ, что голоденъ, она должна же кормить тебя до-сыта!

— Она и кормитъ меня до-сыта, — убѣжденно возразилъ мальчикъ,—чѣмъ же она виновата, что я все не сытъ? Вѣдь у нея тогда не хватитъ денегъ! Вотъ и теперь: папа вышлетъ еще черезъ два дня, а у нея ужъ ничего нѣтъ, я ей далъ свои изъ копилки,—шесть рублей я накопилъ! А потомъ она мнѣ отдастъ, когда получитъ, она всегда отдаетъ, она добрая. А если бы и не отдала, ну, что же? Мнѣ зачѣмъ деньги? Попрошу ее купить что-нибудь, она купитъ, она у насъ добрая,—закончилъ онъ съ такой увѣренностью въ материнской добротѣ и справедливости и съ такой нѣжностью въ голосѣ, что у меня что-то дрогнуло въ сердцѣ и невольно я взглянула на Нину: что она?

На хорошенькомъ, тонкомъ личикѣ Нины застыла пренебрежительная гримаска, и я убѣждена, что не переведи я разговоръ на другую тему, она сказала бы съ своей обычной манерой какого-то огульнаго осужденія всѣхъ и всего на свѣтѣ:

— Не понимаю... Мать—и беретъ деньги у своего сына! Могла бы какъ-нибудь устроиться! Моя мама никогда бы этого не сдѣлала!

Критика моей мамы отложена до другого раза: на этотъ разъ всѣ выгоды сравненія на моей сторонѣ...

Вечеромъ, когда мы съ Ниной собрались проводить мальчика по длинной, темной, совершенно пустынной улицѣ, въ самый конецъ ея, Нина сказала мнѣ, надѣвая пальто:

— А у Бори, мама, ничего нѣтъ, ему будетъ холодно.

Мальчикъ стоялъ передо мной въ томъ же тоненькомъ трико, въ которомъ онъ былъ утромъ, а вечеръ былъ совсѣмъ осенній, сырой и холодный. Я дала ему накидку Нины, и мы

пошли. Когда мы, проводивъ его до воротъ его дачи, возвращались назадъ, Нина сказала мнѣ:

— Вотъ странная у него мама: она ему позволила вернуться, когда онъ хочетъ... Ты замѣтила, онъ не хотѣлъ уходить, это ты ему сказала, что мнѣ пора спать.

— Я боялась, что о немъ будутъ безпокоиться.

— А онъ сказалъ, что, если бы и въ 10 часовъ пришелъ, и то бы ничего,—въ голосѣ ея звучало сомнѣніе; она еще не знала, какъ отнестись къ этому явленію: съ одной стороны— полная свобода, съ другой—все-таки это странно!

Я предоставила ей самой разобраться въ новомъ для нея фактѣ, не безъ основанія угадывая, что мой престижъ значительно повысился въ этотъ день.

... Нина крѣпко спитъ...

Я только что вернулась съ почты, куда ходила опустить письмо. Почта сейчасъ же за домомъ Бори, и вотъ, когда я проходила мимо забора ихъ дачи, я замѣтила скорчившуюся въ тѣни маленькую фигурку. Свѣтъ отъ фонаря проѣзжавшаго мимо экипажа освѣтилъ ее, и я узнала Борю. Онъ былъ въ своемъ легкомъ костюмчикѣ, весь застывшій и поблѣднѣвшій подъ своимъ загаромъ.

— Нашихъ нѣтъ еще дома, они гуляютъ, а у насъ темно, и я боюсь одинъ,—довѣрчиво объяснилъ онъ мнѣ.

Я взяла его за руку и повела черезъ большой темный садъ къ дачѣ, гдѣ только въ нижнемъ этажѣ свѣтились огни. Наверху, гдѣ жилъ Боря, былъ полный мракъ. Мы поднялись по слабо освѣщенной лѣстницѣ и вошли въ довольно большую и хорошо обставленную комнату. Я зажгла лампу.

— Достаньте мнѣ мою ватную куртку, вотъ она виситъ на стѣнѣ, я совсѣмъ замерзъ,—попросилъ мальчикъ.

Облачившись въ нее, онъ подсѣлъ къ столу и, развертывая лежавшую на ней дѣтскую книжку, сказалъ съ довольной улыбкой:

— Вотъ теперь совсѣмъ хорошо... Я почитаю, а они, навѣрно сейчасъ уже вернутся. Вѣдь Олѣ тоже надо спать, она только на три года старше меня... Я такой глупый—боюсь одинъ: другіе же не боятся! Мама говоритъ: не сидѣть же мнѣ изъ-за тебя цѣлый вечеръ дома, надо же и мнѣ погулять. Вотъ если бы я только не боялся одинъ, все было бы хорошо.

Нина спитъ крѣпко: подложила руку подъ разгорѣвшуюся щечку и чему-то улыбается во снѣ... Сколько есть на свѣтѣ дѣтей несчастнѣе тебя, Нина! Почему ты не хочешь ни съ чѣмъ мириться? Труденъ будетъ твой путь, маленькая моя дѣвочка!

Боря—настоящій кладъ для меня. Онъ приходитъ аккуратно въ три часа, когда мы кончаемъ обѣдать, и остается до вечера.

Самъ—маленькій и худенькій, перенесшій зимой двѣ тяжелыя болѣзни, онъ считаетъ себя уже совершенно здоровымъ, крѣпкимъ и не нуждающимся ни въ какомъ особенномъ попеченіи. Но онъ строго слѣдитъ за тѣмъ, чтобы Нина вылеживала свои два часа послѣ обѣда, сидитъ подлѣ нея смирно, какъ мышенокъ, слушаетъ мое чтеніе или подъ руководствомъ Нины зарисовываетъ на бумагѣ то кусочекъ моря съ лодкой, то кипарисъ, то татарскую саклю.

Нина подарила ему бумаги и карандаши, и онъ въ восторгѣ заявилъ, что теперь и дома не будетъ скучать а то у него не было никакихъ приспособленій для рисованія.

— Почему же ты не скажешь мамѣ, чтобы она тебѣ купила?—съ негодованіемъ спросила Нина,—надо же тебѣ чѣмъ-нибудь заняться.

— Я ей говорилъ много разъ, и она обѣщала, да все не можетъ собраться купить,—выступилъ Боря на защиту матери и прибавилъ съ нѣжной улыбкой:—Она у насъ добрая: вотъ сегодня я попросилъ ее купить мнѣ ведерко для краббовъ, а она взяла, высыпала сахаръ изъ жестянки и дала мнѣ. А сахаръ въ бумажку завернула... «Ничего, говоритъ, и такъ обойдется, а тебѣ и жестянка хороша»,—и, правда, зачѣмъ покупать ведерко?—И вдругъ неожиданно обратился къ Нинѣ:—Угадай, кто у насъ маминъ любимчикъ? Меня мама любитъ, а Олю папа. Мама меня всегда называетъ: «Боричка» и никогда не бьетъ, а Олю бьетъ»..

— Бьетъ?—съ ужасомъ переспросила Нина.

— Ну, конечно,—спокойно отвѣчалъ Боря, —развѣ безъ этого можно? Вѣдь мы какія глупости иногда дѣлаемъ и деремся! Мамѣ съ нами не справиться! А папа меня не любитъ, потому что я такой худой и маленькій, онъ все Олѣ даритъ и всегда ласкаетъ ее...

...Вечеромъ я одна провожала Борю домой. Уцѣпившись за мою руку, онъ сѣменилъ подлѣ меня тонкими ножками и сладостно мечталъ:

— Вотъ - то я былъ бы счастливчикъ, если бы у насъ въ домѣ былъ огонь... Это значитъ—мама и Оля дома. Я, право, ужасный трусъ. У мамы здѣсь много знакомыхъ, ей весело съ ними, а тутъ сиди изъ-за меня дома!

И какъ онъ былъ по дѣтски искренно счастливъ, когда мы увидѣли на балконѣ изъ дачи зажженную лампу!

Сегодня на берегу въ первый разъ обратила вниманіе на мать Бори: пресимпатичная толстушка, вся бронзовая отъ загара, съ круглымъ подбородкомъ, живыми, темными глазами и маленькимъ, тупымъ носикомъ.

Чрезвычайно пріятная улыбка, красивое, хотя и сильно располнѣвшее тѣло и мало культурная рѣчь, что меня удивило, такъ какъ Боря производитъ впечатлѣніе мальчика изъ интеллигентной семьи.

Однако вечеромъ, когда мы шли домой, болтовня мальчика, повидимому, чувствующаго ко мнѣ довѣріе, кое-что выяснила мнѣ изъ окружающей его обстановки.

Мать его—вторая жена, а, можетъ быть, и не жена, вѣроятно, не изъ общества, а взрослыя дѣти отъ первой—изрѣдка приходятъ къ отцу, галантно ухаживаютъ за ней и дерутъ за уши маленькаго Борю.

— А я царапаюсь, какъ кошка! Иной разъ и укушу до крови! Какъ же мнѣ защититься? Я слабый. А какъ начну кусаться и царапаться—они боятся!...

Вотъ уже два дня, какъ мы не ходимъ къ морю, а гуляемъ въ паркѣ. На морѣ дуетъ сильнѣйшій вѣтеръ, и волны съ такой силой выбрасываются на берегъ, что весь пляжъ залитъ водой, негдѣ сидѣть. Утромъ, когда мы шли домой. Нина остановила меня:

— Стой, мама, слышишь? Кто-то кричитъ!

Я прислушалась. Къ шуму волнъ и свисту вѣтра присоединялся слабый, протяжный звукъ: не то стонъ, не то крикъ. На поворотѣ аллеи, когда вѣтеръ задулъ намъ прямо въ ухо, я отчетливо расслышала слово: «Спа-си-те!..» Я постаралась успокоить встревоженную Нину и заняла ее разговоромъ, чтобы отвлечь вниманіе, но всю дорогу, пока мы поднимались къ себѣ на дачу, этотъ жалобно умоляющій, безнадежно тоскливый крикъ преслѣдовалъ меня.

За обѣдомъ Нина поспѣшила подѣлиться своими впечатлѣніями съ подававшей намъ обѣдъ горничной.

— Да, говорятъ, что сегодня одинъ пріѣзжій утонулъ, — равнодушно отозвалась она.—Тутъ что ни годъ, по нѣсколько человѣкъ тонетъ... Шутка ли, въ такую бурю пошелъ купаться! Да добро бы еще одинокій, а то семейный! Жена, говорятъ, съ дочкой, какъ сумасшедшія по берегу бѣгали, рыбакамъ сто рублей обѣщали, да никто не поѣхалъ: «Намъ, говорятъ, жизнь дороже денегъ!» Одинъ офицеръ шпагу свою бросилъ, совсѣмъ сталъ какъ помѣшанный, и самъ хотѣлъ броситься, да жена

не пустила, ухватилась за него и не пустила... Канатъ ему бросили, не добросили, какъ хватило его волной о камень, такъ больше и не показался! А все-жъ-таки часъ съ четвертью въ волнахъ держался; видать, что былъ хорошій пловецъ!

Съ ужасомъ и отвращеніемъ смотрѣла я въ этотъ день на бѣшеное, все всклокоченное море, какое-то грязно-сѣрое съ бѣлыми барашками пѣны. Точно кровожадная толпа убійцъ, растерзавшая первую жертву и еще болѣе озвѣрѣвшая!

Нина весь день только и говорила объ этой катастрофѣ, выпытывая подробности у барышни-учительницы, присутствовавшей при этой ужасной сценѣ. Я съ трудомъ отвлекла ее отъ этихъ мыслей, выбравъ занимательный разсказъ для чтенія вслухъ. Но теперь, когда она заснула, я чувствую, что и мои нервы сильно возбуждены... Образъ бѣдной женщины, безпомощно бѣгавшей по берегу и въ продолженіе часа слушавшей крикъ о помощи погибавшаго мужа не выходитъ у меня изъ головы... Я представляю себѣ, какъ она вернулась домой въ свою осиротѣвшую комнату, какими новыми глазами взглянула на всѣ предметы, связанные съ нимъ, съ тѣмъ, кто такъ недавно вышелъ отсюда здоровый и полный силъ. Хватитъ ли у нея силы лечь въ эту ночь въ теплую и мягкую постель, когда мужа ея хлещутъ и бьютъ бѣшеныя волны... Нѣтъ, не ляжетъ она; прижавъ къ себѣ уснувшую отъ слезъ маленькую дочку, будетъ она сидѣть всю ночь, всю долгую ночь напролетъ и думать, и думать о томъ, что случилось, и чего уже нельзя поправить... И во всю свою жизнь до смерти не забудетъ этой ночи! А утромъ сгорбившаяся и сразу состарившаяся пойдетъ къ своему врагу-морю и будетъ молча вглядываться въ сѣрыя волны и ждать, не выброситъ ли безпощадное дорогого тѣла...

Тихо кругомъ; всѣ уже спятъ на нашей дачѣ. Въ окна смотритъ черная, угрюмая ночь безъ луны и безъ звѣздъ. Нина вскрикиваетъ, испуганно бормочетъ во снѣ... И снова все тихо... Только вѣтеръ порывами налетаетъ на окно и стучитъ рамой, да гдѣ-то въ углу остренькими зубками грызетъ мышка... Никогда еще такъ тоскливо не ощущала я свое одиночество и ненужность своего существованія... Нина... Нина поплакала бы, конечно, но, если бы окружили ее заботой, забыла бы скоро обо мнѣ А больше никому... никому я не нужна. Былъ человѣкъ въ моей жизни, и мнѣ казалось, что души наши родственны, но это была ошибка, одна изъ тѣхъ горькихъ ошибокъ, которыми полна жизнь человѣческая. Все красивое, высокое, сильное — такъ мало доступно, мелкое, пошлое—такъ мало привлекательно!

Я почти ни съ кѣмъ не знакома въ нашемъ пансіонѣ, держусь отдѣльно и едва узнаю на улицѣ при встрѣчѣ: не отъ гордости, о, нѣтъ! Но потому, что мнѣ нечего дать людямъ, и ничего не надо отъ нихъ. А они считаютъ меня гордой, высокомѣрной и холодной, я это знаю, я это чувствую. Но что же дѣлать? Сблизиться съ кѣмъ-нибудь, значитъ—показать ему свою душевную пустоту и возбудить жалость, я этого не хочу.

Смѣшно бояться маленькой мышки... А мнѣ страшно затушить лампу и въ темнотѣ слушать ея грызню. Страшно слушать, какъ она перекатывается изъ угла въ уголъ, какъ мягкій шарикъ... Глупости, надо взять себя въ руки, завтра Нина поднимется рано: пора ложиться...

Два часа сидѣла за столомъ, подперевъ голову, силясь привести въ порядокъ разбѣжавшіяся мысли. Потушивъ лампу, легла спать, но не могла отдѣлаться отъ жуткаго чувства все нароставшей тревоги. Вглядывалась въ густую тьму расширенными глазами и прислушивалась къ гулкому стуку собственнаго сердца... И съ тоской гнала отъ себя навязчивую больную мысль: накинуть капотъ, закутать голову платкомъ, въ темнотѣ спуститься къ грозно шумящему морю, взмахнуть руками и отдаться во власть гнѣвному чудовищу. Нину возьметъ отецъ, и она скоро забудетъ обо мнѣ... И кончится моя сѣрая, безцвѣтная, нерадостная жизнь...

Вдругъ вѣтеръ застучалъ въ окно раздѣльно и сознательно, какъ человѣкъ... Вздрогнула и замерла въ паническомъ ужасѣ... открывъ широко глаза, ждала, что за окномъ покажется бѣлый призракъ, и зазвучитъ надорванный голосъ: «спа-си-те»... Но стукъ повторился, и глухой голосъ за окномъ, проговорилъ: «отоприте!..»

Я встала машинально, подошла къ окну и вымолвила грозно:

— Что такое? Кто тамъ?

— Телеграмма, — донесся заглушенный вѣтромъ отвѣтъ. Открыла окно; темная, закутанная въ плащъ фигура протягивала мнѣ сложенный листокъ бумаги.

— Извините, хозяева указали ваше окно, не хотѣлъ будить другихъ жильцовъ.

Торопливо расписалась, закрыла окно, дрожащими пальцами развернула телеграмму.

«Переутомился. Взялъ мѣсячный отпускъ. Завтра буду у васъ. Приготовь Нину».

Долго сидѣла надъ листкомъ бумаги безъ мыслей, безъ чувствъ.

Телеграмма помѣчена изъ Севастополя.

«Значитъ, завтра, навѣрное, будетъ здѣсь тотъ, кто еще называется моимъ мужемъ, кто имѣетъ право на мою Нину. Что это значитъ: «приготовь Нину!» Боится, что она его не ласково встрѣтитъ, хочетъ, чтобы я была его защитницей? Или просто боится, что она разнервничается отъ неожиданности»? И опять сидѣла и думала, искала чувствъ и мыслей.

Чувствъ не было никакихъ: ни гнѣва, ни радости, ни досады, ни удовольствія... Такъ-таки ничего не шевельнулось во мнѣ... Ну, что-жъ, пусть пріѣдетъ посмотрѣть Нину: я этого права его не лишала. Онъ былъ до послѣдняго года нѣжнымъ, любящимъ отцомъ.

Для меня онъ—чужой. Годъ самостоятельной жизни вдали отъ него, и цѣлое море молчаливой, никогда не высказанной обиды за исковерканную жизнь раздѣлили насъ на вѣки.

Вспоминаю себя иной, восторженной и мечтательной дѣвочкой... Вспоминаю свое первое серьезное чувство къ хорошему, умному человѣку, уже не молодому и не свободному. Для него я была милымъ ребенкомъ, выросшимъ на его глазахъ и, можетъ быть, никогда не узнали бы мы истинной сущности нашей взаимной симпатіи, если бы не случай, на мигъ соединившій и на всю жизнь разлучившій насъ...

Устраивался благотворительный концертъ въ пользу одной пѣвицы, нашей дальней родственницы. Взялась и я раздать нѣсколько билетовъ, поѣхала по знакомымъ, и вдругъ блеснула шальная мысль—поѣду къ нему, предложу билеты, а главное увижу его и посмотрю, какъ онъ живетъ.

Говорятъ, влюбленные дрожатъ и млѣютъ передъ свиданіемъ, теряются, не знаютъ, что говорить... Я шла спокойно и радостно, какъ идутъ навстрѣчу большому, свѣтлому счастью. Позвонила и ждала, тихо улыбаясь, представляя себѣ, какъ онъ удивится. Почему-то и въ мысляхъ не допускала, что его можетъ не оказаться дома.

Горничная отворила, немножко удивилась и пошла доложить. Я слышала его изумленный возгласъ:

— Барышня? Ко мнѣ?

Вышелъ серьезный, оффиціальный, и вдругъ весь просіялъ, захватилъ обѣ мои руки и такимъ новымъ, трепетнымъ голосомъ выговорилъ:

— Это—вы? Вы ко мнѣ?

Я вдругъ почувствовала огромную неловкость, близость чего-то нежданнаго и неизвѣданнаго. Торопливо вынула я изъ

сумочки пачку и, уже не улыбаясь, сконфуженная протянула ему:

— Вотъ билеты... Я хотѣла вамъ предложить.

Онъ взглянулъ на нихъ, взглянулъ на меня и вдругъ ласково засмѣялся.

— Хорошо, хорошо, возьму, конечно, съ удовольствіемъ, но вѣдь вы же раздѣнетесь, посидите у меня?

Ахъ, какой это былъ хорошій вечеръ! Онъ показалъ мнѣ всю свою квартиру, большую, уютную, изящно меблированную, показалъ свои любимыя гравюры, книги, картины. Не зналъ, куда меня удобнѣе посадить, не зналъ, чѣмъ угостить, и, по новому улыбаясь, смотрѣлъ мнѣ въ лицо и такъ искренно смѣялся, заразившись моей счастливой и непринужденной веселостью, и такъ долго задержалъ мою руку въ своей, прощаясь... *Такимъ* я не видала его больше никогда въ жизни. Мои глаза, не умѣвшіе еще лгать, такъ ясно говорили ему о томъ, что еще не дошло до моего сознанія, что было лишь инстинктомъ пробуждающейся души, и что онъ однимъ словомъ могъ превратить въ живое, яркое и смѣлое чувство.

Такъ было пусто и одиноко въ этихъ большихъ, нарядныхъ комнатахъ, такъ не хватало имъ веселаго смѣха и легкихъ шаговъ молодой, внимательной хозяйки, и, должно быть, мое присутствіе особенно рѣзко напомнило ему объ этомъ, потому что, показывая мнѣ свои владѣнія, обращая мое вниманіе на нѣкоторые любимые имъ предметы, онъ поглядывалъ на меня сбоку съ задумчивой улыбкой и говорилъ, точно про себя:

— Какъ это хорошо, и какъ странно, что вы пришли, что вы здѣсь у меня... Какъ я радъ, что могу вамъ все показать»!

Странный это былъ вечеръ. Не было произнесено ни одного слова о любви, но любовь витала надъ нами, дрожала въ моей счастливой улыбкѣ, свѣтилась въ его странно задумчивомъ, не мигающемъ, пристальномъ взглядѣ. И ночью, лежа на своей узкой дѣвичьей кровати, я вспоминала съ безконечной нѣжностью, съ сладкимъ замираніемъ сердца его новое, незнакомое мнѣ лицо и голосъ и думала о томъ, какое это было бы великое счастье, если бы онъ взялъ меня къ себѣ въ свою большую одинокую квартиру и позволилъ любить себя. Я была бы ему женой и дочерью, заботливой матерью и нѣжной сестрой... Я заботилась бы о томъ, чтобы никакія мелочи житейскія не нарушали стройнаго теченія его большихъ и умныхъ мыслей, не окутывали сѣрой паутиной его высокихъ и непонятныхъ мнѣ стремленій

и чувствъ... Я отдала бы ему всю свою душу и свое едва расцвѣтшее тѣло, какъ ничтожный придатокъ къ нему, если оно ему нужно... Я была бы для него въ его вѣчно занятой и такой серьезной жизни нѣжнымъ цвѣткомъ, радующимъ глазъ, мелодіей, чарующей слухъ, и, если бы онъ возвращался домой послѣ своего трудового дня усталый и измученный работой и заботами, я стала бы передъ нимъ на колѣни, цѣловала бы его милыя, трудолюбивыя руки и смотрѣла бы съ безграничной любовью въ его усталое и такое доброе, такое мудрое лицо!

Я ждала его на слѣдующій вечеръ, такъ какъ онъ всегда бывалъ у насъ въ домѣ въ торжественные дни, и не было бы ничего удивительнаго, если бы онъ пріѣхалъ запросто; ждала терпѣливо каждый вечеръ всю слѣдующую недѣлю, ни на минуту не сомнѣваясь, что его задерживаютъ важныя, серьезныя, нужныя для человѣчества дѣла и работа, и смиренно надѣясь, что онъ придетъ въ тотъ концертъ, на который я привезла ему билетъ.

И онъ пришелъ. Какимъ чуднымъ спокойствіемъ наполнилось мое довѣрчивое сердце, когда въ серединѣ перваго отдѣленія я увидѣла его высокую, полную достоинства фигуру, увѣренно подвигавшуюся къ первымъ рядамъ въ проходѣ между креслами.

Я сидѣла по другую сторону прохода и долго смотрѣла на него въ бинокль. Какое у него было усталое и скучающее выраженіе лица, и какъ безмѣрно мнѣ было жаль его!

Я не подошла къ нему въ антрактѣ: онъ самъ нашелъ меня въ толпѣ моихъ знакомыхъ, но былъ снова только добрымъ и привѣтливымъ старымъ другомъ нашего дома. Глаза смотрѣли ясно и открыто по прежнему, и прежній былъ шутливо-ласковый тонъ его голоса.

Ушло ли внезапно выплывшее, сокровенное на самое дно снова закрывшейся души или и не было никогда ничего, кромѣ разбѣгавшихся круговъ по водѣ, какъ отъ брошеннаго камешка,— это навсегда осталось для меня тайной.

Но надъ тайной его жизни въ тотъ же годъ приподнялась для меня завѣса, и глубоко ранила сердце грубая реальность жизненныхъ сплетеній. Любовь умерла, едва родившись, какъ ранній цвѣтокъ, погубленный морозомъ, но въ сердцѣ остался неизгладимый слѣдъ, и туго натянутая струна звенѣла жалобно, вѣчно напоминая о мгновенномъ минувшемъ и неумолчно призывая къ постоянному будущему.

Такою была я, когда мы встрѣтились съ мужемъ. Онъ увлекъ меня смѣлостью исканій, яркимъ сознаніемъ своей недюжинной

личности, ея правъ и преимуществъ. Онъ первый подошелъ ко мнѣ, какъ къ матери своихъ будущихъ дѣтей, и мощный инстинктъ материнства, власть созрѣвшаго тѣла заглушили робко пробивавшееся сомнѣніе. Но оно снова подняло голову и заговорило громко, когда кончился періодъ красивыхъ фразъ, и началась настоящая жизнь.

Всѣ ли мужчины такъ быстро сбрасываютъ послѣ свадьбы свой праздничный нарядъ и передъ женой являются въ просторномъ домашнемъ халатѣ, я не знала, но съ этимъ превращеніемъ я не хотѣла мириться, искала и не находила больше того, что было для меня главной приманкой и съ огорченіемъ убѣждалась, что отъ меня требовалось совсѣмъ не то, что я могла и хотѣла принести въ даръ мужу и совсѣмъ не то, что насъ соединило за эти мѣсяцы жениховства, когда мы были «одной душой».

Теперь наступило царство тѣла. Вынужденная сдержанность старалась наверстать потерянное, и окрѣпшій въ сознаніи одержанной побѣды мужской эгоизмъ не хотѣлъ считаться съ обостренными переживаніями разрушенной дѣвственности и развивающагося материнства.

Ребенокъ разъединилъ насъ еще больше. Мой организмъ оказался настолько расшатаннымъ тяжелою беременностью и мучительными родами, что я надолго потеряла способность удовлетворять предъявляемымъ ко мнѣ придирчивымъ требованіямъ.

И съ тѣхъ поръ въ жизнь мою вошло законное насиліе, а мужъ оказался на многіе годы связаннымъ съ женщиной, которая готова была угодить и уступить ему во всемъ, кромѣ того, что было для него самымъ важнымъ, и для чего онъ на ней женился. И жили мы такъ изо дня въ день годъ за годомъ, разъединенные требованіями неудовлетворенной личной жизни и соединенные одинаково горячимъ чувствомъ къ единственному нашему ребенку. Ея желанья и даже капризы были закономъ, которому должна была подчиняться и я. Такъ хотѣлъ мужъ, и я, не безъ внутренняго протеста, но во избѣжаніе ссоръ и долгихъ разговоровъ, пассивно покорялась. И долго считала себя сухой и мало женственной, холодной и не способной на настоящее сильное и страстное чувство, какимъ-то выродкомъ между женщинами...

Что же было удивительнаго въ томъ, что при такихъ ненормальныхъ отношеніяхъ, мужъ мой, рано выбившійся на дорогу, энергичный и самостоятельный, не нуждавшійся въ женщинѣ-другѣ, а прежде всего въ женщинѣ-любовницѣ,

подпалъ подъ власть жгучей страсти и въ стремительномъ потокѣ ея растерялъ все, что у него еще оставалось цѣннаго и дорогого?

Услужливые друзья, всегда стоящіе на стражѣ чужой добродѣтели, засыпали меня намеками и анонимными письмами, которые сначала возбуждали во мнѣ гадливость и отвращеніе а потомъ задѣли мое самолюбіе и заставили потребовать объясненія.

Все рѣшилось необыкновенно скоро и просто. Мужъ даже и не пробовалъ защититься, свалилъ всю вину на меня, не умѣвшую удержать его, и поставилъ мнѣ ребромъ вопросъ:

— Ну, скажи мнѣ, развѣ ты-то мной дорожишь? Развѣ ты считаешься съ моими желаньями, развѣ я для тебя тотъ человѣкъ, которому женщина отдаетъ душу и тѣло, не мѣряя и не взвѣшивая?

И на этотъ такъ прямо поставленный вопросъ, я должна была отвѣтить:

— Нѣтъ, ты не тотъ человѣкъ... Я не знаю, чья тутъ вина, но единственный для насъ выходъ—разстаться.

Во всей этой исторіи, происшедшей полтора года тому назадъ, меня удивило и задѣло одно обстоятельство.. Я уже говорила, что Нина съ самаго появленія своего на свѣтъ была нашимъ кумиромъ, который неограниченно царствовалъ въ нашемъ домѣ. И я боялась, что мы не съумѣемъ ею подѣлиться. Правда, въ послѣдніе годы, когда забавныя ребяческія выходки смѣнились требовательностью, несноснымъ упрямствомъ и необъяснимыми капризами избалованнаго подростка, между нею и отцомъ часто происходили довольно рѣзкія столкновенія, и она, не привыкшая считаться съ его желаніями, отталкивала его отъ себя своей истерической слезливостью и рѣзкимъ возмущеніемъ на его непривычный для нея повышенный тонъ. Но вѣдь долженъ же былъ онъ понять, что онъ самъ былъ виноватъ въ этихъ недостаткахъ ея характера, и отъ насъ зависѣло придти ей во-время на помощь, направить и сгладить шероховатости. А у него все чаще прорывались нотки нетерпѣнія, утомленія и разочарованія.

Когда Нина такъ рѣшительно сдѣлала свой выборъ, онъ не только не былъ обиженъ, или огорченъ, но счелъ это вполнѣ естественнымъ и удобнымъ для насъ обоихъ, и когда я сама назначила сумму, необходимую для нашего существованія, онъ былъ видимо доволенъ ея скромными размѣрами.

Прежній идолъ былъ сверженъ и замѣненъ новымъ.

Глубоко обиженная за нашу дѣвочку, я поскорѣе собрала

необходимыя вещи и уѣхала съ нею за-границу, гдѣ мы и прожили, переѣзжая отъ времени до времени изъ города въ городъ всю зиму и лѣто до осени, когда доктора послали ее въ Крымъ на виноградъ.

Въ долгіе часы одинокихъ размышленій, перебирая всѣ факты моей замужней жизни, я должна была сознаться передъ самой собой, что ко всему совершавшемуся отнеслась бы совершенно иначе, если бы еще задолго до нашего разрыва въ мою жизнь не вошло событіе, измѣнившее всю мою душу и заставившее меня и на себя смотрѣть совсѣмъ иными глазами.

Три года тому назадъ мы съ Ниной жили тоже въ Крыму, гдѣ-то около Ласточкина гнѣзда. Тамъ у нашихъ знакомыхъ было нѣсколько прекрасныхъ дачъ, и мы жили съ полнымъ комфортомъ своимъ хозяйствомъ. Однажды днемъ Нина вернулась съ прогулки вялая, съ мутными глазками и стала жаловаться на боль въ горлѣ. Я посмотрѣла, увидѣла яркую красноту, измѣрила температуру и, перепуганная, уложила дѣвочку въ постель. Черезъ два часа она уже металась въ страшномъ жару, съ трудомъ глотала, какъ-то странно произносила слова, и сплошной сѣрый налетъ, созрѣвшій въ какіе-нибудь два часа, не оставлялъ сомнѣнія въ злокачественной формѣ заболѣванія.

Я бросилась къ хозяйкѣ съ разспросами о докторѣ.

Оказалось—доктора хорошаго можно привезти изъ Алупки не раньше, какъ къ вечеру, да и то, если его застанутъ дома: онъ постоянно въ разъѣздахъ, и добраться до него очень трудно. Хозяйка сама была сильно встревожена. Кругомъ на дачахъ—вездѣ дѣти: что, если зараза пойдетъ гулять по всему поселку? Послѣ нѣкотораго раздумья она мнѣ сказала:

— Если бы вы попытались съѣздить къ профессору Г.?— она назвала фамилію одного изъ извѣстныхъ въ Петербургѣ дѣтскихъ врачей.—У него въ двухъ верстахъ отъ насъ собственная дача. Онъ здѣсь не практикуетъ и ни кому не ѣздитъ, но человѣкъ онъ очень добрый и отзывчивый... Кто знаетъ—можетъ быть, ради такого исключительнаго случая онъ и согласится! Я бы вамъ совѣтовала попытаться...

Я поѣхала безъ особенной надежды: но другого выбора не было. Мнѣ сказали, что доктора нѣтъ дома, и вообще, онъ не ѣздитъ къ больнымъ. Я подумала и рѣшительно заявила, что подожду его сама на скамейкѣ въ кипарисовой аллеѣ, ведущей къ дому.

Никогда я не забуду этого получасового ожиданія. Доктора, дѣйствительно, не было дома. Въ саду, на качеляхъ, двѣ дѣвочки

лѣтъ 10—12 съ звонкимъ смѣхомъ раскачивали доску. Молодая француженка-гувернантка, сидя на травѣ, съ книгой въ рукахъ, время отъ времени строго покрикивала на нихъ, но шалуньи не слушали ее. Тутъ же не далеко отъ нихъ, пожилая женщина въ бѣломъ чепцѣ съ широкими развѣвающимися концами лентъ, варила на таганкѣ варенье. Все дышало миромъ, уютомъ богатаго, счастливаго дома, съ веселыми, здоровыми дѣтьми, а у меня дома металась больная Нина, и я не знала, буду ли въ состояніи помочь ей...

Вдругъ на поворотѣ аллеи показался профессоръ. Онъ шелъ прямо ко мнѣ, высокій, плечистый, съ гордо поднятой головой; мужественное, загорѣлое лицо его было нахмурено и непривѣтливо.

— Мнѣ сказали, что вы меня ждете,—началъ онъ, поклонившись, но не подавая руки:—но вы меня извините, я здѣсь лѣтомъ отдыхаю: если къ вамъ поѣду, нельзя будетъ отказать и другимъ... Вы ужъ меня извините, пожалуйста.

Вся кровь отхлынула отъ моего сердца. Въ этомъ строгомъ лицѣ была какая-то сила, что-то такое, что внушало и довѣріе, и движеніе къ его знанію. Я и раньше слышала о немъ, какъ о талантливомъ діагностѣ и хирургѣ. Спасеніе было такъ близко, и мой слухъ уловилъ въ послѣдней фразѣ болѣе мягкія нотки. Я сжала руки, взглянула ему въ глаза и сказала совсѣмъ тихо и просто:

— У меня только одинъ ребенокъ,—у нея дифтеритъ.

— Почему вы этомъ увѣрены? — быстро спросилъ онъ, пронизывая меня своими сѣрыми, строгими глазами.

— У нея яркая малиновая краснота и грязно-сѣрый сплошной налетъ, утромъ его еще не было... Температура—39,8.

Профессоръ неподвижно стоялъ передо мной. Глаза его смотрѣли мимо меня, лицо было все также пасмурно.

— Папа!—звонко крикнула одна изъ дѣвочекъ, — иди, папуся, къ намъ, мы тебя покачаемъ.

Онъ вздрогнулъ, растерянно взглянулъ въ ту сторону, откуда раздавался голосъ и вдругъ рѣшительно сказалъ:

— У васъ есть экипажъ?.. Садитесь... Я сейчасъ захвачу инструменты и передникъ.

Не помню, какъ мы доѣхали, не помню, о чемъ говорили... Но говорили всю дорогу, и я не чувствовала больше ни малѣйшаго смущенія передъ этимъ суровымъ съ виду человѣкомъ. Лишь только мы сѣли въ экипажъ, онъ сталъ простымъ, добрымъ и человѣчнымъ, такимъ, какимъ я всегда его себѣ пред-

ставляла по тѣмъ разсказамъ, которые ходили о немъ въ Петербургѣ.

— Если это, дѣйствительно, дифтеритъ, мы сейчасъ же пошлемъ верхового за сывороткой,—озабоченно говорилъ докторъ, выходя изъ экипажа.

Верхового послалъ и прививку сдѣлалъ въ тотъ же день, а въ ожиданіи ея профессоръ распоряжался у насъ въ домѣ, какъ старый другъ, и сразу завоевалъ симпатію моей больной, капризной дѣвочки и даже нашей чопорной фрейлины Лины.

Нина, съ дѣтства много хворавшая, какъ огня боялась докторовъ, и какъ только увидала профессора въ бѣломъ передникѣ, громко заплакала и судорожно уцѣпилась за меня.

— Ты, кажется, воображаешь, что я тебя хочу отнять у твоей мамы? Да у меня дома свои двѣ дѣвочки, куда же мнѣ третью, да еще такую плаксу? Или ты принимаешь меня за настоящаго доктора? Ну такъ я долженъ тебѣ представиться... Тебя какъ зовутъ? Ниной? А меня всѣ знакомыя дѣти зовутъ дядей Лешей... И представь, ни за что не хотятъ лечиться у настоящихъ докторовъ! Какъ только захвораютъ, такъ и просятъ: «позови дядю Лешу, мы не хотимъ доктора!» Я умѣю и животъ лечить, и горло... У тебя что болитъ?

Нина объяснила и безпрекословно дала осмотрѣть себя и съ тѣхъ поръ никого кромѣ дяди Леши не признавала...

Черезъ недѣлю Нина была внѣ опасности, но я заразилась отъ нея, и мужъ, только что вызванный телеграммой къ Нинѣ, поѣхалъ самъ за докторомъ.

Профессоръ пріѣхалъ суровый и нахмуренный, какъ въ первый день нашей встрѣчи. Пощупалъ пульсъ, осмотрѣлъ горло и обернулся къ мужу.

— Пошлите сказать моей женѣ, чтобы не ждала меня сегодня. Я останусь здѣсь на ночь.

Голосъ его глухо раздавался въ моихъ ушахъ, дышать было невыносимо тяжело, и было такъ все... все равно. Всю ночь я металась между жизнью и смертью, всю ночь, на минуту приходя въ сознаніе, я видѣла прислоненную къ спинкѣ кресла или склоненную надо мной гордую, красивую голову профессора.

И утромъ, когда послѣ короткаго освѣжающаго сна, я открыла глаза, его глаза улыбнулись мнѣ съ непередаваемымъ выраженіемъ глубокой нѣжности.

— Ну, проснулись. Теперь все будетъ хорошо... Кушать можете только жидкое, лежите смирно и не волнуйтесь, вечеромъ я заѣду.

Онъ взялъ мою руку и вдругъ нагнулся и поцѣловалъ ее. Я молча смотрѣла на него. Глубокая тѣнь легла у него подъ глазами; на вискахъ, въ темныхъ волосахъ серебрились бѣлыя нити... При безпощадномъ утреннемъ свѣтѣ, послѣ безсонной ночи онъ былъ много старѣе, чѣмъ тамъ, въ кипарисовой аллеѣ, но никогда еще ни одно лицо человѣческое не казалось мнѣ такимъ божественно прекраснымъ и такъ безконечно близкимъ и дорогимъ.

Наше знакомство продолжалось и въ Петербургѣ. Мужъ просилъ его разъ въ недѣлю навѣщать нашу Нину, и я ждала этихъ дней, какъ праздника, съ утра уже начиная волноваться, сердясь на себя и не умѣя справиться съ своимъ волненіемъ. Онъ пріѣзжалъ поздно, покончивъ съ другими визитами, шутилъ и болталъ съ Ниной и засиживался у насъ до поздняго вечера.

Съ мужемъ у нихъ установились самыя дружескія отношенія, но я замѣтила, что, оставаясь со мной наединѣ, въ тѣ вечера, когда мужа не было дома, онъ дѣлался еще проще и искреннѣе, и какихъ только вопросовъ мы не поднимали съ нимъ, о чемъ только ни спорили! И было ему весело, просто и легко со мной, а мнѣ казалось, что я снова стала дѣвушкой, стоящей на порогѣ новой жизни, и какъ-то странно было думать, что есть у меня мужъ и семилѣтняя дѣвочка, и что жизнь моя разъ навсегда сложилась и замкнулась въ опредѣленныхъ рамкахъ.

О своей семьѣ онъ говорилъ мало и неохотно, но и этого немногаго было мнѣ достаточно, чтобы я поняла, что и онъ такъ же мало удовлетворенъ въ своей личной жизни, какъ и я. А мужъ въ ту пору переживалъ медовые мѣсяцы своего редакторства, за нимъ ухаживали и женщины, и мужчины, и ему некогда было разбираться въ нашихъ отношеніяхъ. Въ одномъ только онъ не сомнѣвался: что мой холодный темпераментъ никогда не позволитъ мнѣ перейти границы дозволеннаго, и я увѣрена, что *въ тайнѣ души онъ искренно презиралъ меня за это.*

Въ то лѣто мужъ отвезъ насъ въ деревню къ своей матери, а самъ вернулся въ городъ.

Ахъ, Боже, Боже, какъ далеко это лѣто, какъ далеки мои свѣтлыя, нѣжныя мечты!

Съ осени все измѣнилось между нами...

Какъ и почему это случилось—не знаю и до сихъ поръ... Бывалъ у насъ по прежнему, но оставался недолго; всегда торо-

пился домой, не цѣловалъ моей руки, какъ это дѣлалъ раньше, и когда я внимательно заглядывала ему глаза, спѣшилъ отвести взглядъ. Было ясно, что въ немъ что-то измѣнилось. О, какъ былъ правъ мой мужъ, когда назвалъ меня холодной и мало женственной! Развѣ всякая другая настоящая женщина замкнулась бы въ своей оскорбленной гордости, какъ это сдѣлала я? Нѣтъ, настоящая женщина заставила бы его открыть душу, отложила бы въ сторону гордость, нѣжностью и любовью проложила бы себѣ путь и взяла бы свое единственное возможное для нея счастье...

Когда мы разошлись съ мужемъ, я написала ему короткое письмо изъ-за границы. Онъ отвѣчалъ мнѣ тотчасъ же суровымъ и неожиданно рѣзкимъ письмомъ, за что, впрочемъ, извинялся, прибавляя, что нашъ разрывъ былъ для него полной неожиданностью и поразилъ его чрезвычайно... Онъ, единственный изъ всѣхъ, кто меня окружалъ, не только не одобрилъ моего рѣшенія, но безпощадно осудилъ меня за то, что я не захотѣла бороться съ постороннимъ и пагубнымъ для мужа вліяніемъ и предоставила его собственной судьбѣ...

Я долго и горько плакала надъ этимъ письмомъ, потомъ разорвала его на мелкіе куски и рѣшила не отвѣчать ему и разъ навсегда покончить съ этой глупой любовью къ человѣку, который меня совершенно не любитъ, не понимаетъ и не жалѣетъ. Думала, что забуду... но знаю теперь, что не забыла и не забуду никогда.

Теперь, когда пишу это, вспоминаю съ прежней нѣжностью каждое его слово ко мнѣ одной, къ моей душѣ обращенное, его улыбку, его взглядъ... Собираю ихъ, какъ рѣдкіе, душистые цвѣты и составляю изъ нихъ благоухающій букетъ... Пусть жизнь даетъ другимъ женщинамъ настоящую страсть, ласки и поцѣлуи. Я берегу въ своей душѣ мои чистые, мои бѣлые цвѣты нѣжности и состраданія, мое горькое счастье не отдамъ за все пьяное безуміе сладострастной любви...

Записалась и не замѣтила, какъ ночь прошла... Цѣлые снопы свѣта ворвались къ намъ въ окно, дрожащими пятнами легли на полу...

По дорогѣ, мимо окна, со скрипомъ ѣдутъ арбы, смуглолицый, стройный турокъ заглядываетъ ко мнѣ въ окно съ хитрой улыбкой.

Я не замѣчаю тяжести безсонной ночи... Давно ужъ я не чувствовала себя такой бодрой, сильной, молодой и смѣлой... Прочь мертвенный покой этихъ долгихъ мѣсяцевъ!.. Я хочу жить каждымъ фибромъ, каждымъ нервомъ! Кто сказалъ мнѣ, что все кончено для меня? Кто положилъ въ гробъ мою живую, трепещущую душу? Мы всѣ сами — творцы своей жизни... Зачѣмъ же я опустила руку,

зачѣмъ пригасила яркое пламя души? Передо мной еще вся жизнь, и я вольна распоряжаться ею, какъ хочу...

Горитъ лицо, дрожатъ руки, сердце полно неясныхъ предчувствій, радостнаго сознанія своей силы и власти... Сегодня пріѣдетъ мужъ... Не знаю, что принесетъ мнѣ наше свиданіе, но знаю, что въ мою тихую келью ворвалась жизнь, и я не хочу больше запираться въ ней!

. . . .

Сидимъ на поплавкѣ всей семьей: мужъ, Нина и я. Нина сіяетъ оживленіемъ, мало остритъ, забавно кокетничаетъ съ отцомъ, который смотритъ на нее любящими, растроганными глазами и упрашиваетъ покушать еще что-нибудь или выбрать себѣ какую-нибудь вещицу на память.

Нина, невольно пріучившаяся за годъ къ извѣстной экономіи, посматриваетъ на меня просительными глазками и, видя, что я улыбаюсь, доставляетъ отцу и себѣ удовольствіе: накупаетъ цѣлую кучу различныхъ бездѣлушекъ на память о Крымѣ. Я сбоку, незамѣтно разглядываю мужа...

На первый взглядъ онъ мало измѣнился—высокій, худощавый, очень элегантный... Только черные, жесткіе, коротко остриженные волосы, точно пудрой посыпаны: этого не было, когда я уѣзжала, не было и тонкой сѣти морщинъ около глазъ, когда смѣется. Но такъ же ярки губы, едва прикрытые негустыми усами, маленькія, музыкальныя уши слегка оттопырены—это почему-то всегда раздражало меня въ немъ. Голова на длинной шеѣ кажется маленькой по сравненію съ ростомъ, но это не мѣшаетъ ему казаться красивымъ и изящнымъ и производить впечатлѣніе, на женщинъ...

Но онъ—вотъ это ново въ немъ—онъ измѣнилъ своей манерѣ критически оглядывать всѣхъ присутствующихъ дамъ и барышенъ съ такимъ видомъ, какъ будто они имѣютъ право на существованіе только въ томъ случаѣ, если имѣли счастье понравиться ему, бѣда не удостоившимся его одобренія!—теперь онъ смотритъ только на Нину, и когда Нина обращается съ вопросомъ ко мнѣ, онъ опускаетъ голову и машинально мѣшаетъ ложечкой свой чай, какъ человѣкъ, весь погруженный въ какую-то неотвязную думу.

На поплавкѣ большое оживленіе. Я здѣсь не была еще ни разу; меня пріятно поражаютъ элегантные туалеты мужчинъ и дамъ, вытѣсняющіе понемногу символъ русскаго простодушія и демократизма—уродливую рубаху-косоворотку, перевязанную

тонкимъ шнуромъ, и безформенный капотъ у женщинъ. Если бы не русская рѣчь, можно было бы вообразить себя гдѣ-нибудь за границей—такъ корректна и выдержанна вся эта толпа пріѣзжихъ...

Говорю это мужу; но онъ—западникъ и обрусѣвшій нѣмецъ по происхожденію, не раздѣляетъ моего патріотическаго умиленія и возражаетъ съ иронической улыбкой:

— Къ сожалѣнію, это все поверхностно. Культура наша лежитъ такимъ тонкимъ слоемъ, что стоитъ только пальцемъ царапнуть, чтобы соскочила вся.—Замѣть, какъ дружно уживается она рядомъ съ восточнымъ варварствомъ, какъ ничтожно здѣсь наше вліяніе въ смыслѣ облагораживанія нравовъ, какъ ужасно оно въ смыслѣ развращенія...

Я вспоминаю наглыхъ проводниковъ, бродящихъ по парку и пристающихъ къ одинокимъ женщинамъ, вспоминаю слышанныя мною и прочитанныя въ газетахъ случаи самоубійствъ интеллигентныхъ женщинъ и дѣвушекъ - учительницъ, разорившихся на проводниковъ...

Общую гармонію наряднаго павильона съ видомъ на море, съ элегантной публикой за столикомъ нѣсколько нарушаетъ кельнеръ-турокъ въ фескѣ и туфляхъ на босу ногу, важно и медленно разносящій кофе, чай и кефиръ... Это ужъ истинный варваръ такъ же, какъ и его хозяинъ, жирный толстякъ съ сросшимися черными бровями и черными на выкатѣ масляными глазами.

За пустымъ столикомъ рядомъ съ нами усаживаются только что пришедшіе высокій грузный, но еще красивый старикъ съ пышной сѣдой бородой, его жена, пожилая, очень полная, но еще свѣжая женщина, повязанная чадрой на лобъ въ видѣ повойника и нѣсколько дамъ и барышенъ. Старикъ разглагольствуетъ; дамы и барышни одобрительно смѣются, а жена улыбается жеманно и принужденно, когда супругъ для краснаго словца попадаетъ камешкомъ въ ея огородъ.

Меня заинтересовала одна фраза старика, встрѣченная шумнымъ хохотомъ, и я невольно стала прислушиваться.

— Удираю, удираю, и къ чорту вашъ Крымъ,—громко говорилъ старикъ, размахивая руками, точно отбиваясь отъ приставаній.—Помилуйте, въ девять часовъ ни одной живой души на террасѣ,—всѣ полегли спать! А утромъ—самый сладкій сонъ, а тутъ шумъ возня, смѣхъ — поднимаются раннія пташки!! Вчера вечеромъ я всѣхъ вытащилъ и усадилъ въ префе-

рансъ,—помилуйте, вѣдь эдакъ со скуки ошалѣть можно! А сколько мы часовъ за жратвой проводимъ! Утромъ отъ 9 до 11 чай со всякой всячиной. Отъ 1 до 3 обѣдъ, потомъ въ 5—опять чай съ вареньемъ и со сластями, а въ 7—ужинъ. Вы посчитайте только, сколько мы часовъ за столомъ проводимъ, и сколько сожремъ за день!

— Вотъ поэтому-то мы и встаемъ рано, чтобы успѣть погулять немножко,—смѣясь возражаетъ бойкая барышня въ бальномъ бѣломъ платьѣ и огромномъ парикѣ-локонами.

— Хоть бы меня съ собой взяли, такъ я бы, можетъ быть, тоже пораньше всталъ. А то разъ, два, и упорхнули, а за старичкомъ некому и поухаживать!

— А Марья Федоровна? А жена ваша?—слышатся задорные голоса.

Марья Федоровна, предчувствуя отвѣтъ, съ принужденной улыбкой смотритъ на мужа.

— Ну, жена, жена, — недовольно ворчитъ старикъ... Что-жъ она у меня еще ничего, въ темнотѣ совсѣмъ даже сойдетъ, но вотъ съ внутренней стороны...—онъ цинически подмигиваетъ, барышни и дамы радостно гогочутъ, а старикъ добавляетъ игриво:—ну, да подъ горячую руку, и она хороша, а вотъ подъ холодную—ничего не выходитъ.

Я отворачиваюсь съ омерзѣніемъ, съ чувствомъ стыда и за этого молодящагося, циничнаго старика, и за его радостно хохочущихъ собесѣдницъ, и за эту почтенную пожилую женщину, приниженно улыбающуюся и снисходительно слушающую милую болтовню своего муженька...

Роскошнымъ паркомъ, между двумя стѣнами магнолій возвращаемся домой. На поворотахъ аллей, на травѣ, сидятъ молодые турки, продавцы фруктъ: покупаютъ у нихъ мало, базаръ въ двухъ шагахъ отъ парка, но они, сонные и лѣнивые, проводятъ цѣлые дни въ полной праздности, сторожа свои корзины и приставая къ прохожимъ... Нина идетъ между нами подъ руку съ отцомъ. Онъ смѣшитъ ее, и она звонко хохочетъ, откидывая головку назадъ. Давно ужъ я не видѣла ее такой искренно веселой и доброй.

Иногда, любуясь ею, мы съ мужемъ встрѣчаемся взглядами. И я ужъ не замѣчаю больше его слегка оттопыренныхъ ушей и съ чувствомъ пріязни и даже дружескаго сожалѣнія поглядываю на его посеребренную голову: должно быть, не легко дался ему этотъ годъ.

Ради Нины мы говоримъ на «ты» и держимся такъ, какъ

будто ничего не произошло. Когда утромъ я объявила Нинѣ о пріѣздѣ отца, она вскинула на меня удивленные глаза и спросила:

— Зачѣмъ онъ пріѣдетъ? Онъ хочетъ опять вмѣстѣ жить?

— Онъ боленъ, будетъ лечиться...

— Боленъ? А что съ нимъ такое? А та «дама» тоже пріѣдетъ? — Нина усиленно морщила брови и не глядѣла на меня:

— Нѣтъ, съ той дамой они разъѣхались, онъ одинъ!

Это было единственное, что я знала объ интимной жизни мужа изъ короткой приписки въ одномъ изъ его писемъ: конечно, это не значило, что на мѣстѣ «этой» дамы не появилась другая, но Нинѣ я не высказала своихъ сомнѣній, и она сразу просіяла.

— Я, знаешь, мамочка, очень соскучилась безъ папы,— призналась она искренно.—А какъ ты думаешь, можно его попросить, чтобы онъ купилъ мнѣ тотъ трамвай, который мы съ тобой видѣли въ окнѣ?

И, не дожидаясь отвѣта, вскочила на кровати, запрыгала на мѣстѣ и закричала въ восторгѣ:

— Мамочка, миленькая, помоги мнѣ скорѣе одѣться, я такъ рада, что папа пріѣдетъ, я сейчасъ пойду разскажу всѣмъ, что «мой» папа пріѣдетъ!

Я вспоминаю объ этомъ, когда мы возвращаемся домой, потому что Нина говоритъ отцу:

— Ты, папочка, поживи пока въ гостинницѣ, а черезъ недѣлю на нашей дачѣ освобождается самая лучшая комната. Я уже говорила съ нашей хозяйкой, и она сказала, что непремѣнно оставитъ ее для тебя. Ахъ, папочка, какъ хорошо, что ты пріѣхалъ! Мы будемъ вмѣстѣ гулять, возьмемъ у Асона экипажъ—у него самые лучшіе—и поѣдемъ кататься на цѣлый день... Здѣсь всѣ такъ дѣлаютъ, только мы съ мамой сидимъ на мѣстѣ... Мама все экономитъ.

Мужъ не смотритъ на меня, нервно смѣется и говоритъ торопливо:

— Ну, конечно, мы возьмемъ завтра же экипажъ и поѣдемъ, куда ты хочешь... А теперь скажи-ка мнѣ, гдѣ бы намъ позавтракать, ты у меня любительница ресторановъ!

— О, мы съ мамой обѣдали одинъ разъ въ «Россіи», тамъ очень хорошо подаютъ,—важно объявляетъ Нина, и мы идемъ въ ресторанъ.

Въ обычное время прибѣгаетъ Боря. Нина, гордая, знакомитъ его съ отцомъ, и потомъ, выпросивъ у меня разрѣшеніе

не лежать сегодня и получивъ увѣреніе, что отецъ еще не скоро уйдетъ, убѣгаетъ съ нимъ въ садъ, гдѣ въ быстромъ ручейкѣ они пускаютъ корабли и лодки, подаренные ей отцомъ.

Мы остаемся одни. Я полулежу на кушеткѣ, вынесенной для Нины на террасу, мужъ сидитъ подлѣ меня... Передъ нами густая зелень парка и все еще не успокоенное пѣнящееся море... Когда была между нами Нина, говорить было легко и просто, теперь мы оба чувствуемъ неловкость.

Мужъ закуриваетъ папиросу и спрашиваетъ послѣ короткаго молчанія.

— Какъ долго думаете вы съ Ниной пробыть здѣсь?

— Право, еще не знаю... Пока будетъ тепло, я думаю... Ей здѣсь хорошо.

Онъ быстро взглядываетъ на меня.

— А тебѣ развѣ не скучно здѣсь?

Чувствую себя задѣтой. Что ему за дѣло до меня? Отвѣчаю сухо:

— Мы вѣдь говоримъ о Нинѣ.

Онъ нервно стряхиваетъ пепелъ и совсѣмъ тушитъ папиросу. Я замѣчаю, что пальцы его дрожатъ.

— Ты запрещаешь мнѣ интересоваться твоей жизнью?

Молчу. Чувствую начинающееся раздраженіе. Угадываю въ немъ явное желаніе вытащить меня изъ моей раковины....

Нѣтъ, нѣтъ, этого ужъ ему не удастся...

— Видишь ли, я думалъ, что то, что произошло между нами, не мѣшаетъ же намъ быть друзьями?

— Дружба не пустой звукъ, это чувство и очень горячее, иначе я и не понимаю.

— Но почему же ты не хочешь допустить, что у меня осталось къ тебѣ именно такое горячее чувство и желаніе, чтобы тебѣ было хорошо и спокойно жить.

Морщусь невольно. Ненавижу фразы, ненавижу слова, не воплощающіяся въ поступкѣ.

— Я очень усталъ за это время, я очень несчастенъ, Наташа,—вдругъ неудержимо искренно вырывается у него.— Я знаю, что я безконечно виноватъ передъ тобой и передъ Ниной, но всѣ люди дѣлаютъ ошибки... Ты слишкомъ мало снисходительна, Наташа, ты слишкомъ мало любила меня!

Молчу... Нечего мнѣ сказать ему... Наши понятія о жизни и о любви такъ различны! Сколько бы онъ ни говорилъ, мы не поймемъ другъ друга.

Онъ смотритъ на меня печально укоризненнымъ взглядомъ и медленно говоритъ:

— Я вижу, что у тебя не осталось ко мнѣ ни капли чувства!

Молчу... Въ саду звенятъ восторженные дѣтскіе голоса, солнце сіяетъ яркимъ праздничнымъ блескомъ, безоблачно синее глубокое небо, и чудеснымъ контрастомъ вырисовываются на немъ темныя верхушки кипарисовъ... А люди и сюда приносятъ свои печали, свои упреки и запоздалыя сожалѣнія.

Я кладу ему руку на плечо, заглядываю въ глаза, говорю просительно:

— Пожалуйста, не будемъ говорить объ этомъ... Мы разстались по доброй волѣ, вернули другъ другу свободу, прожили столько времени самостоятельно. Зачѣмъ поднимать старые наболѣвшіе вопросы? Вѣдь все устроилось къ обоюдному удовольствію?

Онъ рѣшительно качаетъ головой и говоритъ съ горечью:

— Да, я вижу, что ты отлично себя чувствуешь безъ меня: еще помолодѣла... А я... я только теперь понялъ, какъ я былъ безуменъ, отпустивъ васъ, и какъ я много виноватъ передъ вами обѣими... Если бы ты знала, сколько я пережилъ... Я возненавидѣлъ эту женщину... и всѣхъ женщинъ, лицемѣрныхъ, мелочныхъ, жадныхъ и продажныхъ... Только ты, Наташа... Я одинъ виноватъ въ нашемъ неудачномъ бракѣ...

Мнѣ жаль его, мнѣ тяжело и мучительно стыдно слушать эти слова... Господи Боже мой, какъ можетъ умный, интеллигентный человѣкъ попасться въ сѣти лукавой и развратной женщины, какъ неопытный мальчишка, и каяться, какъ напроказившій школьникъ! О, какъ стыдно, какъ больно и стыдно за него... и немножко противно... Но при чемъ тутъ я? Чѣмъ я могу *теперь* ему помочь?—Каждый создатель своей жизни, на то у насъ свободная воля, чтобы выбирать между зломъ и добромъ... И я сама устроила свою жизнь... Мы оба несчастны, но, соединивъ наши два несчастья, мы не превратимъ ихъ въ счастье. Я только теперь чувствую, какъ дорога мнѣ моя свобода и тѣ возможности, которыя скрыты въ ней... Подъ моей ледяной корой струится еще живой родникъ. А онъ потерялъ всякій вкусъ къ жизни.

— Чѣмъ же ты боленъ?—Спрашиваю, чтобы перевести разговоръ на менѣе щекотливыя темы.

— Да что-то не ладно съ печенью, но это пустое... Главное — переутомленіе. Потерялъ трудоспособность, двухъ фразъ не могу связать, а тутъ каждый день надо писать передовую статью... Штрафы... непріятности съ сотрудниками... за-

мучился совсѣмъ... Взялъ отпускъ; можетъ быть, здѣсь останусь, можетъ быть, уѣду за границу.

И взглядомъ договариваетъ: «Это отъ тебя зависитъ». Молчу. Прислушиваюсь къ дѣтскимъ голосамъ, вспоминаю счастливое личико Нины, и чувствую, что съ этого дня мой сонный покой будетъ такъ или иначе нарушенъ...

Мужъ живетъ уже три дня въ гостинницѣ и цѣлые дни проводитъ съ нами. Нина неузнаваема. Куда дѣлись ея капризы, ея раздражительность, ея рѣзкій критическій тонъ, который доставлялъ мнѣ такъ много огорченья... Мужъ нанимаетъ экипажъ, и мы уѣзжаемъ на цѣлый день изъ дома, завтракаемъ и обѣдаемъ, гдѣ придется, по дорогѣ, и возвращаемся домой только къ вечеру, полныя впечатлѣній отъ чудныхъ видовъ природы, усталые, веселые и дружные...

Мужъ не начинаетъ больше никакихъ разговоровъ, но окружаетъ насъ обѣихъ такимъ вниманіемъ и заботами, что нельзя устоять передъ ними... Ледъ мой понемножку таетъ. Я разсказываю ему о нашихъ скитаніяхъ за границей, о случайныхъ встрѣчахъ и знакомствахъ.

— А что это за нѣмецъ, о которомъ мнѣ писала Нина,— что онъ ухаживалъ что ли за тобой?—вдругъ спрашиваетъ онъ.

Я смѣюсь... О, еще какъ! Переѣзжалъ за намъ изъ города въ городъ, хотѣлъ непремѣнно пріѣхать сюда посмотрѣть Крымъ и нанесть намъ визитъ въ Россіи! Я забываю, какъ суха, а иногда и прямо не любезна бывала я съ этимъ «профессоромъ», а по-просту учителемъ гимназіи, не глупымъ и симпатичнымъ, но страшно надоѣдавшимъ мнѣ своей простодушной навязчивостью. Я чувствую ревнивыя нотки въ голосѣ мужа, и мнѣ просто забавно поддразнить его... Можетъ ли быть что-нибудь нелѣпѣе этой ревности?

Я разспрашиваю мужа о Петербургѣ, о послѣднихъ событіяхъ общественной жизни, о его работѣ... Онъ все тотъ же остроумный начитанный, всесторонній образованный собесѣдникъ, и я давно уже не вела ни съ кѣмъ такихъ длительныхъ и интересныхъ бесѣдъ...

Наша идиллія продолжалась ровно три дня... Сегодня, идя рядомъ со мной, по широкой аллеѣ парка, вслѣдъ за бѣгущей впереди Ниной, мужъ спрашиваетъ меня:

— А какъ же ты думаешь сдѣлать съ квартирой? Вѣдь теперь въ Петербургѣ не найдешь ничего порядочнаго... У тебя вѣдь нѣтъ еще квартиры?

— О, я объ этомъ не безпокоюсь... Нину я въ этомъ году

никуда еще не отдамъ, такъ что мнѣ все равно, въ какой части жить... Что-нибудь для насъ найдется...

Онъ молчитъ, опустивъ голову и концомъ палки отбрасывая мелкіе камешки съ дороги. Наконецъ говоритъ непривычно робко:

— А я перемѣнилъ квартиру. Взялъ немного меньше, но гораздо уютнѣе... Шесть коммать, вся на солнцѣ, очень уютная...

Я хочу спросить, зачѣмъ такъ много, но вспоминаю, что это уже не мое дѣло..

— А кто же у тебя хозяйничаетъ, если это не секретъ?

— Прислуга... Лакей и кухарка... Воруютъ страшно... Уходятъ безъ спроса. Иногда возвращаюсь домой къ чаю,—и никого нѣтъ, всѣ разбѣжались, не могу дозваться...

Начинаю догадываться... Онъ оцѣнилъ теперь, что даже такая плохая хозяйка, какъ я, все же лучше, чѣмъ безконтрольно хозяйничающая прислуга. А онъ органически ненавидитъ безпорядокъ... Сейчасъ будетъ просить вернуться и взять въ свои руки бразды правленія.

— Наташа,—говоритъ онъ съ мольбой въ голосѣ...—если бы ты знала, какъ тоскливо жить одному, возвращаться въ пустую квартиру и знать, что тебя тамъ никто не ждетъ. И всего ужаснѣе сознавать, что раньше было иначе, и что ты самъ виноватъ во всемъ... Если бы ты могла понять и простить.

— Прощать мнѣ нечего... Взрывъ можетъ быть только тамъ, гдѣ скопилось много взрывчатаго матеріала... Мы—разные люди, вотъ и все... Но ради нашей дѣвочки, мы могли бы жить вмѣстѣ вполнѣ мирно, предоставивъ другъ другу полную свободу въ личной жизни...

Онъ стремительно поворачивается ко мнѣ, говоритъ возбужденно:

— Ты хочешь сказать, что женой моей больше не будешь?

Смотрю ему прямо въ глаза. Неужели онъ не понимаетъ, что съ этимъ уже кончено?

Онъ отворачивается, страдальчески морщится, говоритъ глухо тономъ безусловной искренности:

— Развѣ же ты сама не понимаешь, что это невозможно? Развѣ же ты не видишь, что я тебя люблю, люблю еще сильнѣе прежняго... Пойми же наконецъ, что можно увлекаться, падать, сходить съ ума изъ-за женщины, но любить можно только чистую женщину!

Боже, Боже, какъ давно я жду этого признанія! Какъ я была бы счастлива услышать его раньше, раньше, когда онъ былъ для меня центромъ всей жизни, когда къ нему тоскливо тянулась

моя душа, такъ жаждавшая ласки, нѣжности, вниманія и заботы. Немного терпѣнія, немного уступчивости и снисхожденія, и былъ бы онъ для меня тѣмъ, кому женщина отдаетъ душу и тѣло, не мѣряя и не взвѣшивая...

Устала душа... Поздно... Съ тѣхъ поръ пройденъ длинный путь. Жизнь не возвращается вспять... Но змѣйка тщеславія, свернувшаяся въ моей душѣ, поднимаетъ острую головку, и зеленые глазки ея блещутъ торжествомъ...

———

Когда мы сказали Нинѣ, что папа завтра уѣзжаетъ за границу, она открыла ротъ, хотѣла что-то спросить и вдругъ неожиданно заплакала. Мужъ взялъ ее на колѣни, гладилъ большой, неловкой рукой ея темную головку, ласково уговаривалъ. Она обняла его шею руками, просила нѣжно, вкрадчиво:

— Папочка, миленькій, останься съ нами... Здѣсь много хорошихъ докторовъ, сюда вѣдь тоже пріѣзжаютъ лѣчиться.

— Нельзя, моя дѣвочка, мнѣ надо пить воду прямо изъ источника, здѣсь это невозможно...

— Ну, можно по-другому лечиться... На солнцѣ лежать... Я буду за тобой смотрѣть, чтобы ты принималъ лекарство, буду слѣдить, чтобы ты лежалъ послѣ обѣда... Вѣдь у меня тоже нервная болѣзнь... Или возьми насъ съ собой за границу...

Я отворачиваюсь: не могу смотрѣть на заплаканное личико Нины, на страдальчески сморщенное лицо мужа. Одного моего слова достаточно, чтобы ихъ соединить, чтобы связать въ одно нашу распавшуюся семью. Но это одно слово сдѣлаетъ меня опять рабой человѣка и его вещей. Опять захлопнется за мной дверца клѣтки и ужъ навсегда!

Я—мать, я люблю Нину, но вѣдь я же человѣкъ... Кто пожалѣетъ меня, если я сама себя не пожалѣю?.. Вернуться опять къ тому человѣку, который насъ выгналъ, да выгналъ, потому что мы мѣшали ему отдаться его низкой страсти! Если бы онъ любилъ насъ по-настоящему, развѣ онъ позволилъ бы намъ уѣхать? Теперь онъ оцѣнилъ—по сравненію—то, что потерялъ, но кто же поручится мнѣ, что это—прочно? Вѣдь я-то не такая же, вѣдь того, что ему нужно отъ меня, я не дамъ ему никогда, никогда!

Прогоняю отъ себя ненужную жалость, вызываю гнѣвъ и раздраженіе... Зачѣмъ онъ пріѣхалъ, зачѣмъ разстроилъ нашу тихую, налаженную жизнь? Зачѣмъ дѣлаетъ *меня* отвѣтственной

за испорченную жизнь моей *дѣвочки, когда онъ—онъ одинъ во всемъ виноватъ!..*

Уѣхалъ...

Сегодня въ 10 час. утра у нашей дачи остановился экипажъ, весь нагруженный свертками. Чтобы утѣшить Нину, мужъ навезъ ей игрушекъ и сластей. Былъ веселъ и оживленъ... Словно принялъ какое-то успокоившее его рѣшеніе.

Вмѣстѣ завтракали.

— Черезъ мѣсяцъ, когда я буду возвращаться назадъ,— сказалъ онъ, и голосъ его звучалъ гораздо бодрѣе и увѣреннѣе, чѣмъ наканунѣ,—вы будете, вѣроятно, еще здѣсь; я заѣду за вами, отвезу васъ въ Петербургъ и помогу устроиться—это ужъ ты должна мнѣ позволить ради Нины.

— Благодарю, я, конечно, извѣщу тебя о нашихъ планахъ.

— Надѣюсь, ты не имѣешь намѣренія провесть и эту зиму за границей. Твои друзья постоянно справляются у меня о тебѣ. Въ Петербургѣ твой отъѣздъ объясняютъ слабымъ здоровьемъ Нины: я не разубѣждаю пока...

— Какъ хочешь, это—твое дѣло.

— Мнѣ кажется, немножко и твое... Кстати — о знакомыхъ, я все забываю передать тебѣ поклонъ отъ Алексѣя Константиновича... Знаешь, какъ мы съ нимъ забавно встрѣтились. Я выхожу изъ подъѣзда, а онъ входитъ въ подъѣздъ—прямо ко мнѣ въ объятья... Былъ на консиліумѣ у нашего домохозяина... Онъ, вѣроятно, писалъ тебѣ о болѣзни своей жены?

— Нѣтъ, мы не переписываемся... А что такое съ нею?

— Неужели не переписываетесь? Это странно, вѣдь вы были такими друзьями?

Мужъ поглядываетъ на меня сбоку испытующимъ и недовѣрчивымъ взглядомъ и продолжаетъ:

— Онъ почему-то скрывалъ отъ насъ, но мнѣ разсказывали, что она давно уже больна... Теперь у нея нашли какое-то періодическое помѣшательство. Нѣсколько мѣсяцевъ она здорова, потомъ опять впадаетъ въ меланхолію и такъ безъ конца... Ужасно жаль бѣднягу. Два мѣсяца онъ пробылъ съ нею за границей, теперь она осталась въ санаторіи, а онъ вернулся...

— И дѣвочки съ нимъ?

— Дѣвочки у бабушки въ Москвѣ... Странно, что онъ тебѣ не пишетъ, вѣдь вы были, кажется, большіе друзья?

. . . .

Конечно, мы были друзьями, и многое угадала я безъ длинныхъ объясненій въ жизни этого суроваго на видъ, но такого доб-

раго и участливаго къ людямъ человѣка... И былъ моментъ въ нашихъ отношеніяхъ, когда вдругъ нежданно и стихійно прорывалась наружу игра внутреннихъ, болѣе глубокихъ переживаній. Но моменты проходили, и надъ открывшейся глубиной снова смыкалась спокойная тихо струящаяся гладь. Какъ трудно подойти близко къ человѣческой душѣ, какъ невозможно увидѣть ея глубину!

. . . .

Мнѣ все труднѣе справляться съ Ниной: ея деспотическій нравъ вывелъ изъ себя даже кроткаго и разсудительнаго Борю. Онъ подружился съ другими дѣтьми своего пансіона, недавно тамъ поселившимися и рѣшительно отказывается приходить къ намъ. Нина презрительно называетъ его «нюней» и «дуракомъ» и увѣряетъ, что ей безъ него гораздо веселѣе... На самомъ дѣлѣ, она скучаетъ со мною: ей нуженъ человѣкъ, всецѣло преданный ея интересамъ и вполнѣ инертный... Сама она вѣчно возбуждена, безъ умолку говоритъ и требуетъ безусловнаго вниманія.

Два письма: одно—короткое отъ мужа съ его новымъ адресомъ, другое—отъ Алексѣя Константиновича. Руки у меня дрожали, когда я его распечатывала, и какъ я была рада, что на меня не смотрятъ насмѣшливые, темные глазки Нины! Разсказываетъ немного о себѣ и подробно спрашиваетъ обо мнѣ.

«Я часто думаю о васъ и жалѣю, что вы обо мнѣ забыли и ни разу за всю зиму не дали о себѣ знать. А мнѣ такъ недоставало вашего общества».

Эта фраза какъ-то странно выдѣляется на общемъ фонѣ его дружески равнодушнаго письма, и я долго медленно читаю и, точно жду, что подъ этими строками вдругъ покажутся другія, такъ долго жданныя, такъ нужныя мнѣ.

Сегодня же послала ему отвѣтъ.

О, я не скупа на слова, я не отмѣриваю и не прячу чувства. Пусть вѣритъ въ мою горячую неизмѣнную дружбу, если не хочетъ видѣть ничего другого. Описываю ему нашу встрѣчу съ мужемъ, стараюсь не сказать ни одного слова, обиднаго для мужа, но прибавляю, что никакія силы не заставятъ меня снова вернуться въ мою клѣтку. И, шутя, зову его бросить несносныхъ больныхъ и самому на правахъ больного отдохнуть въ Крыму.

Считаю дни и жду отвѣта. О, пусть напишетъ мнѣ ласковое, доброе письмо. Нервничаю, плохо сплю, потеряла всякое терпѣніе съ Ниной, которая, какъ на зло, невыносимо капризна и плачетъ изъ-за всякой бездѣлицы. Все, что я такъ долго въ

себѣ прятала, все, съ чѣмъ я такъ долго мучительно боролась, вдругъ разомъ прорвало плотину благоразумной сдержанности и залило мнѣ душу кипящимъ и пѣнящимся потокомъ мыслей и чувствъ!

День проходитъ за днемъ, отвѣта нѣтъ. Стыдъ гложетъ меня. Вспоминаю нѣкоторыя выраженія своего письма и краснѣю. Онъ такъ сурово судитъ женщинъ, что онъ подумаетъ обо мнѣ? Нина вѣчно ловитъ меня на томъ, что я задумываюсь, отвѣчаю невпопадъ, а иногда и совсѣмъ не отвѣчаю. Боже, Боже, возьми отъ меня эту муку, вырви изъ моего сердца эту ненужную любовь или дай мнѣ его и помоги мнѣ сдѣлать его счастливымъ!

Записалась въ библіотеку, достала книги и читаю по вечерамъ, чтобы скорѣе заснуть и не думать ни о чемъ постороннемъ. Днемъ отдаю себя въ полное распоряженіе Нинѣ и подъ вечеръ становлюсь автоматомъ, механически двигающимся, говорящимъ и улыбающимся.

Каждый разъ, когда почтальонъ подаетъ мнѣ письмо, Нина спрашиваетъ:

— Скорѣе читай, мамочка, что папа пишетъ? Когда онъ пріѣдетъ за нами?

И я не смѣю ей сказать, что написала уже мужу, чтобы не пріѣзжалъ за нами, а ѣхалъ прямо въ Петербургъ, мы еще останемся здѣсь. Его печальныя, покорныя, нѣжныя письма поворачиваютъ во мнѣ душу: самоувѣренный, эгоистичный, увлеченный тщеславіемъ, онъ былъ мнѣ далекъ, но какъ оттолкнуть такого извѣрившагося, женою наказаннаго, во мнѣ ищущаго спасенія?

И все же я немогу вернуться. Ослѣпила меня свобода, жду чего-то отъ жизни, не хочу себя связывать, хочу найти свой путь, хочу жить своей жизнью создать себѣ свое дѣло, свой кругъ знакомыхъ—наши вкусы такъ различны... Опять войти въ домъ, полный распущенной вороватой прислуги и цѣлой массы ненужныхъ вещей. Выѣзжать, принимать, зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы каждый дѣлалъ свое дѣло, чтобы все было на своемъ мѣстѣ. Все это такъ легко и естественно, когда заботишься о любимомъ... И такъ трудно, такъ скучно, когда вся эта мелочная заботливость, поглощающая душу, не выкупается радостью любовной жертвы, а превращается въ сѣрый, скучный долгъ.

Сегодня на берегу Нина познакомилась съ двумя противными сорванцами-мальчишками... Несчастная мать ихъ си-

дѣла на пескѣ съ маленькой дѣвочкой на колѣняхъ, а тѣ носились, какъ угорѣлые, по всему пляжу, взлетая на самые высокіе камни и кубаремъ скатываясь оттуда.

Нина, не слушая моихъ просьбъ и увѣщаній, подражала всѣмъ ихъ выходкамъ, стараясь изо всѣхъ силъ показать имъ, что она не какая-нибудь слабосильная дѣвчонка. Но когда они вздумали перескакивать по камнямъ и зашли далеко въ море, гдѣ уже начинается глубокое мѣсто, я пошла за ними и рѣшительно приказала Нинѣ вернуться за мною; съ ребенкомъ на рукахъ, бѣжала и мать мальчиковъ.

— Ахъ, Боже мой, вотъ ужасныя дѣти, ничего не слушаются, просто мука съ ними!—услышала я за собой ея голосъ, показавшійся мнѣ странно знакомымъ...

Я быстро обернулась и въ одинъ голосъ мы вскрикнули: «Галя»—«Наташа».

Назадъ мы возвращались всѣ вмѣстѣ. Галя, моя институтская подруга, торопливо и сбивчиво, видимо обрадованная, что нашла расположеннаго слушателя, разсказывала мнѣ свою исторію. А я слушала, приглядывалась къ ней и не могла придти въ себя отъ горестнаго изумленія.

Галя! Звонкоголосая малороссіянка Галя, любимица подругъ и учителей, Галя, хорошенькая хохотушка, которой все сходило съ рукъ, потому что за свой чудный голосъ она была гордостью института,—на нее обращалъ вниманіе самъ Государь!..

Въ предпослѣднемъ классѣ, когда мы всѣ вернулись послѣ Рождества въ институтъ, Гали не было между нами.

Думали, что больна, что залѣнилась послѣ праздниковъ, но скоро шепотомъ стали передавать другъ другу, что Галя уѣхала за границу съ однимъ женатымъ артистомъ.

Съ тѣхъ поръ я ее не видала, и вотъ передо мной преждевременно состарившаяся, огрубѣвшая, опустившаяся женщина.

— А гдѣ же мужъ твой?

— О, давно ужъ разошлись... Высылаетъ мнѣ на воспитаніе, у него ужъ послѣ меня четвертая жена...

— А это—твоя дѣвочка?

Галя, нѣжно прижимаетъ къ себѣ маленькую, кроткую дѣвочку, смѣется звонко, на мгновенье напомнивъ прежнюю беззаботную Галю, и говоритъ безпечно.

— Это—моя, мое единственное сокровище. Только не думайте, что отъ мужа...

И она разсказываетъ, какую-то сумбурную, сумасбродную исторію...

— Да ты любила его?

— Нѣтъ, не любила и такъ ему и сказала, онъ хотѣлъ жениться. А Зоечку мою обожаю, понимаешь, это мое, мое собственное дитя, что бы съ ней ни случилось, никто ее, кромѣ меня, не пожалѣетъ, я—одна у нея, и такъ мнѣ ее жалко, такъ жалко...

Иду домой, полная неожиданныхъ, смутныхъ впечатлѣній... Бѣдная, бѣдная Галя! Загубила свою молодость, свой талантъ, всю себя отдала дѣтямъ—грубымъ, капризнымъ, своевольнымъ мальчишкамъ... Сколько радости, сколько красоты сулила ей жизнь! И все прошло мимо, все обмануло; осталось одно утѣшеніе—безпомощная крошка, случайное дитя каприза чувства,— и сколько еще понадобится силы и самоотверженія, чтобы вырастить ее...

Горничная сказала намъ, что безъ насъ приходилъ какой-то высокій представительный господинъ и спрашивалъ насъ. Въ первую минуту у меня мелькнула безумная мысль, но сейчасъ же я остановила себя; теперь знаю навѣрное, что это нашъ нѣмецъ изъ Тироля: онъ отлично говоритъ по-русски, и къ описанію горничной вполнѣ подходитъ.

Нина очень недовольна...

— Ну, теперь ужъ будетъ за тобой всюду, какъ хвостъ, ходить, нельзя будетъ съ тобой и поговорить,—ворчитъ она и, взявъ съ собой игрушки, уходитъ вмѣстѣ съ маленькой дочкой сосѣдки къ ручейку пускать кораблики.

Я привела въ порядокъ свой туалетъ, въ первый разъ за много дней посмотрѣлась внимательно въ зеркало и пришла въ ужасъ отъ своего яркаго загара... Все равно, онъ мало обращаетъ вниманія на наружность... Кажется, я буду рада его обществу, у насъ здѣсь настоящій женскій монастырь, а я охотнѣе говорю съ мужчинами.

. . . .

Двѣ недѣли не дотрагивалась къ своему дневнику... Сегодня онъ уѣхалъ, и я начинаю приходить въ себя, хотя и теперь ловлю себя на сомнѣніи, было это или не было, сонъ это или правда...

Въ ожиданіи моего нѣмца сѣла на балконѣ съ вязаніемъ. Услышала, какъ открылась дверь въ нашу комнату, и горничная предупредительно сказала:

— Пожалуйте, баринъ, барыня на балконѣ.

Услышала мужской голосъ: «Можно къ вамъ?»

Вязанье мое покатилось на землю, а я вошла въ комнату...

Гость мой нерѣшительно стоялъ у закрывшейся за нимъ двери... Я тихо ахнула, хотѣла улыбнуться, хотѣла что-то сказать, но вдругъ почувствовала, что блѣднѣю, что комната кружится передо мною, и сама я шатаюсь и падаю... Но нѣжно и бережно подхватили меня сильныя руки, прижали къ себѣ, и голосъ его безконечно счастливый, радостно взволнованный, тихо произнесъ надо мною:

— Наташа, счастье мое!

Прижимаюсь крѣпко, крѣпко лицомъ къ его груди, и, ласково приподнимая обѣими руками мою голову, онъ говоритъ трепетнымъ голосомъ:

— Не прячьтесь, Наташа, дайте мнѣ взглянуть на васъ, я такъ давно васъ не видѣлъ!

Поднимаю голову и смотрю ему въ лицо: зачѣмъ люди не умираютъ отъ счастья? Какая бы это была блаженная смерть! Никогда не видала у него такого лица: весь—нѣжность, весь—любовь!

— Если бы ты знала, какъ я тебя любилъ и какъ боролся съ собой!

— Зачѣмъ, мой милый, зачѣмъ? Ради моего мужа, ради твоей больной жены? А мы развѣ не имѣемъ права на счастье?

— Я не зналъ тебя, Наташа; я знаю женщинъ, я имъ не вѣрю... А ты казалась мнѣ такой недоступной!

Топотъ дѣтскихъ ножекъ на террасѣ... Нина узнала, что пришелъ гость, любопытство взяло верхъ надъ другими чувствами...

— Дядя Леша!—восторженно взвизгиваетъ Нина и бросается къ нему на шею...—Какъ ты сюда попалъ, дядя Леша? Ты точно съ неба свалился?

Онъ смотритъ на меня лукавыми глазами.

— А мнѣ кажется, что я съ земли на небо попалъ! Какой у васъ здѣсь воздухъ, какое солнце! И какъ вы обѣ поправились!—и обводилъ насъ обѣихъ отечески нѣжнымъ взглядомъ.

Нина садится къ нему на колѣни, и начинается дружеская бесѣда... Я пользуюсь этимъ, чтобы поправить прическу и распорядиться, чтобы подали чай...

Вымолила у Бога свое счастье... Пріѣхалъ мой любимый, и начинается для меня новая жизнь!

— ... Мама писала мнѣ, что ты тутъ разныя штуки выкидываешь, вотъ я и подумалъ: навѣрное, не умѣютъ ее тамъ лѣчить доктора, поѣду-ка я самъ, посмотрю, что тамъ дѣлается. Привезъ тебѣ горькихъ-прегорькихъ лѣкарствъ, вотъ завтра принесутъ—увидишь сама, какая гадость...

Нина отлично понимаетъ, что это за лѣкарства: она жеманно смѣется, ласкается къ нему, какъ котенокъ, и капризно проситъ:

— Нѣтъ, сегодня, сегодня, дядя Леша, я хочу попробовать твоихъ горькихъ лѣкарствъ.

— Сегодня ты ляжешь спать, какъ настоящая умница, а завтра лѣкарства пріѣдутъ съ багажемъ, я его еще не получилъ—и мы вмѣстѣ распредѣлимъ, какое когда принимать.

. . . .

Нина спитъ... Въ нашемъ пансіонѣ ни души... Всѣ ушли на прогулку... Мы вдвоемъ на нашемъ балконѣ. Надъ нами опрокинулось сіяющее звѣздами небо, мѣсяцъ перекинулъ черезъ тихое умиротворенное море золотую блестящую дорожку. И хочется вѣрить, что ведетъ она въ царство неземной, нетлѣнной красоты...

Тихо говоримъ, сдерживая голоса, чтобы не разбудить дѣвочку. Все ему интересно, все онъ хочетъ знать, и я говорю, говорю, какъ думаю, какъ чувствую, не боясь быть осмѣянной... Вся горькая, никогда не высказанная обида неудачно сложившейся жизни, вся боль обманутаго довѣрія, весь стыдъ женской непонятой и отвергнутой души—въ моихъ, слезами насыщенныхъ словахъ.

Не утѣшаетъ, не жалѣетъ, молча слушаетъ, даетъ высказаться. Въ раздумьѣ тихо говоритъ:

— А я всегда былъ увѣренъ, что вы любите мужа,—и еще тише,—я и сейчасъ такъ думаю...

Останавливаюсь, пораженная этимъ замѣчаніемъ, и чувствую, что онъ правъ: любила и люблю нѣжной и снисходительной материнской любовью, но люблю и этого добраго, умнаго, сильнаго, который такъ бережно, такъ любовно касается моей души...

И говорю ему ласково:

— Разскажите же о себѣ, я ничего о васъ не знаю...

— Потомъ, Наташа, потомъ обо мнѣ... Ваше письмо заставило меня забыть и мое прошлое, и мое настоящее... Я тогда шелъ къ вамъ сердитый, потому что не люблю отказывать, а рѣшилъ отказать... Я, какъ сейчасъ, вижу васъ въ этой аллеѣ. Я не замѣтилъ вашей наружности, я только много позже увидѣлъ, какая вы... красивая... Я видѣлъ только ваши глаза—такая была въ нихъ сила страданія и любви... Съ тѣхъ поръ я и полюбилъ васъ... Но самъ себѣ казался смѣшнымъ... Передъ вами вся жизнь, а я много пережилъ и ужъ старъ, думаю; мы не равны съ вами, Наташа.

Улавливаю въ его голосѣ нотки безнадежной печали. Опускаю голову къ нему на плечо, обвиваю руками его шею.

— Милый мой, милый, зачѣмъ такъ говорить! Я дамъ тебѣ счастье, я дамъ тебѣ силы и смѣлости для жизни... Мы будемъ вмѣстѣ; увидишь, какъ легко жить, когда всякая радость раздѣляется, и всякое горе смягчается любовью.

Неподвижно застыли звѣзды, знойно и томно поютъ цикады, а внизу, въ густой зелени парка, безъ конца льются и журчать безчисленные горные ручейки. Пусть люди говорятъ, что счастье выдумали поэты, пусть смѣются надъ тѣми, кто вѣритъ въ эту сказку, я знаю, что оно приходитъ къ тѣмъ, кто умѣетъ пламенно желать, къ тѣмъ, кто умѣетъ ждать ..

Со своей привычкой врача распоряжаться въ чужихъ домахъ, какъ въ собственномъ, нашъ другъ на другой же день по пріѣздѣ рѣшилъ, что комната наша недостаточно удобна, а я слишкомъ много вожусь съ Ниной и совсѣмъ испортила себѣ нервы,—и потому мы въ тотъ же день къ вечеру переѣхали въ лучшее помѣщеніе, ближе къ парку, и ничуть не дороже нашего, такъ какъ многія комнаты теперь пустуютъ, а на утро пришла къ намъ, по объявленію, симпатичная молодая нѣмочка съ хорошими рекомендаціями, которая будетъ проводить съ Ниной нѣсколько часовъ. Для меня это огромное облегченіе, но сама я не сумѣла бы придти себѣ на помощь...

Нельзя перечислить тѣхъ мелочныхъ, ежеминутныхъ заботъ и знаковъ вниманія, которыми онъ насъ окружилъ. Когда съ нами былъ мужъ, все дѣлалось, какъ хотѣла Нина, и мнѣ непривычно и странно сознавать, что теперь считаются всѣ прежде всего со мной, съ моими желаніями, и Нина не только почувствовала эту разницу, но сейчасъ же измѣнила и свой тонъ, и обращеніе со мной, какъ будто сразу признавъ и мой авторитетъ, и мое право на первое мѣсто въ нашемъ маленькомъ кружкѣ...

... Рѣшили ѣхать въ Ялту и взять съ собой нашу нѣмочку, съ которой Нина уже успѣла подружиться... Три дня прожили въ хорошенькой гостинницѣ, побывали вездѣ въ окрестностяхъ... И за всѣ эти двѣ недѣли безоблачнаго счастья была между нами только одна размолвка: мужъ оставилъ намъ передъ отъѣздомъ денегъ, чтобы мы съ Ниной ни въ чемъ себѣ не отказывали, и я непремѣнно хотѣла принимать участіе во всѣхъ расходахъ...

Алексѣй Константиновичъ огорчался и недоумѣвалъ, какъ я могу серьезно говорить о такихъ пустякахъ...

— Наташа, вѣдь это же смѣшно... Развѣ же ты не моя, развѣ сама не дала мнѣ права заботиться о тебѣ? Пойми, какая это для меня радость сдѣлать тебѣ пріятное...

Но въ *этомъ* я не могла ему уступить... Понимала, что дѣлаю ему больно, что слова его безусловно искренни, но чувствовала, что если бы уступила ему,—перестала бы быть самой собой, такой, какою онъ меня любить, и какая имѣетъ право на уваженіе...

Изъ нашего путешествія въ Ялту я вынесла двойственное впечатлѣніе: вѣрю ему, вѣрю себѣ, знаю, что люблю его безъ конца и безъ мѣры и жизни своей не пожалѣю, чтобы сдѣлать его счастливымъ... Но зачѣмъ люди шпіонятъ и подсматриваютъ за нами? Зачѣмъ должны мы прятаться отъ нихъ?..

За эти двѣ недѣли мы успѣли узнать другъ о другѣ такъ много, какъ не узнаютъ иногда за цѣлую жизнь...

И съ гордостью я повторяю про себя его слова:

— Ты—мое второе я, я знаю, что ты все поймешь, все простишь, всему найдешь оправданіе... Я вѣдь такой же человѣкъ, какъ всѣ, но никто не будетъ тебя любить такъ, какъ я...

— Мой ты ненаглядный! Это не правда, ты не такой человѣкъ, какъ всѣ, ты покорно и смиренно несъ свой суровый долгъ, не думая о счастьѣ для себя, и счастье само пришло къ тебѣ... Мы говоримъ очень много о прошломъ и очень мало и вскользь о будущемъ...

Въ принципѣ рѣшено, что я возьму небольшую квартирку по близости отъ его дома и отъ больницы, гдѣ онъ бываетъ по утрамъ. Когда мнѣ не спится ночью я представляю себѣ это гнѣздышко, куда я перевезу всѣ свои и Ниночкины вещи. Боже, какая это будетъ чудесная жизнь! Весь день буду съ Ниной—будемъ съ ней заниматься, гулять, ходить по музеямъ и картиннымъ галлереямъ, а вечеромъ—вечеръ будетъ мой...

Какъ я буду ждать его звонка, какъ трудно мнѣ будетъ удержаться, чтобы не побѣжать къ нему навстрѣчу, не броситься на шею, чтобы расцѣловать дорогое, свѣжее и холодное съ мороза лицо! Всякая его забота будетъ мнѣ близка: если бы не было у меня Нины, я сама поступила бы на курсы, чтобы быть къ нему ближе въ его наукѣ, чтобы раздѣлить всѣ его интересы... Охъ, какъ широко открывается передъ мною жизнь, съ какой силой воскресаютъ во мнѣ всѣ былыя чувства и стремленія! Словно замужество мое было той плотиной, которая преградила путь бурливому потоку и размахъ его стіихійной силы употребила на верченіе мельничнаго колеса. Но молнія ударила въ плотину, освободила плѣнный потокъ, и, полный накопившихся дикихъ силъ, несется онъ впередъ, готовый все разрушить на своемъ пути!..

Каждый день вижу Галю съ ея дѣтьми... При ближайшемъ знакомствѣ мальчики ея кажутся мнѣ болѣе симпатичными: мать отдаетъ имъ все свое время, читаетъ, разговариваетъ обо всемъ, что ихъ интересуетъ, старается смягчить ихъ буйные порывы. Нѣтъ сомнѣнія, что они ее любятъ и безъ нея не могутъ обойтись, но и тиранятъ же они ее, совершенно не признавая за нею права на какую бы то ни было личную жизнь!.. Только маленькая, кроткая дѣвочка ласками и поцѣлуями вознаграждаетъ ее за всѣ ея жизненныя невзгоды...

А я, чѣмъ больше смотрю на нее, чѣмъ болѣе слушаю ея разсказы о всѣхъ ея мытарствахъ, тѣмъ страстнѣе хочу не поддаться судьбѣ, не обезличиться, не пройти въ жизни безцвѣтно и безслѣдно... Знаю, что, если вернусь къ мужу, начнется все то же, потому что въ основѣ ни я, ни онъ не можемъ измѣниться, никогда наши души не сольются въ одинъ гармоничный аккордъ и не сдѣлаютъ изъ насъ двухъ половинокъ одного и того же существа...

Почему ты не пишешь, мой любимый, почему не повторишь мнѣ тѣхъ ласковыхъ словъ, которыя поддерживали во мнѣ вѣру въ нашу любовь и въ наше будущее... Письма мужа, просьбы Нины скорѣе вернуться... и вотъ ужъ безшумно и незримо ткетъ-ткетъ странный паукъ жизнь свою сѣрую, цѣпкую паутину: запутается въ ней и не вырвется больше бѣдная мушка... Спаси же меня, мой возлюбленный, помоги выбраться на волю, помоги пригнетенной душѣ моей подняться ввысь, чтобы зазвенѣли согласно всѣ струнки, чтобы жизнь показала мнѣ всѣ свои краски!..

Меня удивляетъ, почему Нина просится въ Петербургъ, но никогда не разспрашиваетъ, какъ мы будемъ жить, вмѣстѣ съ папой или отдѣльно? Вѣдь въ сущности, если мы будемъ жить отдѣльно, она только выиграетъ, не будетъ между нами столкновеній, не будетъ и тренія двухъ различныхъ вліяній, что такъ вредно отражалось на ея характерѣ!

Я какъ-то отгоняю отъ себя всѣ заботы о мелочахъ жизни, не хочу примѣшивать этихъ мыслей къ тому блаженному покою, которымъ полна моя душа... Послала сегодня телеграмму, боюсь, не случилось ли съ нимъ чего-нибудь въ дорогѣ, не заболѣлъ ли: почему такъ долго не пишетъ?

Къ вечеру пришелъ отвѣтъ: «Здоровъ. Письмо послано».

Какъ коротко, и какъ сухо... Замутился мой покой, не сплю, зябну на горячемъ солнцѣ, боюсь... боюсь этого письма... Вотъ

держу его въ рукахъ... Сразу не могу уловить его тайнаго смысла, не знаю, радоваться или печалиться?

«Наташа, любовь моя, пишу тебѣ такъ искренно, какъ только умѣю, такъ искренно, какъ это заслуживаешь ты, сама искренность... Вернувшись домой, весь полный воспоминаній о тебѣ, любви къ тебѣ и благодарности за эти двѣ недѣли настоящаго счастья, какого я не зналъ никогда въ жизни, я нашелъ у себя на столѣ письмо завѣдующаго той санаторіей, гдѣ лечится моя жена. Она чувствуетъ себя сравнительно хорошо и желаетъ вернуться домой. Конечно, черезъ три-четыре мѣсяца она снова станетъ невмѣняемой больной, но этотъ періодъ просвѣта я долженъ отдать себя ей безраздѣльно. Дни мои заняты, для нея остаются только вечера... Это еще ничего не измѣняетъ, Наташа, я много говорилъ тебѣ о моей жизни и о нашихъ отношеніяхъ съ женой,— ты поймешь меня... Я зналъ, что такъ будетъ, но слишкомъ рѣзокъ былъ контрастъ, и я не могъ заставить себя взяться за перо въ первые дни по возвращеніи. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, когда воспоминаніе о тебѣ вернуло мнѣ бодрость, вѣру въ наше будущее и смѣлость, я написалъ тебѣ длинное письмо, которымъ ты была бы довольна. Но, когда я кончалъ его, пришелъ твой мужъ. Онъ зналъ о томъ, что я былъ въ Крыму, и я этого не скрывалъ, но объ этомъ мы не говорили ни слова. Зато говорилъ онъ много о себѣ и очень откровенно о вашемъ разрывѣ и о своей винѣ передъ тобой. Я слушалъ молча. Что я могу ему сказать? Но онъ оставилъ во мнѣ впечатлѣніе человѣка, запутавшагося случайно, искренно страдающаго и искренно, по своему, тебя любящаго... Онъ надѣется, что вы вернетесь къ нему, и тревожится, почему ты такъ долго не ѣдешь... Я не умѣю писать, Наташа, но ты поймешь, что я чувствовалъ въ этотъ вечеръ... Я разорвалъ свое письмо къ тебѣ... И хотѣлъ не писать совсѣмъ, хотѣлъ заставить тебя отнестись ко мнѣ, какъ къ негодяю, недостойному твоей любви, но не могу, Наташа моя, этого не могу... Не хочу разбивать твою нѣжную, хрупкую душу, такъ много уже вынесшую въ жизни. На столѣ у себя я нашелъ еще письмо моей матушки, у которой живутъ мои дочери. Она старая женщина, и я у нея единственный сынъ. Когда десять лѣтъ тому назадъ я былъ приглашенъ въ Петербургъ профессоромъ, она осталась въ Москвѣ, изъ которой никогда не выѣзжала, но это было для нея большимъ ударомъ, и она не теряла надежды, что я вернусь... Еще въ серединѣ зимы мои московскіе друзья писали мнѣ объ открывающейся тамъ каѳедрѣ, уговаривая согласиться занять ее. Я по-

ставилъ свою кандидатуру, мало увѣренный въ томъ, что она пройдетъ, и въ глубинѣ души не желая этого. Не сочти это сентиментальностью, но я полюбилъ Петербургъ съ тѣхъ поръ, какъ узналъ тамъ тебя, моя любимая. Сырой, мрачный городъ вошелъ въ мою душу вмѣстѣ со всѣмъ, что окружало тебя, что напоминало мнѣ о тѣхъ существенно свѣтлыхъ часахъ моей жизни, которые я проводилъ у тебя... Теперь мнѣ прислали увѣдомленіе о томъ, что я избранъ, и мать моя узнавшая объ этомъ, пишетъ мнѣ письмо въ полной увѣренности, что я не откажусь...

«Но нѣтъ, это все не то, Наташа, и я всегда могу отказаться, это не то, что я хочу сказать тебѣ, и не главное... Какъ дорого далъ бы я, чтобы ты была теперь со мной, чтобъ я могъ говорить, глядя въ твои глаза, которые понимаютъ безъ словъ... Наташа, вѣдь ты понимаешь, что я не могу разстаться съ той бѣдной, больной женщиной, которая выходила замужъ здоровой и любящей и которая ни въ чемъ передо мной не виновата... Я знаю, что ты никогда не толкнула бы меня на этотъ шагъ, но ты никогда не простишь мнѣ, что я его не дѣлаю; это—загадка вашей женской, а, можетъ быть, и общечеловѣческой психологіи. Вся душа моя принадлежитъ тебѣ, и я знаю, что тебя не испугало бы сужденіе толпы, и что ты смѣло пошла бы за голосомъ своего сердца, но у тебя дочь... Я знаю, что ты отдала бы мнѣ всю жизнь, но она не тебѣ одной принадлежитъ, и я, какъ старшій и болѣе опытный, я не смѣю не сказать тебѣ: «Подумай и здѣсь, Наташа, и хоть я знаю, какъ ты меня любишь, въ своемъ рѣшеніи менѣе всего думай обо мнѣ: людямъ разною мѣрою отмѣрено счастья. Однимъ—цѣлая жизнь спокойнаго, ровнаго, безмятежнаго прозябанья, другимъ—нѣсколько дней ослѣпительно яркаго свѣта...

И тѣ двѣ недѣли счастья, которымъ я обязанъ тебѣ одной, будутъ всю жизнь свѣтить мнѣ, какъ путеводный маякъ. Все, что я сдѣлаю еще въ жизни большого и хорошаго,—а я буду много, много работать,—я сдѣлаю для тебя и въ память о тебѣ, моя любимая...

«Кончаю мое письмо, не буду его перечитывать, а то, пожалуй, не хватитъ силы послать... Но ты — моя единственная радость, ты—моя единственная любовь, пойми и не осуди меня. Вѣрь Наташа, что каковъ бы ни былъ твой отвѣтъ, я буду всю жизнь благословлять тебя и за то счастье, которое ты мнѣ дала, и за то страданье, которое можетъ принеси мнѣ твое рѣшеніе».

Твой всегда и навсегда А. М.

Я нѣсколько разъ прочла это письмо. Чувствую себя какой-то оглушенной и сбитой съ толку. Зачѣмъ всѣ эти слова? Все это я знаю давно. Что въ томъ, что вернулась жена. Если не можетъ пріѣзжать вечеромъ, пріѣдетъ днемъ, утромъ на полчаса, пусть даже не каждый день. Онъ еще все не понимаетъ, что я хочу отъ него взять, какъ можно меньше, а ему дать, какъ можно больше... И такъ онъ всего себя отдаетъ людямъ,—надо же, чтобы и о немъ кто-нибудь позаботился.

Нина, да вотъ, Нина... Ее можетъ не отдать мнѣ отецъ, а если отдастъ, на какія деньги будемъ мы жить, чтобы не пострадала моя изнѣженная болѣзненная дѣвочка... И проститъ ли она матери то, чего никогда не прощаетъ намъ общество, незаконнаго сожительства! О, Нина, если бы ты была такой кроткой и всепрощающей, какъ Боря, ты сказала бы мнѣ.

— Черезъ шесть-семь лѣтъ у меня будетъ своя жизнь, и, быть можетъ, ты мнѣ будешь не нужна... Ты отдала ужъ мнѣ десять лучшихъ лѣтъ жизни и имѣешь право устроить свою личную жизнь такъ, чтобы сохранить въ себѣ человѣка и женщину...

Но ты этого не скажешь никогда, маленькая эгоистка Нина! Ты безжалостно, отвернешься отъ матери, какъ ужъ разъ отвернулась отъ отца...

Боже, какой вихрь страшныхъ мыслей закружился надъ бѣдной моей головой... Рушится, рушится мой волшебный замокъ, кончена моя чарующая сказка...

Я должна все обдумать хладнокровно теперь же... Если поѣду въ Петербургъ и увижу его, буду снова только слабой, покорной его волѣ женщиной, онъ не сможетъ же оттолкнуть меня, если я сама скажу ему:

— Я все разрушила для того, чтобы принадлежать только тебѣ. Возьми мою жизнь, потому что безъ тебя не нужна она мнѣ...

Два листа бумаги съ написаннымъ на нихъ текстомъ телеграммъ лежатъ передъ мной. Голова тяжелая, словно камни въ ней наложены, торопливо выстукиваетъ сердце, руки холодныя, какъ льдины... Какая ужасная была эта ночь!

Когда Нина заснула, я вышла въ садъ и долго бродила въ темнотѣ по дорожкамъ между двумя рядамъ молоденькихъ, стройныхъ кипарисовъ... Здѣсь ходили мы съ нимъ такъ еще недавно... И такъ казалось близкимъ и осуществимымъ все, что теперь кажется далекимъ и невозможнымъ... Потомъ сидѣла до зари на балконѣ, смотрѣла на сіяющія, далекія звѣзды. И такъ остро чувствовала его близость, его бережныя ласки, его милый,

спокойный голосъ... Въ послѣдніе дни онъ былъ задумчивъ и такъ долго, не отрываясь, такимъ страннымъ взглядомъ смотрѣлъ на меня, когда мы прощались.

Утромъ, когда яркое солнце залило весь балконъ, вернулась въ комнату, спустила шторы, хотѣла прилечь и не могла. Сѣла въ кресло у окна и смотрѣла на спящую Нину... Худенькая, длинная дѣвочка, съ острымъ личикомъ, сохраняющимъ и во снѣ упрямое выраженіе... Маленькая эгоистка, сухая, трезвая, требовательная и нетерпимая... Но рядомъ съ нею выглядываетъ пухлая рожица годовалой дѣвочки, тянутся ко мнѣ перевитыя ниточками ручки, и умоляюще призываетъ звонкій голосокъ: «мама, мама!» Это—тоже Нина... Больная, въ жару мечется семилѣтняя дѣвочка и не выпускаетъ моей руки, не разстается со мной ни на минуту, гонитъ бонну, гонитъ отца: «маму, только маму хочу». И это Нина... И Боже мой, сколько ихъ, плачущихъ и смѣющихся, за меня одну цѣпляющихся... И какъ больно оторвать ихъ отъ сердца, какъ крѣпко вросли онѣ въ него...

Уголокъ шторы загнулся, лучъ свѣта проскользнулъ въ щелочку и упалъ на лицо Нинѣ. Дѣвочка сморщилась, зашевелилась, вдругъ открыла глаза и съ удивленіемъ взглянула на меня.

— Мамочка, ты ужъ встала? Зачѣмъ такъ рано?

Дѣвочка моя, дѣвочка родная, помоги мнѣ...

Подошла къ ея кровати, встала на колѣни, спрятала голову въ складкахъ ея одѣяла и заплакала безъ слезъ...

Дѣвочка шептала встревоженная:

— Мамочка, что съ тобой? Мамочка, миленькая, скажи скорѣе... Ты больна? Да мама же!

Я уловила въ ея голосѣ истерическія нотки и сразу пришла въ себя.

— Ничего, Нина, это пройдетъ сейчасъ... Я плохо спала сегодня и чувствую себя больной.

Дѣвочка внимательно смотрѣла мнѣ въ лицо.

— Ты и вчера была совсѣмъ больная, всѣ меня спрашивали: «Что съ твоей мамой, отчего она такая грустная?»

Она закинула мнѣ на шею тонкія ручки, прижалась лицомъ къ моему лицу и шепнула:

— А я знаю, я все знаю, только никому не говорю.

— Что ты знаешь, Ниночка?

— Я знаю, почему ты грустная... Когда былъ папа, ты была веселая, и когда былъ дядя Леша ты была веселая...

Тебѣ здѣсь скучно... Но отчего же мы не ѣдемъ въ Петербургъ?

— У насъ и тамъ нѣтъ своего дома, милая моя!

— Вотъ, мама, какая ты недобрая... Ты все еще сердишься на папу, а папа давно ужъ исправился. Я тебѣ не сказала... Когда онъ уѣзжалъ, помнишь,—и я еще плакала... Ты ушла, а онъ взялъ меня на колѣни и сказалъ: «Если хочешь, чтобы мы были всегда вмѣстѣ, проси маму вернуться ко мнѣ, я ее просилъ, а она не хочетъ». А я ему сказала: «Мама хочетъ, только не признается, ей не хочется сразу простить тебя, она безъ тебя была очень скучная, а теперь веселая...» Вѣдь правда мамочка?

— А онъ что сказалъ?

— Онъ сталъ веселый, засмѣялся, поцѣловалъ меня и сказалъ: «Ты—умница». И дядѣ Лешѣ я это сказала.

— Что? Что ты сказала дядѣ Лешѣ?

Я отталкиваю мою дѣвочку, смотрю на нее со страхомъ, мнѣ кажется, что сейчасъ я услышу что-то ужасное...

Нина блѣднѣетъ и, испуганная, зараженная моимъ волненіемъ, бормочетъ:

— Ты только не сердись, мамочка, я тебѣ все скажу, я давно хотѣла тебя спросить, да фрейлейнъ не позволяла...

— Говори, Нина, всю правду...

— Видишь, мамочка, эта Эмма ужасная шпіонка, она все подсматриваетъ и подслушиваетъ и потомъ мнѣ говоритъ; мы ужъ съ ней разъ поссорились изъ-за тебя... Она сказала, что видѣла, какъ дядя Леша тебя поцѣловалъ, и что ты непремѣнно выйдешь за него замужъ... Но вѣдь это же глупо — я ей такъ и сказала, онъ вѣдь женатъ, и ты жената, а папа тебѣ не позволитъ жениться на дядѣ Лешѣ...

— Нина, что ты ему сказала?

— Вотъ ты сердишься, а обѣщала не сердиться,—плаксиво говоритъ Нина.

— Я не сержусь, я слушаю тебя, припомни все, какъ было...

— Одинъ разъ дядя Леша посадилъ меня на колѣни и спросилъ: «Ну, что очень тебѣ здѣсь надоѣло?» А я сказала: «Очень и еще и я соскучилась безъ папы и вообще мнѣ надоѣло жить въ одной комнатѣ». А онъ сказалъ: «Ты хочешь съ папой жить?» А я сказала: «Съ папой и съ мамой», а потомъ сказала нарочно: «И мама соскучилась безъ папы, она при папѣ была самая веселая, еще веселѣе, чѣмъ теперь...» Я на-

рочно это сказала, чтобы онъ не думалъ, что ты его больше любишь, чѣмъ папу...

— Почему ты знаешь, что онъ такъ думаетъ?

— Такъ ужъ я знаю... И потомъ онъ сказалъ: «А мама хочетъ отдѣльно жить», а я ему сказала: «Неправда, это мама нарочно говоритъ, потому что ей обидно». И потомъ я спросила очень вѣжливо: «Дядя Леша, правда это, что вы хотите на моей мамѣ жениться». А онъ сказалъ: «Откуда ты это знаешь?» Я ему разсказала про Эмму...

— Ты все ему сказала, что Эмма говорила?..

— Вотъ ты опять сердишься...

— Говори, я не сержусь...

— Ну, а больше ничего... Я только ему сказала: «Милый дядя Леша, вѣдь правда, если ужъ женятся, то должны любить своего мужа? Вотъ папа тоже хотѣлъ жениться на одной дамѣ, а она ему скоро разнравилась... Такъ можетъ и со всякимъ случиться...»

Нина, Нина, сама мудрость, сама мудрость житейская говоритъ твоими устами... Въ этотъ мигъ я ненавижу ее... Это не дочь моя, это—сама моя судьба, вталкивающая меня въ мою клѣтку и спокойно, съ сознаніемъ исконнаго долга, захлопывающая дверцу. Вотъ почему онъ былъ задумчивъ, вотъ почему онъ не писалъ мнѣ такъ долго...

— Какъ ты смѣла говорить съ нимъ объ этомъ, какъ ты смѣешь вмѣшиваться въ мои дѣла?

Должно быть страшное было у меня лицо въ эту минуту, потому что Нина вдругъ пронзительно вскрикиваетъ и съ безумнымъ рыданіемъ бросается ко мнѣ на шею.

Мои руки не дотрогиваются до нея, я холодно говорю ей:

— Тише, услышатъ всѣ, постыдись людей.

Но она плачетъ все громче и отчаяннѣе и цѣпляется за меня, какъ утопающая. Сквозь рыданья вскрикиваетъ на всѣ лады:

— Мамочка, прости, я больше не буду, миленькая мамочка, не сердись, я больше не буду...

Это не капризъ, это—огромное, затаенное горе маленькой напуганной дѣтской души. Ласково ее я цѣлую, слышу, какъ подъ моей рукой бьется скоро, какъ у птички, встревоженное сердечко.

Намокли спадающіе на лицо волосы, вся мокрая стала рубашенка. Нахожу нужныя слова, и, тихо, горько всхлипывая, понемногу успокаивается дѣвочка. Разсказываю ей, какъ сказку:

— И вотъ, Ниночка, сядемъ мы съ тобой въ поѣздъ, я приготовлю тебѣ постельку, ты вѣдь любишь спать въ поѣздѣ?

Вздрагивающій, но уже повеселѣвшій голосокъ отвѣчаетъ:

— О-чень лю-блю.

— Вотъ проѣдемъ двѣ ночи, а тамъ и Петербургъ... Папа насъ встрѣтитъ на вокзалѣ... Дома все приготовлено, столъ накрытъ... тортъ, фрукты, ужинъ... Твоя постелька давно ужъ ждетъ свою хозяйку... Ты будешь спать въ моей комнатѣ...

— А папа въ кабинетѣ?—спрашиваетъ весело и спокойно.

Не отвѣчаю. Опять сдавила мнѣ грудь желѣзная рука...

— Мамочка, знаешь, что я придумала... Ты лягъ на мою кровать—она мягче твоей,—и поспи, а я тебя покачаю...

Ложусь послушно.

Нина сходитъ съ постели, находитъ пузырекъ съ каплями, которыя она сама принимаетъ, когда нервничаетъ, заставляетъ меня выпить изъ рюмки, влѣзаетъ на кровать, подсовываетъ мнѣ подъ голову одну свою руку, а другою обнимаетъ и нѣжнымъ, высокимъ голоскомъ напѣваетъ вполголоса:

Баю-баю ма-мо-чку!
Баю-баю ду-ше-чку!

Какая мертвенная усталость смыкаетъ мои вѣки, какъ хочется спать, спать безъ конца...

Сквозь дрему слышу, какъ Нина безшумно выходитъ изъ комнаты и шепчется съ горничной.

. . . .

...Проснулась съ разбитымъ тѣломъ, съ мучительнымъ сознаніемъ... Сѣла къ столу и написала двѣ телеграммы: одну—мужу: «Завтра выѣзжаемъ, приготовь нашу комнату». Другую—ему: «Поѣзжайте въ Москву. Прощайте, мой другъ, будьте счастливы».

Прощай, мой ненаглядный, я иду по твоимъ слѣдамъ, буду мужественно и терпѣливо исполнять мой долгъ и тебѣ не помѣшаю исполнять свой. Я знаю, что ты скажешь, получивъ мою телеграмму: «Моя Наташа и не могла поступить иначе».

Думаю о томъ, какъ будетъ принята другая телеграмма, какъ просіяетъ печальное и озабоченное лицо мужа. Понимаю, какъ много выстрадалъ этотъ человѣкъ, и тихо радуюсь, что въ моей власти—вернуть ему покой...

Слышу шаги и голосъ Нины — вотъ будетъ рада моя дѣвочка, когда скажу ей, что завтра мы ѣдемъ домой...

В. Погодина.

ИЗЪ АНДРЕ ШЕНЬЕ.

Двѣ юныхъ музы плакали надъ нимъ.
Одну любилъ онъ страстью безнадежной,
Другою самъ былъ горько онъ любимъ
Въ короткой жизни, бурной и мятежной.

Была одна прекрасна и горда,
Ея глаза—сіянье гнѣвныхъ молній.
Въ душѣ поэта въ грозный часъ суда
Звучалъ ея завѣтъ: твой долгъ исполни.

И въ казни часъ она пришла къ нему,
И близъ нея, какъ мужественный воинъ,
Двойную онъ переступилъ тюрьму,
И въ смерти былъ вѣнца ея достоинъ.

И Музы Гнѣва гордые глаза
Сухимъ и огневымъ смотрѣли взглядомъ.
Лишь изрѣдка тяжелая слеза
Ей щеку обжигала ѣдкимъ ядомъ.

Другая же была полудитя
Съ неразвитою грудью, станомъ тонкимъ,
Небрежно онъ ласкалъ ее, шутя,
Смѣялся, пѣлъ, играя, какъ съ ребенкомъ.

И голосъ у нея былъ не тимпанъ,
А флейта сладкой полная отрады,
Какъ мраморъ статуй строенъ тонкій станъ,
Во взорахъ—небо синее Эллады.

Въ часы досуга бѣглаго онъ съ ней
Слагалъ свои идилліи и пѣсни,
И нѣтъ, быть можетъ, ничего нѣжнѣй,
И ничего на свѣтѣ ихъ прелестнѣй.

Спокойно-кроткая, она пришла
Навѣкъ проститься съ тѣломъ бездыханнымъ
И голову поэта обвила
Своихъ волосъ вѣнкомъ благоуханнымъ.

Гасила ночь ужасный день, но трупъ
Еще лежалъ межъ многихъ незарытыхъ,
Она коснулась поцѣлуемъ губъ
И ясныхъ глазъ его, навѣкъ закрытыхъ.

И вдругъ, какъ будто кто-то сильный сжалъ
Ей сердце жесткою рукою грубо,
И нѣжный станъ, какъ листикъ, задрожалъ,
И гордыя скривились жалко губы,

И струи теплыхъ, крупныхъ, дѣтскихъ слезъ
Вдругъ потекли по головѣ кровавой,
По мягкимъ прядямъ золотистыхъ косъ
И падали на бѣдный трупъ безглавый.

Амари.

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ИСПАНСКОЙ ЖИВОПИСИ.

Въ то время, какъ Густавъ Курбэ искалъ новыхъ путей въ живописи, стремясь расширить рамки искусства, изгнать условности въ трактовкѣ и техникѣ, и освободить французское искусство отъ авторитета ложноклассической школы, онъ нашелъ оправданіе своимъ теоріямъ въ произведеніяхъ Веласкеса и Гойи. Онъ увидѣлъ въ нихъ тѣ элементы, которые считалъ самыми цѣнными и жизненными для искусства. И эти элементы, принятые и усовершенствованные позднѣйшими художниками, живутъ и понынѣ и характеризуютъ всю новую живопись въ отличіе отъ той, которая ушла въ область исторіи и больше уже не культивируется. Со времени Курбэ Веласкесъ и Гойя стали предметомъ особаго почитанія и изученія со стороны самыхъ передовыхъ художниковъ и критиковъ искусства; о нихъ стали много писать и въ настоящее время о нихъ существуетъ огромная литература, которая все продолжаетъ расти.

Въ Испаніи почти не переводились большіе художники и, за исключеніемъ періода барокко и наступившаго послѣ смерти Гойи періода давидовскихъ вліяній, испанское искусство всегда держалось на высокомъ уровнѣ, отличаясь строго національнымъ характеромъ, самобытностью и техническимъ совершенствомъ. Всѣ эти качества нашли достаточную оцѣнку у современниковъ, но, можетъ быть, благодаря слишкомъ рѣзко выраженному этническому характеру испанской живописи, она до Гойи широкаго вліянія на остальную Европу не имѣла. Творчество Гойи подготовило пришествіе Домье, Курбэ и другихъ, и дало начало неширокому, но стремительному потоку, впослѣдствіи захватившему весь художественный міръ. Широкое вліяніе на европей-

ское искусство Испанія оказала въ лицѣ Маріано Фортуни (1834—76), художника новатора, но не ушедшаго, какъ Гойя, безъ оглядки отъ прошлаго и привычнаго. Во всякомъ случаѣ Фортуни явился сильной реакціей противъ ходульной и бутафорской живописи послѣдователей Давида, наводнявшихъ тогда міръ изображеніями героевъ римской республики, взятыми съ академическихъ картоновъ. Онъ достигъ необычной для того времени красочности, свободы въ движеніи фигуръ, съумѣлъ дать новую, свободную трактовку историческимъ сюжетамъ, и въ этомъ смыслѣ онъ является однимъ изъ прямыхъ родоначальниковъ новѣйшаго искусства. Его стиль теперь намъ кажется нѣсколько обстановочнымъ и мало прочувствованнымъ; его манера, которой онъ достигъ силою страстнаго желанія оставить постылую академическую раскраску ради яркаго свѣта и живого колорита,—изящная, легкая манера,—теперь для насъ слегка слащава, его красочность нерѣдко фальшива и подчасъ граничитъ съ раскраской. Но его стремленіе къ освобожденію отъ условностей и его новый взглядъ на живопись подѣйствовали въ свое время благотворнѣйшимъ образомъ на застоявшееся европейское искусство и толкнули молодежь на новый путь, ясно указанный Курбэ.

Въ то время, какъ Фортуни работалъ въ Италіи, гдѣ провелъ лучшую часть своей жизни, окруженный интернаціональной толпой учениковъ, въ художественной жизни Испаніи не замѣчалось того роста, который привелъ европейское искусство къ поразительной свободѣ формы. Испанское искусство девятнадцатаго вѣка не проявляетъ такой постоянной и ясно выраженной тенденціи къ освобожденію отъ натуры, къ полнотѣ средствъ, къ красочности, какъ Франція и даже германскія страны; въ немъ нельзя прослѣдить такой постепенной эволюціи какую продѣлала Германія отъ Овербека до Ганса фонъ-Маре. И, не смотря на появленіе отъ времени до времени такихъ силъ, какъ Фортуни, Самаикосъ, Прадилья, Испанія только недавно быстрымъ порывомъ пришла къ тому, что постепенно было завоевано въ остальной Европѣ.

Во всякомъ случаѣ Фортуни оставилъ глубокій слѣдъ, вывелъ искусство своей родины изъ рамокъ провинціализма, далъ высокія мѣрила художественной техники. Подъ его вліяніемъ и подъ вліяніемъ основателя новой академіи въ Мадридѣ, Доминика Мадраса, въ Испаніи народилась блестящая историческая школа, прославившаяся въ лицѣ популярнѣйшихъ своихъ представителей—Хозе Виллегаса, Розалеса, Морено Карбонеро, Хозе Бен-

ліуре и др. Они выступили въ свѣтъ во всеоружіи техники и въ свои молодые годы отличались отъ учителей большей театральностью, мишурностью и опернымъ стилемъ въ сценахъ изъ жизни и исторіи испанскаго народа. Но именно своей поверхностностью, внутренней безсодержательностью и дешевыми эффектами они какъ нельзя больше пришлись по вкусу оффиціальнымъ кругамъ и интернаціональной толпѣ меценатовъ. Наиболѣе непосредственнымъ и независимымъ художникомъ того времени является Прадиллья. Онъ дѣйствительно крупнѣйшій мастеръ въ рисункѣ и композиціи и блестяще проявилъ себя въ большихъ полотнахъ историческаго содержанія и въ стѣнной живописи.

Эта группа историческихъ живописцевъ продѣлала нѣкоторую эволюцію въ томъ смыслѣ, что подъ конецъ жизни перешла къ бытовой живописи. Но, перемѣнивъ мотивы, она не прогрессировала въ пріемахъ и не измѣнила взгляда на задачу живописи. Были съ ея стороны попытки трактовки въ духѣ пленэра и импрессіонизма, какъ напримѣръ у Хозе Бенліуре, но эти попытки были безсильны: импрессіонизмъ, реалистическое и символическое движеніе послѣднихъ десятилѣтій застали школу уже въ упадкѣ. На смѣну выступила молодежь, получившая художественную культуру по большей части въ Парижѣ. Ей и суждено было ввести родное искусство въ свободную стихію.

Европейская критика въ свое время удѣляла не мало вниманія старикамъ, но затѣмъ привыкла не ожидать отъ нихъ ничего новаго. Интересъ къ испанскому искусству за послѣдніе годы упалъ; литература о современномъ испанскомъ искусствѣ ничтожна. Даже въ сравнительно разработанной области испанскаго ренессанса поднявшійся вдругъ интересъ къ Доминику Греко и къ испанскому барокко являются дѣломъ послѣднихъ лѣтъ. А въ исторіи новаго испанскаго искусства предстоитъ сдѣлать очень много, чтобы выяснить ходъ его развитія и учесть его культурное значеніе.

Между тѣмъ, испанскіе художники все чаще заявляютъ о себѣ и въ художественной жизни послѣднихъ лѣтъ все шире и шире захватываютъ вниманіе. Никто не вызывалъ за послѣдніе годы такого живого обмѣна мнѣній, какъ они—на послѣднихъ международныхъ художественныхъ выставкахъ. Въ Брюсселѣ они составляли самую сильную національную группу, въ Венеціи — также. На необъятной римской выставкѣ они почти нераздѣльно владѣли умами интеллигентной публики. Удиви-

тельно сильное впечатлѣніе произвели они въ Мюнхенѣ на выставкѣ стараго и современнаго испанскаго искусства. Тамъ любители были поражены живучестью традиціи въ испанской живописи—традиціи, сохраняющей и совершенствующей лучшія черты расы. Профессора приходили читать лекціи, переходя отъ Веласкеса, Греко, Гойи къ Зулоагѣ и Англадѣ.

Дѣйствительно, нигдѣ такъ не жива традиція въ искусствѣ, какъ въ Испаніи. Не та оффиціальная традиція, которая выражается въ деспотизмѣ господствующей школы, сковывающей индивидуальность въ предѣлахъ выработанныхъ формъ,—а наслѣдственная духовная связь, завѣтъ самостоятельности и свободы. Тамъ старые мастера—не только предметъ изученія, какъ мы это видимъ въ Италіи, гдѣ ренессансъ столько же говоритъ итальянцамъ, сколько всему культурному міру, потому что равно удаленъ отъ всѣхъ; тамъ имъ и не подражаютъ, какъ, напримѣръ, въ Англіи, гдѣ Сарджентъ пытается въ наше время ввести въ моду то, что было моднымъ полтораста лѣтъ тому назадъ. Вновь воскресающее въ послѣднее время національное самосознаніе, стремленіе къ самобытности и свободѣ сблизило современную Испанію съ лучшими моментами ея возрожденія. Современная Испанія хочетъ продолжать дѣло своего ренессанса, прерванное долгими годами реакціи. Это стремленіе обновиться, продолжать дѣло своихъ лучшихъ людей какъ нельзя ярче проявляется въ искусствѣ. Современные испанскіе художники унаслѣдовали отъ учителей эпохи Возрожденія высокій стиль, достоинство художника; ихъ картины носятъ отпечатокъ аристократизма, не допускающаго кувырканья и вульгарности, неприступнаго и даже надменнаго. Для нихъ жизнь—въ новомъ, но старое искусство—живой примѣръ; поэтому они менѣе другихъ впадаютъ въ архаизмъ, въ манерность, въ имитацію.

Въ средней массѣ испанскіе художники производятъ впечатлѣніе консервативныхъ. Они мало заняты изслѣдованіями и анализомъ. Среди нихъ не замѣчается такого множества теченій и подраздѣленій, какъ, напримѣръ, во Франціи и въ сѣверныхъ странахъ. У нихъ не процвѣтаютъ всѣ эти византизмы, оріентализмы, не идетъ борьба между пуэнтилистами и синтетиками. Японское вліяніе замѣтно менѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Все это, быть можетъ, является признакомъ нѣкоторой косности испанскихъ художниковъ, провинціализма и недостаточности художественнаго образованія. Но это отчасти объясняется тѣмъ взрывомъ національнаго самосознанія, который въ послѣднее время захватилъ всѣ культурныя силы Испаніи. Традиціонность

стиля, въ свою очередь, дѣлаетъ испанское искусство болѣе однороднымъ и національнымъ, чѣмъ какое-либо другое; но она не мѣшаетъ крупнѣйшимъ его представителямъ быть свободными въ выборѣ средствъ.

Въ Испаніи, какъ и всюду, идетъ борьба между оффиціальнымъ искусствомъ и свободными направленіями; но мелкіе ручьи различныхъ тенденцій исчезаютъ тамъ въ широкихъ потокахъ господствующихъ направленій, представляющихъ средній уровень испанскаго искусства. А небольшая группа сильныхъ, независимыхъ художниковъ захватываетъ своимъ творчествомъ широчайшую область современнаго искусства и представляетъ его наивысшее выраженіе.

Три художника дѣлятъ между собой широкое поле испанскаго искусства почти безъ остатка: Соролльяа, Зулоага и Англада. Каждый изъ нихъ достигаетъ вершины своей области, исчерпываетъ свою форму, доходитъ въ мастерствѣ до предѣловъ достижимаго.

Главныя теченія, опредѣлившіяся въ искусствѣ къ началу нашего столѣтія, имѣютъ въ лицѣ этихъ художниковъ чуть ли не самыхъ своихъ яркихъ представителей. Импрессіонизмъ, давно уступившій мѣсто болѣе идеалистическимъ теченіямъ, имѣетъ въ испанскомъ искусствѣ сильнаго представителя— Іоахима Сороллью. Сорoлльяа—послѣдній изъ могиканъ классическаго импрессіонизма, одинъ изъ лучшихъ цвѣтковъ его, художникъ свѣта, воздуха и движенія. Направленіе противоположное импрессіонизму, не признающее его реализма и техническихъ завоеваній въ области пленэра и сосредоточивающее все свое вниманіе на характерѣ, на душѣ предмета,—это направленіе представляется Зулоагой. Англада беретъ изъ міра только то, что сверкаетъ красками; онъ умѣетъ претворять всю поэзію міра и страсти въ свѣтъ и краски.

Въ концѣ прошлаго вѣка вліяніе символистовъ, синтетиковъ — послѣдователей Сезанна, Гогена, Ванъ-Гога, вліяніе декоративнаго и монументальнаго направленія стали вытѣснять импрессіонизмъ, который не выдвинулъ за послѣднее время ни одного широкообъемлющаго художника. Самымъ яркимъ представителемъ современнаго импрессіонизма признавался до сихъ поръ Андерсъ Цорнъ. За нимъ это первенство считалось по праву, такъ какъ онъ дошелъ до величайшей простоты и легкости въ разрѣшеніи самыхъ сложныхъ задачъ пленэра, въ достиженіи яркости и правдивости тона. Но его искусство не отличается большимъ внутреннимъ содержаніемъ; худож-

никъ беретъ міръ внѣшне, наслаждаясь красками, игрой и подвижностью свѣта. Вслѣдствіе этого онъ безпрестанно повторяется, и его послѣднія картины, не уступая по виртуозности исполненія произведеніямъ прежнихъ годовъ, теперь уже не вызываютъ прежняго интереса. Такого рода искусство, хотя и блещущее полнотой и красотой тоновъ, оставляетъ насъ холодными и не можетъ назваться искусствомъ высокаго стиля. Цорнъ не всегда остается на уровнѣ серьезнаго стиля еще и потому, что онъ бываетъ подчасъ неразборчивымъ въ отношеніи къ модели и къ выбору момента.

Въ импрессіонизмѣ испанцевъ, при всей натуралистичности, не замѣчается такой матеріализаціи искусства, какъ у знаменитаго шведа; въ этомъ направленіи они проявляютъ извѣстную серьезность и широту взгляда, оберегающую художника отъ мелочнаго и недостойнаго.

Въ Испаніи импрессіонизмъ встрѣтилъ въ свое время сильнѣйшій отпоръ у господствовавшей школы послѣдователей Фортуни, которая, въ лицѣ своихъ популярнѣйшихъ представителей, развратила вкусъ испанской публики послѣднихъ десятилѣтій, пользуясь поддержкой оффиціальныхъ круговъ и широкихъ массъ. Но нѣкоторые элементы пленэра все же стали проникать сперва въ пейзажъ—у Мартина Рино, Раймунда Мадраса,—а затѣмъ и въ жанръ. Первымъ яркимъ, самобытнымъ художникомъ новой формы, доведшимъ ее до полнаго развитія, явился Сороллья, который и пробилъ въ Испаніи дорогу современному искусству.

Іоахимъ Сороллья-и-Бастида родился въ Валенсіи въ 1850 г. Тамъ онъ прошелъ курсъ художественной школы и тамъ же впервые сталъ выставлять, имѣя уже около тридцати лѣтъ отъ роду. На заграничныхъ выставкахъ онъ сталъ появляться съ девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія.

Сороллья—одинъ изъ тѣхъ художниковъ, которые не имѣли прямыхъ учителей ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ. Онъ—самородокъ, но тѣмъ не менѣе его культурное значеніе для его страны, выразившееся въ благотворнѣйшемъ вліяніи на художническую молодежь Испаніи, громадно. Въ молодости онъ находился подъ нѣкоторымъ вліяніемъ Прадилльи, но затѣмъ на всемъ протяженіи его дѣятельности незамѣтно никакихъ слѣдовъ какого бы то ни было вліянія; въ его манерѣ не видно ни одного штриха, который проявилъ бы хоть малѣйшую связь съ какой-нибудь изъ опредѣлившихся художественныхъ группъ. Между

нимъ и окружающимъ міромъ нѣтъ передаточныхъ ступеней; все, что онъ видитъ, слышитъ и чувствуетъ, переносится на полотно въ самыхъ яркихъ, цѣнныхъ и характерныхъ штрихахъ, почти безъ потери. Если искусство, связанное съ матеріаломъ и съ нашимъ зрительнымъ органомъ, принуждено всегда оставаться до извѣстной степени условнымъ, то Соролльи—наименѣе условный изъ всѣхъ художниковъ стараго поколѣнія.

Онъ не спеціализировался ни въ жанрѣ, ни въ пейзажѣ, онъ отражаетъ то, что его окружаетъ, среди чего онъ живетъ. Бо́льшую часть жизни онъ провелъ съ семьей въ окрестностяхъ Валенсіи, близъ моря. Онъ пишетъ небо, воду, своихъ дѣтей, друзей, уличныхъ музыкантовъ и разносчиковъ, больше всего—рыбаковъ. Онъ ткетъ свои картины изъ свѣта и воздуха; глядя на нихъ, вы завидуете мальчишкѣ, который грѣется на залитомъ солнцемъ пескѣ, и парусной лодкѣ, которую омываютъ, раскачивая, прозрачныя волны. Его техника не знаетъ трудностей и все разрѣшаетъ шутя. Считанными ударами кисти онъ лѣпитъ нагое тѣло, сверкающее на солнцѣ, лѣпитъ сразу начисто, не боясь отступить отъ реальной окраски, съ перваго разу угадывая тонъ. Его феноменальная техника, сила цвѣта и свѣта какъ нельзя болѣе подходятъ къ разрѣшенію труднѣйшихъ задачъ импрессіонизма. Онъ пишетъ дѣвушку на берегу сверкающаго моря, всю въ бѣломъ, въ тѣни, противъ свѣта, не давая ни одного контраста свѣтотѣни—и сохраняетъ при этомъ рельефъ въ полной мѣрѣ, обволакиваетъ ее атмосферой, въ которой развѣвается ея тюль и какъ бы слышатся ея легкіе шаги. Одна изъ лучшихъ его картинъ послѣдняго времени, небольшая, изображаетъ его дочь, сидящую на днѣ оврага подъ большимъ желтымъ зонтомъ съ открытымъ ящикомъ красокъ на колѣняхъ; дѣвушка усиленно всматривается въ даль, стараясь зарисовать что-то на полотно. Сквозь желтый зонтъ потокомъ льется горячій солнечный свѣтъ, озаряя раскраснѣвшееся отъ жара лицо съ умными, слегка прищуренными глазами. На складкахъ ея свѣтлаго платья играютъ нестерпимо-яркія солнечныя пятна, по отлогому склону оврага падаютъ лиловыя тѣни отъ низкихъ туй, межъ которыхъ далеко-далеко проникаетъ глазъ. Съ какой силой и интенсивностью передана вся нестерпимость солнечнаго свѣта на другой его картинѣ, тоже изъ послѣднихъ лѣтъ, гдѣ изображается дѣвочка съ дѣтской коляской! Въ коляскѣ подъ поднятымъ верхомъ лежитъ младенецъ. Онъ утонулъ въ глубинѣ, въ тѣни, а дѣвочка, держась за ручку и щурясь, отворачивается отъ свѣта.

Среди цѣлаго ряда картинъ Соролльи изъ дѣтской жизни, съ рѣдкой силой и иллюзіей передающихъ яркость и подвижность дневного свѣта, есть двѣ особенно симпатичныя и выразительныя и особенно легко запоминающіяся. Первая называется «Марія выздоравливающая». Она изображаетъ дочь художника, вынесенную послѣ болѣзни на воздухъ, подъ открытое небо, въ виду горъ. На дѣвушкѣ мѣховое пальто, какое носятъ автомобильные шофферы, и спортсменскій беретъ, придающіе ей сходство съ мальчикомъ. Она сидитъ ровно, прислонившись къ горѣ подушекъ, пристально глядя своими черными глазами на зрителя и почти улыбаясь. Ея губы слегка пріоткрыты, руки, утопающія въ мѣху, держатъ апельсинъ. Въ этой картинѣ нѣтъ никакого сюжета, но тѣмъ болѣе проявляется въ ней вся сила и непосредственность чувства художника, умѣющаго взять все, что составляетъ самое цѣнное въ изображаемомъ моментѣ,—поэзію его, и облечь въ форму не забываемаго образа. Всѣ элементы этой картины находятся въ функціональной связи; въ ней нѣтъ ничего безразличнаго. Мы чувствуемъ всю цѣлебность этого солнышка, мы съ радостью выздоравливающаго, засидѣвшагося въ душной комнатѣ, ощущаемъ всю чистоту атмосферы, отъ которой расширяется грудь, и съ острымъ наслажденіемъ всматриваемся въ синюю даль, въ которой ярко и отчетливо выростаютъ зелень и горы, какъ бы вымытыя дождемъ.

Сороллья въ своихъ картинахъ — реалистъ, но реалистъ высшаго порядка, совершенно свободный отъ модели. Онъ никогда не даетъ иллюстраціи, берущей у натуры съ приблизительной точностью все безъ разбора. Онъ даетъ намъ жизнь во всей полнотѣ сложныхъ отношеній; его правда — прежде всего въ гармоничномъ синтезѣ красокъ и въ единствѣ освѣщенія. Онъ даетъ намъ пейзажъ такимъ, какимъ онъ существуетъ для играющихъ въ водѣ ребятишекъ, для рыбаковъ, спускающихъ барку или собирающихъ сѣти, для выздоравливающей дѣвочки, которой весь міръ, открывающійся изъ окна, кажется новымъ и чудеснымъ. Сороллья—тонкій наблюдатель, не остающійся въ сторонѣ отъ того, что онъ видитъ, умѣющій смотрѣть на міръ глазами тѣхъ людей, которыхъ онъ изображаетъ. Онъ не играетъ своими фигурами, не ставитъ ихъ въ позы, не комбинируетъ изъ нихъ сценъ и анекдотовъ, пользуясь профессіональной моделью. Въ его картинахъ абсолютно отсутствуетъ повѣствовательный элементъ, столь милый сердцу поклонниковъ такъ называемаго «реальнаго направленія», на самомъ дѣлѣ надуманнаго и фальшиваго въ краскахъ и въ выраженіи.

Вторая изъ упомянутыхъ выше картинъ называется «Мать и дитя». Это одно изъ самыхъ симпатичныхъ и чистыхъ творенiй художника. Внѣшнее тамъ доведено до минимума, нѣтъ ничего, что поддается разсказу. Въ этой картинѣ съ поразительной иллюзiей передана тишина и полумракъ комнаты, гдѣ покоится мать съ младенцемъ. Художникъ пишетъ разсѣянный свѣтъ болѣе мягкими штрихами, чѣмъ свои солнечныя картины—жидкими, прозрачными матовыми красками, и даетъ картинѣ рельефъ и воздушность.

Сороллья всегда остается живымъ и острымъ наблюдателемъ; это дѣлаетъ удивительно разнообразнымъ содержанiе его картинъ. Онъ съ равной экспрессiей изображаетъ великосвѣтскую даму, лакея, кабинетъ ученаго, сборъ апельсиновъ и сцены изъ жизни рыбаковъ. Въ послѣднихъ онъ особенно силенъ; вообще, самая любимая для него область — жизнь побережья Валенсiи. Онъ посвятилъ этому мiру сотни картинъ и до сихъ поръ не устаетъ открывать въ немъ новые мотивы. Художнику очень близка среда рыбаковъ, каждая деталь ихъ быта ему понятна, и это позволяетъ ему обходиться безъ помощи описательнаго элемента. То, что далъ въ этомъ отношенiи Сороллья, можно поставить выше бретонскаго цикла Коттэ. У Коттэ элементъ повѣствованiя преобладаетъ и бретонскiе рыбаки являются у него, не бретонца родомъ, въ утрированно-суровой обстановкѣ и въ нѣкоторой романтической дымкѣ; у Сорольи каждый штрихъ говоритъ за себя, имѣетъ характеръ, дышитъ правдой.

Чистая поэзiя Сороллы, душевная ясность и непосредственность, съ которой онъ подходитъ къ предмету, полнота возсоздаваемаго имъ мiра, во всякiй моментъ находятъ доступъ въ нашу душу. И какъ бы ни былъ утомленъ глазъ, картинами Сорольи не насытишься. Рядомъ съ Сороллой многое блекнетъ, и кажется темнымъ и фальшивымъ. Вокругъ Сороллы въ Испанiи группируется много художниковъ. Среди нихъ подражателей мало: такова, повидимому, судьба испанскихъ художниковъ, что они не созданы для подражанiя. Очень популяренъ въ Испанiи пейзажистъ Аврелiанъ Беруэте, большой панегиристъ Андерса Цорна. Беруэте пишетъ съ большой легкостью, мелкими ударами кисти, оставляя поверхность полотна какъ бы шероховатой, рябой. Это усиливаетъ блескъ освѣщенныхъ поверхностей, но иногда шероховатость мѣшаетъ рельефу. Беруэте достигаетъ контрастовъ, сохраняя соотношенiе свѣта и тѣней, но не углубляетъ эффекта и не даетъ достаточно теплоты. Большого мастерства въ изображенiи мгновеннаго движенiя дости-

гаетъ Роберто Доминго. Его сцены изъ боя быковъ, съ базара, съ набережной полны жизни и движенія и поражаютъ легкостью, увѣренностью исполненія, чистотой тоновъ. Бенедито—художникъ эклектикъ. Съ Соролльей его сближаетъ нѣкоторая свобода въ выборѣ тоновъ, но онъ ближе къ школѣ Веласкеса, съ ея портретнымъ стилемъ. Въ своихъ реалистическихъ картинахъ Бенедито является портретистомъ и въ выборѣ момента, и въ группировкѣ. Въ техникѣ онъ не виртуозъ, но проявляетъ обдуманность и отличную школу. Подъ вліяніемъ Соролльи находятся Энрикве Мартинесъ, Месквито, Урвелль и др.

Среди этихъ художниковъ нѣтъ очень крупныхъ и оригинальныхъ фигуръ, но они являются представителями средняго уровня художниковъ своей страны, и въ этомъ качествѣ даютъ высокое представленіе о современной испанской школѣ. Они обладаютъ всѣмъ, что можетъ дать отличная школа: у нихъ вполнѣ современная трактовка, вполнѣ современная техника, а главное—серьезность намѣреній и строгое отношеніе къ дѣлу. Всѣ они носятъ яркую печать своей національности и трактуютъ одинъ предметъ—Испанію. По своимъ идеаламъ и традиціямъ они примыкаютъ къ мастерамъ Возрожденія, но стремятся къ полной свободѣ, вступивъ разъ навсегда на путь ликвидаціи со старымъ, доживающимъ свой вѣкъ въ лицѣ послѣднихъ изъ своихъ могиканъ—Виллегаса, Бенліуре, Морено Карбонеро. Эта ликвидація подходитъ къ концу, и, вмѣсто блестящаго, но пустого искусства, не встрѣчающаго уже щедрыхъ меценатовъ былыхъ временъ, въ Испаніи наступаетъ новая эра, новое возрожденіе. Его началъ Сороллья и продолжаютъ Зулоага и Англада.

Ни одинъ, быть можетъ, изъ современныхъ художниковъ не носитъ въ себѣ столько чертъ своего народа, какъ Зулоага, ни одинъ съ такой полнотой не синтезируетъ искусства своей страны. Было бы особенно интересно анализировать все сдѣланное имъ и прослѣдить его ростъ и эволюцію шагъ за шагомъ. Онъ изъ той самой золотой жилы, откуда вышли Веласкесъ и Гойя, онъ одно изъ звеньевъ цѣпи великихъ мастеровъ. Въ немъ возродилась вся ихъ гордость, презрѣніе къ эффекту, ко всему подкупающему. Вся его работа—только совершенствованіе того, надъ чѣмъ трудились его духовные предки.

Зулоага отдался всецѣло живописи, имѣя 23-24 года, послѣ того какъ прожилъ жизнь бродяги и торреадора. Учился онъ въ Парижѣ, въ свое время поддался вліянію импрессіонизма, пробовалъ свои силы въ пріемахъ неоимпрессіонизма. Случайная встрѣча съ художникомъ Руссиньоль толкнула его на изученіе

классиковъ испанской живописи, главнымъ образомъ Греко. Этотъ поворотъ оказалъ на него рѣшающее вліяніе. Онъ сразу свергнулъ все, что далъ ему импрессіонизмъ—и воздухъ, и вибрацію свѣта, и игру красокъ,—и отдался изученію формы, рисунка, стиля. Его прямыми наставниками были Греко, Веласкесъ, Рибейра и Гойя. Несмотря на то, что Зулоага ассимилировалъ всѣ эти вліянія и переработалъ ихъ въ своемъ мощномъ художественномъ организмѣ, у него и теперь можно прослѣдить нѣкоторыя черты его учителей. Особенно сильный отпечатокъ наложилъ на него Доменико Греко. У него Зулоага унаслѣдовалъ аскетическую строгость трактовки, монументальный стиль, присущій стѣнной живописи эпохи Возрожденія, мрачный колоритъ, однотонность. Веласкесъ былъ для него образцомъ въ рисункѣ и композиціи и—дѣйствительно, по энергіи и непогрѣшимости рисунка, по свободѣ композиціи, по совершенству координаціи въ сложномъ движеніи, изъ всѣхъ живущихъ художниковъ одинъ только Зулоага можетъ сравниться со своимъ соотечественникомъ. Въ письмѣ нагого тѣла, въ свѣтотѣни, придающей особенно крѣпкій рельефъ его фигурамъ, онъ нерѣдко напоминаетъ Рибейру. И, наконецъ, наслѣдіе Гойи выразилось у Зулоаги въ мрачномъ юморѣ, въ склонности къ гротеску и въ той наготѣ, съ которой онъ изображаетъ порокъ.

Зулоага — одинъ изъ тѣхъ, которые подтверждаютъ поговорку: «нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ». Онъ непріемлемъ для среды, въ которой царитъ пустой и театральный Виллегасъ; онъ непонятенъ для массы, испортившей свой вкусъ на лубочной Испаніи художниковъ такъ называемой «исторической» школы, на Испаніи сегедильи, серенадъ, боя быковъ, религіозныхъ процессій и прочей бутафоріи. Испанія Зулоаги имъ кажется ужасной и отталкивающей. Зулоага слишкомъ глубокъ и чутокъ къ страданіямъ своего народа, слишкомъ современенъ, чтобы отворачиваться отъ жизни и, подобно страусу, прятать голову подъ крыло. Онъ не снисходитъ до забавы и не призванъ нравиться празднымъ любителямъ прикрасъ, анекдотовъ и экзотическаго элемента, couleur locale изъ романовъ Маріи Корелли.

Зулоага—изъ тѣхъ художниковъ, которые шествуютъ во главѣ современныхъ теченій. Онъ совершенно независимъ отъ какихъ бы то ни было старыхъ и новыхъ школъ. Тѣмъ не менѣе онъ, какъ никто другой, далекъ отъ анархіи. Его искусство коренится въ глубокомъ прошломъ испанскаго народа; онъ поглотилъ цѣлую многовѣковую культуру, черезъ это сталъ свободнымъ и больше не вернется вспять.

Зулоага—антиподъ импрессіонистамъ; онъ беретъ фигуры въ

широкомъ масштабѣ, не разсѣиваетъ, а сгущаетъ, даетъ не движеніе, а статику; его феноменальными качествами являются огромное психологическое чутье, серьезность, граничащая съ трагизмомъ, и рѣдкое умѣнье сосредоточиться всѣмъ своимъ существомъ на томъ предметѣ, который онъ изображаетъ. Эта сосредоточенность придаетъ стихійную энергію кисти художника и необыкновенную экспрессію его фигурамъ. Всѣ его фигуры — портреты громадныхъ размѣровъ; вы удивляетесь неистощимости его энергіи, глядя на его монументальныя полотна, вы поражаетесь выдержкой и постоянно бодрствующей мыслью художника, способнаго наполнить до краевъ такую огромную форму.

Неустанность его творческаго процесса чувствуется во всемъ. Его портреты живутъ своей независимой жизнью, они какъ бы снабжены жизненнымъ центромъ, который управляетъ всѣми движеніями лица и тѣла. Это достигается полнымъ согласованіемъ частей. Эта внутренняя жизнь свѣтится въ глазахъ и играетъ на губахъ; эти черты не случайно собраны, а какъ бы родились вмѣстѣ и внутренне связаны; вы убѣждаетесь въ ихъ индивидуальной жизни и начинаете относиться къ нимъ какъ къ живымъ существамъ. Они становятся для васъ симпатичны или несмпатичны, вы чувствуете ихъ присутствіе. Таковъ, напр., семейный портретъ дяди художника съ семьей. Онъ одинъ изъ самыхъ совершенныхъ у Зулоаги и можетъ занять мѣсто наряду съ лучшими портретами эпохи Возрожденія. Этотъ портретъ рисуетъ намъ трехъ женщинъ — три возраста, три жизни, и наряду съ другими даетъ цѣлую серію женскихъ лицъ, варьирующихъ большею частью одинъ и тотъ же типъ. Это типъ молодой женщины или дѣвушки, худой и смуглой, улыбающейся, кокетливой, у которой улыбка близка къ гримасѣ, а кокетство—съ трудомъ сдерживаемый призывъ. Вся сила этихъ портретовъ въ томъ, что они не являются воплощеніемъ одной какой-нибудь черты характера, а даютъ полную психологическую картину зулоаговской женщины. Такъ напримѣръ, по лицу любой изъ барышенъ на упомянутомъ портретѣ, мы можемъ судить о томъ, какимъ оно бываетъ въ другіе моменты жизни. Видно, что этотъ ротъ, сложенный въ привѣтливую улыбку, можетъ быть и отвратительнымъ, что жесты могутъ стать и вульгарными, мы легко можемъ себѣ ее представить въ моменты гнѣва, любви и т. д. Мы можемъ ошибиться, на это критерія нѣтъ, но мы будемъ судить о ней, какъ о живой женщинѣ.

Задумывая широко, Зулоага даетъ намъ человѣка безъ случайной, ничего не говорящей обстановки. Онъ не даетъ реальнаго портрета; у него неизвѣстно откуда берется свѣтъ. Его фигуры

образуются на фонѣ мрака и хаоса, вылѣпляются мощнымъ рельефомъ и отдѣляются отъ полотна. Онъ отбрасываетъ все лишнее, не украшаетъ, а концентрируетъ все существенное для жизни данной фигуры.

Все содержаніе картинъ Зулоаги охватывается однимъ словомъ: Испанія. Онъ относится къ своей родинѣ, какъ гуманистъ на исходѣ средневѣковья. Онъ изображаетъ ее во всемъ величіи ея природныхъ силъ и во всемъ безобразіи одичанія, безправія, обскурантизма. Его картины изъ Старой Кастиліи наводятъ какую-то жуть своей безотрадностью. Онъ насъ переноситъ въ безплодную горную страну, совершенно обнаженную, съ пересохшими руслами рѣкъ. Небольшіе города и села наглухо заключены въ стѣны и походятъ на форты; надъ ними господствуетъ колокольня собора, который могъ бы вмѣстить цѣлую деревню. Группы домовъ лѣпятся одна на другой и, кажется, будто выросли изъ того же камня, на которомъ стоятъ. Единственный признакъ жизни—это какая-то укутанная въ плащъ фигура, тянущая за собой подъ уздцы тощую лошадь. Небо темное, зимнее, въ непроницаемыхъ, быстро несущихся тучахъ.

На фонѣ этихъ мѣстъ проходятъ провинціальные торреадоры, доморощенные философы, публичныя женщины, словомъ—сервантесовскіе персонажи, съ которыми авторъ прожилъ много лѣтъ. Карликъ Грегоріо могъ бы съ честью занять мѣсто въ ряду дворцовыхъ шутовъ и карловъ Веласкеса. Но и здѣсь Зулоага мало забавенъ. Его карликъ—уродъ, безформенный комъ мускуловъ, берущійся за самую грязную работу. У него отвратительное лицо съ зеленымъ бѣльмомъ на правомъ глазу, и самъ онъ—смѣсь сатира и бандита.

Вершиной творчества Зулоаги мы считаемъ его картину: «Жертва торжества». Она изображаетъ побѣдителя пикадора, возвращающагося съ боя быковъ домой верхомъ на лошади. Подобнаго пикадора мы еще не видѣли ни въ рисункѣ, ни на сценѣ. Это не торжествующій юнецъ, который ѣдетъ подбоченившись на встрѣчу своей красавицѣ; это пожилой, посѣдѣвшій уже человѣкъ, зарабатывающій въ циркѣ себѣ на хлѣбъ. Отъ бойни, изъ которой онъ едва унесъ шкуру, онъ дошелъ до полнаго отупѣнія. Его испитое лицо все какъ-то опустилось, нижняя губа выпятилась, глаза смотрятъ идіотски впередъ. Весь онъ въ пыли и крови, лошадь изранена, покрыта еще свѣжей кровью, бока у нея изрѣзаны шпорами. Лошадь—сестра Россинанта, худая, узкобедрая, плетется, понуря голову, и въ глазахъ у нея столько безропотнаго терпѣнія, столько доброты, что, право,

немного есть изображеній человѣческаго страданія, способныхъ вызвать столько участія, какъ это животное. На сколько лицо всадника отупѣло и взглядъ пріобрѣлъ безсмысленное выраженіе, настолько глаза лошади полны кротости. Не пытаюсь истолковывать это сопоставленіе, но оно производитъ неизгладимое впечатлѣніе.

Эта картина даетъ намъ возможность судить вполнѣ о творчествѣ Зулоаги. Здѣсь проявляется его самобытность, человѣчность и эпическій размахъ. Это произведеніе родственное «Донъ-Кихоту».

Раннія произведенія Зулоаги носили болѣе жанровый характеръ. Это былъ жанръ безконечно далекій отъ сценки или анекдота, которыми мы не прочь позабавиться на досугѣ, но до участниковъ которыхъ намъ нѣтъ никакого дѣла. Въ нихъ дана психологія момента и обнаруживается духовный уровень дѣйствующихъ лицъ. Художникъ сгущаетъ выраженіе ихъ душевнаго состоянія, но не превращаетъ ихъ въ актеровъ, разыгрывающихъ комедію тѣмъ болѣе забавную для насъ, чѣмъ дальше отъ насъ изображаемая дѣйствительность. Такова, напримѣръ, картина, находящаяся теперь въ римскомъ музеѣ изящныхъ искусствъ, изображающая стараго селадона въ погонѣ за провинціальными красотками. Въ ней нѣтъ дидактики, есть гротескъ, напоминающій Гойю, есть юморъ, но отъ нея не несетъ веселой авантюрой. Наоборотъ, создаются самые мрачные образы моральнаго паденія, тѣмъ болѣе убѣдительные, что картина никого не бичуетъ; она показываетъ людей живыми, какъ портреты, какъ бы настаивая на дѣйствительности и указывая на фатальность и непоправимость жизни.

На первый взглядъ кажется страннымъ, что Зулоага не имѣетъ въ Испаніи прямыхъ учениковъ. Но для того, чтобы быть его послѣдователемъ, надо быть изъ такой же бѣлой кости, такимъ же прямымъ отпрыскомъ великой семьи. Нѣкоторые пытаются подражать его пріемамъ, стараясь передать широту его письма и его не знающій сомнѣнія рисунокъ. Такъ дѣлаетъ, напримѣръ, Васкесъ и выдаетъ себя съ головой: его дерзанія приводятъ къ тому, что онъ ошибается въ тонѣ и принужденъ перемазывать; онъ пытается упростить рисунокъ, стилизовать,—и нарушаетъ равновѣсіе частей, движеніе дѣлаетъ деревяннымъ. Не лучшихъ результатовъ достигаетъ Сарагосса—художникъ съ именемъ. Онъ, въ сущности, принадлежитъ къ совершенно устарѣлымъ живописцамъ, обладаетъ очень небольшими техническими средствами, но, для поддержанія своей репутаціи портретиста

бомонда, кое-что заимствуетъ отъ современныхъ портретистовъ, между прочимъ отъ Зулоаги. Большаго вниманія заслуживаютъ братья Субьяурре, приближающіеся отчасти къ манерѣ Котто. Они изгоняютъ даль, воздушность, реальность изъ обстановки и пейзажа и пытаются проникнуть въ психологію массъ. Какъ и Котто, братья Субьяурре пишутъ въ духѣ старой фламандской живописи, но еще болѣе устраняютъ изъ своихъ картинъ слѣды современности, какъ бы стараясь глядѣть на міръ глазами тѣхъ людей, которыхъ они изображаютъ. Они напоминаютъ Зулоагу стремленіемъ къ концентраціи идеи, подборомъ красокъ, стилизаціей въ пейзажѣ. Фламандская манера въ обработкѣ пейзажа проявляется у нихъ въ любовномъ расписываніи подробностей, особенно плодовъ. Подобно Зулоагѣ они представляютъ Испанію нетронутую современной культурой; но они показываютъ свой народъ не во тьмѣ обскурантизма, не въ лохмотьяхъ нищеты. У нихъ крестьяне сохранили вѣру отцовъ, патріархальность, которая проявляется во время вечерней молитвы и за праздничной трапезой, среди изобилія яствъ и плодовъ.

У обоихъ братьевъ до того схожая манера, что ихъ едва можно отличить. Главная ихъ слабость—въ рисункѣ. Они довольно робки и нечисты въ краскахъ. Но это отчасти возмѣщается ихъ большой любовью къ дѣлу, обдуманностью, которая видна въ каждомъ мазкѣ, неторопливостью. Ихъ сила въ композиціи массъ, и здѣсь они владѣютъ расположеніемъ фигуръ съ рѣдкимъ умѣньемъ, достойнымъ Ванъ-деръ-Гоэса.

Если Сороллья—поэтъ неба, моря и солнца Испаніи, художникъ-импровизаторъ чистой дѣйствительности и полноты жизни, если Зулоага—психологъ, сосредоточенный и незнающій смѣха, то Англада—выразитель той стороны творчества испанскаго народа, которая проявляется не въ обыденномъ, привычномъ, уравновѣшенномъ. Было много написано объ особой одаренности испанскаго народа, о его артистическомъ темпераментѣ. Но, къ сожалѣнію, разработкой этого вопроса занимались большею частью именно любители того экзотическаго элемента, о которомъ мы уже упоминали. Образовалась цѣлая литература—Проспeръ Меримэ, Теофиль Готье, Марія Корелли, Вас. Немировичъ-Данченко,—не всегда талантливая, но большею частью занятная, явившаяся результатомъ не ученія, не любви къ дѣлу, а дешеваго, фальшиваго, некультурнаго эстетизма. Въ Испаніи дѣйствительно есть чувство ритма, есть чувство красокъ; въ этомъ мы можемъ убѣдиться изъ первоисточника, изъ творчества лучшихъ испанскихъ художниковъ, а не по популя-

ризаціямъ туристовъ. Это чувство нѣсколько придавлено въ Старой Кастиліи. Но есть мѣста въ Испаніи, гдѣ его ничто не могло задушить, гдѣ оно до сихъ поръ дѣйствуетъ со стихійной силой и является лучшимъ проявленіемъ свободнаго творчества въ народѣ. Эта геніальность испанскаго народа въ области красокъ и пластики составляетъ главную цѣнность Англады.

Испанія Англады празднуетъ, пляшетъ, ищетъ сатурналій, безумнаго и изступленнаго веселья; она рядится въ пестрыя сверкающія одежды, ярче которыхъ нѣтъ нигдѣ, и этотъ блескъ и гармоническая пестрота даютъ опьяненнымъ глазамъ такую иллюзію небывалаго, воображаемаго міра, что могутъ утолить самую горячую фантазію. Англада задался цѣлью—достигнуть абсолютной яркости и блеска, и нашелъ въ себѣ силу ее исполнить. Такой силы красокъ еще никто не достигалъ: красочность Англады не имѣетъ ничего общаго съ эффектами школы Фортуни и съ интенсивностью тоновъ извѣстнѣйшихъ колористовъ. Онъ придаетъ тѣламъ фантастическую окраску, подъ которой однако сохраняется вся ихъ теплота и упругость, лишаетъ краски всякой условности и матеріальности, умножаетъ ихъ естественную яркость, придавая имъ почти фосфорическую силу и заставляя свѣтиться самоцвѣтными камнями.

Англада — прежде всего живописецъ, художникъ чистой формы, безъ примѣси сюжета, иллюстраціи, надуманности. Онъ отвергаетъ всякую матеріальность, онъ фантастъ, но съ реалистической убѣдительностью претворяетъ свой міръ. Его матеріалъ — свѣтъ и цвѣтъ, которые распредѣляются по огромному полотну легкой паутиной. Онъ пренебрегаетъ свѣтотѣнью, условнымъ рисункомъ, но у него обострено чувство формы, чувство равновѣсія частей.

Какъ у Зулоаги, такъ и у Англады надо отмѣтить необыкновенную способность заполнить громадную поверхность, однородную по силѣ, по основному тону. Эта способность дана только большимъ мастерамъ, талантамъ большой емкости. Нѣкоторыя изъ картинъ Англады у другого художника потребовали бы цѣлой жизни. Въ этомъ отношеніи онъ напоминаетъ художниковъ барокко.

Англада встрѣчаетъ у себя на родинѣ еще болѣе упорную оппозицію, чѣмъ Зулоага. Большинство публики, глядя на его картины, можетъ быть и сознаетъ, что находится въ присутствіи художника необычнаго уровня, но все же, не симпатизируя его дерзкому творчеству, рѣдко выноситъ ему оправдательный вердиктъ. Къ нему обыкновенно подходятъ воору-

женные не острымъ зрѣніемъ, а сарказмомъ и массой эстетическихъ и техническихъ мѣрокъ, большею частью предвзятыхъ.

Герменъ Англада-и-Камараса родился въ 1873 г., въ Барселонѣ, гдѣ и получилъ первоначальное художественное образованіе. Двадцати лѣтъ отъ роду онъ попалъ въ Парижъ. Тамъ онъ усердно посѣщалъ студіи художниковъ, учился, наблюдая, безъ руководства, и много работалъ самостоятельно. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ онъ впервые выставилъ свои картины въ Салонѣ, и до сихъ поръ ему еще ни разу не приходилось быть отвергнутымъ.

До недавняго времени его считали офранцузившимся испанцемъ: его творчество, казалось, было навѣяно безумными и кошмарными поэмами Бодлера. Онъ изображалъ изящныхъ и нарядныхъ посѣтительницъ ночныхъ кафе Парижа, блѣдныхъ, какъ призраки, подъ бѣлымъ свѣтомъ электрическихъ лунъ. Это былъ міръ порока и полной душевной прострацiи. Фигуры, укутанныя въ черныя мантилья, скользятъ въ полутьмѣ на фонѣ растеній увеселительнаго сада, какъ бы шурша своими шелковыми нарядами. Онѣ худы, съ лицами морфинистовъ, со впалыми щеками, заостренными подбородками и остекленѣвшими глазами, какъ бы остановившимися въ изумленіи. Въ этихъ картинахъ сразу проявилась большая сила автора, выдержанность и цѣльность настроенія; онѣ будили въ душѣ зрителя какое-то безпокойство и боязливое почтеніе къ этому падшему міру, дошедшему до края человѣческихъ страданій. Здѣсь же Англада проявилъ свое исключительное дарованіе колориста и стремленіе къ разрѣшенію сложнѣйшихъ задачъ освѣщенія. Всѣ эти качества живописца у него остались и усовершенствовались, но теперь онъ ужъ не населяетъ своихъ картинъ существами изъ прежняго міра, а вноситъ въ нихъ характеръ своей родины.

Англада не менѣе связанъ со своимъ народомъ, чѣмъ Зулоага и Сороллья; но кромѣ того на его творчествѣ лежитъ яркая печать мавританской расы. Дѣйствующихъ лицъ для своихъ картинъ онъ беретъ изъ среды отпрысковъ мавровъ—гитано окрестностей Валенсіи. Валенсія послужила когда-то послѣднимъ убѣжищемъ для мавровъ, привившихъ свое искусство въ тѣхъ мѣстахъ, и до сихъ поръ кустарныя издѣлія крестьянъ побережья Средиземнаго моря носятъ оріентальный характеръ въ раскраскѣ и орнаментикѣ. Мавританскій стиль господствуетъ у нихъ въ художественной промышленности, больше всего въ бездѣлушкахъ, одеждѣ и упряжи лошадей, которую они расшиваютъ золотомъ и шелками. Гитано сохраняютъ чистый восточный типъ: оливковый цвѣтъ лица,

миндалевидные глаза съ чуть приподнятыми внѣшними углами, семитическій профиль. Они одѣваются въ ярчайшія одежды; женщины-гитаны носятъ тяжелыя золотыя серьги съ драгоцѣнными камнями. Онѣ завиваютъ волосы и вплетаютъ въ нихъ цвѣты.

Гитано сохраняютъ много обычаевъ старины, между прочимъ и обычай свадебной пляски «танго», которая затѣвается ночью подъ открытымъ небомъ. Такое «танго» Англада увѣковѣчилъ на одномъ изъ своихъ полотенъ. Серенады и характерные танцы Англады столь же мало походятъ на привычныя изображенія подобныхъ сценъ, какъ Испанія Зулоаги— на старую оперную декорацію. Въ картинахъ Англады пляска и веселье—не отдыхъ, не разсѣяніе отъ будничныхъ дѣлъ; сильные люди собираются для разгула по требованію крови и отдаются ему со всей страстностью, на какую способны. Они въ весельи чувственны, отдаются ему, какъ вину, и не идутъ на отдыхъ прежде, чѣмъ не дойдутъ до изнеможенія. У нихъ веселье—разрушительная страсть, безъ пошлости и фиглярства, и, глядя на картины Англады, вы какъ бы присутствуете при горѣніи человѣческихъ душъ.

«Танго съ вѣнками»—одна изъ послѣднихъ картинъ Англады. На краю обрыва, надъ рѣкой, въ ясную лѣтнюю ночь собрались гитано. Пожилыя гитаны въ пестрыхъ шаляхъ усѣлись въ кругъ и съ увлеченіемъ хлопаютъ въ ладоши. Среди нихъ въ травѣ копошатся маленькія дѣти. Мужчины, расположившись группой на корточкахъ среди разбушевавшейся толпы, играютъ на гитарахъ, раскачиваясь въ тактъ всѣмъ тѣломъ и шевеля локтями и головой. По самой серединѣ нѣсколько мужчинъ подняли на руки самыхъ молодыхъ изъ женщинъ и носятъ ихъ по кругу въ бѣшеной пляскѣ. Женщины бьютъ въ кастаньеты, разбрасывая руками, ударяя себя въ бока и извиваясь, какъ бы для того, чтобы освободиться. Мужчины сжимаютъ ихъ крѣпко и, пригнувшись, производятъ дикіе прыжки; изступленіе лишило ихъ сходства съ людьми и приблизило къ фавнамъ. Толпа бѣснуется, свиститъ, оретъ, хохочетъ, издавая горломъ звуки поощренія, и вся сцена производитъ впечатлѣніе ночи на Лысой Горѣ. Эта картина отличается богатствомъ движенія, ритмичнаго не только въ каждой фигурѣ, но и во всей группѣ. Всѣ равно участвуютъ въ дикой импровизаціи— и тѣ, которые играютъ, и тѣ, которые пляшутъ, и тѣ, что подзадориваютъ танцующихъ криками и ритмичнымъ хлопаньемъ въ ладоши. Еще любопытенъ въ этой картинѣ контрастъ между уснувшей рѣкой, сливающейся въ серебристомъ свѣтѣ луны съ прозрачнымъ небомъ, и бѣшенымъ темпомъ жизни на первомъ

планѣ. Поэзія благоуханной лѣтней ночи разлита во всѣхъ картинахъ Англады; но когда весь міръ спитъ, самые ненасытные отдаются веселью.

Этотъ контрастъ является главнымъ содержаніемъ другихъ его композицій — «Праздникъ въ Валенсіи» и «Влюбленные». Въ первой изъ нихъ развернулась вполнѣ декоративная и колористическая способность Англады. Это огромное полотно, занимающее всю стѣну отъ потолка до полу, въ большей своей части заполнено пышной тройной цвѣточной аркой, залитой электрическимъ свѣтомъ; за ней вдоль аллеи тянутся вверхъ тощіе, узловатые тополя, вырисовывающіеся на фонѣ прозрачно-синяго, ночного неба. Тихая ночь и неподвижныя деревья говорятъ о полномъ покоѣ, который вдругъ нарушился пріѣздомъ кавалькады. Передъ цвѣточной аркой остановилась группа женщинъ. На нихъ вздуваются юбки, шеи и руки обнажены и на плечахъ легкія мантильи, окаймленныя тончайшимъ кружевомъ. Онѣ остановились въ свѣтѣ электрическихъ огней, озаряющихъ ихъ лица и руки голубымъ и зеленымъ свѣтомъ. Нѣкоторыя принесли съ собой фарфоровыя вазы въ синихъ арабескахъ и драгоцѣнныя блюда, полныя плодовъ. Онѣ пріѣхали на маленькихъ, сильныхъ лошадкахъ андалузской породы, мускулистыхъ, великолѣпно сложенныхъ, съ блестящей шерстью. На лошадяхъ роскошная упряжь и попоны, соперничающія въ яркости съ цвѣтами, которыми усѣяно все кругомъ.

Благодаря искусственному освѣщенію, направленному изъ нѣсколькихъ пунктовъ, на этой картинѣ нѣтъ ни собственныхъ, ни падающихъ тѣней. Есть одни только разноцвѣтные рефлексы, затрудняющіе задачу художника. Тѣмъ не менѣе рельефъ получается совершенный, и композиція фигуръ отличается устойчивостью, ритмичностью и равновѣсіемъ. Отбросивъ обычные пріемы свѣтотѣни, Англада ничуть не пренебрегъ формой, которая отличается у него рѣдкой осязательностью, логикой, архитектурностью. Онъ достигаетъ рельефа градаціями тоновъ, соотношенія частей и координація въ движеніи у него выражаются воображаемой линіей, которая рождается отъ взаимодѣйствія цвѣтныхъ плоскостей. Въ техникѣ красокъ онъ также держится индивидуальныхъ пріемовъ. Однородные по тону плоскости и рефлексы онъ обводитъ ясной границей, въ предѣлахъ которой пальцами распредѣляетъ краску. При большихъ плоскостяхъ онъ прямо разливаетъ ее по полотну, выжимая изъ тубетки, обычно же онъ кладетъ ее толстымъ слоемъ и работаетъ шпателемъ, укрѣпляя краску уступъ за уступомъ. Англада часто прибѣгаетъ къ искус-

ственному освѣщенію; его за это много порицаютъ, но, какъ бы то ни было, онъ справляется со своей задачей съ величайшей легкостью. У Англады есть цѣлый рядъ картинъ такого же типа, какъ «Праздникъ въ Валенсіи», представляющихъ вполнѣ законченные, большихъ размѣровъ этюды къ этой картинѣ. Громадный интересъ представляютъ его фигуры мужчинъ и женщинъ, писанные при искусственномъ свѣтѣ. «Гитана между двухъ источниковъ свѣта»—шедевръ по легкости, виртуозности исполненія, по красотѣ тоновъ и по симпатичности общаго выраженія. Къ такимъ же образцамъ слѣдуетъ отнести и рядъ фигуръ, писанныхъ при воображаемомъ ровномъ свѣтѣ, въ которомъ совершенно исчезаютъ контрасты. Таковъ, напримѣръ, «Молодой идолъ»—юный торреадоръ съ женственнымъ лицомъ и томными глазами. Онъ выступаетъ съ поразительной отчетливостью и это достигается исключительно гармоническимъ распредѣленіемъ тоновъ, создающимъ иллюзію единства освѣщенія, при которомъ только и возможенъ рельефъ.

Самая сильная его картина по содержательности и экспрессіи «Влюбленные». На ней съ потрясающимъ реализмомъ психологіи изображается дикая пѣсня влюбленныхъ, молодыхъ и старыхъ, отдающихся своему неутолимому чувству какъ какой-то болѣзни, разъѣдающей ихъ сильныя тѣла. Картина представляетъ шесть человѣкъ, устраивающихъ серенаду. Одинъ изъ нихъ, молодой, отдѣлился отъ компаніи и прислонился къ стѣнѣ дома, упираясь въ землю вытянутыми впередъ ногами. Въ изступленіи онъ закинулъ голову назадъ, устремивъ безсмысленный взглядъ на небо; изъ его полуоткрытыхъ устъ вылетаютъ какіе-то горловые звуки, худая, жилистая рука дергаетъ струны гитары. Пятеро остальныхъ въ широкополыхъ фетровыхъ сомбреро, въ черныхъ плащахъ, спускающихся до земли, сбиты въ странную кучу, въ которой скрещиваются ноги, руки, грифы гитаръ. Они кривляются, какъ пьяные, сгибаются до земли, склоняются ухомъ къ инструментамъ. Одинъ—юноша—съ безнадежной грустью смотритъ впередъ, другой—сѣдой и сгорбленный, со страшной гримасой на лицѣ; третій, съ пьянымъ лицомъ сатира, подпрыгиваетъ на мѣстѣ, притопывая въ тактъ музыкѣ; у остальныхъ безсмысленная улыбка замираетъ на устахъ. Всѣ они аррагонцы, и вышли въ лунную ночь спѣть хоту своимъ невѣстамъ. Они собираются группой и совершаютъ ночной обходъ по залитымъ луннымъ свѣтомъ улицамъ спящаго города. Отъ времени до времени одинъ изъ нихъ отдѣляется и поетъ подъ

окномъ своей невѣсты, остальные ему аккомпанируютъ. Если двѣ такія компаніи сталкиваются подъ однимъ окномъ, онѣ обмѣниваются пѣсней вызова. Тогда гитары летятъ къ чорту и пускаются въ ходъ ножи и пистолеты.

Рисунки Англады, этюды нагого тѣла, очень поучительны въ связи съ ходячимъ въ публикѣ мнѣніемъ, что Англада пренебрегаетъ рисункомъ и формой. Эти рисунки показываютъ, что Англада прошелъ самую строгую школу, овладѣлъ рисункомъ въ совершенствѣ, проникъ въ его тайны и цѣнитъ его. По деликатности средствъ, по тонкости и гибкости линій, его рисунки въ настоящее время почти не имѣютъ равныхъ, и съ ними можно было бы сравнить только рисунки Сѣрова. Они сдѣланы углемъ просто и вдумчиво, безъ лишнихъ подробностей и вульгарныхъ подчеркиваній, и даютъ лишь самое цѣнное—красоту поверхности тѣла, всю его жизнь и дыханіе, неотдѣлимыя отъ жизни лица.

Было бы преждевременнымъ говорить о размѣрахъ вліянія творчества Англады на современную живопись. Въ Испаніи среди мало-мальски замѣтныхъ художниковъ у него послѣдователей нѣтъ. Но нѣкоторыя черты, спорадически проявляющіяся въ испанскомъ искусствѣ и въ тѣхъ произведеніяхъ иностранныхъ художниковъ, которыя навѣяны Испаніей, показываютъ, что манера Англады, его трактовка и его психика органически связаны съ нашимъ временемъ. Современный художникъ все меньше и меньше мирится съ подчиненностью въ искусствѣ, онъ стремится къ полной свободѣ, къ самодовлѣющей формѣ, лишенной всякой тенденціи и литературности, и не желаетъ служить интерпретаторомъ. Онъ связанъ съ жизнью множествомъ нитей, онъ не только не открещивается отъ нея, но старается взять отъ нея какъ можно больше, не въ примѣръ многимъ изъ старыхъ «служителей искусства», которые предпочитали плѣсень студіи живымъ цвѣтамъ. Но, живя общею жизнью, онъ не хочетъ знать иного языка, кромѣ языка цвѣтовъ. Аналогическое движеніе уже нѣсколько лѣтъ замѣчается въ музыкѣ: то же стремленіе къ автономіи музыкальной формы. Дебюсси въ «Иберіи», Ревель въ «Испанской рапсодіи» напрашиваются на сравненіе съ Англадой. Это такая же реакція противъ вампуковской Испаніи добраго стараго, къ счастью умирающаго времени, какъ у Англады. Это эссенція звуковъ, гармоній, ритма и красокъ Испаніи.

Прошлое имѣетъ въ испанскомъ искусствѣ довольно печальный закатъ. Эпигоны исторической школы частью почіютъ на лаврахъ, частью же сами дискредитируютъ себя, выставляя на судъ публики продукты своихъ дряхлѣющихъ рукъ и ослабѣвшаго зрѣнія. Изъ болѣе молодыхъ, въ свое время прослывшихъ чуть ли не символистами, еще работаютъ Сантьяго Руссиньоль и Энрико Серра. Руссиньоль пріобрѣлъ извѣстность пейзажами, въ которыхъ онъ воспроизводилъ старыя, запущенныя виллы, забытые парки съ полуразрушенными лѣстницами, балюстрадами, обломками статуй, обвитыми плющемъ, высохшими бассейнами фонтановъ, наполненными мусоромъ и сухими листьями, словомъ—всѣмъ тѣмъ, что напоминаетъ объ умершемъ великолѣпіи и о «чудныхъ дняхъ Аранжуеса». Онъ даетъ нѣкоторое настроеніе грустныхъ закатовъ и медленнаго умиранія, но все это не выше запоздалой романтики нѣмецкихъ новеллъ восьмидесятыхъ годовъ. Его печальныя дамы на фонѣ темныхъ кипарисовъ сентиментальны до тошноты и очень плохо нарисованы. Вообще его средства имѣютъ очень мало преимуществъ передъ средней олеографіей. Извѣстность Руссиньоля можно объяснить нѣкоторою прочувствованностью и обдуманностью его картинъ. Совершенно другого рода популярность Энрико Серры и его послѣдователя Лабрады. Спросъ на нихъ только и можно объяснить ихъ дилетантизмомъ и отсутствіемъ культуры. Они зализаны, робки, вульгарны, какъ бы созданы для семейныхъ журналовъ, и въ нихъ нѣтъ и слѣда высокихъ традицій испанской школы.

Эммануилъ Хусидъ.

СУДЬБЫ БАЛКАНЪ.

I.

Мы живемъ въ тревожное время, и эта тревога ощущается за предѣлами нашего отечества въ еще большей степени, чѣмъ у насъ. Въ Австріи, гдѣ мобилизація давно совершилась, ждутъ съ часу на часъ наступленія враждебныхъ дѣйствій. Иностранные корреспонденты обоего пола ищутъ точнаго освѣдомленія о настроеніи народныхъ массъ въ Россіи и, повидимому, приходятъ въ изумленіе отъ того, что съ внѣшней стороны все спокойно. Въ Венгріи офицеры и солдаты становятся уже предметомъ уличныхъ демонстрацій: семьи прощаются съ новобранцами, не всегда увѣренныя въ томъ, что увидятъ ихъ снова. Самыя фантастическія представленія распространяются газетами въ Австріи о трудно сдерживаемомъ порывѣ народныхъ массъ въ Россіи, якобы требующихъ войны во что бы то ни стало. Говорятъ также о коварствѣ руководящихъ круговъ, состоящемъ въ томъ, что, выдвигая впередъ интересы Сербіи—ея понятное влеченіе къ морю и отпуску своихъ товаровъ изъ свободной гавани,—они на самомъ дѣлѣ имѣютъ въ виду созданіе для нашей имперіи порта на Адріатикѣ.

Мнѣ пришлось на этотъ счетъ бесѣдовать съ заѣзжими политиками и журналистами. Два-три дня пребыванія ихъ въ нашей средѣ оказывали на нихъ отрезвляющее дѣйствіе. Они начинали постепенно проникаться мыслью, что наши симпатіи къ сербамъ вызываются не заинтересованностью, не матеріальными выгодами, якобы преслѣдуемыми нами на отдаленныхъ моряхъ, а вѣковой заботливостью о судьбѣ единовѣрныхъ и единокров-

ныхъ съ нами славянъ. Мнѣ пришлось на дняхъ быть истолкователемъ дѣйствительныхъ чувствъ нашихъ передовыхъ круговъ по отношенію къ Сербіи. Я напомнилъ моему собесѣднику о томъ, что еще ранѣе восшествія на престолъ дома Романовыхъ мы уже интересовались зачинавшейся или вѣрнѣе никогда не прекращавшейся борьбой славянскихъ народностей на Балканахъ съ покорившей ихъ имперіей Османлисовъ. Я указывалъ моему собесѣднику на то, что при Иванѣ III, со времени заключенія его брака съ греческой княжной изъ царственнаго рода Палеологовъ, уже сложилось въ Россіи распространяемое церковными писателями и книжниками пророчество о «третьемъ Римѣ», въ которомъ руководящая роль приписывалась нашимъ царямъ, въ качествѣ обладателей Константинополя и возстановителей православія на протяженіи всего Балканскаго полуострова. Это ходячее предсказаніе достигло до слуха того католическаго монаха, который, послѣ неудачной попытки образовать республику въ Абруццахъ и осуществить въ ней коммунистическій идеалъ, имъ же начертанный въ знаменитой утопіи: «Солнечный градъ», попалъ въ тюрьмы инквизиціи въ Римѣ и оттуда, желая склонить на свою сторону испанскаго монарха, послалъ ему готовый трактатъ о путяхъ и средствахъ къ осуществленію всемірнаго господства. Я разумѣю Кампанеллу. Въ его политическомъ сочиненіи, озаглавленномъ: «Испанская монархія», есть глава, гласящая, что противникомъ упроченія господства на Балканахъ и, въ частности, въ Константинополѣ «католическихъ королей» являются не одни турки, но и москали, будто бы затѣвающіе овладѣніе Царьградомъ въ виду сказанія, смыслъ котораго тотъ, что съ женитьбой на Софьѣ Палеологъ Иванъ III-й и его преемники пріобрѣли права на Царьградъ. Этотъ трактатъ Кампанеллы, въ настоящее время несравненно болѣе забытый, чѣмъ его «Солнечный градъ», раздѣляющій съ «Утопіей» Моруса извѣстность предвозвѣстниковъ современныхъ коммунистическихъ доктринъ, въ XVII-мъ столѣтіи пользовался необыкновенно широкимъ распространеніемъ. Онъ содѣйствовалъ сложенію и на Западѣ того воззрѣнія, что русскій царь, а позднѣе императоръ, стоитъ въ числѣ ближайшихъ враговъ турокъ, такъ какъ имѣетъ виды на Царьградъ и на объединеніе подъ своей державой всѣхъ православныхъ народовъ, угнетаемыхъ турками. Въ XVIII-мъ вѣкѣ это представленіе приняло опредѣленную форму въ мнимомъ политическомъ завѣщаніи Петра Великаго, текстъ котораго включенъ былъ въ мнимые также мемуары того французскаго авантюриста, кото-

рый извѣстенъ былъ подъ именемъ шевалье д'Эона. Мемуары говорятъ о его секретной миссіи къ Елизаветѣ Петровнѣ, изъ дворца которой якобы и было похищено знаменитое завѣщаніе. Въ текстѣ его значилось, что великій реформаторъ Россіи завѣщалъ своимъ потомкамъ направить всю иностранную политику созданной имъ имперіи на завоеваніе Константинополя, чѣмъ и будетъ осуществлено пророчество о «Третьемъ Римѣ», отличномъ отъ предшествующихъ тѣмъ, что онъ будетъ вѣчнымъ; четвертому Риму, гласило сказаніе, не бывать.

Вотъ какими путями сложилось въ Европѣ представленіе о томъ, что наша политика и ранѣе Петра, и послѣ него направлена всецѣло къ овладѣнію Константинополемъ. И въ позднѣйшую эпоху, когда открывались для насъ новыя возможности къ расширенію русской державы, умы людей Запада всегда озабочены были одной и той же мыслью — близки ли къ осуществленію давнишніе виды нашихъ правителей на Царьградъ. Такъ въ 1807-мъ году, въ годъ встрѣчи Александра I съ Наполеономъ въ Тильзитѣ, общественная молва приписывала обоимъ императорамъ разговоры и о ближайшей судьбѣ Царьграда. Впослѣдствіи одной изъ причинъ недовольства русскаго императора на французскаго признавали нежеланіе послѣдняго выдать ему съ головою турка и позволить ему устроиться на вѣчныя времена на Босфорѣ.

Такія легенды не легко искоренить. Въ теченіе всей первой половины XIX-го столѣтія попытки Россіи къ установленію прочнаго мира на Балканахъ освобожденіемъ угнетенныхъ турками народностей, участіе въ освобожденіи грековъ, румынъ, сербовъ отъ мусульманскаго ига, постоянно истолковываемы были на Западѣ въ смыслѣ все большаго и большаго приближенія русскихъ монарховъ къ давно намѣченной цѣли—къ возстановленію въ свою пользу Византійскаго царства.

Я полагаю, что у средняго европейца есть представленіе, и весьма опредѣленное, что Крымская война одна помѣшала осуществленію честолюбивыхъ намѣреній Николая I сдѣлаться преемникомъ Константина и возстановить надъ Святой Софіей знаменіе креста, взамѣнъ полумѣсяца.

Нужно ли доказывать, что и въ наши дни такое представленіе широко распространено не на однихъ Балканахъ, но также въ Австріи, Германіи, Италіи, Франціи и Англіи. Подъ этимъ впечатлѣніемъ англичане въ эпоху освободительной войны 1877-го года раздѣлились на двѣ неравныя половины, при чемъ большинство, руководимое Дизраэли, было на сторонѣ ту-

рокъ, сходясь въ этомъ съ австрійцами и съ нѣмцами. Условія, выработанныя въ Санъ-Стефано, съ большими урѣзками прошли на Берлинскомъ конгрессѣ, все подъ вліяніемъ того же представленія, что успѣхъ Балканскихъ славянъ, всякое дальнѣйшее расширеніе ихъ территоріи является вмѣстѣ съ тѣмъ успѣхомъ для Россіи и приближаетъ ее къ Константинополю. Мудрено ли, если и въ наши дни за всѣми требованіями, вызванными побѣдоноснымъ шествіемъ славянскихъ дружинъ на Балканахъ, европейцу рисуется тайное руководительство Россіи? Рѣшается ли вопросъ о Салоникахъ, или о портѣ для сербовъ на Адріатикѣ, или о свободномъ проходѣ русскихъ судовъ чрезъ Босфоръ и Дарданеллы,—во всемъ этомъ видятъ вліяніе изъ-за кулисъ верховнаго вождя русскаго народа. Этимъ представленіемъ и объясняется, почему съ самаго начала на Западѣ было опасеніе, что возникшая война четырехъ союзниковъ съ Турціей неминуемо поведетъ къ вмѣшательству Россіи въ судьбы Балканъ, а, слѣдовательно, и къ столкновенію ея съ тѣми державами, для которыхъ эти судьбы не безразличны, прежде всего—съ Австріей, давно якобы намѣтившей Салоники или Солунь ближайшей цѣлью своей политики. А такъ какъ путь въ Солунь идетъ на Сербію, то воображенію не однихъ европейскихъ кабинетовъ, но и читающей газеты европейской публики, рисовалось неизбѣжное столкновеніе Дунайской имперіи съ Бѣлградомъ, насильственное включеніе славянскаго королевства въ державу Габсбурговъ, уже поглотившую родныхъ братьевъ сербовъ не только въ Кроаціи, Славоніи и Далмаціи, но также въ Босніи и Герцоговинѣ. Если бы все это было такъ, то мы, разумѣется, уже не толковали бы о возможности войны, такъ какъ она сосредоточила бы на себѣ все наше вниманіе. Столкновеніе нѣмецко-славянской имперіи съ славяно-русской сдѣлалось бы вопросомъ дня. Но Салоники заняты греками и болгарами, Сербія не только не завоевана, но сама завоевываетъ области, въ далекія времена входившія въ составъ царства Душана, и споръ идетъ, повидимому, только о томъ, лишить ли Албанію нѣсколькихъ десятковъ километровъ на ея сѣверномъ побережьи. Трудно думать, чтобы изъ-за этого могли быть пролиты потоки крови, чтобы интересы двухъ великихъ имперій, одинаково озабоченныхъ сохраненіемъ мира и матеріальнымъ благосостояніемъ тѣхъ почти двухсотъ милліоновъ жителей, которыхъ можетъ обезпокоить будущая война, были поставлены на карту изъ-за вопроса о томъ, лишится ли Албанія Дураццо въ пользу Сербіи или Сербія не ради Албаніи, а ради ни на чемъ

не основанныхъ опасеній Австріи, отрѣзана будетъ отъ моря и не получитъ иного сбыта для своихъ продуктовъ, какъ чрезъ предѣлы Габсбургской имперіи—предѣлы, часто ей закрываемые подъ предлогомъ появившихся будто бы эпизотій и небезвредности вывозимаго изъ нея свиного мяса. За послѣднія двѣ-три недѣли нѣтъ, однако, вопроса болѣе безпокоющаго кабинеты Европы, какъ только что указанный. Корреспондентъ важнѣйшаго венгерскаго журнала, успокоенный въ Берлинѣ Кидерленомъ-Вехтеромъ насчетъ невозможности столкновенія тройственнаго союза съ державами тройственнаго согласія, послѣ пребыванія въ Россіи въ теченіе немногихъ дней и посѣщенія посольствъ, выноситъ обратное впечатлѣніе—или, точнѣе, въ одинъ и тотъ же день переходитъ отъ пессимизма къ оптимизму и наоборотъ, не имѣя въ то же время возможности добиться доступа къ дѣйствительнымъ руководителямъ русской политики и, можетъ быть, получить отъ нихъ матеріалъ для успокоенія умовъ. Наши руководящіе круги все еще не умѣютъ оцѣнивать великаго значенія прессы и боятся ея нескромности, не сознавая, какую великую роль она можетъ сыграть въ подавленіи того искусственнаго возбужденія, какое вызываетъ неизвѣстность за судьбу будущаго дня.

Въ кризисѣ, наступившемъ скорѣе въ сознаніи народовъ Европы, нежели въ ихъ матеріальныхъ интересахъ, не все, однако, вызвано частью естественнымъ, частью искусственнымъ возбужденіемъ, какое породили не вполнѣ ожиданные успѣхи балканскихъ союзниковъ противъ Турціи, а также взаимное недовѣріе государствъ, прямо или косвенно заинтересованныхъ въ рѣшеніи восточнаго вопроса. Постараемся освободиться отъ всякой предвзятости и посмотрѣть на факты дѣйствительности въ ихъ настоящемъ свѣтѣ. Поищемъ въ прошломъ разгадки для будущаго, отвѣчая на вопросъ о томъ, каковы должны быть ближайшія судьбы Балканъ.

Сто лѣтъ назадъ, въ декабрѣ 1812 г., Александру I пришлось рѣшать вопросъ о томъ, продолжать ли ему войну съ Наполеономъ или, освободивъ свою родину отъ нашествія «двунадесяти языкъ», посвятить себя всецѣло дѣлу внутренней реформы. Побѣдоносный вождь русской арміи, Кутузовъ, былъ противъ продолженія похода, но государь рѣшилъ иначе. Въ недавно вышедшемъ сочиненіи великаго князя Николая Михаиловича мы читаемъ на стр. 133-й: «Съ этого момента началось вполнѣ ненужное для русскихъ интересовъ освобожденіе Германіи отъ ига Наполеона». Въ 1848 г., употребляя ту же терминологію, мы можемъ сказать,

что преемникъ Александра, Николай Павловичъ, началъ вполнѣ ненужную для русскихъ интересовъ войну съ венгерцами, ради подавленія возстанія мадьяръ противъ Габсбургской Австріи и съ цѣлью воспрепятствовать ихъ стремленію къ независимости. Россія и ранѣе XIX-го вѣка вела войны въ интересахъ иностранныхъ державъ, въ томъ числѣ Австріи, что, какъ и болѣе недавняя поддержка ею Габсбургскаго дома, не помѣшало выступленію Придунайской имперіи въ числѣ державъ, устроившихъ коалицію противъ насъ во время крымской кампаніи.

Россія вступала и вступаетъ въ союзы съ иностранными государствами въ интересахъ сохраненія мира въ Европѣ. Но можетъ ли она сказать съ увѣренностью, что въ этой Европѣ у нея имѣются неизмѣнные друзья и всегдашніе союзники? Императоръ Александръ III, почти наканунѣ заключенія имъ союза съ Франціей, заявилъ, что на всемъ протяженіи Европы одинъ только черногорскій князь вполнѣ преданъ интересамъ великой Русской державы. Едва ли встрѣтитъ сомнѣніе другое однохарактерное утвержденіе, что народы Балканскаго полуострова, въ настоящее время побѣдоносно ведущіе борьбу съ Турціей, изъ всѣхъ народовъ Европы представляютъ нашихъ наиболѣе естественныхъ союзниковъ. Единство крови, близость языка, единство вѣры и вѣковая защита ихъ нами породили ту связь, при которой отпадаетъ возможность всякихъ сомнѣній на счетъ общности интересовъ и симпатій въ близкомъ и отдаленномъ будущемъ.

Въ частности, наша связь съ Сербіей создана двухвѣковою заботливостью о ея судьбахъ. Заимствую изъ извѣстнаго сочиненія Н. Овсянаго: «Сербія и сербы» слѣдующій сжатый очеркъ нашихъ отдаленныхъ сношеній съ этой страной. «Еще посланникъ Бориса Годунова говорилъ въ 1599-го году императору Рудольфу, что царь хочетъ самъ, своею персоной, идти на турецкаго султана, овладѣвшаго многими христіанскими народами, въ томъ числѣ болгарами, сербами, босняками». При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ извѣстный Юрій Крижаничъ явился передъ царскимъ дворомъ ходатаемъ за угнетенныхъ славянъ балканскаго полуострова. Въ 1673-мъ году ставился вопросъ о томъ, не выступитъ ли Россія въ союзѣ съ Польшей на защиту христіанскихъ народовъ, живущихъ по нижнему теченію Дуная. Вице-канцлеръ польскій говорилъ московскому резиденту Тяпкину: «волохи, сербы, болгары, молдаване, какъ скоро заслышатъ, что царскія войска соединились съ польскими, сейчасъ же пристанутъ къ нимъ, особенно къ людямъ царскаго величества».

Петръ Великій вошелъ въ прямыя сношенія съ турецкими

славянами; его вліяніе сказывалось также въ Черногоріи и въ Дубровникѣ (въ Рагузѣ), да и у всѣхъ южныхъ славянъ имя его было чрезвычайно популярно. Онъ не только помогалъ балканскому славянству деньгами, но по его приказанію переводились на русскій языкъ книги о славянствѣ. Изъ Россіи пріѣхали въ Бѣлградъ и первые учителя въ школу, открытую въ 1723-мъ году митрополитомъ Моисеемъ. Удачныя войны, которыя вела съ турками Екатерина II, способствовали возвеличенію русскаго имени на Балканскомъ полуостровѣ. Въ Россію стали ѣздить во второй половинѣ XVIII-го вѣка молодые сербы для усовершенствованія въ наукахъ; въ нее же направились въ 1755—63 гг. массовыя переселенія сербскаго народа; въ Новороссіи стали осѣдать Штеричи, Шевичи и другіе возведенные въ дворянство южно-русскіе роды.

Наканунѣ войны 1812-го года, заключая, въ виду необходимости освободить нашу южную армію для дѣйствій противъ Наполеона, Бухарестскій миръ съ Турціей, русскій главнокомандующій Кутузовъ настаивалъ на автономіи Сербіи, которая и была признана турками. Бухарестскій миръ составилъ основу для развитія сербской государственности. Такимъ образомъ, болѣе чѣмъ за полвѣка до того, когда Россія выступила освободительницей Болгаріи, ей пришлось исполнять ту же миссію по отношенію къ Сербіи.

Такія услуги не забываются. Онѣ устанавливаютъ на рядъ десятилѣтій и, несмотря на географическую отторженность югославянскихъ странъ, въ частности Сербіи, отъ Россіи, ту нравственную связь, безъ которой едва ли можно расчитывать на прочность союза, вызваннаго однимъ политическимъ расчетомъ. Такъ какъ, разумѣется, ни у Греціи, ни у одного изъ южно-славянскихъ государствъ на Балканахъ не существуетъ ни малѣйшихъ опасеній на счетъ того, чтобы обновленная Россія преслѣдовала какіе-либо фантастическіе панславистскіе замыслы, и такъ какъ у балканскихъ народностей нѣтъ интересовъ, рѣзко расходящихся съ преслѣдуемыми нами задачами, то не можетъ возникнуть и мысли о томъ, чтобы упроченіе ихъ автономіи на Балканахъ могло создать какія-либо осложненія, неблагопріятныя для нашей политики въ Европѣ.

Я рѣшительно не могу объяснить себѣ, почему въ нѣкоторыхъ органахъ нашей печати, напримѣръ въ нумерѣ 241-мъ отъ 26-го октября «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», высказываются такіе прогнозы: «послѣ заключенія мира между воюющими народностями на Балканскомъ полуостровѣ... произойдетъ сильное

охлажденіе между Россіей и балканскими народностями, въ силу неблагодарности славянъ и грековъ къ Россіи, которая теперь такъ поддерживаетъ ихъ морально въ войнѣ съ турками». Приславшій мнѣ эту выдержку пріятель, имя котораго я скрою, прибавляетъ отъ себя карандашемъ: «Зачѣмъ же муссировать славянофильство? Чѣмъ слабѣе наши сосѣди, тѣмъ Россіи болѣе выгодно?» Отсюда то заключеніе, что намъ выгоднѣе сохранять на Балканахъ владычество Турціи, слабость которой теперь внѣ сомнѣнія, нежели содѣйствовать упроченію союза возставшихъ противъ ея ига народовъ.

Мнѣ кажется, что проводить такую мысль возможно только при полномъ игнорированіи всей исторіи нашей политики на Ближнемъ Востокѣ за послѣднія 200 лѣтъ, да еще при добровольномъ самообманѣ на счетъ благожелательныхъ чувствъ турокъ къ Россіи. Мнѣ пришлось, живя въ Парижѣ, встрѣчаться со многими дѣятелями освободительнаго движенія въ Турціи еще за нѣсколько лѣтъ до переворота. И эти встрѣчи не оставили во мнѣ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что если не къ русскому народу, то къ русской политикѣ на Балканахъ, турки относятся съ совершенно понятнымъ недовѣріемъ и озлобленіемъ. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, думать, чтобы для кого-либо составляли тайну наши вѣковыя симпатіи къ родственнымъ намъ или только объединеннымъ съ нами вѣрою балканскимъ народностямъ. Турція, поэтому, всегда искала и ищетъ союзниковъ противъ Россіи, и когда смѣняются въ блистательной Портѣ великіе визири, то рѣчь идетъ, самое большее, объ упроченіи то англійскаго, то австро-германскаго вліянія.

Съ другой стороны, расчетъ на то, чтобы вопросъ о свободѣ проливовъ былъ рѣшенъ Турціей исключительно въ нашихъ интересахъ, — едва ли имѣетъ прочное основаніе. Въ сентябрѣ 1912 г. я участвовалъ на междупарламентскомъ съѣздѣ членовъ національныхъ группъ мира. Въ числѣ вопросовъ, поставленныхъ на очередь, былъ вопросъ о свободѣ проливовъ, соединяющихъ два океана. Вопросъ этотъ былъ уже не новъ, такъ какъ онъ возникъ еще на съѣздѣ въ Брюсселѣ, на которомъ участвовалъ зять султана. Онъ просилъ слова для выясненія того, какіе именно проливы имѣются въ виду, и настаивалъ на внесеніи въ протоколъ разъясненій, данныхъ ему предсѣдательствовавшимъ, извѣстнымъ бельгійскимъ дѣятелемъ, недавно умершимъ Бернардомъ. Разъясненія эти состояли въ томъ, что ни Дарданеллы, ни Босфоръ, не подходятъ подъ понятіе междуокеаническихъ проливовъ. На послѣднемъ съѣздѣ, въ Женевѣ,

постановка вопроса значительно измѣнилась. Рѣшено повести рѣчь о свободѣ проливовъ, соединяющихъ не одни океаны, но и моря. Членъ турецкаго парламента Бастіани-бей объявилъ, что если собраніе намѣрено заняться вопросомъ о свободномъ проходѣ торговыхъ и военныхъ судовъ черезъ Босфоръ и Дарданеллы, то турецкая делегація принуждена будетъ не принимать участія въ работахъ междупарламентскаго конгресса мира. Изъ дальнѣйшихъ преній выяснилось, что, за исключеніемъ русскаго делегата, всѣ остальные стоятъ за свободный проходъ военныхъ судовъ черезъ проливы.

Если бы нужно было составить себѣ приблизительное понятіе о томъ, чего можетъ ждать Россія отъ вмѣшательства въ этотъ вопросъ европейскихъ державъ, то по одному сказанному легко предвидѣть, что это вмѣшательство будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ увеличеніе на многіе милліоны, а то и на милліардъ, нашихъ издержекъ на черноморскій военный флотъ. Такъ какъ свободный проходъ нашихъ судовъ есть самый жизненный для насъ вопросъ на Ближнемъ Востокѣ, то для насъ не можетъ быть безразличнымъ, кто сдѣлается хозяиномъ на Балканахъ. Мы не можемъ поэтому не привѣтствовать въ нашихъ собственныхъ интересахъ зарожденія прочнаго союза между балканскими народами, успѣшно выдержавшими борьбу съ Турціей.

Подписанное Балканскими союзниками перемиріе, за которымъ, будемъ надѣяться, послѣдуетъ переходъ къ болѣе созидательной дѣятельности, чѣмъ та, въ какой прошли послѣдніе мѣсяцы, ставитъ на очередь вопросъ о ближайшей судьбѣ Балканъ. «Прошлое подготовило настоящее, настоящее чревато будущимъ», говорилъ еще Паскаль; поэтому спросимъ себя, что на основаніи прошлаго и настоящаго можно предсказать для будущаго Балканъ? Прошлое учитъ насъ тому, что сосѣднія съ Сербіей, Болгаріей, и Черногоріей государства, въ частности— Австрія и Румынія, никогда не теряли изъ виду пользы вмѣшательства во внутреннія дѣла славянъ, съ цѣлью обезпечить себѣ не только торговыя, но и политическія преимущества; прошлое говоритъ намъ о томъ, что соперничество между Греціей и славянскими державами на Балканахъ, такъ ясно сказывающееся въ настоящую минуту по вопросу о Салоникахъ, возникло не со вчерашняго дня, что Македонія издавна служила яблокомъ раздора между всѣми государствами Балканъ, что на сѣверную часть ея высказывали притязаніе сербы, на южную, съ Салониками и Монастыремъ во главѣ—греки, на ту,

которая заселена куцо-валахами—румыны, и что болгарамъ, составляющимъ значительнѣйшую часть населенія, давно приходится считаться со всѣми этими препятствіями къ окончательному упроченію въ Македоніи своего вліянія. Не надо также забывать, что лежащая къ югу отъ Черногоріи, Старой Сербіи и Новобазарскаго санджака Албанія, недовольная турецкими порядками, еще менѣе готова была мириться съ упроченіемъ по сосѣдству владычества христіанскихъ народовъ, что ея антагонизмомъ противъ славянъ не прочь воспользоваться не только Австрія, но и Италія, что на острова Эгейскаго моря предъявляла и предъявляетъ претензіи не одна Греція, что нѣкоторые изъ Іоническихъ острововъ лежатъ слишкомъ близко къ итальянскимъ владѣніямъ, чтобы римскій кабинетъ не озаботился ихъ судьбою, что Англія имѣетъ виды на Родосъ, а Россія не можетъ помириться съ тѣмъ, чтобы Босфоръ и Дарданеллы были открыты свободному проходу не только торговаго, но и военнаго флота всѣхъ государствъ въ мірѣ.

Всѣ эти осложненія, благодаря наличности которыхъ только и существуетъ «восточный вопросъ» для Европы, мѣшали и мѣшаютъ проведенію въ жизнь простой формулы: «Балканы для Балканъ». Если раскрыть ее, то получилось бы, что Сербія не нуждается въ присоединеніи части албанскаго побережья, что Черногорія не должна быть стѣснена въ правѣ держать военныя суда, что Болгарія въ правѣ имѣть такой же выходъ къ Эгейскому морю, какъ и Греція, что Румынія въ собственныхъ интересахъ столько же, сколько въ интересахъ мира на Балканахъ, не можетъ не войти въ составъ вновь возникающей уніи, что выходъ изъ нея Греціи былъ бы одинаково пагубенъ и для всего Балканскаго союза, и для государства, дорожащаго своимъ сепаратизмомъ, что автономію Албаніи слѣдуетъ поставить подъ охрану возникающаго Балканскаго союза, а не Австріи и Италіи, какъ черезчуръ заинтересованныхъ въ томъ, чтобы на Адріатическомъ морѣ не имѣлось серьезныхъ конкурентовъ ихъ торговому и военному флоту, что нѣтъ ближайшаго основанія препятствовать давно пробудившемуся стремленію греческаго населенія на Критѣ, Самосѣ и многихъ другихъ островахъ Эгейскаго моря послѣдовать примѣру Іоническаго архипелага и слить свою судьбу съ судьбою единокровныхъ имъ братій на материкѣ.

Я останавливаюсь передъ Чаталджинскими высотами въ томъ самомъ мѣстѣ, въ какомъ прегражденъ былъ турками дальнѣйшій напоръ союзниковъ, и не поднимаю вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ Турція, удержавшая въ своихъ рукахъ Констан-

тинополь, а по ту сторону проливовъ—Малую Азію, Анатолію, Арменію, Мессопотамію, Аравію, Сирію, Палестину, имѣетъ основаніе настаивать на включеніи ея въ федерацію христіанскихъ народностей на Балканахъ. Не должна ли она войти лишь своими европейскими владѣніями въ возникающую унію, подобно тому, какъ въ эпоху существованія Священной Римской Имперіи и, позднѣе, Германскаго союза не всѣ владѣнія Габсбургскаго дома считались частями федераціи? Я оставляю также безъ дальнѣйшаго освѣщенія вопросъ о проливахъ. Онъ не можетъ быть рѣшенъ безъ ближайшаго участія Россіи, для которой появленіе военныхъ судовъ европейскихъ, американскихъ и азіатскихъ державъ въ Черномъ морѣ было бы равнозначительно необходимости затратить милліарды на усиленіе своего южнаго флота. Даже въ начертанныхъ мною границахъ, вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ Балканъ не теряетъ своей сложности и требуетъ детальнаго изученія.

Приступимъ къ нему съ точки зрѣнія интересовъ отдѣльныхъ державъ, ведшихъ войну съ Турціей и заключившихъ для этого предварительное соглашеніе между собой. Это соглашеніе, какъ мнѣ сообщали, въ значительной мѣрѣ было подготовлено съѣздами политическихъ дѣятелей отдѣльныхъ юго-славянскихъ странъ въ Прагѣ и въ особенности въ Софіи. Споры, казавшіеся недопускающими мирнаго рѣшенія, сведены были къ примѣрному обозначенію районовъ ближайшаго вліянія Болгаріи, Сербіи, Черногоріи и Греціи. Македонія поступила въ раздѣлъ между союзниками и, повидимому, обѣщаны были нѣкоторыя компенсаціи той изъ Балканскихъ державъ, которая не приняла участія въ войнѣ, но могла бы сдѣлаться крайне опасной для ея успѣшности въ томъ случаѣ, если бы австрійской политикѣ удалось отвлечь ее отъ благожелательнаго по отношенію къ сосѣдямъ нейтралитета. Я имѣю въ виду Румынію, съ ея притязаніями на Силистрію, составляющую часть Болгаріи, о чемъ до начала войны ей пришлось вступать въ переговоры съ своей сосѣдкой. По слухамъ, царь Фердинандъ обнаружилъ значительную уступчивость при заключеніи перемирія съ Турціей отъ имени всѣхъ славянскихъ державъ на Балканахъ отчасти въ виду возможности серьезныхъ осложненій въ томъ случаѣ, если бы Румынія мобилизировала свою армію, грозя напасть на его владѣнія съ тылу при отказѣ болгаръ исполнить якобы выговоренныя напередъ условія. Болгарія имѣетъ за собой Румынію, какъ Сербія съ Черногоріей —Австрію на сѣверѣ и Албанію на югѣ. Чего хочетъ Австрія?

Разумѣется, прежде всего отказа отъ политики незаинтересованности, хотя ея министръ иностранныхъ дѣлъ Берхтольдъ, повидимому, не прочь былъ поддерживать предложеніе, сдѣланное на этотъ счетъ Пуанкарэ. Незаинтересованность для Австріи тѣмъ труднѣе, что это означало бы для нея разрывъ съ политикой, какой она придерживается болѣе полувѣка, задолго до заключенія берлинскаго договора и еще съ большей энергіей съ этого времени, въ особенности съ момента захвата ею сербскихъ по населенію провинцій, Босніи и Герцоговины. Политика эта состояла въ томъ, чтобы поставить Сербію и Черногорію въ тѣсную экономическую зависимость отъ себя и тѣмъ упрочить непосредственное вліяніе и на ихъ политику. Проф. Погодинъ въ статьѣ: «О славянскихъ государствахъ на Балканскомъ полуостровѣ», въ статьѣ, написанной имъ для выходящаго подъ моей редакціей сборника: «Исторія нашего времени», слѣдующимъ образомъ характеризуетъ отношеніе Австріи къ Черногоріи и Сербіи: «Австрія, которая провела на Берлинскомъ конгрессѣ увеличеніе территоріи Черногорскаго княжества болѣе, чѣмъ вдвое, и допустила его до Скутарійскаго озера—съ одной стороны и до Адріатики—съ другой, озаботилась и тѣмъ, чтобы княжество не выходило изъ-подъ ея вліянія. По одному изъ пунктовъ Берлинскаго трактата, Черногорія не могла имѣть ни военныхъ судовъ, ни военнаго флота. Портъ Антивари и всѣ вообще воды Черногоріи остались закрытыми для военныхъ судовъ всѣхъ націй. Полицейскій надзоръ, морской и санитарный, какъ въ Антивари, такъ и вдоль всего Черногорскаго побережья, производился Австріей посредствомъ легкихъ сторожевыхъ судовъ. Черногорія должна была ввести у себя дѣйствующія въ Далмаціи морскія узаконенія». Только благодаря такому соглашенію Австрія и остается на восточномъ берегу Адріатическаго моря единственной державой, обладающей самостоятельнымъ морскимъ флотомъ. Такъ какъ на противоположномъ берегу лежитъ Италія, также имѣющая свой флотъ, то обѣ одинаково, повидимому, заинтересованы въ томъ, чтобы на Балканахъ не возникло новой морской державы; отсюда—готовность обѣихъ поддерживать самостоятельность Албаніи на счетъ Сербіи и отказывать въ отдѣленіи сѣверной ея части въ пользу Сербіи, что одно позволило бы ей имѣть выходъ къ морю.

Сотрудникъ «Новаго Времени», въ корреспонденціи, помѣщенной имъ 21 ноября и озаглавленной: «Противъ креста за полумѣсяцъ», пишетъ слѣдующее: «И въ Сербіи, и въ Болгаріи руководящіе въ настоящее время дѣятели, называть ко-

торыхъ здѣсь было бы излишне, говорятъ мнѣ: причиной быстраго упроченія нашего единенія и ускоренія нашихъ крайнихъ рѣшеній былъ выдвинутый событіями нынѣшняго лѣта вопросъ о великой Албаніи и ея автономіи. Собравшіяся сначала въ Приштинѣ, захватившія затѣмъ Скопье и угрожавшія Солуни албанскія полчища обнаружили полную неспособность Турціи отстаивать свои права противъ албанскаго движенія къ автономіи, руководимой изъ-за границы. Вопросъ албанской автономіи, притомъ въ предѣлахъ не только чисто албанскихъ, но со включеніемъ всей Старой Сербіи и сѣверо-западной Македоніи, становился вопросомъ ближайшаго будущаго. Приштина на самой Сербской границѣ, Скопье и линія рѣки Вардара, по которой наступали на югъ албанскія скопища, были не спроста избраны ареной дѣйствій, но для того, чтобы конкретнымъ образомъ отмѣтить будущія границы Великой Албаніи. Близившаяся къ осуществленію идея обнимала собою всю сферу такъ называемыхъ интересовъ Австро-Венгріи, отъ Адріатики до восточныхъ окраинъ Македоніи; осуществленіе ея упраздняло не только Старую Сербію, т. е. послѣднюю надежду сербовъ, но и Македонію, главную надежду болгаръ. Вотъ почему идея албанской автономіи должна была стать смертельнымъ ударомъ не только для будущаго Сербіи, но и для будущаго Болгаріи, и въ значительной мѣрѣ для будущаго Греціи. На мѣстѣ разлагающагося господства Турціи на всемъ балканскомъ западѣ имѣло возникнуть новое, жизнеспособное и грозное для малыхъ сосѣдей господство того же полумѣсяца въ твердыхъ, жесткихъ рукахъ албанцевъ, опирающихся на внѣшнюю поддержку дружественной имъ великой покровительницы».

Пока Сербія не будетъ имѣть своего порта—а этотъ портъ возможенъ только подъ условіемъ уступки ей части береговой линіи, входящей въ составъ сѣверной Албаніи,—до тѣхъ поръ Австрія сохранитъ свое экономическое преобладаніе въ западной части Балканъ и продолжится тѣсная зависимость Бѣлграда отъ Вѣны. Она всецѣло обусловлена тѣмъ, что Сербія не имѣетъ другого выхода для ея товаровъ, какъ черезъ Австрію. «Австро-Венгрія,—пишетъ г. Погодинъ,—стремилась убить всякую промышленную иниціативу Сербіи и удержать ее на примитивномъ уровнѣ экономическаго развитія. Она истощала Сербію, предъявляя запросъ исключительно на ея скотъ и, въ частности, на свиней. А послѣдствіемъ было то, что, тогда какъ въ 1866-мъ году пара воловъ имѣлась изъ ста семействъ у 60-ти, въ 1900-мъ году ее можно было найти только у 32-хъ изъ 100, а въ 1905-мъ году—всего у 27-ми». Опытъ послѣднихъ лѣтъ доказалъ, что, Сербія можетъ, до нѣкото-

рой степени, обойтись и безъ австрійскихъ закупокъ ея сырья. Съ концомъ 1905-го года истекалъ срокъ заключеннаго въ 1893-мъ году сербско-австрійскаго договора. Вмѣсто возобновленія его, Сербія получила отъ Австріи 10 февраля 1906 г. своего рода временное положеніе, такъ какъ Сербія отказывалась подчиняться требованію Австріи—не заключать торговыхъ договоровъ съ другими державами и, между прочимъ, съ Болгаріей. Это временное положеніе, или такъ называемый modus vivendi, оставило за Сербіей право ввозить въ Австрію живой скотъ каждый разъ только съ особаго разрѣшенія, даваемаго въ Вѣнѣ и Будапештѣ. При этомъ таможенныя пошлины были значительно повышены въ сравненіи съ прежними.

Изъ всего сказаннаго легко, какъ мнѣ кажется, вывести заключеніе, что въ своемъ вывозѣ Сербія стѣснена отсутствіемъ самостоятельнаго торговаго порта и стоитъ въ этомъ отношеніи въ зависимости отъ Австріи и Болгаріи. Эта зависимость отъ первой изъ названныхъ державъ не можетъ болѣе поддерживаться съ той строгостью, какъ прежде, разъ Сербіей найденъ выходъ изъ нея соглашеніемъ съ Болгаріей. Поэтому, понятно, что Австрія за послѣднее время обнаруживаетъ нѣкоторую уступчивость по вопросу—дать сербамъ выходъ къ морю, но только безъ права имѣть на Адріатикѣ укрѣпленный портъ. По свѣдѣніямъ, пришедшимъ изъ Лондона съ конференціи пословъ, Австрія перестаетъ противиться проведенію Сербіей желѣзной дороги къ Адріатикѣ, но въ самостоятельномъ торговомъ портѣ въ завоеванной ими области сербамъ отказано. А между тѣмъ мѣстное населеніе повидимому мирилось съ своей участью. Двигаясь по направленію къ Алессіо, сербская армія овладѣла 15 ноября Тирано безъ всякаго сопротивленія. У входа въ Дураццо эскадронъ сербской кавалеріи привѣтствуемъ былъ делегаціей отъ населенія, предложившей сдать городъ. Сербская кавалерія вошла въ Дураццо, и ей оказанъ былъ восторженный пріемъ. Все это, очевидно, не вяжется съ распространяемымъ слухомъ, что албанцы заинтересованы въ томъ, чтобы Сербія не имѣла доступа къ морю. Не согласно съ этимъ и слѣдующее оффиціальное сообщеніе изъ Ускюба: «послѣ занятія Крои, Тирано и Драча,—т. е. Дураццо—сербскія войска въ теченіе послѣдней недѣли не встрѣчаютъ сопротивленія. Албанскія католическія племена довольны сербами и считаютъ ихъ освободителями. Они не собираются посылать делегатовъ къ Измаилъ-Кемалю и, видимо, не озабочены присоединеніемъ ихъ къ Великой Албаніи».

Мы разсмотрѣли одинъ и, можно сказать, наиболѣе жгучій

изъ спорныхъ вопросовъ, какіе вызываетъ собою современное устройство Балканъ. Наше заключеніе то, что онъ не принадлежитъ къ числу не допускающихъ соглашенія. Судьба славянской федераціи не поставлена на карту отъ того, что Сербія получитъ доступъ къ морю лишь на извѣстныхъ условіяхъ. Наша дипломатія исполнила бы свой долгъ, доказывая, что сохраненіе за Албаніей суверенитета надъ поступающей къ Сербіи торговой гаванью можетъ сдѣлаться въ будущемъ только источникомъ треній и новаго нарушенія мира на Балканахъ. Но было бы, разумѣется, безуміемъ создавать изъ этого casus belli для двухъ сосѣднихъ имперій.

Разсмотримъ теперь другой вопросъ, повидимому являющійся яблокомъ раздора между Болгаріей и Греціей—вопросъ о томъ, на какихъ условіяхъ долженъ воспослѣдовать раздѣлъ Македоніи между союзниками. Этническій составъ населенія Македоніи крайне разнообразенъ, неустойчивъ и неопредѣленъ. Черезъ Македонію искони проходило множество племенъ, а въ эпоху турецкаго владычества въ ней селили выходцевъ изъ другихъ отоманскихъ провинцій. Есть въ Македоніи мѣста, о которыхъ можно сказать: здѣсь живутъ болгары и сербы; но въ большинствѣ случаевъ населеніе говоритъ на нарѣчіи переходномъ отъ сербскаго языка къ болгарскому или, точнѣе, болѣе близкомъ то къ сербскому, то къ болгарскому. Рядомъ съ славянами Македонія издревле заселена была также греками, все болѣе и болѣе оттѣсняемыми на югъ и встрѣчающимися здѣсь съ куцо-валахами, долгое время выдававшими себя за грековъ и служившими проводниками греческой культуры. Только въ послѣднее время они открыто выступаютъ союзниками румынъ и ихъ торговыми агентами. Но кромѣ этихъ народностей въ Македоніи можно встрѣтить еще не мало другихъ. Число турокъ въ 1910-мъ году достигало здѣсь полумилліона человѣкъ, албанцевъ одновременно насчитывали 125.000, евреевъ—68.000. Все это не мѣшало и не мѣшаетъ тому, что большинство населенія составляютъ славяне: изъ двухъ милліоновъ двухсотъ сорока восьми тысячъ ихъ насчитываютъ милліонъ сто восемьдесятъ тысячъ; остающійся милліонъ шестьдесятъ восемь тысячъ распредѣляется такимъ образомъ, что полмилліона приходится на турокъ, 225.000 на грековъ, столько же христіанъ, сколько магометанъ, 125.000, какъ уже сказано, на албанцевъ разныхъ вѣроисповѣданій, 77.000 на румынъ, 68.000 на евреевъ. Населеніе не остается въ неизмѣнномъ составѣ. Изъ Македоніи выселилось не мало народу: съ апрѣля

по декабрь 1907 г. число эмигрантовъ возросло до 47.000, тогда какъ въ 1906 г. ихъ было всего 13.500. Эмигранты эти идутъ въ Болгарію, Сербію и Черногорію, образуя ранѣе неизвѣстный здѣсь элементъ пролетаріевъ. «Въ Европѣ,—пишетъ въ «Revue des Deux Mondes» обычный обозрѣватель балканскихъ вопросовъ, Рене Пинонъ,—не даютъ себѣ вѣрнаго отчета въ томъ, какое замѣшательство вносятъ выходцы изъ Македоніи въ установившійся въ Болгаріи образъ жизни. Не пуская корней въ странѣ, они не въ состояніи войти въ нормальный кадръ общества, составленнаго по преимуществу изъ мелкихъ собственниковъ. Они образуютъ на поверхности націи подобіе умственнаго пролетаріата, ожесточеніе котораго испытанными преслѣдованіями легко обращало ихъ въ благодарную почву для пропаганды идей анархизма. Чѣмъ для болгаръ были македонцы, тѣмъ для сербовъ—въ меньшихъ, конечно, размѣрахъ—выходцы изъ Старой Сербіи, а для черногорцевъ—бѣглые албанцы, въ частности—малиссоры». Всѣ они играли роль «бродила», побуждая правительство не терять изъ виду ближайшаго возстановленія правильныхъ условій жизни въ своемъ непосредственномъ сосѣдствѣ, не изъ одного чувства состраданія къ угнетаемымъ, но и въ интересахъ собственной безопасности. Преслѣдуя цѣли политическаго характера, Турція, въ свою очередь, озабочена была мыслью объ увеличеніи числа мусульманскихъ колонистовъ въ Македоніи и селила въ ней, поэтому, магометанъ, эмигрировавшихъ изъ Босніи послѣ присоединенія ея къ Австріи. Цѣлью правительства было возможное отуреченіе Македоніи. О томъ, какой пестрый составъ представляетъ собою населеніе нынѣ окончательно отвоеванной у турокъ области, можно судить по тѣмъ даннымъ, какія въ 1900-мъ году сообщилъ французскимъ читателямъ извѣстный знатокъ Ближняго Востока Викторъ Бераръ. «Когда греки и болгары требуютъ для себя всей Македоніи—говоритъ онъ,—они одинаково забываютъ, что страна на самомъ дѣлѣ никому не принадлежитъ. Вѣдь по своему протяженію она не менѣе шестой части Франціи и способна прокормить въ десять разъ большее населеніе, чѣмъ теперь. Македонія будетъ принадлежать тѣмъ, кто ее колонизируетъ. Нѣтъ недостатка въ претендентахъ на эту роль. Самое положеніе страны таково, что она всегда была мѣстомъ встрѣчи всевозможныхъ человѣческихъ расъ. Долина Вардара, продолженная протекающей по Сербіи Моравой, была той дорогой, по которой съ долинъ Сѣвера Европы населеніе двигалось къ Архипелагу». Со временъ Александра Македонскаго завоеватели одинъ за другимъ наводняли страну иными этническими элементами, чѣмъ перво-

начальный эллинскій. Македонцевъ остается нынѣ сколько-нибудь плотный слой только на берегу моря, въ окрестностяхъ Сереса, Салоникъ, Воджа, на Халкедонскомъ полуостровѣ, да еще въ горномъ районѣ Олимпа и Пинда. Вся внутренняя часть страны сдѣлалась добычею славянъ. Спрашивается, сербовъ или болгаръ? Этотъ вопросъ рѣшается разно въ Бѣлградѣ и Софіи. Нашествіе турокъ сопровождалось занятіемъ ими по преимуществу старыхъ военныхъ путей, ведущихъ отъ Архипелага къ Дунаю и Адріатикѣ: Ускюбъ и Купрула, по теченію Вардара въ такой же мѣрѣ заняты были турецкими колонистами и гарнизонами, какъ Велія—по дорогѣ въ Эпиръ, Островъ и Монастырь—по дорогѣ въ Албанію. Переходъ въ магометанство коснулся сперва однихъ высшихъ слоевъ населенія, которые увидѣли въ немъ средство сохранить свои помѣстья; мелкій людъ, какъ греческаго, такъ и славянскаго происхожденія, остался вѣренъ религіи предковъ. Болѣе или менѣе насильственная пропаганда ислама произведена была впослѣдствіи не столько турецкимъ правительствомъ, сколько феодальными собственниками—албанскими беями, которые предписывали подвергнуть обрѣзанію жителей цѣлыхъ округовъ. Такія явленія были особенно часты въ сосѣднихъ съ Албаніей областяхъ. Со времени возникновенія Сербскаго и Болгарскаго государства албанцы устроились по преимуществу въ сѣверной Македоніи, въ Коссовской долинѣ, окровавленной знаменитою битвой, въ которой сербы потеряли свою независимость. Другими инородцами, явившимися заселять Македонію, надо считать изгнанныхъ изъ Испаніи евреевъ. Они высадились въ Салоникахъ, образовали въ ней прочное поселеніе и оттуда распространились по всѣмъ городамъ и торгамъ Македоніи. Нѣтъ города сколько-нибудь значительнаго, въ которомъ не было бы еврейскаго квартала; особенно многолюдны поселенія евреевъ въ Монастырѣ и къ югу отъ него. Евреи въ Македоніи досёлѣ говорятъ между собою по испански и занимаются не одной торговлей, но также огородничествомъ, особенно въ окрестностяхъ большихъ городовъ юга. Мирнымъ завоеваніемъ надо назвать также поселеніе въ высокихъ долинахъ Пинда, между Эпиромъ и Ѳессаліей, романской расы—куцо-валаховъ. Это—остатки населенія того славяно-валахскаго королевства, которое въ одиннадцатомъ вѣкѣ существовало въ Македоніи, въ окрестностяхъ Презбы, подъ властью вождей валаховъ, пришедшихъ съ Дуная. Сперва византійское, потомъ турецкое завоеваніе оттолкнуло ихъ въ горы, къ Пинду и Олимпу. Они сдѣлались народомъ пастушескимъ по преимуществу. Греки стали даже обозначать

пастуховъ терминомъ «влахи». Со своими стадами эти валахи спускались въ долины Адріатики, а также въ сторону Архипелага и Коринѳскаго залива. Монастырь, расположенный на пересѣченіи дорогъ, идущихъ къ Дураццо или Драчу—съ одной стороны, въ Ускюбъ и въ Сераево—съ другой, т. е. по направленію къ Австріи, сдѣлался съ самаго начала XIX-го вѣка однимъ изъ центровъ обмѣна на Балканахъ, благодаря своей ярмаркѣ. Валахи поспѣшили устроиться въ немъ, какъ и на всемъ протяженіи ведущихъ къ нему торговыхъ путей, въ особенности тамъ, гдѣ оканчиваются эти дороги—столько же въ Дураццо, сколько и въ Бѣлградѣ. Валахи не прочь были выдавать себя за грековъ—и только за послѣднее время въ нихъ сказывается теченіе, благопріятное интересамъ Румыніи.

Къ этнографической пестротѣ присоединяется въ Македоніи еще пестрота религіозная. До 1860-го года она была менѣе замѣтна, такъ какъ въ странѣ жили только мусульмане и православные. Съ этого времени начинается съ одной стороны католическая пропаганда, исходящая отъ лазаристовъ или католиковъ-армянъ, поселенныхъ въ Монастырѣ и нашедшихъ благодарную среду въ ея куцо-валахскомъ населеніи, а съ другой—въ образованіи особаго болгарскаго экзархата, создавшаго какъ бы расколъ въ православной церкви Востока, дотолѣ объединенной Константинопольскимъ патріархомъ. Русская политика одно время поддерживала интересы болгарской церкви, но послѣ разрыва съ Болгаріей, вызваннаго торжествомъ Стамбулова въ 1886-мъ году, перешла, повидимому, рѣшительно на сторону православнаго единства и власти Константинопольскаго патріарха, доселѣ признаваемаго Сербіей. Несогласія и тренія, постоянно происходившія по вопросу о присвоеніи тѣхъ или другихъ храмовъ и состоящихъ при нихъ и ими содержимыхъ школъ болгарской ли церкви, или греческому патріархату, наконецъ, соперничество обоихъ съ поддерживаемой турками католической пропагандой,—все это вмѣстѣ взятое вносило еще бо́льшую рознь въ среду населенія, чѣмъ тѣ, такъ сказать, этнографическіе счеты, въ силу которыхъ греки признавали Македонію своей, тогда какъ болгары оспаривали преобладаніе въ ней одинаково и грековъ, и сербовъ.

И тѣмъ не менѣе всѣ эти раздоры, вопреки общимъ ожиданіямъ, не помѣшали балканскимъ союзникамъ до начала военныхъ дѣйствій условиться между собою на счетъ ближайшихъ судебъ Македоніи. Спрошенные сотрудниками «Новаго Времени», болгарскій и сербскій посланники сочли возможнымъ сообщить слѣдующее:

«между нами и греками,—сказалъ болгарскій посланникъ Бобчевъ,—былъ заключенъ только военный договоръ; подробности же разграниченія мы оставили до окончанія кампаніи; мы руководились убѣжденіемъ, что греки послѣ войны признаютъ за нами то, что еще до войны было признано покойнымъ вселенскимъ патріархомъ Іоакимомъ III нашему экзарху въ Царьградѣ, блаженному Іосифу. Мы были увѣрены, что за болгарами въ Македоніи признаютъ то, что признали послы великихъ державъ еще въ 1876 г. во время дипломатическихъ конференцій въ Константинополѣ. Границы санъ-стефанской Болгаріи на югѣ играли въ нашихъ соображеніяхъ естественную роль, такъ какъ эти границы были признаны Турціей и Румыніей въ Санъ-Стефано и за нихъ ратовала въ 1877-мъ году Россія, наша освободительница. Теперь мы вдругъ слышимъ, что греки не довольствуются цѣлымъ Эпиромъ, цѣлой Ѳессаліей и Халкедонскимъ полуостровомъ, а выставляютъ притязанія даже на Битолію (Монастырь), освобожденную славянскими войсками. Мы настаиваемъ на томъ, чтобы при дѣлежѣ были приняты въ разсчетъ и площадь пріобрѣтеннаго греками о. Крита и другихъ острововъ архипелага; они же не желаютъ считать это пріобрѣтеніемъ войны и притязаютъ на двѣ трети Македоніи. Но мы, болгары, питаемъ твердую увѣренность, что Балканскій союзъ выйдетъ изъ этихъ пререканій еще болѣе окрѣпшимъ. Тогда можно будетъ подумать о настоящей балканской политической федераціи державъ. Нашъ идеалъ заключается въ единеніи всѣхъ единовѣрныхъ державъ Востока, въ томъ, чтобы отъ Петербурга до Аѳинъ царило по всѣмъ политическимъ вопросамъ полное единомысліе... Что касается восточныхъ границъ нашихъ съ Турціей, то сейчасъ идетъ борьба за территорію отъ линіи Мидія (на Черномъ морѣ), Эносъ, устье Марицы въ Бѣломъ (Эгейскомъ) морѣ, и по линію Мидія—Саросскій заливъ. Адріанополь во что бы то ни стало долженъ достаться болгарамъ. Греки уступаютъ намъ выходъ въ Эгейское море у Дедеагача, но мы настаиваемъ и на Кавалѣ, которую греческій патріархъ призналъ за нами. Вопросъ о Солуни составляетъ тоже одинъ изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ; но и онъ будетъ рѣшенъ къ обоюдному удовольствію и во славу всего славяно-эллинскаго міра». Съ неменьшей опредѣленностью сербскій посланникъ г. Поповичъ высказался по вопросу о разграниченіи сербовъ съ болгарами, черногорцами и греками. «Скутари—сказалъ онъ,—будетъ предоставленъ Черногоріи, а Новый Базаръ будетъ раздѣленъ между ею и нами—сербами. Съ греками у насъ, слава Богу, никакихъ счетовъ нѣтъ».

На основаніи всего сказаннаго можно, кажется, не вдаваясь въ оптимизмъ, предвидѣть сохраненіе возникшаго до войны союза и послѣ ея счастливаго завершенія. Греція, правда, не подписала еще перемирія, заключеннаго съ турками Фердинандомъ Болгарскимъ отъ имени союзниковъ и не назначила поэтому и своихъ уполномоченныхъ для веденія въ Лондонѣ переговоровъ о мирѣ. Блокада ею не однихъ турецкихъ береговъ, но и албанскихъ, продолжается, и ея канонерки обстрѣливаютъ албанскій городъ Валлону, вызывая протестъ возникшаго въ Албаніи временнаго правительства. Но трудно думать, чтобы греки въ состояніи были долгое время продолжать одни непосильную борьбу. Ни болгарскій, ни сербскій посолъ не считаютъ безнадежнымъ ихъ присоединеніе къ политикѣ царя Фердинанда. Трудно также думать, что соглашеніе Греціи съ Болгаріей и Сербіей будетъ только временнымъ.

Сторонники мира могутъ привѣтствовать въ лицѣ болгарскаго царя человѣка, поспѣшившаго положить конецъ кровопролитію, какъ только была достигнута ближайшая цѣль: возможность установленія на Балканскомъ полуостровѣ условій, обезпечивающихъ на долгіе годы порядокъ и спокойствіе. Но спрашивается, что въ бóльшей степени можетъ содѣйствовать этому исходу—созданіе ли на Балканахъ новыхъ государствъ изъ Македоніи и Албаніи, или раздѣлъ первой между болгарами, сербами и греками и сохраненіе послѣдней за турками? Мнѣ кажется, что сказанное выше о пестромъ этнографическомъ и религіозномъ составѣ Македоніи устраняетъ мысль о необходимости образовать изъ нея самостоятельное княжество: слишкомъ ужъ много въ ней центробѣжныхъ силъ, и нѣтъ на лицо тѣхъ четырехъ условій, при которыхъ совершенно естественнымъ является возникновеніе новаго народнаго государства: я разумѣю единство языка, единство вѣры, общность историческаго прошлаго, единство интересовъ настоящаго. Но, скажутъ мнѣ, Македонія когда-то была объединена подъ властью Филиппа и Александра Великаго. Разумѣется, но когда это было и сколько различныхъ судебъ пережила эта страна съ того времени? Вѣдь само греческое населеніе далеко не является въ ней преобладающимъ и концентрировано на югѣ. Бóльшая же часть страны заселена, какъ мы видѣли, болгарами и сербами, которые съумѣютъ согласиться между собой на счетъ мирнаго раздѣла завоеванныхъ областей.

Остается вопросъ о судьбѣ Салоникъ съ ихъ многочисленнымъ еврейскимъ населеніемъ, съ наличностью въ нихъ представителей всѣхъ народностей, населяющихъ Балканы, да и не одни Балканы,

съ ихъ выдающимся значеніемъ для міровой торговли и спорностью титуловъ, предъявляемыхъ греками на ихъ военное занятіе ранѣе болгаръ. Уже ходитъ слухъ о томъ, что для прекращенія дальнѣйшихъ препирательствъ изъ-за обладанія этимъ портомъ полезно будетъ объявить его свободнымъ, удовлетворяя тѣмъ запросамъ и сосѣднихъ къ Балканамъ странъ, въ частности Австріи, а также морскихъ державъ Европы и Америки.

Несравненно сложнѣе представляется намъ албанскій вопросъ. Провозглашенная Измаиломъ - Кемалемъ независимость Албаніи, разумѣется, носитъ пока характеръ односторонняго и платоническаго заявленія. Ни для кого, однако, не является тайной, что за кулисами въ данномъ вопросѣ стоятъ и Австрія, и Италія, уже поднимающіе протесты противъ дѣйствій сербовъ на сѣверѣ и грековъ на югѣ. Занятіе войсками короля Петра береговой линіи отъ Санъ-Джовани ди Медуа до Дураццо или Драча включительно, вызвало мобилизацію австрійской арміи, а обстрѣливаніе греческими канонерками Валлоны не прошло безъ открытаго выраженія недовольства столько же римскимъ, сколько и вѣнскимъ дворами. Дѣло въ томъ, что Валлона лежитъ противъ Бриндизи и притомъ въ той части Адріатики, въ которой оба ея берега сближаются на разстояніе всего 20-ти съ небольшимъ километровъ (Отрантскій проливъ). Если бы Валлона перешла въ руки грековъ, то она могла бы сдѣлаться въ большей или меньшей степени новымъ Гибралтаромъ. По извѣстіямъ газетъ, сдѣланныя греческому правительству представленія Италіи и Австріи, въ связи съ протестомъ временнаго правительства Албаніи, будутъ имѣть то послѣдствіе, что канонерки прекратятъ свое разрушительное дѣйствіе. Но этимъ, разумѣется, еще не рѣшается албанскій вопросъ. Албанцы дрались на сторонѣ турокъ; отобранныя у нихъ земли и гавани могутъ считаться завоеванными на законномъ основаніи, если только въ XX-мъ вѣкѣ безъ опроса жителей возможна аннексія занятой войсками площади. Говорятъ, что въ сѣверной части Албаніи, населеніе, въ значительной степени состоящее изъ католиковъ-малиссоровъ, не заявляетъ протеста противъ перехода подъ власть славянскаго начальства, поддерживавшаго его еще недавно во время открытаго мятежа противъ турокъ и обѣщающаго ему теперь религіозную свободу и гражданское равноправіе. Въ томъ случаѣ, если бы Австрія въ концѣ концовъ помирилась съ переходомъ части Сѣверной Албаніи къ сербамъ и черногорцамъ (о Джовани ди Медуа говорятъ уже, какъ о будущей черногорской гавани)—то остался бы еще вопросъ о томъ, что дѣлать съ остальной Албаніей: оставить ли ее за турками, или образовать изъ нея самостоятельное

княжество. Противъ послѣдняго рѣшенія раздаются голоса славянскихъ союзниковъ. Слабая Албанія легко сдѣлалась бы орудіемъ проведенія на Балканахъ австрійской и итальянской политики, тлѣющимъ очагомъ, способнымъ въ извѣстныхъ условіяхъ охватить пожаромъ граничащія съ ней страны. Но спрашивается, исчезла ли бы эта опасность въ томъ случаѣ, если бы Албанія осталась всегда готовой къ возстанію турецкой провинціей? И нѣтъ ли основанія думать, что панисламизмъ овладѣлъ бы ею еще въ бо́льшей степени, чѣмъ въ случаѣ выдѣленія ея въ самостоятельное княжество подъ властью мѣстной или иноземной династіи? Недостатка въ претендентахъ на занятіе ея престола не предвидится: кромѣ Измаила-Кемаля готовъ выступить съ притязаніями и румынскій князь Гика, и потомокъ Бонапартовъ, и членъ той датской династіи, которая не отказываетъ въ кандидатахъ на занятіе пустующихъ престоловъ отъ береговъ Сѣвернаго океана до Эгейскаго моря. Газеты, сообщаютъ, что султанъ, въ свою очередь, готовъ поступиться однимъ изъ своихъ родственниковъ, лишь бы осчастливить албанцевъ, такъ долго остававшихся опорой турокъ въ ихъ европейскихъ владѣніяхъ. Судьба Албаніи послужила недавно предметомъ полемики между бѣлградскимъ профессоромъ Бѣличемъ и Павломъ Николаевичемъ Милюковымъ. Нуженъ ли, спрашиваетъ послѣдній, сербамъ раздѣлъ Албаніи? Мѣшаетъ-ли автономная Албанія осуществленію жизненныхъ задачъ сербскаго королевства? «Если бы турки создали свою автономную Албанію,— говоритъ П. Н. Милюковъ,—то она глубоко врѣзалась бы въ живое тѣло другихъ балканскихъ народностей. Я вполнѣ понимаю, что одна возможность созданія такой Албаніи могла ускорить принятіе рѣшительныхъ дѣйствій противъ Турціи». Хорошій знатокъ Македонскаго вопроса, какимъ является Милюковъ, очевидно, имѣетъ въ виду тѣ заявленія, какія сдѣланы были государственными дѣятелями славянскихъ государствъ насчетъ ближайшихъ причинъ, побудившихъ послѣднія взяться за оружіе. Ждали рѣшенія вопроса о такъ называемой великой Албаніи, къ которой не прочь были присоединить и Старую Сербію съ Новобазарскимъ санджакомъ. Сербія, уже и безъ того обойденная при рѣшеніи вопроса о судьбѣ Босніи и Герцоговины, въ такомъ случаѣ потеряла бы надежду объединить подъ своею властью хотя бы часть народовъ, подчинявшихся нѣкогда королю Душану. Нельзя было медлить, если не мириться съ мыслью быть рано или поздно поглощеннымъ Австріей и, въ лучшемъ случаѣ, подпасть подъ ея столько же экономическій, сколько и политическій протекторатъ. Часъ насталъ для рѣшительныхъ

дѣйствій и для соглашенія заинтересованныхъ сторонъ на счетъ судебъ одинаково Старой Сербіи и санджака—съ одной стороны, Македоніи—съ другой. Милюковъ считаетъ, что послѣ успѣшной войны перспектива созданія Великой Албаніи навсегда похоронена; но отъ этого—говоритъ онъ, до полнаго отрицанія этнографическаго, національнаго и политическаго единства албанцевъ—разстояніе весьма великое (см. «Рѣчь» отъ 24 ноября, № 323).

Мы не станемъ, разумѣется, входить въ обсужденіе вопроса, въ какихъ границахъ должна быть создана автономная Албанія, и только отмѣтимъ тотъ фактъ, что правительства сосѣднихъ съ нею славянскихъ государствъ «скорѣе готовы оставить ее въ рукахъ Турціи». «Албанія—заявилъ интервьюеру изъ «Новаго Времени» сербскій посланникъ Р. И. Поповичъ,—за послѣднее столѣтіе была страною вѣчныхъ безпорядковъ и разбоевъ. Балканскіе союзники выставляли требованіе на счетъ передачи имъ Албаніи въ совмѣстное владѣніе. Но имъ со стороны западно-европейскихъ державъ было заявлено: «это ужъ слишкомъ». Поэтому мы предпочитаемъ турецкій суверенитетъ надъ Албаніей укорененію въ ней Австро-Венгріи и Италіи, что при нынѣшнихъ условіяхъ было бы неизбѣжно и могло бы сдѣлаться источникомъ постоянныхъ треній» («Новое Время» отъ 23 ноября, № 13184).

Часто указываютъ на то, что Албанія до нѣкоторой степени способна играть на Балканахъ ту же роль, какую играли на Кавказѣ горцы, т. е. будетъ для балканскихъ народовъ препятствіемъ къ мирному устройству ихъ быта. Родовые порядки и кровная месть до сихъ поръ еще не отошли у албанцевъ въ область прошедшаго. Ихъ обычное право, съ которымъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ знакомилъ европейскихъ читателей извѣстный ревнитель сравнительной юриспруденціи Рудольфъ Дарестъ, проникнуто тѣми же началами скорѣе племенной, чѣмъ народной солидарности, какая отличаетъ собою осетинъ, черкесовъ, чеченцевъ и многочисленные народцы Дагестана—этой «горы языковъ». Водворить въ ней прочныя основы государственности будетъ не легко, а ввести ее въ составъ возникающаго балканскаго союза сразу представляется даже неосуществимымъ. Говорить о томъ, что, создавая автономную Албанію, Европа возстановила бы въ силѣ историческое право, потому уже не приходится, что государственное существованіе Албаніи не извѣстно за послѣдніе четыре вѣка. Приходится подняться до временъ Кастріота Скандербега, чтобы найти нѣчто подобное вассальному

княжеству, успѣшно враждующему съ суверенитетомъ Турціи. Съ тѣхъ поръ Албанія вернулась въ прежнее состояніе племенной и родовой разрозненности и самосуда, осуществляемаго кровными организаціями. Если не говорить о сѣверной ея половинѣ, о малиссорахъ-католикахъ, то въ остальной ея части господствующее населеніе—магометанское, а значительное меньшинство представляютъ православные. Страна нуждается несомнѣнно въ прекращеніи внутреннихъ усобицъ, въ религіозной терпимости, въ нелицепріятномъ правосудіи. Тѣ порядки, которые всего болѣе обезпечатъ ей эти блага, и должны считаться наилучшими. Необходимо ли для этого созданіе самостоятельнаго албанскаго государства—рѣшить трудно. Оно во всякомъ случаѣ лишено будетъ національнаго единства, такъ какъ Албанію заселяютъ племена, предки которыхъ хотя и восходятъ въ глубь вѣковъ и причисляются къ древнѣйшимъ насельникамъ Европы, но разнствуютъ между собою по языкамъ и нарѣчіямъ, а также по вѣроисповѣданію. Стоянъ Марковичъ, обсуждающій въ нѣмецкомъ изданіи «Документовъ Прогресса» современную постановку албанскаго вопроса, справедливо говоритъ: «населяющія Албанію племена, вѣчно враждующія между собою, сохранили доселѣ свою разрозненность. Каждое племя было само по себѣ государствомъ; ни въ чемъ пока не сказалось желаніе этихъ родовъ перейти къ болѣе централизованнымъ политическимъ порядкамъ». То обстоятельство, что они и по вѣроисповѣданію распадаются на три группы—магометанъ, католиковъ и православныхъ,—дѣлаетъ также мало вѣроятнымъ ихъ мирное сожитіе другъ съ другомъ и не пророчитъ долгаго сохраненія ихъ единству. Скотоводы и земледѣльцы, арнауты, заселяющіе Албанію, не создали въ своей средѣ средняго сословія, обезпечивающаго возможность не только промышленнаго развитія страны, но и прочной организаціи въ ней управленія.

Албанія бѣдна, мало культивирована, неспособна поэтому сама покрыть издержекъ пересѣченія ея горными желѣзными дорогами, несомнѣнно требующими большихъ затратъ. Ея экономическій уровень нельзя поднять безъ помощи заинтересованныхъ сторонъ—Австріи и Италіи. Дастъ ли бо́льшую гарантію миру передача Албаніи въ управленіе всѣхъ великихъ державъ Европы—сказать трудно. На практикѣ оно можетъ свестись къ тому же заинтересованному владычеству въ ней Австріи и Италіи, которыя могутъ перессориться между собой и поставить снова на карту интересы мира. Оставить Албанію за Турціей, но подъ властью одобренныхъ Европою христіанскихъ пашей, согласно рѣше-

нію, принятому по отношенію къ вилайетамъ съ смѣшаннымъ населеніемъ одною изъ статей берлинскаго трактата? Но кто не разувѣрился въ этихъ отщепенцахъ отъ мусульманства, лишенныхъ по этому самому авторитета передъ державной Портой и поставленныхъ въ необходимость укрѣплять свое положеніе мирволеніемъ магометанамъ? Такимъ образомъ ни одно рѣшеніе судебъ Албаніи не устраняетъ всѣхъ трудностей и не обезпечиваетъ вполнѣ сохраненія мира на Балканахъ. Нѣтъ ли возможности испробовать по отношенію къ ней ту систему, какую на сѣверѣ Америки Соединенные Штаты приняли по отношенію къ зародышнымъ политическимъ конгломератамъ, къ такъ называемымъ территоріямъ?

Если союзъ балканскихъ народовъ не распадется съ окончаніемъ войны, если изъ него образуется въ недалекомъ будущемъ постоянная федерація, то почему не предоставить федеральному правительству непосредственнаго завѣдыванія Албаніей и посылку въ нее подчиненнаго союзу губернатора? Когда населенность ея возрастетъ и внутренній миръ вполнѣ будетъ обезпеченъ, когда отъ клановыхъ порядковъ она перейдетъ къ порядкамъ государственнымъ, ее можно будетъ принять въ союзъ на правахъ равноправнаго сочлена, какъ американцы дѣлаютъ это съ территоріями, достигшими извѣстной густоты населенія.

Можно ли надѣяться, что въ составъ балканскаго союза войдетъ Румынія? Она пока не оправдала надеждъ Австріи и ея благожелательный нейтралитетъ въ значительной степени содѣйствовалъ счастливому исходу остановленной перемиріемъ войны. Но Румынія ждетъ отъ союзниковъ и, въ частности, отъ Болгаріи «территоріальнаго вознагражденія». Слухи о данныхъ ей обѣщаніяхъ доселѣ держатся, и румыны поднимаютъ вопросъ объ исправленіи ихъ границъ на счетъ Болгаріи [1]). Но если все это и возымѣетъ мѣсто, если Румынія найдетъ большій расчетъ въ томъ, чтобы сблизиться съ балканскими княжествами и отойти отъ Австріи, то еще вопросъ—насколько это сближеніе можетъ принять форму федераціи? Если всѣ четыре союзника имѣютъ общимъ, рядомъ съ религіей, свои демократическіе порядки, а трое изъ нихъ—и сходство языка, то Румынія только православіемъ связана съ прочими балканскими княжествами; общественный же ея бытъ, издавна построенный на аристократическихъ началахъ,

1) Трудно думать, что вслѣдъ за побѣдоносной войной Болгарія рѣшится на отчужденіе румынамъ части своей собственной территоріи. Не удовольствуется ли, поэтому, Румынія обезпеченіемъ живущимъ въ Македоніи куцо-валахамъ права автономнаго устройства своихъ церковныхъ приходовъ и зависимыхъ отъ нихъ школъ? Это, разумѣется, не мало бы содѣйствовало упроченію мира на Балканахъ.

до сихъ поръ выдѣляется преобладаніемъ крупнаго землевладѣнія. Отношеніе ея къ инородцамъ, весьма многочисленнымъ въ ея средѣ, также не отвѣчаетъ общимъ всѣмъ союзникамъ началамъ гражданскаго равенства. Евреи считаются въ ней иностранцами. И такіе порядки поддерживаются не только нравами, но и законами.

Если превзойдены будутъ всѣ препятствія, лежащія на пути къ образованію федераціи, если забота о внѣшней безопасности и желаніе образовать сильное и самодовлѣющее цѣлое побудитъ балканскія княжества къ упроченію и расширенію своего союза, то еще не рѣшеннымъ надо считать вопросъ, какую именно форму приметъ этотъ союзъ: простой ли конфедераціи, какою долгое время были Нидерланды и Швейцарія, или того сложнаго союзнаго государства, съ отличными отъ мѣстныхъ парламентовъ и кабинетовъ федеральнымъ парламентомъ и федеральнымъ правительствомъ, какими съ 1787 г. стали Соединенные Штаты, съ 1848 г.—Швейцарія, съ 1871 г.—возстановленная въ Германіи имперія. Монархическіе порядки, установившіеся на Балканахъ, разумѣется, не являются препятствіемъ къ созданію союзнаго государства. Во времена Пуффендорфа федерація монархическихъ державъ еще могла казаться тѣмъ «политическимъ чудовищемъ», какимъ называлъ Священную Римскую Имперію нѣмецкій учитель естественнаго права, скрывавшійся подъ псевдонимомъ Северина де-Монзамбана. Но жизнь, какъ и всегда, пошла далѣе теоріи, и современная Германская имперія не распадается на части только потому, что включаетъ въ свою среду цѣлыхъ четыре королевства, не считая великихъ герцогствъ, герцогствъ-княжествъ и городовъ-республикъ.

Большее опасеніе вызываетъ различіе въ протяженіи и военной мощи государствъ, входящихъ въ составъ уніи. Но и такое препятствіе не можетъ считаться непреоборимымъ. Допустивъ въ нижней палатѣ федераціи представительство народовъ союза на началѣ пропорціональности населенію, можно въ палатѣ изъ делегатовъ отъ правительствъ предоставить наиболѣе крупнымъ союзникамъ число голосовъ достаточное, чтобы сдѣлать немыслимымъ принятіе рѣшеній, противъ нихъ направленныхъ. Имѣетъ же Пруссія въ нѣмецкомъ Бундесратѣ 17-ть голосовъ, а каждое изъ трехъ королевствъ—Саксонія, Баварія и Вюртембергъ—по 6-ти, тогда какъ всего одинъ голосъ обезпеченъ, напр., Гамбургу. Ничто не мѣшаетъ тому, чтобы въ союзномъ совѣтѣ балканской федераціи Болгарія имѣла бо́льшее число представителей, чѣмъ Сербія и Греція, взятыя въ отдѣльности, а двѣ послѣднія—бо́льше, чѣмъ Черногорія.

Но все это вопросы не сегодняшняго, а можетъ быть и не завтрашняго дня. Они ничего не потеряютъ отъ позднѣйшаго ихъ обсужденія. На очереди же стоитъ вопросъ о томъ, какъ обезпечить союзникамъ плоды ихъ побѣдъ и въ какой степени вмѣшательство европейскихъ державъ въ дѣло заключенія мирнаго договора съ Турціей является желательнымъ.

Въ памяти многихъ воскресаетъ призракъ берлинскаго конгресса, помѣшавшаго осуществленію Санъ-Стефанскаго договора. Если бы Европа признала границы, установленныя прямымъ соглашеніемъ Турціи и Россіи, теперешняя война оказалась бы ненужной. Не повторится ли съ будущей конференціей европейскихъ державъ то, что было съ берлинскимъ конгрессомъ, а потому не лучше ли обойтись безъ нея? Но это было бы возможно только въ томъ случаѣ, если бы Россія, Австрія, Италія, Англія и Франція не имѣли никакихъ интересовъ въ Европейской Турціи—другими словами, если бы не было «восточнаго вопроса», а онъ, къ сожалѣнію, существуетъ и можетъ съ часу на часъ развернуться во всей своей широтѣ.

Максимъ Ковалевскій.

ПАМЯТИ М. М. СТАСЮЛЕВИЧА.

«Незабвенному хозяину Михаилу Матвѣевичу Стасюлевичу»,—такова была надпись на лентѣ къ надгробному вѣнку отъ рабочихъ его типографіи.

Уже два года какъ его нѣтъ болѣе съ нами. Но онъ еще живетъ—потому что мы помнимъ его. Для лицъ, близко знавшихъ Михаила Матвѣевича, вспоминать о немъ—не только *право*, но и *обязанность*. Къ такимъ близко знавшимъ его принадлежу и я, работавшая съ нимъ безъ малаго четверть вѣка на дорогомъ ему дѣлѣ—корректурахъ «Вѣстника Европы».

Въ апрѣлѣ 1886 г. я была принята имъ на должность отвѣтственнаго корректора журнала и впервые лично познакомилась съ нимъ въ редакторскомъ кабинетѣ его на Галерной, гдѣ онъ и посвятилъ меня во всѣ свои редакторскіе пріемы и требованія, предупредивъ, что «очень взыскателенъ» и «поблажекъ» не даетъ. Сказано это было имъ въ видѣ шутки, но принято мною серьезно, и мы скоро—какъ выражался онъ—«спѣлись». Журналъ былъ мнѣ извѣстенъ хорошо съ первыхъ дней его основанія; самого же М. М. Стасюлевича я знала только какъ автора «Исторіи среднихъ вѣковъ». Но типографія и тогда уже славилась своими порядками. Дѣйствительно, первое впечатлѣніе при входѣ туда было такое, какъ будто вы переѣхали изъ Бѣлоострова на первый полустанокъ Финляндіи. Только что опустилась за вами рогатка—и все ужъ другое: и дороги, и люди, и постройки, и даже самый воздухъ—все чище, свѣжѣе, бодрѣе и основательнѣе. А мнѣ, помнившей еще крѣпостную Россію, порядки у М. М. Стасюлевича напоминали эпоху «освобожденія». Вокругъ все какъ будто люди свободные,

и себя чувствуешь какъ-то вольнѣе. Тогда же, при первомъ свиданіи, я высказала это М. М-чу, въ отвѣтъ на вопросъ его: что заставляетъ меня отказываться отъ мѣста, гдѣ я прежде работала и гдѣ болѣе получала, чѣмъ онъ могъ предложить за мой будущій трудъ.

— Намучилась я тамъ—точно въ аду кипишь. А ваша типографія представляется мнѣ какой-то счастливой Аркадіей, куда принимаются только блаженные праведники за великія добродѣтели. Отдохнуть бы хотѣлось и мнѣ отъ моей пятнадцатилѣтней каторги.

— Вы знаете типографію нашу только по слухамъ,—возражалъ мнѣ на это М. М.—Ну, а вѣдь есть пословица: не всякому слуху вѣрь. И я боюсь, какъ бы вы не разочаровались, когда насъ ближе узнаете. Мнѣ, напротивъ, постоянно приходится слышать жалобы, что у насъ—«какая-то лавра, куда отправляются на покой»...

Ни «покоя лавры», ни элизіумовъ блаженной Аркадіи въ этомъ тяжеломъ дѣлѣ, конечно, не было и быть не могло. Но послѣ пятнадцатилѣтнихъ мытарствъ по типографіямъ Петербурга я дѣйствительно отдохнула впервые душой и за себя, и за всѣхъ, съ кѣмъ мнѣ приходилось работать. А постоянное общеніе съ Михаиломъ Матвѣевичемъ давало не только нравственное удовлетвореніе, но и эстетическое наслажденіе, которое невольно испытываешь въ присутствіи просвѣщеннаго, живого ума и тонкой, остроумной наблюдательности. Да и все окружающее поддерживало меня въ пріятной увѣренности, что «эмансипація» здѣсь дѣйствительный фактъ, а не выдумки и не «слухи». Вмѣсто несправедливыхъ обсчетовъ, штрафовъ и вычетовъ, вмѣсто грубой брани и даже жестокихъ побоевъ (въ одной типографіи мастера на машинахъ, случалось, били по ребрамъ желѣзными клиньями 14-15-ти лѣтнихъ накладчиковъ и пріемщиковъ, и потомъ выгоняли ихъ безъ разсчета «за худую работу»)—здѣсь при всякой серьезной провинности обращались къ «верховной инстанціи», въ «кассаціонный департаментъ», какъ любилъ, шутя, называть себя самъ Михаилъ Матвѣевичъ. И «кассаціонный департаментъ», внимательно разобравъ, въ чемъ дѣло, постановлялъ неизмѣнно одно и то же рѣшеніе: «простить; и если еще разъ повторится—попросить насъ оставить; можетъ идти въ другую типографію».

Такъ же шутя Михаилъ Матвѣевичъ называлъ хозяйство свое—книжный складъ и типографію—«монархическимъ государствомъ: не деспотическимъ, но ограниченнымъ установлен-

ными порядками». И нарушенія этихъ порядковъ не допускалъ не только для постороннихъ, но и для самого себя прежде всѣхъ. «Всуе законы писать, коли ихъ не исполнять» — это изреченіе великаго Петра любилъ повторять М. М-чъ.

Энергичный, прилежный и аккуратный работникъ, взыскательный и строгій въ случаяхъ проявленія небрежности и недобросовѣстнаго отношенія къ дѣлу, но снисходительный и мягкій тамъ, когда видѣлъ простую человѣческую слабость или несчастіе, онъ былъ для насъ именно тѣмъ «кассаціоннымъ департаментомъ», куда приносились всѣ просьбы и жалобы.

— Присылайте ко мнѣ всѣхъ, кто на васъ жалуется! Валите все на меня! Моя грудь все стерпитъ!—говаривалъ онъ мнѣ, въ отвѣтъ на мои чистосердечныя признанія въ корректорскихъ недосмотрахъ и промахахъ, доводившихъ меня до безсонныхъ ночей и болѣзни.—Вотъ охота такъ огорчаться!—утѣшалъ онъ, бывало.—Я вѣдь тоже читалъ и подписывалъ—значитъ и я виноватъ. Вы еще, видно, плохо обстрѣляны. Меня такъ ужъ ничѣмъ не пробьешь.—Но это говорилось, конечно, только въ утѣшеніе мнѣ. Всѣ мы знали отлично, что самъ онъ беволновался и мучился еще болѣе. Но—онъ умѣлъ щадить и беречь другихъ больше чѣмъ себя самого. Вообще принимались во вниманіе лишь основательныя просьбы и жалобы. Ни кляузъ, ни наговоровъ, ни лести и подслуживанія онъ не выносилъ. «Джентльменъ-хозяинъ», какъ называли его за «деликатность обращенія», преображался тогда въ ядовитаго, неприступнаго обличителя, благодушная улыбка на лицѣ смѣнялась ледяной суровостью или насмѣшливымъ недовѣріемъ.

— Вы мнѣ хотите, я вижу, польстить,—отвѣчалъ онъ на пріятные комплименты.—Но я вѣдь изъ старыхъ классиковъ, я не забылъ еще мудраго изреченія: timeo Danaos et dona ferentes. Боюсь данайцевъ—*и дары приносящихъ*.

А навѣты и наговоры на отсутствующихъ М. М. останавливалъ чаще всего однимъ замѣчаніемъ:

— Все это, можетъ быть, вполнѣ справедливо, но одного только я боюсь: какъ бы онъ мнѣ про васъ тоже чего-нибудь худого не разсказалъ въ *ваше* отсутствіе. Объ отсутствующихъ, знаете, какъ о мертвыхъ—aut bene, aut nihil. Отсутствующіе, какъ и мертвые, защищаться вѣдь не могутъ.

Такимъ образомъ, бывшій профессоръ университета оставался на каѳедрѣ и въ стѣнахъ типографіи. Человѣкъ съ многостороннимъ европейскимъ образованіемъ и изящнымъ вкусомъ, онъ давалъ тонъ «высшей школы» всѣмъ отношеніямъ своимъ

къ дѣлу и людямъ. Онъ, можно сказать, мимоходомъ *воспитывалъ* насъ и внѣшне, и внутренне. Не допуская никакихъ фамильярностей, онъ умѣлъ быть внимательнымъ и чуткимъ къ нуждамъ своихъ «сотрудниковъ», какъ называлъ онъ насъ всѣхъ. И дѣлая добро, оказывая ту или другую помощь, онъ сейчасъ же забывалъ объ этомъ. Передаешь ему, бывало, чью-нибудь благодарность, а онъ спрашиваетъ съ милой улыбкой: «А что я такое сдѣлалъ хорошее, за что стоитъ меня хвалить».

— Недаромъ рабочіе называли его «отцомъ» и даже болѣе нѣжно—«папашей».—«Уѣхалъ нашъ папаша. Не скоро теперь увидимъ», говаривалъ сторожъ, когда М. М., уѣзжая на лѣто за границу, заходилъ передъ тѣмъ въ типографію проститься со всѣми своими «сотрудниками».

— Всѣ мы здѣсь служимъ одному и тому же дѣлу. Всѣ мы—гайки, винты, зубцы и колеса въ одной и той же машинѣ. Чтобы эта машина успѣшно работала, надо чтобы всѣ ея части — вмѣстѣ и порознь — работали хорошо и исправно! Постараемся работать, какъ работали до сихъ поръ—и все, дастъ Богъ, будетъ у насъ въ исправности.—На эту тему говорилъ онъ обычно заздравный свой тостъ передъ собравшимися рабочими въ день годового типографскаго праздника (1 октября).

Это было не фразой, а цѣльнымъ убѣжденіемъ. И если этому убѣжденію не удалось проявиться въ законченной эволюціи—въ реформѣ всего дѣла на кооперативныхъ началахъ,—то главной тому причиной были общія наши политико-экономическія условія.

* *
*

Духъ наживы и всѣ нераздѣльные съ нимъ методы и пріемы были совершенно чужды характеру М. М. Онъ тяготился «коммерціей», мирился съ нею какъ съ неизбѣжнымъ зломъ и въ ущербъ личной выгодѣ ставилъ ему предѣлы, покоряясь неизбѣжной необходимости быть «хозяиномъ» и «купцомъ».

— Торговать-то торговать, да какъ бы честь не потерять!—говорилъ онъ въ отвѣтъ на всевозможныя старанія вовлечь его въ ту или другую предпринимательскую спекуляцію ради большихъ барышей. И дѣло всегда кончалось ничѣмъ. М. М. уклонялся отъ многообѣщающихъ выгодъ, предпочитая вести дѣло «хоть бы такъ, чтобъ въ убыткѣ не быть».

Эта неизбѣжность рисковъ и выгодъ въ коммерческомъ дѣлѣ не мало портила ему крови и отравляла существованіе.

Она же вызывала и необходимость держать при дѣлѣ довѣренныхъ лицъ, «министровъ» и «управителей». Отчетность была имъ заведена самая строгая, но контролировать, все равно, онъ не умѣлъ и не могъ. «Деликатность» не позволяла.

— И вижу, что плутуетъ и надуваетъ меня, да какъ я ему это скажу? Ну и махнешь поневолѣ рукою, и закрываешь глаза, какъ будто не замѣчаешь!—оправдывался онъ, когда ему выговаривали, зачѣмъ онъ терпѣлъ у себя подобнаго человѣка?

— Бѣда моя въ томъ,—признавался онъ мнѣ однажды,—вскорѣ послѣ моего поступленія,—что середины нѣтъ у меня. Или я довѣряю вполнѣ, или во всемъ сомнѣваюсь. Въ жизни моей мнѣ не разъ приходилось играть роль героя нѣмецкой реформаціи—если вы помните—Гуттена. Такіе опыты рѣдко проходятъ даромъ.

Разумѣется, не проходили они даромъ и для М. М—ча. Довѣріемъ его злоупотребляли иногда именно тѣ, кому онъ больше всѣхъ довѣрялъ. Многое совершалось у него за спиною вопреки всѣмъ его «правиламъ» и «началамъ». «Облагодѣтельствованные», щедро награждаемые заботились о личныхъ своихъ выгодахъ и богатѣли въ ущербъ дѣлу и интересамъ владѣльца-предпринимателя, всегда благополучно избѣгая всякой отвѣтственности.

Типографія Стасюлевича въ одинъ изъ такихъ періодовъ начинала походить на всѣ типографіи въ мірѣ, съ прижимками, наушничествами, съ наглыми издѣвательствами надъ тѣми, кто не подходилъ подъ желанную мѣрку, съ обманами, растратами и т. п. Подъ предлогомъ оберeганія «спокойствія» Михаила Матвѣевича, служащимъ запрещено было обращаться за чѣмъ бы то ни было непосредственно къ «самому хозяину».

М. М. узнавалъ—хоть и поздно—о томъ, что происходитъ у него въ «государствѣ», и съ удивленіемъ замѣчалъ:

— Заведено было, кажется, все какъ слѣдуетъ, а теперь ни концовъ, ни началъ не найти. Все успѣли загадить! Какія-то авгіевы конюшни понадѣлали.

И энергично принимался за чистку авгіевыхъ конюшенъ.

Помню послѣднее напряженіе этой организаціонно-санитарной энергіи, когда онъ *случайно* узналъ, что типографія и книжный складъ, безъ его вѣдома, запроданы нотаріальнымъ порядкомъ какой-то очень предпріимчивой компаніи. Все было умышленно подстроено для того, чтобы довести его до краха, а можетъ быть и до послѣдняго, рокового удара.

— Какіе люди! Боже мой, какіе люди! — сжимая руки, помню, съ негодованіемъ восклицалъ онъ.—Можно ли вѣрить

кому-нибудь послѣ этого!—Но ничего!—энергично прибавлялъ онъ.—Я еще въ силахъ! Переверну!

И онъ дѣйствительно *перевернулъ*. И все стало попрежнему—Стасюлевичево. Но самъ Стасюлевичъ ходилъ тогда на костыляхъ отъ нервнаго потрясенія.

Послѣдняя вспышка его энергіи проявилась въ бурные дни нашей революціи (1905—6 гг.). Политическія волненія отражались особенно тяжело на немъ именно потому, что тутъ приходилось невольно на практикѣ разрѣшать нигдѣ до сихъ поръ неразрѣшенные вопросы объ отношеніяхъ *труда* и *капитала*.

Начинались забастовки. Пріостанавливалось исполненіе заказовъ. Уменьшалась подписка на журналъ, казавшійся слишкомъ умѣреннымъ для тѣхъ стремительныхъ дней. Въ наборныхъ залахъ и машинныхъ отдѣленіяхъ типографіи чуть не ежедневно бывали собранія, постановлялись рѣшенія, назначались выборные, депутаты, заявлявшіе требованія о сокращеніи рабочаго дня и увеличеніи заработной платы. Въ отдѣльной наборной журнала мнѣ волей-неволей приходилось не разъ являться парламентеромъ-истолкователемъ сложныхъ вопросовъ политики вообще и нашего маленькаго «государства» въ частности.

Мирная до тѣхъ поръ наборная наша становилась съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе неузнаваемой. Протесты и требованія сыпались, какъ снѣгъ на голову.

Михаилъ Матвѣевичъ не разъ обращался къ рабочимъ съ вразумительными рѣчами. Сдерживаемые привычнымъ къ нему почтеніемъ, они ограничивались просьбами «войти въ ихъ положеніе», напоминали ему руководящее значеніе его органа, «всегда служившаго интересамъ народа» и т. п. Но за глаза, при мнѣ, они иногда говорили совсѣмъ другое.

— Закрыть бы мнѣ слѣдовало теперь типографію—вотъ и все!—говорилъ въ раздумьи тогда Михаилъ Матвѣевичъ.—Ну, а они-то куда же пойдутъ? Вѣдь это значитъ восемьдесятъ человѣкъ на улицу выбросить безъ крова и хлѣба? Не могу я на это рѣшиться. Совѣсть не позволяетъ.

— Какъ! До сихъ поръ не послали гонорара нашему сотруднику! Можетъ ли это быть!—распекалъ онъ въ другой разъ при мнѣ кассира и экспедитора.—Да я скорѣе сюртукъ послѣдній свой заложу, безъ сюртука скорѣе останусь,—а гонораръ сотруднику долженъ быть уплаченъ сейчасъ! Съ первой же почтой прошу васъ отправить—сколько слѣдуетъ.

И гонорары сотрудниковъ, и забастовки рабочихъ оплачивались изъ его кармана,—хотя карманъ этотъ былъ далеко не такъ богатъ, какъ принято было думать, — и типографія не закрывалась, и заработная плата была увеличена, и рабочій день сокращенъ до восьми часовъ.

Въ послѣдній разъ—вопреки собственному желанію, единственно по уговору друзей и врачей,—М. М. уѣхалъ въ 1907 г. на два мѣсяца за границу.

Наканунѣ онъ, какъ всегда, зашелъ къ намъ проститься. Зашелъ послѣ всѣхъ и ко мнѣ въ комнату—рядомъ съ его кабинетомъ. Остановился у стола и началъ вдругъ какимъ-то особенно чувствительнымъ голосомъ, какого я прежде у него никогда не слыхала:

— Во времена паденія Западной Римской имперіи существовало особое настроеніе: taedium vitae, тоска жизни, желаніе смерти. И былъ тогда одинъ римлянинъ, по имени *Paetus*, страдавшій этой тоскою. И хотѣлъ себя заколоть—но силы духа у него не хватало. Тогда жена его взяла у него кинжалъ, вонзила себѣ его въ грудь и сказала: — *Paete, non dolet*! — Не больно!

Съ необычайной выразительностью въ голосѣ и въ лицѣ, съ слезами на глазахъ, изобразивъ тогда предо мной всю эту сцену Михаилъ Матвѣевичъ выбѣжалъ изъ комнаты, и такъ и уѣхалъ въ этотъ разъ не простившись со мною. Но этотъ монологъ стоилъ всякаго прощанія. Я слышу его до сихъ поръ...

Предчувствія не обманули М. М—ча. Впереди ожидало его нѣчто еще болѣе грозное.

Слѣдующее за тѣмъ лѣто 1908-го года онъ провелъ уже въ Сестрорѣцкомъ курортѣ, и въ іюлѣ, когда я только-что вернулась изъ отпуска, М. М., взволнованный, съ предосторожностями, чтобы не слишкомъ испугать, сообщалъ мнѣ «прискорбную новость»: онъ убѣдился, что слѣпнетъ, и вынужденъ, поэтому, прекратить дальнѣйшее издательство журнала.

Эти послѣдніе годы я работала съ нимъ въ одной комнатѣ. Мой маленькій рабочій столикъ стоялъ въ углу у окна, vis-à-vis съ его редакторскимъ столомъ. И я не могла не видѣть, чего ему стоило это неизбѣжное отреченіе отъ сорока-трехълѣтней редаторской дѣятельности. Какъ ни крѣпился, какъ ни сдерживалъ онъ себя при другихъ, безъ слезъ онъ не могъ говорить объ этомъ. Быстрое ослабленіе зрѣнія и неудач-

ная операція лишили его послѣдняго утѣшенія: читать и отвѣчать самому на письма.

Всю корреспонденцію съ тѣхъ поръ читала Любовь Исакіевна, жена Михаила Матвѣевича. Но слабое здоровье ея зачастую отнимало у него и эту дорогую помощницу. Приходя въ такихъ случаяхъ въ типографію, М. М. удрученно вздыхалъ, жалуясь на судьбу, сдѣлавшую изъ него «какого-то калѣку», способнаго «развѣ только въ бирюльки играть».

Нельзя бывало безъ слезъ смотрѣть на него, какъ онъ пытается уголкомъ глаза, съ помощью лупы, разобрать только что полученное письмо; тяжело было слышать, какъ онъ безпомощно вздыхаетъ, вытирая украдкой набѣгавшую слезу, и наконецъ, какъ бы въ отчаяніи, бросаетъ письмо и лупу на столъ. И я радовалась, когда онъ подзывалъ меня и просилъ «оказать ему великую милость» — прочитать, что тутъ такое написано: хвалятъ или бранятъ?..

Мало по малу онъ привыкъ къ моей помощи, и мы разбирали съ нимъ «литературу», которую онъ приносилъ съ собой изъ дому или которая ждала его тутъ же, у него на столѣ. Подъ этой «литературой» у насъ разумѣлось все, что не дочитывалось ему дома или забывалось имъ и потому перечитывалось вновь для освѣженія памяти: пригласительныя повѣстки на засѣданія Гор. Думы, Училищной Комиссіи, Мирового Съѣзда, въ различныя общества и собранія, смѣты, отчеты, талоны изъ школъ его попечительства, письма просительныя и т. д.

Все это перечитывалось, сопровождаясь иногда анекдотами и замѣтками, съ приправой аттической соли,—на что онъ былъ всегда изумительный мастеръ!—затѣмъ бережно вновь укладывалось въ бумажникъ, съ отмѣткой карандашомъ о дальнѣйшей судьбѣ, или попадало въ корзину, «предаваясь забвенію».

— Слава Богу, чисто! — съ улыбкой, разводя руками, восклицалъ онъ при этомъ.

И такъ бывало почти каждое утро — въ тѣ дни, когда Любовь Исакіевна, по нездоровью, не могла помогать ему. Часовъ въ одиннадцать слышу за дверью шаги, старческій кашель; дверь открывается, и тихій, ласковый голосъ тенороваго тембра привѣтствуетъ меня какой-нибудь милой шуткой.

— Вы уже здѣсь? Предварили опять. А я нарочно спѣшилъ, думалъ вамъ сдѣлать сюрпризъ. Надъ чѣмъ вы теперь сидите? Хроника уже началась? N. N. прислалъ? Онъ молодецъ. Онъ всегда аккуратнѣе всѣхъ. О чемъ онъ нынче? Когда освободитесь немного, прочитайте мнѣ хоть одно содержаніе.

И нельзя было доставить ему бо́льшаго удовольствія, какъ похвалить интересное содержаніе новой книги.

— Ну слава Богу! Я радъ и за нихъ, да и самому мнѣ пріятно. Все-таки вѣдь родное мнѣ дѣтище! *Я* создалъ!

— А «литературу» съ собой принесли, М. М.?

— Литературу? — Онъ хватался за боковой карманъ.— Литературы мнѣ наслали сегодня—и въ недѣлю не прочитать. Вотъ посмотрите-ка, чего-чего нѣтъ! Жена мнѣ читала, да я уже многое позабылъ.

Если же М. М. не приносилъ съ собой ничего (по деликатности, онъ иногда стѣснялся утруждать меня въ дни особенно спѣшной работы), онъ говорилъ всегда одну и ту же фразу:—Представьте, сегодня—ничего. Начинаютъ позабывать, слава Богу!

А на другой день являлся опять съ цѣлымъ ворохомъ и видимо былъ доволенъ, что «все еще не забыли» и «зачѣмъ-то онъ имъ понадобился».

Завѣдываніе типографіей и книжнымъ складомъ съ 1906 г. сдано было имъ всецѣло въ надежныя руки «великаго контролера», какъ въ шутку звалъ онъ иногда М. К. Лемке. Михаилъ Матвѣевичъ оставилъ за собой только драгоцѣнное званіе «высшей инстанціи и кассаціоннаго департамента» и любилъ по временамъ «обходить свои владѣнія»:—«чтобы не подумали, что меня уже нѣтъ».

— Живъ, живъ курилка! Еще не умеръ!—прибавлялъ онъ шутливо.

И едва ли хоть одинъ такой «обходъ» не сопровождался какимъ-нибудь добрымъ дѣломъ. То у него просили пособія, то прощенія, то «взаймы», авансомъ, съ разсрочкой, то о зачисленіи куда-нибудь въ школу, съ освобожденіемъ отъ платы за ученье и учебныя пособія. И рѣдко когда онъ отказывалъ. И если ужъ онъ, бывало, откажетъ, значитъ въ самомъ дѣлѣ нельзя. Съ годами онъ—вопреки обычнымъ законамъ «хладѣющей» старости—становился, по моему, еще мягче, снисходительнѣе, отзывчивѣе на нужды всѣхъ его окружающихъ. Вниманіе, прежде отвлекавшееся широкой общественной дѣятельностью, теперь по неволѣ сосредоточивалось на близкихъ сердцу его дѣлахъ школы, типографіи и книжнаго склада.

Неизмѣнно каждое утро являлся онъ въ свой маленькій кабинетикъ въ домѣ № 28 по 5-ой линіи Васильевскаго Острова, садился въ свое рѣзное кресло ех-редактора газеты «Порядокъ» и ждалъ—«не понадобится ли кому-нибудь что-нибудь». Прихо-

дилъ на минутку всегда занятый Михаилъ Константиновичъ Лемке, сообщить, что «все обстоитъ благополучно», или что надо подписать ту или другую бумагу, иногда дюжину бумагъ,—или докладывали о просительницѣ или просителѣ,—и Михаилъ Матвѣевичъ подписывалъ, принималъ, объяснялъ, направлялъ и устраивалъ,—все и всегда безъ всякихъ формальностей, такъ просто, что иногда даже страннымъ казалось слышать, какъ иные его съ робостью титулуютъ: «ваше превосходительство».

Помню, какъ онъ не разъ «съ наслажденіемъ» утверждалъ назначенія стипендій его имени юнымъ курсисткамъ, признаваясь при этомъ:

— Вотъ еслибъ мнѣ каждый годъ дѣлали такіе подарки, я бы не отказался. Каждый годъ бы по тысячѣ на стипендіи мнѣ давали—не отказался бы ни за что.

Возвращаясь изъ школъ своихъ въ типографію, онъ любилъ разсказывать, какъ его тамъ встрѣчаютъ и величаютъ «дѣдушкой» дѣти, какія хорошія тамъ учительницы и какъ онъ радъ, что опять удалось для нихъ что-нибудь «выклянчить».

— Мнѣ-то не рѣшатся они отказать. А безъ меня непремѣнно откажутъ. Вѣдь я только теперь на это одно и гожусь!—съ печальной улыбкой прибавлялъ онъ.

Въ этихъ «выклянчиваніяхъ» для любимаго дѣла онъ не зналъ для себя пощады. Послѣдній случай въ этомъ родѣ глубоко растрогалъ меня и навѣки запечатлѣлся въ памяти. И до сихъ поръ никто кромѣ меня еще не знаетъ о немъ.

Это было въ декабрѣ 1910-го года, за недѣлю до праздниковъ.

Знакомыя мнѣ учительницы Путиловской заводской школы поручили мнѣ испросить у М. М. форменное удостовѣреніе о состоявшемся назначеніи квартирныхъ денегъ учительницамъ городскихъ начальныхъ школъ. Администрація завода обѣщала сдѣлать такую же прибавку своимъ, «если М. М. Стасюлевичъ собственноручно подтвердитъ это назначеніе».

Просьбу учительницъ, присланную мнѣ наканунѣ вечеромъ, я сообщила М. М. утромъ въ субботу, а вечеромъ въ тотъ же день должна была дать тотъ или другой отвѣтъ посланному изъ школы, такъ какъ въ понедѣльникъ должно было состояться послѣднее засѣданіе и на немъ рѣшиться вопросъ о прибавкѣ.

М. М. выразилъ полную готовность дать такое удостовѣреніе, но по привычкѣ все дѣлать точно и основательно находилъ нужнымъ справиться предварительно въ канцеляріи Училищной Комиссіи.

— Но сегодня суббота. По субботамъ въ канцеляріи, кажется, раньше расходятся. И какъ же потомъ? Куда я долженъ доставить отвѣтъ?

Я просила оставить у швейцара въ Галерной, когда онъ вернется домой къ завтраку, обѣщая прислать за бумагой когонибудь изъ типографскихъ разсыльныхъ или заѣхать самой. Но тутъ же, взглянувъ въ окно, я испугалась и начала отговаривать его отъ поѣздки.

Погода въ этотъ день была ужасающая. Снѣгъ, вѣтеръ, мятель. Самъ М. М. утромъ встрѣтилъ меня словами:

— Сегодня такая погода, когда добрый хозяинъ и собаку не выпускаетъ...

И тѣмъ не менѣе М. М. теперь увѣрялъ, что ему, все равно, придется сейчасъ ѣхать въ Думу, похлопотать о выдачѣ пособія заболѣвшей учительницѣ.—Лишь бы только застать тамъ кого-нибудь!—прибавлялъ онъ, и въ концѣ концовъ обѣщалъ, что, если на улицѣ очень ужъ плохо, онъ не поѣдетъ въ Думу и вернется прямо домой.

— И хотѣлось бы вотъ теперь посидѣть,—говорилъ онъ, вставая,—да по человѣчеству разсуждаю: *намъ* ужъ въ могилу пора, а *имъ* надо жить и питаться.

Былъ часъ его завтрака, и онъ, взявъ шапку, простился со мной и ушелъ. Я продолжала работать, изрѣдка съ безпокойствомъ поглядывая въ окно. Непогода становилась все хуже и хуже. Снѣгъ валилъ хлопьями, залѣпляя и небо и землю.

Я вспомнила, что глаза у Михаила Матвѣевича были сегодня тусклые и самъ онъ вялый—вѣрный признакъ нездоровья. Отличительной чертой его физіономіи были, по моему, эти всегда живые, смѣющіеся глаза. «Непремѣнно опять онъ простудится!» думала я и бранила себя, и упрекала учительницъ, не во-время поручившихъ мнѣ все это дѣло.

Прошло минутъ сорокъ, не болѣе. Сторожъ ушелъ обѣдать и еще не вернулся, въ передней никого не было, когда за дверью моей снова послышались торопливые шаги и прерывистый голосъ М. М-ча:

— В. В. еще здѣсь?

Я бросилась къ дверямъ и лицомъ къ лицу столкнулась съ М. М-чемъ:

— Боже мой! Михаилъ Матвѣевичъ! Вы совсѣмъ не бережете себя.

Но онъ уже былъ веселый, глаза у него сіяли, смѣялись, и онъ торопливо доставалъ пакетъ съ желаннымъ удостовѣреніемъ.

— Ничего мнѣ не сдѣлается!—говорилъ онъ при этомъ.— Я вѣдь молоденькій! Мнѣ ничего не стоитъ. Взялъ извозчика—спасибо, хорошій попался—и однимъ духомъ туда и обратно. Въ канцеляріи засталъ именно того, кого надо было. И вотъ вамъ—самое достовѣрнѣйшее. Вѣрнѣе ужъ ничего не можетъ и быть. Все тутъ написано, что имъ надо. И моею собственною рукою. Секретарь только мнѣ диктовалъ. Ну, а теперь до свиданья. Пора и подкрѣпить падающія силы. Жена, я думаю, уже безпокоится, куда это я пропалъ.

— Зачтется вамъ на томъ свѣтѣ, Михаилъ Матвѣевичъ!—глубоко взволнованная, нашлась я только сказать на это.

Тоже сказали потомъ и признательныя учительницы Путиловскаго завода. Прибавку имъ дали—хотя далеко не въ такихъ размѣрахъ, но все-таки дали, и тутъ же объявили, что это только благодаря такому рѣдкому документу, какъ автографъ почетнаго гражданина города С.-Петербурга, М. М. Стасюлевича! Если не ошибаюсь, документъ этотъ пріобщенъ къ дѣлу.

А двѣ или три недѣли спустя, устраивая рождественскія радости для дѣтей и взрослыхъ, М. М. снова не поберегся и, простуженный, пріѣхалъ къ намъ въ типографію 5-го января 1911 г.—«поздороваться съ самымъ новѣйшимъ» и пожаловаться на докторовъ, которые «хотятъ его уложить въ постель—чего добраго, до самаго іюня»!—когда у него простой насморкъ и неотложное дѣло въ училищной комиссіи, гдѣ ему надо похлопотать о назначеніи одной замѣстительницы.

Глаза у него не смѣялись, и лицо было усталое, блѣдное. Посидѣвъ съ полчаса, онъ простился со мной и ушелъ. И больше—*живымъ*—мы его не видали.

Ни къ чему не привели всѣ неусыпныя заботы и попеченія нѣжно оберегавшей его здоровье и силы Любови Исакіевны.

Мысль о томъ, что мало мы его берегли, тревожа его постоянными жалобами и просьбами, такъ угнетала меня, что я рѣшилась высказать ее, въ день первой панихиды, Анатолію Ѳедоровичу Кони. Съ признательностью вспоминаю теперь слова его, сказанныя въ отвѣтъ на мои сокрушенія:

— Ну, знаете, трудно было больше беречь, чѣмъ его берегли. Какъ было его удержать—съ его характеромъ? Это ужъ натура была такая.

Долго не вѣрилось въ совершившійся фактъ. Долго слышались за дверью знакомые торопливые и какъ бы *ищущіе*, слѣпые шаги, и старческій кашель, и ласковый тихій голосъ. И

ждешь бывало—вотъ-вотъ, распахнется сейчасъ низенькая дверца, и я увижу доброе лицо, съ ласковой и веселой улыбкой. Но онъ все не приходилъ и не приходилъ... Иногда забудешься, войдешь въ переднюю и спросишь у сторожа Прокопія—«Прокопа Ляпунова», какъ мы въ шутку прозвали его:

— Михаилъ Матвѣевичъ еще не приходилъ?

— Миха-илъ Матвѣ-евичъ?—съ разстановкой переспроситъ серьезный, всегда основательный нашъ Прокопій и усмѣхнется унылой усмѣшкой:—Михаила Матвѣевича теперь долго ждать намъ придется. Пожалуй и никогда не дождаться.

И онъ тутъ же разсказывалъ мнѣ, какъ «тоже вотъ такъ» не разъ «забывался»:

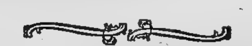
— Ждешь, ждешь—въ часы-то его, когда онъ приходилъ, да вдругъ и послышится: хозяинъ идетъ! Откроешь дверь, поглядишь на лѣстницу, а тамъ нѣтъ никого!

Такъ и ушелъ отъ насъ навсегда нашъ «незабвенный хозяинъ»!

Вмѣсто послѣдняго прощанія съ нимъ, невольно хочется повторить здѣсь слова поэта, которыя мнѣ доводилось не разъ слышать отъ Михаила Матвѣевича, когда онъ вспоминалъ объ одномъ изъ тѣхъ, кого особенно почиталъ и любилъ съ молодыхъ еще лѣтъ (о П. А. Плетневѣ):

«Не говори съ тоской, ихъ нѣтъ!
«Но съ благодарностію: *были*.

В. Т-ва (Починковская).

КЛЯТВА СТЕФАНА ГУЛЛЕРА.

Романъ ФЕЛИКСА ГОЛЛЕНДЕРА.

I.

Это было въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда «Винтергартенъ», снятый въ аренду совсѣмъ еще молодымъ, начинающимъ антрепренеромъ, Якобомъ Гриббером, блеснулъ такой январьской программой, что знатоки и цѣнители потомъ утверждали, будто подобной ей не бывало ни въ одномъ «Варьете», и даже самъ Винтергартенъ впослѣдствіи уже никогда не могъ дать цѣлаго ряда такихъ разнообразныхъ и захватывающе-интересныхъ номеровъ. И самое замѣчательное было то, что среди выступавшихъ артистовъ не было ни одного съ извѣстнымъ, прославленнымъ именемъ. Всѣ они были ангажированы режиссеромъ въ англійской и французской провинціи, гдѣ они работали и прозябали въ безвѣстности. Таковъ былъ принципъ молодого антрепренера, который не располагалъ большими капиталами и не хотѣлъ тратиться на «этуалей».

— Я свои звѣзды самъ фабрикую,—говаривалъ онъ.—Знаменитостей можетъ ангажировать каждый оселъ. А вотъ вы ухитритесь выискать свѣженькое, чутьемъ угадать «аттракціонъ», еще никѣмъ не использованный. Вотъ это дѣло...

И, дѣйствительно, «звѣзды», имъ сфабрикованныя, впослѣдствіи пріобрѣли всемірную славу и работали съ громкимъ успѣхомъ въ Лондонѣ, Парижѣ, Нью-Іоркѣ и пр. И всѣ они дебютировали въ берлинскомъ Винтергартенѣ.

Здѣсь была четверка Трурвексовъ съ ихъ знаменитой интермедіей, разыгрываемой на проволокѣ: двое мужчинъ и двѣ дамы, одѣтыя въ бѣлый атласъ, такъ красиво подчеркивавшій

ихъ дивныя формы и гибкость ихъ членовъ. Была другая четверка англійскихъ акробатовъ-пѣвцовъ, морившихъ со смѣху публику своимъ «урокомъ пѣнія у извѣстнаго профессора»; была труппа Халжи Мухаммеда Бенъ-Мадани — марокканскихъ скакуновъ, продѣлывавшихъ самые головокружительные прыжки, восемь молодцовъ на подборъ, плѣнявшихъ взоръ необычайнымъ изяществомъ стройныхъ мускулистыхъ юношескихъ тѣлъ. Нельзя не упомянуть также о труппѣ Джинъ-Маа—хунгузовъ-фокусниковъ, въ подлинныхъ старинныхъ китайскихъ костюмахъ, творившихъ прямо чудеса. Старшій изъ нихъ, выступивъ на авансцену, клалъ себѣ въ ротъ пригоршню измятой шелковистой бумаги и горящей лучинкой зажигалъ ее. Изо рта его сперва валилъ клубомъ дымъ; затѣмъ, между зубами показывалось выбрасывавшее языки наружу яркое пламя, которое онъ по произволу то гасилъ, то опять зажигалъ. И, когда зрителямъ казалось, что бумага у него во рту уже вся сгорѣла, не осталось ни единаго лоскуточка,—онъ начиналъ вытаскивать изо рта неистощимый запасъ ея, и на глазахъ зрителей выростала цѣлая огромная бумажная пирамида. И изъ этой пирамиды, къ полному недоумѣнію почтеннѣйшей публики, онъ вытягивалъ длинный шнуръ, съ подвѣшенной къ нему дюжиной зажженныхъ фонариковъ.

Слѣдующимъ послѣ китайцевъ номеромъ былъ комическій жонглеръ, Трейландъ, который, въ заключеніе своего номера подбрасывалъ на воздухъ одновременно двѣнадцать тарелокъ, кружившихся въ такой бѣшеной пляскѣ, что зрители совершенно одурѣвали.

Маленькая Марга Террекъ теперь стала популярной танцовщицей. Но въ то время она была полуребенкомъ лѣтъ шестнадцати, съ бѣлоснѣжнымъ личикомъ, на которомъ мечтательно сіяли большіе, темные дѣтскіе глаза, порою несказанно грустные.

По адресу всѣхъ этихъ артистовъ публика не скупилась на рукоплесканія, но гвоздемъ программы все же были два заключительныхъ номера.

Предпослѣднимъ выступалъ бельгіецъ Борелья, продѣлывавшій головоломныя упражненія на канатѣ, которыя заканчивались тѣмъ, что онъ, непрерывно перебѣгая съ одного конца каната на другой, чрезвычайно искусно выполнялъ труднѣйшее соло на флейтѣ. Можно было подумать, что публика, изо всѣхъ силъ апплодировавшая, послѣ этого уже не въ состояніи была заинтересоваться еще чѣмъ-нибудь. Ничуть не бывало. Она напряженно ждала появленія на сценѣ Чарльза Тиллера, который,

при участіи жены и сына, продѣлывалъ головоломнѣйшія упражненія на бамбуковомъ двухсаженномъ шестѣ. Чарльзъ, укрѣплялъ шестъ на своемъ лѣвомъ плечѣ, а на закругленномъ концѣ шеста попеременно стояли на одной ногѣ, то г-жа Тиллеръ, то двѣнадцатилѣтній сынокъ ихъ Стефанъ.

Духъ захватывало у зрителей, когда Чарльзъ Тиллеръ, балансируя на плечѣ длиннымъ шестомъ медленно шелъ по сценѣ, въ то время, какъ тоненькій, гибкій мальчикъ висѣлъ въ воздухѣ, на манеръ флага, держась одной рукою за шестъ. До такой смѣлой штуки не додумался еще ни одинъ акробатъ. Въ заключеніе г-жа Тиллеръ становилась на плечо мужа, а мальчикъ на голову матери.

Не одна только дерзновенная смѣлость и изящество выполненія плѣняли зрителей—плѣняла ихъ и красота всѣхъ трехъ акробатовъ.

Чарльзъ Тиллеръ,—собственно, Фридрихъ Гуллеръ, нѣмецъ родомъ изъ Шлезвигъ-Гольштейна, но съ дѣтства обучавшійся въ англійской акробатической школѣ,—былъ крупный жилистый человѣкъ съ широкимъ гольштинскимъ черепомъ и свѣтлыми, какъ вода, глазами, сіявшими жизнерадостностью. Г-жа Тиллеръ была брюнетка съ темными глазами, родомъ изъ южной Франціи; родители ея также были акробатами, и оба нашли на этомъ поприщѣ ранній конецъ. Ей не было и семнадцати лѣтъ, когда Тиллеръ познакомился съ нею въ Манчестерѣ и, что называется, съ мѣста въ карьеръ женился на ней. У нихъ былъ одинъ только ребенокъ, окрещенный Стефаномъ и представлявшій собою чрезвычайно удачный примѣръ скрещиванія расъ, задумчивый мальчикъ, унаслѣдовавшій отъ матери чистую смуглую кожу и шелковистые черные волосы, а отъ отца мускулистое, сильное тѣло и свѣтлые лучистые глаза, сіявшіе добротой.

Среди артистовъ они слыли счастливой семьей. Каждый разъ, передъ началомъ ихъ номера и по окончаніи его изъ уборной Чарльза Тиллера доносился низкій, захлебывающійся смѣхъ—и люди знали, что онъ каждый вечеръ, послѣ работы спѣшитъ приласкать жену и сына раньше, чѣмъ они начнутъ переодѣваться.

Ангажементъ въ Винтергартенъ былъ неслыханной удачей для Тиллеровъ. До сихъ поръ имъ не везло и не удавалось попасть ни въ Берлинъ, ни въ Лондонъ, ни въ Парижъ. Да и самому номеру, выдуманному Тиллеромъ, съ головоломной эквилибристикой на бамбуковомъ шестѣ, было всего какихъ-нибудь полгода.

Тиллеръ годами ломалъ себѣ голову, придумывая новый номеръ, который открылъ бы ему, наконецъ, доступъ въ лучшіе города континента. Ему наскучило убогое существованіе, при которомъ можно было только сводить концы съ концами. И вся семья работала безъ устали, буквально въ потѣ лица. Маленькая Ортансъ не разъ была близка ко отчаянію, но всякій разъ поборовъ себя, глотала слезы и стиснувъ зубы продолжала работать, потому, что у Тиллера глазъ былъ острѣе ножа. Онъ любилъ свою малютку Ортансъ, и какъ только она начинала кривить губки, онъ бросалъ работу, бралъ ее на руки, какъ ребенка, и носилъ по комнатѣ, словно укачивая и тихонько напѣвая при этомъ. А иногда, начиналъ безъ причины смѣяться своимъ особеннымъ, хриплымъ, гортаннымъ смѣхомъ. Все его тѣло въ такія минуты, пронизывало ощущеніе необычайнаго счастья—онъ ясно чувствовалъ, какъ что-то тихо, таинственно журчитъ и кипитъ въ его крови. И всякій разъ думалъ при этомъ: это кровь во мнѣ запѣла. Тиллеръ любилъ и своего мальчика. Когда онъ смотрѣлъ на этого стройнаго и красиваго, сильнаго мальчугана, сердце его переполнялось отцовской гордостью. И съ тайной радостью онъ убѣждался, что сынъ унаслѣдовалъ отъ него серьезность, вдумчивость, разсудительность и прямоту. Да и глаза, свѣтлые и прозрачные, какъ вода, у него были тоже отцовскіе.

Въ часы отдыха мальчикъ любилъ сидѣть у него на колѣняхъ, обвивъ руками стройную шею отца и слушалъ разсказы Тиллера объ его гольштинской родинѣ, омываемой моремъ и обвѣянной дыханіемъ саги. Тиллеръ любилъ своего мальчика— но, опять таки, любилъ въ немъ больше всего его мать. Ея смѣхъ, хотя порой и нѣсколько рѣзкій, для него звучалъ музыкой; ея темные глаза, съ красивымъ изгибомъ слегка подведенныхъ бровей и необычайно длинными, шелковистыми рѣсницами, сверкали ненасытной жаждой жизни.

— У тебя глаза тигрицы,—говорилъ Тиллеръ; когда-нибудь, тысячу лѣтъ назадъ, ты навѣрное была, когда-нибудь, хищнымъ звѣремъ.

Тѣло ея, тонкое и гибкое, хрустѣло при каждомъ движеніи, и когда Тиллеръ слышалъ этотъ хрустъ, онъ отъ удовольствія прищелкивалъ языкомъ.

— У тебя кости голубки,—говорилъ онъ дивясь необычайной гибкости и подвижности ея членовъ,—и во всемъ тѣлѣ у тебя маленькія пружинки,—прибавлялъ онъ, осторожно об-

нимая ее, какъ хрупкую игрушку, и цѣлуя ее въ алый ротикъ, съ полными, немного чувственными губами.

Ротъ у Стефана тоже былъ отцовскій, а не материнскій: маленькій и красивый.

Когда агентъ Гриббера увидѣлъ его «номеръ» въ Глазго, онъ пришелъ въ неистовый восторгъ и сейчасъ же хотѣлъ законтрактовать его на нѣсколько лѣтъ. Но Тиллеръ, въ отвѣтъ на это предложеніе, только задумчиво покачалъ головою. Онъ слишкомъ долго ждалъ, слишкомъ долго скитался по разнымъ медвѣжьимъ угламъ, чтобы продать свой тяжкій трудъ за чечевичную похлебку. Разумѣется, въ Берлинъ на первый мѣсяцъ онъ пойдетъ за гроши, потому, что для него сейчасъ главное— выступить въ большомъ городѣ, передъ отличной публикой. Но если счастье, о которомъ онъ такъ долго мечталъ, наконецъ, улыбнется ему, тогда онъ хочетъ пожать и плоды своего труда. И тогда онъ потребуетъ хорошаго жалованья.

Передъ тѣмъ, какъ уснуть, въ темной спальнѣ, гдѣ раздавалось мѣрное и ровное дыханіе уже спящихъ Ортансъ и Стефана, Чарльзъ Тиллеръ долго лежалъ съ открытыми глазами и мечталъ о будущемъ, когда онъ будетъ называться уже не Чарльзомъ Тиллеромъ, а настоящимъ своимъ именемъ: Фридрихъ Гуллеръ изъ Фленсбурга въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ. Въ Фленсбургѣ у него не было не только родныхъ, но даже и однофамильцевъ. Прадѣдъ его, очевидно, переселился на берегъ Гольштиніи изъ какой-нибудь католической страны, потому что Гуллеры всѣ были католики.

Напрасно агентъ Гриббера по истеченіи перваго мѣсяца работы въ Берлинѣ, когда Тиллеру было уже положено хорошее жалованіе, убѣждалъ его заключить контрактъ, хотя бы на пять лѣтъ, хотя бы на будущій годъ—Тиллеръ не соглашался, говоря, что съ нимъ контрактовъ не нужно; достаточно его слова: если къ нему будутъ хорошо относиться, и если онъ будетъ достаточно зарабатывать, онъ и такъ не уйдетъ. А контрактъ? Какъ можно заключить контрактъ на будущій годъ, когда, можетъ быть, его на будущій годъ и въ живыхъ-то не будетъ.

— Ну полноте. Такой богатырь, какъ вы! Да вы до ста лѣтъ доживете.

— Сто лѣтъ—это слишкомъ много, а вотъ дожить до сѣдыхъ волосъ здоровымъ и бодрымъ — это по моему, хорошо.

И Тиллеръ загадочно улыбался, не распространяясь о томъ, почему его старость рисуется ему такой привлекательной.

И вообще, когда при немъ загадывали о будущемъ, онъ спѣшилъ двумя-тремя фразами оборвать разговоръ, намекнувъ на то, что не слѣдуетъ искушать Бога и упреждать Божью волю. Потому, что Тиллеръ вѣрилъ въ Бога, незыблемо и просто, не разсуждая.

Когда на сценѣ выступали китайцы, Стефанъ всегда смотрѣлъ на нихъ изъ-за кулисъ. Одинъ изъ нихъ, во время воздушнаго прыжка, проскакивалъ въ сравнительно узкую, острыми ножами утыканную раму. При этомъ на спинѣ у него болталась длинная, черная коса, а подъ мышками онъ держалъ съ каждой стороны по пестрой тарелкѣ. Тиллеръ называлъ этотъ номеръ маленькимъ шедевромъ. Вообще китайцы продѣлывали такія штуки, которыхъ мальчикъ никакъ не могъ себѣ объяснить. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ нихъ ухитрялся засовывать, невѣдомо какъ, девятилѣтняго ребенка въ большую урну съ такимъ узкимъ горлышкомъ, что въ него самое большее, могла просунуться дѣтская ручка. Затѣмъ, накрывалъ ребенка и урну темнымъ шелковымъ платкомъ, разъ, два, три—взмахивалъ бамбуковой палочкой, бормоча заклинанія; затѣмъ, снималъ платокъ —и что же?—ребенокъ тонко и жалобно кричалъ ему что-то изъ глубины урны, просовывая въ отверстіе кончикъ своей ножки.

Стефанъ трясся всѣмъ тѣломъ отъ волненія, когда смотрѣлъ на это.

Его волновала и роскошь одеждъ китайскихъ фокусниковъ, изъ тяжелаго стариннаго шелка, такъ странно хрустѣвшаго при каждомъ движеніи, и странные гортанные звуки, которые они издавали. Вообще, какихъ только звуковъ, языковъ и нарѣчій не слыхалъ Стефанъ: арабскій, англійскій, китайскій, нѣмецкій, французскій — всѣ эти языки постоянно звенѣли въ его ушахъ, перемежаясь съ венгерскими фразами. Въ жалкихъ дощатыхъ конуркахъ, которыя здѣсь именовались уборными, казалось, собрались представители всего разноязычнаго міра.

Въ мечтахъ мальчикъ видѣлъ себя то скачущимъ по степи на бѣломъ конѣ, то въ Пекинѣ, покупающимъ тяжелыя шелковыя матеріи и деревянныя издѣлія съ безцѣнной рѣзьбой, потомъ путешествующимъ, проникающимъ въ глубь страны къ колдунамъ, фокусникамъ и жрецамъ, чтобы посмотрѣть и подслушать у нихъ всѣ ихъ колдовскія штуки и заклинанія. А иногда ему представлялось, будто онъ съ матерью путешествуетъ по Бретани и съ отцомъ по гольштинскому побережью. Но, неизмѣнно, всюду ему сопутствовала Марга Тёррекъ, маленькая

венгерка-танцовщица. Какія-то невидимыя, неуловимыя нити сплетали ихъ души. Нерѣдко, въ темномъ углу сцены или за кулисами они долго стояли, держась за руки, молча, счастливые уже тѣмъ, что они вмѣстѣ. Мальчику все время казалось, что Марга плачетъ. Онъ не видѣлъ ея слезъ и не слышалъ плача, но въ глазахъ маленькой танцовщицы всегда былъ влажный блескъ, точно послѣ слезъ, а губы все время какъ-то болѣзненно кривились. Иногда она брала его руку и ласково проводила ею по своему бѣлому личику, и это прикосновеніе заставляло мальчика вздрагивать, волновало его еще больше, чѣмъ когда Марга наклонялась и цѣловала его, причемъ онъ ясно ощущалъ легкій пушокъ на ея верхней губѣ.

— О чемъ ты все грустишь? — спросилъ онъ однажды и сейчасъ же потупился, самъ испугавшись своего вопроса. Марга ничего не отвѣтила, но онъ ясно почувствовалъ, какъ дрогнула ея рука, которую онъ держалъ въ своей.—Ну, хорошо, я больше не буду говорить объ этомъ,—смиренно пообѣщалъ онъ.

Маленькая венгерская танцовщица никогда не бывала въ гостяхъ или въ театрѣ; отработавъ свое, она торопливо прощалась со своимъ маленькимъ другомъ и уѣзжала домой. Одинъ изъ членовъ труппы, и раньше работавшій съ нею, разсказывалъ, будто у нея былъ романъ съ однимъ венгерскимъ магнатомъ, который потомъ умеръ какой-то загадочной смертью, но онъ говорилъ объ этомъ такъ небрежно, вскользь, что это принимали за сплетни, не придавали его словамъ никакого значенія.

Образъ танцовщицы запечатлѣлся въ душѣ Стефана, и это первое сильное впечатлѣніе, произведенное на него такимъ, ярко выраженнымъ женскимъ типомъ, какъ Марга Террекъ, стало рѣшающимъ для всей его позднѣйшей жизни.

Тиллеры тоже держались въ сторонѣ отъ товарищей по труппѣ. Близкой дружбы между артистами, вообще, не бываетъ. У каждаго слишкомъ много возни съ самимъ собою, съ тренировкою своего тѣла; для того, чтобы изъ вечера въ вечеръ работать безукоризненно, надо вести жизнь аккуратную и воздержную; варьете и циркъ—не то, что театръ, гдѣ артистъ иной разъ и капризничаетъ, и плюетъ на публику. Здѣсь, кто сегодня плохо работалъ, можетъ завтра же получить разсчетъ, не говоря уже о томъ, что многіе изъ этихъ людей при малѣйшей разсѣянности рискуютъ жизнью.

Одинъ лишь изъ артистовъ труппы подружился съ Тиллерами и аккуратно, каждый день ходилъ обѣдать одновременно съ ними, въ тотъ же ресторанъ. Это былъ Борелья, флейтистъ-канатоходецъ. Внѣ сцены, онъ, со своими коротко остриженными волосами, вѣр-

нѣе, почти бритымъ черепомъ и гладко выбритымъ лицомъ, смахивалъ на жокея.

Чарльзу Тиллеру нравилось его общество. За столомъ Борелья съ серьезнѣйшимъ видомъ умѣлъ разсказывать самые забавные анекдоты. Онъ былъ высокій, тонкій и на головѣ носилъ жокейскую шапочку съ широкимъ козырькомъ. Бросалось въ глаза, что на немъ всегда былъ одного фасона узенькій бѣлый галстухъ, свободно болтавшійся подъ воротничкомъ.

Фрау Тиллеръ нравились его нѣжныя, какъ у женщины, руки, изукрашенныя дорогими перстнями, съ брилліантами и рубинами.

Этотъ-то Борелья и сблизился съ семействомъ Тиллеръ. Онъ всегда обѣдалъ и ужиналъ съ ними вмѣстѣ, былъ со всѣми на ты и держалъ себя, какъ близкій другъ семьи.

Ортансъ, говорившая на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ, который далеко не всѣ понимали, отправляясь въ городъ за покупками, всегда брала съ собою флейтиста. Онъ служилъ ей переводчикомъ; къ тому же, онъ, въ противоположность Тиллеру, зналъ толкъ и въ платьяхъ и въ разныхъ мелочахъ женскаго туалета, которыя были такъ дороги сердцу маленькой француженки. Когда она, уже подъ вечеръ, возвращалась въ отель и раскладывала передъ мужемъ всѣ свои сокровища, пріобрѣтенныя за день, Тиллеръ заливался своимъ хриплымъ, гортаннымъ смѣхомъ. Самъ онъ по натурѣ былъ бережливъ и разсчетливъ, но его веселило и радовало видѣть счастливой «малютку Ортансъ», какъ онъ называлъ жену, и онъ былъ искренно благодаренъ Борельѣ, что тотъ ходитъ съ нею по магазинамъ.

— Я въ этой ерундѣ ни вотъ на эстолько не понимаю,— говорилъ онъ, щелкая большимъ и указательнымъ пальцемъ,— но ты, Борелья, молодчина. Удивительно ты ловкій малый! Вотъ у кого надо учиться.

— Хочешь, поступай ко мнѣ въ ученье?—смѣялся Борелья,— выкладывай сейчасъ на столъ тысячу франковъ и черезъ двѣ недѣли...

— Нѣтъ, братъ. На глупости у меня денегъ нѣтъ,— смѣялся въ отвѣтъ Чарльзъ Тиллеръ,—да, еслибъ и были, ничему ты меня не научишь. Малютка права: я способенъ купить дерюгу за шелкъ.

Борелья при этихъ словахъ какъ-то особенно подмигивалъ, а на фрау Тиллеръ нападалъ неудержимый кашель, такъ что разговоръ самъ собой прекращался.

Странно, что съ самаго начала Стефанъ почувствовалъ къ Борельѣ глубокую антипатію, и, несмотря на увѣщанія отца, не

могъ преодолѣть ея и упорно стоялъ на своемъ: «Я его не люблю». И, когда отецъ требовалъ, чтобы онъ объяснилъ причину своей антипатіи, мальчикъ растерянно пожималъ плечами и молча отварачивался. Тиллеръ не хотѣлъ принуждать его, да и самъ онъ, чѣмъ дальше, становился нервнѣе. Его тревожило, что жена цѣлыми днями пропадаетъ изъ дому за покупками. Домой она возвращалась, всегда нагруженная свертками и пакетами, и какъ-то особенно возбужденная. Иногда ему хотѣлось пожурить ее, но, видя ея бурную радость, онъ сдерживалъ свое недовольство. Однажды, онъ сказалъ ей, полушутя:

— Ты, кажется, хочешь закупить весь Берлинъ?

Она сдвинула брови, и по угламъ ея рта залегли глубокія складки, которыхъ Тиллеръ не выносилъ. Тиллеръ хорошо изучилъ жену и въ первые же годы совмѣстной жизни съ ней убѣдился, что вступать съ нею въ пререканія безполезно. Она была страшно упряма, и упорство ея проявлялось не вспышками гнѣва, а угрюмымъ молчаніемъ и ледяною холодностью. Она способна была молчать такъ по цѣлымъ днямъ, даже по цѣлымъ недѣлямъ, пугливо избѣгая всякаго соприкосновенія съ мужемъ. И этого Тиллеръ боялся. И, такъ какъ онъ любилъ свою жену безгранично и не хотѣлъ замѣчать ея недостатковъ, въ мелочахъ онъ никогда не перечилъ ей. И радовался, что они живутъ мирно. Нѣжность ея маленькихъ ручекъ, податливость и гибкость ея легкаго, какъ перышко, тѣла, ея ласка, давали ему такія сладостныя ощущенія, отъ которыхъ закипала вся его тяжелая, сѣверно-нѣмецкая кровь.

— Нечего дѣлать сердитые глаза,—выговорилъ онъ медленно.—Ты знаешь, что я всегда радуюсь твоей радости.— Онъ провелъ своей большой мохнатой рукой по блестящему шелку ея волосъ и почувствовалъ, какъ отъ этого прикосновенія у него забилась какая-то жилка въ ладони.

Ортансъ посмотрѣла на мужа и залилась громкимъ серебристымъ смѣхомъ, причемъ ея жемчужные зубки заблестѣли, какъ снѣгъ на солнцѣ. Въ ней несомнѣнно былъ особый «шармъ», въ этой малюткѣ Ортансъ, были чары, сводившія съ ума ея мужа. Она заговорила, по обыкновенію скороговоркой, такъ что одно слово обгоняло другое, и принялась увѣрять, что вѣдь это же страшно выгодно—купить все въ Берлинѣ. Берлинъ самый дешевый городъ на свѣтѣ; въ Парижѣ и Лондонѣ пришлось бы за то же самое платить вдвойнѣ и втройнѣ.

Тиллеръ вытащилъ изъ кармана большую записную книгу.

— Позволь, малютка. Вотъ у меня здѣсь все высчитано. Въ этомъ году мы можемъ отложить семнадцать тысячъ марокъ. Въ будущемъ году двадцать пять тысячъ; въ послѣдующіе годы, въ среднемъ, по тридцати тысячъ. До тѣхъ поръ нашъ номеръ останется атракціономъ, а если нѣтъ, то я придумаю что-нибудь новенькое. Съ процентами это составитъ около десяти тысячъ фунтовъ. Когда я скоплю ихъ, малютка Ортансъ, мы всѣ трое поѣдемъ на мою родину, къ морю, купимъ себѣ усадьбу и будемъ жить, припѣваючи. Хоть тамъ народъ и богатый, но не у каждаго найдется капиталъ въ двѣсти тысячъ марокъ. И для Стефана мнѣ не хочется, чтобы онъ всю жизнь провелъ среди артистовъ. Ты посмотри въ глаза нашему мальчику—не годится онъ для этой жизни. Видишь ли, Ортансъ, я день и ночь мечтаю о томъ, какъ я буду ѣздить съ рыбаками на рыбную ловлю, а ты будешь жить спокойно, безъ заботъ, не надрываясь ради потѣхи публики; будешь себѣ плести кружева, какъ тебя учили дома, а послѣ обѣда будешь лежать на широкомъ, красивомъ диванѣ и отдыхать. И каждую зиму мы будемъ ѣздить для развлеченія въ Любекъ и Киль, въ Гамбургъ и Бременъ и закупать къ Рождеству разныя красивыя вещи; придетъ охота, такъ и въ Берлинъ махнемъ, денька на два, возьмемъ билеты въ Винтергартенъ и будемъ смотрѣть, какъ другіе представляютъ для насъ. Вотъ я и думаю, что надо намъ дорожить и временемъ, и деньгами потому, что каждый таллеръ, положенный въ банкъ—это днемъ ближе къ отдыху. Вотъ что я хотѣлъ тебѣ сказать, малютка Ортансъ, чтобы ты знала, почему я не очень-то люблю раскошеливаться.

Не дожидаясь ея отвѣта, онъ взялъ ея на руки, поднялъ на воздухъ и принялся укачивать, какъ маленькаго ребенка. Она вырывалась, но онъ не пускалъ ее, нося ее по комнатѣ и мурлыкая себѣ подъ носъ. Вся его досада уже прошла.

Еслибъ Чарльзъ Тиллеръ могъ въ эту минуту заглянуть въ сердце своей жены, у него бы въ глазахъ потемнѣло отъ ужаса.

Вечеромъ, въ этотъ день онъ, къ ужасу своему, замѣтилъ, что Ортансъ разсѣянна и невнимательна. Она рабоаала плохо, и онъ долженъ былъ ежеминутно слѣдить, чтобы не случилось несчастія. Онъ бросалъ ей предостерегающіе взгляды, и, когда она, наконецъ, соскочила на землю, даже шепнулъ ей на ухо нѣсколько сердитыхъ словъ.

Она даже вниманія не обратила, мысли ея какъ-будто были гдѣ-то далеко. Въ Тиллерѣ закипѣла кровь, какъ молотомъ, застучало въ вискахъ. Онъ посмотрѣлъ на сына и замѣтилъ, что

мальчикъ измѣнился въ лицѣ: глаза шли глубже въ орбиты, а лицо стало зеленовато блѣднымъ.

— Что съ тобой, мальчуганъ?—спросилъ его отецъ. Но мальчикъ только покачалъ головой и блѣдно усмѣхнулся. Вечеромъ Тиллеры всѣ трое сидѣли за ужиномъ, притихшіе, почти не разговаривая между собой.

Вотъ каковы были эти люди.

Въ душѣ у каждаго изъ нихъ кипѣло, а внѣшне каждый воздерживался, скрывалъ свои затаенныя мысли и чувства.

Борелья на этотъ разъ не пришелъ обѣдать, и за столомъ сидѣли въ глубокомъ молчаніи только трое: отецъ, мать и сынъ. Тиллеру страшно хотѣлось спросить жену, что́ съ ней, но онъ только прикусывалъ себѣ языкъ и оставался нѣмъ, какъ рыба. И все думалъ и думалъ, стараясь разгадать, что творится въ ея душѣ. Какъ это могло случиться, что она во время работы вдругъ потеряла голову? Вѣдь, въ ихъ работѣ каждая разсѣянность грозила гибелью.

Въ эту ночь всѣ трое не спали, и каждый зналъ про другого, что и тотъ не можетъ уснуть.

Но на другое утро фрау Тиллеръ, не дожидаясь вопросовъ и, повидимому, безъ всякой связи со всѣмъ предыдущимъ, вдругъ объявила, что ей Берлинъ надоѣлъ и чтобы Тиллеръ на февраль взялъ ангажементъ въ другомъ мѣстѣ. И вообще, это неблагоразумно два мѣсяца подрядъ выступать въ Винтергартенѣ; это значитъ, что на будущее время Берлинъ уже потерянъ для нихъ. «Борелья того же мнѣнія»,—прибавила она, и какъ бы случайно, повернулась къ мужу спиной.

Тиллеръ покраснѣлъ, какъ ракъ, но гнѣвныя вспышки были не въ его характерѣ. Этотъ медлительный человѣкъ достаточно долго работалъ надъ своимъ воспитаніемъ, чтобъ не выучиться владѣть собою, подавлять въ себѣ и горе, и гнѣвъ, поминутно давая себѣ окрики: «Осторожнѣе, Тиллеръ, берегись, не давай себѣ воли».

И, хотя въ душѣ его закипалъ гнѣвъ, онъ отвѣтилъ, съ виду спокойно, чтобы она не дурила ему голову понапрасну: ей не хуже его извѣстно, что контракта нарушить нельзя; онъ не знаетъ, съ чьихъ словъ она такъ говоритъ, но, во всякомъ случаѣ, совершенно невѣрно, будто второй мѣсяцъ выступленія въ Винтергартенѣ можетъ имъ сколько-нибудь повредить. Какъ разъ наоборотъ. Въ артистическомъ мірѣ произвело сенсацію, что Грибберъ продлилъ съ ними контрактъ еще на мѣсяцъ; онъ ни за что не согласится отпустить ихъ, да и куда же имъ дѣться на февраль.

Ортансъ съ минуту смотрѣла на мужа прищуренными глазами, словно котенокъ, готовящійся къ прыжку, и затѣмъ осторожно возразила, что устроить это вовсе не трудно, что она уже говорила съ агентомъ, и что Гриббергъ, навѣрное, согласится отпустить ихъ на февраль въ Гамбургъ, съ тѣмъ, чтобы они на декабрь снова вернулись въ Берлинъ.

Чарльзъ Тиллеръ такъ растерялся отъ этой неожиданности, что въ первый моментъ ничего даже не отвѣтилъ и только провелъ нѣсколько разъ по лбу, мысленно повторяя ея слова, чтобы лучше усвоить ихъ смыслъ и значеніе.

При этомъ онъ ощущалъ въ вискахъ острую боль, такъ какъ разгадывать загадки, и пріискивать выходы изъ труднаго положенія—въ этомъ онъ никогда не былъ силенъ. Но, такъ какъ онъ уже былъ встревоженъ и выбитъ изъ колеи, то онъ вцѣпился въ ея слова, какъ рыба въ приманку и уже не могъ не думать о нихъ. Что такое на нее вдругъ напало? До сихъ поръ она предоставляла ему устраивать всѣ дѣла, не вмѣшиваясь въ это сама, и вдругъ теперь начинаетъ вести за его спиной переговоры съ агентомъ, какъ будто его и на свѣтѣ-то нѣтъ. И онъ вдругъ жестоко разсердился на агента, который очевидно и виновникъ всему.—Ну погоди же!—мысленно грозилъ онъ кулакомъ льстивому режиссеру.

— Почему же это непремѣнно въ Гамбургъ?—спросилъ онъ послѣ долгой паузы, въ тотъ моментъ самъ себѣ не отдавая отчета въ томъ, какую огромную важность имѣетъ для него этотъ вопросъ.

Ортансъ улыбнулась, показавъ свои мелкіе острые зубы—зубы хищницы—и отвѣтила нараспѣвъ, уже почти увѣренная, что этотъ большой, сильный человѣкъ безпрекословно пойдетъ за ней:

— Борелья говоритъ, что послѣ Берлина непремѣнно надо ѣхать въ Гамбургъ, что Гамбургъ послѣ Берлина самый большой городъ въ Германіи.

Тиллеръ все еще не понималъ. Онъ только разсердился, что жена его говоритъ со словъ Борельи, какъ будто тотъ смыслитъ въ этомъ больше его.

— А Борелья-то тутъ причемъ?—спросилъ онъ.—Этотъ чего суется не въ свое дѣло?

И въ глубинѣ его сознанія—словно онъ все время упорно копалъ заступомъ, отбрасывая въ сторону землю и, наконецъ, докопался до чистой воды—вдругъ всплыло жокейское лицо Борельи. Такъ это не агентъ, это Борелья, со своими узкими,

холеными руками въ перстняхъ, набиваетъ ей голову всякимъ вздоромъ? Ничего дурного при этомъ онъ не подумалъ: канатоходецъ нравился ему, и худого отъ него онъ не ждалъ.

Ортансъ, и глазомъ не моргнувъ, спокойно отвѣтила:

— Борелья также подписалъ контрактъ въ Гамбургъ. Вѣдь это было бы страшно мило, если бы мы еще мѣсяцъ могли бы поработать вмѣстѣ.

— Гм!—сдѣлалъ Тиллеръ; объясненіе показалось ему правдоподобнымъ.—Да, это было бы пріятно,—отвѣтилъ онъ сухо,—но только это дѣло неподходящее. Его разрывъ съ Берлиномъ произведетъ неблагопріятное впечатлѣніе, а именно теперь, когда они, послѣ столькихъ лѣтъ упорной работы, выбились, наконецъ, изъ нищеты, нельзя дѣлать глупостей. Одинъ такой дурацкій поступокъ, и они снова, какъ прежде, будутъ топтаться въ навозѣ, а деньги въ Лондонскій Банкъ понесутъ другіе. Нѣтъ, этого онъ положительно не желаетъ.

— Усадьба въ Гольштиніи стоитъ денегъ, а безъ процентовъ жить нельзя,—спокойно и дѣловито заключилъ Тиллеръ. Хоть онъ умомъ и не блещетъ, но все-таки это онъ разсудилъ здраво. Однако для успокоенія Ортансъ, онъ готовъ еще разъ обдумать все это дѣло и вечеромъ переговорить съ агентомъ.

Чарльзъ Тиллеръ вернулъ себѣ утраченное душевное равновѣсіе. У Ортансъ это, очевидно, женскій капризъ и ничего больше. Точно тяжесть свалилась у него съ груди, и онъ уже опять усмѣхался своей особенной усмѣшкой, хоть у него и болѣла голова отъ всѣхъ этихъ непривычныхъ мыслей.

Чувство справедливости подсказывало ему, что онъ напрасно сердился на агента. А Борельѣ онъ скажетъ просто, по товарищески: «Слушай-ка, дружище, у каждаго человѣка достаточно хлопотъ съ самимъ собою. Чортъ возьми, не путайся ты въ мои дѣла, а не то нашей дружбѣ конецъ».

Въ сущности онъ былъ даже доволенъ, что флейтистъ черезъ нѣсколько дней уѣзжаетъ въ Гамбургъ. Все-таки онъ, Тиллеръ, всегда стѣсняется чужихъ людей и всего лучше чувствуетъ себя въ своей семьѣ, съ женою и съ сыномъ. И съ чего это и какъ это вышло, что они въ теченіе нѣсколькихъ недѣль были всѣ четверо неразлучны, точно слѣпились между собою... Тиллеръ трижды плюнулъ, какъ онъ съ давнихъ поръ привыкъ это дѣлать, когда ему хотѣлось отдѣлаться разъ навсегда отъ какой-нибудь непріятной мысли.

Въ тотъ же день, около пяти часовъ, Тиллеръ вошелъ въ Кафе-Бауэръ и тотчасъ же поднялся въ верхній этажъ, гдѣ у

артистовъ былъ свой отдѣльный артистическій столъ, составленный изъ нѣсколькихъ мраморныхъ столиковъ.

И дѣйствительно, тутъ они всѣ были въ сборѣ: китайцы и арабы, англичане, французы и нѣмцы. Густые клубы дыма окутывали сидящихъ, такъ что лица въ первый моментъ разглядѣть было трудно.

При появленіи Тиллера разговоръ вдругъ оборвался. Тиллеръ вѣроятно сейчасъ же замѣтилъ бы это, еслибъ агентъ, сидѣвшій тутъ же, не вскочилъ со стула, чтобы предупредительно очистить ему мѣстечко.

Тиллеръ, по обыкновенію, поздоровался со всѣми за руку, и ему показалось, какъ будто всѣ товарищи какъ-то особенно сердечно отвѣтили на его пожатіе; но тѣмъ не менѣе разговоръ все время какъ-то не вязался.

— Да что тутъ у васъ сегодня?—полушутя, полусерьезно спросилъ Тиллеръ.— Что за тайны такія? Если я вамъ помѣха, я сейчасъ уйду.

Но агентъ удержалъ его и заставилъ остаться.

Тиллеръ заказалъ себѣ турецкій кофе; ему нужно было выпить чего-нибудь покрѣпче, чтобы подвинтить расходившіеся нервы. Ему было не по себѣ: сильный человѣкъ чувствовалъ себя ослабѣвшимъ, развинченнымъ.

Столъ постепенно пустѣлъ. Одни ушли играть на билліардѣ; другіе сѣли за карты.

Тиллеръ не сѣлъ. Онъ разсѣянно смотрѣлъ на товарищей, оставшихся только затѣмъ, чтобы не оставлять его одного.

— А Борельи здѣсь не было?—спросилъ онъ.

— Борельи? Нѣтъ, Борельи здѣсь не было,—отвѣтилъ одинъ изъ нихъ и чуть замѣтно усмѣхнулся.

Но отъ Тиллера не ускользнула эта усмѣшка. И оттого ли, что онъ уже былъ взвинченъ и раздраженъ всѣмъ предыдущимъ, оттого ли, что онъ, тяжкодумъ, простодушный, недогадливый и довѣрчивый, вдругъ заподозрилъ истину... какъ бы то ни было, онъ вспылилъ и заявилъ вызывающимъ тономъ, что онъ не потерпитъ, чтобы ему отвѣчали на самые простые вопросы съ такой подлой усмѣшкой. А если этого недостаточно, то онъ готовъ, если надо, и доказать на дѣлѣ, что онъ умѣетъ защитить себя.

Товарищъ, обиженный его оскорбительнымъ тономъ, тоже перестал стѣсняться, въ свою очередь заявилъ, что онъ не потерпитъ такой неслыханной дерзости, и ядовито прибавилъ, что онъ-то ужъ знаетъ, почему онъ усмѣхнулся, и господинъ

агентъ это знаетъ, да и остальные тоже. Пусть-ка Тиллеръ поприжметъ хорошенько агента, тотъ ему все объяснитъ.

Тиллеръ все еще не понималъ. Ему казалось, что его колотятъ по лбу какимъ-то тупымъ орудіемъ, но это прошло моментально; онъ тяжело стукнулъ по мраморной доскѣ широкой рукой съ растопыренными могучими пальцами и, повернувшись къ агенту, выговорилъ, какъ будто спокойнымъ голосомъ:

— Эй, ты! будетъ ужъ скрытничать! Говори!

Лицо агента побѣлѣло, какъ мѣлъ, глаза безпокойно забѣгали, и онъ принялся каяться и божиться, что онъ ничего, ровнехонько ничего не знаетъ, и что это прямо-таки безстыдство, впутывать его въ эту исторію.

На вискахъ у Тиллера вздулись синія жилы. Среди мертвой тишины, онъ до жуткости тихимъ, какимъ-то беззвучнымъ голосомъ, потребовалъ отъ товарищей, чтобы они сейчасъ же ему разъяснили смыслъ ихъ постыдныхъ намековъ.

Тотъ, кто усмѣхнулся первымъ, первый и отвѣтилъ. Потому ли, что необычное поведеніе Тиллера подсказало ему, что можетъ случиться нѣчто ужасное, если и тутъ уклониться отъ прямого отвѣта на вопросъ этого большого ребенка, напрягавшаго всѣ остатки воли, чтобы сдержать себя и не пустить въ ходъ свою богатырскую силу, потому ли, что этого требовало его внутреннее чувство справедливости, но только отвѣтъ онъ взялъ на себя.

— Тиллеръ,—сказалъ онъ,—мнѣ искренно жаль, если я, вовсе не желая того, коснулся больного мѣста, но разъ вы съ ножемъ къ горлу требуете отъ меня отвѣта, я не желаю лгать и притворяться, какъ другіе. Вѣдь это же всѣмъ извѣстно въ труппѣ, что... ну, что Борелья хвостомъ ходитъ за вашей женой, что они...

Онъ остановился, испугавшись пристальнаго и тяжелаго взгляда Чарльза Тиллера.

— Что они...—повторилъ Тиллеръ, не сводя съ него этого тяжелаго взгляда, настойчиво требовавшаго отвѣта.

И тотъ, чувствуя, что если онъ промолчитъ, онъ рискуетъ поплатиться собственной шкурой, коротко и рѣшительно досказалъ:

— Что между мадамъ Тиллеръ и Борельей что-то есть, что мадамъ ежедневно бываетъ у него...

Онъ не докончилъ.

Тиллеръ опрокинулъ стоявшій передъ нимъ столикъ такъ, что чашки, тарелки, стаканы и бутылки, звеня, полетѣли на

полъ, и съ глухимъ ревомъ, словно разъяренный звѣрь, кинулся на говорящаго.

Игравшіе на билліардѣ замерли съ кіями въ рукахъ; карточные игроки повскакивали изъ-за столовъ, чтобы вырвать у Тиллера его жертву. Но это было не такъ-то легко. Тиллеръ такъ вцѣпился въ своего противника, словно они срослись вмѣстѣ. Сбѣжались и всѣ остальные посѣтители ресторана; явился распорядитель въ сопровожденіи оберъ-кельнера.

Но что могли они сдѣлать съ этимъ обезумѣвшимъ гигантомъ, у котораго била изо рта бѣлая пѣна?

Внезапно онъ самъ добровольно выпустилъ несчастнаго, который, дрожа и кряхтя, поднялся на ноги, посмотрѣлъ на толпившихся вокругъ товарищей, какъ будто это были все совершенно чужіе ему люди, существа изъ другого міра, и остановилъ свой взоръ на агентѣ, который едва удерживался, чтобы громко не разревѣться. И съ тихимъ стономъ, разрывающимъ сердце, взялъ его за руку, стиснувъ ее, словно желѣзными клещами, и потащилъ его за собой къ выходу.

Агентъ громко стоналъ отъ боли, но Тиллеръ не обратилъ на это вниманія.

— Господинъ Тиллеръ, мы шляпы тамъ оставили,— на лѣстницѣ взмолился агентъ, — вѣдь безъ шляпъ мы не можемъ выйти на улицу.—Тиллеръ выпустилъ его руку, и маленькій человѣчекъ сбѣгалъ за шляпами.

Тѣмъ временемъ Тиллеръ нѣсколько овладѣлъ собою.

— Клерекъ, вы пойдете со мной къ Борельѣ, въ отель, гдѣ онъ живетъ.

Агентъ, весь въ холодномъ поту отъ страха, кивнулъ головой. Пройдя нѣсколько шаговъ, Тиллеръ вдругъ остановился посрединѣ тротуара.

— Да неужто же это правда? Говорите! Неужто это правда?

Агентъ плаксиво сморщился и утеръ рукавомъ глаза.

Тиллеръ стоялъ въ раздумьи, не трогаясь съ мѣста.

Его обходили, толкали, изумленно оглядывались на него. Онъ ничего не видѣлъ и не слышалъ.

Внезапно правая рука его опустилась на плечо маленькаго человѣчка, съ такой силой, что тотъ вздрогнулъ, словно отъ удара.

— Почему же вы мнѣ ничего не сказали?

— Ахъ, Тиллеръ, я давно хотѣлъ намекнуть вамъ, но хозяинъ меня все отговаривалъ: что же, говоритъ, тутъ преду-

преждать—и самъ узнаетъ когда-нибудь; помочь горю—не поможешь, а бѣда никогда не приходитъ слишкомъ поздно.—И, ободренный молчаніемъ Тиллера, онъ продолжалъ болтать:—Мы и то всѣ дивились, что вы какъ будто ослѣпли и ничего не замѣчаете, и еще прикармливаете этого франта. Всѣ, вѣдь, знаютъ, какая репутація у Борельи, и откуда у него, мерзавца, всѣ эти перстни на рукахъ.

— Такъ вотъ какъ! Всѣ это знали, а вы за моей спиной сговаривались перевести меня въ Гамбургъ, для того, чтобъ моя...—онъ не въ состояніи былъ выговорить: жена,—чтобъ эта каналья и тамъ съ нами былъ неразлученъ.

— Я это сдѣлалъ? Я сговаривался... я? Нѣтъ, м-ръ Тиллеръ, это гнусная клевета. Мадамъ и онъ пришли ко мнѣ. И что же я отвѣтилъ имъ? Контрактъ со мной подписывалъ м-ръ Тиллеръ. Устроить, разумѣется, можно все, что угодно, если этого потребуетъ господинъ артистъ. Но, пока самъ м-ръ Тиллеръ не попроситъ меня объ этомъ, я пальцемъ не шевельну. Вотъ, что я отвѣтилъ имъ, м-ръ Тиллеръ, не сойти мнѣ съ этого мѣста, если я вру! И кто вамъ скажетъ другое, тотъ безсовѣстный лжецъ.

Не говоря ни слова болѣе, Тиллеръ остановился передъ магазиномъ оружія и вошелъ туда, оставивъ агента на улицѣ и тотчасъ же вернулся, со сверткомъ въ рукахъ, бормоча про себя: «Помоги ему, Боже»!

Перепуганный на смерть агентъ все-таки разслышалъ эти слова и, собравшись съ духомъ, загородилъ ему дорогу.

— Помоги и вамъ Боже, м-ръ Тиллеръ! Что вы такъ мрачно смотрите на меня? Я знаю, что вы задумали. Господи, Боже мой! И зачѣмъ вы хотите сдѣлать себя непремѣнно несчастнымъ? Даю вамъ слово, господинъ Тиллеръ, такія вещи случаются каждый день—по сто, по тысячу разъ на день, каждый часъ и даже еще того чаще. Вы добрый человѣкъ, хорошій человѣкъ. Зачѣмъ вы хотите сгубить и себя, и свою семью изъ-за такой сволочи, какъ этотъ Борелья?..

Онъ не договорилъ. Тиллеръ толкнулъ его въ бокъ. Они почти дошли до отеля, гдѣ жилъ Борелья, и вдругъ увидали самого флейтиста подъ ручку съ мадамъ Ортансъ. Они, должно быть, только что вышли оттуда. Оба были веселы. Маленькая француженка смѣялась своимъ звонкимъ, немного рѣзкимъ смѣхомъ; флейтистъ вторилъ ей...

И вдругъ, произошло нѣчто странное: Тиллеръ неожиданно заступилъ имъ дорогу, приподнялъ цилиндръ, отвѣсилъ торже-

ственный и низкій поклонъ, словно знатнымъ особамъ, и спокойно прошелъ мимо, даже не оглянувшись на ошеломленную неожиданностью и ужасомъ парочку.

— Вотъ комикъ-то,—подумалъ агентъ, но вслухъ сказалъ только:—Господи, какъ я испугался! Я думалъ, меня хватитъ ударъ!

Но Тиллеръ, погруженный въ свои мысли, не слушалъ его.

Противъ обыкновенія, въ этотъ вечеръ Тиллеръ не вернулся домой, а махнулъ рукою агенту, чтобъ онъ уходилъ, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ бродилъ по Тиргартену, холодному, безлюдному и пустынному. Замерзшій снѣгъ лежалъ на вѣткахъ деревьевъ и хрустѣлъ подъ ногами, сверкая въ сіяніи звѣздъ, такихъ ясныхъ и свѣтлыхъ въ эту холодную зимнюю ночь.

Заложивъ руки за спину, тяжелыми большими шагами, Тиллеръ шагалъ по дорожкамъ. Въ головѣ у него бурлило и кипѣло, онъ совершенно отчетливо слышалъ однотонный, тихій, шипящій звукъ, напоминающій пѣсенку кипящаго чайника. Но сквозь это кипѣніе и шипѣніе пробивалась все же опредѣленная мысль, которая, въ переводѣ на слова, означала:—«Борелью надо убрать, убрать, убрать»! И, когда онъ додумался до этого рѣшенія, у него стало легко на душѣ и какъ-то совсѣмъ не больно.

Онъ вынулъ изъ кармана часы и не испугался, увидавъ, что была уже половина десятаго, хотя номеръ его начинался обыкновенно въ десять. Онъ даже досталъ записную книжку и дѣловито записалъ, крупными неуклюжими буквами на свободномъ листкѣ: «Вечеромъ, въ половинѣ десятаго, я все рѣшилъ».

И тогда только ускорилъ шаги. У Бранденбургскихъ воротъ онъ взялъ извозчика и, все время подгоняя кучера, быстро покатилъ въ Винтергартенъ.

Онъ едва-едва поспѣлъ во время. Ортансъ и Стефанъ ждали его уже одѣтыми.

Не сказавъ ни слова женѣ, онъ, какъ всегда, поцѣловалъ сына въ лобъ и торопливо принялся раздѣваться. Онъ едва успѣлъ натянуть на себя трико, какъ всѣхъ троихъ вызвали на сцену. Какъ всегда, они вышли вмѣстѣ, и Тиллеръ въ этотъ вечеръ работалъ такъ же добросовѣстно, какъ всегда. Потомъ, въ тяжелые часы одиночества, ему отчетливо вспоминалась минута, когда въ головѣ у него промелькнула мысль. «Если я сейчасъ нечаянно сдѣлаю шагъ—одинъ только шагъ—вправо, а не влѣво—Ортансъ свалится съ шеста и убьется на смерть». Но тотчасъ же онъ далъ себѣ окрикъ: «Чарльзъ! ты въ своемъ умѣ? Сохрани тебя Господи отъ такого постыднаго дѣла. Ты всю жизнь былъ порядочнымъ человѣкомъ и останешься имъ до конца».

Номеръ былъ законченъ. Тиллеръ съ женою и съ сыномъ, какъ всегда, вышелъ на вызовы и скромно кланялся. Лицо его было серьезно и торжественно. Онъ смотрѣлъ на зрителей, апплодировавшихъ ему, усиливаясь разглядѣть лица сидѣвшихъ въ первомъ ряду. «Вѣдь надо же съ ними попрощаться,—думалъ онъ про себя.—Кто знаетъ, придется ли мнѣ еще когда-нибудь выступить».

Возвращаясь въ уборную, Тиллеръ пропустилъ жену впередъ и задержалъ сына.

Онъ поднялъ его на руки, прижалъ его къ себѣ.

— Сыночекъ, мой сыночекъ!—шепталъ онъ, цѣлуя его лобъ, глаза, щеки и губы.

Мальчикъ крѣпко обнялъ руками могучую шею отца. Онъ любилъ его и угадывалъ своей чуткой дѣтской душою, что отецъ несчастенъ, такъ безмѣрно несчастенъ, что каждое слово, каждый звукъ могутъ только причинить ему лишнюю боль.

— Ну вотъ, теперь иди одѣвайся и поѣзжай съ мамой домой, а я переодѣнусь потомъ и еще зайду выпить шведскаго пуншу.

Онъ подтолкнулъ мальчика къ низенькой двери уборной, а самъ сѣлъ на скамейку, облокотившись головой на руки, терпѣливо дожидаясь, пока Ортансъ и мальчикъ одѣнутся.

Въ корридорѣ, гдѣ находились уборныя, ходилъ сквозной вѣтеръ, и Тиллеръ озябъ въ своемъ тонкомъ трико. Но это его не огорчало; наоборотъ, онъ даже доволенъ былъ. Въ эту ночь ему нужно было, чтобы голова его была свѣжа и кровь холодна.

За дверью зашелестѣло платье, и тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ оттуда вышли Ортансъ и Стефанъ.

Она подошла вплотную къ мужу и сдавленнымъ голосомъ выговорила: «Чарльзъ».

Ему стало такъ больно отъ этого тона, что онъ вскочилъ, словно ужаленный осой, и смѣрилъ жену такимъ взглядомъ, что та вскрикнула отъ испуга и убѣжала, таща за собою Стефана.

Тиллеръ плюнулъ. Сладкій запахъ ея духовъ засѣлъ у него въ ноздряхъ и преслѣдовалъ его и въ уборной. Онъ распахнулъ окно, впуская холодный воздухъ январьской ночи, лишь бы только не слышать этого запаха.

Въ нѣсколько минутъ туалетъ его былъ оконченъ. Во внутреннемъ лѣвомъ карманѣ его пиджака лежали тщательно укупоренные два шведскихъ ножа. Убѣдившись, что ножы цѣлы и продолжаютъ лежать у него въ карманѣ, Тиллеръ распаковалъ ихъ, поглядѣлся на себя, какъ въ зеркало, въ блестящіе

клинки и, оставшись довольнымъ, кивнулъ головою и надѣлъ на голову цилиндръ. Посвистывая, зашагалъ онъ по Фридрихштрассе, зашелъ въ кабачекъ, спросилъ двойную порцію шведскаго пунша, осушилъ сразу большой стаканъ, расплатился и снова вышелъ на улицу.

Ночь была холодна, и Тиллеръ машинально поднялъ воротникъ своего пальто. Онъ направлялся прямо къ отелю, гдѣ жилъ Борелья.

Было уже не далеко до полуночи, когда онъ, заглянувъ въ ярко освѣщенный вестибюль, знакомъ подозвалъ портье и спросилъ у него: дома ли уже господинъ Борелья?—хотя время и позднее, ему необходимо немедленно переговорить съ нимъ.

Портье подозрительно покосился на него, Чарльзъ сунулъ ему въ руку талеръ, и онъ, снявъ шляпу, учтиво отвѣтилъ, что г. Борелья, должно быть, ужъ дома—комната № 49—второй этажъ,—а, можетъ быть, и въ читальнѣ.

Тиллеръ поблагодарилъ и сталъ подниматься по лѣстницѣ. И вошелъ, не постучавшись. Борелья, должно быть, уже и вернулся домой и опять ушелъ, такъ какъ ключъ торчалъ изнутри. Каждую секунду онъ могъ войти.—Тиллеръ зажегъ электричество, снялъ пальто и шляпу, вынулъ ключъ изъ замка и сунулъ его въ карманъ. И такъ какъ ему было больно глазамъ отъ яркаго свѣта, онъ повернулъ выключатель, и комната вновь погрузилась во тьму. Присѣвъ на кончикъ стула, нагибаясь корпусомъ впередъ, къ двери, онъ сосредоточенно ждалъ, когда вернется флейтистъ.

Проходилъ часъ за часомъ; все тише становилось въ корридорѣ отеля. А Тиллеръ все ждалъ терпѣливо, спокойно. Даже, когда за дверью раздались шаги, онъ не измѣнилъ своей позы, не поднялъ головы и не пошевелился.

Борелья отворилъ дверь, тихонько напѣвая про себя: «Я бѣдный, бѣдный Іонаѳанъ», и повернулъ выключатель. И встрѣтился взглядомъ съ Тиллеромъ, который выпрямился, когда свѣтъ ударилъ ему въ глаза.

Должно быть въ глазахъ Тиллера за эти послѣдніе часы появилось какое-то новое, странное выраженіе, потому что, какъ малютка Ортансъ испугалась его взгляда, такъ и у Борельи кровь застыла въ жилахъ, и онъ остановился, какъ вкопанный, какъ-то безпомощно взмахнувъ руками. Можетъ быть, ему показалось въ первый моментъ, что все это дьявольское навожденіе, галлюцинація, а не дѣйствительность.

Но Тиллеръ живой стоялъ передъ нимъ. Какъ бы не за-

мѣчая его испуга, онъ подошелъ къ двери и заперъ ее на задвижку.

Тутъ только флейтистъ опомнился. Невыразимый страхъ исказилъ его черты. Онъ хотѣлъ нажать кнопку электрическаго звонка, но Тиллеръ, все предвидѣвшій, и предусмотрѣвшій, удержалъ его руку. Хотѣлъ крикнуть, но Тиллеръ только усмѣхнулся и желѣзной рукою зажалъ ему ротъ, такъ что у него не вырвалось ни звука.

И объявилъ ему коротко и сухо, тономъ приказа, что, если онъ только пискнетъ, онъ, Тиллеръ, убьетъ его на мѣстѣ.

И тутъ произошло нѣчто гнусное, омерзительное, до того противное Тиллеру, что онъ съ трудомъ поборолъ въ себѣ чисто физическое ощущеніе тошноты, подступающей къ горлу.

Борелья заплакалъ, упалъ въ ноги Тиллеру и обнялъ его колѣни.

Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ въ лицѣ Тиллера. Онъ стряхнулъ Борелью, коротко бросивъ ему: «Вставай» и грозно нахмурился.

Борелья смиренно исполнилъ приказъ.

Тиллеръ спокойно, не торопясь, вынулъ изъ кармана ножи.

— Такъ. Теперь слушай: не будемъ тратить слова; это надо покончить. Проще всего было бы тутъ же придушить тебя. Но этого ты не бойся. Вотъ, здѣсь у меня два ножа— бери себѣ, который хочешь, и защищайся. И, понизивъ голосъ прибавилъ:—Вдвоемъ намъ тѣсно на этомъ свѣтѣ—можетъ быть, *тебѣ* повезетъ и убраться придется *мнѣ*—но, какъ уже сказано, одинъ изъ насъ лишній. А теперь за работу.

Но Борелья только молча качалъ головою и не трогался съ мѣста.

— Allons!—вдругъ осипшимъ, беззвучнымъ голосомъ скомандовалъ Тиллеръ, начиная обнаруживать признаки нетерпѣнія.

Флейтистъ стоялъ передъ нимъ, весь съежившись, съ искаженнымъ отъ безумнаго страха лицомъ.

Тиллеръ подтолкнулъ его въ бокъ кулакомъ, въ надеждѣ, что это встряхнетъ его.

Флейтистъ, словно не замѣтивъ этого, продолжалъ стоять, уставившись въ одну точку. Лицо его и, вообще блѣдное, стало теперь изжелта сѣрымъ, какъ у покойника.

Противникъ смѣрилъ его ледянымъ, чуждымъ жалости взглядомъ.

И съ такимъ... съ такою гадиною она спуталась, тьфу!.. Онъ вдругъ забылъ о присутствіи Борельи и глубоко вздохнулъ.

Но этотъ звукъ, вырвавшійся изъ его собственной груди, разбудилъ его.

Онъ рѣшительно взялъ одинъ изъ ножей и хотѣлъ сунуть въ руку Борельи, но рука флейтиста разжалась, и ножъ беззвучно упалъ на коверъ.

Тиллеръ снова сплюнулъ. И вдругъ весь подтянулся, какъ бы готовясь къ прыжку; всѣ мускулы его напряглись, глаза расширились, зрачки стали свѣтлыми и прозрачными, какъ вода источника... Могучей рукой онъ схватилъ флейтиста за грудь, бросилъ его на коверъ—и перерѣзалъ ему горло. Одинъ единственный разъ, но сильной и вѣрной рукой рѣзнулъ онъ длиннымъ шведскимъ ножомъ по шеѣ своей жертвы...

Флейтистъ даже и не пытался защищаться.

Тиллеръ поднялся; кровь, брызнувшая струей, перепачкала ему руки и платье, но онъ не обратилъ на это вниманіе. Серьезно, вдумчиво вглядывался онъ въ убитаго, и при этомъ такая странная усмѣшка скользнула по его красивымъ губамъ, какъ будто онъ въ эту минуту совсѣмъ близко подошелъ къ тайнѣ бытія. Теперь, когда неотложная работа была сдѣлана, гнѣвъ его совершенно потухъ.

Борелья лежалъ передъ нимъ, весь залитый кровью; только его нѣжныя, мягкія женскія руки остались незапятнанными кровавымъ сокомъ жизни. «Бѣдный Іонаѳанъ», шепнулъ Тиллеръ, не отдавая себѣ отчета въ томъ, почему онъ это сказалъ.

Потомъ покачалъ головой и укоризненно выговорилъ:

— Вотъ видишь, братецъ, вотъ видишь.

И долго стоялъ такъ и смотрѣлъ на убитаго, потомъ пошелъ къ умывальнику, вымылъ лицо и руки, накинулъ пальто, надѣлъ шляпу. Потомъ погасилъ электричество, снова подошелъ къ мертвецу, сложилъ руки на груди, прочелъ «Отче Нашъ» и безшумно вышелъ изъ комнаты.

Никто не задержалъ его. Ночной дежурный портье, получивъ на чай, что полагается, отворилъ ему входную дверь, и онъ снова очутился на улицѣ. Надѣлъ пальто въ рукава, застегнулся на всѣ пуговицы и, высоко неся голову, твердымъ шагомъ пошелъ своею дорогой.

Было уже около половины четвертаго, и Фридрихштрассе была пустынна; лишь отдѣльные, запоздалые гуляки попадались ему на встрѣчу. Изрѣдка озаряемый унылымъ свѣтомъ фонарей по асфальту громыхалъ экипажъ, который еле тащила усталая кляча.

Тиллеръ зашелъ въ Кафе-Бауэръ,—единственное, еще не

закрытое. Здѣсь онъ пилъ кофе послѣ обѣда, здѣсь обрушился на него нежданный ударъ, здѣсь онъ и закончитъ день, который будетъ послѣднимъ днемъ его жизни.

Добрый стаканъ шведскаго пунша передъ работой, добрый стаканъ послѣ работы, чтобъ промочить пересохшее горло. Больше ему ничего и не нужно.

Медленно прихлебывалъ онъ горячій напитокъ; потомъ, не спѣша, поднялся, положилъ на мраморный столикъ монету въ двадцать марокъ и направился къ выходу.

Кельнеръ бросился за нимъ, чтобъ отдать ему сдачу:

— Не надо,—махнулъ рукой акробатъ.

Пуншъ былъ приготовленъ на совѣсть, и послѣдній въ жизни стаканъ горячаго пунша стоитъ золотого, который даже не составляетъ цѣликомъ англійскаго фунта.

Старшій кельнеръ, не скрывая своего изумленія, отвѣсилъ позднему гостю низкій поклонъ; онъ зналъ въ лицо всѣхъ артистовъ, которые были завсегдатаями въ этомъ кафе, зналъ и о скандалѣ, разыгравшемся днемъ на верху.

— Три четверти четвертаго,—пробормоталъ онъ, взглянувъ на большіе стѣнные часы, и покачалъ головой. Тиллеръ былъ послѣднимъ изъ посѣтителей. Ну такъ что-жъ, заплатилъ онъ щедро, а что касается до остального—невелика бѣда, что господинъ артистъ выпилъ лишнее и въ головѣ у него зашумѣло!

Изъ кафе-Бауэръ Тиллеръ тѣмъ же размѣреннымъ шагомъ пошелъ въ ближайшій полицейскій участокъ и въ краткихъ дѣловитыхъ словахъ заявилъ, что онъ—Чарльзъ Тиллеръ по сценѣ—на самомъ же дѣлѣ Фридрихъ Гуллеръ,—около часа тому назадъ зарѣзалъ въ отелѣ канатоходца Борелью.

Дежурный вахмистръ въ первую минуту подумалъ, что имѣетъ дѣло съ какимъ-нибудь подвыпившимъ шутникомъ. Но такъ какъ Тиллеръ смотрѣлъ и говорилъ совершенно серьезно, онъ измѣнилъ свое мнѣніе и рѣшилъ, что передъ нимъ душевно-больной.

Тиллеръ разсердился. Онъ разстегнулъ пальто, и чиновникъ въ ужасѣ отшатнулся назадъ и поблѣднѣлъ, замѣтивъ на пиджакѣ пятна крови. Овладѣвъ собою, онъ записалъ показанія артиста, составилъ протоколъ, арестовалъ убійцу на остальную часть ночи, а самъ поспѣшилъ въ отель, гдѣ произошло убійство.

На другое же утро Тиллера повели къ слѣдователю, который подвергъ его тягостному допросу, длившемуся нѣсколько часовъ подрядъ. Тѣмъ не менѣе, допросъ не представлялъ для

слѣдователя никакихъ затрудненій, ибо преступникъ на всѣ задаваемые ему вопросы отвѣчалъ прямо и безъ утайки, ничего не отрицая и не пытаясь обѣлить себя. Такого преступника слѣдователь еще не видалъ—это былъ какой-то феноменъ среди преступниковъ

До суда Тиллера взяли подъ стражу.

Процессъ Тиллера, волновавшій умы въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ недѣль, и, какъ выражались газеты, давшій богатую картину душевныхъ настроеній, безъ сомнѣнія, принадлежалъ къ числу интереснѣйшихъ судебныхъ процессовъ восьмидесятыхъ годовъ. Интересенъ въ немъ былъ не столько самый фактъ преступленія, сколько личность преступника.

Съ серьезнымъ застывшимъ лицомъ, словно изъ камня изваяннымъ, сидѣлъ онъ передъ своими судьями. И, когда его защитникъ, въ красивыхъ фразахъ, съ пылкимъ краснорѣчіемъ, спеціально разсчитаннымъ на присяжныхъ, началъ доказывать, что Тиллеръ совершилъ убійство въ состояніи болѣзненнаго афекта, совершенно исключающемъ предумышленность и свободу воли, обвиняемый поднялся съ мѣста и попросилъ у предсѣдателя разрѣшенія дать нѣкоторыя поясненія.

И тутъ этотъ тяжеловѣсный человѣкъ, отъ природы отнюдь не одаренный краснорѣчіемъ, но просвѣтленный жестокимъ ударомъ судьбы, съ изумительной точностью и опредѣленностью и глубокой убѣдительностью сказалъ приблизительно слѣдующее:

— Господинъ защитникъ, назначенный мнѣ судомъ противъ моей воли—ибо я думалъ, что въ такомъ дѣлѣ, гдѣ нѣтъ ничего запутаннаго и неяснаго, я могу и самъ постоять за себя—сдѣлалъ кощунственную попытку выставить меня какъ бы душевнобольнымъ, для того, чтобы запутать васъ или подкупить ваше сужденіе, господа судьи. Ну такъ вотъ, я заявляю вамъ категорически, что если я когда-нибудь въ своей жизни дѣйствовалъ послѣ зрѣлаго и серьезнаго обсужденія, такъ это именно въ данномъ случаѣ. Это доказываетъ все мое поведеніе до и послѣ убійства. Послѣ того, какъ этотъ человѣкъ отвергъ возможность самозащиты—хотя я неоднократно предлагалъ ему второй ножъ—я пересталъ съ нимъ церемониться. Я заявляю, что, по глубокому убѣжденію, исходъ былъ бы тотъ же, еслибъ Борелья и защищался. А теперь продолжаю: ни единой минуты я не испытывалъ раскаянія—наоборотъ: только послѣ совершеннаго ко мнѣ вернулось душевное спокойствіе и хорошее настроеніе.

И если бы мнѣ еще разъ пришлось очутиться въ томъ же положеніи—я принужденъ былъ бы поступить точно также. Я не жду отъ васъ снисходительнаго приговора и не желаю его. Милости я не хочу. Въ тюрьмѣ я долго обдумывалъ случившееся со мной и думаю, что мое положеніе вотъ какое: или я имѣлъ полное законное право уничтожить этого человѣка, навсегда опозорившаго мою жизнь, или же.....—при этихъ словахъ Тиллеръ на минуту остановился, и лицо его выразило неувѣренность и колебаніе, одинаково тягостные и для судей, и для публики,—или же,—продолжалъ онъ тяжело вздохнувъ,—я заблуждаюсь, сужу неправильно и долженъ отвѣтить передъ вами за убійство, какъ всякій другой злодѣй. Если вѣрно послѣднее, то я требую для себя наказанія, какое мнѣ полагается по закону—снисхожденіе же ваше, если бы вы мнѣ его оказали, ни только не облегчило бы моего душевнаго состоянія, но только добило бы меня окончательно.

Какъ могучій дубъ на широко раскинутыхъ крѣпкихъ корняхъ, стоялъ передъ судьями Тиллеръ.

Послѣдняя мука для него была еще впереди: теперь снова заговорилъ адвокатъ, и слова его причиняли обвиняемому такую невыразимую боль, что бѣдняга, слишкомъ гордый для того, чтобы проявить свое горе передъ всѣми этими чужими людьми, только беззвучно плакалъ, невидимыми постороннимъ слезами, и чувствовалъ, какъ эти незримыя слезы падаютъ въ его душу и жгутъ ее, словно огнемъ.

А законникъ продолжалъ:

— Господа присяжные, если въ томъ изложеніи и толкованіи случившагося, который я имѣлъ честь дать вамъ, чувствовался еще нѣкоторый пробѣлъ, то теперь этотъ пробѣлъ заполненъ цѣликомъ, хотя и противъ его воли, рѣчью моего подзащитнаго, произведшей на всѣхъ насъ безъ различія такое сильное впечатлѣніе. И все-таки, господа присяжные, я хотѣлъ бы предостеречь васъ, чтобы то человѣческое, что звучало въ словахъ обвиняемаго, не заслонило отъ васъ объективной истины—той истины, на которой созидается всякая наука, всякое право и всякій прогрессъ. Изъ признанія обвиняемаго мнѣ особенно врѣзалась въ память одна фраза, бросающая рѣзкій свѣтъ на это странное преступленіе. Обвиняемый сказалъ буквально слѣдующее: «и если бы мнѣ еще разъ пришлось очутиться въ томъ же положеніи—защитникъ сдѣлалъ краснорѣчивую паузу и затѣмъ, повысивъ голосъ и подчеркивая слова, продолжалъ—я принужденъ былъ бы поступить точно также». Господа присяжные, я прошу васъ обратить вниманіе

на это «я принужденъ былъ бы». Помимо воли у обвиняемаго вырвалось именно то слово, которое одно даетъ разгадку этого трагическаго факта. Обвиняемый *не могъ* поступить иначе—онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ навязчивой мысли.

Тиллеръ корчился отъ боли при этихъ словахъ и до крови царапалъ себя ногтями, чтобы не крикнуть.

А защитникъ, не смущаясь, продолжалъ свою рѣчь:

— Господа присяжные, врачи и психіатры выяснили намъ, въ чемъ заключается разница между нормальнымъ и анормальнымъ человѣкомъ. Разумѣется, и здоровый человѣкъ, поставленный въ такое положеніе, какъ и обвиняемый, могъ бы мыслить такъ же и дойти до такихъ же выводовъ. Но тутъ-то мы и приходимъ къ рѣшающей разницѣ. Здоровый человѣкъ только мысленно совершаетъ убійство, чтобы дать исходъ накопившемуся гнѣву и негодованію; но, какъ только онъ хочетъ совершить его на дѣлѣ, ему заступаетъ дорогу разумъ, и проснувшееся нравственное чувство выясняетъ ему, что онъ не имѣетъ права такъ поступить, что такая расправа—преступленіе. Анормальный же человѣкъ, лишенный свободной воли, не знаетъ такихъ тормазовъ. Такъ оно и было съ обвиняемымъ, Фридрихомъ Гуллеромъ, по сценѣ именующимъ себя Чарльзомъ Тиллеромъ.

Въ числѣ свидѣтелей въ процессѣ выступала и г-жа Тиллеръ. Малютка Ортансъ явилась на судъ въ шикарномъ платьѣ англійскаго фасона, плотно обтягивавшемъ ея стройное тѣло, и въ огромной шляпѣ со страусовыми перьями.

Предсѣдатель напомнилъ ей, что она въ правѣ и отказаться отъ дачи показаній; но она заявила, что не желаетъ пользоваться этимъ правомъ и, пугливо избѣгая смотрѣть на мужа, ломаннымъ нѣмецкимъ языкомъ разсказала, что Чарльзъ Тиллеръ—прекрасный человѣкъ, добрѣйшей души, но въ гнѣвѣ необузданъ и всегда былъ со странностями, такъ что она и раньше побаивалась его.

Все это она говорила, какъ урокъ, очевидно, выученный заранѣе.

Защитникъ одобрительно кивалъ головой; подсудимый же повернулся спиной къ свидѣтельницѣ и тоскливо смотрѣлъ въ пространство. Наглая ложь жены пугала его. «Подучили ее»,—думалъ онъ. И никто не видѣлъ, какъ онъ страдалъ отъ этихъ свидѣтельскихъ показаній.

Вызвали свидѣтелемъ и агента, и тотъ, захлебываясь слезами, разсказалъ и о странномъ поклонѣ, чуть ли не до земли,

передъ влюбленной четой, и о томъ, какъ Тиллеръ въ ресторанѣ едва не задушилъ товарища за невинную усмѣшку, и въ заключеніе выразилъ увѣренность, что только съумасшедшій можетъ такъ, съ открытыми глазами, кинуться въ прорубь и навѣкъ загубить свою жизнь, въ то время, какъ онъ уже стоялъ на вѣрномъ пути къ тому, чтобы составить себѣ капиталъ.

Этимъ закончился допросъ свидѣтелей.

Присяжные совѣщались въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. На вопросъ предумышленности убійства они отвѣтили отрицательно. И приговорили Тиллера къ пяти годамъ заключенія въ смирительномъ домѣ—за нанесеніе тяжкихъ поврежденій, послѣдствіемъ которыхъ была смерть.

Прежде чѣмъ подсудимаго увели, старшина присяжныхъ подошелъ къ нему и сообщилъ, что присяжные всѣ единогласно рѣшили ходатайствовать передъ королемъ о помилованіи его.

Тиллеръ энергически замоталъ головой. Нѣтъ, отъ этого онъ рѣшительно отказывается.

Старшина присяжныхъ былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти съ густой щеткой волосъ, уже тронутыхъ сѣдиною, съ широкимъ костлявымъ лицомъ, выражавшимъ наряду съ силой воли, душевную чуткость и доброжелательность.

— Нѣтъ ли у васъ какого-нибудь желанія?—спросилъ онъ подсудимаго, съ искреннимъ сочувствіемъ вглядываясь ему въ лицо,—можетъ быть, вы хотѣли бы побесѣдовать съ вашей женой?..

— Нѣтъ,—съ трудомъ выговорилъ Тиллеръ,—у жены на совѣсти и я, и тотъ убитый, но... съ мальчикомъ своимъ мнѣ надо поговорить.

Лицо его при этихъ словахъ омрачилось, стало тревожнымъ и скорбнымъ, и еще больше измученнымъ; грудь дышала тяжело и неровно.

Старшина присяжныхъ замѣтилъ это.

— Я поговорю съ предсѣдателемъ—сказалъ онъ,—и постараюсь получить разрѣшеніе.—И съ искреннимъ глубокимъ сочувствіемъ онъ прибавилъ:—Можетъ быть у васъ еще что-нибудь есть на душѣ? Если только это въ моей власти, я готовъ вамъ помочь. Вы внушили мнѣ уваженіе къ себѣ.

Грудь подсудимаго тяжело вздымалась. Видимо съ большимъ трудомъ, черезъ силу, онъ выговорилъ;

— Есть у меня большая забота... вотъ этотъ... мой маль-

чикъ. Я не хочу, чтобы онъ оставался съ *нею*. Ему нуженъ чистый воздухъ, «варьете» не по немъ...

Тиллеръ запнулся и растерянно, безпомощно посмотрѣлъ на человѣка, стоявшаго передъ нимъ и смотрѣвшаго на него такими добрыми глазами.

— Только вотъ какъ это устроить, не знаю—у меня здѣсь нѣтъ никого близкихъ.

— Сколько лѣтъ вашему сыну?—спросилъ старшина.

— Скоро тринадцать.

— Онъ какъ у васъ: сильный, здоровый?

Несмотря на свое горе, Тиллеръ невольно усмѣхнулся.

— Онъ силенъ, какъ маленькій богатырь, и крѣпокъ, какъ дубъ.

Присяжный подумалъ минутку.

— Гмъ, я, пожалуй, могъ бы сдѣлать вамъ одно предложеніе.—И, безъ обиняковъ, онъ пояснилъ:—Меня зовутъ Трейманъ; по ремеслу я слесарь; у меня своя мастерская, большая, и здороваго, крѣпкаго мальчика я могъ бы взять въ ученіе. Если это для васъ подходящее...

Въ первый разъ за все это время, подсудимый смягчился душой.

— Господи!—пролепеталъ онъ,—вѣдь, это было бы несказанное счастье, если только—прибавилъ онъ медленно и рѣзко—если только вы, сударь, серьезно это говорите.

— Въ такомъ случаѣ, по рукамъ,—коротко и дѣловито отвѣтилъ Трейманъ.—Это дѣло устроено, и вы теперь можете быть совершенно спокойны. Мальчикъ поступаетъ ко мнѣ въ ученье и на хлѣба.

Онъ протянулъ руку, и Тиллеръ молча пожалъ ее.

Оба безъ словъ, нѣкоторое время смотрѣли въ глаза другъ другу, словно давая другъ другу безмолвный, но ненарушимый обѣтъ.

Тиллеръ вынулъ изъ кармана чековую книжку.

— Я скопилъ двѣ тысячи марокъ,—сказалъ онъ.—Тысячу надо отдать женѣ, тысяча пойдетъ на мальчика—надо же его одѣвать. Неправда ли, вы и это возьмете на себя?

Трейманъ кивнулъ головой.

— А теперь, спасибо вамъ, мастеръ. Благослови васъ, Боже!

Послѣ этого въ теченіе нѣсколькихъ часовъ подсудимый не говорилъ ни слова. И отъ разговора съ защитникомъ отказался наотрѣзъ. Но когда къ нему, въ тотъ же день, привели сына, этотъ сильный человѣкъ затрясся всѣмъ тѣломъ и долженъ былъ на мигъ прислониться къ стѣнѣ, чтобъ не упасть.

Стефанъ обнялъ отца, гладилъ его по лицу, цѣловалъ—и вдругъ, разрыдался. И ничего не могъ выговорить, кромѣ:

— Милый, хорошій мой папочка! я такъ тебя люблю, какъ ни одного человѣка на свѣтѣ.

Тиллеръ посадилъ мальчика къ себѣ на колѣни и гладилъ его по головкѣ, и по щекамъ его катились крупныя слезы.

Онъ не стыдился ихъ. Сердце его стало теперь мягкимъ, какъ воскъ.

— Мальчикъ мой, если бы ты зналъ, какъ я тосковалъ по тебѣ! Дни и ночи—ночи и дни.

— И я тоже, папочка, и я тоже!

Отецъ и сынъ сидѣли, крѣпко обнявшись, такъ что каждый слышалъ біеніе сердца другого.

Чарльзъ Тиллеръ не могъ оторваться отъ своего мальчика—вѣдь это было прощаніе передъ вѣчной разлукой. Никто не зналъ этого, кромѣ него.

Но когда за дверью послышались шаги, Тиллеръ встрепенулся и съ горячей отцовской любовью, продолжая гладить и ласкать сына, заговорилъ съ нимъ о будущемъ.

Стефанъ на все охотно соглашался. Трейманъ обо всемъ съ нимъ уже переговорилъ и условился: съ нимъ—и съ матерью.

Это послѣднее слово мальчикъ выговорилъ пугливо и робко. Лицо Тиллера приняло суровое выраженіе.

Цѣлую минуту, показавшуюся мальчику вѣчностью, онъ пристально смотрѣлъ въ глаза ему, какъ будто хотѣлъ заглянуть въ самую глубь его сердца. Потомъ взялъ его за руку и выговорилъ глухимъ, но твердымъ голосомъ:

— А теперь, сынокъ, ты долженъ одно обѣщать мнѣ— давай сюда руку.

Голосъ его звучалъ торжественно; мальчикъ съ тревогой и напряженнымъ ожиданіемъ поднялъ глаза на отца.

Чарльзъ Тиллеръ хотѣлъ заговорить, но не могъ— изъ сдавленнаго горла не выливалось ни звука—и снова лицо его приняло выраженіе безутѣшной печали; наконецъ, съ неимовѣрными усиліями, давясь каждымъ словомъ, онъ, почти шепотомъ выговорилъ:

— Обѣщай мнѣ, сынокъ, дай мнѣ клятву, что ты никогда въ жизни не прилѣпишься душой ни къ одной женщинѣ, что ты никогда не женишься, обѣщай мнѣ это и помни свою клятву до послѣдняго твоего вздоха.

Потрясенный мальчикъ широко раскрытыми глазами по-

смотрѣлъ на отца, откинулъ назадъ красивую темную голову и рѣшительно вложилъ свою руку въ руку отца.

Тотъ сжалъ её крѣпкимъ долгимъ пожатіемъ.

— Такъ. Теперь все хорошо.

И еще разъ, глубоко взволнованный, онъ поцѣловалъ сына.

Они простились сдержанно, какъ подобаетъ мужчинамъ.

И Стефану казалось, что съ этой минуты кончилось его дѣтство и его насильно втолкнули въ юдоль жизненной скорби.

Двадцать четыре часа спустя, въ газетахъ появилось извѣстіе, что Чарльзъ Тиллеръ въ тюрьмѣ покончилъ съ собою.

II.

Мейстеру Вильгельму Трейману не стоило особеннаго труда убѣдить г-жу Тиллеръ довѣрить ему Стефана и его дальнѣйшее воспитаніе. Малютка Ортансъ и сама боялась посмотрѣть въ глаза сыну и всячески избѣгала его.

Вѣдь, у него глаза были отцовскіе, и взглядъ сталъ теперь совсѣмъ отцовскій—вродѣ того, который такъ напугалъ ее, когда она по окончаніи послѣдняго ихъ представленія заглянула въ глаза мужу.

Сколько слезъ она пролила съ того дня—и какъ подурнѣла отъ этихъ слезъ! Она боялась взглянуть на себя въ зеркало, а взглянувъ, вздрагивала отъ испуга при видѣ своихъ распухшихъ, заплаканныхъ глазъ. Если такъ будетъ продолжаться, она раньше времени состарится и станетъ уродкой, и куда же она тогда дѣнется?

Ей придется кончить улицею, какъ этой толстухѣ, Мадленѣ Морнье, у которой тоже была исторія вродѣ ея романа, и которая до того изуродовала себя вѣчнымъ вытьемъ, что ни одинъ директоръ не хотѣлъ больше ее ангажировать.

А вѣдь раньше, бывало, всѣ мужчины животики надрывали отъ смѣха, когда Мадлена пѣла свои гривуазныя пѣсенки!

Нѣтъ, она такого конца не желаетъ.

Не дастъ она этому мальчишкѣ съ нѣмецкими глазами въ конецъ загубить свою жизнь. Да и притомъ самъ Тиллеръ хотѣлъ этого. Не пойдетъ же она наперекоръ его послѣдней волѣ. Правда, агентъ съ кислой миной объявилъ ей, что надо поскорѣе найти замѣстителя Тиллеру, прежде чѣмъ ихъ номеръ догадается

использовать какая-нибудь другая семья акробатовъ. Но Ортансъ, несмотря на все свое горе, только фыркнула въ лицо этому лицемѣру, который даже надѣлъ крепъ на шляпу, какъ будто ему и вправду жаль было погибшаго, а не собственныхъ своихъ барышей.

— Я смѣюсь,—пояснила она,—потому что вы воображаете, будто Тиллера такъ легко замѣстить. Вы думаете, я стану каждый день рисковать сломать себѣ шею на бамбуковомъ шестѣ—съ первымъ попавшимся акробатомъ? Нѣтъ, мосье, я не такъ глупа. Да и развѣ такой номеръ можно приготовить въ три-четыре дня? Мы, небось, сколько мѣсяцевъ надъ нимъ работали. Да и сынъ мой больше не будетъ работать со мною. Онъ поступаетъ въ ученье.

И сколько ее ни убѣждали оставить Стефана въ циркѣ, она не поддалась.

Прощаніе матери и сына было краткимъ и холоднымъ—она хотѣла поцѣловать его, но мальчикъ такъ рѣзко отшатнулся отъ нея и такъ посмотрѣлъ на нее своими огромными прозрачными глазами, что она отказалась отъ всякихъ дальнѣйшихъ попытокъ проявить материнскую нѣжность.

Съ крохотнымъ узелкомъ за спиною, въ которомъ были собраны всѣ его вещи, отправился Стефанъ за своимъ хозяиномъ въ его мастерскую, помѣщавшуюся на Ораніенъ-штрассе, напротивъ стараго кладбища. Робкимъ, разстроеннымъ и запуганнымъ, вошелъ мальчикъ въ домъ мейстера Треймана.

По пути онъ чуть было не ускользнулъ отъ своего покровителя. Сердце мальчика ожесточилось, и порѣшилъ онъ крѣпко, по примѣру отца, незамѣтно уйти изъ жизни—съ закрытыми глазами войти въ воду и идти, пока вода не сомкнется надъ головою. Но Трейманъ принялся усовѣщевать его.

Приложивъ указательный палецъ къ носу, а большимъ пальцемъ правой руки подперевъ подбородокъ, не какъ строгій учитель, а какъ добрый другъ, по отечески увѣщевалъ онъ его и убѣждалъ:

— Именно ради твоего бѣднаго отца ты обязанъ сдѣлать изъ себя дѣльнаго и порядочнаго человѣка. И всею своей жизнью доказать, что отецъ твой, несмотря ни на что, былъ хорошій и честный. И очистить его память отъ всѣхъ тѣхъ гнусныхъ подозрѣній, которыя люди теперь валятъ на него. Ты своимъ поведеніемъ долженъ всѣхъ убѣдить, что хоть онъ и заблуждался, хоть и совершилъ свой злополучный поступокъ, все же, сердце у него было чистое и благородное. Трудно тебѣ будетъ, труднѣе, чѣмъ всѣмъ прочимъ людямъ, но ты все же не вѣшай головы и не падай духомъ, какъ бы круто тебѣ ни приходилось. Ты одинъ

имѣешь возможность очистить память своего отца отъ всякихъ нареканій. Видишь ли, мальчикъ ты мой, оттого тебѣ и надо быть мужественнымъ и настойчивымъ, что на тебя, такъ сказать, возложена Богомъ задача. Можетъ, это было послѣднимъ утѣшеніемъ твоего бѣднаго отца передъ кончиной, что онъ, умирая, вѣрилъ, что сынъ его съумѣетъ оправдать свою жизнь.

Такъ говорилъ мейстеръ Трейманъ. И, должно быть, большая сила была въ этихъ словахъ, потому что погасшій взоръ Стефана вновь загорѣлся жизнью.

Хозяйку, высокую, сухопарую, бѣлокурую женщину, даже въ дрожь бросило, когда мужъ привелъ ей новаго ученика и квартиранта.

— Что ты это такое выдумалъ, муженекъ? Сынъ убійцы!— взвизгнула она, всплеснувъ руками.

— Ну такъ, что-жъ. Мы выростимъ его порядочнымъ человѣкомъ.

Но женщина не успокаивалась и не переставала жаловаться. Она боялась за свою маленькую дочку, Эльфриду, и опасалась, какъ бы Стефанъ не затащилъ съ собою въ домъ «нечистой силы». И никакъ не могла примириться съ тѣмъ, что Стефанъ будетъ жить, и ѣсть, и пить у нихъ, между тѣмъ какъ всѣ прочіе ученики и не заглядывали къ нимъ на квартиру.

— Да ты съ ума спятилъ! Послушайся ты меня—не пускай его и на порогъ. Помяни мое слово, ты раскаешься въ этомъ. Ничего добраго изъ этого выйти не можетъ. Ты только посмотри на него хорошенько. Глаза безцвѣтные, словно вода, а волосы, какъ смоль и кожа смуглая—видано ли что-нибудь подобное!

Трейманъ разсердился и стукнулъ по столу кулакомъ такъ, что зазвенѣли стаканы и тарелки.

— Довольно болтать! Придержи языкъ, на то Божья воля. Мальчикъ остается у насъ. Я далъ слово его отцу, а слово свое я держу. И разъ навсегда запомни: если я замѣчу, что ты тиранишь бѣднаго мальчугана, такъ что ему солонъ приходится мой кусокъ хлѣба—плохо тебѣ будетъ.

Женщина всплеснула руками и повернулась къ мужу спиной.

Но мастеръ не удовольствовался этимъ.

— Не ворчи себѣ подъ носъ,—наставительно продолжалъ онъ.—Нечего губы кривить. И какъ только вамъ, бабамъ, не стыдно! Вотъ ужъ подлинно: волосъ долгъ, умъ коротокъ.

И, уже добродушнѣй, прибавилъ:

— Ты хоть подождала бы, присмотрѣлась бы къ мальчику, можетъ, онъ еще и не окажется негодяемъ, вѣдь и я, кажись, немножко знаю людей. Ахъ, старуха, кто изъ насъ не грѣшитъ? И когда намъ дается случай скостить частицу нашихъ грѣховъ добрымъ дѣломъ, и мы упускаемъ его — накажи меня Богъ — нестоющіе мы тогда люди... Ну, а теперь, тащи на столъ супъ — я голоденъ, какъ волкъ. И замѣть: мальчикъ будетъ обѣдать и ужинать съ нами. Утренній кофе можетъ пить у себя въ комнатѣ. А ты куда запропастилась, малютка? — крикнулъ онъ дочери и поднялъ на рукахъ одиннадцатилѣтнюю дѣвочку съ свѣтлыми, расчесанными на проборъ волосами и тонкимъ личикомъ Мадонны. — Погоди минутку, я тебѣ приготовилъ сюрпризъ. — Мастеръ поставилъ на полъ свою «куколку» и привелъ Стефана, которому онъ указалъ маленькую, но чистенькую комнатку на чердакѣ.

— Ну, жену мою ты ужъ видѣлъ; ты только не давай ей повода жаловаться на тебя, и дѣло пойдетъ, а это вотъ моя дочурка, Эльфрида, а этого мальчика — ты приглядись къ нему хорошенько — зовутъ Стефаномъ Гуллеромъ; это — мой новый ученикъ. Я надѣюсь, что вы съ нимъ подружитесь.

Эльфрида подошла къ Стефану. И глаза ея заблестѣли, когда она протянула ему узенькую, тонкую ручку.

Стефанъ только посмотрѣлъ на нее своими большими прозрачными глазами, и дѣвочка безъ словъ поняла его.

Она молча, скромненько усѣлась на свое мѣсто, и только украдкой, когда думала, что никто на нее не смотритъ, взглядывала на Стефана, который тоже не подавалъ голоса и держался съ обычнымъ своимъ, врожденнымъ достоинствомъ. Онъ почти не дотрогивался до ѣды и только изъ боязни, какъ бы хозяйка не обидѣлась этимъ, счелъ нужнымъ пояснить:

— Я за послѣдніе дни ѣлъ очень мало — почти ничего не ѣлъ, и желудокъ мой нужно теперь постепенно пріучать къ пищѣ и питью.

Онъ говорилъ правду. Всѣ эти дни ему и кусокъ въ горло не лѣзъ. И, при воспоминаніи объ этомъ глаза его сразу стали печальными.

— Крѣпись, мальчуганъ. Выше голову! — подбодрилъ его мастеръ. — Человѣку надо ѣсть и пить, и быть господиномъ своей судьбы. Человѣкъ съ пустымъ желудкомъ ни на что путное не годенъ.

А Стефанъ думалъ: «Куда же я-то могу быть годенъ,

когда даже бѣдный отецъ мой, лучшій изъ людей, вынужденъ былъ такъ безславно окончить свою жизнь?..» И такъ мучительна была для него эта мысль, что онъ едва удержалъ набѣгавшія слезы. «Умѣй владѣть собой,—шепталъ онъ мысленно. Что этимъ чужимъ людямъ до твоего горя! Будь силенъ, ради твоего отца».—И образъ несчастнаго Чарльза Тиллера, какъ живой, всталъ у него передъ глазами.

Ему хотѣлось припасть къ рукѣ отца и цѣловать ее, обливая слезами. Каждое слово его при прощаньи звучало въ ушахъ мальчика. Онъ отчетливо различалъ каждую черточку въ лицѣ отца, выраженіе его лица, чувствовалъ на себѣ его взглядъ, прикосновеніе его руки...

При прощаньи отецъ ни словомъ не упомянулъ о матери. Ни слова осужденія, но и ни слова привѣта. Онъ ушелъ изъ жизни и счеты съ матерью будетъ сводить уже передъ Богомъ. А, вѣдь это на ней одной лежитъ вся вина. Это она толкнула отца на преступленіе и на смерть... И Стефанъ корчился всѣмъ тѣломъ при мысли, что она еще послѣ того осмѣлилась обнять, погладить его по головкѣ...

Мастеръ всталъ изъ-за стола.

— Ну, теперь я пойду вздремну немного послѣ обѣда. Черезъ часъ будь готовъ—мы пойдемъ въ мастерскую. Молодымъ костямъ нужно движеніе, а отъ мыслей сердцу легче не станетъ. У меня былъ знакомый, сельскій учитель, который говаривалъ:— Работа —бальзамъ для крови; «работа—источникъ всѣхъ добродѣтелей». И я думаю, что онъ былъ правъ. Ну, а теперь развяжи свой узелокъ, и устраивайся въ своей коморкѣ, какъ у себя дома.

Трейманъ растянулся на старомъ диванѣ, переходившемъ въ его семьѣ по наслѣдству отъ отца къ сыну, и покрылся съ головой одѣяломъ, а Стефанъ вышелъ изъ комнаты.

За нимъ, сѣменя ножками, бѣжала дѣвочка, которую мать напрасно пыталась удержать.

— Я помогу тебѣ,—объявила она и вслѣдъ за нимъ стала подниматься по лѣстницѣ, ведущей въ чердачное помѣщеніе.

Стефанъ ничего не отвѣтилъ. Добравшись до своего чердачка, онъ усѣлся на маленькій табуретикъ, облокотившись головой на руку.

И маленькая Эльфрида сдѣлала то же, и такъ дѣти сидѣли оба, не шевелясь довольно долго и въ полномъ молчаніи.

— По моему, здѣсь очень мило,—сказала малютка.—Положимъ, для такого высокаго мальчика какъ ты, низковато. Ты,

чего добраго, будешь стукаться головой о потолокъ. А тебѣ какъ нравится здѣсь?

— Не сердись на меня, но мнѣ не хочется разговаривать.

— Я могу и помолчать, хотя все-таки пріятнѣе, когда можно болтать.

Она сложила ручки и долго сидѣла молча, втайнѣ надѣясь, что, въ концѣ концовъ, онъ таки возобновитъ разговоръ.

— Если хочешь, я могу и уйти.

Онъ покачалъ головою.

— Я здѣсь не хозяинъ, чтобы приказывать.

— Можетъ быть, я тебѣ не нравлюсь?

— Я дѣвочекъ вообще не люблю.

— Это жалко. Скажи, почему ты не любишь дѣвочекъ? Мнѣ такъ хочется знать.

— На это я не могу тебѣ отвѣтить, и вообще, пожалуйста, не спрашивай меня ни о чемъ.

Она наклонила головку, чтобъ онъ не видѣлъ, какъ вспыхнуло яркимъ румянцемъ стыда все ея личико.

— Такъ я пойду. Если ты чего-нибудь захочешь, скажи мнѣ.

— Мнѣ ничего не надо,—отвѣтилъ онъ коротко.

— Хорошо.

Это было сказано почти сквозь слезы. У дверей маленькая Эльфрида постояла еще въ ожиданіи, что онъ позоветъ ее. Но Стефанъ молчалъ.

Мальчикъ вздохнулъ съ облегченіемъ. Всего охотнѣе онъ крикнулъ бы ей: «Уйди, оставь меня я хочу быть одинъ, совсѣмъ одинъ, съ моими горькими мыслями—теперь и всегда». Но онъ не рѣшился.

Она была такая искренняя и смиренная, и это парализовало его мужество. Какой-то голосъ шепталъ ему:

— Почему ты непремѣнно хочешь быть грубъ съ нею? Что она сдѣлала тебѣ дурного? И развѣ не обязанъ ты, *именно ты*, похоронить на вѣкъ свою надменность и научиться смиренію, чтобы люди не топтали могилы Фридриха Гуллера, дали бы ему лежать спокойно подъ могильной землею. Какъ это говорилъ мастеръ?.. Въ тяжкій предсмертный часъ для умирающаго единственнымъ утѣшеніемъ было, что онъ, Стефанъ, остается жить, чтобы своею жизнью искупить грѣхъ отца.

Эти слова мастера были опорой его бѣдной раненой душѣ. И Стефанъ ломалъ себѣ голову надъ тѣмъ, какъ же онъ долженъ жить, чтобы выполнить этотъ послѣдній отцовскій завѣтъ. Люди видѣли въ его отцѣ обыкновеннаго злодѣя, изъ малоду-

шія покончившаго съ собой. Но, вѣдь, они не знали его; они не видали, какъ онъ носилъ на рукахъ мать, какъ онъ бралъ на руки своего мальчика и прижималъ его къ своей богатырской груди, какъ смѣялся при этомъ своимъ особеннымъ, добродушнымъ, гортаннымъ смѣхомъ.

Теперь онъ долженъ доказать имъ, своею жизнью доказать, что Фридрихъ Гуллеръ былъ человѣкъ благородный и чистый сердцемъ. Онъ долженъ работать въ десять разъ прилежнѣе всѣхъ другихъ мальчиковъ. И, если ему покажется, что кто-нибудь не справедливъ къ нему, онъ долженъ сломать въ себѣ эту мысль, какъ легкій тростникъ.

Мальчикъ поднялся съ табурета и расправилъ затекшіе члены. Маленькая Эльфрида права. Здѣсь слишкомъ низко для него. Онъ стукнулся головой о потолокъ и горько усмѣхнулся. Это ему будетъ напоминаніемъ. Если въ немъ когда-нибудь ослабнетъ рѣшимость, онъ пойдетъ въ свою коморку и тамъ невозможность поднять голову выше, чѣмъ это допускаетъ вышина комнаты, сразу вернетъ его къ сознанію своего положенія своего долга.

Часы пробили два. Стефанъ наскоро умылся и причесался и поспѣшно спустился внизъ.

Передъ дверью столовой онъ остановился. Трейманъ разговаривалъ со своей женой, и рѣчь, очевидно, шла о немъ. Мальчикъ услыхалъ свое имя и поспѣшилъ отойти. Но тотчасъ же вслѣдъ за тѣмъ дверь отворилась, и мастеръ позвалъ его.

Мастерская помѣщалась на старой Якобъ-штрассе, всего въ нѣсколькихъ минутахъ ходьбы отъ дому. Трейманъ всю дорогу шелъ молча. Только, когда они вошли въ большое подвальное помѣщеніе, гдѣ уже сидѣли за работой семеро подмастерьевъ и еще двое подростковъ учениковъ, Трейманъ сказалъ:

— Вотъ вамъ новый ученикъ. Ведите себя прилично по отношенію къ нему и не отравляйте ему жизни. — А затѣмъ обратился къ Стефану: — Когда тебѣ подмастерья что-нибудь будутъ показывать, ты слушай внимательно и не упрямься. Вотъ это — онъ указалъ на коренастаго, приземистаго человѣка, съ рыжими усами, закрученными кверху, по военному,—это старшій подмастерье, Шломейеръ, который завѣдуетъ всей мастерской. А теперь, довольно болтать, пора за работу!

Старшій подмастерье взялъ Стефана за руку.

— Поди сюда, стань возлѣ меня и присматривайся къ тому, что я буду дѣлать.

Стефанъ повиновался.

Подмастерье билъ, молоткомъ по куску раскаленнаго до бѣла

желѣза, а Стефанъ смотрѣлъ и думалъ: «Вотъ такъ и жизнь бьетъ по людямъ такъ, что только искры летятъ. Одинъ дробится и ломается подъ ударами молота, а другой закаляется, самъ становится твердою сталью».

«Ну что же, Стефанъ, рѣшай, чѣмъ ты хочешь быть,» — мысленно сказалъ онъ себѣ и тихонько вздохнулъ.

Никто не замѣтилъ этого, но мальчикъ самъ испугался и поспѣшилъ подтянуть себя.

Нечего задумываться! надо работать, работать...

Онъ работалъ съ желѣзнымъ прилежаніемъ, выполняя долгъ, предписанный себѣ самому.

Въ рукахъ прибавлялось силы, мускулы крѣпли и уплотнялись, углублялось сознаніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ еще больше росла наклонность къ уединенію, къ самоанализу. Г-жа Трейманъ постепенно примирилась съ его существованіемъ. Она только старалась не замѣчать его, не ласкала, но и не бранила. Никогда у нея не находилось для него добраго материнскаго слова.

Мальчикъ не огорчался этимъ — но отъ вниманія его не ускользало, что хозяйка какъ будто робѣетъ и избѣгаетъ его, и недовольна тѣмъ, что маленькая Эльфрида всей душой привязалась къ нему.

Стефанъ Гуллеръ сознательно взялъ на себя крестъ расти безъ материнской любви и не обижался на хозяйку. Онъ самъ хотѣлъ одинъ идти своей дорогой. Ему было тяжело людское общество, онъ несъ на себѣ тяжкое бремя, судьбу отца, и воспоминанія преслѣдовали его, какъ разъяренные псы. По ночамъ у него были тяжелые, мучительные сны.

Онъ видѣлъ Борелью, танцовавшаго на канатѣ, слышалъ звуки его флейты...

А за кулисами, невидимая публикѣ, стояла его мать, глядя на танцора влюбленными глазами. На тонкихъ, холеныхъ пальцахъ флейтиста сверкали рубины и изумруды... Но вотъ, рядомъ выростала гигантская, вдвое больше, чѣмъ при жизни, фигура Чарльза Тиллера, и мальчикъ, испуганно вскрикивая, просыпался, весь въ поту отъ страха, и протиралъ глаза, чтобъ убѣдиться, что это былъ только сонъ, и спѣшилъ зажечь свѣчу и вытереться весь холодной водой.

Иногда ему снилось, что и самъ онъ работаетъ на огромной высотѣ, на верхушкѣ бамбуковаго шеста; но ему нисколько не страшно—вѣдь онъ знаетъ, что отецъ силенъ, что онъ не

выдастъ—Стефану даже и въ голову не приходитъ, что онъ можетъ свалиться съ шеста. Вѣдь они всѣ трое такъ старательно разучивали этотъ номеръ—что же можетъ случиться?

Иногда ему чудилось, что возлѣ него стоитъ Марга Террекъ, и на ея блѣдномъ, словно изъ слоновой кости выточенномъ личикѣ сіяютъ влажнымъ блескомъ огромные темные глаза. Марга проводила рукой по его волосамъ, и сладкій, блаженный трепетъ пронизывалъ все его юное тѣло.

Днемъ онъ гналъ отъ себя эти призраки; ночью, когда онъ, усталый отъ работы, уже не въ состояніи былъ имъ противиться, они возвращались и тревожили его сонъ. И когда во снѣ передъ нимъ вставалъ образъ матери, лицо его искажалось гнѣвомъ и мукой, сердце билось до того, что готово было выскочить, и онъ заставлялъ себя проснуться, чтобы не давать больше воли своей мучительной фантазіи. Онъ старался не смотрѣть на столбы, на которыхъ вывѣшивалъ свои огромные плакаты Винтергартенъ. Онъ ничего не хотѣлъ видѣть и слышать такого, что могло ему напомнить о прошломъ.

— Такого ученика у меня еще никогда не бывало,—хвасталъ Трейманъ;—силенъ, какъ молодой великанъ, а работаетъ больше всякаго подмастерья—и проворенъ, и ловокъ, и работы никакой не боится.

И набивая трубку, онъ прибавлялъ:

— Вотъ видишь, старуха, хорошо, что у меня свой царь въ головѣ и что я не слушаю бабъ.

— Погоди еще хвастать,—сдержанно и колко возражала хозяйка,—вѣдь онъ католикъ — отчего же онъ въ церковь не ходитъ? Да и по лицу его я вижу, что душа у него неспокойная.

— Въ церковь онъ не ходитъ, это правда, а все-таки онъ не безбожникъ. Я ужъ спрашивалъ его на счетъ этого, и онъ мнѣ напрямикъ объявилъ, что онъ не можетъ молиться, когда возлѣ него другіе люди, онъ долженъ быть наединѣ со своимъ Богомъ. Что же можно противъ этого возразить. Мнѣ тоже все равно гдѣ молиться—въ церкви ли, или подъ открытымъ небомъ, или у себя дома.

— А почему онъ людей чурается?

— Вотъ те на! Это все равно, что я бы спросилъ тебя, почему ты не ѣшь гуляшу. У одного такая повадка, у другого другая. Неужто же всѣхъ надо стричь подъ одну гребенку? Только бы онъ дѣло свое дѣлалъ добросовѣстно—а онъ дѣлаетъ все что надо и больше того,—а тамъ пусть себѣ живетъ, какъ

знаетъ... Почемъ ты знаешь, что у него на душѣ, у этого мальчика, какое бремя гнететъ его?

— Кто людей чурается, того и люди чураются, а кто не можетъ быть веселымъ, у того на умѣ недоброе.

Трейманъ, ворча себѣ подъ носъ, укладывался на диванѣ.

— А гдѣ же одѣяло?—буркнулъ онъ сердито.

И когда жена подала ему одѣяло, онъ продолжалъ:

— Всѣ эти разговоры ни къ чему. Удивительно ты непріятная женщина! Хоть колъ на головѣ теши, ты все свое. Ужъ если ты какую глупость заберешь себѣ въ башку, ничѣмъ ее оттуда не выбьешь. Съ дураками всегда такъ; какъ упрется на своемъ—ничего ты съ нимъ не подѣлаешь.

— Ну вотъ, вотъ,—заворчала хозяйка; — съ тѣхъ поръ, какъ этотъ мальчишка живетъ у насъ въ домѣ, я у тебя изъ дуръ не выхожу. До того ужъ ты къ нему пристрастился, что самъ какъ дуракъ сталъ на старости лѣтъ.

Мастеръ раздражительно приподнялся на диванѣ и стукнулъ трубкой объ столъ.

— Нѣтъ, ты прямо-таки невыносима. Это что еще за новости! Какъ это такъ я «пристрастился» къ нему? Пристрастился потому, что онъ славный парень. Вотъ тебѣ, коли хочешь знать. Такихъ, какъ онъ, немного на свѣтѣ, и надо Бога благодарить, что такой человѣкъ сидитъ у тебя за столомъ. А ты... не смѣй ты больше ничего мнѣ говорить объ этомъ мальчикѣ.

— У тебя свои мысли, а у меня свои.

Мастеръ провелъ рукой по своимъ коротко остриженнымъ, жесткимъ, какъ щетка, сѣдымъ волосамъ.

— А ну тебя къ лѣшему! Убирайся ты со своими мыслями. Это просто предразсудокъ слѣпой: закрываетъ человѣкъ нарочно глаза, чтобы не видѣть. Если бы ты этого не дѣлала, ты давно бы ужъ замѣтила, что ты несправедлива къ этому мальчику, и постаралась бы загладить это. И не дури ты мнѣ головы этими глупостями. Я зорко слѣжу за мальчишкой и ровнехонько ни въ чемъ не могу упрекнуть его. Я себѣ составилъ мнѣніе о немъ и остаюсь при своемъ мнѣніи. Должно же быть у человѣка свое мнѣніе.

Хозяйка расхохоталась.

— Чего же ты меня бранишь за то, что у меня свое мнѣніе?

— Мнѣніе мнѣнію рознь, душа моя, ты моихъ словъ не искажай, у человѣка должны быть свои взгляды, но разумные продуманные, устойчивые. А выдумать какую-нибудь глупость и

всю жизнь цѣпляться за нее, да еще выдавать ее за мнѣніе, это ужъ, воля твоя, совсѣмъ неумно. Ты вѣдь знаешь, меня этотъ процессъ всего перевернулъ. Я даже и не зналъ, что у порядочнаго человѣка можетъ такъ вдругъ вся жизнь пропасть изъ-за какой-то потаскухи, что честнѣйшій малый неожиданно для себя, можетъ въ глазахъ закона—да, кто знаетъ, можетъ быть, и передъ Богомъ стать преступникомъ, злодѣемъ. Человѣкъ этотъ былъ убѣжденъ, что онъ имѣлъ право такъ поступить и не хотѣлъ ничьей жалости. Нѣкоторые изъ присяжныхъ хотѣли оправдать его, но я сказалъ: нѣтъ, потому что всякое убійство есть убійство. А онъ думалъ, что онъ въ своемъ правѣ, и ему нужно было право свое доказать. Я его уважаю, но я съ нимъ не согласенъ. Потому, что есть вѣдь надъ нами правый Судія, и что же это будетъ, если каждый будетъ самъ вершить судъ и расправу?.. Матильда,—прервалъ онъ себя вдругъ,—ты, кажется, нарочно стучишь чашками и ложками, чтобъ не слушать, что я тебѣ говорю?

— Нѣтъ, старикъ, хоть я и глупа по твоему, я все слышала, что ты говорилъ, и все поняла. Тутъ-то и выходитъ у тебя заковычка. Вѣдь этотъ человѣкъ не подчинился вашему приговору. Онъ надсмѣялся надъ вами и самъ зарѣзался, самъ надъ собою судъ сотворилъ, очевидно, сказавъ себѣ, что нѣтъ правыхъ судей на землѣ, нѣтъ ихъ и на небѣ.

Женщина умолкла на минуту и посмотрѣла на мужа, который глядѣлъ на нее, озадаченный и огорченный.

— Помяни мое слово, старый: яблоко отъ яблони далеко не падаетъ. Я, по крайней мѣрѣ, этого не видала, хоть у папаши въ саду яблонь было много. Отецъ зарѣзалъ человѣка и самъ повѣсился; сынъ не ходитъ въ церковь и не признаетъ Бога. Онъ такой же высокомѣрный, какъ и его отецъ. О матери уже не говорю, та совсѣмъ погибшая женщина, Богъ ей судья.

— Жена, ты разсуждаешь, какъ попъ, и какъ скверный попъ. Оставь ты въ покоѣ этого мальчика. И не пугай меня всякой чертовщиной—я Бога боюсь, а не чорта. Но въ одномъ ты права. Этотъ человѣкъ лишилъ себя жизни съ отчаянія. Онъ не понялъ своихъ земныхъ судей и утратилъ вѣру въ небеснаго Судію. И вотъ на этомъ я верчусь, какъ бѣлка въ колесѣ. Можетъ, намъ и вправду нужно было вынести ему оправдательный приговоръ и напрямикъ заявить: ты правильно поступилъ и можешь высоко нести голову, какъ честный человѣкъ. Кто осквернилъ мой семейный очагъ, повиненъ смерти. Кто разрушаетъ мою семью, отнимаетъ у меня то, ради чего я посланъ Господомъ въ этотъ міръ. Да,

жена, это именно такъ, а не иначе. Богъ создалъ человѣка для того, чтобъ онъ сталъ съ женой въ плоть едину и рождалъ новыхъ людей. Кто отнимаетъ у него жену... но, ахъ! я проповѣдую въ пустынѣ, ты не хочешь или не можешь понять меня.

Жена посмотрѣла на него ласковымъ, материнскимъ взоромъ, какимъ женщины умѣютъ смотрѣть и на мужей своихъ.

— Жалко мнѣ тебя, до смерти жалко, все ты думаешь, а эти думы, только сбиваютъ тебя съ прямого пути. Ты смотри, старый, до чего ты дошелъ—ты готовъ уже оправдать и убійство, и самоубійство. Давно ли ты самъ говорилъ, что убійство всегда остается убійствомъ? А я твержу свое: не будь здѣсь этого мальчугана, тебѣ бы и въ голову не приходили такія грѣшныя мысли. Брани меня, какъ хочешь,—ничего добраго изъ этого выйти не можетъ.

Трейманъ поднялся съ дивана и подошелъ къ женѣ:

— Да ты посмотри на свое дитя и спроси себя: почему же ребенокъ такъ льнетъ къ нему? Дѣти чутки, еслибъ онъ былъ такой плохой, какъ ты говоришь, не привязалась бы къ нему такъ наша Эльфрида. Она лучше читаетъ у него въ сердцѣ, чѣмъ ты.

Густая краска залила лицо фрау Трейманъ, и отъ этого еще рѣзче обозначились ея костлявыя скулы.

— Лучше бы ты не напоминалъ мнѣ объ этомъ. Этотъ мальчишка словно околдовалъ ее: родное дитя становится мнѣ чужимъ. Онъ на ребенка-то и забросилъ сѣти, и бѣдная дѣвочка попалась въ нихъ, какъ птичка въ силки. Не смѣйся, старый, не знаешь ты своего ребенка. У нея, что засядетъ въ душѣ, то уже сидитъ крѣпко. И если я считаю дни, когда этотъ малый кончитъ ученье и уйдетъ отъ нашего дома, то ужъ мнѣ лучше знать, почему. Въ тотъ вечеръ когда онъ уйдетъ изъ нашего дома, я трижды прочту «Отче Нашъ»...

— Будетъ вздоръ болтать. Довольно съ меня. Такъ и не дала ты мнѣ вздремнуть послѣ обѣда. До свиданія.

Онъ вышелъ изъ комнаты, хлопнувъ дверью, и жена слышала, какъ минуту спустя со стукомъ затворилась за нимъ и входная дверь.

Не въ духѣ пришелъ мастеръ въ этотъ день въ свою мастерскую. Первый взглядъ его упалъ на Стефана. Мальчикъ стоялъ передъ горномъ, глядя въ огонь и держа щипцами въ вытянутой напряженной рукѣ кусокъ раскаленнаго желѣза. Отсвѣты пламени въ горнѣ рѣзко и ярко освѣщали его лицо.

Мастеръ смотрѣлъ на него и дивился рѣдкой, своеобразной

красотѣ этого лица, такъ какъ у него была врожденная чуткость къ прекрасному. Но только не весело это лицо—въ этомъ его супруга права—оно угрюмо и мрачно. И дѣйствительно это еще вопросъ, годится ли Стефанъ въ товарищи его маленькой дочкѣ. Дѣвочка и такъ склонна къ мечтательности, къ задумчивости, а тутъ еще такое вліяніе... Чего добраго, это и въ самомъ дѣлѣ можетъ быть опасно для Эльфриды.

— Какая жалость,—думалъ мастеръ,—что человѣкъ не можетъ читать въ сердцѣ своего ближняго. Отъ скольких забот и горя могъ бы онъ избавить и себя и другого, еслибъ сердце этого другого было раскрыто передъ нимъ. А то бродишь ощупью въ темнотѣ и еще благодаришь Бога за то, что не на каждомъ шагу спотыкаешься. Обидно, право!..

Онъ пошелъ въ контору и раскрылъ толстую счетную книгу. Не слѣдуетъ отрывать малаго отъ работы—послѣ потолкуемъ...

На первой страницѣ книги были выведены слова: «*Съ Божьей помощью*»... Лицо Треймана омрачилось. Что это въ сущности значитъ? Пустой звукъ, привычное представленіе... Что такое Богъ? гдѣ Онъ? Внѣ ли человѣка высшая сила, которая правитъ колесницей судьбы? Или же Онъ—въ самомъ человѣкѣ? Или это одно только слово безъ внутренняго содержанія, выдуманное человѣкомъ, чтобы прикрыть свою слабость? Фридрихъ Гуллеръ, передъ смертью, отрекся отъ Бога. У него вырвали почву изъ подъ ногъ—и онъ утратилъ вѣру и въ людей, и въ Бога, и сынъ унаслѣдовалъ безвѣріе отца.

Среди друзей и знакомыхъ мейстера Вильгельма Треймана не было ни единаго, съ которымъ онъ могъ бы поговорить объ этомъ «интимномъ вопросѣ». Не кичась передъ другими, онъ все же сознавалъ себя выше ихъ, да и тѣ смотрѣли на него, какъ на чудака, съ которымъ о такихъ вещахъ лучше не разговаривать. До сихъ поръ онъ, какъ ни какъ, жилъ съ Богомъ въ ладу и въ своемъ приходѣ слылъ человѣкомъ солиднымъ и добрымъ христіаниномъ, хотя держался всегда въ сторонѣ отъ черезчуръ усердныхъ ревнителей и ханжей. Но случай съ Тиллеромъ врѣзался, что называется, клиномъ въ его міровоззрѣніе, и зданіе, которое ему удалось сколотить, начинало расшатываться. Онъ пробовалъ поговорить съ пасторомъ Шнейдеромъ, но тотъ не нашелъ ему сказать въ утѣшеніе ничего, кромѣ общихъ мѣстъ. Изъ мрака къ свѣту—черезъ сомнѣніе къ вѣрѣ. Отъ этого разговора у него осталась такая горечь на душѣ, что онъ прямо отъ пастора пошелъ въ сосѣдній трактиръ и выпилъ стаканчикъ, чтобы прогнать дурной привкусъ во рту.

Онъ пережилъ немало тяжелыхъ часовъ внутренней борьбы и въ простотѣ души пришелъ, наконецъ, къ выводу, что только благоговѣйное преклоненіе передъ Богомъ отличаетъ человѣка отъ животнаго, только сознаніе собственнаго несовершенства и готовность смиренно, безпрекословно преклониться передъ волею Того, Кто выше насъ.

И, такъ какъ человѣку свойственно желать пріобщить другихъ къ познанію и вѣрѣ, добытымъ имъ, и такъ какъ всѣ мы болѣе или менѣе подвержены маніи осчастливливать ближнихъ и обращать ихъ на путь истины, то и мейстеръ Трейманъ началъ обращать въ свою вѣру Стефана Гуллера...

Когда въ мастерской пошабашили, мастеръ повелъ ученика домой окольнымъ путемъ.

Онъ отечески положилъ руку на плечо высокаго рослаго мальчика и выговорилъ неторопливо, раздумчиво:.

— Слушай-ка, малый, что я тебѣ скажу. Только не ухомъ однимъ слушай, а и сердцемъ. Почему это ты сторонишься отъ людей такъ, что и они въ свою очередь начинаютъ отъ тебя сторониться и считаютъ тебя чудакомъ? Это, братъ, нехорошо.

Онъ посмотрѣлъ на Стефана и самъ устыдился себя, встрѣтивъ печальный задумчивый взглядъ, какъ бы говорившій: «Зачѣмъ ты мучаешь меня? Зачѣмъ предлагаешь такіе вопросы, на которые тебѣ самому легче отвѣтить, чѣмъ мнѣ?»

Тѣмъ не менѣе, не смущаясь этимъ, онъ продолжалъ:

— Ты знаешь, что я привязался къ тебѣ и радуюсь твоему прилежанію. Но именно потому, что я привязался къ тебѣ, мнѣ хотѣлось бы во многихъ отношеніяхъ видѣть тебя другимъ. Видишь ли,—онъ озабоченно наморщилъ лобъ,—сдается мнѣ, что нѣтъ у тебя почвы подъ ногами, что ты какъ будто гдѣ-то въ воздухѣ, между землею и небомъ. И внизу у тебя нѣтъ твердой точки опоры, и вверхъ ты взлетѣть не можешь. И не съ людьми, и не съ Богомъ. Что же это такое? Какъ же такъ жить? Я не говорю, что для христіанина обязательно ходить въ церковь, но тотъ, кто какъ будто не хочетъ слышать слова Божія и наставленій отца духовнаго, даетъ поводъ думать, будто онъ и въ Бога не вѣритъ. Я знаю, мальчикъ, что ты мнѣ скажешь: что тебѣ тяжко на людяхъ, что одному тебѣ легче. Неправильно, другъ, разсуждаешь: нехорошо человѣку быть одному; люди должны всѣ держаться другъ друга. Не можешь ты отгородиться отъ всего міра. Я тебя не тяну къ отвѣту; ты только самъ съ собою наединѣ все это обдумай и спроси себя: а можетъ быть мастеръ

то и правъ? Ну а теперь я оставлю тебя. Мнѣ еще кой-куда надо сходить передъ ужиномъ.

Онъ отошелъ, и Стефанъ даже не посмотрѣлъ ему вслѣдъ.

Онъ чувствовалъ, что хозяинъ къ нему, дѣйствительно, хорошо относится и искренно желаетъ ему добра. Но развѣ хозяинъ знаетъ, что ему приходится терпѣть въ мастерской? какъ всѣ тамъ, начиная отъ старшаго подмастерья и кончая послѣднимъ ученикомъ, пристаютъ къ нему и мучаютъ его, и дразнятъ, что онъ не умѣетъ быть веселымъ, какъ они? Однажды старшій подмастерье затянулъ пѣсню, какую-то грубую, уличную, и всѣ хоромъ подхватили ее; только онъ, Стефанъ, не пѣлъ вмѣстѣ съ прочими.

Старшій подмастерье вдругъ оборвалъ пѣсню на полусловѣ, и всѣ послѣдовали его примѣру.

— А ты что сидишь, словно воды въ ротъ набралъ? Выходи-ка впередъ и подтягивай. Начинай, братцы, сначала.

Подмастерья и ученики снова затянули пѣсню. Стефанъ молчалъ. Подмастерье сдѣлалъ знакъ, и пѣсня снова оборвалась.

— Ну, теперь будетъ таска упрямцу, это ужъ можно заранѣе предсказать. Съ Шолмейеромъ шутки плохи.

И, дѣйствительно, подмастерье пошелъ прямо къ Стефану, который спокойно ждалъ его, скрестивъ руки на груди. И—разъ, два, три—закатилъ ему звонкую оплеуху, которая отдалась и въ самомъ дальнемъ углу гулкой мастерской.

Вотъ-то было смѣха! Этотъ смѣхъ потомъ долго еще звучалъ въ ушахъ Стефана. На мигъ у него промелькнула мысль: кинуться на подмастерье, отплатить за обиду, помѣряться съ нимъ силой... Грудь его бурно вздымалась, онъ шагнулъ впередъ—но въ то же мгновеніе внутренній голосъ шепнулъ ему: «Не дѣлай этого, ради отца, удержись!»

Онъ поникъ головой. Искры во взорѣ его погасли; вся кровь сбѣжала съ лица.

— *Аминь*!—прошепталъ онъ. Никто не разслышалъ этого.

— Ну что, теперь будешь пѣть?—спросилъ Шломейеръ. Въ мастерской воцарилась мертвая тишина. Всѣ, затаивъ дыханіе, ждали отвѣта.

— Я пѣть не могу,—выговорилъ онъ сдавленнымъ голосомъ и поднялъ глаза.

У подмастерья готова была сорваться съ языка грубая ругань, онъ уже готовъ былъ снова ударить его, но въ эту минуту встрѣтилъ взглядъ мальчика, и у него застыло сердце, и под-

нятая рука опустилась; онъ только невнятно бормоталъ что-то себѣ въ бороду. Пѣть у него пропала охота.

Это было не первое и не единственное столкновеніе Стефана съ товарищами по мастерской. Ихъ раздражало, что онъ какой-то особенный, не похожъ на другихъ. Онъ не пѣлъ вмѣстѣ съ ними ихъ пѣсенъ, не ходилъ съ ними по гуляніямъ и трактирамъ, ни вечеромъ послѣ работы, ни въ праздники. И то, что хозяинъ любилъ его, что хозяйская дочка, какъ только ей удавалось ускользнуть отъ бдительнаго взора мамаши, прибѣгала въ мастерскую и, притаившись гдѣ-нибудь въ уголкѣ, ждала, когда онъ кончитъ работу,—все это еще больше разжигало ихъ ненависть. Что онъ дѣлаетъ по вечерамъ? какъ проводитъ онъ воскресенья? На это ни одинъ изъ нихъ отвѣтить не могъ. И въ слѣпомъ, безсмысленномъ и безпощадномъ гнѣвѣ, они старались уязвить его въ самое больное мѣсто его израненой души и, сговорившись предварительно, начинали при немъ обсуждать новую програму Винтергартена и послѣ каждой фразы покатывались со смѣху; а когда Стефанъ, отвернувшись отъ нихъ, съ искаженнымъ лицомъ наклонялся надъ горномъ, словно въ надеждѣ, что огонь выжжетъ его душевную боль, если ужъ не въ комъ больше искать помощи и утѣшенія, кто-нибудь подходилъ къ нему и грубо дергалъ его за рукавъ.

— А у тебя что, развѣ совсѣмъ пропала охота къ такимъ кунстштюкамъ? Развѣ тебѣ не хочется представлять вмѣстѣ съ ними?—допытывался онъ, а другіе злорадно хихикали.

И никто изъ нихъ не замѣчалъ, что у Стефана дрожатъ руки, что бѣдный мальчикъ употребляетъ нечеловѣческія усилія, чтобы сдержать себя и не швырнуть на землю обидчика.

«Закуси губы до крови, держи себя въ уздѣ, заставь себя— ты обязанъ это сдѣлать, ради твоего отца! Неси свой крестъ и не падай подъ нимъ»—такъ говорилъ себѣ мальчикъ, проглатывая съ виду спокойно, новыя и новыя обиды.

Въ мастерской было рѣшеннымъ вопросомъ, что Стефанъ Гуллеръ, несмотря на свою богатырскую силу, трусъ въ душѣ. Потому что сколько-нибудь уважающій себя человѣкъ не позволилъ бы такъ издѣваться надъ собой. И потому произволъ и дерзость товарищей по мастерской все возрастали, и каждый день, то тотъ, то другой, ради общей потѣхи, придумывалъ новую штуку, чѣмъ бы извести упрямаго мальчишку. Развѣ эти жалкіе глупцы знали, какое горе у него на душѣ? Никому изъ нихъ даже въ голову не приходило спросить себя, почему же это Стефанъ ни разу не пожаловался на нихъ хозяину? Они и

не догадывались, что въ душѣ его жила такая гордость и такая сила, которыя не допускали даже и мысли о посторонней помощи.

«Я долженъ нести это бремя ради отца, какъ Христосъ несъ на себѣ крестъ ради всего человѣчества». —Это стало его религіей, суровой и полной смиренія, и потому у него только болѣзненно кривились губы, и загадочная усмѣшка скользила по устамъ, когда мастеръ добродушно и дружески выговаривалъ ему за то, что онъ не ходитъ въ церковь.

Что если подойти къ нему и сказать: «Мастеръ, вѣдь я ежеминутно помню о Богѣ—по совѣсти вамъ говорю—я каждымъ фибромъ служу Ему, и ваши слова даже слишкомъ глубоко засѣли въ моей душѣ»...—Нѣтъ, это слишкомъ священно для него, къ этому нельзя прикоснуться постороннему. «Въ исканіи Бога не позволяй ни единому человѣку стать между тобою и Богомъ. Это твое личное дѣло. Посредниковъ между Богомъ и человѣкомъ нѣтъ и быть не должно».—Такова была въ то время вѣра Стефана Гуллера.

Одинъ разъ мальчикъ не выдержалъ. Это было подъ праздникъ; старшій подмастерье вмѣстѣ съ мастеромъ уже ушли, а Стефанъ передъ уходомъ пошелъ умываться; въ это время самый младшій подмастерье взялъ раскаленный гвоздь съ тѣмъ, чтобы прожечь дырку въ шляпѣ Стефана. Тотъ подоспѣлъ во время и до того вспылилъ, что схватилъ подмастерья за шиворотъ и швырнулъ его наземь. И выраженіе его лица при этомъ было такое ужасное, что всѣ кругомъ оцѣпенѣли. Но уже черезъ минуту Стефанъ пришелъ въ себя.

— Не бойтесь, я ничего вамъ не сдѣлаю.—И, почти извиняющимся тономъ, какъ бы чувствуя себя обязаннымъ объяснить свой необычный поступокъ, онъ пробормоталъ:—Если вы ужъ не можете не привязываться ко мнѣ, то оставьте въ покоѣ, по крайней мѣрѣ, мои несчастныя вещи—у меня нѣтъ денегъ, чтобы купить себѣ новыя.

Никто не видѣлъ, что свидѣтельницей этой сцены была маленькая Эльфрида, незамѣтно вошедшая въ мастерскую. Она страшно испугалась, хотѣла крикнуть, но страхъ сковалъ ей уста. Теперь она подошла къ Стефану и, вся дрожа, выговорила:

— Пойдемъ; не связывайся съ этимъ злымъ человѣкомъ.

Въ мастерской воцарилась мертвая тишина. У всѣхъ лица вытянулись. Значитъ, малый-то при случаѣ все-таки можетъ постоять за себя. А то, что все это разыгралось на глазахъ у

хозяйской дочки, могло имѣть очень непріятныя послѣдствія...

Выйдя на улицу, Стефанъ и Эльфрида долгое время молча шли рядомъ. Наконецъ, онъ выговорилъ:

— Вѣдь ты никому не разскажешь объ этомъ дома, не правда ли?

Она послушно кивнула головкой, но губы ея кривились отъ усилій не расплакаться. Его горе было ея горемъ, за него она съ радостью кинулась бы въ огонь, если-бъ кто-нибудь сказалъ ей, что только этимъ можно спасти его...

Фрау Трейманъ невѣрно изображала происходящее. Потому что не Стефанъ старался привлечь къ себѣ нѣжную душу Эльфриды, но сама дѣвочка чувствовала себя счастливой только возлѣ него. Когда ей разрѣшалось гулять вмѣстѣ съ нимъ, каждое деревцо, каждый кустикъ и каждый листокъ сверкали на солнцѣ, какъ расплавленное золото, когда же онъ отворачивался отъ нея, уходилъ къ своимъ книгамъ и къ своему одиночеству, дѣвочка чувствовала себя разбитой, раздавленной, и тонкимъ слухомъ улавливала въ груди какой-то слабый звукъ, словно тамъ звенѣли, тихо касаясь другъ друга, осколки бѣднаго разбитаго сердечка.

Не говоря о случившемся, они прошли въ старый Ораніенгартенъ, что за Александриненъ-штрассе, въ свое время служившій кладбищемъ. Среди старинныхъ могилъ съ красивыми памятниками, на которыхъ стерлось и потускнѣло золото надписей, подъ развѣсистыми деревьями, звенитъ веселый дѣтскій смѣхъ; увядшіе, пожилые мужчины и женщины сидятъ на поросшихъ мохомъ скамьяхъ, грѣясь на ясномъ весеннемъ солнышкѣ, или же наслаждаясь вечерней прохладой, когда солнце, передъ тѣмъ, какъ уйти на покой, закутается въ ночную свою одежду—королевскую мантію изъ пурпура и багреца.

— Почему ты не скажешь отцу, какъ они мучатъ тебя?— спросила дѣвочка, глядя на него съ грустнымъ недоумѣніемъ.

Ея нѣжный голосокъ и озабоченное огорченное личико, казавшееся ему иной разъ совсѣмъ прозрачнымъ и неземнымъ, тронули Стефана.

— Твой отецъ, Эльфрида,—медленно выговорилъ онъ,— зажегъ единственный лучъ во мракѣ моей души, а я, Эльфрида, выполняю Божье предназначеніе.

Послѣ этихъ загадочныхъ словъ, которыя дѣвочка поняла скорѣе чутьемъ, чѣмъ разумомъ, Стефанъ продолжалъ:

— Мнѣ досталось тяжкое наслѣдство, которое я долженъ нести, на то я и поставленъ Богомъ. И когда меня бьютъ и

мучаютъ, я стискиваю зубы и не откликаюсь. Оттого я и не жалуюсь никому. Этого я не долженъ дѣлать. Я несу свою ношу.

Дѣвочка сложила руки, какъ на молитву.

Въ кладбищенскомъ саду было тихо и пусто. Не слышно дѣтскаго смѣха. Послѣдній отблескъ заката еще лежалъ на потускнѣвшемъ золотѣ могильныхъ надписей, словно неся мертвымъ вѣсть о жизни, о вѣчности.

Неожиданно, среди всеобщей тишины, Эльфрида торжественно выговорила:

— Іисусъ—женихъ души моей...

Глаза ея сіяли восторгомъ. Стефанъ изумленно взглянулъ на нее.

— Что это тебѣ пришло въ голову?

— Да... да...—подтвердила она и загадочно улыбнулась.

— Если не хочешь сказать, если боишься, не говори.

Лицо ея озарилось невыразимой нѣжностью.

— О нѣтъ, чего же мнѣ бояться тебя? Я люблю тебя... не сердись на меня за это, это Божья воля.—И своимъ серебристымъ голоскомъ, не смущаясь тѣмъ, что лицо Стефана омрачилось, она прибавила:—На урокѣ Закона Божія учитель сказалъ: каждая дѣвушка, которая несчастлива, которой рано суждено умереть, должна знать, что у нея есть женихъ небесный—Іисусъ, и ни одна поэтому не должна отчаяваться...

— Развѣ ты несчастлива?

Она посмотрѣла на него съ трогательной неувѣренностью.

— Я не такъ уже несчастлива,—отвѣтила она, видимо, съ усиліемъ.—Потому что, видишь ли, я люблю тебя и, хоть я и отлично знаю, что ты...

— Что я?..

— Хотя я знаю,—повторила она, медленно и запинаясь,—что ты только хорошо относишься ко мнѣ. Не утѣшай меня, Стефанъ: у дѣвушки, которая рано должна умереть—женихъ небесный, Іисусъ, развѣ это не хорошо?

— Эльфрида, что ты такое говоришь!

— Ну, разумѣется, Стефанъ, я скоро умру.

— Откуда у тебя такія мысли?

Онъ гладилъ ея тонкія, бѣлыя ручки; она радостно вздрагивала и улыбалась.

— Я знаю. Чувствую. Я не боюсь. Умирать, должно быть, пріятно. Слышишь, какъ поютъ ангелы. Іисусъ подходитъ и кладетъ тебѣ руку на лобъ...

— Который тебѣ годъ, Эльфрида?

— Черезъ мѣсяцъ будетъ четырнадцать.

— И ты думаешь о смерти!

— Какъ же не думать? Думаю каждый вечеръ, пока не усну... А тебѣ шестнадцать, Стефанъ, и ты...

Она вдругъ заплакала и закрыла лицо руками.

Глубоко взволнованный, онъ поцѣловалъ ее въ лобъ.

Она опустила ручки и посмотрѣла на него съ материнскою нѣжностью влажными отъ слезъ глазами.

— Намъ пора домой,—напомнилъ онъ,—скоро ужинъ.

— Ахъ, посидимъ здѣсь еще немного, здѣсь такъ хорошо!

Онъ кивнулъ головой.

И въ безмолвіи вечера, среди покоя могилъ, они долго сидѣли молча. Маленькая Эльфрида положила свои ручки на его руки... Потомъ, такъ же молча, пошли домой.

— Тебѣ нехорошо? Что это у тебя руки такія горячія?—спрашивалъ онъ.

— Мнѣ очень хорошо, Стефанъ,—отвѣчала она.

Фрау Трейманъ бранила ихъ, дѣти молчали. Послѣ ужина Стефанъ поспѣшилъ уйти къ себѣ на чердакъ и разложилъ на столѣ англійскіе и французскіе учебники, которые онъ, потихоньку отъ хозяина, купилъ себѣ. Но читать не могъ—сегодня черныя буквы были мертвы. Онъ высунулся въ окно, перегнувшись черезъ низенькій подоконникъ. На сердцѣ была такая тяжесть, что трудно было дышать. — «Эльфрида!—шепталъ онъ тихо.—Милая Эльфридочка, зачѣмъ у тебя такія печальныя мысли?..»

Онъ вздрогнулъ. Дѣвочка стояла позади него, словно изъ земли выросла, словно по воздуху прилетѣла, такъ какъ, несмотря на полную тишину въ домѣ, онъ не слышалъ ея шаговъ.

— Я хотѣла еще разъ пожелать тебѣ спокойной ночи, Стефанъ. Нагнись немножко.

Она обвила руками его сильную шею и поцѣловала его цѣломудренными дѣтскими устами.

— Я люблю тебя,—прошептала она—я люблю тебя!..—И, словно опьянѣвъ отъ невыразимой сладости этого поцѣлуя, закрыла глаза.

— Эльфрида!.. Эльфрида!.. Дитя, куда ты запряталась?—донесся снизу голосъ фрау Трейманъ.

— Спокойной ночи, Стефанъ, пускай я приснюсь тебѣ во снѣ, какъ ты будешь сниться мнѣ.

И она на цыпочкахъ вышла, не вышла, а выскользнула не-

слышно, какъ тѣнь. Все это было такъ странно... Пустыми глазами онъ долго смотрѣлъ ей вслѣдъ. Потомъ сталъ раздѣваться, но на душѣ у него все было по прежнему тяжело. Сонъ не приходилъ; онъ зажегъ свѣчу, попробовалъ читать, но не понималъ, что читаетъ, и буквы плясали у него передъ глазами. Онъ бросилъ книгу и погасилъ свѣчу.

И долго еще безпокойно ворочался съ боку на бокъ, пока, наконецъ, тревоги его не одолѣлъ тупой, тяжелый сонъ.

Среди ночи его разбудилъ говоръ внизу. Голова болѣла мучительно... Онъ протеръ глаза. Голоса внизу доносились все слышнѣе; Стефанъ явственно различалъ голосъ хозяина. Онъ вскочилъ съ постели, торопливо одѣлся, и черезъ нѣсколько секундъ былъ въ столовой.

— Эльфрида заболѣла, вся горитъ, бредитъ,—сказалъ ему Трейманъ;—бѣги скорѣе за докторомъ Голландъ; скажи ему, что я прошу его пріѣхать сейчасъ же.

Стефанъ былъ уже на улицѣ и мчался по Ораніенъ-штрассе. Докторъ жилъ недалеко.

Докторъ былъ самъ больной человѣкъ, ходившій съ трудомъ, опираясь на палку. У него были сѣро-стальные глаза, добрые и серьезные, длинные, почти до плечъ, бѣлые волосы и густые усы, закрученные по военному, тоже совершенно сѣдые.

Трейманъ питалъ къ нему неограниченное довѣріе.

Стефану хотѣлось кричать, такъ медленно двигался этотъ старикъ. Наконецъ, они у цѣли—ключъ, скрипя, повернулся въ замкѣ, мастеръ уже шелъ имъ навстрѣчу, съ свѣчею въ рукѣ. Желтый отблескъ пламени озарялъ его разстроенное лицо.

Докторъ изумился, взглянувъ на него.

— Ну, ну! Что это вы такъ? Вѣдь, не умираетъ же ваша дочка.

— Дай бы Богъ, чтобъ ваше слово сбылось, г. докторъ,—глухо отвѣтилъ Трейманъ.

Докторъ снялъ шляпу и пальто, придвинулъ стулъ къ постели больной и пощупалъ пульсъ. По одну руку его стояла хозяйка, по другую—хозяинъ, а въ уголокъ комнаты забился Стефанъ. Глаза Эльфриды блестѣли, на щекахъ ея горѣли красныя пятна. Докторъ отвернулъ одѣяло и припалъ своей лохматой головой къ бѣленькой грудкѣ ребенка.

— Кто меня трогаетъ?—жалобно простонала она.

Докторъ вытащилъ изъ кармана слуховую трубку и сталъ слушать грудь, потомъ повернулъ дѣвочку на спину и снова началъ выстукивать и выслушивать. Родители и Стефанъ ждали, едва осмѣливаясь дышать.

— Гм!—сдѣлалъ докторъ и поставилъ больной подъ мышку термометръ.

— Стефанъ! Стефанъ!—страстно вскричала Эльфрида, замѣтивъ его въ углу.

— Тссъ! — прикрикнулъ на нее докторъ. — Надо лежать спокойно.

Но дѣвочка протянула руки къ Стефану, и термометръ упалъ на постель.

Мастеръ знакомъ, безъ словъ, подозвалъ Стефана, и только когда тотъ подошелъ и сталъ возлѣ кровати, дѣвочка перестала плакать и позволила поставить себѣ термометръ. Свободной рукой она ухватилась за руку Стефана и не выпускала ея и не сводила съ него сверкающаго, страстнаго взора.

Докторъ недовольно покачалъ головой и отвелъ въ сторону родителей.

— Трудный случай, — сказалъ онъ. — Температура очень высокая—39,9; воспаленіе обоихъ легкихъ.

Лицо фрау Трейманъ побѣлѣло, какъ полотно; мастеръ съ трудомъ силился овладѣть собой, и только лобъ его весь собрался въ мрачныя складки.

— Сильно она кашляла передъ этимъ? — спрашивалъ докторъ.

— Совсѣмъ не кашляла. Ни разу я не слышала, чтобъ она кашляла,—хриплымъ голосомъ отвѣтила мать.

— Принесите миску съ теплой водой и большую простыню, фрау Трейманъ.

Хозяйка побѣжала въ кухню.

— Господинъ докторъ, — выговорилъ мастеръ, подходя вплотную къ врачу,—вѣдь она же не?..—Онъ не рѣшился договорить.

— Не надо спрашивать, мастеръ. Дастъ Богъ,—выздоровѣетъ. На все Божья воля.

Хозяйка вернулась, неся миску съ водой и простыню.

Докторъ намочилъ простыню, выжалъ ее и разложилъ на столѣ.

— Такъ. Теперь снимите съ ребенка сорочку и дайте мнѣ его сюда.

Но Эльфрида, до тѣхъ поръ лежавшая смирно, громко заплакала и заметалась въ постели, когда ее заставили выпустить руку Стефана. Мальчикъ, не дожидаясь приказа, подошелъ къ постели больной и поднялъ ее на рукахъ. Дѣвочка тотчасъ же смолкла и съ счастливой улыбкой обвила ручками ее шею.

Но, когда онъ хотѣлъ положить ее на мокрую простыню, она опять стала кривить губки, готовая заплакать, и только когда онъ нѣжно попросилъ ее: «Ну, будь же послушной, Эльфридочка, ради меня! Я тебя очень прошу»,—она кивнула головкой и позволила дѣлать съ собой все, что требовалось. Но, когда докторъ хотѣлъ завернуть въ простыню и ея ручки, она опять застонала, заплакала и ни за что не давалась.

И опять только Стефанъ успокоилъ ее:

— Надо слушаться, Эльфридочка. Я вѣдь не уйду отъ тебя. Всю ночь буду сидѣть возлѣ тебя. Положу руку тебѣ на лобъ, и ты уснешь такъ сладко-сладко...

Она посмотрѣла на него съ страдальческой, грустной и въ то же время просвѣтленной улыбкой и опять стала послушной.

Поверхъ мокрой простыни дѣвочку завернули въ теплое одѣяло. И опять-таки Стефанъ на рукахъ перенесъ ее снова на кровать, гдѣ хозяйка тѣмъ временемъ успѣла поправить и взбить горячія подушки.

— Компрессъ надо мѣнять каждые два часа,—наказывалъ докторъ,—самое лучшее, пусть это дѣлаетъ вотъ этотъ молодой человѣкъ,—прибавилъ онъ, испытующе глядя на Стефана Гуллера.—А теперь, господа, доброй ночи. Завтра утромъ я снова приду. А вы приготовьте стаканъ воды съ лимономъ, на случай, если она захочетъ пить.

— Останься здѣсь,—тихо молвилъ мастеръ Стефану. — Я самъ провожу доктора.

Хозяйка подошла къ окну, прижалась лицомъ къ стеклу и смотрѣла на темную улицу, а Стефанъ, вѣрный своему слову, сѣлъ у постели Эльфриды и положилъ руку на лобъ ей. Лишь изрѣдка, и то на нѣсколько секундъ, она закрывала глаза и тотчасъ же спѣшила раскрыть ихъ, словно боясь, что онъ уйдетъ и, убѣдившись, что онъ возлѣ нея, смотрѣла на него съ такой горячей любовью...

И утромъ, и въ полдень, и вечеромъ, каждый день аккуратно являлся докторъ Голландъ, и съ каждымъ разомъ было все труднѣе добиться отъ него отвѣта. Дѣвочка жаловалась на сильныя боли въ ушахъ, и докторъ констатировалъ воспаленіе средняго уха.

Трейманъ не въ состояніи былъ смотрѣть, какъ докторъ длиннымъ острымъ ланцетомъ залѣзъ его дѣвочкѣ въ ушную раковину—съ беззвучнымъ стономъ онъ отвернулся.

Больная же цѣплялась обѣими ручками за Стефана и переносила боль съ ангельской кротостью.

— Никогда въ жизни я не видалъ такого ребенка, — говорилъ докторъ Голландъ хозяину.

Тотъ молча кивалъ головою.

Однажды, въ сумеркахъ маленькая Эльфрида лежала, утопая въ подушкахъ, и широко раскрытыми глазами смотрѣла на небо.

Лицо ея и руки стали совсѣмъ прозрачными. Шелковистые бѣлокурые волосы падали на виски и на шейку, теперь тоненькую, какъ ниточка.

Лучи заката, падавшіе въ окно, заливали потоками свѣта ея волосы, и, казалось, что на головѣ у нея золотая корона. Дѣвочка протянула безкровныя губки, словно для поцѣлуя.

— Подойди ко мнѣ, Стефанъ. Подойди ко мнѣ!—прошептала она, улыбаясь неземною улыбкой. Объ отцѣ и матери она и не вспомнила; забыла и о себѣ, и обо всемъ на свѣтѣ. Рѣка вѣчности затопила всѣ воспоминанія. Собравъ остатки силъ, она прильнула маленькимъ ротикомъ къ губамъ Стефана... Потомъ слегка вздохнула—и вѣки ея сомкнулись...

Такъ умерла маленькая Эльфрида.

Съ нѣмецкаго перев. З. Журавская.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ВТОРОЙ ТОМЪ КНИГИ А. Θ. КОНИ: НА ЖИЗНЕННОМЪ ПУТИ.[1]

«Вы открыли мнѣ Тургенева, Достоевскаго, Некрасова, Писемскаго, превратили литературные силуэты, какими они мнѣ представлялись, въ живые, яркіе образы... Изъ вашихъ разсказовъ, столь для меня новыхъ, я не вынесъ разочарованій, напротивъ, обогатилъ только запасъ своихъ сочувствій: въ ежедневной дѣйствительности, какъ вы изобразили этихъ мастеровъ, въ конкретнѣйшихъ, иногда мелкихъ случаяхъ ихъ жизни, вами разсказанныхъ, они не менѣе привлекательны, даже нерѣдко привлекательнѣе, чѣмъ въ своихъ произведеніяхъ. Сколько въ нихъ историческаго, и вмѣстѣ сколько трагическаго!.. Желалъ бы я видѣть смѣльчака, историка той, т. е. нашей, эпохи, который рѣшился бы обойтись безъ Тургенева, Достоевскаго и т. д. не въ главѣ о литературѣ, а въ отдѣлѣ объ общественныхъ типахъ, и вамъ въ этомъ отдѣлѣ волей-неволей придется занять въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ мѣсто пушкинскаго Пимена».

А. Θ. Кони имѣлъ право съ законной гордостью привести этотъ отзывъ покойнаго Ключевскаго. Это—не банальный комплиментъ пріятеля, не равнодушная любезность знакомаго. Въ словахъ знаменитаго историка чувствуется подкупающая искренность глубокой и проникновенной оцѣнки. Они могли бы быть эпиграфомъ новой книги А. Θ. Кони: такъ ясно и полно въ нихъ выражена основная черта, характеризующая автора и его произведеніе.

Ближайшимъ образомъ сказанное относится къ первой половинѣ книги, включившей воспоминанія и характеристики. Здѣсь яркой вереницей проходятъ передъ нами писатели (Л. Н. Толстой,

[1]) Замѣтка о первомъ томѣ этой книги напечатана въ № 7 «Вѣстника Европы» за 1912 г.

Тургеневъ, Достоевскій, Некрасовъ, Апухтинъ, Писемскій, Гончаровъ), ученые и общественные дѣятели (Пироговъ, Стасюлевичъ, Чупровъ, Ключевскій, Арсеньевъ, Дриль), государственные люди (графъ Д. А. Милютинъ, вел. князь Константинъ Николаевичъ, К. К. Гротъ), судебные дѣятели (Плевако, кн. Урусовъ, Шамшинъ, Есиповичъ)—люди, сыгравшіе видную роль на болѣе или менѣе широкомъ поприщѣ общественной жизни. И всѣ они освѣщены какимъ-то особеннымъ свѣтомъ, мягкимъ и любовнымъ, но порою проникающимъ очень глубоко и открывающимъ пропасти и стремнины, о которыхъ не говорятъ «оффиціальныя» біографіи. Разсказывая о своемъ возвращеніи въ Петербургъ послѣ перваго знакомства съ Л. Н. Толстымъ и пяти-шести дней, проведенныхъ въ Ясной Полянѣ, А. Ѳ. Кони говоритъ: «Я чувствовалъ себя въ этой обычной нравственной атмосферѣ такъ, какъ долженъ себя чувствовать человѣкъ, быстро спустившійся съ чистыхъ альпійскихъ высотъ въ шумный и пыльный городъ и вошедшій въ душную комнату, гдѣ сильно накурено табакомъ, пахнетъ неконченной трапезой и слышатся раздраженные голоса спорящихъ». Въ сущности говоря, такое же чувство заставляетъ переживать и самая книга. И отъ нея переходъ къ окружающей насъ «всякой пошлости и прозѣ» ощущается какъ скачокъ сверху внизъ. «Душа моя—элизіумъ тѣней», можетъ сказать А. Ѳ. Кони словами Тютчева. Онъ даетъ намъ заглянуть въ этотъ элизіумъ. Но вызываемыя имъ тѣни—не тѣ, что «въ Елисейскихъ поляхъ, подъ важные звуки Глуковскихъ мелодій, безпечально и безрадостно проходятъ»... Трепетъ жизни, біеніе крови ощущается въ этихъ образахъ, они радуются и печалятся и порою негодуютъ, они оживаютъ со всѣми своими человѣческими чертами, порою трогательными, порою забавными, но всегда яркими и интересными.

Но, давая намъ заглянуть въ свой «элизіумъ тѣней», авторъ книги не распахиваетъ своей души. «У насъ», говоритъ онъ, «привыкли считать однимъ изъ достоинствъ человѣка готовность имѣть душу на распашку и предоставлять каждому безъ разбора залѣзать въ нее, заглядывая съ безцеремоннымъ и бездушнымъ любопытствомъ въ ея сокровенные уголки и, нерѣдко наплевавъ кругомъ, уходить, оставивъ открытыми двери»... А. Ѳ. Кони не таковъ. Автобіографическій элементъ есть и въ этой его книгѣ. Но и здѣсь, какъ и въ первомъ томѣ, въ «запискахъ судебнаго дѣятеля», мы не найдемъ ни авторской исповѣди, ни раскрытія сокровенныхъ помысловъ и идеаловъ. О нихъ мы можемъ лишь догадываться по отдѣльнымъ штрихамъ и намекамъ. Однако, эта благородная сдержанность говоритъ не о душевной холодности: въ ней проявляется скорбная замкнутость человѣка, много пережившаго, испытавшаго глубокія

душевныя раны, и не желающаго обнажать ихъ «на диво черни простодушной».

Въ очеркахъ, посвященныхъ писателямъ, литературная критика, въ спеціальномъ смыслѣ слова, стоитъ у автора на второмъ планѣ. А. Ѳ. Кони и не ставилъ себѣ такой задачи. Онъ это прямо высказываетъ въ рѣчи, посвященной памяти Тургенева и произнесенной въ торжественномъ засѣданіи Академіи Наукъ. «Можно попробовать—говорится тамъ—установить представленіе о Тургеневѣ, какъ о личности, заглянуть въ его душевный міръ и въ его отраженіе на окружающей общественной средѣ, т. е. взглянуть на Тургенева, какъ на человѣка въ частной жизни и въ работѣ на пользу родинѣ». Въ большей или меньшей степени ту же задачу преслѣдуютъ и другіе очерки. Правда, тамъ и сямъ разбросаны мѣткія замѣчанія, обнаруживающія знатока и тонкаго цѣнителя. Но это дѣлается мимоходомъ, эти отдѣльные штрихи не складываются въ одну цѣльную картину. Зато сами индивидуальности выходятъ и цѣльными, и ясными.

Легко понять, что очерки, касающіеся Толстого, стоятъ на первомъ мѣстѣ. Они представляютъ совершенно исключительный интересъ. Первый изъ нихъ написанъ въ 1907 г., за три года до смерти Толстого. Авторъ познакомился съ Толстымъ за двадцать лѣтъ до того, и послѣ перваго знакомства между ними сразу установились добрыя и сочувственныя личныя отношенія. Видались они не часто, но духовная близость поддерживалась перепиской, а двѣ поѣздки въ Ясную Поляну (въ 1887 г. и въ 1904 гг.) дали А. Ѳ. Кони возможность не только наблюдать весь внѣшній складъ жизни Толстого, такъ хорошо извѣстный, но и бесѣдовать съ нимъ на серьезныя и глубокія темы, почерпнутыя изъ области нравственныхъ и общественныхъ вопросовъ.

Съ внѣшней, формальной точки зрѣнія, могло бы показаться, что въ отношеніяхъ между Толстымъ и А. Ѳ. Кони трудно было установиться полному взаимному пониманію и сочувствію. Въ книгѣ приведены слова А. М. Кузминскаго о томъ, что Толстой терпѣть не можетъ «судебныхъ». Между тѣмъ, А. Ѳ. Кони не просто «судебный». «Я думаю,—говоритъ онъ въ одной изъ своихъ рѣчей въ Государственномъ Совѣтѣ,—что меня едва ли можно заподозрить въ отсутствіи уваженія къ судебному вѣдомству и любви, даже нѣжной любви, къ порученному ему дѣлу. Пребыванію въ этомъ вѣдомствѣ я обязанъ свѣтлыми минутами въ своей общественной дѣятельности... Я далекъ отъ того, чтобы раздѣлять обычныя близорукія, часто невѣжественныя огульныя нападенія на судебное вѣдомство и на судебныхъ дѣятелей». «Судебные Уставы,—говоритъ онъ въ другомъ

мѣстѣ,—кусокъ нашей жизни, это—надежды нашей юности, это—утѣшительное воспоминаніе въ наши преклонные годы». Итакъ,—любовь, нѣжная любовь къ дѣлу всей своей жизни—съ одной стороны. А съ другой—до рѣзкости суровое и безпощадное отрицаніе этого дѣла, его нравственнаго смысла, его разумной цѣли. Какъ возможно было примиреніе этихъ контрастовъ, выразившееся не въ банальныхъ отношеніяхъ простого знакомства, а именно въ духовномъ сближеніи, нужномъ и драгоцѣнномъ для обѣихъ сторонъ?

Мнѣ кажется, за объясненіемъ этого факта ходить недалеко. Сущность духовной природы каждаго человѣка есть въ концѣ концовъ нѣчто ирраціональное. Она не связана ни съ профессіей, ни съ внѣшними условіями жизни, ни даже съ исповѣдуемыми убѣжденіями. Она можетъ въ нихъ выражаться,—но она привлекаетъ или отталкиваетъ чѣмъ-то другимъ, невѣсомымъ и часто неуловимымъ. И этимъ создается возможность духовной связи, порою очень тѣсной, между людьми, которые, казалось бы, не имѣютъ никакихъ *внѣшнихъ* точекъ соприкосновенія.

Когда Толстой развивалъ передъ А. Ѳ. Кони «со свойственной ему красивой простотой свою великодушную и нравственно-заманчивую теорію о «непротивленіи злу», приводя извѣстный евангельскій текстъ», собесѣдникъ Толстого «шутливо напоминалъ ему отвѣтъ графа Фалькенштейна (Іосифа II-го) на вопросъ герцогини Роганъ о томъ, какъ нравится ему надвигавшаяся въ концѣ XVIII столѣтія во Франціи революція: «Madame, mon métier est d'être royaliste». «Mon métier d'être juge,—говорилъ А. Ѳ. Кони,—лишаетъ меня возможности согласиться на непротивленіе тому, чему я противился и противлюсь двадцать пять лѣтъ моей жизни». Но, конечно, не этотъ формальный отводъ могъ быть важенъ въ глазахъ Толстого. «Онъ не усмотрѣлъ,—говоритъ А. Ѳ. Кони въ другомъ мѣстѣ,—въ моихъ взглядахъ и дѣятельности проявленія того, что вызывало его несочувственный взглядъ на наше судебное дѣло и суровое осужденіе имъ нѣкоторыхъ сторонъ въ дѣятельности служителей послѣдняго... Несмотря на неизбѣжныя ошибки въ моей судебной службѣ, я со спокойной совѣстью могу сказать, что въ ней не нарушилъ сознательно одного изъ основныхъ правилъ Кантовской этики, т. е. не смотрѣлъ на человѣка, какъ на средство для достиженія какихъ-либо, хотя бы даже и возвышенныхъ цѣлей. Быть можетъ, это почувствовалъ Толстой, и на этомъ построилось его доброе ко мнѣ отношеніе, несмотря на его отрицательный взглядъ на судъ».

Отрывки изъ бесѣдъ съ Толстымъ, которые приводитъ Кони, касаются разнообразныхъ вопросовъ литературныхъ, нравственныхъ, религіозныхъ. Это только отрывки, и по нимъ приходится догады-

ваться о томъ умственномъ наслажденіи, которое должны были испытывать собесѣдники. До читателя доходитъ только отзвукъ, но и его достаточно для того, чтобы почувствовать себя въ атмосферѣ возвышенныхъ мыслей, гдѣ дышится легко и свободно...

Въ огромной литературѣ о Толстомъ воспоминанія А. Ѳ. Кони должны занять особое, исключительное мѣсто. Были люди, стоявшіе ближе къ Толстому, но тѣ изъ нихъ, которые дѣлились своими воспоминаніями о «великомъ Львѣ», слишкомъ ясно обнаруживали несоразмѣрность свою съ нимъ; слишкомъ хорошо видно, какая дистанція отдѣляла ихъ умственный горизонтъ отъ толстовскаго міросозерцанія. Сами по себѣ они неинтересны. И наоборотъ: какъ не позавидовать слушателямъ бесѣдъ, гдѣ мысль Толстого сталкивалась съ мыслью А. Ѳ. Кони,—какъ не пожалѣть, что эти бесѣды не были тогда же записаны, сохранены полностью.

Но, конечно, въ воспоминаніяхъ о Толстомъ, написанныхъ еще при его жизни, мы не найдемъ и намековъ на ту личную трагедію великаго писателя, о которой только въ самое послѣднее время узнало русское общество. Семейная жизнь въ Ясной Полянѣ рисуется въ тонахъ прелестной идилліи. Авторъ воспоминаній говоритъ намъ, что здѣсь онъ нашелъ удовлетвореніе давнишней жажды встрѣтить человѣка, который олицетворялъ бы въ словахъ, стремленіяхъ, побужденіяхъ и поступкахъ неуклонную правду, столь рѣдкую среди обычной житейской лжи, лукавства и притворства. Какъ думалъ объ этой «правдѣ» самъ Толстой, мы только теперь знаемъ...

Напротивъ, въ воспоминаніяхъ о Тургеневѣ и о Гончаровѣ авторъ даетъ ключъ къ пониманію многихъ затаенныхъ переживаній и незримыхъ страданій ихъ личной жизни. Прочтите тѣ двѣ-три страницы, на которыхъ разсказано о встрѣчѣ А. Ѳ. Кони съ Тургеневымъ въ Парижѣ, въ 1879 г. При первомъ своемъ появленіи въ печати онѣ были отмѣчены и цитированы повсюду. И дѣйствительно, здѣсь съ поражающей ясностью, немногими легкими и тонкими штрихами, нарисована сложная и глубокая картина загадочныхъ отношеній, оторвавшихъ Тургенева отъ родины и поставившихъ его въ то положеніе, о которомъ онъ съ такою горечью говоритъ,—въ положеніе «стараго пса, котораго не прогоняютъ только по привычкѣ и изъ жалости къ нему». Что касается Гончарова, то А. Ѳ. Кони былъ однимъ изъ весьма немногихъ лицъ, съ которыми сблизился авторъ «Обломова», и въ очеркѣ о Гончаровѣ впервые былъ пролитъ свѣтъ на болѣзненную психику этого страннаго человѣка, полнаго такихъ противуположностей, одновременно и отталкивающаго, и привлекательнаго, прожившаго свою долгую жизнь въ

какомъ-то нравственномъ одиночествѣ и кажущемся безучастіи къ тому, что творилось вокругъ него.

А. Ѳ. Кони считаетъ невѣрнымъ представленіе о квіетизмѣ Гончарова и утверждаетъ, что «внѣшнее спокойствіе, любовь къ уединенію шли у него рядомъ съ глубокою внутреннею отзывчивостью на различныя явленія общественной и частной жизни». Но было же что-то такое, мѣшавшее проявленію этой отзывчивости во внѣ, сдѣлавшее изъ Гончарова угрюмаго нелюдима, далекаго наблюдателя, но не участника общественной жизни. И читая воспоминанія А. Ѳ. Кони, мы догадываемся объ этомъ «чемъ-то», ощущаемъ его. А новѣйшія данныя о Гончаровѣ подтверждаютъ догадку.

Я не имѣю возможности касаться всѣхъ другихъ литературныхъ характеристикъ, вошедшихъ въ книгу А. Ѳ. Кони. Среди нихъ нѣтъ ни одной, мимо которой можно было бы пройти равнодушно, безъ живого, глубокаго интереса. Не менѣе яркими—а съ точки зрѣнія исторіи нашей общественной и государственной жизни еще болѣе цѣнными—представляются другіе очерки, разсказывающіе не о художникахъ слова, а о людяхъ, «дѣлавшихъ исторію» или чутко ее переживавшихъ. Къ послѣднимъ относится, напр., В. О. Ключевскій. Нельзя безъ волненія читать о томъ «лихорадочномъ вниманіи», съ которымъ покойный историкъ слѣдилъ за всѣми «муками рожденія» нашего обновляемаго государственнаго строя. И какою глубокою мудростью дышатъ строки, написанныя имъ послѣ роспуска первой Государственной Думы! «Присматриваясь къ дѣятельности этой Думы,—писалъ Ключевскій 21 іюля 1906 года,—я былъ вынужденъ признать два факта, которыхъ не ожидалъ: это—быстрота, съ какою сложился въ народѣ взглядъ на нее, какъ на самый надежный органъ законодательной власти, и потомъ *безспорная умѣренность* господствующаго настроенія, ею проявленнаго. Это настроеніе авторитетнаго въ народѣ учрежденія неизмѣримо умѣреннѣе той революціонной волны, которая начинаетъ насъ заливать, и существованіе Думы—это самое меньшее, цѣною чего можетъ быть достигнуто безкровное успокоеніе страны». Эти слова сказаны человѣкомъ, котораго никто не рѣшится упрекнуть въ пристрастіи, въ партійномъ ослѣпленіи. Отрадно вспомнить о нихъ теперь, когда эпоха первой Думы кажется отошедшей такъ безконечно далеко, когда нѣтъ недостатка въ хулителяхъ и клеветникахъ на нее. Пусть трезвое мнѣніе крупнаго ученаго и мыслителя будетъ имъ противупоставлено, во всей своей силѣ и спокойной убѣжденности.

Съ высокимъ, захватывающимъ интересомъ читаются очерки,

посвященные Пирогову, гр. Д. Милютину и вел. князю Константину Николаевичу. Въ нихъ авторъ проявляетъ всю свою ненависть къ мертвящимъ порядкамъ стараго времени, все свое благоговѣніе передъ дѣятелями эпохи, освободившей раба и преобразившей всю русскую жизнь. Пользуясь неизданнымъ матеріаломъ и личными наблюденіями, А. Ѳ. Кони рисуетъ намъ историческіе портреты, при чемъ и Пироговъ, и гр. Милютинъ, и вел. кн. Константинъ Николаевичъ только отчасти разсматриваются имъ съ точки зрѣнія личной характеристики: онъ даетъ эту характеристику только постольку, посколько свойствами личности объясняется та или другая сторона исторической роли каждаго изъ названныхъ лицъ на общественномъ и государственномъ поприщѣ. Вотъ блестящій примѣръ, почерпнутый въ одной изъ замѣчательнѣйшихъ по глубинѣ и силѣ мысли страницъ. Говоря объ оставленіи гр. Д. А. Милютинымъ поста военнаго министра, А. Ѳ. Кони находитъ, что «подача въ отставку отъ должности военнаго министра была вполнѣ естественнымъ и даже неизбѣжнымъ шагомъ для такого человѣка, какъ онъ. Какъ бы ни было лично хорошо къ нему отношеніе монарха, онъ не могъ не сознавать, что вокругъ него со всѣхъ сторонъ наступаетъ приливъ желаній и понятій, которыя кореннымъ образомъ противорѣчатъ всему, что онъ выработалъ долгимъ служебнымъ и житейскимъ опытомъ... Конечно, при нѣкоторой *приспособляемости*, дѣятель лучшихъ временъ царствованія Александра II могъ найти modus vivendi съ надвигавшимся порядкомъ идей и вещей, и, при внѣшней ему подчиненности, оказывать ему внутреннее противодѣйствіе, обращая, гдѣ возможно, его видимый успѣхъ въ призрачный. Но это не соотвѣтствовало бы прямотѣ характера Милютина... Конечно, можно было и не приспособляться, а, пользуясь относительною высотою своего общественнаго положенія, удовлетворять свое самолюбіе фрондированіемъ въ границахъ служебной безопасности. Примѣры этому бывали. Но и это шло бы въ разрѣзъ съ привычками и свойствами Милютина. Онъ предпочелъ оставить Петербургъ навсегда и, поселившись въ Симеизѣ, на южномъ берегу Крыма, замкнуться въ молчаніи, чуждомъ гордыни и исполненномъ достоинства... Его иногда упрекали и за этотъ уходъ, и за это молчаніе, не понимая, насколько послѣднее было краснорѣчивѣе празднаго и безплоднаго слова. Упрекавшіе забывали, что человѣкъ, остававшійся всю дѣятельную жизнь вѣрнымъ себѣ, *обязанъ* сохранить цѣльнымъ свой нравственный образъ и для этого иногда умѣть уйти во время, въ сознаніи того, что все, что можно было ему сдѣлать, было имъ сдѣлано»...

Съ Милютинымъ А. Ѳ. Кони также велъ переписку изъ кото-

рой въ книгѣ приведены характерные и цѣнные отрывки. Получивъ въ августѣ 1905-го года извѣстіе о Портсмутскомъ мирѣ, Милютинъ пишетъ: «называю это извѣстіе радостнымъ, потому, что я давно уже былъ на сторонѣ тѣхъ, которые признавали миръ необходимымъ, хотя бы даже на тяжелыхъ условіяхъ. Намъ посчастливилось достигнуть нашей цѣли даже безъ такихъ уступокъ, которыя были бы дѣйствительно тягостны и унизительны для чести и достоинства первоклассной державы. Слава Богу! на душѣ стало легче. Теперь нашему правительству открывается просторъ для сосредоточенія своей дѣятельности и вниманія на внутреннихъ дѣлахъ». И эти слова хочется противупоставить запоздалымъ воплямъ безотвѣтственныхъ людей, обличавшихъ «преждевременность» Портсмута, а также увѣреніямъ тѣхъ, кто, не съумѣвъ одержать ни одной побѣды до Портсмута, послѣ него ручался въ своей непобѣдимости...

Въ публичномъ чтеніи, посвященномъ великому князю Константину Николаевичу, авторъ подробно описываетъ ту упорную борьбу, которую пришлось вести великому князю при осуществленіи крестьянской реформы. Какъ замѣчаетъ А. Ѳ. Кони, онъ шелъ къ цѣли безъ колебаній и сомнѣній его старшаго брата, по отношенію къ которому въ защиту крѣпостнаго права было, къ несчастью, употреблено испытанное прежде и впослѣдствіи презрѣнное, но вѣрное средство воздѣйствія: застращиваніе, пуганье опасностями. Вел. князь Константинъ Николаевичъ несомнѣнно обладалъ темпераментомъ бойца, способностями настоящаго государственнаго человѣка, умѣвшаго ставить себѣ широкія задачи, и идти къ ихъ осуществленію прямо и смѣло. Роль, имъ сыгранная въ исторіи отмѣны крѣпостного права, а также его энергичное содѣйствіе судебной реформѣ и отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній по воинскимъ уставамъ и по уложенію о наказаніяхъ, въ самомъ дѣлѣ достаточны для того, чтобы признать за нимъ право на благодарную память потомства. Ему пришлось быть свидѣтелемъ зари освобожденія. Онъ хорошо понималъ, что великія реформы, развиваясь органически и послѣдовательно дополняя одна другую, неминуемо должны были завершиться рано или поздно участіемъ въ законодательствѣ общественныхъ силъ. Онъ не скрывалъ этихъ своихъ взглядовъ, приблизившихся къ осуществленію, хотя бы еще въ зачаточной и несовершенной формѣ—наканунѣ 1 марта 1881 г. Съ этого рокового дня началось движеніе вспять. Положеніе великаго князя рѣзко измѣнилось. «Старое недоброжелательство вновь подняло голову и предавалось сладострастію клеветы»,—и великій князь, уволенный отъ всѣхъ своихъ званій и должностей, «обреченъ (былъ) быть

молчаливымъ свидѣтелемъ того, какъ на дѣлахъ внутренняго управленія сказывалось вліяніе враждебныхъ ему и чуждыхъ его взглядамъ людей».—Одинъ изъ этихъ людей, поставленный на высшій политическій постъ министра внутреннихъ дѣлъ, за двадцать лѣтъ до того нападалъ на проектъ редакціонныхъ комиссій въ запискѣ, на которой рукою Александра II была положена отмѣтка: «это не мнѣніе, а пасквиль, доказывающій недоброжелательность или незнаніе дѣла».

Недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ коснуться всѣхъ другихъ очерковъ, вошедшихъ въ разсматриваемую книгу. Хотѣлось бы, въ заключеніе, упомянуть о страницахъ, посвященныхъ «Вѣстнику Европы» и его главнѣйшимъ руководителямъ на протяженіи столькихъ лѣтъ. Общественная роль журнала, умѣвшаго при наличности суроваго и придирчиваго цензурнаго гнета, «удерживать отъ погруженія въ тину эгоизма и апатіи и, среди ослѣпленныхъ озлобленій, изрекать спокойное слово, призывающее уважать человѣческую личность, быть широко терпимымъ къ священнымъ вопросамъ человѣческаго духа и служить законной свободѣ во всѣхъ ея видахъ»—роль эта хорошо извѣстна и правильно охарактеризована въ приведенныхъ словахъ. Чѣмъ онъ былъ для А. Ѳ. Кони—объ этомъ краснорѣчиво говорятъ послѣднія страницы очерка. Авторъ признателенъ своимъ друзьямъ по «Вѣстнику Европы» за ту нравственную атмосферу, въ которой онъ провелъ съ ними благодаря имъ многіе часы, чувствуя себя въ области идей и началъ другого, высшаго порядка, гдѣ ему дышалось легче и свободнѣй, и бодрость снова развертывала свои крылья въ его душѣ. Еще болѣе онъ имъ признателенъ за другое. Въ тѣ тяжелыя минуты жизни, когда къ человѣку подкрадывается услужливый *компромиссъ* со своими обманчиво успокоительными нашептываніями объ уступкахъ, А. Ѳ. Кони искалъ опоры не только въ императивѣ собственнаго сознанія, но не рѣдко и въ представленіи о кружкѣ сидящихъ за «круглымъ столомъ» М. М. Стасюлевича. «Для меня, столь часто чувствовавшаго себя *чужимъ* въ области своей прямой дѣятельности и *своимъ* въ этомъ кружкѣ, онъ былъ своего рода нравственнымъ ареопагамъ. Мысль о немъ не могла не убивать соблазны компромисса»...

Много ли въ нашей современности найдется «кружковъ», которые были бы достойны такой хвалы и заслужили бы такую характеристику? Много ли уцѣлѣло такихъ островковъ среди безбрежнаго моря «пошлости, лицемѣрія и самохвальства»? Увы! поставить этотъ вопросъ—значитъ отвѣтить на него...

* * *

Въ первомъ томѣ своей книги А. Ѳ. Кони касается вопроса о различіи между краснорѣчіемъ политическимъ и судебнымъ. «Въ основаніи судебнаго краснорѣчія,—говоритъ онъ,—лежитъ необходимость *доказывать* и *убѣждать*, т. е. иными словами—необходимость склонять слушателей присоединиться къ своему мнѣнію. Но политическій ораторъ немногаго достигнетъ, убѣждая и доказывая. У него та же задача, какъ и у служителя искусства, хотя и въ другихъ формахъ. Онъ долженъ, по выраженію Жоржъ-Зандъ, montrer et émouvoir, т. е. освѣтить извѣстное явленіе всею силою своего слова и, умѣя уловить создающееся у большинства отношеніе къ этому явленію, придать этому отношенію дѣйствующее на чувство выраженіе».

Устанавливаемое здѣсь различіе вызываетъ довольно явныя возраженія. Въ конечномъ счетѣ оно вѣдь сводится къ тому положенію, что судебный ораторъ обращается къ логикѣ, къ уму, а политическій дѣйствуетъ на чувство. Между тѣмъ, самъ А. Ѳ. Кони даетъ намъ совсѣмъ обратные примѣры. Среди его судебныхъ рѣчей многія являются образцами умѣнья «montrer et émouvoir», а политическія его рѣчи по большей части направлены къ тому, чтобы убѣдить и доказать. И если бы въ самомъ дѣлѣ А. Ѳ. Кони ставилъ себѣ задачей—уловить создающееся у *большинства*, передъ которымъ ему приходится выступать въ верхней палатѣ, отношеніе къ тому или другому явленію, ему, вѣроятно, пришлось бы умолкнуть,—до того онъ и это большинство чужды другъ другу.

Но, кажется мнѣ, ошибка здѣсь не въ томъ, что различіе невѣрно подмѣчено, а въ томъ, что такого *принципіальнаго* различія, различія по существу, вообще нельзя установить. Краснорѣчіе есть искусство дѣйствовать на психику людей словомъ. Отсюда ясно, что родъ краснорѣчія не можетъ зависѣть отъ того, обращается ли ораторъ къ суду, или къ политическому собранію. На судѣ можетъ быть произнесена политическая рѣчь—и наоборотъ рѣчь, сказанная въ политическомъ собраніи, можетъ имѣть характеръ грознаго обвиненія отдѣльныхъ лицъ или даже одного лица. Талантливъ и силенъ тотъ ораторъ, который умѣетъ «овладѣть» аудиторіей, заставить всѣхъ слушать и волей-неволей подчиняться внутреннему обаянію рѣчи. Нужды нѣтъ, что ближайшая практическая цѣль не будетъ достигнута: талантливѣйшіе судебные ораторы проигрывали процессы, а голосованія политическихъ собраній очень рѣдко находятся въ какой бы то ни было связи съ краснорѣчіемъ, блещущимъ, на трибунѣ. Первое требованіе, которое должно быть предъявлено къ оратору—политическому или судебному, безразлично—это умѣнье чувствовать психическую атмосферу, въ которой онъ дѣйствуетъ

словомъ. Одна и та же рѣчь, сказанная на политическомъ митингѣ можетъ зажечь сердца энтузіазмомъ, а въ какой-нибудь верхней палатѣ прозвучать фальшиво и дико. И судебный ораторъ иначе будетъ говорить передъ присяжными, чѣмъ передъ сенатомъ. Повторяемъ, суть дѣла не въ практическомъ исходѣ. Краснорѣчіе должно вызывать эстетическую эмоцію, и силой, глубиной и всеобщностью этой эмоціи опредѣляется и сила слова. Но вѣдь люди не дѣйствуютъ такъ или иначе въ силу однихъ эстетическихъ эмоцій. Слово прозвучало, пронеслось какъ вихрь, захватило и обожгло, ему въ отвѣтъ прозвучали сокровеннѣйшія струны сердца; но вотъ, оно замолкло—и вступаетъ въ свои права расчетъ, память о взятыхъ на себя обязательствахъ, тысяча соображеній высшаго и низшаго порядка,—и ими опредѣляется тотъ или другой результатъ. Голосуютъ противъ того, кому только что рукоплескали, выносятъ обвинительный приговоръ, не успѣвъ еще вытереть слезы, вызванныя защитительной рѣчью. Въ книгѣ А. Ѳ. Кони собрано девятнадцать его рѣчей, произнесенныхъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Въ заключительномъ примѣчаніи авторъ перечисляетъ тѣ рѣчи, по которымъ Государственный Совѣтъ съ нимъ согласился, вполнѣ или отчасти, или не согласился. Къ послѣднимъ относятся рѣчи по вопросамъ о старообрядческихъ общинахъ, о переходѣ въ другія исповѣданія, о тотализаторѣ, объ условномъ досрочномъ освобожденіи. И тѣмъ не менѣе, нельзя не признать, что все это—рѣчи превосходныя, исполненныя настоящей государственной мудрости, глубокихъ и цѣнныхъ мыслей. Какъ образцы политическаго краснорѣчія, онѣ ни въ чемъ не уступаютъ другимъ рѣчамъ, приведшимъ къ болѣе благопріятнымъ результатамъ.

Въ указанныхъ девятнадцати рѣчахъ, составляющихъ вторую часть книги А. Ѳ. Кони [1]), затронуты разнообразныя темы. Ихъ можно раздѣлить на нѣсколько категорій. Вопросы *общей политики* составляютъ содержаніе двухъ рѣчей: объ общегосударственныхъ законахъ для Финляндіи и о запросѣ, предъявленномъ П. А. Столыпину по поводу введенія западнаго земства въ порядкѣ ст. 87 осн. зак. *Вѣроисповѣдной* политикѣ посвящены рѣчи о старообрядческихъ общинахъ, о переходѣ въ другія исповѣданія и о снятіи духовнаго сана. Вопросы *общественной нравственности* затрагиваются

[1]) Для полноты нашего отчета, укажемъ, что книга заканчивается дополненіемъ, въ которое вошли очень содержательныя замѣчанія и заключенія, высказанныя въ засѣданіяхъ такъ наз. «Комиссіи Кобеко» (по вопросу о составленіи устава о печати), теплый отзывъ: «памяти И. И. Шамшина», и письмо по поводу открытія памятника доктору Гаазу въ Москвѣ.

рѣчами о попечительствахъ о народной трезвости и объ упраздненіи тотализатора. Вопросы *просвѣщенія* и *культуры* даютъ содержаніе рѣчамъ о народномъ университетѣ Шанявскаго, объ уравненіи наслѣдственныхъ правъ женщинъ и объ авторскомъ правѣ. Три рѣчи произнесены на болѣе или менѣе случайныя темы (о землеустройствѣ и кассаціи, о штатахъ министерства путей сообщенія, объ ассигнованіи на флотъ). И наконецъ, какъ и можно было ожидать, вопросы *судебные* заняли наибольше мѣста. Имъ посвящено шесть рѣчей: объ условномъ досрочномъ освобожденіи, объ отмѣнѣ существующаго порядка преданія суду, объ отмѣнѣ прокурорскихъ заключеній по гражданскимъ дѣламъ, о разрѣшеніи объяснять присяжнымъ угрожающее подсудимому наказаніе, о мѣстномъ судѣ и объ увеличеніи содержанія судебнымъ чинамъ. Здѣсь авторъ проявилъ все неисчерпаемое богатство своего судебнаго опыта, широту своихъ взглядовъ, огромный запасъ своихъ знаній. Иныя изъ этихъ рѣчей должны быть признаны драгоцѣннымъ вкладомъ въ русскую юридическую литературу, освѣщая разсматриваемые вопросы и ярко, и всесторонне. Съ авторомъ иногда можно не соглашаться какъ, напримѣръ, въ вопросѣ о преданіи суду, но всегда приходится признать, что въ защиту своего взгляда имъ приведены наиболѣе сильные, наиболѣе вѣскіе аргументы.

Само собою понятно, что въ предѣлахъ журнальнаго разбора нѣтъ возможности коснуться по существу не только всѣхъ, но хотя бы нѣкоторыхъ изъ рѣчей. Вынужденный отказаться отъ этой интересной и благодарной, но слишкомъ обширной задачи, я хотѣлъ бы, въ заключеніе лишь отмѣтить нѣсколько характерныхъ чертъ. Въ своихъ рѣчахъ, сказанныхъ въ тяжелыхъ условіяхъ обстановки нашей верхней палаты, А. Ѳ. Кони остается вѣренъ себѣ, какъ личности и какъ государственному дѣятелю. Благородная прямота, за которой часто слышится сдержанное негодованіе по адресу гасителей свѣта и враговъ права и свободы, высокая гуманность, упорная убѣжденность въ отстаиваніи принциповъ истиннаго либерализма—вотъ основные элементы его политическаго краснорѣчія. Оно порою не чуждо ядовитаго сарказма или мѣткой ироніи, больно бичующихъ недобросовѣстнаго или беззастѣнчиваго противника. Но въ основномъ своемъ теченіи оно никогда не спускается съ очень большой высоты истинно-государственнаго пониманія.

Если мы вспомнимъ, что наша верхняя палата—вѣроятно единственное собраніе въ Россіи, гдѣ даже оратору съ такой огромной и несравненной репутаціей, какъ А. Ѳ. Кони, приходится завоевывать сочувствіе и вниманіе,—что это есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, уже несомнѣнно единственное мѣсто, гдѣ онъ можетъ быть и порою

бывалъ безцеремонно обрываемъ,—если мы представимъ себѣ, какое огромное напряженіе физическихъ и духовныхъ силъ необходимо для того, чтобы бороться съ предвзятой враждебностью однихъ, съ усталымъ и холоднымъ равнодушіемъ другихъ, съ тупымъ обскурантизмомъ третьихъ,—то мы оцѣнимъ по достоинству и рѣчи, и дѣятельность А. Ѳ. Кони въ Государственномъ Совѣтѣ. И мы съ полнымъ основаніемъ и совершенно сознательно скажемъ: это—непрерывный и тяжелый гражданскій подвигъ.

Влад. Набоковъ.

ПИСЬМО ИЗЪ ЛОНДОНА.

I.

Когда плотникъ Пигва, столяръ Смирный, ткачъ Днище, лудильщикъ Рыло и портной Заморышъ ставятъ «Плачевную комедію и жесточайшую смерть Пирама и Ѳисбы» («Сонъ въ лѣтнюю ночь»),—они отъ всей глубины своего простого и преданнаго сердца желаютъ угодить «аѳинскому герцогу» Тезею. «Мы вотъ чего искали: вамъ предложить свои услуги, господа,—заплетаются языками бѣдняги, привыкшіе работать только руками. — Вамъ угодить вполнѣ, не зная ничего, не смѣли думать мы, одно насъ здѣсь собрало. Васъ позабавить всѣхъ.., Мы здѣсь не для того, чтобъ вы раскаялись... Готовы мы стараться». Тезей, Лизандръ, Деметрій и Ипполита глумятся надъ простодушными ремесленниками. Мы теперь знаемъ, что эта фантастическая комедія, равно какъ и траги-комедія *Троилъ и Крессида* являются непосредственнымъ отраженіемъ англійской дѣйствительности. Сказочные и классическіе герои этихъ произведеній постоянно подходятъ къ темамъ дня. Оберонъ, напримѣръ, говоритъ про Купидона, пустившаго стрѣлу «въ сердце прекрасной весталки, царствующей на западѣ». И хотя «стрѣла была пущена съ такой силой, что могла бы пронзить сто тысячъ сердецъ»,

«But I might see young Cupid's fiery shaft
Quench'd in the chaste beams fo the watery moon;
And the imperial vot'ress passed on
In maiden meditation, fancy-free».

[1]) «A Midsummer-night's Dream», Act. II, scene II.

(«Но я могъ видѣть, какъ огненная стрѣла Купидона погасла въ цѣломудренныхъ лучахъ холоднаго мѣсяца. И царственная схимница прошла мимо, погруженная въ свои дѣвственныя мысли, чуждая любви»). Елисавета, конечно, не была «схимницей» и «чуждой любви», но дѣло не въ томъ. Комедія вѣрно отражаетъ отношенія англійскаго дворянства, въ самомъ концѣ XVI-го вѣка, къ трудящимся массамъ. Когда «лудильщикъ Рыло» и «ткачъ Днище» сидѣли смирно, на нихъ смотрѣли, какъ на шутовъ. Когда же они возставали, доведенные до отчаянья, ихъ ловили обманомъ и истребляли, какъ дикихъ звѣрей. Въ глазахъ «Тезея» и «Лизандра» причиной всѣхъ народныхъ движеній были только зависть, жадность и глупость: «А сказано, однако: «трудись въ призваніи твоемъ», что значитъ: пусть сановники будутъ рабочими; а потому мы должны быть сановниками»,—объясняетъ мятежникъ Джэкъ Холэндъ (Король Генрихъ VI, часть II). Это, конечно, пародія на знаменитыя слова Джона Болла: «Кто былъ дворяниномъ тогда, когда Адамъ копалъ землю, а Ева пряла?» «Вождь вашъ храбръ и обѣщаетъ реформу,— говоритъ вождь народнаго возстанія Джэкъ Кэдъ въ той же Шекспировской хроникѣ. «Въ Англіи семь булокъ полупенсовыхъ будутъ продаваться за пенни. Квартовая чарка будетъ вмѣщать три чарки: я объявлю преступленіемъ питье простого пива. Все государство будетъ общее... Денегъ не будетъ... Всѣ будутъ ѣсть и пить на мой счетъ, чтобы они относились другъ къ другу, какъ братья».

Таково было въ Англіи отношеніе «лучшихъ классовъ» къ массамъ въ самомъ концѣ XVI вѣка и въ началѣ XVII-го. Въ XVIII-мъ вѣкѣ отношеніе ухудшилось во много разъ. Мы видимъ потомковъ Пигвы, Ѳмирнаго и Рыла, загнанныхъ на фабрики. Нарождается «вампиръ», «оживающій вслѣдствіе всасыванія въ себя живого труда и пріобрѣтающій при этомъ тѣмъ болѣе жизненной силы, чѣмъ болѣе всосано имъ этого труда» (Карлъ Марксъ, «Капиталъ»). «Вампиру» предоставляется полная возможность сосать кровь, потому что, по выраженію того же экономиста, «общество еще не привязало капиталъ на цѣпь законодательнаго регулированія рабочаго времени». Въ трудѣ того времени: «An Essay on Trade and Commerce» (1770 г.) обличается «мануфактурная» чернь, забравшая себѣ въ голову мысль, что, въ качествѣ англичанъ, она имѣетъ природное право на обладаніе особой привилегіей: быть свободнѣе и независимѣе какой бы то ни было другой страны Европы». «Можно сказать положительно, — продолжаетъ тотъ же авторъ, — что чѣмъ меньше будетъ такихъ идей въ головахъ нашихъ мануфактурныхъ работниковъ, тѣмъ будетъ лучше и для нихъ самихъ, и для государства.

Работники не должны никогда считать себя независимыми отъ тѣхъ, кто стоитъ выше ихъ» [1]).

Наступило закрѣпощеніе массъ, почти такое же глубокое, какъ въ XIII-мъ вѣкѣ. Что чувствовалъ англійскій рабочій тогда, мы знаемъ только по смутнымъ преданіямъ, сохранившимся въ «Черной странѣ». Мы знаемъ, что происходили тайныя собранія въ лѣсахъ и горахъ, что возникали бунты, жестокіе и безсмысленные, на которые высшіе классы отвѣчали висѣлицами. Даже несомнѣнно гуманные, благородные и добрые люди видѣли въ этихъ бунтахъ только проявленія грубости и глупости. Напомню читателямъ картину возстанія въ Лондонѣ въ 1779-мъ году, изображенную Диккенсомъ (*Барнеби Реджъ*). Вождемъ толпы является Нэдъ Деннисъ, вынесшій изъ своей прежней профессіи палача глубокое уваженіе къ закону и стремленіе все дѣлать «конституціонными средствами». Эти «конституціонные методы» заключаются въ томъ, что бывшій палачъ вѣшаетъ всѣхъ враговъ революціи. Тогда всѣ трэдъ-юніоны по необходимости были тайными обществами. Диккенсъ изображаетъ каррикатурный трэдъ-юніонъ «объединенныхъ бульдоговъ», составленный подмастерьями «съ цѣлью сопротивленія тираніи хозяевъ». Гуманному и доброму романисту, смотрѣвшему на трэдъ-юніоны съ точки зрѣнія среднихъ классовъ, въ тридцатыхъ годахъ казалось смѣшнымъ, что подмастерья «желаютъ возстановить свои старинныя права на отдыхъ». Во главѣ тайнаго общества поставленъ глупый и нелѣпый подмастерье Симонъ Таппертитъ. О любви автора къ массамъ свидѣтельствуетъ такой чудесный типъ, какъ мистеръ Пеготти (*Давидъ Копперфильдъ*). Диккенсъ не могъ отдѣлиться отъ взглядовъ своего класса тогда, когда массы начинали «считать себя независимыми отъ тѣхъ, кто стоитъ выше ихъ». Каждое народное движеніе объяснялось тогда глупостью рабочихъ и недобросовѣстностью агитаторовъ. Дѣйствительно, на почвѣ забитости и поголовнаго невѣжества сто лѣтъ тому назадъ возникали въ Англіи движенія, кажущіяся теперь совершенно невѣроятными. Таково, напримѣръ, броженіе, созданное нѣкимъ Томомъ (Thom), полупомѣшаннымъ, разорившимся пивоваромъ. Онъ бродилъ по деревнямъ и городамъ Кента, одѣтый во французское платье и выдавалъ себя то за сэра Вильяма Карнея, то за мальтійскаго рыцаря, то за короля іерусалимскаго, то за царя и повелителя всѣхъ цыганскихъ племенъ на земномъ шарѣ. Король іерусалимскій проповѣдывалъ необходимость великихъ религіозныхъ, политическихъ и соціальныхъ реформъ и всюду находилъ безчисленныхъ послѣдователей.

---

1) Цитировано у Маркса. («Капиталъ», I, стр. 225).

Затѣмъ Тома посадили въ домъ для умалишенныхъ, но король іерусалимскій оттуда убѣжалъ и явился среди сельскихъ рабочихъ Кента, какъ Мессія. Число его послѣдователей росло съ каждымъ днемъ. Томъ ополчился противъ новыхъ жестокихъ законовъ о бѣдныхъ, вызывавшихъ ненависть массъ. И этотъ походъ противъ Poor Law доставилъ королю іерусалимскому въ особенности много послѣдователей. Онъ говорилъ, что явился, чтобы обновить міръ и чтобы спасти всѣхъ отъ новаго закона. И когда число послѣдователей достигло нѣсколькихъ тысячъ, король іерусалимскій повелъ ихъ на городъ Кентербери. Своею рукою пророкъ застрѣлилъ полисмэна, желавшаго остановить толпу. Были вызваны солдаты. Пророкъ застрѣлилъ офицера, а послѣдователи его съ дикимъ крикомъ ринулися на солдатъ и смяли ихъ. Но тутъ подоспѣли еще войска. Произошла битва. Солдаты дали залпъ, уложившій пророка и нѣсколько десятковъ его послѣдователей. Остальные разбѣжались. Были арестованы многіе и присуждены къ смертной казни, которую, изъ жалости или изъ боязни народнаго возбужденія, замѣнили пожизненной каторгой. Въ теченіе многихъ лѣтъ потомъ сельскіе работники Кента вѣрили, что Томъ воскреснетъ и установитъ на землѣ царство справедливости [1]).

Добрые люди имѣли для массъ два совѣта: «будьте кротки, и не плодитесь, какъ кролики». Если массы «знали свое мѣсто», имъ давали зимою одѣяла и уголь, а дѣтямъ башмаки. Взглядъ этотъ, выраженъ, между прочимъ въ очень популярной картинѣ тридцатыхъ годовъ, умилявшей средніе классы и распространявшейся тогда въ безчисленныхъ гравюрахъ: «Благотворительность».

По мѣрѣ того какъ массы, пріобрѣтая голосъ на выборахъ, становились политической силой, по мѣрѣ того, какъ распространялось образованіе, отношеніе среднихъ классовъ къ рабочимъ измѣнялось. Послѣдовательно мы видимъ, какъ англійскіе рабочіе, чуждавшіеся сначала политики, такъ какъ полагали, что въ состояніи добиться повышенія заработной платы и сокращенія рабочаго дня путемъ стачекъ и соглашенія съ хозяевами, приходятъ къ выводу, что имъ необходимо имѣть своихъ представителей въ парламентѣ. Мы видимъ въ самое послѣднее время, какъ каждое разочарованіе въ успѣшности парламентской дѣятельности вызываетъ на свѣтъ революціонныя силы, неизмѣримо болѣе грозныя чѣмъ тогда, когда возставшія массы жгли фабрики и ломали машины. Убѣдившись, что массы дѣйствительно пробудились и сильны, англійскіе средніе классы принялись тщательно изучать ихъ. Явились безчисленныя

[1]) См. *Mc. Carthy*, «A History of our own times», т. I, стр. 101—102.

обстоятельныя, добросовѣстныя изслѣдованія, имѣющія цѣлью выяснить, чего рабочіе хотятъ и что можно сдѣлать. Таковъ, напримѣръ только-что появившійся трудъ милліонера-квакера Раунтри о безработицѣ (Unemployment. A Social Study by *R. Seebohm Rowntree*). Это тотъ же авторъ, который написалъ капитальное изслѣдованіе о бѣдности въ городахъ, извѣстное и русской публикѣ. Раунтри констатируетъ, что если есть недовольство среди рабочихъ, то оно порождено самыми серьезными причинами. Изъ восьми милліоновъ англійскихъ рабочихъ, милліонъ получаютъ меньше двадцати шиллинговъ въ недѣлю, пятьсотъ тысячъ—отъ 20 до 25 шиллинговъ. Больше половины всѣхъ взрослыхъ рабочихъ въ Англіи вырабатываютъ меньше тридцати шиллинговъ въ недѣлю. Всѣ эти цифры относятся къ лицамъ, имѣющимъ правильную работу. Но въ Англіи есть постоянная почти полумилліонная армія, которая, въ силу разныхъ причинъ, не можетъ найти работу и находится въ силу этого «на краю пропасти». Къ числу любопытныхъ новѣйшихъ изслѣдованій того, чего хотятъ массы и чѣмъ обусловливаются броженія среди нихъ, относится книга: «What the Worker wants». Это—результатъ анкеты, устроенной газетой *Daily Mail*. Отозвались профессора, литераторы, крупные фабриканты, государственные дѣятели, священники, тредъ-юніонисты стараго типа и рабочіе синдикалисты. Діагнозъ поставленъ извѣстнымъ романистомъ и соціологомъ Уэльсомъ. «До послѣдняго времени англійскіе рабочіе проявляли крайне узкіе и практичные взгляды, — говоритъ Уэльсъ. — Скудость воображенія и отсутствіе общихъ идей у англійскаго рабочаго приводили въ отчаяніе соціалистовъ. Они устраивали стачки, но только ради конкретныхъ цѣлей: для увеличенія заработной платы и для сокращенія числа рабочихъ часовъ. Всю промышленную систему и методы ея англійскій рабочій признавалъ незыблемыми, какъ земля и небо. И теперь съ поразительною быстротою все измѣнилось. Англійскій рабочій устраиваетъ теперь стачки противъ всей системы, т. е. противъ того, что раньше принималъ на вѣру, противъ основныхъ условій труда. Старомодныя стачки представляли собою своего рода торгованіе, правда, неуклюжее; но все-таки то былъ родъ торговой сдѣлки. Стачки новаго рода являются не столько торгованіемъ, сколько проявленіемъ настроенія. Англійскій рабочій теперь уже не тотъ увалень, какъ тридцать-сорокъ лѣтъ назадъ, интересовавшійся во время досуга своимъ пивомъ и своею собакою. Рабочій теперь читаетъ, разсуждаетъ и интересуется всѣмъ, что происходитъ вокругъ него. Теперь онъ по знаніямъ своимъ приближается гораздо больше къ современному представителю правящихъ классовъ, чѣмъ къ своему предшественнику рабочему. Политическій

дѣятель или промышленный магнатъ теперь не имѣютъ лучшаго образованія, чѣмъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ, и только нѣсколько лучше освѣдомлены. Что касается современнаго рабочаго, то онъ подвергаетъ теперь критикѣ тысячу такихъ вещей, которыя его отцомъ или дѣдомъ принимались на вѣру, какъ существенный порядокъ вещей. Между прочимъ, рабочій упорно задумывается надъ тѣмъ, почему именно онъ обреченъ на неинтересную, тяжелую и нищенски оплачиваемую работу... Прежній рабочій ссорился иногда, и очень сильно, съ *извѣстнымъ* предпринимателемъ; но онъ никогда не выставлялъ обвиненій противъ *всѣхъ* предпринимателей. Онъ вѣрилъ на слово закону, государству, церкви и политическимъ партіямъ. Онъ только желалъ лишняго шиллинга или еще одного часа отдыха. Современный рабочій подвергъ критикѣ всю соціальную систему». Уэльсъ констатируетъ, что молодое поколѣніе рабочихъ подобно матросамъ, потерявшимъ вѣру въ своего капитана. Ими овладѣваютъ то отчаянье, то презрѣніе, и у экипажа зарождается мысль взять на себя управленіе кораблемъ. Чтобы предупредить революцію,—продолжаетъ Уэльсъ,—необходимо возстановить довѣріе между разными классами.

«Недовольство рабочихъ обусловливается двумя причинами—говоритъ Сидней Лоо:—они не любятъ свою работу и недовольны получаемой платой. Надо говорить вещи прямо. Въ большинствѣ случаевъ, работа, а въ особенности та, которую выполняютъ за еженедѣльную плату милліоны мужчинъ и женщинъ,—тяжела, неинтересна и непріятна. Много ли такихъ, которые дѣйствительно любятъ ту работу, которую дѣлаютъ?» Въ корнѣ недовольства лежитъ несоотвѣтствіе между выполняемой работой и скудостью заработка. «Неужели вы думаете,—спрашиваетъ Сидней Лоо,—что рабочій «любитъ» перебрасывать цѣлый день лопатой навозъ? Неужели у кого-нибудь есть мысль, что молодой дѣвушкѣ «нравится» выстукивать съ утра до вечера на печатающей машинкѣ?»—«Причину, почему рабочій недоволенъ, найти не трудно,—говоритъ членъ парламентской рабочей партіи Барнесъ.—За послѣднія сорокъ лѣтъ англійскій рабочій развился, а между тѣмъ тѣ условія, въ которыхъ онъ живетъ, мало измѣнились. Теперь массы больше понимаютъ, чѣмъ раньше, несправедливость отношеній». Теперь англійскій рабочій въ умственномъ отношеніи стоитъ гораздо выше, чѣмъ его предшественникъ, а между тѣмъ работа, которую онъ выполняетъ, стала даже менѣе интересной, чѣмъ она была тридцать лѣтъ назадъ. Тогда «было время отдѣлывать производимую вещь, — говоритъ Барнесъ.—И если искусный рабочій любилъ свое дѣло, вещь, которую онъ отдѣлывалъ, интересовала его, и процессъ работы доста-

влялъ удовольствіе. Все это, однако, прошло уже. Теперь нѣтъ больше времени для тщательной отдѣлки. Фабрика или заводъ—мѣсто, гдѣ, прежде всего, *спѣшатъ*. Машина все болѣе и болѣе замѣняетъ ручной трудъ и такимъ образомъ увеличиваетъ унылость и монотонность фабрики. Какъ и Уэльсъ, Барнесъ констатируетъ, что образованіе и развитіе сдѣлали свое дѣло: «рабочій перестадъ глядѣть, какъ двадцать пять лѣтъ назадъ, на каждаго человѣка въ круглой шелковой шляпѣ, какъ на высшее существо, надѣленное исключительными способностями».

Въ частной бесѣдѣ мы слышимъ иногда отъ нашихъ пріятелей консерваторовъ (большею частью—не отъ предпринимателей, а отъ врачей, адвокатовъ и рантье), что броженіе массъ обусловливается только «завистью», да еще «наемными агитаторами». Публично только немногіе смѣльчаки рѣшаются высказывать такіе взгляды, да и то предварительно прикрывшись псевдонимами. Въ книгѣ «What the Worker wants» мы находимъ только одного смѣльчака подобнаго рода, подписавшагося «Англичанинъ». «Работа, которую выполняютъ массы, не тяжела. Въ ней нѣтъ ничего унизительнаго. Что касается до удовольствій, то рабочій воленъ ихъ выбирать по своему вкусу». Если бы только «наемные агитаторы» оставили рабочаго въ покоѣ, недовольство, по мнѣнію «Англичанина», исчезло бы, какъ тяжелый сонъ. Конечно, рабочій будетъ устраивать стачки безъ «агитатора», если явится какой-нибудь шансъ на успѣхъ; но противъ этого никто ничего не будетъ имѣть». Только подъ вліяніемъ агитатора англійскій рабочій становится мраченъ и «завидуетъ удовольствіямъ другихъ».

Джефри Дрэджъ (видный политическій дѣятель-консерваторъ) глубоко убѣжденъ, что виновникомъ броженія среди массъ является не «наемный агитаторъ», а соціальное законодательство. Въ первую голову въ этомъ отношеніи надо поставить законъ о государственной пенсіи для стариковъ, который «произвелъ крайне деморализующее впечатлѣніе на рабочіе классы»,—говоритъ Дрэджъ. «Соціалисты и радикалы убѣдили рабочаго ждать помощи отъ государства, вмѣсто того, чтобы разсчитывать на собственную бережливость и на свое трудолюбіе... «Рабочій воспитывается теперь на книгахъ, въ которыхъ неизмѣримо больше говорится о мнимыхъ правахъ его, чѣмъ о дѣйствительныхъ обязанностяхъ. Авторы этихъ книгъ ничего не говорятъ о благородствѣ ручного труда» [1]).

1) «What the Worker wants», стр. 52.

II.

Итакъ, болѣе шестидесяти авторовъ, занимающихъ разное общественное положеніе, согласно констатируютъ наличность сильнаго броженія въ массахъ. Что же можно сдѣлать для устраненія недовольства? Консерваторы имѣютъ теперь одинъ отвѣтъ: «необходима тарифная реформа»—другими словами, надо возвратиться къ протекціонизму и къ хлѣбнымъ налогамъ. «Рабочіе хотятъ лучшихъ жилищъ, болѣе досуга и лучшую заработную плату,—отвѣчаетъ фабрикантъ-консерваторъ.—Все это можетъ быть достигнуто только двумя путями: или соціальной революціей, или введеніемъ «тарифной реформы». Такъ какъ рабочіе не хотятъ протекціонизма, то, повидимому, разсчитываютъ на революцію, «которая броситъ всѣ наши учрежденія въ плавильный тигль». Но прежде чѣмъ изъ тигля выйдетъ что-нибудь,—предвѣщаетъ авторъ,—Германія разрушитъ британскій флотъ, захватитъ англійскія колоніи и совершенно разоритъ имперію. Протекціонизмъ, съ другой стороны, можетъ дать рабочимъ все то, къ чему они стремятся: высокую заработную плату, короткій рабочій день, удобныя, здоровыя жилища, пріятныя развлеченія и не знаю, что еще. Сторонники свободной торговли напрасно задаютъ рядъ вопросовъ:

Если протекціонизмъ приноситъ съ собою такія благодѣянія, то почему положеніе массъ въ Россіи горше, чѣмъ гдѣ-либо на континентѣ?

Если протекціонизмъ такъ выгоденъ для рабочихъ, то почему соціалъ-демократы въ Германіи возстаютъ противъ него?

Если протекціонизмъ уничтожаетъ безработицу, то почему она существуетъ въ такой страшной формѣ въ Соединенныхъ Штатахъ?

Почему заработная плата выше въ фритредерской Англіи, чѣмъ во Франціи или Германіи?

Приведя цѣлый рядъ таблицъ, фритредеры приходятъ къ заключенію, что заработная плата въ Англіи, Германіи и Франціи можетъ быть выражена цифрами: 100, 75, 64. Если же принять во вниманіе, что рабочій день во Франціи и въ Германіи длиннѣе, чѣмъ въ Англіи, то точныя цифры были бы 100, 83, 75. Оффиціальные отчеты, кромѣ того, показываютъ, что въ Англіи жизненные продукты на $^1/_2$ дешевле, чѣмъ въ Германіи и на $^1/_7$ дешевле, чѣмъ во Франціи. Такимъ образомъ, въ Англіи покупательная сила денегъ полученныхъ рабочими, значительно выше, чѣмъ въ Германіи или во

Франціи [1]). На всѣ эти вопросы и на всѣ эти факты протекціонисты отвѣчаютъ повтореніемъ своихъ своеобразныхъ экономическихъ тезисовъ: «Тарифная реформа удвоитъ заработную плату и дастъ всѣмъ работу».

Въ рядахъ консервативной партіи много умныхъ талантливыхъ и проницательныхъ людей, понимающихъ, что требуется нѣчто другое, кромѣ наивныхъ экономическихъ формулъ. И вотъ, они выставляютъ участіе рабочихъ въ прибыляхъ, какъ средство, которое можетъ принести успокоеніе. «Нѣтъ,—говорятъ рабочіе.— Участіе въ прибыляхъ можетъ сдѣлать очень мало; прибыль, выпадающая на долю рабочихъ тамъ, гдѣ система эта введена, такъ ничтожна, что не улучшаетъ положенія. Требуются болѣе рѣшительныя средства».

«Чего требуютъ рабочіе?—говоритъ вождь углекоповъ южнаго Валлиса, Вернонъ Хартшорнъ, принимавшій дѣятельное участіе въ послѣдней угольной стачкѣ. — Общество должно гарантировать мужчинамъ и женщинамъ, выполняющимъ работу, необходимую для его существованія, такую плату, которая обезпечивала бы имъ сносную и удобную жизнь, приличествующую членамъ цивилизованной страны. Плата эта должна давать возможность рабочимъ имѣть сносную пищу и одежду, затѣмъ досугъ и жилище, пригодное для человѣческаго существа». Что же общество должно сдѣлать для всего этого? По мнѣнію Вернона Хартшорна, необходимо установить законодательнымъ путемъ minimum заработной платы и восьмичасовой рабочій день. Затѣмъ парламентъ долженъ выработать законъ о нормальномъ рабочемъ жилищѣ и установить maximum ренты. Трэдъ-юніонамъ, кромѣ того, должно быть предоставлено право останавливать эксплуатацію труда. Другими словами, законъ, какъ въ Новой Зеландіи, долженъ всячески поощрять вступленіе рабочихъ въ трэдъ-юніоны.

Въ первую голову долженъ быть поставленъ законъ о наименьшемъ предѣлѣ заработной платы. «То, чего рабочіе хотятъ, не заключаетъ въ себѣ ничего фантастическаго, — говоритъ Вернонъ Хартшорнъ.—Въ этомъ требованіи проявляется лишь простой здравый смыслъ, которымъ всегда отличались англійскіе рабочіе. Законъ о наименьшемъ размѣрѣ заработной платы выдумали не «зловредные агитаторы», не «теоретики-соціалисты», не имѣющіе представленія о дѣйствительности». «Это требованіе,—говоритъ Вернонъ Хартшорнъ,—выдвинуто почти всѣми англійскими рабочими, безъ раз-

---

1) *L. G. Chiozza-Money*, «Fiscal Dictionary», 1910, стр. 304.

личія политическихъ взглядовъ. Какъ консерваторы, такъ и соціалисты; какъ представители ручного труда, такъ и умственнаго, создающіе національныя богатства, единогласно пришли къ заключенію, что всѣ они имѣютъ право на такую долю этихъ богатствъ, которая обезпечивала бы работникамъ, ихъ женамъ и дѣтямъ хоть minimum удобства» [1]). Надо прибавить, что установленіе законодательнымъ путемъ наименьшаго размѣра заработной платы, пугавшее еще недавно даже радикаловъ, теперь уже не кажется такимъ утопичнымъ и революціоннымъ, какъ три-четыре года назадъ. Парламентъ принялъ законъ такого рода для нѣкоторыхъ отраслей труда, гдѣ практикуется такъ называемая система выжиманія пота. Во время угольной стачки парламентъ въ принципѣ призналъ тотъ же законъ.

«Вопросъ о наименьшемъ размѣрѣ заработной платы придуманъ не соціализмомъ и не синдикализмомъ,—заканчиваетъ Вернонъ Хартшорнъ.—Совершенно излишне, поэтому, обличать эти ученія. Рабочій выступилъ не съ цѣлью вести теоретическіе споры, а чтобы добыть нѣчто конкретное, осязаемое: хлѣбъ. Современное общество должно выдержать теперь большое испытаніе: оно должно показать, можетъ ли оно проявить справедливость по отношенію къ рабочимъ? Если оно можетъ сдѣлать это и осуществить требуемыя реформы, тогда общество оправдаетъ свое существованіе. Въ противномъ случаѣ приговоръ его подписанъ».

«Чтобы успокоить броженіе въ массахъ, чтобы уничтожить безработицу и невысокую заработную плату, необходимо не только остановить тягу изъ деревень въ города, но создать также обратную тягу изъ городовъ въ деревни»,—говорятъ какъ либералы, такъ и консерваторы. «Надо возвратить землю народу». «Будемъ говорить совершенно откровенно,—обращается къ консерваторамъ вдохновитель ихъ Гарвинъ (*Observer*, 8 декабря 1912). Все краснорѣчіе на тему о матеріализмѣ, расточаемое соціалистами съ платформъ, представляетъ собою слова, брошенныя на вѣтеръ. Ораторы не должны быть введены въ заблужденіе бурными аплодисментами, такъ какъ послѣдніе являются лишь проявленіемъ *кабацкаго* патріотизма (pot-house patriotism), отъ котораго здравомыслящаго человѣка тошнитъ. Кабацкій патріотизмъ разлетается, какъ дымъ, при первомъ дуновеніи опасности». Консерваторы,—доказываетъ Гарвинъ,—должны выступить не съ отвлеченными рѣчами о величіи и мощи имперіи, а съ конкретной програмой соціальныхъ реформъ. «Консерваторамъ надо разрушить опасное для нихъ воззрѣніе, что только радикалы могутъ дать соціальныя реформы».

---

1) «What the Worker wants», стр. 97 и 99.

Прежде всего консерваторы должны выставить тезисъ: «земля для народа». Правда,—говорятъ они,—радикалы тоже выставляютъ эту программу, но осуществить ее могутъ только консерваторы. Національная ассоціація соціалистовъ сжала теперь въ формулу земельныя программы либераловъ и консерваторовъ. По увѣренію уніонистовъ, «радикалы хотятъ наложить на землю налоги, а консерваторы желаютъ посадить на землю народъ».

Аграрная программа консерваторовъ туманна. Повидимому, они имѣютъ въ виду устроить такой же выкупъ земли, какъ въ Ирландіи. Тамъ помѣщики получили прекрасную плату, потому что ирландскіе крестьяне жадны на землю. Фермеры готовы платить сколько угодно, чтобы стать собственниками участка. Въ Англіи земельныя отношенія другія. Городскіе рабочіе давно уже оторваны отъ земли и не имѣютъ къ ней такого сильнаго влеченія, какъ ирландскіе крестьяне. Вотъ почему выкупъ земли на тѣхъ началахъ, какъ въ Ирландіи, не можетъ принять грандіозныхъ размѣровъ.

Радикалы къ ближайшимъ выборамъ тщательно подготовляютъ проектъ земельной реформы. Съ этою цѣлью министръ финансовъ назначилъ спеціальныхъ статистиковъ для собиранія свѣдѣній о положеніи помѣщиковъ, фермеровъ и сельскихъ рабочихъ. Ллойдъ-Джорджъ долженъ былъ изложить свою программу на большомъ митингѣ въ Суиндонѣ, 26 октября; но балканская драма сняла на время съ очереди земельный вопросъ. Консерваторы утверждаютъ, что для успокоенія броженія въ массахъ необходимо возродить земледѣліе, но это возрожденіе возможно только при введеніи тарифныхъ реформъ, т. е. протекціонизма. При системѣ свободной торговли,—продолжаютъ консерваторы,—дешевый хлѣбъ изъ Аргентины, Индіи или Россіи убьетъ англійскихъ фермеровъ. Либералы доказываютъ, что при дѣйствительно разумномъ выкупѣ земли, когда высокая рента исчезнетъ, англійскимъ фермерамъ нечего будетъ страшиться конкуренціи. Англійское земледѣліе,—продолжаютъ фритредеры,—было задавлено не столько привозомъ дешеваго хлѣба, сколько чрезмѣрно высокой рентой. Въ 1821-мъ году, напр., т. е. въ эпоху протекціонизма, была назначена парламентская комиссія для изслѣдованія вопроса о бѣдственномъ положеніи фермеровъ. Комиссія была завалена жалобами на чрезмѣрно высокую ренту. «Фермеръ Джонъ Эльманъ показывалъ, что въ 1790-мъ году онъ платилъ помѣщику 680 ф. ст. въ годъ, а въ 1815-мъ году—уже 1000 ф. ст. Фермеръ Капперъ доставилъ доказательства, что въ 17 лѣтъ помѣщикъ повысилъ ренту на 200 ф. ст. въ годъ. Уэкфильдъ изъ Эссекса по-

казалъ, что въ ихъ мѣстахъ, въ промежутокъ времени съ 1797 по 1813 г., года рента утроилась.

Хлѣбный законъ 1815-го года, поднявшій цѣны на пшеницу до 80 шиллинговъ за четверть, немедленно побудилъ помѣщиковъ повысить ренту. Такимъ образомъ запретительные таможенные законы повели не къ улучшенію, а къ крайнему ухудшенію положенія фермеровъ и сельскихъ рабочихъ. Чрезмѣрная рента повела къ банкротству многихъ фермеровъ и создала безработицу [1]. Всѣ эти факты заставили членовъ парламентской комиссіи усомниться въ справедливости каноновъ протекціонизма. «Мы усомнились въ томъ, что протекціонизмъ или запретительныя пошлины ведутъ непремѣнно къ расцвѣту земледѣлія». Въ 1833-мъ году, когда изъ деревень опять послышались вопли на гибель земледѣлія, назначена была новая парламентская комиссія, которая тоже пришла къ заключенію, что бѣдственное положеніе фермеровъ обусловливается чрезмѣрно высокой рентой. Радикалы, поэтому, полагаютъ, что только *дѣйствительное* возвращеніе земли народу остановитъ броженіе въ массахъ и что возрожденіе земледѣлія въ Англіи вполнѣ возможно при системѣ свободной торговли.

Таковъ рядъ реформъ, подсказанныхъ рабочими, консерваторами и либералами и долженствующихъ повести къ разряженію электричества, накопившагося теперь въ Англіи. Изъ книги: «What the Worker wants» мы узнаемъ также про рядъ любопытныхъ опытовъ, продѣланныхъ въ разныхъ мѣстахъ Англіи по частной иниціативѣ. Эксперименты подобнаго рода возможны только въ странѣ съ широкой гражданской свободой, потому что во всякой другой они немедленно превратились бы въ самую худшую форму многостепенныхъ выборовъ. Вотъ, напр., что пишетъ герцогиня Гамильтонъ. Она исходитъ изъ положенія, что недовольство рабочихъ обусловливается тремя причинами:

Работа, которую дѣлаютъ массы, очень часто не можетъ интересовать ихъ.

Рабочіе не въ достаточной степени представлены въ мѣстномъ самоуправленіи и въ парламентѣ.

Заработная плата слишкомъ мала (по утвержденію многихъ, она должна равняться, по крайней мѣрѣ, двумъ фунтамъ въ недѣлю).

«Мое убѣжденіе,—говоритъ герцогиня Гамильтонъ,—что будь рабочій заинтересованъ въ успѣхѣ всего дѣла, въ которомъ онъ

---

[1] «Money's Fiscal Dictionary», 1910, стр. 18 и дальше.

работаетъ, т. е. при существованіи такихъ же условій, какъ въ старыхъ гильдіяхъ, вопросъ объ «однообразіи» работы даже не поднимался бы. Все недовольство рабочихъ, по мнѣнію герцогини Гамильтонъ, обусловливается вторымъ пунктомъ, т. е. тѣмъ, что массы не въ достаточной степени представлены въ мѣстномъ самоуправленіи и въ парламентѣ. «Мы называемъ наше правительство демократическимъ, и многіе изъ насъ думаютъ, что постепенно массы все больше и больше привлекаются къ общественной жизни,—говоритъ герцогиня Гамильтонъ.—Въ дѣйствительности мы пренебрегаемъ милліонами совѣтниковъ, которые въ древнія времена, когда у насъ были еще *витенагемоты*, составляли основу правительственной машины». *Витенагемоты*, или сходы умныхъ людей (wits),—говоритъ герцогиня Гамильтонъ, — представляли собою родъ гигантской пирамиды, въ основаніи которой находились добытчики каждой семьи королевства, а въ вершинѣ—король. Первоначальная клѣточка—*франкпледжъ*—состояла изъ десяти сосѣдей. Они выбирали старшину, котораго посылали въ собраніе десяти старшинъ,—*тайтингъ* (tything). Предсѣдатель *тайтинга* былъ старшиной деревни. Старшины сотни дымовъ составляли особый комитетъ (hundret) и т. д., до тайнаго совѣта. Въ 1889-мъ году майоръ Пуръ, представлявшій въ совѣтѣ графства одинъ изъ округовъ Уильтшира, сдѣлалъ попытку воскресить старинный *витенагемотъ*. Съ этою цѣлью Пуръ организовалъ своихъ выборщиковъ десятками. Каждый разъ, когда предстояло въ совѣтѣ обсужденіе какого-нибудь важнаго вопроса, онъ созывалъ митингъ деревенскихъ старшинъ, которымъ излагалъ положеніе дѣла. Старшины возвращались домой и каждый изъ нихъ въ своей деревнѣ созывалъ совѣтъ *тайтинговъ* или десятниковъ, изъ которыхъ каждый совѣщался съ совѣтомъ десяти добытчиковъ. Такимъ образомъ, черезъ нѣсколько дней комитетъ деревенскихъ старшинъ могъ уже передать Пуру взглядъ *всѣхъ* добытчиковъ избирательнаго округа на тотъ или другой вопросъ. Вся эта система дѣйствовала, по словамъ герцогини Гамильтонъ, очень хорошо до 1904-го года, когда майоръ Пуръ сложилъ съ себя полномочія вслѣдствіе болѣзни. Герцогиня Гамильтонъ полагаетъ, что теперь возможно воскресить *витенагемотъ* въ широкихъ размѣрахъ. Система повела бы не къ нарожденію сложныхъ выборовъ въ худшей формѣ, какъ думали бы мы, а къ непосредственному участію въ законодательной работѣ каждаго изъ добытчиковъ въ королевствѣ, какъ полагаетъ герцогиня Гамильтонъ. Что касается жалобъ на недостаточную заработную плату, то и въ этомъ отношеніи лэди Гамильтонъ можетъ разсказать про опыты того же майора Пура. Въ 1892-мъ году, возродивъ въ

своемъ избирательномъ округѣ *витенагемотъ*, майоръ Пуръ купилъ ферму, заплативъ въ среднемъ по 10 фунт. стерлинг. за акръ, т. е. около 300 руб. за десятину. Затѣмъ онъ разбилъ землю на небольшіе участки, оцѣнивъ акръ въ 15 ф. ст. Послѣ этого Пуръ заявилъ, что каждый, желающій взять земельный участокъ, можетъ сдѣлать это, обратившись къ деревенскому совѣту. Нашлось 47 желающихъ. Ихъ раздѣлили на пять комитетовъ, т. е. каждый состоялъ приблизительно изъ десяти добытчиковъ. Предсѣдатели этихъ комитетовъ составили совѣтъ (Landcourt Committee), во главѣ котораго стоялъ майоръ Пуръ. Чтобы совѣтъ сохранилъ нѣкоторый контроль, земля не была продана фермерамъ, а сдана имъ въ аренду. Но чтобы фермеры имѣли полную увѣренность, срокъ аренды былъ 2000 лѣтъ. Выкупъ покрывался рентой. Черезъ пятнадцать лѣтъ всѣ фермеры стали фактическими собственниками участковъ. Майоръ Пуръ купилъ землю по 10 ф. ст. за акръ и продалъ по 15 ф. ст. Онъ не взялъ себѣ этихъ денегъ, а отдалъ совѣту для составленія кассы взаимопомощи. Всѣ фермеры могутъ имѣть ссуду за небольшой процентъ. Мелкіе фермеры (все это—сельскіе рабочіе, получающіе около 16 шил. въ недѣлю) выплатили теперь за землю, выстроили новые, удобные коттеджи и имѣютъ запасной капиталъ въ 1450 ф. ст. Все это было организовано однимъ человѣкомъ не на началахъ филантропіи, а на дѣловой ладъ. Герцогиня Гамильтонъ полагаетъ, что тотъ же опытъ можно продѣлать въ громадномъ масштабѣ, если вмѣсто одного лица будетъ государство, имѣющее въ своемъ распоряженіи безграничныя средства.

Либеральный членъ парламента Кукъ-Тэйлоръ разсказываетъ про другой опытъ, продѣланный въ Ланкаширѣ на большой суконной фабрикѣ, принадлежащей этому коммонеру. Двадцать лѣтъ назадъ, вступивъ во владѣніе фабрикой, Кукъ-Тэйлоръ ввелъ систему участія рабочихъ въ прибыляхъ. «Цѣлью моею было, не вредя интересамъ дѣла, давать возможно бо́льшую заработную плату и привлечь служащихъ къ участію въ прибыляхъ. Первые три года такими участниками были только завѣдующіе отдѣленіями и нарядчики; но въ 1896-мъ году я распредѣлилъ между всѣми рабочими опредѣленную часть прибылей 1895-го года. Они получили часть акцій того товарищества съ ограниченною отвѣтственностью, въ которое превращено было дѣло. Съ тѣхъ поръ всѣ служащіе и всѣ рабочіе являются участниками предпріятія. Изъ чистой прибыли удѣляется прежде всего 5% на капиталъ. Вся остальная прибыль развёрстывается потомъ между трудомъ и капиталомъ. Право на полученіе доли имѣютъ только тѣ рабочіе, которые прослужили цѣлый годъ. Рабочіе, имѣющіе акціи, оставляя фабрику, должны

продать ихъ товариществу; но вдовы рабочихъ и престарѣлые рабочіе, удалившіеся на покой, могутъ владѣть акціями». Двадцать лѣтъ назадъ на фабрикѣ было 600 рабочихъ, а теперь—1400. Доля прибылей, разверстанная между рабочими за 20 лѣтъ составляетъ 100.000 ф. ст., т. е. около милліона рублей. «Когда я началъ предпріятіе,—продолжаетъ Кукъ-Тэйлоръ,—всѣ акціи принадлежали мнѣ, теперь же половина принадлежитъ уже рабочимъ». По мнѣнію фабриканта, эта система «не можетъ превратить плохое и невыгодное предпріятіе въ хорошее и выгодное, но она можетъ улучшить дѣло, идущее хорошо».

Мы видѣли, какъ измѣнились отношенія высшихъ классовъ къ низшимъ по мѣрѣ того, какъ послѣдніе стали политической силой. Мы видѣли, что большинство населенія понимаетъ ту серьезную перемѣну, которая произошла за послѣднія тридцать лѣтъ въ сознаніи трудящихся классовъ. Эта перемѣна такъ велика, что для нея есть только одно слово: революція. Въ другой странѣ, при другихъ условіяхъ, накопившееся недовольство массъ бурно вырвалось бы наружу: революція облеклась бы въ форму, знакомую континенту. Но, къ счастью, Англія имѣетъ удивительный «предохранительный клапанъ»—парламентъ. На него возлагаютъ надежды консерваторы и соціалисты, либералы и радикалы. «Парламентъ можетъ сдѣлать все»,—говорятъ англичане. Онъ можетъ, поэтому, спасти страну отъ страшнаго взрыва. «Парламентъ въ силахъ помочь дѣлу,—говоритъ коммонеръ-рабочій.—Необходимо только спѣшить, покуда синдикализмъ не увѣрилъ еще массы въ безполезности парламентской дѣятельности».

Все доказываетъ, что съ обычной практичностью британскій парламентъ проведетъ необходимыя реформы «just in time», какъ говорятъ англичане.

Діонео.

ФРАНЦІЯ И БАЛКАНСКІЯ СОБЫТІЯ.

Письмо изъ Парижа.

Въ ряду европейскихъ державъ, Франціи выпала честь наиболѣе энергичныхъ попытокъ сохранить миръ на балканскомъ полуостровѣ, а затѣмъ, когда война тѣмъ не менѣе загорѣлась, попытокъ локализировать пожаръ. Попытки были не вполнѣ удачны, но это зависѣло не отъ недостатка доброй воли кабинета Пуанкарэ, сдѣлавшаго все, что было въ его силахъ. Представляетъ ли эта миролюбивая политика заслугу французскихъ государственныхъ людей? Конечно. Но справедливость заставляетъ сказать, что въ данномъ случаѣ они только точно выразили настроеніе и руководящіе взгляды всего французскаго общества,—не одного какого-либо общественнаго слоя или класса, а всего общества во всей его толщѣ. Нѣтъ, кажется, на всемъ европейскомъ континентѣ болѣе миролюбиваго общества, чѣмъ французское. Министръ и рабочій, мелкій лавочникъ и крупный финансистъ, крестьянинъ и потомокъ старыхъ знатныхъ родовъ, парламентарій и журналистъ—всѣ здѣсь профессіональные пасифисты. Это обстоятельство стоитъ отмѣтить. Оно указываетъ на ошибочность одного очень общераспространеннаго сужденія, ставящаго капитализмъ въ тѣснѣйшую связь съ агрессивнымъ милитаризмомъ. Связь эта существуетъ, но природа ея гораздо сложнѣе, чѣмъ обыкновенно принято думать. Агрессивный милитаризмъ свойственъ буржуазіи только въ рѣдкіе и опредѣленные моменты; вообще же этотъ общественный слой полонъ страха передъ войной и ея бѣдствіями. При современной военной техникѣ война между великими культурными державами несетъ съ собою почти національное разореніе,—и буржуазія достаточно разсчетлива, достаточно привыкла учитывать впередъ прибыли и убытки, достаточно любитъ спокойствіе, порядокъ и личную безопасность, чтобы смотрѣть на войну, какъ на плохой гешефтъ. А особенно французская буржуазія, руководящіе круги которой играютъ роль всесвѣтныхъ банкировъ и заимодавцевъ. Воинственность и ростовщическая психологія—несовмѣстимы. Конечно, захватить Марокко—это другое дѣло. Пусть эти арабскія племена и воинственны—они сравнительно безоружны, и пятидесятитысячнаго корпуса довольно, чтобы подчинить себѣ третью

часть Африки. Эта дорого стоющая, но ничѣмъ не нарушающая жизни метрополіи колоніальная война—своего рода, коммерческое предпріятіе. Но европейская война! Истраченные милліарды, сотни тысячъ убитыхъ при общей воинской повинности, крахъ десятковъ тысячъ предпріятій, цвѣтущіе сады, превращенные въ пустыню, разнузданныя страсти, возвратъ къ варварству, царство грубой силы, открытое поле для имперіалистскихъ авантюръ! Нѣтъ, разсчетливая, изнѣженная, дѣловая и интеллектуально развитая, любящая удобства и порядокъ въ жизни буржуазія не можетъ ея хотѣть. И потому она миролюбива. И потому ея правительство работаетъ усердно въ пользу мира, и пресса ея чужда шовинизма.

Когда на Балканахъ скопились тучи, и народы, находящіеся еще на совсѣмъ другой ступени развитія и охваченные великой національной страстью, начали мобилизироваться, когда запахло порохомъ на востокѣ, здѣсь, во Франціи, съ опытностью настоящихъ дѣловыхъ людей сразу поняли, что наступаютъ страшно серьезные дни, особенно если дать разыграться страстямъ и аппетитамъ. И захотѣли предотвратить войну европейскимъ вмѣшательствомъ. Затѣмъ, когда война разразилась, начали считать, чтобы опредѣлить свое отношеніе къ событіямъ и знать, на чью сторону стать. Съ самаго же начала опредѣлились три теченія: умѣренно-туркофильское, неумѣренно-туркофильское и дружественное славянской конфедераціи.

Умѣренно-туркофильское настроеніе было замѣтно особенно въ періодъ ожиданія войны во всей буржуазно-республиканской прессѣ, и диктовалось оно опасеніемъ за судьбу французскихъ «интересовъ» на востокѣ. «Интересы» эти двоякаго характера—духовные и матеріальные. Взвѣсить и опредѣлить духовные интересы не всегда легко; не легко высчитать, какую выгоду приноситъ Франціи то обстоятельство, что французскій языкъ пользуется широкимъ распространеніемъ въ Турціи, являясь тамъ международнымъ языкомъ, своего рода воляпюкомъ, позволяющимъ общаться между собой десяткамъ народностей; не легко также уяснить себѣ реальную выгоду, приносимую Франціи французскими школами и французскими монашескими орденами, которыхъ такъ много въ имперіи падишаха. Правда, такимъ путемъ закрѣпляется вліяніе на востокѣ французской культуры, французской книги, начиная или кончая, не знаю какъ сказать, Поль-де-Кокомъ, романъ котораго нашли раскрытымъ на столѣ начальника станціи въ Кумановѣ послѣ бѣгства турецкой арміи и турецкихъ чиновниковъ. Тѣмъ не менѣе «моральное и культурное преобладаніе Франціи» на берегахъ Босфора не помѣшало вѣдь военному, дипломатическому и коммерче-

скому преобладанію Германіи. Матеріальный вѣсъ духовныхъ «интересовъ» Франціи является, такимъ образомъ, нѣсколько проблематическимъ. Это не мѣшаетъ, однако, французамъ высоко цѣнить ихъ. Стоитъ заглянуть хотя бы въ сочиненія французскихъ авторовъ—напр. Берара, или Рене Пинона—посвященныя дѣламъ Турціи и Востока. Десятки и сотни страницъ отведены вопросамъ о французскихъ школахъ, монашескихъ орденахъ, французскомъ языкѣ. Видимо, эти факты, по мнѣнію французовъ, накопляютъ на востокѣ нѣкоторый духовный капиталъ, который если не реализуется въ достаточной мѣрѣ сейчасъ, то можетъ реализоваться въ будущемъ. Если такъ, то поднимается вопросъ: какъ отразится на культурныхъ завоеваніяхъ Франціи на востокѣ побѣда союзниковъ? Отвѣчая на этотъ вопросъ, Matin, являющійся, наряду съ Temps, оффиціозомъ, писалъ: «не надо обманываться: побѣда союзниковъ будетъ имѣть послѣдствіемъ уменьшеніе роли, принадлежащей на востокѣ французскому языку, и кризисъ французской школы». Здѣсь очевидно понимаютъ, что молодые, дѣятельные народы, входящіе въ составъ союза, несутъ съ собою свою культуру и создадутъ въ ближайшемъ будущемъ свои собственныя культурныя учрежденія. И какъ только это совершится, французскія школы, въ которыхъ преподаваніе ведется по французскимъ программамъ и на французскомъ языкѣ, опустѣютъ. Какой въ самомъ дѣлѣ интересъ можетъ побудить болгарскихъ родителей заставлять своего сына вызубривать имена всѣхъ французскихъ королей старинныхъ династій, названія всѣхъ притоковъ рѣки Марны, и въ то же время знакомиться съ исторіей и географіей не только міра, но и Европы лишь въ самыхъ общихъ чертахъ? «Французское обученіе» можетъ имѣть успѣхъ въ Турціи, гдѣ нѣтъ никакой школы, но оно завянетъ, какъ только хозяиномъ страны вмѣсто варвара-турка явится молодой, культурный и стремящійся къ развитію народъ.

Опасенія за судьбу духовныхъ интересовъ Франціи, въ случаѣ побѣды союзниковъ, находили болѣе или менѣе яркое выраженіе почти во всѣхъ органахъ печати буржуазно-республиканскаго направленія. Наряду съ ними шли опасенія за судьбу матеріальныхъ интересовъ. Матеріальные интересы Франціи въ Турціи громадны. Они вытекаютъ не столько изъ торговыхъ отношеній,—Франція по торговлѣ съ Турціей занимаетъ 4-ое мѣсто, послѣ Англіи, Австріи и Германіи,—сколько изъ кредитныхъ. Изъ общей суммы государственныхъ долговъ Турціи, равняющейся 2.750 милліонамъ франковъ, во Франціи помѣщено 1.600 милліоновъ фр. Крупнѣйшій по оборотамъ и вліянію Императорскій Оттоманскій банкъ, съ основнымъ капиталомъ въ 113 милл. фр.—полуфранцузское, полуан-

глійское учрежденіе. Салоникскій банкъ съ капиталомъ въ 16 милліоновъ, оперируетъ французскими деньгами; точно такъ же банкъ «восточнаго финансоваго общества», съ капиталомъ въ 5 милліоновъ фр. Кромѣ того крупнѣйшіе французскіе банки—Ліонскій кредитъ, Учетное общество и др.—имѣютъ въ Турціи значительное количество отдѣленій. На французскія деньги построены и администрируются французскими обществами желѣзныя дороги Дамаскъ—Гамакъ, Смирна—Кассоба, Яффа—Іерусалимъ, Муданія—Брусса, Салоники—Монастырь, Салоники—Константинополь. Французамъ принадлежатъ каменноугольныя копи Гераклеи, Балія-Караэддинъ, Кассандры, порты въ Бейрутѣ и въ Салоникахъ, набережныя, доки и склады въ Константинополѣ, газовые заводы въ Бейрутѣ, водопроводъ въ Салоникахъ, значительное число частныхъ коммерческихъ предпріятій въ Константинополѣ, Салоникахъ, Бейрутѣ и Трапезундѣ. Наконецъ, турецкая табачная монополія тоже опирается на французскіе капиталы. Такимъ образомъ не менѣе 3 милліардовъ франковъ вложены французскими капиталистами въ турецкія государственныя и частныя предпріятія. Естественно, что одно ожиданіе возможной войны на Балканскомъ полуостровѣ возбудило тревогу въ дѣловыхъ кругахъ Франціи, нашедшую выраженіе въ сдержанномъ недоброжелательствѣ, съ которымъ «большая пресса» отнеслась къ «нарушителямъ европейскаго мира»—государствамъ Балканскаго союза. Справедливость заставляетъ однако отмѣтить, что это недоброжелательство не перешло въ несправедливость, въ отрицаніе законности славяно-греческихъ домогательствъ и въ желаніе побѣды туркамъ. Буржуазія опасалась войны и того риска, которому она подвергала интересы Франціи на востокѣ, боялась, затѣмъ, еще въ большей степени европейскихъ осложненій, которыя могли бы втянуть въ конфликтъ и Францію: и потому ея пресса и ея правительство употребили всѣ усилія, чтобы лишить огонь горючаго матеріала. Отсюда строгая сдержанность въ сужденіяхъ прессы и та роль примирителя, которую взяло на себя французское правительство.

Неумѣренно-туркофильское отношеніе къ балканскимъ событіямъ проявила крайняя лѣвая пресса вообще, и соціалистическая въ томъ числѣ. Причины этого явленія сложны. Главную роль играла та же боязнь, что Франція окажется втянутой въ европейскую войну. Если у французскаго буржуа имѣются въ Турціи интересы, которые надо охранять и за которые можно дрожать, то у французскаго пролетарія тамъ никакихъ интересовъ нѣтъ, и съ его точки зрѣнія «весь Балканскій полуостровъ не стоитъ крови одного французскаго солдата», какъ выразился одинъ ораторъ на

экстраординарномъ конгрессѣ соціалистической партіи, созванномъ въ цѣляхъ протеста противъ войны.

Если демократіи пасифичны вообще, то пролетаріатъ миролюбивъ par excellence. И это не потому только, что сознательная часть его во власти высокаго гуманитарнаго идеала, но еще и потому, что онъ—сынъ мирнаго труда, что онъ въ войнѣ рискуетъ единственнымъ своимъ капиталомъ—работоспособностью, что, наконецъ, онъ ничего не выигрываетъ даже въ удачныхъ войнахъ. Кромѣ того пролетаріатъ нигдѣ въ Европѣ не принадлежитъ къ числу правящихъ классовъ; не онъ дѣлаетъ ту политику, которая приводитъ къ войнамъ; онъ только расплачивается за чужую и въ большинствѣ случаевъ враждебную ему политику. По необходимости онъ пасифиченъ. Миръ между народами—одинъ изъ принциповъ соціалистическаго міровоззрѣнія. Кто нарушаетъ миръ? Въ чьихъ интересахъ войны? Въ интересахъ правительствъ и правящихъ классовъ. Это они, движимые честолюбивыми и своекорыстными побужденіями, втягиваютъ народы въ войны, разжигая въ нихъ, когда это имъ нужно, шовинизмъ и низменныя страсти.

Съ этимъ мѣриломъ приступили французскіе соціалисты къ оцѣнкѣ и балканскихъ событій, имъ мало знакомыхъ. Они приняли точку зрѣнія болгарскаго соціалистическаго депутата Сакирова, протестовавшаго въ софійскомъ парламентѣ противъ войны съ Турціей и противъ Балканскаго союза, созданнаго въ цѣляхъ войны. По поводу заявленія Сакирова, что македонскій и другіе вопросы могутъ быть рѣшены полюбовнымъ соглашеніемъ съ Турціей, Жоресъ писалъ въ Humanité: въ собраніи, охваченномъ, разнузданными шовинистскими страстями, въ собраніи, въ которомъ съ дикой экзальтаціей смѣшивались и справедливые протесты противъ турецкихъ насилій и перешедшія всѣ границы притязанія, Сакировъ одинъ былъ на сторонѣ мудрости и справедливости... Соціалисты всѣхъ балканскихъ государствъ стремятся къ тому, чтобы облегчить стоны угнетенныхъ, — но не путемъ войны, продиктованной злобой и гордостью, прикрытой маскою филантропіи, а путемъ улучшенія положенія трудящихся, путемъ освобожденія ихъ отъ ярма феодализма и эксплуатаціи, превращающей крестьянъ въ крѣпостныхъ и рабовъ; въ этихъ цѣляхъ они стремятся объединить всѣ народы для общей работы во имя свободы и соціальной справедливости».

Длинная статья Жореса, изъ которой сдѣлана эта выдержка, статья очень краснорѣчивая и возвышенная, совершенно оставляетъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, существуютъ ли на Балканскомъ полуостровѣ условія для того, чтобы «всѣ народы, его населяющіе, и Турція въ томъ числѣ, объединились для дѣла мира и труда,

производства и обмѣна, для дѣла свободы и прогресса». Онъ не разсматриваетъ исторически сложившихся отношеній между народностями полуострова; онъ игнорируетъ конкретную почву, на которой выросла борьба національностей; исходя изъ общихъ и абстрактныхъ принциповъ соціализма, онъ клеймитъ жестокими словами тотъ душевный порывъ, который двинулъ славянскіе и греческій народы противъ Турціи, и на слово принимаетъ утвержденіе Сакирова, что объединеніе Болгаріи и Турціи «для дѣла труда и обмѣна, для дѣла свободы и прогресса» не выходитъ изъ предѣловъ возможнаго.

Разсматривая, далѣе, связь между образомъ дѣйствій балканскихъ государствъ европейскими вліяніями, Жоресъ пишетъ: «Гарантіи, предложенныя Европой христіанскимъ народностямъ Македоніи, достаточны, чтобы Болгарія могла отказаться отъ мобилизаціи. Если она останется на военной ногѣ, это будетъ значить, что изъ русскихъ сферъ на нее оказывается пагубное вліяніе. Сохранитъ ли русская дипломатія чувство отвѣтственности предъ міромъ? Или будетъ увлечена воинственными элементами? Секретъ завтрашняго дня весь здѣсь. И міръ будетъ судить о реальномъ характерѣ русскаго вліянія на Балканскомъ полуостровѣ, по дальнѣйшему поведенію Болгаріи».

Въ этой тирадѣ вскрывается другая причина враждебнаго къ балканскому союзу отношенія французскихъ соціалистовъ. Они проглядѣли народный характеръ славяно-турецкаго конфликта; для нихъ—онъ плодъ интригъ и подговоровъ русскихъ оффиціальныхъ сферъ. Они видятъ въ немъ заговоръ реакціоннѣйшихъ элементовъ Европы противъ европейскаго мира, заговоръ реакціонныхъ правительствъ противъ народовъ, противъ «дѣла свободы и прогресса». Такая оцѣнка не соотвѣтствуетъ дѣйствительности; но для французскихъ соціалистовъ она логически вытекала изъ предположенія, принятаго безъ провѣрки, будто балканскій союзъ созданъ благодаря закулиснымъ вліяніямъ русскихъ оффиціальныхъ сферъ. Отношеніе западно-европейской демократіи къ этимъ сферамъ—глубоко отрицательное. Но для французскихъ соціалистовъ здѣсь дѣло не только въ принципіальномъ антагонизмѣ двухъ теченій—наиболѣе передового и наиболѣе реакціоннаго. Для нихъ дѣло имѣетъ чисто практическое значеніе. Балканскій кризисъ, созданный, по ихъ мнѣнію, интригами оффиціальной Россіи и югославянскихъ государствъ, можетъ втянуть Францію въ войну, и французскій пролетаріатъ можетъ оказаться пущеннымъ въ бойню pour faire le jeu des opprimeurs des peuples. Съ такой перспективой не могло мириться пролетарское сознаніе.

Враждебное отношеніе къ дѣлу Балканскаго союза подсказы-

валось, наконецъ, и той симпатіей, которою, со времени младотурецкой революціи, пользовалась Турція. На нее смотрѣли какъ на страну, находящуюся на линіи прогресса, которой надо дать время укрѣпиться на ней окончательно. И вдругъ поднимается коалиція четырехъ королей, опирающаяся на Россію, и, пользуясь внутренними замѣшательствами Турціи, хочетъ раздавить ее, лишить цивилизацію новаго адепта. Жоресъ такъ и писалъ въ своемъ журналѣ послѣ турецкаго пораженія подъ Киркъ-Килиссе: «Пораженіе турокъ подъ Киркъ-Килиссе очевидно серіозное... ...Будутъ ли турки въ состояніи возстановить свои силы?.. Намъ, никогда не скрывавшимъ и не умалявшимъ политическія ошибки, ими совершенныя, кажется, тѣмъ не менѣе, что пораженіе достаточно рѣшительное чтобы выбросить ихъ изъ Европы, было бы большимъ несчастьемъ. Если мусульмане потеряютъ послѣдній остающійся имъ шансъ слиться съ Европой, цивилизація понесетъ громадный ущербъ». Эта апелляція къ интересамъ цивилизаціи, связаннымъ съ успѣхомъ турецкаго оружья, представляетъ собою послѣднее слово туркофильской аргументаціи. Тенденціозный взглядъ на характеръ балканскаго конфликта нашелъ яркое выраженіе и въ рядѣ манифестовъ и постановленій французскихъ соціалистовъ и синдакалистовъ. Манифестъ соціалистической партіи, подписанный центральнымъ комитетомъ ея и всѣми семьюдесятью пятью членами парламентской соціалистической группы начинается такъ: «Міръ еще разъ обязанъ капиталистической анархіи ужасами обрушившейся на него войны, не имѣющей другихъ причинъ, кромѣ интересовъ финансистовъ и династическихъ притязаній». Всеобщая конференція труда воздержалась въ своемъ манифестѣ отъ столь категорическихъ сужденій, но находитъ, тѣмъ не менѣе, что «клерикальныя вліянія и расовая ненависть придаютъ этой войнѣ характеръ не только капиталистическаго разбоя, но и фанатическаго крестоваго похода».

Объявляя *единственной* причиной балканской войны, интересы финансистовъ и династическія притязанія, никто изъ приверженцевъ этого взгляда не подумалъ даже указать какіе такіе капиталистическіе интересы требовали войны? Конференція труда сослалась въ своемъ манифестѣ на захватъ Марокко и Триполи, продиктованный интересами французскихъ и итальянскихъ капиталистовъ, но не установила причинной связи между этими событіями и балканской войной, являющейся послѣднимъ актомъ пятивѣковой борьбы. Династическія притязанія? Они существовали, но роль ихъ въ подготовкѣ вооруженнаго столкновенія между союзниками и Турціей была незначительна. Мы знаемъ, что македонскій вопросъ

сталъ въ буквальномъ смыслѣ слова народнымъ въ Болгаріи; четыреста тысячъ македонскихъ бѣженцевъ пропагандировали самымъ фактомъ своего существованія интересъ къ «плѣннымъ братьямъ». Однимъ изъ устроителей союза въ Греціи, быть можетъ, болѣе всѣхъ другихъ государственныхъ дѣятелей балканскаго полуострова способствовавшимъ его образованію, является Венизелосъ,—глава критскихъ патріотовъ, поддержавшій своимъ вліяніемъ и своимъ талантомъ дѣло «военной лиги», совершившей греческую революцію 28 августа 1909 года, и взявшій на себя осуществленіе ея панэллинистическихъ стремленій. Точно такъ же и стремленіе сербовъ проложить себѣ дорогу къ морю и освободиться, такимъ образомъ, отъ австрійской экономической опеки, стремленіе понятное всякому сербскому мужику, не было внушено слабымъ и не весьма популярнымъ королемъ Петромъ. Успѣшная война, конечно, укрѣпила положеніе династій, царствующихъ въ балканскихъ государствахъ,—но только тенденціозная близорукость можетъ утверждать, что изъ династическихъ интересовъ способны выростать народныя войны. Дѣйствительное соотношеніе вещей совершенно обратное: когда народная война является логическимъ послѣдствіемъ историческихъ предпосылокъ, династическій интересъ требуетъ подчиненія народной волѣ. Это, вѣроятно, и имѣлъ въ виду Фердинандъ Болгарскій, говоря приписываемыя ему французскими газетами слова: «Если бы я противился войнѣ, я навѣрно лежалъ бы головой на тротуарѣ».

Возможно, однако, что французской соціалистической партіей руководили и строго утилитарныя соображенія. Опасаясь европейскаго пожара, она рѣшила оказать давленіе на «буржуазное правительство», миролюбію котораго она вполнѣ неосновательно не довѣряла, и противупоставить колеблющейся и разъединенной оффиціальной Европѣ—пролетаріатъ, объединенный твердой рѣшимостью во что бы то ни стало помѣшать вооруженному столкновенію великихъ державъ. Чтобы создать въ пролетарскихъ массахъ нужное настроеніе, чтобы зажечь ихъ, чтобы внести въ ихъ дѣйствія maximum воодушевленія, казалось цѣлесообразнымъ представить грозящую войну,—а вмѣстѣ съ ней и ея источникъ, балканскій конфликтъ,—какъ порожденіе реакціонныхъ силъ и мутныхъ классовыхъ интересовъ, какъ плодъ преступныхъ махинацій привычныхъ враговъ пролетаріата. И такъ какъ при этомъ восточныя дѣла, далекія и малознакомыя, и національный вопросъ, столь больной на Востокѣ, столь ничтожный во Франціи, ничуть не затрагивали ихъ,—то они и переусердствовали. Этотъ избытокъ усердія вполнѣ обнаружился на собраніи интернаціональнаго соціалистическаго бюро. Здѣсь французскіе делегаты, Жоресъ и Вальянъ, встрѣтились съ

лидеромъ австрійской соціалистической партіи, Адлеромъ, и ознакомились изъ его рѣчи съ совершенно иной интерпретаціей балканскихъ событій. Вотъ существенныя мѣста рѣчи Адлера, цитируемыя мною по французскому переводу, помѣщенному въ Humanité: «Балканская война ожидалась въ теченіе десятилѣтій. Нѣтъ нужды указывать на ея причины—онѣ извѣстны всѣмъ. Она стала неизбѣжной вслѣдствіе пробужденія національнаго духа у балканскихъ народовъ, и вслѣдствіе ихъ стремленія къ территоріальному расширенію; оба эти явленія соотвѣтствуютъ естественной тенденціи европейской исторической эволюціи. Форма, въ которой это національное пробужденіе нашло свое выраженіе, можетъ оскорблять наши чувства; тѣмъ не менѣе передъ нами фактъ, съ которымъ мы принуждены считаться. Нѣкоторые изъ нашихъ друзей, предвидя возможныя послѣдствія войны, были бы рады, если бы она была отсрочена до того дня, когда пролетаріатъ оказался бы достаточно сильнымъ, чтобы оказать дѣйствительное вліяніе на ходъ событій. Вмѣстѣ съ тѣмъ они полагали, что война будетъ непродолжительна, и окончится побѣдой турокъ. Событія разсѣяли эти иллюзіи; Турція слабѣе, а балканскія государства сильнѣе, чѣмъ предполагалось. Даже наша австрійская дипломатія, несмотря на свою реакціонность и свою отсталость, принуждена была признать, что съ statu quo приходится распроститься. Необходимо признать героизмъ, проявленный балканскими народами. Вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ стремленіе къ національному расширенію (expansion nationale), если оно и не заслуживаетъ нашихъ симпатій, должно быть признано согласнымъ съ исторической эволюціей. Мы желаемъ, чтобы всѣми народами достигнута была автономія; мы только не хотимъ, чтобы осуществленіе ея было связано съ потоками пролитой крови».

Какъ видите, это совершенно иной взглядъ на вещи. Какъ соціалистъ, человѣкъ гуманитарно-общественнаго идеала и представитель класса, борющагося за свою эмансипацію, Адлеръ въ сущности чуждъ цѣлямъ національныхъ движеній и не симпатизируетъ формамъ, принятымъ ими въ конкретныхъ условіяхъ Балканскаго полуострова. Но онъ признаетъ право каждой народности на автономію, считаетъ пробужденіе національнаго духа и стремленіе національности образовать одно государственно-территоріальное цѣлое естественнымъ и стоящимъ въ согласіи съ характеромъ исторической эволюціи. Онъ даже находитъ, что въ условіяхъ Балканскаго полуострова война должна была явиться необходимымъ результатомъ пробужденія національнаго духа.

Довольно трудно было объединить въ одной резолюціи взгляды

Адлера и французскихъ делегатовъ. Въ концѣ концовъ получилась компромиссная редакція, сшитая бѣлыми нитками. «Соціалистическое интернаціональное бюро признаетъ дѣйствительность основаній, вслѣдствіе которыхъ народы Балканскаго полуострова стремятся къ независимости и къ гарантіямъ, необходимымъ для всѣхъ элементовъ полуострова. Но оно убѣждено, что эта великая цѣль могла быть достигнута безъ войны, безъ пролитія крови, безъ экономическаго разоренія, если бы задача не была искажена династическими притязаніями главъ балканскихъ государствъ и интригами великихъ державъ. Усилія Турціи, направленныя къ ея возрожденію, были парализованы маневрами, цѣль которыхъ — превратить балканскіе народы въ вассаловъ».

Отъ французской точки зрѣнія осталось, такимъ образомъ, немного: указаніе на «династическія притязанія», исказившія задачу, въ пользу возможности миролюбиваго разрѣшенія которой не приведено, однако, ни одного соображенія, кромѣ условнаго убѣжденія интернаціональнаго бюро. Если бы великія державы не интриговали!.. Но мало ли что было бы возможно, если бы не было того, что есть. Именно потому, что существующее существуетъ, что великія державы, сорокъ лѣтъ занимаясь македонскимъ вопросомъ, не могли или не хотѣли разрѣшить его въ интересахъ македонскаго населенія, предпочитая имъ свои собственные,—именно поэтому балканскіе народы и рѣшились форсировать событія и собственными усиліями разрубить новый гордіевъ узелъ. Таковъ вѣдь генезисъ войны. Поведеніе Европы, не обнаружившей способности разрѣшить македонскій вопросъ, и нежеланіе Турціи, даже въ періодъ господства младотурокъ, пойти на встрѣчу законнымъ требованіямъ національностей — вотъ та конкретная обстановка, въ которой союзниками рѣшалась конкретная же задача. И такъ какъ ее не удавалось рѣшить безъ обращенія къ оружію, и такъ какъ не существовало гарантій разрѣшенія ея въ будущемъ, союзники и прибѣгли къ этой ultimo ratio. Ихъ образъ дѣйствій вытекалъ изъ условій дѣйствительности. Французскіе соціалисты, упрекая ихъ въ варварствѣ, шовинизмѣ и реакціонныхъ побужденіяхъ и утверждая, что задача могла быть рѣшена инымъ путемъ, исходили или изъ *своихъ* практическихъ нуждъ, или изъ совершенно абстрактныхъ положеній, приложимость которыхъ къ данной конкретной обстановкѣ не была провѣрена. Очевидно, что для безпристрастнаго наблюдателя точка зрѣнія французскихъ соціалистовъ по отношенію къ балканскимъ событіямъ не могла казаться ни убѣдительной, ни внутренно цѣнной.

Наибольшее сочувствіе дѣлу балканскихъ государствъ проявили

во Франціи правыя партіи и ихъ пресса. Основанія этой симпатіи въ различныхъ группахъ были различны, иногда курьезны. Роялистская Action Française видитъ въ боевой готовности Болгаріи аргументъ въ пользу возстановленія королевской власти во Франціи. Приписывая побѣды болгарской арміи всецѣло Фердинанду, объясняя даже заключеніе союза балканскихъ государствъ дипломатической ловкостью «умнѣйшаго изъ королей», роялистская газета указывала на его французское происхожденіе и спрашивала: если король съ французской кровью въ жилахъ могъ поднять маленькую варварскую страну на такую высоту, то чего не достигъ бы король на тронѣ Франціи?.. Какъ видите, это вывернутая на изнанку соціалистическая точка зрѣнія. Для соціалистовъ восточная война—дѣло жадныхъ до власти и до территорій королей; для роялистовъ побѣды союзниковъ вообще и болгаръ въ частности—плодъ ума и другихъ достоинствъ все тѣхъ же королей. Для тѣхъ и для другихъ народы балканскихъ государствъ, какъ факторы борьбы и побѣды, не существуютъ.

Націоналисты, съ Patrie и Рошфоромъ во главѣ, самымъ рѣшительнымъ образомъ стали на сторону балканскихъ государствъ. Въ цѣломъ рядѣ по обыкновенію блестящихъ статей Рошфоръ пропагандировалъ симпатіи къ конфедераціи, и презрѣніе къ туркамъ, ибо:

«Les Turcs ont passé là,
Tout est ruine et deuil»—

какъ говоритъ Викторъ Гюго.

Рошфоръ до сихъ поръ остается однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ газетныхъ писателей Франціи, сравнивать съ которымъ можно, быть можетъ, лишь одного Жореса. Если оставить въ сторонѣ идейное содержаніе ихъ писаній, пальма первенства, на мой взглядъ, должна быть отдана Рошфору. Онъ изумляетъ ясностью и законченностью мысли каждой отдѣльной статьи, яркостью и сжатостью изложенія, блескомъ и красотой языка, ѣдкой терпкостью сарказма. Это громадная литературная сила, потерявшая всякое политическое вліяніе не только потому, что Рошфоръ отказался отъ правящаго большинства, но и потому, что общая концепція его идей не имѣетъ никакой внутренней цѣлости. Старый революціонеръ не смогъ, конечно, освободиться отъ насквозь пропитавшихъ не только его мозгъ, но и его кровь и плоть, революціонныхъ идей, и тѣмъ болѣе—отъ своего революціоннаго темперамента. Но къ нимъ примѣшались воинствующій націонализмъ въ его французской формѣ, антисемитизмъ и личная ненависть къ вождямъ третьей республики,

бывшимъ товарищамъ и ученикамъ Рошфора. Получилась амальгама, лишенная идейнаго значенія, и публицистика Рошфора потеряла вѣсъ, тѣмъ болѣе, что на ней лежитъ печать злобнаго, раздраженнаго больного самолюбія. Поэтому и антитурецкая, антиавстрійская и славянофильская позиція, занятая имъ и газетой, «украшеніемъ» которой онъ служитъ, не имѣла общественнаго авторитета.

Другое надо сказать о позиціи, занятой роялистской и реакціонной газетой Echo de Paris, благодаря появлявшимся въ ней статьямъ графа де-Менъ, вліятельнѣйшаго члена правой, къ мнѣніямъ котораго по иностраннымъ вопросамъ прислушивается вся палата, и всякое республиканское правительство. Де-Менъ тоже частью принялъ соціалистическую точку зрѣнія. Онъ тоже сблизилъ дѣло Балканскаго союза съ дѣломъ Россіи, и разсматривалъ балканское столкновеніе въ свѣтѣ австро-русскаго антагонизма, который является однимъ изъ выраженій другого, болѣе обширнаго антагонизма, раздѣляющаго тройственный союзъ и тройственное соглашеніе. Исходя отсюда въ дѣлѣ опредѣленія обязательной для Франціи линіи поведенія, де-Менъ доказывалъ, что Франція не должна и не можетъ имѣть иной политики въ балканскомъ и европейскомъ вопросахъ, кромѣ политики, вытекающей изъ ея союза съ Россіей. Поддержка Россіи въ европейскомъ конфликтѣ, поддержка балканскаго союза въ балканскомъ конфликтѣ, вытекаетъ, по мнѣнію де-Мена, изъ жизненныхъ интересовъ Франціи, которые будутъ поражены въ самомъ корнѣ въ случаѣ торжества Германіи и ея притязаній на востокѣ. Въ концертѣ французскихъ голосовъ голосъ де-Мена взялъ одинъ воинственную ноту.

На французское правительство, на политику республики она вліянія не оказала по двумъ причинамъ. Де-Менъ оказался руссофиломъ, и воинственнымъ руссофиломъ, въ большей степени, чѣмъ русское правительство;—и воинственная позиція консервативнаго депутата не встрѣтила никакой симпатіи въ буржуазно-республиканскихъ кругахъ. Le Radical, напр. писалъ: «нѣтъ и не можетъ существовать такого договора, который позволилъ бы бросить Францію въ бойню изъ-за интересовъ Россіи на балканскомъ полуостровѣ». Договоры, соединяющіе Францію съ Россіей, не опубликованы. Поэтому вопросъ, *обязана* ли Франція поддержать Россію въ возможной войнѣ по поводу балканскаго конфликта, рѣшался французской прессой безъ твердаго фактическаго основанія. Можетъ быть и обязана. Тѣмъ не менѣе изъ газетной полемики по этому вопросу съ полной очевидностью выяснилось, что французское общественное мнѣніе противъ такой «войны по обязательству». Конечно, не въ интересахъ Франціи позволить раздавить сво-

его союзника; не въ интересахъ Франціи то «торжество германизма», о которомъ писалъ де-Менъ. Но такъ какъ съ другой стороны французское общественное мнѣніе требовало мира во что бы то ни стало, то этими двумя факторами, наряду съ учетомъ дѣйствительныхъ интересовъ Франціи, и опредѣлилась линія поведенія французскаго правительства, развернувшаго всѣ свои силы, чтобы устранить возможность европейскаго конфликта и найти способы избѣжать остраго противупоставленія интересовъ тройственнаго соглашенія интересамъ тройственнаго союза. Отсюда и вытекала роль мирнаго посредника, взятая на себя кабинетомъ Пуанкарэ.

Оказала ли на образъ дѣйствій поведеніе французскаго правительства реальное вліяніе та кампанія въ пользу европейскаго мира, которую провели французскіе синдикалисты и соціалисты? Ставя этотъ вопросъ, я имѣю въ виду не заявленія миролюбія, сдѣланныя французскимъ пролетаріатомъ, а ту особую форму, которую имъ придали. Какъ извѣстно, во всей Европѣ пролетаріатъ демонстрировалъ въ пользу мира, и резолюція Базельскаго интернаціональнаго соціалистическаго конгресса нашла навѣрное сочувственный отзвукъ не въ однихъ пролетарскихъ сердцахъ. Но французскій соціализмъ и французскій синдикализмъ—одинъ изъ всѣхъ соціалистическихъ европейскихъ партій,—присоединилъ къ этому протесту угрозу гражданской войны въ моментъ мобилизаціи. На объявленіе войны правительствомъ онъ обѣщалъ отвѣтить революціей. Какъ писалъ Жоресъ въ Humanité, пролетаріатъ не имѣетъ основанія довѣрять миролюбію буржуазіи и буржуазнаго правительства; поэтому на него слѣдуетъ оказать давленіе путемъ угрозы революціей. Конечно, по мысли вождей соціалистическаго и синдикалистскаго движенія, эта угроза не должна была имѣть исключительно словесный характеръ: слова обязывали на дѣйствіе—грозя, соціалисты и синдикалисты предполагали исполнить свою угрозу. Любопытно,что это крайнее рѣшеніе приняла изъ всѣхъ европейскихъ соціалистическихъ партій самая слабая и малочисленная, французская, число зарегистрированныхъ членовъ которой не превышаетъ 60.000 человѣкъ, и изъ всѣхъ экономическихъ національныхъ организацій—только французская конфедерація труда, тоже занимающая послѣднее мѣсто, по численности членовъ и величинѣ накопленныхъ капиталовъ, въ ряду экономическихъ рабочихъ организацій западноевропейскихъ великихъ державъ. Можно думать, что онѣ хотѣли возмѣстить недостатокъ дѣйствительной силы и дѣйствительнаго вліянія энергіей угрозъ и крайностью средствъ. Но, конечно, тутъ сказалось и вліяніе двухъ

другихъ факторовъ: революціонной традиціи французскаго пролетаріата и господства въ его средѣ анархо-синдикалистскихъ идей. Для синдикалистовъ государство есть только форма организованнаго насилія буржуазіи надъ пролетаріатомъ. Родина—пустой звукъ. «У пролетаріата нѣтъ родины», пишетъ конфедерація въ своемъ первомъ манифестѣ противъ войны. Соціальная жизнь представляется синдикализму исключительно какъ борьба классовъ, кромѣ которыхъ не существуетъ иныхъ, самостоятельныхъ отъ нихъ общественныхъ силъ и организацій. «Война есть одна изъ формъ угнетенія пролетаріата; она всегда направлена противъ него. Поэтому и на объявленіе войны работники должны отвѣтить объявленіемъ всеобщей революціонной забастовки».

Эта концепція гласно оспаривается въ рядахъ соціалистической партіи только французскими марксистами. Жоресъ, какъ и «старикъ съ славнымъ революціоннымъ прошлымъ», Вальянъ, быть можетъ—чтобы не отдалить партію отъ массы пролетаріата, организованнаго въ синдикатъ, быть можетъ—по нѣкоторому внутреннему влеченію къ революціоннымъ средствамъ, высказываются согласно съ революціонными синдикалистами. Такимъ образомъ почти весь французскій пролетаріатъ устами своихъ политическихъ и экономическихъ руководителей выразилъ намѣреніе въ моментъ начала войны начать внутреннюю междуусобицу, саботировать мобилизацію, дезорганизовать защиту страны.

Оказали ли эти угрозы вліяніе на образъ дѣйствій французскаго правительства? Увеличили ли его энергію въ дѣлѣ сохраненія европейскаго мира? Да и вообще, могутъ ли онѣ удержать Францію отъ войны, если силой обстоятельствъ она будетъ поставлена въ критическое положеніе?

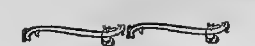
Отвѣтъ на этотъ вопросъ стоитъ въ зависимости отъ другого: является ли угроза революціей въ случаѣ объявленія войны объективно дѣйствительной, реальной угрозой, или нѣтъ? Иначе: французскій пролетаріатъ, хотя бы тотъ, который входитъ въ конфедерацію труда, дѣйствительно ли одушевленъ рѣшимостью выполнить угрозу своихъ вождей? Цѣну революціоннымъ заявленіямъ Жореса и Вальяна съ одной стороны, Жуо и Иветто, съ другой придаетъ не то обстоятельство, что онѣ были поддержаны и одобрены на конгрессахъ партіи, а наличность рѣшимости рабочихъ массъ воспользоваться даже такимъ моментомъ національной опасности, какимъ является война съ Германіей, чтобы начать внутреннюю войну за соціальный переворотъ. Есть ли такая рѣшимость? Вожди конфедераціи утверждаютъ, что есть. Люди, непринадлежащіе къ конфедераціи, отрицаютъ ее. Но утвержденія и от-

рицанія голословны. Нѣкоторое фактическое основаніе для рѣшенія вопроса дается, однако, неудачей той предварительной двадцати-четырехъ часовой забастовки, которая была назначена конфедераціей на 16-ое декабря, въ цѣляхъ «перваго предостереженія» республикѣ.

Двадцати-четырехъ часовая забастовка, долженствовавшая показать единодушное отвращеніе пролетаріата къ войнѣ и предупредить правительство о готовности его выполнить сдѣланныя угрозы, потерпѣла полную неудачу. Въ Парижѣ въ этотъ день бастовало очень много строительныхъ рабочихъ и значительное большинство шоферовъ; нѣсколько трамваевъ, у служащаго персонала которыхъ идетъ застарѣлая борьба съ патронами; нѣсколько частныхъ заводовъ и мастерскихъ. По множеству производствъ число появившихся рабочихъ было меньше, чѣмъ въ обыкновенные послѣпраздничные дни (16-ое дек. былъ понедѣльникъ). Въ провинціи значительное число стачечниковъ наблюдалось лишь въ Сѣверномъ каменноугольномъ районѣ. Вообще же пролетаріатъ на призывъ конфедераціи не отвѣтилъ. Отсюда можно заключить съ нѣкоторымъ основаніемъ, что на призывъ гораздо болѣе отвѣтственной «революціонной забастовки» въ случаѣ войны отвѣтило бы еще гораздо меньшее число рабочихъ; къ саботажнымъ и инымъ «антипатріотическимъ» дѣйствіямъ приступили бы, вѣроятно, лишь единицы, такъ какъ существуетъ громадное различіе между невиннымъ произнесеніемъ страшныхъ словъ и угрозъ въ мирное время, и приведеніемъ ихъ въ исполненіе, когда это равносильно переходу на сторону національнаго врага.

Если, поэтому, до 16-го декабря правительство республики и могло придавать нѣкоторое значеніе угрозамъ крайней лѣвой, то послѣ этого дня оно должно было понизить оцѣнку ихъ серьезности. Перемѣнило ли оно свою миролюбивую политику на болѣе агрессивную? Нѣтъ. Слѣдовательно—его миролюбивая политика была обусловлена не страхомъ пролетарской революціи, а иными причинами, вскрыть которыя я старался въ настоящемъ письмѣ, и изъ которыхъ главная—глубокое миролюбіе сытой, дѣловой, изнѣженной, культурной, любящей спокойствіе, порядокъ и личную безопасность французской буржуазіи.

Бѣлоруссовъ.

НОВАЯ КНИГА И. И. МЕЧНИКОВА.

И. И. Мечниковъ. Сорокъ лѣтъ исканій раціональнаго міровоззрѣнія Москва. 1913.

Мы, читающая русская публика, съ благодарностью встрѣчающая все, что выходитъ изъ-подъ пера знаменитаго ученаго и талантливаго писателя, должны особенно горячо привѣтствовать появленіе новаго произведенія, такъ непритязательно названнаго имъ *«сорокалѣтними исканіями»*. Наша современная литература не такъ-то богата книгами, трактующими о значеніи научнаго міровоззрѣнія и его роли въ современной культурѣ. Новая книга И. И. Мечникова представляетъ сборникъ девяти этюдовъ, появившихся въ различное время, за этотъ сорокалѣтній періодъ. Авторъ подвергъ строгому отбору все, имъ за это время напечатанное, и предлагаетъ читателю только то, что сохранило полное значеніе, такъ какъ вопросы, здѣсь затронутые, не изъ числа такихъ, содержаніе которыхъ исчерпывается или кореннымъ образомъ измѣняется за какіе-нибудь полъ-вѣка.

Цѣль жизни и страхъ смерти, мѣняющіяся воззрѣнія на «человѣческую природу», задачи воспитанія, основы раціональной этики, борьба за существованіе въ человѣческомъ обществѣ, взаимное отношеніе между наукой теоретической и наукой прикладной, роль науки, какъ культурнаго начала, ея защита отъ несправедливыхъ нападокъ моралистовъ, уже осуществленныя завоеванія экспериментальной медицины и раскрываемыя ею широкія перспективы въ будущемъ, словомъ—рядъ коренныхъ вопросовъ изъ области медицины, антропологіи и раціональной этики, неизмѣнно разсматриваемыхъ съ объективной точки зрѣнія современной науки не только знакомымъ съ ея методами и завоеваніями, но однимъ изъ признанныхъ ея двигателей и человѣкомъ широко начитаннымъ въ смежныхъ областяхъ знанія, все это ручается за глубокій и разносторонній интересъ содержанія книги.

Но, можетъ быть, главную цѣнность книги представляетъ живое, вращающееся на животрепещущихъ вопросахъ современности «Вступленіе». Авторъ на первой же страницѣ ставитъ вопросъ: точно ли раціональное міровоззрѣніе, являющееся результатомъ этихъ исканій, соотвѣтствуетъ истинѣ или «не должно ли это міровоззрѣніе, основанное на началахъ строгаго позитивизма и откровеннаго «агностицизма», уступить одному изъ новѣйшихъ теченій человѣческой

мысли, стремящихся проникнуть за предѣлы опытнаго познаванія» Авторъ перебираетъ, одну за другою, самыя типическія попытки подобнаго рода и, сохраняя полную объективность, не подводя даже итоговъ, оставляетъ въ умѣ читателя убѣжденіе въ ихъ полной несостоятельности и, слѣдовательно, въ правильности своей исходной точки зрѣнія. Вотъ одна за другою эти современныя попытки разрѣшать вопросы, передъ которыми останавливается положительное знаніе.

Думаютъ, что явленія спиритизма докажутъ существованіе нематеріальнаго духовнаго міра, оставленнаго точной наукой безъ изслѣдованія. «Но за послѣдніе годы акціи спиритовъ значительно понизились». «Недавно Парижское Психологическое Общество, очень озабоченное выясненіемъ явленій, считающихся спиритическими, пригласило для ряда сеансовъ извѣстную неаполитанку Эузаннію Паладино, считающуюся чуть не самымъ чувствительнымъ медіумомъ. Когда она была уличена въ мошенничествѣ, то одинъ изъ ея ревностнѣйшихъ поклонниковъ, всегда усердно защищавшій ее, долженъ былъ признать обманъ, но оправдывалъ ее утомленіемъ. По его мнѣнію въ прежніе годы Эузаннія «дѣйствительно проявляла удивительную способность къ медіумическимъ явленіямъ, но въ старости она ослабѣла и для поддержанія своей репутаціи должна была прибѣгать къ уловкамъ и плутовству. Разумѣется подобная аргументація никого не могла убѣдить» [1]).

Извѣстный физикъ Лоджъ и его французскій переводчикъ, откровенно сознаваясь что ихъ симпатіи склоняются въ сторону спиритизма, добросовѣстно не признаютъ убѣдительной силы за всѣмъ, что приведено до сихъ поръ въ его защиту. «Американскій философъ Джемсъ [2]) былъ настолько убѣжденъ въ возможности сообщеній съ загробнымъ міромъ, что обѣщалъ послѣ смерти найти способъ духовнаго общенія со своими друзьями. Онъ однако же до сихъ поръ не выполнилъ своего обѣщанія».

Кого не удовлетворяетъ спиритизмъ, тѣ ищутъ убѣжища въ

---

[1]) Къ приводимому И И. Мечниковымъ, могу прибавить еще слѣдующій какъ бы дополнительный случай. Въ 1911-мъ году Американское Общество психологическихъ изслѣдованій опубликовало результаты наблюденій четырехъ своихъ членовъ надъ медіумомъ, на этотъ разъ—молодой особой 22-хъ лѣтъ (имя которой скрывается подъ псевдонимомъ). Изслѣдователи сознаются, что все оказалось плутней (trickery), но тутъ же единогласно свидѣтельствуютъ, что полнѣйшая добросовѣстность этой особы не подлежитъ сомнѣнію; «обманывало ея подсознательное я». Изслѣдованію посвященъ томъ въ 660 страницъ. «Стоило того!» лаконически замѣчаетъ критикъ «Nature», откуда я заимствую этотъ фактъ.

[2]) Которому, помнится, одинъ русскій психологъ ставилъ въ заслугу его критическое отношеніе къ наукѣ и довѣріе къ спиритизму.

метафизикѣ. Уважаемый авторъ останавливается на самыхъ модныхъ философахъ—на томъ же Джемсѣ, на Эйкенѣ (получившемъ даже нобелевскую премію) и особенно на Бергсонѣ. Тѣхъ, кто страдаетъ «тоской по вѣрѣ», конечно не могъ удовлетворить слишкомъ практическій «прагматизмъ» Джемса, не берущагося рѣшить, «какой сортъ религіи можетъ въ концѣ концовъ дать наилучшій результатъ». Въ свою очередь Эйкенъ не довольствуется «простой природой», не мирится со скромной долей «простого естественнаго существа» [1]). Ему необходимо слиться съ «самодвижущимся всецѣлымъ». «Я однако не думаю,—скромно замѣчаетъ нашъ авторъ,—чтобы люди, привыкшіе къ точному мышленію, неохотно запутывающіеся въ туманныхъ общихъ построеніяхъ, согласились слѣдовать Эйкену. «Вѣдь никто не знаетъ, что такое это всецѣлое и что значитъ сліяніе съ нимъ, что нужно дѣлать, чтобы вступить на его путь». Бергсонъ—метафизикъ чистѣйшей воды; мода на него все еще растетъ. Въ Collège de France, по словамъ И. И. Мечникова, отъ напора публики бьются стекла входныхъ дверей [2]). Главная основа его философіи сводится къ преимуществу интуиціи предъ разумомъ. Для того, чтобы дать просторъ интуиціи, «умъ долженъ сдѣлать насиліе надъ собою». Съ одной стороны эта интуиція сродни «слѣпому инстинкту», а съ другой стороны—она служитъ для поднятія разума до степени наивысшаго сознанія (supraconscience) [1]).

[1]) Главный аргументъ въ пользу «непростоты» или, говоря проще сверхъестественности человѣка нѣмецкій философъ видитъ въ таинственности человѣческаго творчества. Но если бы онъ ознакомился съ тѣмъ, что говоритъ по этому поводу Гельмгольцъ въ своемъ этюдѣ о Гете, онъ увидалъ бы, что фактъ этотъ подчиняется естественному анализу.

[2]) Прошлогодняя tournée Бергсона въ Англію была одна изъ great attractions сезона, но вызвала со стороны людей, застрахованныхъ отъ метафизической эпидеміи, должный отпоръ. Элліотъ (извѣстный, какъ издатель писемъ Милля) выпустилъ остроумный томикъ: «Современная наука и заблужденія профессора Бергсона», 1912, съ еще болѣе остроумнымъ предисловіемъ сэра Рея Ланкестера.

[3]) Невольно напрашивается сравненіе съ Гартманомъ и его безсознательнымъ=сверхсознательному. Каждый разъ, когда на метафизическомъ горизонтѣ восходитъ новое свѣтило, его поклонники кричатъ о чемъ-то небываломъ. Только тѣ, кто на своемъ вѣку видѣли и восхожденія, и закаты этихъ свѣтилъ, относятся къ дѣлу трезвѣе. Кто увлекается теперь Гартманомъ? А тѣ кто помнятъ шумъ, сопровождавшій появленіе его совершенно новой философіи, которая, по словамъ ея автора, представляетъ Speculative Resultate nach inductiv-naturwissenschaftlicher Methode? Можно относиться хладнокровно и къ небывалымъ будто бы тріумфамъ Бергсона. Его тактика очень проста. Идея эволюціи, вытѣснившая идею «творенія» и ставшая чуть не господствующей въ современномъ раціональномъ міровоззрѣніи, не можетъ быть терпима метафизикой, отъ нея нужно отдѣлаться

И Бергсонъ, подобно Эйкену, поясняетъ сущность своей интуиціи родствомъ ея съ творчествомъ, при чемъ ссылается на музыкальную композицію, какъ на высшее свободное проявленіе творческаго взмаха (élan créateur). Это подаетъ И. И. Мечникову поводъ напомнить, что по своему происхожденію музыкальный геній составляетъ вторичный и притомъ спеціально мужской половой признакъ; стоитъ вспомнить пѣніе соловья. Если вѣрить восторженнымъ поклонникамъ Вагнера, тѣмъ же онъ остался и въ творчествѣ этого музыкальнаго генія. Сообщая разсказъ о томъ, при какой обстановкѣ Вагнеръ только могъ творить своего «Тристана и Изольду», нашъ авторъ идетъ еще дальше и почти съ безаровской прямолинейностью предлагаетъ гипотезу о роли въ музыкальномъ творчествѣ «гормоновъ», этихъ удивительныхъ веществъ, такъ безцеремонно вторгающихся и въ человѣческую психику, но съ тонкой ироніей спѣшитъ оговориться: «интуитивный характеръ этой гипотезы нисколько не гарантируетъ ея вѣрности» [1]).

Нашъ уважаемый ученый не ограничился однимъ впечатлѣніемъ, выносимымъ изъ чтенія произведеній Бергсона: онъ ходилъ его слушать въ Collège de France, несмотря на то, что откровенно сознается: «языкъ Бергсона мнѣ просто не по силамъ». «Я спрашивалъ нѣсколькихъ лицъ изъ числа посѣтителей этого курса метафизики, достаточно ли они понимаютъ содержаніе лекцій. Всѣ безъ исключенія признались, что нѣтъ». Нашъ авторъ возбуждаетъ вопросъ: что же гонитъ этихъ людей въ эту аудиторію; мода и нѣкоторый снобизмъ? Нѣтъ, по мнѣнію автора, а скорѣе потребность въ утѣшеніи отъ горестей жизни. Между тѣмъ профессіональная религія *уже* не удовлетворяетъ многихъ; наука же *еще* не дошла

во что бы то ни стало. Придумывается évolution créatrice, потомъ ее можно будетъ подмѣнить какой-нибудь création évolutive, а тамъ отбросить évolutive—и у озадаченнаго читателя или слушателя останется въ рукахъ création вмѣсто évolution. На языкѣ фокусниковъ такой пріемъ называется форсировать карту.

[1]) Впрочемъ, да не подумаетъ читатель, что шутливый тонъ, которымъ заканчиваетъ И. И. это разсужденіе, дѣйствительно подрываетъ значеніе его гипотезы. Глей, профессоръ физіологіи въ Collège de France, изложивъ поразительные факты о роли веществъ щитовидной железы и другихъ гормоновъ, совершенно серьезно заключаетъ: «Происхожденіе и отправленіе высшихъ способностей человѣка обусловливается здѣсь чисто химическимъ дѣйствіемъ выдѣлительной железы. Психологи, подумайте объ этомъ!» (Gley, «Le neovitalisme et la physiologie générale», «Revue Scientifique», 1911, 9).

до этого удовлетворенія [1]). А такое утѣшеніе можетъ доставить приписываемое Бергсону метафизическое доказательство существованія независимой отъ тѣла души и наличности творческаго духа.

Однако, когда въ присутствіи И. И. Мечникова Бергсону задали категорическій вопросъ о безсмертіи души и о смерти, то онъ въ концѣ концовъ отвѣтилъ: «Я увѣренъ въ существованіи души и думаю, что безсмертіе ея возможно и даже вѣроятно (possible et même probable), но дальше этого я не иду. Быть можетъ со временемъ, когда я глубже проникну въ сущность вопроса, я буду въ состояніи дать болѣе опредѣленный отвѣтъ». О смерти онъ тоже отозвался, что до сихъ поръ очень мало думалъ о ней, но со временемъ займется этимъ вопросомъ и считаетъ смерть «очень интереснымъ экспериментомъ».

Не получивъ ни у спиритовъ, ни у метафизиковъ отвѣта на тѣ вопросы, «передъ которыми останавливается положительное знаніе», Илья Ильичъ обращается къ литератору—Метерлинку, притомъ литератору, получившему нобелевскую премію, оговариваясь, что самъ не придаетъ этому обстоятельству особаго значенія. И у Метерлинка нашъ искатель нашелъ и хорошее, и новое, но только хорошее было не ново; оно было тоже, что дало ему и его раціональное міровоззрѣніе—а новое было не хорошо, т. е. не заключало того, съ чѣмъ могли бы согласиться люди, привыкшіе къ научному мышленію.

Конечно, этотъ по необходимости краткій, конспективный обзоръ «новыхъ теченій» не можетъ дать понятія о томъ строго безпристрастномъ, глубоко добросовѣстномъ, вдумчивомъ отношеніи, которое обнаруживаетъ авторъ «вступленія», не разстающійся въ то же время съ привычкой ученаго изслѣдователя—цѣнить только степень достовѣрности факта или убѣдительности аргументаціи разсматриваемаго ученія.

Убѣдившись, что ни одно изъ «новыхъ теченій» не вноситъ какой-нибудь поправки, чего-нибудь такого, что можетъ измѣнить основныя посылки его «раціональнаго міровоззрѣнія», авторъ рѣшается предложить читателю рядъ своихъ этюдовъ по самымъ широкимъ вопросамъ раціональнаго міропониманія и раціональной

[1]) Едва ли это объясненіе примѣнимо въ широкихъ предѣлахъ. Рабочіе классы Германіи въ общемъ, вѣроятно, болѣе нуждаются въ утѣшеніи, чѣмъ англійскія аристократки. Но у первыхъ въ милліонахъ экземпляровъ расходятся произведенія Геккеля, а на послѣднихъ, переполнявшихъ аудиторію Бергсона, англійскіе консерваторы возлагаютъ надежды, какъ на оплотъ шатающейся церкви. Это на дняхъ объяснилъ въ своей защитѣ суфражистокъ лордъ Сесиль.

этики и по болѣе частнымъ вопросамъ о той помощи, о томъ реальномъ утѣшеніи, которое можетъ приносить наука въ чуть не главнѣйшихъ источникахъ страданія человѣка — въ болѣзняхъ и въ старческой немощности. Исходной точкой является съ одной стороны убѣжденіе въ несовершенствѣ человѣческой природы, какъ тѣлесной, такъ и умственной, а съ другой—въ бодрящая увѣренность, что эти несовершенства не представляютъ непреоборимаго явленія, а подлежатъ исправленію силою науки. Въ обѣихъ областяхъ—и въ борьбѣ съ тѣлеснымъ несовершенствомъ, и въ стремленіи къ осуществленію раціональной этики, понимаемой какъ «предоставленіе наибольшему числу людей провести весь циклъ ихъ раціональнаго существованія, вплоть до естественнаго конца» [1])—онъ возлагаетъ надежду на науку, теоретическую науку, «которая одна можетъ вывести человѣка на истинную дорогу». Руководящая идея всѣхъ этюдовъ—одна и та же, и если въ нихъ встрѣчаются нѣкоторыя несогласія, то авторъ напоминаетъ, что это живая лѣтопись его исканій, послѣдовательные этапы по тому же пути развитія неизмѣнно раціональнаго міровоззрѣнія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ именно извѣстная отдаленность этюдовъ дѣлаетъ ихъ болѣе современными. Таковъ этюдъ, касающійся воззрѣній Л. Н. Толстого на науку. Подъ острымъ впечатлѣніемъ понесенной потери, еще увеличившимся трагической обстановкой послѣднихъ дней, все что писалось о «великомъ писателѣ земли русской» за послѣднее время отличалось однообразно повышеннымъ тономъ диѳирамба [2]). Наступила пора вспомнить, что и къ великимъ людямъ примѣнимо изреченіе: «nous devons aux morts ce que nous devons aux vivants — la vérité». Въ статьѣ Мечникова голосъ, идущій изъ прошлаго, напоминаетъ намъ объ ошибочности взгляда великаго художника на науку и ея значеніе въ человѣческой культурѣ. Въ этой статьѣ Илья Ильичъ подчеркиваетъ странное противорѣчіе между свойственнымъ образованному русскому человѣку «стремленіемъ къ идеалу» и «симпатіей, которой пользуются у него ученія, идущія противъ науки». «Быть можетъ наши мозги лишь, съ недавняго времени направленные на умственный трудъ, просто не выдерживаютъ того упорнаго и постояннаго напряженія, которое необходимо для серьезнаго занятія наукой и инстинктивно влекутъ насъ назадъ?» «Если это предположеніе справедливо, то бѣдѣ можно помочь правильной организаціей обученія и постояннымъ пріуче-

1) Не сродни ли эта формула съ предложенной утилитаріанизмомъ: «The greatest happiness of the greatest number?».

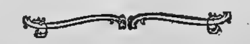
2) Припоминаю, какъ въ эти скорбные дни появилась статья, въ которой отстаивалась и вѣрность его воззрѣній на науку.

ніемъ къ упорной мозговой работѣ. Въ такомъ случаѣ можно надѣяться, что неутомимый научный трудъ, соединенный съ непреодолимымъ стремленіемъ къ идеалу, не замедлитъ принести обильные плоды».

Во всякомъ случаѣ, не инстинктомъ, а разумомъ, не спиритизмомъ или оккультизмомъ, не мистикой или метафизикой, а «благодаря своей высшей культурѣ въ состояніи человѣкъ подготовить себѣ счастливое существованіе и безстрашный конецъ»; только «при помощи науки въ состояніи онъ исправить несовершенство своей природы».

Таковъ основной выводъ, напрашивающійся при чтеніи этой книги, появленіе которой нельзя не признать очень своевременнымъ.

К. Тимирязевъ.

РОМАНТИКИ СТАРАГО РЕЖИМА.

Существуютъ двоякаго рода мечтатели: одни направляютъ взоръ въ будущее, создаютъ и обдумываютъ планы новаго устройства человѣческихъ обществъ соотвѣтственно своимъ идеаламъ; другіе ищутъ и находятъ образцы для подражанія въ прошедшемъ, превозносятъ давно исчезнувшіе нравы и порядки, проповѣдуютъ идею возврата къ преданіямъ далекой старины. Мечтатели-прогрессисты стремятся къ улучшеніямъ и преобразованіямъ, выходящимъ иногда за предѣлы реальной дѣйствительности; мечтатели-ретрограды предлагаютъ идти назадъ, къ наивнымъ временамъ счастливаго дѣтства. Одни хотятъ ускорить или обойти ходъ историческаго развитія; другіе думаютъ повернуть исторію вспять, возстановить учрежденія и понятія минувшей эпохи. «Счастливое дѣтство» оказывается, правда, только продуктомъ воображенія, но, какъ предметъ вѣры, оно не поддается разсудочной критикѣ.

Любопытные примѣры возрожденія культа старыхъ традицій можно наблюдать въ нѣкоторой части современной французской литературы. Поклонники старой монархической Франціи съ умиленіемъ изображаютъ идиллію прежняго быта, воспѣваютъ величіе королевской власти и несравненную славу ея отдѣльныхъ предста-

вителей, военные подвиги ея полководцевъ и героевъ, самобытную поэзію многообразнаго и пестраго уклада средневѣковой сословной жизни. Эти картины славнаго прошлаго, выдѣленныя изъ окружающей ихъ обстановки и освѣщенныя одностороннимъ внѣшнимъ блескомъ, производятъ сильное впечатлѣніе на умы и кажутся необыкновенно привлекательными по яркости и богатству красокъ, при сопоставленіи съ монотонною прозой новѣйшей промышленной культуры. Не только тенденціозные публицисты монархизма, но и серьезные изслѣдователи-историки поддаются этому обманчивому очарованію прошлаго и рисуютъ жизнь и дѣятельность королей, ихъ царедворцевъ и фаворитовъ, въ какомъ-то искусственномъ, слащаво-сентиментальномъ тонѣ.

Недавно вышла въ свѣтъ интересная книга Франца Функъ-Брентано о значеніи и роли короля въ древней Франціи («Le Roi», Пар., 1912). Это рядъ занимательныхъ, тщательно разработанныхъ этюдовъ, обставленныхъ массою фактическаго, литературнаго и архивнаго матеріала. Авторъ широко пользуется сохранившимися текстами старинныхъ пѣсень и народныхъ сказаній; онъ съ любовью подбираетъ обрывки свѣдѣній и цитатъ для доказательства того, что королевская власть имѣла чисто-семейный, отеческій характеръ и что по существу она была всегда благодѣтельна для народа охраняя его миръ и безопасность. Подъ защитою королей, какъ утверждаетъ Функъ-Брентано, развивалась и процвѣтала истинная гражданская свобода; даже прямые органы ихъ власти соблюдали независимость при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей и нерѣдко дѣйствовали вопреки заявленной волѣ монарха, по долгу личной совѣсти. Когда Генрихъ IV выразилъ совѣтнику парламента Тюрену желаніе, чтобы спорное дѣло было рѣшено въ пользу даннаго лица, тотъ отвѣтилъ, что сдѣлать это очень легко: пусть король самъ разберетъ и рѣшитъ дѣло по своему. Знаменитый Сюлли неоднократно отказывалъ въ своемъ согласіи на проекты короля, ссылаясь на ихъ противорѣчіе установившемуся законному порядку, и король подчинялся авторитету своего министра. При Людовикѣ XI генеральный прокуроръ парламента не соглашался провести королевскій актъ, касавшійся привилегій католической церкви, и ни приказы короля, ни угрозы папъ не могли заставить превратить спорный актъ въ законъ. Самодержавный и неограниченный въ принципѣ, король былъ поставленъ на практикѣ въ весьма тѣсныя рамки; онъ не могъ произвольно назначать и смѣнять министровъ и интендантовъ, а долженъ былъ считаться съ наслѣдственными и имущественными правами извѣстныхъ фамилій и отдѣльныхъ лицъ, какъ и съ желаніями и мнѣніями своихъ приближенныхъ; онъ не

могъ ничего сдѣлать противъ воли парламентовъ, которые въ области правосудія и законодательства ревниво оберегали свою самостоятельность и свободу дѣйствій; онъ обязанъ былъ уважать сословныя права и общественныя вольности, признавать обязательную силу обычаевъ, существовавшихъ въ различныхъ провинціяхъ страны, и поддерживать постоянное личное общеніе со всѣми классами общества. Важнѣйшей задачей короля считалось покровительство слабымъ противъ сильныхъ; въ этомъ не сомнѣвался даже такой легкомысленный правитель, какъ Людовикъ XV. По укоренившемуся народному повѣрью, король обладалъ чудодѣйственною силою исцѣленія отъ разныхъ болѣзней; «повсюду, гдѣ онъ проѣзжалъ, толпились люди, женщины и дѣти и бѣжали за нимъ три или четыре мили, стараясь прикоснуться къ его мулу или къ его одеждѣ, а прикоснувшись руками, благоговѣйно натирали ими лицо». Преданность королю и его династіи была стихійнымъ общенароднымъ чувствомъ, вытекавшимъ изъ традиціонной вѣры, а не изъ политики или принужденія. Каковы бы ни были личныя качества и слабости короля, народъ смотрѣлъ на него, какъ на «живое воплощеніе Бога на землѣ». При Людовикѣ XV, во время болѣзни дофина, парижане собирались толпами у Новаго моста, передъ статуей Генриха IV, и на колѣняхъ молились о выздоровленіи наслѣднаго принца. Теорія божественнаго права королей создана народомъ, а не богословами или консервативными доктринерами; она горячо поддерживалась представителями галликанской церкви и протестантами, но рѣшительно оспаривалась римско-католическими іерархами и іезуитами, которые доказывали происхожденіе королевской власти отъ уполномочія или избранія со стороны народа, ибо только римскій папа получаетъ свои права непосредственно отъ Бога и можетъ, поэтому, требовать подчиненія отъ короля. Въ собраніи генеральныхъ штатовъ 1614 года —послѣднихъ передъ 1789-мъ годомъ—третье сословіе единодушно домогалось формальнаго подтвержденія божественнаго права королей, въ видѣ «основного закона монархіи». Противъ этого проекта возставали чины духовенства, дворянства и даже дворъ; побѣда осталась за оппозиціею. Короли, по традиціи, были доступны для всѣхъ въ извѣстные дни; ихъ дворцы и парки были всегда открыты для публики; обыватели присутствовали при ихъ обѣдахъ, смотрѣли, какъ совершается ихъ туалетъ, обступали ихъ при выходѣ въ садъ и иногда являлись въ такомъ количествѣ, что принцамъ и придворнымъ трудно было протѣсниться; бывали случаи, что Людовикъ XIV долженъ былъ отказываться отъ своей обычной прогулки въ виду чрезмѣрнаго скопленія народа въ версальскомъ паркѣ. Однако, старинный обычай соблюдался свято, и частныя отступленія

отъ него вызывали протесты общественнаго мнѣнія; такъ, въ процессѣ Маріи-Антуанетты обвинитель Фукье-Тенвиль ставилъ въ вину королевѣ, что она «закрыла Тюльери и этимъ лишила гражданъ свободнаго прохода по дворамъ и помѣщеніямъ дворца, сохранивъ доступъ только для лицъ, снабженныхъ входными билетами». Даже въ королевскихъ тюрьмахъ заключенные, въ силу старинныхъ вольностей, пользовались такою свободою, которая уничтожала всякій смыслъ наказанія; они могли безпрепятственно заниматься тѣмъ же незаконнымъ промысломъ, изъ-за котораго подверглись преслѣдованію, и администрація была противъ этого безсильна. «Самый скромный изъ нашихъ министровъ—замѣчаетъ новѣйшій историкъ, цитируемый Функъ-Брентано,—располагаетъ несравненно болѣе многочисленными и болѣе могущественными способами дѣйствія, чѣмъ Людовикъ XIV при его абсолютизмѣ».

При старомъ режимѣ—продолжаетъ авторъ—«въ городѣ или въ деревнѣ, гражданинъ былъ независимъ отъ королевской власти, и эта независимость была полная, если не считать уплаты налоговъ, крайне незначительныхъ сравнительно съ тѣми, которые взимаются съ насъ современными нашими правителями». Король самъ по себѣ не могъ принять и провести въ жизнь никакой правительственной мѣры. Людовикъ XV говорилъ: «еслибъ я былъ лейтенантомъ полиціи, я запретилъ бы ѣзду въ кабріолетахъ»—и это изреченіе не было только парадоксомъ: король могъ смѣнить должностное лицо, но не могъ отнять у него свободу дѣйствій. Первый министръ короля, графъ Морепа, пишетъ Лозену: «мнѣ не удалось устроить ваше дѣло, потому что за васъ были только король и я». Людовикъ XV ведетъ секретную дипломатическую переписку безъ вѣдома своего министра иностранныхъ дѣлъ, взглядовъ котораго онъ не раздѣляетъ; тайна короля была разоблачена, и министръ добился удаленія и наказанія виновныхъ царедворцевъ, такъ какъ въ королевскомъ совѣтѣ онъ имѣлъ большинство на своей сторонѣ. Когда министръ запретилъ постановку «Mariage de Figaro», Людовикъ XVI сказалъ окружающимъ: «Вы увидите, что Бомарше окажется сильнѣе г. хранителя печати» и—дѣйствительно, поддерживавшее автора общественное мнѣніе заставило снять министерскій запретъ. Общественное мнѣніе играло огромную и часто рѣшающую роль въ старой Франціи, но и королевская власть была только великою моральною силою. Опираясь на вѣковыя традиціи и привязанность народа, монархія не имѣла самостоятельныхъ средствъ принудительной охраны и осталась беззащитною при наступленіи революціонныхъ событій. Въ моментъ взятія Бастиліи, 14-го іюля, все зданіе королевскаго господства рухнуло, и послѣднимъ отзву-

комъ его великой исторической славы была безумная паника, охватившая одновременно различныя мѣстности страны послѣ первыхъ извѣстій о парижской катастрофѣ. Народъ, по словамъ Функъ-Брентано, внезапно почувствовалъ себя безпомощнымъ, покинутымъ на произволъ судьбы, и онъ въ ужасѣ спасался отъ какихъ-то миѳическихъ разбойниковъ,—потому что высшій отеческій авторитетъ, воплощавшій идею государства, былъ вдругъ ниспровергнутъ.

Сплошной диѳирамбъ въ честь старой французской монархіи, какимъ представляется все «изслѣдованіе» Функъ-Брентано, не устраняетъ и не разрѣшаетъ цѣлаго ряда существенныхъ вопросовъ, вызываемыхъ вопіющими бѣдствіями и беззаконіями стараго режима. Если короли были безсильны противъ злоупотребленій своихъ приближенныхъ, то отъ этого было не легче народу; но народъ упорно вѣрилъ въ исключительное могущество королей, продолжалъ до конца приписывать имъ особую сверхъестественную власть, ожидалъ отъ нихъ помощи въ своихъ страданіяхъ и возлагалъ на нихъ всѣ свои надежды, пока, наконецъ, не раскрылось истинное положеніе дѣлъ послѣ паденія Бастиліи. Вѣра въ добрую волю и власть королей вдохновляла и тѣхъ выдающихся дѣятелей, которые думали спасти монархію при помощи своевременныхъ радикальныхъ реформъ. Этимъ реформаторамъ казалось, что практическій успѣхъ ихъ стремленій и плановъ можетъ быть обезпеченъ, если удастся убѣдить короля въ справедливости извѣстныхъ идей и въ необходимости намѣченныхъ преобразованій. Мальзербъ, при выходѣ своемъ въ отставку въ 1776-мъ году, писалъ Людовику XVI: «Причины, заставляющія министра отчаяваться въ возможности дѣлать добро, заслуживаютъ того, чтобы быть извѣстными королю, и если, находясь въ должности, я не могъ служить вамъ съ той пользой, съ какой желалъ бы, то, мнѣ кажется, въ настоящее время я могу оказать вамъ болѣе важную услугу, представивъ вамъ истинное положеніе моего управленія». Аудіенція была дана Мальзербу; выслушавъ его, король сказалъ ему съ горечью: «Вы счастливѣе меня—вы можете выйти въ отставку». Такъ же точно Тюрго, предчувствуя свое удаленіе, «старается облегчить свою совѣсть, сказавъ въ послѣдній разъ правду своему господину». Въ письмѣ отъ 30 апрѣля 1776 г. онъ говоритъ о «недостаткѣ опытности у двадцатидвухлѣтняго короля», который «не можетъ самъ судить о людяхъ и вещахъ и долженъ былъ бы по крайней мѣрѣ, вспомнить уроки предшествующаго царствованія». «Вотъ въ какомъ вы положеніи: министерство слабое и лишенное единства, всѣ умы въ броженіи, парламенты въ союзѣ со всѣми интриганами, доходы ниже расходовъ, сильнѣйшее противодѣйствіе требованіямъ

необходимой бережливости, никакой обдуманности, никакой устойчивости въ планахъ, никакой тайны въ рѣшеніяхъ королевскаго совѣта. И при этихъ обстоятельствахъ предлагаютъ вашему величеству на постъ министра такого человѣка, который не имѣетъ другихъ заслугъ, кромѣ покорности. И при такомъ положеніи дѣлъ ваше величество можете не замѣчать опасностей, которыя я показалъ вамъ съ такою наглядностью... Не забывайте, что слабость довела Карла I до эшафота» [1]). Идеалистъ Тюрго долженъ былъ уйти, и враждебные ему пустые царедворцы торжествовали. «Я ухожу съ сознаніемъ, что разсѣялась красивая мечта,—писалъ онъ своему другу, аббату Вери,—и что приходится видѣть, какъ молодой король, достойный лучшей участи, и все его королевство губятся тѣми, кто призванъ ихъ охранять». «Я имѣлъ свою мечту,—пишетъ съ своей стороны аббатъ Вери,—воображая, что Франція можетъ имѣть честное министерство, способное и единое, подъ главенствомъ графа де-Морепа... Мы потеряли самый благопріятный случай, какой встрѣчается въ исторіи для просвѣщенныхъ государственныхъ людей и патріотовъ». Въ прощальномъ письмѣ къ королю Тюрго говоритъ еще: «Я сдѣлалъ все, что считалъ своимъ долгомъ, изложивъ вамъ съ безпримѣрною откровенностью затрудненія моего положенія и мои мысли о вашемъ положеніи. Я желалъ бы, чтобы время меня не оправдало...». Тотъ же опытъ и съ такимъ же результатомъ продѣлалъ и Неккеръ. И онъ питалъ иллюзіи относительно «возможности дѣлать добро» при безраздѣльномъ владычествѣ придворной аристократіи и ея хищныхъ союзниковъ. И такой дѣловой человѣкъ и финансистъ-практикъ, какъ Неккеръ, увлекся фантастическою мечтою — дать новое направленіе старому королевскому режиму и внести свѣжій творческій духъ въ одряхлѣвшій строй, давно потерявшій свою жизненность. Неккеру пришлось пережить тѣ же горькія разочарованія, какія выпали раньше на долю Тюрго и Мальзерба [2]). Между тѣмъ Людовикъ XVI былъ человѣкъ добрый и честный, исполненный благихъ намѣреній. Самый лучшій монархъ обреченъ на безсиліе и становится невольнымъ орудіемъ въ рукахъ своекорыстной придворной клики, если онъ постоянно окруженъ льстивыми честолюбцами, карьеристами и охранниками обычнаго типа.

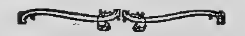
---

1) См. Revue des deux Mondes, 1 ноября 1909 г.: «Au couchant de la monarchie», маркиза Сегюра.

2) См. интересный заключительный этюдъ Сегюра о первомъ министерствѣ Неккера въ «Revue des deux Mondes» 15 декабря 1912 г.: «La chute de Necker».

Неограниченная власть французскихъ королей была только фирмою, подъ которою царило самовластіе многочисленныхъ мелкихъ и крупныхъ распорядителей, дѣйствовавшихъ такъ или иначе отъ имени монарха. Печальная фактическая исторія стараго режима даетъ слишкомъ мало матеріала для утѣшительныхъ выводовъ и обобщеній, способныхъ повліять на современные умы въ духѣ мечтательнаго историческаго романтизма. На практикѣ абсолютная монархія всегда сводилась къ безпрепятственному самовластному хозяйничанію ея слугъ; но объ этомъ большею частью старательно умалчиваютъ обычные приверженцы и любители устарѣлыхъ формулъ государственнаго строя.

Л. Слонимскій.

СЛАВЯНО-ГРЕКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1912 г.

I.

Тридцать пять лѣтъ надъ Балканскимъ полуостровомъ собирались тяжелыя тучи. Лишь отъ времени до времени, какъ зарницы, предвѣстницы надвигающейся издалека грозы, разражались отдѣльныя событія, какъ будто бы эпизодическія, не связанныя органически между собою, но въ дѣйствительности имѣвшія общую почву, созданную Берлинскимъ трактатомъ 1878 г. Жизнь не мирилась съ искусственными рамками, въ которыя ее хотѣли втиснуть, бунтовала противъ нарушенія логики, справедливости, правды и права, — не мирилась съ полумѣрами, не удовлетворялась недомолвками, рвалась на вольную волю, на просторъ естественныхъ путей, открывающихся передъ каждымъ народомъ. То румелійскій переворотъ, то братоубійственная война Сербіи съ Болгаріей, то дворцовый переворотъ въ Софіи, то трагедія въ Бѣлградѣ, стершая съ лица земли династію Обреновичей, то греко-турецкая война, то младотурецкая революція и сверженіе «кроваваго султана», то аннексія австрійцами Босніи и Герцоговины, то провозглашеніе маленькихъ княжествъ царствами и королевствами... Вотъ пестрый, странный, фантастическій калейдоскопъ событій совершавшихся на Балканскомъ полуостровѣ за послѣдніе три десятка съ половиною лѣтъ...

А на ряду съ ними, какъ общій фонъ, какъ обыденныя, будничныя явленія—стычки на границахъ между славянами и турками, не прекращавшіяся возстанія и волненія въ Албаніи и Македоніи, рѣзня христіанъ турками то тутъ, то тамъ, метаніе правительствъ изъ однихъ великодержавныхъ объятій въ другія, въ поискахъ опоры и помощи для выхода изъ ненормальнаго, тягостнаго положенія... Мало радостныхъ, безпечно-свѣтлыхъ дней пережили за это время христіанскія балканскія государства, но испытали все: и дворцовыя революціи, и междуусобныя войны, и режимъ королей «sans foi, sans loi», какъ Миланъ, и тираннію диктаторовъ, какъ Стамбуловъ, и равнодушіе друзей, и лицемѣріе враговъ, и духовное порабощеніе и экономическій гнетъ со стороны сильныхъ сосѣдей... И испытавъ все это, они тяжелымъ, кровью и страданіями купленнымъ опытомъ пришли къ сознанію, что надѣяться имъ можно только на самихъ себя, и что для борьбы съ вѣковѣчнымъ врагомъ «въ единеніи—сила». И вотъ, весною 1912 г. въ глубокой тайнѣ заключены были военные союзы сперва между Болгаріей и Сербіей, потомъ между Болгаріей и Греціей, между Сербіей и Черногоріей. Четыре христіанскихъ государства на Балканахъ объединились между собою для борьбы на жизнь и смерть за свое свободное, свѣтлое будущее, за честь, жизнь, право и достоинство своихъ соплеменниковъ-единовѣрцевъ, томящихся въ подданствѣ Турціи, за свое экономическое и культурное развитіе на благословенномъ Богомъ полуостровѣ, заглушаемое атмосферой мусульманскаго фатализма. Призраки Великой Эллады, Великой Сербіи, Великой Болгаріи поднялись съ Коссова поля, съ Моравы, изъ Ѳессаліи и потребовали конца народнымъ страданіямъ...

Итакъ, война была предрѣшена еще весною 1912-го года. Все лѣто ушло на выработку общаго плана войны, затрудненную обширностью ея театра, раздѣльностью фронтовъ, топографическими препятствіями, разнообразіемъ въ составѣ союзной арміи, каждая часть которой имѣла свою организацію, свою систему управленія, свое вооруженіе, свою степень боевой подготовки, свою финансовую мощь, наконецъ — свою верховную волю въ лицѣ *своего* государя. Все это надо было согласовать, урегулировать, объединить, надо было распредѣлить задачи и скомбинировать ихъ выполненіе. Кто знакомъ съ исторіей коалиціонныхъ войнъ, тотъ знаетъ, какъ вредно отражается на ходѣ военныхъ операцій разнодержавность арміи, дѣйствующей противъ врага, сильнаго своимъ единствомъ. Только благодаря треніямъ между союзниками, Наполеонъ могъ въ 1813—14 гг. затянуть борьбу на цѣлый годъ и вести ее съ молодою, наскоро обученною арміей, надломленною морально бѣдствен-

нымъ походомъ въ Россію. Всего этого можно было ожидать и въ настоящемъ случаѣ. Но такъ велико было сознаніе необходимости и неизбѣжности борьбы съ Турціей, такъ велика была жажда побѣды, что всѣ организаціонныя трудности были побѣждены единодушіемъ союзниковъ. Въ этомъ, и въ единеніи народныхъ массъ съ своими правительствами, былъ первый залогъ успѣха славянскаго оружія.

II.

Какими силами располагали для войны союзныя балканскія государства и что могла имъ противопоставить Турція?

Болгарская армія ведетъ свое начало отъ 6 дружинъ болгарскаго ополченія, сформированнаго въ 1877 г. при русской Дунайской арміи и сразу же проявившаго высокія боевыя качества въ передовомъ отрядѣ ген. Гурко за Балканами и при оборонѣ Шипки. Послѣ войны дружины эти въ теченіе первыхъ 10 лѣтъ существованія молодого болгарскаго княжества развернулись въ дивизіи, число которыхъ въ 1904 г. достигло 9-ти и такимъ оставалось до послѣдняго времени. Въ составъ каждой дивизіи входятъ 4 пѣх. полка 2-хъ батальоннаго состава; каждой дивизіи придано по полку полевой артиллеріи (9 батарей—36 орудій). Горная артиллерія состоитъ изъ 3-хъ полковъ, полкъ изъ 4-хъ шести-оруд. батарей; осадной артиллеріи—1 полкъ; крѣпостной—3 батальона. Кавалеріи—11 полковъ (37 эскадроновъ). Инженерныя войска—3 саперныхъ батальона (18 ротъ), 1 понтонный б-нъ (5 ротъ), 1 желѣзнодорожный (4 роты), 1 телеграфный (3 роты), воздухоплавательное, автомобильное и прожекторное отдѣленія, 4 станціи военно-голубиной почты, одна искрового телеграфа. Обозныя войска—9 командъ. Санитарныя части—9 госпиталей, съ 9 санитарными ротами. Есть еще пограничная стража (16 ротъ). Ополченіе кадровъ не имѣетъ. Общая численность болгарской арміи считалась: въ мирное время въ 70000 чел., въ военное—около 200000, при 1000 орудій. Въ запасѣ числится 150000 обученныхъ людей и 60000—не вполнѣ обученныхъ, въ народномъ ополченіи—50000 чел. Флотъ столь незначителенъ, что онъ не выдѣленъ въ самостоятельную отрасль управленія, а подчиненъ военному министру. Въ немъ 1 парус. корабль, 1 учебн. крейсеръ, 2 транспорта, 2 яхты, 11 катеровъ, 4 баржи, 17 понтоновъ, 2 миноносца и 6 миноносокъ. Армія вооружена ружьями Манлихера, образца 1888 и 1895 гг.; кавалерія—карабинами той же системы, образца 1885 г.; артиллерія—скорострѣльными пушками и гаубицами заводовъ Шнейдера-

Крезо и Круппа; пулеметы-системы Максима. Армія комплектуется на началахъ всеобщей воинской повинности; только для мусульманскаго населенія царства личная повинность замѣнена денежнымъ налогомъ. Система комплектованія территоріальная. Срокъ дѣйствительной службы подъ знаменами: 2 года—въ пѣхотѣ, 3 года—въ другихъ родахъ оружія. Высшее тактическое соединеніе полевой арміи—не корпуса, а дивизіи, для обезпеченія самостоятельной дѣятельности которыхъ на войнѣ въ ихъ составъ входятъ всѣ роды войскъ: 4 полка пѣхоты, 2 эскадрона кавалеріи, отъ 12 до 15 батарей полевыхъ скоростр. пушекъ, 1 батарея гаубицъ, 2 роты саперъ и 1 взводъ телеграфистовъ. Каждая дивизія можетъ быть еще усилена 3-ей бригадой—резервной (2 полка). Численность такой дивизіи: 800 офицеровъ, 25000 штыковъ, 350 сабель, 24 пулемета, отъ 44 до 72 пушекъ, 4 гаубицы. Внѣ дивизіонной организаціи остаются 5 кавал. полковъ, 29 горныхъ батарей и 3 батальона крѣпостной артиллеріи. Корпусъ офицеровъ пополняется, главнымъ образомъ, выпусками изъ Софійскаго военнаго училища, генеральный штабъ—офицерами, окончившими высшее военное образованіе въ воен. академіяхъ Россіи (75 чел.), Италіи (44 чел.), Франціи (10), Бельгіи (4) и Австріи (1). Чинопроизводство тѣсно связано со службой въ строю. Боевая подготовка арміи—прекрасная, проникнутая идеей наступленія. Болгаринъ любитъ свою армію, гордится ею и принадлежностью къ ней и стремится въ ея ряды. Когда въ 1909 г. была мобилизована 8-я дивизія, явились не только всѣ запасные, но и много лишнихъ, просившихъ взять ихъ. Высокія моральныя и физическія качества болгарскаго народа дѣлаютъ болгарскую армію чрезвычайно выносливою. Во время войны 1885 г. многія части ея совершали переходы въ 70—80 километровъ при ничтожномъ числѣ отсталыхъ. Довольствіе арміи въ военное время организуется на принципѣ участія всего народа въ содержаніи ея. Всѣ необходимые ей предметы берутся у населенія путемъ реквизиціи особыми комиссіями, въ составъ которыхъ входятъ выборные мѣстные люди. Подъ наблюденіемъ мѣстныхъ властей собранные запасы хранятся въ особыхъ магазинахъ. Реквизиціонныя комиссіи руководствуются слѣдующими основными положеніями: брать предметы сообразно зажиточности каждой семьи и оставлять населенію продукты въ количествѣ, потребномъ на годъ и на обсѣмененіе полей. Слабой стороной болгарской арміи является недостатокъ патроновъ, ружейныхъ и артиллерійскихъ, пріобрѣтаемыхъ внѣ царства, а также недостатокъ санитарныхъ средствъ.

Сербская армія имѣла до войны 5 дивизій пѣхоты, по 4 трехбатальонныхъ полка и 16 пулеметовъ въ каждой, 1 дивизію кава-

леріи (4 полка), 5 полковъ полевой артиллеріи, по 9 батарей 4-хъ оруд. состава въ каждомъ, 1 полкъ—горной, 1 полкъ—осадной, 1 полкъ—крѣпостной и 2 батареи—конной артиллеріи, $2^1/_2$ батальона (10 ротъ) инженер. войскъ, 5 обозныхъ эскадроновъ, 5 санитарныхъ ротъ и пограничную стражу. Общая численность сербской арміи въ мирное время считалась въ 35000 ниж. чиновъ, при 2300 офицерахъ, въ военное—130000 чел., а съ созывомъ запаса 2-го призыва—180000 чел. Составъ дивизій 2-го призыва—3 полка пѣхоты, 2 или 3 эскадрона и 6 батарей. Пѣхота вооружена ружьемъ Маузера, артиллерія—скорострѣльными пушками завода Шнейдера-Крезо. Армія комплектуется по системѣ всеобщей воинской повинности. Срокъ дѣйствительной службы въ пѣхотѣ—2 года. Офицерскій корпусъ получаетъ подготовку въ Бѣлградской военной школѣ, а высшее военное образованіе—въ иностран. воен. академіяхъ, главнымъ образомъ въ русскихъ. Боевыя качества сербской арміи, по опыту войнъ съ Турціей въ 1876—77 г.г. и съ Болгаріей въ 1885 г., считались ниже, чѣмъ въ болгарской арміи, но событія текущей войны показали, что они стоятъ теперь на должной высотѣ. Очевидно, что причинами невысокой оцѣнки боевыхъ свойствъ сербской арміи были не физическія и моральныя качества сербскаго народа, родственнаго болгарскому по крови и быту, но дезорганизація государственнаго строя Сербіи и отсюда—деморализація арміи при режимѣ Обреновичей. Когда съ воцареніемъ Карагеоргіевичей Сербія вернулась къ національной политикѣ и въ ней упрочился представительный образъ правленія, народная скупщина, въ полномъ довѣріи къ правительству, стала щедро ассигновывать средства на реорганизацію арміи, во главѣ ея стали не придворные а истинно военные люди, и она въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ выросла во внушительную и надежную силу, проникнутую высокимъ патріотическимъ духомъ.

Черногорія до сихъ поръ жила по старинѣ и, вѣруя въ свой воинственный духъ, не имѣла прочной военной организаціи, а лишь зачатки ея, оставаясь внѣ вліянія техники на военное дѣло. Ея армія—весь народъ, все мужское населеніе въ возрастѣ отъ 18 до 62 лѣтъ. Постоянныхъ частей ея не содержится; есть только кадры для обученія новобранцевъ. Вся территорія королевства раздѣлена на 4 дивизіонныхъ округа, которые по мобилизаціи должны выставлять 57 батальоновъ пѣхоты, сводимыхъ въ бригады (каждая изъ 4—8 б-новъ) и 23 батареи артиллеріи (изъ нихъ только 1 горная и 1 гаубичная), 1 взводъ саперъ, 1 команду телеграфистовъ, 1 пулеметную команду и 1 взводъ развѣдчиковъ. Кавалеріи нѣтъ вовсе. При этихъ условіяхъ считалось, что Черно-

горія въ случаѣ войны можетъ выставить въ поле милиціонную армію силою въ 40—50000 чел. Пѣхота вооружена магазинными ружьями, артиллерія—орудіями разныхъ системъ и калибровъ устарѣвшаго образца. Для подготовки офицеровъ только недавно въ Цетиньѣ учрежденъ кадетскій корпусъ. Очень незначительный процентъ черногорскихъ офицеровъ получаетъ высшее военное образованіе въ заграничныхъ военныхъ академіяхъ. Боевая подготовка арміи въ томъ смыслѣ, какъ это принято теперь разумѣть во всѣхъ прочно организованныхъ арміяхъ, въ черногорской—отсутствуетъ; она совершается, если можно такъ выразиться, въ естественныхъ условіяхъ народнаго быта. Опытъ настоящей войны показалъ, что одного героическаго духа недостаточно для борьбы съ современными регулярными арміями, вооруженными современными военно-техническими средствами. Надо думать, что по окончаніи войны Черногорія дастъ своимъ вооруженнымъ силамъ болѣе прочную систему организаціи и боевой подготовки.

Общею для всѣхъ трехъ славянскихъ армій чертою является то, что ихъ организація и боевая подготовка совершилась безъ участія наемныхъ иностранныхъ инструкторовъ, умомъ и волею самого народа въ лицѣ его военныхъ дѣятелей. Отсюда глубоко національный ихъ характеръ и высокій подъемъ духа.

Нельзя того же сказать о четвертой державѣ Балканскаго союза—Греціи. Побѣжденная Турціей въ 1897 г., она призвала къ дѣлу реорганизаціи своей арміи французскихъ офицеровъ. Послѣдніе оказались хорошими учителями, а греки — добросовѣстными учениками. Греческая армія до войны насчитывала 12 пѣхотныхъ полковъ 3-хъ батальоннаго состава, при чемъ для 3-ихъ б-новъ существовали только кадры; 6 стрѣлковыхъ б-новъ (эвзоны), для половины которыхъ существовали только кадры; 3 шести-эскадронныхъ полка кавалеріи, при чемъ опять таки 3 эскадрона въ каждомъ полку имѣли только кадры; 3 полка полевой артиллеріи, по 8-ми 6-орудійныхъ батарей въ каждомъ, 6 горныхъ батарей, 1 гаубичную и 2 мортирныхъ батареи, но съ запряжкою лишь 2-хъ орудій въ батареѣ; 3 саперныхъ батальона 3-хъ ротнаго состава (1 рота—саперная, 1—понтонная, 1—телеграфная). Для обозныхъ и санитарныхъ войскъ имѣлись только кадры (по 3 роты). Общая численность арміи опредѣлялась: въ мирное время—отъ 22-хъ до 26000 чел., въ военное—52.800 штыковъ, 3000 сабель, 396 орудій. Высшее тактическое соединеніе—дивизія, въ составъ которой входятъ 3 полка пѣхоты, 1—2 батальона стрѣлковъ, 1—2 эскадрона кавалеріи и 1 полкъ полев. артиллеріи. Армія вооружена: пѣхота—винтовкою Манлихера-Шенауера, кавалерія—карабинами той же си-

стемы; артиллерія имѣла только 168 скорострѣльныхъ орудій. Флотъ былъ мечтою греческаго народа, его насущною потребностью для обороны неприкрытой съ моря столицы королевства. Была открыта всенародная подписка на сооруженіе его, но дѣло шло трудно и медленно—и къ началу войны греческій флотъ состоялъ лишь изъ одного броненоснаго крейсера «Георгій Аверовъ» (10.100 тоннъ водоизмѣщенія, 22,5 узла скорости, 12 орудій, постройки 1910 г.), трехъ старыхъ линейныхъ кораблей, 8 эскадренныхъ миноносцевъ, 11 малыхъ миноносцевъ и 1 подводной лодки. И только въ октябрѣ минувшаго года, т. е. въ самомъ началѣ войны, Греціи удалось пріобрѣсти въ Англіи 4 дестройера, принадлежащихъ къ числу лучшихъ въ мірѣ судовъ этого типа. Они имѣютъ 980 тоннъ водоизмѣщенія, 33 узла скорости, 4 орудія и 4 минныхъ аппарата. Суда эти сразу повысили боевую силу греческаго флота. Вооруженныя силы Греціи комплектуются по всеобщей воинской повинности; система комплектованія территоріальная; срокъ дѣйствительной службы 2 года. О степени боевой подготовки греческой арміи и флота опредѣленныхъ свѣдѣній не имѣлось, но ходячее мнѣніе было не въ пользу ихъ, да и происшедшія нѣсколько лѣтъ назадъ въ корпусѣ офицеровъ волненія, хотя и вызванныя опасеніемъ неготовности арміи къ войнѣ, все же указывали на слабость дисциплины въ немъ и не способствовали выгодному мнѣнію о греческой арміи.

Такимъ образомъ, союзныя балканскія державы, по подсчетамъ мирнаго времени, могли выставить въ поле армію численностью около 500.000 чел. съ 2-мя слишкомъ тысячами орудій.

Новая война застала Турцію не только въ періодъ еще не законченной ею войны съ Италіей въ Триполи, но и въ разгаръ реорганизаціи арміи, предпринятой по программѣ главнаго ея инструктора, нѣмецкаго генерала, паши фонъ-деръ-Гольца, автора извѣстной книги: «Вооруженный народъ». Къ этой реорганизаціи Турція готовилась давно, со времени послѣдней русско-турецкой войны, но только черезъ 32 года послѣ нея удалось къ ней приступить, когда деспотія Абдулъ-Гамида была свергнута и государство вступило на путь коренныхъ государственныхъ реформъ. Въ 1909 г. младо-турецкимъ правительствомъ вновь приглашенъ былъ въ Турцію Гольцъ-паша во главѣ 15 германскихъ офицеровъ, и ему предложено было заняться на этотъ разъ не палліативными мѣрами улучшенія вооруженныхъ силъ Оттоманской имперіи, а кореннымъ ихъ преобразованіемъ. Герой младо-турецкой революціи, Махмудъ-Шефкетъ-паша занялъ постъ военнаго министра и, внося въ палату смѣту на 1910-ый годъ, заявилъ, что турецкая армія должна занять въ Европѣ пятое мѣсто по своей численности. Согласно новой орга-

низаціи, не всюду еще осуществленной, но въ главныхъ чертахъ законченной въ предѣлахъ Европейской Турціи, турецкая армія состоитъ изъ 14 корпусовъ и 5 дивизій низама (т. е., постоянныхъ войскъ) и 59 дивизій редифа, т. е. резервныхъ. Въ составъ корпуса входятъ нормально: 3 дивизіи пѣхоты, 1 бригада кавалеріи (3 полка), 1 піонерный батальонъ, 1 понтонный паркъ, 1 телеграфная рота и 1 санитарная рота; полевая артиллерія придана корпусамъ крайне неравномѣрно (во II-мъ корпусѣ вовсе нѣтъ корпусной артиллеріи). Въ составъ каждой дивизіи низама входятъ: 3 полка пѣхоты, 1 егер. б-нъ, 1 артил. полкъ, 1 конно-артил. рота (еще не вездѣ сформированы) и 1 санитар. рота. Дивизія редифа 1-го призыва состоитъ изъ 3-хъ полковъ пѣхоты, 2-го призыва—изъ 4-хъ полковъ ея. Въ пѣхотномъ полку 3 дѣйствующихъ б-на и 1 кадровый. Регулярной кавалеріи—40 полковъ 5-ти эскадроннаго состава; иррегулярной кавалеріи, образованной изъ курдовъ—70 полковъ. Полевой артиллеріи должно быть 231 батарея 4-хъ оруд. состава, но сформировано пока лишь 174; конной артилеріи 12 батарей (по 4 ор.); горной—36 батарей скорострѣльныхъ (по 4 ор.) и 29 старыхъ (по 6 ор.); гаубичныхъ батарей 18 (по 6 ор.). Есть еще желѣзнодорожный полкъ (4 роты), 7 аэроплановъ, пограничная стража (46 ротъ) и корпусъ жандармовъ—40000 пѣшихъ и 11000 конныхъ, при 2000 офицеровъ. Общая численность арміи въ мирное время опредѣляется въ 274.000 чел.; въ военное въ 1.500.000 чел. Изъ этого числа въ предѣлахъ Европ. Турціи находилось 7 корпусовъ (въ Константинополѣ, Родосто, Киркилисѣ, Адріанополѣ, Салоникахъ, Монастырѣ и Ускюбѣ), 3 отдѣльныхъ дивизіи (въ Кошанѣ, Янинѣ и Скутари), 21 дивизія редифа 1-го призыва и 19 дивизій редифа 2-го призыва. Остальныя 7 корпусовъ—въ М. Азіи и Аравіи. Пѣхота вооружена частью—винтовками Генри-Мартини, частью—малокалиберной магазинкой Маузера. Артиллерія — частью старыми стальными орудіями Круппа, частью—новыми, скорострѣльными. Пулеметовъ мало. Въ кавалеріи и артиллеріи недостаетъ лошадей. Боевая подготовка арміи велась нѣмецкими инструкторами, по уставамъ, скопированнымъ съ германскихъ, но воспринимавшимися турками плохо, небрежно. «Слава турецкаго солдата,—по отзыву военнаго корреспондента журнала «Army and Navy Gazette»,—покоится на устарѣвшихъ традиціяхъ, а офицеры не стараются усвоить себѣ или примѣнить необходимыя въ наше время познанія». Армія комплектуется по всеобщей воинской повинности, которая въ послѣднее время распространена и на христіанское населеніе Турціи; срокъ дѣйствительной службы—2 года. Корпусъ офицеровъ рѣзко дѣлится на двѣ половины: окончившихъ военныя школы и произведенныхъ изъ унтеръ-офицеровъ по экзамену.

Первые являются людьми интеллигентными, пожалуй даже модернизованными, воспринявшими внѣшнюю культуру Запада, вторые—только грамотные люди, своимъ умственнымъ и духовнымъ развитіемъ мало чѣмъ отличающіеся отъ массы рядовыхъ, изъ которой они вышли. Эта рознь за послѣднее время еще болѣе усилилась различіемъ политическихъ взглядовъ въ офицерской средѣ, принадлежностью ея членовъ къ различнымъ политическимъ партіямъ. Высшій командный персоналъ, сложившійся еще въ эпоху режима Абдулъ-Гамида, стоитъ совершенно особнякомъ отъ корпуса офицеровъ, и чѣмъ выше, тѣмъ дальше отъ нихъ. Прежде отъ нихъ военнаго образованія не спрашивали, а теперь уже учиться для нихъ поздно. Исключенія—рѣдки. Инженерная оборона страны находится также въ переходномъ состояніи. Первенствующее мѣсто среди укрѣпленныхъ пунктовъ занимаютъ Адріанополь, укрѣпленія Босфора и Дарданеллъ и Чаталджинская укрѣпленная линія; затѣмъ слѣдовали Салоники, Янина, Галлиполи и Превеза. Укрѣпленія Приштины, Митровицы, Ускюба и Монастыря были незначительны. Въ самое послѣднее время рѣшено было еще укрѣпить Куманово, Родосто, Демотику, Люли-Бургасъ, но осуществить это намѣреніе въ полной мѣрѣ турки не успѣли.

Реорганизація вооруженныхъ силъ Оттоманской имперіи совершенно еще не коснулась флота. Есть морской министръ, но нѣтъ современныхъ кораблей. Изъ числа существующихъ два корабля («Хайрединъ-Барбаросса» и «Тургутъ-Рейсъ») построены въ 1891 г. и куплены у Германіи въ 1910 г.; корабли «Фетхи-Булендъ» и «Мессудіе» построены въ 1874 и 1887 гг.; затѣмъ идутъ 3 крейсера съ броневою палубою, 8 эскадренныхъ миноносцевъ, 14 миноносокъ и 2 минныхъ лодки. Подготовка личнаго состава флота еще болѣе слаба, чѣмъ въ арміи. Слабость флота краснорѣчиво проявилась уже въ войнѣ съ Италіей, когда господство въ Эгейскомъ и Средиземномъ моряхъ было совершенно выпущено турками изъ своихъ рукъ и легко, безъ боя, установлено итальянскимъ флотомъ. Такимъ образомъ, втрое превосходя союзниковъ численностью своихъ войскъ, Турція уступала имъ въ качествѣ и духѣ ихъ.

III.

Учитывая эти данныя, и пользуясь затруднительнымъ положеніемъ Турціи, еще не закончившей войну съ Италіей, Болгарія и Сербія 17-го сентября начали мобилизацію. Объявленіе ея было принято восторженно. «Въ Бѣлградѣ магистратскіе чиновники

ходили по кафанамъ и другимъ публичнымъ мѣстамъ съ 4-хъ до 8 час. дня и объявляли населенію о мобилизаціи, а уже въ 5—6 час. дня можно было видѣть на улицахъ группы въ 20—30 человѣкъ, бѣгущихъ на вокзалъ, чтобы отправиться къ своимъ частямъ». «Являлись подъ знамена не только всѣ запасные, но и необязанные службой отставные и освобожденные отъ нея навсегда. Матери приводили своихъ малолѣтнихъ сыновей; старики просили взять и ихъ». Подъ впечатлѣніемъ всеобщаго воодушевленія старый маіоръ Косевичъ, участникъ войны 1876 г., покончилъ съ собою изъ-за сознанія, что физическія немощи не позволятъ ему принять участіе въ войнѣ. «Умираю спокойно,—писалъ онъ въ предсмертномъ письмѣ.—Да здравствуетъ сербско-болгарское братство!» Его примѣру послѣдовалъ по тѣмъ же побужденіямъ другой ветеранъ—отставной подполковникъ Гиневичъ. Явились всѣ сербскіе и болгарскіе соціалисты, часто — въ качествѣ добровольцевъ, заявляя, что теорія теоріей и послѣ войны они снова будутъ кричать: «долой милитаризмъ!» — но теперь они — сербы, они — болгары и хотятъ биться вмѣстѣ со всѣми. Болгарское народное собраніе заявило въ адресѣ царю Фердинанду, что «оцѣнивая важныя событія, вызвавшія общую мобилизацію и объявленіе военнаго положенія въ странѣ, оно окажетъ свое полное содѣйствіе и поддержку царю» и что «во всемъ, касающемся защиты достоинства и верховныхъ интересовъ Болгаріи, весь болгарскій народъ сгруппируется у престола и положитъ на алтарь отечества всѣ необходимыя жертвы». Члены народнаго собранія отказались отъ депутатскаго вознагражденія за все время чрезвычайной сессіи, пожертвовавъ эти деньги на нужды арміи. Во всѣхъ городахъ Сербіи и Болгаріи состоялись шумныя манифестаціи. Всюду звучали пламенныя рѣчи, національные и русскій гимны. Съ такимъ же энтузіазмомъ принято было объявленіе мобилизаціи 19 сентября въ Черногоріи. Позже началась она въ Греціи, гдѣ, по наблюденіямъ корреспондентовъ, настроеніе народа, вызванное ею, было не столь шумнымъ, болѣе сосредоточеннымъ. «Всѣмъ было понятно, на какой рискъ идетъ Греція, какъ жизненно необходима побѣда и какія испытанія сулитъ пораженіе». О глубокомъ же патріотическомъ настроеніи, охватившемъ грековъ, свидѣтельствуетъ большое число добровольцевъ, возвращающихся на родину со всѣхъ концовъ свѣта для участія въ борьбѣ съ исконнымъ врагомъ.

22-го сентября — въ Сербіи, 28-го — въ Болгаріи мобилизація была закончена, пройдя, по общему отзыву, въ образцовомъ порядкѣ. Въ Сербіи было призвано все мужское населеніе до 45-лѣтняго возраста, въ Болгаріи—все до 46-лѣтняго. Въ резуль

татѣ Сербія выставила 330.000 чел., изъ числа которыхъ 70.000 человѣкъ 3-го призыва предназначены для гарнизонной службы, какъ внутри страны, такъ и въ завоеванныхъ областяхъ. Въ Болгаріи, вмѣсто 250.000 призванныхъ явилось подъ знамена почти 350.000 чел., что повысило численность ея боевыхъ силъ до 400.000 чел. Къ нимъ должно еще прибавить 25.000 добровольцевъ изъ Македоніи. Греція поставила подъ ружье 160—170.000 человѣкъ, изъ числа которыхъ 30—40.000 оставлено въ гарнизонахъ королевства. Сколько выставила по мобилизаціи Черногорія—точно неизвѣстно, но надо полагать, что и тамъ дѣйствительность превысила расчеты мирнаго времени. И сопоставленіе этихъ цифръ чрезвычайно поучительно.

Иначе прошла мобилизація въ Турціи, объявленная арміи указомъ султана 18-го сентября, а флоту—29-го. Правда, Константинополь украсился флагами, на площадяхъ происходили митинги съ пламеннымъ призывомъ мусульманъ къ священной войнѣ, въ окнахъ итальянскаго, греческаго и болгарскаго консульствъ были выбиты стекла; комитетъ «Единенія и прогресса» устроилъ во дворѣ зданія Порты шумную демонстрацію студентовъ и софтовъ, протестовавшихъ противъ примѣненія берлинскаго трактата и кричавшихъ: «Мы проданы Европѣ»... Но вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ-губернаторы разныхъ провинцій стали доносить, что значительное число резервистовъ уклоняется отъ призыва, скрываясь въ горы, уѣзжая за-границу. Редифы Смирнской провинціи открыто заявляли властямъ, что они утомлены и разорены безпрерывными мобилизаціями, слѣдовавшими по разнымъ поводамъ. «Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ,—говорили они,—насъ по нѣскольку разъ призывали подъ знамена для подавленія возстаній то тутъ, то тамъ. Даже учебные сборы обходятся не дешево; одни адріанопольскіе маневры 1911 года стоили 15.000 жизней, вслѣдствіе появившейся въ войскахъ холеры. Деревни обезлюдѣли, хозяйства разорены, семьи голодаютъ». Мобилизація шла медленно; сборъ припасовъ для арміи, лошадей и муловъ, при неорганизованности интендантства въ турецкой арміи—еще хуже. Ихъ приходилось отбирать силой. Процентъ неявившихся былъ такъ великъ даже среди офицеровъ, что вызвалъ рядъ приказовъ, грозившихъ суровыми карами неявившимся и удерживающимъ запасныхъ отъ явки въ части подъ предлогомъ несерьезности мобилизаціи... Но и это не дѣйствовало.

29 сентября султанъ обратился къ населенію съ манифестомъ, долженствовавшимъ пробудить въ немъ сознаніе долга, воспламенить сердца. «Всему свѣту извѣстно миролюбіе Турціи, — говорится въ этомъ любопытномъ документѣ.—Оттоманы уважаютъ права другихъ

народовъ... они чужды злыхъ намѣреній.., не желаютъ нарушать счастье и прогрессъ никакой расы.. Однако наши маленькіе сосѣди, имѣя виды на нашу страну и видя нашъ прогрессъ, не хотятъ позволить ему осуществиться. Ихъ беззаконныя намѣренія клонятся къ воспрепятствованію нашимъ реформамъ и нашему прогрессу... Вы должны, подобно вашимъ братьямъ въ Триполи, явить себя достойными вашихъ предковъ...» Сопоставьте этотъ манифестъ съ изданнымъ по окончаніи войны 1877—78 г.г., въ которомъ безстыдно предъ лицомъ страны извращались факты и говорилось, что «правда восторжествовала, милостивый и побѣдоносный султанъ вышелъ изъ борьбы побѣдителемъ невѣрныхъ собакъ и въ своей неимовѣрной благости и милосердіи согласился даровать нечистымъ собакамъ миръ... братъ повелителя русскихъ явится съ большою свитою въ Стамбулъ принести раскаяніе..., а 50000 русскихъ останутся заложниками въ провинціи султана—Болгаріи» [1]). Вы видите, какъ мало измѣнилась Турція духовно за истекшія 35 лѣтъ, вы видите, что расчетъ на невѣжество народа возведенъ въ основной принципъ политики оттоманскаго правительства.

Но и манифестъ султана, повидимому, не принесъ желанныхъ результатовъ. Армія не добрала всего нужнаго ей числа запасныхъ, и объявленіе войны застало мобилизацію ея не законченной. Къ этому времени подъ ружьемъ въ двухъ турецкихъ арміяхъ— Адріанопольской (восточной) и Албанской (западной) было всего 340—360.000 человѣкъ.

Обѣими сторонами въ ожиданіи войны изданы были суровыя временныя правила о цензурѣ и печати. Болгарской печати разрѣшено печатать о военныхъ дѣйствіяхъ только тѣ свѣдѣнія, которыя ей будутъ сообщаться компетентными военными властями. Ей запрещено сообщать число убитыхъ и раненыхъ начальниковъ, если на это не имѣется особаго оффиціальнаго разрѣшенія; запрещена критика начальниковъ и войскъ и вообще всего, что можетъ умалить престижъ ихъ; запрещено печатаніе статей и брошюръ съ требованіемъ прекратить войну или обсужденіемъ вреда или пользы ея; запрещено сообщать что бы то ни было о пораженіяхъ или отступленіяхъ болгарскихъ войскъ, о потерѣ ими какой-либо позиціи, укрѣпленія, знамени, орудія и пр., о происшедшихъ катастрофахъ, пожарахъ въ тылу арміи или внутри государства, взрывахъ военныхъ складовъ, появленіи эпидемій въ арміи или

[1]) Этотъ любопытный документъ полностью воспроизведенъ въ статьѣ, посвященной Абдулъ-Гамиду въ I томѣ «Военной энциклопедіи» (изд. т-ва И. Д. Сытина, 1911 г.).

странѣ, готовящихся или происшедшихъ бунтахъ въ населеніи; запрещенъ ввозъ въ Болгарію картинъ, газетъ, книгъ и другихъ печатныхъ произведеній, могущихъ дѣйствовать отрицательно на духъ арміи и народа. Установлена строгая цензура не только на телеграфныя корреспонденціи изъ Болгаріи въ иностранныя газеты, но и для частной корреспонденціи лицъ, находящихся въ арміи и при ней. Воспрещается упоминаніе о мѣстѣ нахожденія пишущаго письмо, о расположеніи войскъ, ихъ движеніи и дѣйствіяхъ, о числѣ убитыхъ и раненыхъ. Письма офицеровъ цензуруются командиромъ полка, письма нижнихъ чиновъ—ихъ ротнымъ командиромъ. Виновные въ нарушеніи этихъ правилъ, а также въ сообщеніи и распространеніи тревожныхъ и неблагопріятныхъ о войнѣ слуховъ, подлежатъ военно-полевому суду. Стремленіе къ тайнѣ и къ поддержанію на должной высотѣ энергіи, духа и воли народа дошло въ Болгаріи до того, что къ раненымъ, доставленнымъ въ Софійскіе госпитали и лазареты, не допускаютъ даже самыхъ близкихъ родныхъ. Особенно тщательный надзоръ установленъ, конечно, за военными корреспондентами. Ихъ телеграммы и письма подвергаются строжайшей цензурѣ при главной квартирѣ болгарской арміи, гдѣ этимъ дѣломъ вѣдаютъ нѣсколько призванныхъ подъ знамена профессоровъ, учителей и журналистовъ, подъ руководствомъ офицеровъ ген. штаба. И даже цензурованныя телеграммы и корреспонденціи задерживаются на пять дней послѣ разрѣшенія ихъ къ печати. А если вѣрить корреспонденту Tägliche Rundschau, то военные корреспонденты при болгарской арміи подвергнуты и своеобразному личному задержанію при ней; такъ, корреспондентамъ, пожелавшимъ оставить армію и возвратиться на родину, объявлено, что они будутъ отпущены не ранѣе половины ноября.—«Мы не допустимъ такой свободы печати по военнымъ дѣламъ и войсковымъ передвиженіямъ, какъ это было въ Россіи во время войны съ Японіей,—сказалъ корреспонденту «Новаго Времени» одинъ изъ болгарскихъ офицеровъ.—Турки ничего не должны знать изъ печати, что можетъ повредить нашей арміи. Свобода печати полезна для мирныхъ, нормальныхъ временъ»... Однако, парализовавъ вредныя стороны гласности на войнѣ, сербскій и болгарскій штабы, по словамъ г. І. Табурно, ничего не сдѣлали «для проявленія положительной дѣятельности корреспондентовъ».

Положеніе военныхъ корреспондентовъ при турецкой арміи еще хуже. «Съ нами не церемонятся,—пишетъ одинъ изъ нихъ:—изъ лагеря насъ никуда не выпускаютъ, къ намъ приставлены часовые; писать мы ничего не можемъ, разрѣшено лишь разъ въ недѣлю посылать письма роднымъ на французскомъ языкѣ, и то, конечно, послѣ

просмотра ихъ цензурою. Когда начались пораженія, самой жизни нашей стала грозить опасность. Мы всѣ 36 представителей европейской печати готовы бѣжать изъ этого варварскаго плѣна, но насъ не хотятъ отпустить и не выдаютъ паспортовъ». И это послѣ любезнаго пріема ихъ главнокомандующимъ и обѣщаній полнаго содѣйствія! Однимъ изъ первыхъ результатовъ возстановленія цензуры въ Турціи явилось воспрещеніе подавать телеграммы на русскомъ языкѣ, даже написанныя латинскимъ шрифтомъ. Все должно быть написано на французскомъ языкѣ. Турецкое правительство оставило за собою право—правда, безполезное,—сообщать всему міру объ успѣхахъ турецкаго оружія при самомъ началѣ боя и даже послѣ несомнѣннаго погрома турецкой арміи.

Такія условія печати на театрѣ войны, конечно, отразились на свѣжести получаемыхъ съ войны свѣдѣній, ихъ ясности и полнотѣ,—и разбираться въ нихъ—дѣло трудное. Особою скудостью отличаются свѣдѣнія изъ сербской, черногорской и греческой армій. Очевидно, дѣло печати поставлено тамъ еще строже. На это и указываетъ г. Табурно въ своей книгѣ «Сербскія битвы» (Спб., 1913).

IV.

Мобилизованныя Болгаріей войска сведены въ три арміи, которыя и сосредоточились къ началу октября: 1-я—въ направленіи Софія-Кюстендиль, гдѣ она примыкала къ линіи расположенія сербскихъ войскъ и даже включала въ себя 2 сербскихъ дивизіи; 2-я—въ долинѣ р. Марицы, противъ Адріанополя, 3-я—восточнѣе ея, въ направленіи на Киркилису. Во главѣ 1-й арміи былъ поставленъ генералъ Ивановъ, во главѣ 2-й—ген. Кутынчевъ, во главѣ 3-ей—ген. Радко Дмитріевъ. Кутынчевъ высшаго военнаго образованія не получилъ,—это строевикъ, хорошо знающій солдатъ и любимый ими. Ивановъ и Дмитріевъ окончили его въ нашей академіи генер. штаба, при чемъ послѣдній 11 лѣтъ прослужилъ въ рядахъ нашей арміи на Кавказѣ и тѣсно связанъ съ нею еще воспоминаніями о русско-турецкой войнѣ. Главное командованіе болгарскою арміею принялъ на себя самъ царь Фердинандъ, являющійся, повидимому, неоффиціально главнымъ руководителемъ военныхъ операцій всѣхъ союзныхъ армій, какъ въ силу численнаго превосходства болгарскихъ войскъ предъ остальными союзными войсками, такъ и по первостепенной важности боевыхъ задачъ, возложенныхъ на его армію. Его помощникомъ въ дѣлѣ главнаго командованія является ген. Савовъ, также питомецъ на-

шей академіи ген. штаба. Любопытнымъ для характеристики этого генерала является тотъ фактъ, что, занимая постъ военнаго министра, онъ тайно отъ народнаго собранія, въ предвидѣніи войны, заказалъ во Франціи значительное количество орудій и боевыхъ снарядовъ, которые и были доставлены въ Болгарію и теперь очень пригодились ей. Когда это обстоятельство обнаружилось, народное собраніе потребовало слѣдствія и суда надъ Савовымъ, который и сложилъ съ себя званіе министра, а теперь прямо изъ отставки назначенъ помощникомъ главнокомандующаго. Начальникомъ штаба дѣйствующей болгарской арміи состоитъ ген. Фичевъ, воспитанникъ Туринской военной академіи. Всѣ названныя лица въ возрастѣ отъ 45 до 50 лѣтъ. По свидѣтельству одного изъ военныхъ корреспондентовъ, штабъ болгарской арміи (главная квартира—въ Старой Загорѣ) производитъ прекрасное впечатлѣніе своею немногочисленностью, простотою и скромностью обстановки и большою дѣловитостью всѣхъ его членовъ.

Сербскія войска также были раздѣлены на 3 арміи: 1-я сосредоточилась у Враньи (гдѣ главная квартира короля Петра), противъ Куманова, и опирается на кр. Нишъ; 2-я, опирающаяся на Софію, сосредоточилась у Кюстендиля для дѣйствій противъ Ускюба, 3-я — у Куршумліи, противъ Приштины. Особый отрядъ, подъ начальствомъ ген. Живковича, сосредоточился у Рашки, на границѣ Ново-Базарскаго санджака, для дѣйствій противъ него и для связи съ черногорцами. Во главѣ первой сербской арміи сталъ наслѣдникъ сербскаго престола, королевичъ Александръ, воспитанникъ нашего Пажескаго корпуса, до войны занимавшій постъ генералъ-инспектора арміи. Теперь ему всего лишь 23—24 года, 2-ю арміей командуетъ ген. Стефановичъ, а 3-ею—ген. Янковичъ. Черногорскія войска для веденія операцій были подѣлены на 3 колонны, которыми командуютъ королевичъ Данила и генералы Вукотичъ и Мартиновичъ. Главное руководство операціями взялъ на себя самъ король Николай.

Наконецъ, греческая армія, была раздѣлена на двѣ арміи: Эпирскую и Ѳессалійскую. Первою, численностью въ 12 — 15000 чел., командуетъ ген. Сапунцаки, второю—діадохъ, т. е. престолонаслѣдникъ, королевичъ Константинъ, бывшій главнокомандующій греческою арміею въ неудачную для нея войну съ Турціей въ 1897 г. и дѣятельный реорганизаторъ арміи послѣ нея.

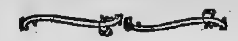
Турецкія войска къ началу военныхъ дѣйствій распадались на двѣ арміи: восточную — Адріанопольскую (140—160.000 чел.) и западную — Албанскую (200.000 чел.). Командующими были назначены: восточной арміи—Абдулла-паша, западной—Махмудъ-Шефкетъ-

паша. Оба они теперь уже отозваны: первый—послѣ пораженія у Лозенграда (Киркилисы), второй—изъ-за несогласій съ главнокомандующимъ Назимъ-пашей и по подозрѣнію въ неблагонадежности, какъ видный дѣятель младо-турецкой партіи. Всѣ они—ученики фонъ-деръ-Гольца, какъ и Али-Риза-паша, дѣйствующій противъ грековъ. Назимъ-паша, которому теперь 60 лѣтъ, дважды былъ военнымъ министромъ, генералъ-губернаторомъ въ Багдадѣ и предсѣдателемъ Военнаго Совѣта. Онъ началъ свою дѣятельность на посту главнокомандующаго симпатичнымъ приказомъ, призывавшимъ армію къ гуманному обращенію съ противникомъ и съ населеніемъ и грозившимъ суровыми карами за учиненіе звѣрствъ надъ жителями, плѣнными и ранеными. Но слова его не подѣйствовали. Турецкія войска, какъ и прежде, снова запятнали себя грабежомъ и всякими насиліями надъ христіанскимъ населеніемъ;—и о примѣненіи къ насильникамъ обѣщанныхъ Назимомъ-пашею суровыхъ мѣръ не слышно...

Какъ только Болгарія закончила свою мобилизацію, Черногорія 28 сентября первая объявила войну Турціи; 4-го октября ея примѣру послѣдовали Болгарія и Сербія, 5-го — и Греція. Война началась.

Вл. Апушкинъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ГЕРМАНСКАЯ РОЖЬ НА РУССКИХЪ РЫНКАХЪ.

За послѣднее время сталъ все больше привлекать общественное вниманіе фактъ привоза въ Россію иностраннаго хлѣба. Стали все громче раздаваться голоса объ опасности, угрожающей русскому земледѣлію и о необходимости принять мѣры къ ограниченію или полному прекращенію ввоза хлѣба изъ чужеземныхъ странъ. Голоса эти шли, правда, не отъ наиболѣе, казалось бы, заинтересованной стороны русскихъ сельскихъ хозяевъ, а отъ вліятельныхъ промышленныхъ группъ, съ Г. А. Крестовниковымъ во главѣ; тѣмъ не менѣе, а можетъ быть именно поэтому они скоро возымѣли свое дѣйствіе въ оффиціальныхъ кругахъ и не такъ давно было

созвано спеціальное совѣщаніе при министерствѣ торговли и промышленности, большинствомъ котораго выражено принципіальное пожеланіе о скорѣйшемъ введеніи аграрныхъ пошлинъ въ Россіи. Неожиданность такого вступленія на путь аграрнаго протекціонизма не можетъ не внушать самыхъ серьезныхъ сомнѣній. Невольно возникаетъ вопросъ, не имѣетъ ли здѣсь мѣста своеобразная спекуляція на томъ непосредственномъ чувствѣ удивленія, которое вызываетъ съ перваго взгляда фактъ ввоза иностраннаго хлѣба въ Россію, эту житницу Европы. И дѣйствительно, на упомянутомъ совѣщаніи выяснилось довольно опредѣленно, что наиболѣе заинтересованной въ аграрныхъ пошлинахъ стороной являются не сельскіе хозяева, а наши крупные мукомолы, для которыхъ введеніе пошлинъ, въ связи съ проектируемымъ объединеніемъ таможенныхъ границъ Россіи и Финляндіи, представляется чрезвычайно выгодной мѣрой, сразу отдающей въ ихъ полное распоряженіе весь финляндскій рынокъ. Помимо мукомоловъ, введеніе аграрныхъ пошлинъ можетъ быть выгоднымъ для руководящихъ круговъ нашей промышленности и въ чисто тактическомъ отношеніи—въ связи съ будущимъ пересмотромъ торговаго договора съ Германіей и той непримиримой позиціей, которую, повидимому, готова занять въ немъ протекціонистски настроенная часть промышленниковъ.

Какъ бы то ни было, вопросъ о ввозѣ иностраннаго хлѣба представляется достаточно сложнымъ и, конечно, въ дальнѣйшей стадіи его развитія, когда онъ перейдетъ на разсмотрѣніе законодательныхъ учрежденій, должна быть тщательно разсмотрѣна и взвѣшена вся совокупность экономическихъ и тактическихъ послѣдствій, связанныхъ съ мѣрами ограниченія ввоза иностраннаго зерна. При этомъ одною изъ главныхъ частей задачи явится изслѣдованіе вопроса о причинахъ развитія ввоза иностраннаго хлѣба въ Россію и объ учетѣ того вреда, который фактически наносится иностранной конкурренціей русскому земледѣлію. Наша статья и будетъ посвящена выясненію этого вопроса. Но такъ какъ главное мѣсто въ спискѣ хлѣбныхъ продуктовъ, ввозимыхъ въ Россію, занимаетъ рожь и почти единственной импортирующей къ намъ рожь страной является Германія, то всѣ толки о грозящей русскому земледѣлію опасности сводятся главнымъ образомъ къ вопросу о конкурренціи нѣмецкой ржи. Представляетъ, поэтому, интересъ изслѣдованіе даже такого узкаго вопроса. Ему мы и посвятимъ дальнѣйшія строки. Конечно, рамки журнальной замѣтки, даже при такихъ узкихъ заданіяхъ, позволяютъ намѣтить только общіе контуры рѣшенія задачи.

Ввозъ въ Россію германской ржи за послѣднее десятилѣтіе выражается [1]) въ слѣдующихъ цифрахъ:

Годы	1902	03	04	05	06	07	08	09	10	1911
Тыс. пудовъ	332	364	1.228	1.878	3.549	4.456	6.936	6.148	6.436	6.549

Судя по имѣющимся даннымъ, ввозъ въ 1912 г. будетъ нѣсколько ниже ввоза 1911 года.

Первоначально быстро возраставшій ввозъ ржи установился за послѣдніе годы въ предѣлахъ 6—7 мил. пудовъ. Все это количество ржи ввозится черезъ два участка нашей европейской границы: русско-прусскій сухопутный и балтійскій морской. Главными рынками для сбыта нѣмецкой ржи являются такимъ образомъ, двѣ области: царство Польское и прибалтійскія губерніи. Оба эти района уже давно нуждаются въ привозномъ хлѣбѣ. Такъ, въ началѣ 1900-хъ годовъ, по даннымъ желѣзнодорожной статистики, ржи туда привозилось больше, чѣмъ вывозилось, приблизительно на $6^1/_2$ мил. пудовъ. [2]) Если отвлечься на мгновеніе отъ политическихъ границъ и принять во вниманіе только географическое положеніе названныхъ рынковъ, то станетъ очевиднымъ, что ближайшимъ снабжающимъ райономъ могла бы быть Германія. Особенно это относится къ царству Польскому. Ближайшіе русскіе районы производящіе въ избыткѣ рожь, т. е. Подольская и Волынская губерніи съ одной стороны и губерніи средне-черноземной полосы съ другой, отстоятъ отъ Польши гораздо дальше, чѣмъ провинція Познань, эта житница Германіи, дававшая, напримѣръ, за пятилѣтіе 1905—09 г.г. въ среднемъ годовой излишекъ надъ собственнымъ потребленіемъ ржи въ 13,6 мил. пудовъ [3]). А такъ какъ кромѣ того Висла и Балтійское море представляютъ весьма удобные пути сообщенія съ нашими прибалтійскими губерніями, то вполнѣ понятно, что познанская рожь можетъ при извѣстныхъ условіяхъ явиться нашей конкуренткой и въ остзейскомъ краѣ, и въ царствѣ Польскомъ. Но только за послѣдніе годы ввозъ нѣмецкой ржи въ Россію сдѣлался болѣе или менѣе замѣтной величиной, и причину этого явленія приходится искать, главнымъ образомъ, въ измѣненіяхъ германской таможенной политики за послѣднія 20 лѣтъ.

Еще въ 1894 г., одновременно съ заключеніемъ торговаго договора съ Россіей и отчасти по желанію послѣдней, Германія отмѣнила въ интересахъ своей вывозной торговли, такъ назыв. доказательство тождества (Identitäts-nachweis). До тѣхъ поръ нѣмецкій экспортеръ, вывозя хлѣбъ, только въ томъ случаѣ могъ

---

[1]) По даннымъ русской таможенной статистики.

[2]) L. Jurowsky. Der russische Getreideexport, (Берл. 1910, стр. 183).

[3]) W. Teubert. Getreidefrachten u. Getreideverkehr, (Берл. 1912, стр. 95).

получить возвратъ пошлины, если онъ могъ доказать, что вывозимый имъ хлѣбъ былъ дѣйствительно ввезенъ въ Германію и оплаченъ пошлиной, т. е. если хлѣбъ проходилъ черезъ Германію транзитомъ. Съ отмѣной доказательствъ тождественности, путемъ установленія пресловутой системы ввозныхъ свидѣтельствъ, создалась возможность получать возвратъ пошлины и за экспортируемый хлѣбъ нѣмецкаго происхожденія. Фактически, такимъ образомъ, была установлена вывозная премія на хлѣбъ въ зернѣ и мукѣ. Но такъ какъ, благодаря аграрнымъ пошлинамъ, цѣны на хлѣбъ внутри Германіи стояли значительно выше, чѣмъ на мiровомъ рынкѣ, то вывозить хлѣбъ нѣмецкаго происхожденія становилось выгоднымъ только тогда, когда выручка отъ продажи ввозныхъ свидѣтельствъ *превышала* разницу цѣнъ на внѣшнемъ, и на ближайшемъ внутреннемъ рынкахъ.

Между тѣмъ, по правиламъ 1894 г. ввозное свидѣтельство, выдаваемое при экспортѣ, могло зачитываться вмѣсто пошлины при ввозѣ только за хлѣбъ того же наименованія, т. е. ржаное свидѣтельство—за рожь, пшеничное—за пшеницу и т. д. Это обстоятельство естественно сокращало спросъ на ввозныя свидѣтельства и понижало цѣну ихъ какъ разъ для тѣхъ хлѣбовъ, вывозъ которыхъ былъ наиболѣе развитъ по сравненію съ ввозомъ хлѣбовъ тѣхъ же наименованій. Всякое пониженіе цѣны ввозныхъ свидѣтельствъ фактически понижало размѣры той преміи (возврата пошлины), которую могъ получить экспортеръ; вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшалась способность послѣдняго выступать со своимъ продуктомъ на внѣшнемъ рынкѣ—способность, какъ мы видѣли, тѣсно зависящая отъ соотношенія между размѣрами получаемой вывозной преміи и разницей цѣнъ на мiровомъ и внутреннемъ рынкахъ (принимая, конечно, во вниманіе и соотношеніе издержекъ транспорта). Все сказанное цѣликомъ и главнымъ образомъ относится ко ржи, ибо какъ разъ здѣсь со времени отмѣны доказательства тождества соотношеніе между ввозомъ и вывозомъ все больше измѣнялось въ пользу послѣдняго. Естественно, поэтому, что для вывозящихъ рожь районовъ Германіи, издавна уже снабжавшихъ этимъ видомъ хлѣба рынки Сѣверной Европы, особенно важно было добиться дальнѣйшаго измѣненія правилъ 1894-го года. Домогательства заинтересованныхъ сторонъ увѣнчались успѣхомъ, и съ 1906 г. правила о ввозныхъ свидѣтельствахъ были измѣнены въ томъ смыслѣ, что ввозныя свидѣтельства, полученныя при вывозѣ, напр., ржи могли предъявляться къ зачету вмѣсто пошлины при ввозѣ пшеницы, и наоборотъ. Замѣнимость свидѣтельствъ сразу подняла ихъ цѣну, при чемъ особенно выиграли, конечно, производители и экспортеры

ржи. Повышеніе цѣны ввозныхъ свидѣтельствъ дало имъ возможность покрывать большія разницы въ цѣнахъ внутренняго и внѣшнихъ рынковъ и значительно расширять свою внѣшнюю торговлю. Облегченіе экспорта германской ржи отразилось и на снабженіи нашихъ западныхъ рынковъ, и въ этомъ смыслѣ причиной появленія нѣмецкой конкуренціи приходится считать очерченныя выше мѣры таможенной политики Германіи.

Не слѣдуетъ, однако, преувеличивать значенія нѣмецкой системы вывозныхъ премій по отношенію къ Россіи. Основанная на ней опасность недобросовѣстной конкуренціи со стороны нѣмецкой ржи представляется скорѣе потенціальной, чѣмъ фактически существующей. Если бы цѣны на германскихъ внутреннихъ рынкахъ приближались къ міровымъ, то нѣмецкій экспортеръ, получающій при вывозѣ изъ государства сумму, равную 30—35% цѣнности товара, являлся бы почти непобѣдимымъ конкурентомъ на любомъ рынкѣ. Но опытъ показываетъ, что среднія цѣны на рожь въ Германіи, какъ правило, стоятъ значительно выше тѣхъ же цѣнъ на другихъ рынкахъ. За послѣдніе годы, правда, эта разница цѣнъ нѣсколько уменьшается. Если мы сравнимъ увеличеніе цѣнъ на рожь и на пшеницу на нѣсколькихъ рынкахъ за послѣднія 11 лѣтъ, то получимъ слѣдующіе результаты:

(Въ среднемъ, въ копейкахъ за пудъ).

	Пшеница					Рожь			
	1901—05 гг.		1906—11 гг.			1901—05 гг.		1906—11 гг.	
	Цѣна.	Разн.	Цѣна.	Разн.		Цѣна.	Разн.	Цѣна.	Разн.
Амстердамъ.	98,4	—	122,4	—	Антверпенъ.	68,0	—	100,7	—
Бреславль.	120,5	22,1	147,4	25,0	Бреславль.	101,5	33,5	126,0	25,3
Маннгеймъ	135,1	36,7	171,8	49,4	Маннгеймъ.	113,5	45,5	139,0	38,3
Кенигсбергъ.	120,9	22,5	150,4	28,0	Кенигсбергъ.	100,6	32,6	124,7	24,0

Движеніе цѣнъ на пшеницу и рожь на внутреннихъ рынкахъ Германіи, какъ видимъ, имѣетъ различное направленіе. Тогда какъ подъемъ цѣнъ на пшеницу обгоняетъ ростъ цѣнъ на свободныхъ, не загражденныхъ пошлинами рынкахъ, и слѣдовательно нѣмецкіе сельскіе хозяева получаютъ возможность полнѣе использовать установленную въ ихъ пользу и увеличенную въ 1906 г. пошлину,—по отношенію ко ржи дѣло обстоитъ иначе. Здѣсь увеличеніе цѣнъ на внутреннемъ рынкѣ отстаетъ отъ повышательнаго движенія ихъ на міровомъ рынкѣ. Рожь собственнаго производства начинаетъ давить на внутренній рынокъ, и пошлину могутъ использовать далеко не во всемъ объемѣ. Для нѣмецкихъ ржаныхъ районовъ внѣшніе рынки, поэтому, пріобрѣтаютъ все большее значеніе. Сближеніе цѣнъ на внутреннемъ и внѣшнемъ рынкахъ, при неизмѣнной величинѣ вы-

возной преміи, облегчаетъ, какъ мы уже знаемъ, возможность вывоза туземнаго продукта. Слѣдовательно наблюдаемое относительное движеніе цѣнъ ржи на внутреннихъ рынкахъ Германіи дѣлаетъ для нея, благодаря системѣ ввозныхъ свидѣтельствъ, все болѣе выгоднымъ усиленіе экспорта ржи за границу. Въ этомъ смыслѣ сокращеніе разницы цѣнъ ржи на рынкахъ міровомъ и внутреннемъ нѣмецкомъ означаетъ увеличеніе опасности конкуренціи германскаго продукта во всѣхъ странахъ-потребительницахъ ржи. Но все же, какъ мы говорили, не слѣдуетъ преувеличивать эту опасность. Пока абсолютная величина разницы цѣнъ на нѣмецкихъ внутреннихъ и внѣшнихъ свободныхъ рынкахъ остается столь высокой, какъ на примѣрахъ въ таблицѣ, форсированіе экспорта германской ржи едва ли можетъ быть значительнымъ, не говоря уже о томъ, что вѣдь и производство германской ржи не можетъ неизмѣнно увеличиваться въ томъ же темпѣ, какъ до сихъ поръ. При высокомъ уровнѣ цѣнъ въ самой Германіи и относительно низкомъ уровнѣ ихъ въ такихъ ржаныхъ странахъ, какъ Россія, экспортъ германской ржи, какъ правило будетъ происходить главнымъ образомъ подъ вліяніемъ мѣстнаго колебанія цѣнъ. Въ этомъ легче всего убѣдиться, обратившись къ конкретнымъ русскимъ условіямъ. Болѣе детальный анализъ данныхъ о ввозѣ германской ржи, въ связи съ движеніемъ цѣнъ на нашихъ внутреннихъ рынкахъ и въ Германіи, показываетъ, что едва ли мы имѣемъ здѣсь дѣло съ такимъ форсированіемъ экспорта нѣмецкой ржи, которое неуклонно вытѣсняло бы русскую рожь и захватывало бы все болѣе глубокіе внутренніе рынки наши.

Прежде всего приведенныя въ началѣ статьи цифры показываютъ, что годами наиболѣе быстраго увеличенія ввоза нѣмецкой ржи были 1904—06 и 1908 гг. Особенно рѣзкій скачекъ сдѣлалъ ввозъ въ 1904-мъ году; но какъ разъ въ томъ же году сборъ ржи въ Германіи достигъ рекордной и небывалой до тѣхъ поръ цифры въ 613 м. пудовъ. Наоборотъ, 1905-й годъ для Россіи былъ отмѣченъ весьма низкимъ сборомъ ржи; естественно, что въ 1906-мъ году подвозъ нѣмецкой ржи долженъ былъ увеличиться. Наконецъ, въ 1908 г. недородъ въ Россіи совпалъ съ необычайно высокимъ урожаемъ ржи въ Германіи. Съ другой стороны годы 1905-1908, по сравненію съ предшествующими и послѣдующими, являются періодомъ наиболѣе высокихъ цѣнъ на внутреннихъ—центральныхъ и южныхъ — рынкахъ Россіи. Сочетаніе всѣхъ этихъ условій снабженія нашихъ западныхъ рынковъ несомнѣнно проявилось въ наблюдавшемся порывистомъ увеличеніи экспорта нѣмецкой ржи. Послѣ 1908-го года ввозъ остановился на цифрѣ въ 6—$6^1/_2$ мил. пудовъ, при чемъ извѣстную роль въ этой стабилизаціи ввоза приходится

приписать организованности нѣмецкой хлѣбной торговли, съумѣвшей удержать за собой рынокъ, захваченный въ годы преимущественнаго положенія Германіи.

Не трудно, однако, убѣдиться, что и въ предѣлахъ ежегодной цифры ввоза германской ржи рѣшающее значеніе имѣютъ мѣстныя и временныя условія снабженія рожью нашихъ западныхъ рынковъ. Если взять среднія хлѣбныя цѣны за рядъ лѣтъ на различныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ рынкахъ, то онѣ обнаружатъ, конечно, извѣстный параллелизмъ въ своемъ движеніи. Но это не исключаетъ возможности кратковременнаго расхожденія цѣнъ на различныхъ рынкахъ вслѣдствіе мѣстныхъ различій въ условіяхъ спроса и предложенія. Нижеслѣдующая таблица должна показать, какая зависимость существуетъ между ввозомъ ржи въ Россію и движеніемъ цѣнъ на различныхъ рынкахъ. Таблица содержитъ данныя: 1) о ввозѣ ржи по мѣсяцамъ 1911-го года и 2) колебанія среднихъ мѣсячныхъ цѣнъ на рожь въ томъ же году въ Берлинѣ, Варшавѣ, Ельцѣ и Кіевѣ. Берлинъ и Варшава выбраны потому, что намъ именно важно выяснить, когда и почему познанская рожь направляется къ намъ, въ царство Польское, а не идетъ на нѣмецкіе внутренніе рынки потребленія, среди которыхъ одно изъ главныхъ мѣстъ занимаетъ какъ разъ Берлинъ [1]).

Съ другой стороны, по цѣнамъ въ Кіевѣ и Ельцѣ можно судить объ общемъ уровнѣ цѣнъ въ нашихъ внутреннихъ производящихъ районахъ, откуда могутъ снабжаться русской рожью Варшава и другіе западные рынки [2]).

1911 годъ.	Ввозъ ржи. (тыс. пуд.).	Цѣна въ Берлинѣ.	Цѣна въ Варшавѣ.	Цѣна въ Ельцѣ.	Цѣна въ Кіевѣ.
		Копейки за пудъ.			
Январь . .	300	113,4	67,5	62,7	61,0
Февраль .	459	115,0	68,8	61,2	62,6
Мартъ . .	357	113,8	70,0	60,8	64,0
Апрѣль . .	335	117,2	75,0	62,6	63,3
Май . . .	172	127,9	72,3	63,5	64,6
Іюнь . . .	93	129,3	75,5	65,3	65,0
Іюль . . .	113	128,0	73,0	75,9	66,4
Августъ .	993	129,6	89,0	89,5	78,8
Сентябрь .	1366	140,1	90,8	95,2	92,0
Октябрь. .	1108	138,5	89,3	94,1	90,4
Ноябрь . .	636	138,0	89,0	90,9	89,2
Декабрь. .	667	140,0	90,3	93,3	92,6

1) Фактически Берлинъ потребляетъ, кромѣ иностранной, значительныя количества познанской ржи: къ 1905—09 гг. въ среднемъ подвозилось туда изъ Познани около 14 тыс. тоннъ въ годъ (ср. Teubert, l. c., стр. 90).

2) Таблица составлена по «Своду товарныхъ цѣнъ за 1911 г.».

Если вычертить приведенныя цифры въ видѣ діаграммы, то сразу сдѣлаются очевидными слѣдующіе факты. Движеніе цѣны на всѣхъ четырехъ рынкахъ, въ общемъ параллельное, обнаруживаетъ по отдѣльнымъ періодамъ значительныя расхожденія. Въ первой половинѣ года цѣны въ Берлинѣ повышались энергичнѣе, чѣмъ въ Варшавѣ и на внутреннихъ снабжающихъ ее рынкахъ. Цѣны въ Берлинѣ поднялись на 16 коп., а въ Варшавѣ, Ельцѣ и Кіевѣ максимальное повышеніе составляло всего 8 коп. Въ то же время ввозъ нѣмецкой ржи въ Россію неизмѣнно падаетъ, при чемъ наибольшее сокращеніе его въ маѣ и іюнѣ совпадаетъ съ наиболѣе рѣзкимъ повышеніемъ цѣнъ въ Берлинѣ. Во второй половинѣ года картина измѣняется. Цѣны въ Берлинѣ въ продолженіе іюля и августа остаются приблизительно на прежнемъ уровнѣ. Наоборотъ, цѣны въ Ельцѣ и Кіевѣ обнаруживаютъ за тѣ же мѣсяцы рѣзкое повышеніе, распространяющееся и на Варшаву. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ввозъ ржи въ августѣ и сентябрѣ рѣзко возрастаетъ. Затѣмъ къ концу года соотношеніе цѣнъ на берлинскомъ и нашихъ внутреннихъ—снабжающихъ и потребительныхъ—рынкахъ опять нѣсколько мѣняется въ пользу Берлина, и ввозъ ржи въ Россію снова сокращается. Подобную же зависимость ввоза ржи отъ соотношенія цѣнъ на нѣмецкихъ потребительныхъ и на нашихъ внутреннихъ рынкахъ можно прослѣдить и въ другихъ случаяхъ. Такъ напр., въ 1908 г. общее направленіе движенія цѣнъ на рожь было обратное, чѣмъ въ 1911-мъ году, но и здѣсь моменту наибольшаго увеличенія ввоза въ сентябрѣ мѣсяцѣ предшествовало болѣе рѣзкое паденіе цѣнъ въ Берлинѣ, нежели паденіе цѣнъ въ Ельцѣ и Кіевѣ. Такимъ образомъ, эти примѣры показываютъ, что подвозъ нѣмецкой ржи не совершается въ непрерывно возрастающихъ размѣрахъ, неуклонно вытѣсняя русскій продуктъ. Скорѣе можно считать, что ввозъ нѣмецкой ржи выполняетъ спекулятивныя задачи, выравнивая на нашихъ западныхъ рынкахъ цѣны на рожь въ разныя времена года.

Перейдемъ теперь къ вопросу о томъ, какою опасностью грозитъ существующій ввозъ нѣмецкой ржи производству этого хлѣба внутри Россіи. Прежде всего цифра ввоза ржи не даетъ точнаго представленія о количествѣ нѣмецкой ржи, фактически вступающей въ конкуренцію съ рожью русскаго происхожденія на нашихъ внутреннихъ рынкахъ. Тѣ шесть милліоновъ пудовъ ржи, которые ввозятся къ намъ изъ Германіи, далеко не цѣликомъ достигаютъ русскаго потребителя. Значительная, если не бо́льшая часть этого количества перемалывается на многочисленныхъ пограничныхъ мельницахъ, а получающіеся при помолѣ отруби вывозятся снова

за границу. При этомъ, благодаря отчасти специфическимъ качествамъ нѣмецкой ржи, а отчасти вслѣдствіе неизмѣнно сильнаго спроса на отруби въ самой Германіи, пограничные мукомолы, работающіе съ нѣмецкой рожью, находятъ выгоднымъ довольствоваться очень низкимъ выходомъ муки (лучшихъ сортовъ) всего въ 40—45% размалываемаго зерна. Только эта мука изъ зерна германскаго происхожденія фактически потребляется въ Россіи. Остальная часть ввозимаго зерна въ формѣ продуктовъ размола немедленно вывозится обратно за границу.

Цифра конкурирующей въ Россіи ржи германскаго происхожденія должна быть нѣсколько уменьшена еще и по другой причинѣ. Наша таможенная статистика, классифицируя ввозимые товары по странамъ происхожденія, не выдѣляетъ товары, идущіе транзитомъ черезъ сосѣднія съ нами страны. Доля послѣднихъ въ снабженіи Россіи оказывается, поэтому, иногда значительно преувеличенной. То же самое происходитъ и съ рожью. Въ германской статистикѣ имѣются данныя о томъ, что въ Россію ввозятся ежегодно довольно крупныя партіи ржи, идущей черезъ Германію транзитомъ. Въ 1907 г. такимъ путемъ было ввезено въ Россію свыше 12,7 тыс. тоннъ ржи; затѣмъ это количество сильно понизилось, а въ 1910 году сново поднялось до 3,8 тыс. тоннъ [1]). Вся эта рожь, какъ правило [2]), регистрируется у насъ какъ рожь германскаго происхожденія, а между тѣмъ возможно, что это русская же рожь, кружнымъ морскимъ путемъ обошедшая вокругъ Европы и ввозимая затѣмъ черезъ германскіе портовые рынки къ намъ въ Россію, въ Прибалтійскій край. По крайней мѣрѣ фактическое колебаніе цѣнъ по мѣсяцамъ года (напр. въ 1911 г.) на нашихъ и германскихъ портовыхъ рынкахъ показываетъ, что такое явленіе, при наличности срочныхъ сдѣлокъ на хлѣбъ, представляется вполнѣ возможнымъ. Но предположимъ даже, что всѣ 6 мил. пудовъ нѣмецкой ржи вступаютъ въ конкуренцію съ русской рожью на нашихъ внутреннихъ рынкахъ. Какъ велика въ этомъ случаѣ опасность для русскаго земледѣлія? Для опредѣленія размѣровъ ея иногда пользуются соотношеніемъ между цифрами нашего экспорта и импорта ржи. Для пятилѣтія 1907-11 г.г. ввозъ ржи составлялъ въ среднемъ около 15% вывоза ея. Но эта цифра совершенно не показательна. Чтобы составить себѣ представленіе объ удѣльномъ вѣсѣ германской конкуренціи, необходимо цифру ввоза сравнить съ об-

---

1) Statistik des Deutschen Reichs (тетради, содержащія данныя о транзитѣ за соотвѣтствующіе годы).

2) По наведеннымъ нами въ таможенномъ деп-тѣ справкамъ.

щимъ количествомъ русской ржи, поступающей (за вычетомъ потребленія въ самихъ производящихъ хозяйствахъ) въ оборотъ на внутренніе и внѣшніе рынки. Нѣкоторое понятіе объ этомъ количествѣ даютъ свѣдѣнія о размѣрахъ перевозокъ хлѣбныхъ грузовъ по русскимъ желѣзнодорожнымъ и воднымъ путямъ. Оффиціальная статистика показываетъ, что въ 1909 г. было перевезено 150,7 мил. пудовъ ржи и 116,4 м. п. ржаной муки [1]). Во избѣжаніе двойного счета предположимъ, что во внутреннемъ сообщеніи все зерно подвозится только къ мельницамъ. Переводя количество перевезенной муки въ зерно (по разсчету 75% муки изъ пуда зерна) получимъ, что на внутренній рынокъ поступило въ 1909 г. 155 мил. пудовъ ржи. Прибавляя сюда 35 мил. пудовъ вывезенной ржи въ зернѣ, опредѣляемъ—понятно, съ сильнымъ преуменьшеніемъ—количество ржи, поступающей изъ хозяйствъ на рынокъ въ 190 мил. пудовъ. Тѣ шесть милліоновъ пудовъ нѣмецкой ржи, которые ввезены были въ 1909 г., составляютъ всего 3% отъ этого количества. Дѣйствительная цифра, по всѣмъ приведеннымъ выше соображеніямъ, должна быть значительно ниже. Но и найденное соотношеніе свидѣтельствуетъ о томъ, что даже признавая искусственную дешевизну нѣмецкой ржи, едва ли можно опасаться, что послѣдняя можетъ имѣть сколько-нибудь замѣтное вліяніе на образованіе цѣнъ внутренняго рынка. Выводъ этотъ долженъ быть усиленъ еще тѣмъ обстоятельствомъ, что ближайшіе за царствомъ Польскимъ русскіе районы, нуждающіеся въ подвозѣ ржи (какъ напр. промышленныя бѣлорусскія и литовскія губерніи), находятся уже въ гораздо болѣе выгодныхъ условіяхъ снабженія со стороны ближайшихъ русскихъ производящихъ районовъ, чѣмъ со стороны русско-прусской границы.

Такимъ образомъ, апріорно едва ли можно ожидать, что ввозъ германской ржи способенъ создать сколько-нибудь замѣтныя затрудненія для русскаго земледѣлія. Отсутствіе какихъ-либо жалобъ со стороны сельскихъ хозяевъ до нѣкоторой степени подтверждаетъ справедливость такого заключенія. Оно можетъ быть подтверждено и нѣкоторыми фактами, касающимися измѣненія въ Россіи посѣвной площади подъ рожью. Посѣвная площадь озимой ржи по всей Россіи замѣтно сокращается, въ силу причинъ болѣе глубокихъ, чѣмъ германская конкуренція. Рѣшающую роль здѣсь, вѣроятно, играетъ общее сокращеніе спроса на рожь на міровомъ рынкѣ. Населеніе земного шара все больше переходитъ къ потребленію пшеницы, а рожь, какъ кормовое средство, едва ли можетъ конкурировать съ ячменемъ.

---

[1]) Стат. сборн. мин. путей сообщенія. Вып. 111-112, Спб. 1912.

Есть и другія, достаточно важныя причины, и при всей совокупности ихъ едва ли останется мѣсто на долю нѣмецкой конкуренціи внутренней и внѣшней. Но характерно то, что какъ разъ въ Царствѣ Польскомъ, тамъ, гдѣ германская конкуренція должна была бы ощущаться особенно интенсивно,—какъ разъ тамъ посѣвная площадь подъ рожью и сборы ржи замѣтно возрастаютъ, въ противоположность тому, что наблюдается въ другихъ районахъ Россіи. За пятилѣтіе 1901—05 г.г. посѣвная площадь подъ озимой рожью въ Привислинскихъ губерніяхъ составляла въ среднемъ 1.856 тыс. десятинъ; за слѣдующее пятилѣтіе (1906—10 г.г.) она повысилась въ среднемъ на 57 тыс. дес., а сборъ ржи возросъ съ 105 мил. пудовъ до 122, т. е. на 16% слишкомъ [1]).

Данныя желѣзнодорожной статистики [2]) также подтверждаютъ увеличеніе значенія мѣстнаго производства въ снабженіи мѣстныхъ же крупныхъ польскихъ потребительныхъ центровъ. Такъ, если взять данныя о подвозѣ ржи въ зернѣ къ Варшавѣ за 1903 и 1910 годы, то получатся существенно различныя картины. Въ 1903-мъ году изъ общаго количества 2.392 тыс. пудовъ ржи, привезенной въ Варшаву, 23% было подвезено съ разстояній меньше 200 верстъ и 54% съ разстояній больше 800 верстъ. Наоборотъ, въ 1910-мъ году соотвѣтствующія цифры составляли 82% и 14% отъ общаго количества въ 1483 тыс. пудовъ. Слѣдовательно, въ 1903-мъ году Варшава снабжалась рожью по преимуществу изъ отдаленныхъ русскихъ районовъ, а въ 1910-мъ году центръ тяжести перешелъ къ мѣстному производству. Что это именно мѣстная, а не иностранная рожь—это доказываетъ тотъ фактъ, что съ пограничныхъ станцій отправлена лишь незначительная часть общаго количества ржи, полученнаго Варшавой въ 1910-мъ году.

Эти немногія фактическія данныя убѣдительно свидѣтельствуютъ о призрачности недобросовѣстной конкуренціи германской ржи даже въ Царствѣ Польскомъ.

Нельзя, наконецъ, упускать изъ вида еще одного чрезвычайно важнаго обстоятельства. Германія за послѣдніе годы перешла въ разрядъ странъ, производящихъ рожь въ избыткѣ, но наряду съ этимъ она продолжаетъ ввозить значительныя количества того же хлѣба. Такъ за 1908—10 г.г. она въ среднемъ вывозила около 42 мил., а ввозила около 20 мил. пудовъ ржи. Происходитъ это

---

[1]) Сборн. стат.-экон. свѣд. по сел. хоз. Изд. Гл. Управл. Землед. и Землеустр. Годъ 5-й.

[2]) Сводная статистика перевозокъ по русскимъ жел. дор. Статистика назначенія, за соотв. годы.

явленіе отъ того, что производящимъ излишки ржи районамъ, расположеннымъ на востокѣ Германіи, оказывается выгоднѣе экспортировать рожь, а западнымъ провинціямъ, нуждающимся въ подвозѣ ржи, оказывается выгоднѣе покупать иностранную рожь, ввозя ее по Рейну. Эти западныя провинціи Германіи и служатъ главнымъ рынкомъ сбыта для нашей, по преимуществу южной ржи. По германскимъ даннымъ въ Германію было ввезено изъ Россіи въ 1911-мъ году 34 мил. пудовъ ржи, что составляло 63% нашего общаго ржаного экспорта въ томъ же году. При такихъ условіяхъ искусственное и внезапное вытѣсненіе нѣмецкой ржи съ русскихъ внутреннихъ рынковъ можетъ вызвать совершенно неожиданныя послѣдствія. Избытокъ германской ржи устремится съ востока на западъ, особенно если произведено будетъ пониженіе жел.-дор. тарифовъ въ этомъ направленіи, о чемъ, между прочимъ, уже снова говорятъ въ Германіи [1]). Тогда не только будетъ вытѣснено изъ Германіи соотвѣтствующее количество русской ржи, но даже можетъ произойти такое паденіе цѣнъ, которое затруднитъ ввозъ и остального количества русскаго продукта. Такимъ образомъ отъ искусственнаго обратнаго завоеванія нашего западнаго рынка русское сельское хозяйство въ цѣломъ не только ничего не выиграетъ, но можетъ даже проиграть.

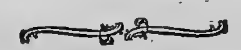
Сдѣлаемъ нѣкоторые выводы изъ вышеизложеннаго. Ввозъ германской ржи въ Россію, повидимому, не грозитъ никакой опасностью нашему сельскому хозяйству. Ввозъ этотъ имѣетъ ограниченное и чисто мѣстное значеніе. Поэтому съ точки зрѣнія огражденія интересовъ нашего сельскаго хозяйства не представляется надобности въ какихъ-либо экстренныхъ мѣропріятіяхъ къ запрещенію ввоза германскаго хлѣба. Но такая оцѣнка не должна исчерпывать нашего отношенія къ факту ввоза германской ржи. Вопросъ о прекращеніи или затрудненіи послѣдняго долженъ разсматриваться еще и съ другой стороны: съ точки зрѣнія его значенія для самой Германіи. Въ недалекомъ будущемъ предстоитъ пересмотръ торговаго договора съ нашей западной сосѣдкой, договора, имѣющаго громадное значеніе для экономической жизни обѣихъ странъ. И вотъ, въ этомъ отношеніи мы не должны упускать изъ виду ни одного момента, способнаго увеличить нашу силу въ предстоящихъ переговорахъ. Однимъ изъ такихъ моментовъ является возможность воздѣйствія на импортъ германской ржи различными экономическими мѣропріятіями, до таможенныхъ пошлинъ включительно. Германія (точнѣе—германскіе аграріи) теперь съ каждымъ годомъ

---

1) Ср. Teubert, l. c., стр. 100—1.

все больше нуждается въ экспортѣ своей ржи и во внѣшнихъ рынкахъ для нея. Объ этомъ свидѣтельствуютъ выше приведенныя данныя объ относительномъ паденіи цѣнъ на рожь на внутреннихъ германскихъ рынкахъ. Въ частности Германія чрезвычайно заинтересована именно въ русскомъ рынкѣ, куда она направила за пятилѣтіе 1907—11 гг. свыше 16% своего экспорта ржи. Вообще хлѣбъ всякаго рода составляетъ нынѣ главную статью экспорта изъ Германіи въ Россію; поэтому угроза воздѣйствія на ввозъ иностраннаго хлѣба должна явиться существеннымъ оружіемъ въ рукахъ Россіи въ моментъ заключенія новаго договора съ Германіей. Съ этой точки зрѣнія вполнѣ раціональнымъ средствомъ можетъ явиться и введеніе аграрныхъ пошлинъ въ Россіи. Но мы еще разъ напоминаемъ—и это было главной цѣлью предшествующаго изложенія,—что эти пошлины должны разсматриваться именно какъ боевое средство при заключеніи торговаго договора, а не какъ средство огражденія интересовъ нашего сельскаго хозяйства отъ мнимой опасности германской конкуренціи. Различать эти точки зрѣнія весьма важно, такъ какъ отъ этого зависитъ какъ оцѣнка самыхъ мѣропріятій по борьбѣ съ ввозомъ иностраннаго хлѣба, такъ и установленіе момента примѣненія ихъ.

Л. Литошенко.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Расцвѣтъ губернаторской власти въ Россіи.—Общая цѣль дѣятельности губернаторовъ и возможная, подразумѣваемая награда.—Внѣшніе и внутренніе плоды губернаторской энергіи.—Чувство удовлетворенія въ Нижегородской губерніи по случаю ухода г. Хвостова.—Борьба тамбовскаго губернатора съ прогрессивной прессой.—Дальнѣйшіе шаги па томъ же пути курскаго губернатора.—Необходимость законныхъ протестовъ.—Разложеніе полицейской среды.—Новые соблазны для духовенства.

Когда-нибудь спеціальный историкъ напишетъ, вѣроятно, книгу о нашихъ губернаторахъ. Книга выйдетъ солидная, заполненная живыми, волнующими фактами. Послѣдніе годы русской государственной жизни были временемъ исключительнаго расцвѣта губернаторской власти. Если всѣ стороны общественной жизни были

ограждены колючей проволокой репрессій и лишены малѣйшаго намека на свободное выявленіе, то губернаторы, наоборотъ, были поставлены въ исключительное положеніе почти полной свободы. Это было и есть нѣчто въ родѣ свободной конкурренціи или соревнованія губернаторовъ между собой. А чтобы личная инціатива ихъ не стѣснялась, губернаторамъ молчаливо разрѣшено было не стѣсняться ни закономъ, ни даже директивами центральнаго правительства. Конечно, при такихъ условіяхъ,—какъ всегда при свободной конкурренціи,—должны были проявиться красочное многообразіе и пестрота въ дѣйствіяхъ губернаторовъ. Каждая губернаторская индивидуальность расцвѣтала пышно и ярко. Но такъ какъ было все же общее устремленіе къ одной общей, основной цѣли, то не трудно выдѣлить и наиболѣе характерныя черты современной губернаторской власти. Главная цѣль опредѣлялась въ немногихъ словахъ: подавить «смуту», обуздать общественную оппозицію и заглушить голосъ общества по возможности до такой степени, чтобы даже умѣреннаго шепота не слышалось на поверхности жизни. Къ этой искоренительной миссіи присоединялась несложная положительная задача: насаждать союзниковъ и націоналистовъ и подготовить для торжества правыхъ выборы въ четвертую Думу.

Въ видѣ награды за усердіе, кромѣ естественныхъ повышеній и отличій, подразумѣвалась одна невысказанная, головокружительная возможность: сдѣлаться, подобно П. А. Столыпину, прямо изъ губернаторовъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, а затѣмъ и премьеромъ. Если случилось разъ, то почему же по той же логикѣ и за такія же заслуги не случиться тому же во второй, въ третій разъ? И примѣръ того же Столыпина, помимо блестящей карьеры, подсказывалъ, что въ сущности не такъ уже трудно быть главой правительства: основные принципы губернаторской власти можно переносить и на постъ премьера. Оказалось, что одинаково возможно какъ издавать законы для отдѣльной губерніи въ видѣ обязательныхъ постановленій, такъ и для всей Россіи диктовать законы по 87-ой статьѣ. И какъ губернаторъ управляетъ губерніей, разсылая циркуляры, такъ и министръ шлетъ по Россіи такіе же циркуляры. Почему же послѣ этого всякому начальнику губерніи не стремиться къ посту всероссійскаго губернатора?

Итакъ, въ дѣятельности современныхъ губернаторовъ есть значительная личная логика. Однако, кромѣ личной логики, имѣется и общественная, которая, въ концѣ концовъ, выявляется во внушительныхъ результатахъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что дѣятельность наиболѣе рьяныхъ губернаторовъ, создавая подозрительную тишину на поверхности жизни, плодитъ и разжигаетъ раздраженіе противъ

власти въ глубинахъ населенія. А результаты такого раздраженія могутъ быть неисчислимы.

Поучительна для правительства должна быть, между прочимъ, та нескрываемая радость, которая обнаруживается въ населеніи, когда удаляется изъ губерніи ретивый губернаторъ. Нижегородскій губернаторъ г. Хвостовъ, напримѣръ, засѣдаетъ теперь въ качествѣ законодателя въ Государственной Думѣ (подготовившись къ этой роли за время губернскаго безконтрольнаго «законодательства»). А въ губерніи общественные дѣятели съ удовольствіемъ духъ переводятъ и поправляютъ искривленія, надѣланныя въ общественномъ дѣлѣ тяжелой рукой г. Хвостова. «Только что закончившееся очередное земское собраніе,—пишетъ корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» изъ г. Горбатова, Нижегородской губерніи,—прошло очень оживленно. Наиболѣе интересные моменты собранія были связаны съ обсужденіемъ дѣятельности бывшаго губернатора, г. Хвостова. Гласные и находившаяся въ большомъ количествѣ на собраніи публика съ большимъ вниманіемъ выслушали заявленіе гласнаго г. Кондратова. «Въ первыхъ числахъ октября,—заявилъ г. Кондратовъ,—отказался отъ обязанностей члена управы, заступавшаго мѣсто предсѣдателя, г. Александровъ; послѣдній былъ членомъ управы по назначенію г. Хвостова. Вслѣдъ за уходомъ г. Александрова, г. Хвостовъ на мѣсто его назначилъ дворянина г. Беклемишева. Это назначеніе является противорѣчащимъ земскому положенію, такъ какъ согласно закону, при оставленіи службы однимъ изъ членовъ земскаго самоуправленія въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ, должность его замѣщается не назначеніемъ, а новымъ избраніемъ. Собраніе,—въ томъ числѣ членъ Государственной Думы Мосѣевъ (правый) и депутатъ отъ духовенства,—постановило подать жалобу въ Сенатъ на г. Хвостова. На должность заступающаго мѣсто предсѣдателя уѣздной управы избранъ членъ управы В. И. Антоновъ, котораго г. Хвостовъ дважды не утверждалъ въ этой должности. Точно также г. Хвостовъ не утвердилъ гласнаго В. П. Шеламаева (прогрессиста) представителемъ отъ горбатовскаго земства на съѣздъ земскихъ учителей въ гор. Горбатовѣ. Формальнымъ поводомъ къ неутвержденію послужило то, что земское собраніе избрало г. Шеламаева открытой баллотировкой, по мнѣнію же г. Хвостова, избирать нужно закрытой баллотировкой. Въ виду этого протеста земское собраніе примѣнило при всѣхъ выборахъ закрытую баллотировку и единогласно избрало представителемъ на учительскіе курсы того же г. Шеламаева».

Изъ того же гор. Горбатова корреспондентъ «Рѣчи» сообщаетъ: «28 ноября закончилось очередное земское собраніе. По закрытіи

его гласные устроили обѣдъ въ честь предсѣдателя собранія, уѣзднаго предводителя дворянства С. Т. Погуляева. Г. Погуляевъ—человѣкъ правыхъ убѣжденій, но честный и съ извѣстными земскими традиціями. Гласные ставили ему въ заслугу независимость и закономѣрность его дѣйствій во время выборовъ въ 4-ю Гос. Думу. Онъ не пошелъ по указкѣ бывшаго губернатора Хвостова, который «дѣлалъ» выборы не только въ Горбатовскомъ уѣздѣ, но и по всей губерніи—намѣчалъ выборщиковъ, устраивалъ блоки между духовенствомъ и угодными ему уполномоченными и избирателями. Г. Погуляевъ отвергъ эти «хвостовскія» инструкціи и велъ выборы по совѣсти. Въ отплату за это онъ былъ забаллотированъ духовными и «хвостовцами». Земцы, давая обѣдъ г. Погуляеву, хотѣли демонстративно подчеркнуть свой протестъ противъ «хвостовцевъ» и г. Хвостова и выразить свою симпатію г. Погуляеву».

Нѣсколько странно и какъ будто даже наивно чествовать человѣка только за то, что онъ отказался потворствовать губернатору и проявилъ нѣкоторую закономѣрность. Но такого рода ликованья и чествованія характеризуютъ прежде всего ту удушливую административную атмосферу, освободившись отъ которой хоть на минуту обыватели готовы устраивать чуть ли не фейерверки.

И, конечно, не въ одномъ Горбатовѣ облегченно вздыхали, узнавъ объ уходѣ г. Хвостова. Проѣзжая нынѣшнимъ лѣтомъ черезъ Н.-Новгородъ, я изъ разговоровъ съ мѣстными общественными дѣятелями имѣлъ случай убѣдиться, что г. Хвостовъ съумѣлъ возстановить противъ себя всѣ общественныя группы въ губерніи, вплоть до самыхъ умѣренныхъ, и что всякій слухъ объ уходѣ г. Хвостова встрѣчался здѣсь радостнымъ оживленіемъ. Слѣдовательно, можно безъ преувеличенія считать, что состоявшійся, наконецъ, уходъ г. Хвостова составилъ своего рода праздникъ для всей Нижегородской губерніи. Праздникъ, разумѣется, кратковременный. Хотя за перемѣщеніями губернаторовъ населеніе слѣдитъ какъ за лоттереей, выжидая, какой номеръ выпадетъ на данную губернію, но выборъ можетъ быть только между очень плохимъ и просто плохимъ номеромъ. И въ частности для Нижегородской губерніи екатеринославскій корреспондентъ «Рѣчи» печатаетъ слѣдующую неутѣшительную корреспонденцію: «Г. Якунина переводятъ въ Нижній. Улыбается ли это родинѣ Минина или нѣтъ, но Екатеринославская губернія облегченно вздохнетъ, хотя мы еще не знаемъ, кто г. Якунина смѣнитъ. Г. Якунинъ пріѣхалъ со славой либерала, однако оказался администраторомъ твердокаменнаго курса, славнымъ отпрыскомъ нижегородскаго Хвостова. Чтобъ никто не сомнѣвался въ «курсѣ» г. Якунина, онъ чуть ли не на второй день по своемъ пріѣздѣ по-

жертвовалъ союзникамъ 100 руб. Свое благоволеніе къ послѣднимъ г. Якунинъ выражалъ не разъ публично и обыкновенно (очевидно, губернаторъ хорошо зналъ «духъ» патріотовъ) денежными приношеніями. Средства для этого г. Якунинъ черпалъ изъ отчисленій клубовъ отъ азартныхъ игръ... Кому особенно давалъ себя знать г. Якунинъ—это прогрессивной печати и евреямъ. При г. Якунинѣ печатные органы безпощадно штрафовались и редакторы сажались въ тюрьмы. Что касается евреевъ, то здѣсь г. Якунинъ проявлялъ изощренное остроуміе. Не «фокусъ» гнать изъ деревень безправныхъ евреевъ. Г. Якунинъ взялся за евреевъ, право жительства коихъ было несомнѣнно. Это онъ предложилъ земскимъ начальникамъ собирать отзывы о евреяхъ, обладающихъ правожительствомъ, и выселять ихъ въ зависимости отъ этихъ отзывовъ. Если кто проронитъ слезу—и горячую—по г. Якунинѣ, то это полиція. Какъ онъ о ней заботился! Передъ кѣмъ только онъ не возбуждалъ ходатайствъ объ ея усиленіи и объ увеличеніи на нее ассигновокъ. Онъ не останавливался при этомъ передъ давленіемъ на земство и городскія думы, которыя благодаря настояніямъ г. Якунина несутъ бремя и «необязательныхъ» расходовъ на полицію, помимо обязательныхъ».

Такимъ образомъ облегчительные вздохи Нижегородской губерніи могутъ оказаться недолгими и преждевременными. Перемѣщенія губернаторовъ въ сущности даютъ только иллюзію освѣженія жизни. Подъ вліяніемъ такой иллюзіи, кромѣ Нижегородской губерніи, находится сейчасъ и Тамбовская. «Кирсановское уѣздное земское собраніе этой осенью,—сообщаетъ тамбовскій корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей»—поручило управѣ просить новаго губернатора отмѣнить распоряженіе прежняго, дѣйствующее до сего времени,—о неразсылкѣ чрезъ земскую почту газетъ прогрессивнаго направленія и между прочими «Русскихъ Вѣдомостей», «Русскаго Слова» и «Утра Россіи», при чемъ во время преній въ собраніи обнаружилось, что въ земской управѣ лежатъ цѣлые вороха такихъ quasi-запрещенныхъ изданій, не разосланныхъ подписчикамъ за два года. Въ этомъ скромномъ по нынѣшнему времени ходатайствѣ заключается указаніе на одно изъ яркихъ проявленій административнаго произвола, практикующагося въ этомъ видѣ уже въ трехъ губерніяхъ. Примѣръ поданъ былъ бывшимъ тамбовскимъ губернаторомъ Муратовымъ. Сперва отдѣльными распоряженіями, а затѣмъ циркуляромъ ко всѣмъ земскимъ начальникамъ онъ запретилъ выписку земскимъ и правительственнымъ служащимъ, проживающимъ въ уѣздахъ, цѣлаго ряда повременныхъ изданій, и кромѣ того запретилъ разсылку этихъ изданій всѣмъ подписчикамъ чрезъ волост-

ныя правленія. Дѣлая подобныя распоряженія, г. Муратовъ, очевидно, полагалъ, что волостныя правленія—только административные органы, подлежащіе всякому воздѣйствію со стороны губернатора, и что самая раздача корреспонденціи мѣстнымъ жителямъ не принадлежитъ къ числу прямыхъ обязанностей волостныхъ правленій. Закономъ земствамъ предоставлено учреждать земскую почту, т. е. полученіе съ правительственной почты всякаго рода корреспонденціи, перевозку ея въ предѣлахъ уѣзда, а также выдачу и полученіе ея, для чего земства могутъ устанавливать въ уѣздахъ земскіе почтовые пункты, каковыми могутъ быть и волостныя правленія, входящія въ такомъ случаѣ въ договорныя отношенія съ земствомъ относительно условій раздачи корреспонденціи и отвѣтственности за пропажу денежныхъ и страховыхъ пакетовъ, при чемъ волостные писаря, обыкновенно завѣдующіе такими земскими волостными почтовыми пунктами, получаютъ особое вознагражденіе отъ земства. Въ восточныхъ губерніяхъ, гдѣ уѣзды большіе и мало правительственныхъ почтовыхъ учрежденій, во многихъ губерніяхъ установлена такая земская почта, и распоряженіе губернатора, стѣсняющее ея дѣятельность, является нарушеніемъ обязанностей, принятыхъ на себя земствомъ и волостными правленіями на основаніи закона. Такое распоряженіе равносильно распоряженію о невыдачѣ адресатамъ правительственными почтовыми учрежденіями той или иной корреспонденціи. Теперь такое же распоряженіе дѣйствуетъ въ Курской губерніи. Рязанскій губернаторъ поспѣшилъ послѣдовать тому же примѣру. И, такимъ образомъ, теперь въ трехъ центральныхъ губерніяхъ дѣйствуетъ земскій почтовый index».

Неизвѣстно, измѣнитъ ли новый тамбовскій губернаторъ незаконное предписаніе своего предшественника. Въ этомъ можно, во всякомъ случаѣ сомнѣваться, такъ такъ въ другихъ губерніяхъ въ мѣропріятіяхъ противъ прогрессивной прессы пошли еще дальше, чѣмъ въ Тамбовской губерніи. Въ Курской губерніи давленіе въ этомъ смыслѣ производится не только на подчиненныя волостныя правленія, но и на независимыя общественныя учрежденія. Корреспондентъ изъ Рыльска, Курской губерніи, пишетъ: «Недавно въ совѣтѣ старшинъ рыльскаго общественнаго собранія членъ-старшина, мѣстный исправникъ, доложилъ, что имъ получено отъ губернатора (въ формѣ частнаго письма) предписаніе предложить совѣту старшинъ отказаться отъ выписки на имя собранія такихъ газетъ и журналовъ, какъ «Русское Слово», «Русскія Вѣдомости», «Русское Богатство», «Современный Міръ» и т. п., а выписывать *только* «Кіевлянинъ», «Гражданинъ», «Московскія Вѣдомости» и «Курскую Быль». Большинство членовъ совѣта старшинъ не согласилось

подчиниться требованію губернатора, находя, что это требованіе совершенно незаконное. Вслѣдствіе этого трое изъ совѣта старшинъ (исправникъ Заринъ, бывшій городской голова Выходцевъ и инспекторъ торговой школы) подали письменное заявленіе, что они выходятъ изъ состава совѣта и отказываются отъ званія старшинъ, при чемъ одинъ изъ нихъ свой выходъ мотивировалъ такъ: «Я такъ привыкъ подчиняться требованію начальника, когда былъ городскимъ головой, а потому не могу не подчиниться и теперь».

Вотъ на такой способности обывателя пугаться начальства свыше мѣры и основана вся тактика репрессій. И если большинство членовъ уѣзднаго клуба все же оказалось достаточно храбрымъ, чтобы признать давленіе губернатора явно беззаконнымъ, то это уже нѣкоторый плюсъ въ мѣстной жизни, такъ какъ губернаторская власть при такомъ отпорѣ должна почувствовать не только свое беззаконіе, но и свое безсиліе. Нельзя отъ всѣхъ россійскихъ обывателей требовать той или другой степени храбрости: общая пригнетенность общественной атмосферы, а также различныя условія личной зависимости вполнѣ объясняютъ робость и молчаливость обывателя въ отношеніяхъ къ воинствующему начальству. Но все же иного средства нѣтъ: если губернская администрація начинаетъ все свободнѣе обходить даже элементарную законность, то воздѣйствовать на нее могутъ только законный отпоръ и легальные протесты населенія (между прочимъ, имѣется хотя и не вполнѣ надежный, но все же общій и доступный центръ такихъ протестовъ: Государственная Дума). Конечно, довольно странное получается положеніе, если населенію приходится обучать законности губернскую власть. Казалось бы—естественнѣе наоборотъ. Но ужъ такъ неестественно сложилась жизнь Россіи за послѣдніе годы и такъ извратились понятія власти въ неестественной атмосферѣ безотвѣтственности и личнаго усмотрѣнія, что мало уже удивляться и возмущаться, а требуется планомѣрная борьба созрѣвающаго общества съ этимъ тлетворнымъ зломъ.

Отъ большого начальства перенимаетъ всѣ повадки и мелкая сошка, которая, сверхъ того, склонна идти и гораздо дальше по соблазнительному пути беззаконія. Не случайность, что послѣ каждаго рьянаго губернатора въ губерніи всплываютъ, въ особенности, въ полицейской средѣ,—всякія некрасивыя исторіи. «Русскому Слову», напримѣръ, телеграфируютъ изъ Тамбова: «Состоялось постановленіе губернскаго правленія о преданіи суду за подлоги, злоупотребленія, вымогательство и взятки бывшаго полицейскаго

чиновника, завѣдующаго столомъ по исполненію судебныхъ рѣшеній, товарища предсѣдателя тамбовскаго союза русскаго народа, Николая Шуняева, ставленника губернатора Муратова».

Въ Вятской губерніи, гдѣ репрессивная разрушительная дѣятельность производилась кряду нѣсколькими губернаторами (и особенно княземъ Горчаковымъ), разложеніе полицейской среды обнаружилось въ чрезвычайной степени. Подъ судъ попадали одинъ за другимъ всякіе полицейскіе чины, начиная съ полицеймейстера. И вотъ недавній штрихъ, почти комическій, изъ той же области. «Уржумская уѣздная земская управа въ докладѣ земскому собранію,—по словамъ «Вятск. Рѣчи»,—привела рядъ данныхъ объ удивительной способности чиновъ полиціи ѣздить на земскія средства. Напримѣръ, приставъ перваго стана умудрился обскакать въ теченіе года 20.720$^1/_2$ верстъ и только на 13.000 отсталъ отъ разъѣздовъ почты, путешествующей круглый годъ днемъ и ночью. Этотъ труженикъ въ нѣкоторые періоды положительно леталъ: 25-го сентября 1911 года онъ проѣхалъ 308 вер., 26-го—249 вер., 27-го—181 вер., 28-го—235 вер., и т. д. Одинъ изъ гласныхъ въ уржумскомъ земскомъ собраніи указалъ, что на тройкѣ хорошихъ перемѣнныхъ лошадей никакъ нельзя перегнать изъ Уржума до Вятки (190 вер.) скорѣе 22—23 часовъ, и какъ умудряется г. приставъ дѣлать по 300 верстъ въ сутки, ему совершенно непонятно. Ѣздить такъ рядъ дней невозможно; поэтому передъ нами дилемма: или это феноменъ, или данныя невѣрны и ихъ надо разслѣдовать. Земское собраніе высказалось за учрежденіе особаго контроля за разъѣздами полиціи».

Этотъ мелкій штрихъ характеренъ тѣмъ, что обрисовываетъ изрядную смѣлость и беззастѣнчивость полицейскихъ чиновъ: не бояться протягивать руку за деньгами даже тамъ, гдѣ возможенъ точный контроль. Вотъ и еще немалая воспитательная задача для населенія: поднять чувство законности и отвѣтственности въ полицейской средѣ. И здѣсь задача была бы довольно осуществимой, если бы, наконецъ, мѣстная полиція отошла въ вѣдѣніе городовъ и земствъ. Но, увы—и эта малая реформа все еще неосуществима, какъ и многія крупныя.

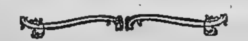
Любопытный фактъ отмѣчаетъ черниговскій корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей»: «Въ средѣ духовенства замѣчается теперь новое теченіе: принимать участіе и воздѣйствовать на общественную дѣятельность. Доминирующая роль духовенства въ послѣднюю избирательную кампанію натолкнула мѣстныхъ священнослужителей

на мысль, что разъ они съумѣли сыграть видную роль на мѣстныхъ выборахъ, то зачѣмъ имъ стоять вдали отъ мѣстныхъ органовъ самоуправленія. Въ связи съ этимъ въ мѣстныхъ «духовныхъ сферахъ» заговорили теперь о возможности значительнаго вліянія духовенства на земскую жизнь, если священнослужителямъ удастся проникнуть въ земство въ качествѣ земскихъ гласныхъ. На дняхъ вопросъ этотъ обсуждался епархіальнымъ съѣздомъ депутатовъ духовенства Черниговской губерніи. Высказалось мнѣніе, что духовенство близко стоитъ къ крестьянскому населенію и знаетъ его нужду, а потому въ земской работѣ священнослужители могутъ быть очень полезны. Въ результатѣ епархіальный съѣздъ постановилъ возбудить въ законодательномъ порядкѣ ходатайство о допущеніи духовенства по церковнымъ земельнымъ цензамъ къ участію въ земской работѣ въ качествѣ гласныхъ».

Конечно, по одному этому факту, какъ онъ ни характеренъ, никакихъ выводовъ относительно общаго настроенія духовенства дѣлать нельзя. Но если вспомнить только что пережитый духовенствомъ соблазнъ во время недавнихъ выборовъ въ четвертую Думу, то нетрудно допустить, что и къ новому соблазну, по примѣру черниговскаго духовенства, значительная часть духовенства можетъ оказаться склонной, особенно если снова проявится давленіе свѣтскаго и синодскаго начальства. И въ самомъ стремленіи къ земскому хозяйству со стороны духовенства не было бы ничего опаснаго (кромѣ опасности для самого духовенства въ смыслѣ все большаго отчужденія отъ церковной жизни), если бы только не представлялось несомнѣннымъ, что и въ земствахъ духовенство неизбѣжно явится послушнымъ проводникомъ правительственныхъ и синодскихъ идей: будетъ оно ратовать и за церковно-приходскія школы, и за хуторскую систему, и за все, къ чему выйдетъ приказанье или внушенье.

Православная церковь учитъ объ искушеніяхъ, соблазнахъ и навожденіяхъ. Замѣчаетъ ли само духовенство, что теперь приблизился къ нему съ коварной, соблазняющей улыбкой князь міра сего?..

И. Жилкинъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

— Толстовскій Ежегодникъ. 1912 г. Изданіе Общества Толстовскаго Музея въ Петербургѣ и Толстовскаго Общества въ Москвѣ. Москва. 303 стр. Ц. 2 руб.
— Толстовскій Музей въ С.-Петербургѣ. I. Описаніе Музея. Составили В. И. Срезневскій и В. Н. Тукалевскій. Спб. 192 стр. Ц. 50 коп.
— В. А. Маклаковъ. Л. Н. Толстой, какъ общественный дѣятель. Изд. Толстовскаго Общества въ Москвѣ. М. Стр. 42. Ц. 20 коп.
— С. Т. Семеновъ. Воспоминанія о Л. Н. Толстомъ. Спб. 1912. 153 стр. Ц. 1 руб.

«Такія изданія, — говорится въ предисловіи къ Толстовскому Ежегоднику на 1912 г.,—связываютъ нашу дѣятельность съ жизнью всего русскаго общества, отцѣживаютъ и впитываютъ въ себя все, что еще уцѣлѣло отъ дорогой жизни въ документахъ и живой памяти. Оно безцѣнно для будущихъ біографовъ. Оно дастъ возможность будущему человѣчеству понимать и чтить, увидѣть во весь ростъ, съ безчисленными подробностями и въ огромной полнотѣ, жизнь и значеніе величайшаго изъ русскихъ писателей. Но не менѣе полноты важна достовѣрность. Легенда о Толстомъ уже слагается, и ея нельзя, а можетъ быть, и не надо разрушать: усталый и мятущійся духъ человѣчества такъ нуждается въ утѣшеніи. Но біографія Толстого и его писанія должны быть освобождены отъ апокрифовъ уже потому, что нельзя ничего придумать лучше подлинниковъ его жизни и творчества. А сберегать все достовѣрное и опровергнуть вымышленное надо съ самаго начала, раньше, чѣмъ затеряются подлинники и перемрутъ современники. Вотъ почему толстовскія общества должны теперь же работать особенно энергично, привлекая сотрудничество и помощь всѣхъ, собирая всѣ остатки, пересматривая всѣ мелочи, чтобы не пропало что-либо важное».

Ставящій себѣ эти задачи, толстовскій Ежегодникъ, на 1912 годъ, выпущенный соединенными силами Петербургскаго и Московскаго Толстовскихъ обществъ (взамѣнъ прежнихъ «Извѣстій»), весьма богатъ разнообразнымъ содержаніемъ, хотя непосредственно принадлежащаго Толстому — очень немного. На первомъ мѣстѣ дана выдержка изъ дневника Толстого отъ 27 марта 1895 года, предста-

вляющая первое завѣщательное распоряженіе Толстого. Здѣсь Л. Н., между прочимъ, говоритъ о томъ, что желалъ бы, чтобы его дневники были проредактированы и сокращены В. Г. Чертковымъ, но нѣсколькими строками далѣе онъ высказываетъ пожеланіе, чтобъ они остались какъ есть: «изъ нихъ видно по крайней мѣрѣ то, что, не смотря на всю пошлость и дрянность моей молодости, — я все-таки не былъ оставленъ Богомъ и хоть подъ старость сталъ хоть немного понимать и любить Его». Кромѣ того дано факсимиле: «молитва внучкѣ Сонечкѣ». Нельзя не пожелать, чтобы въ будущихъ выпускахъ мѣста подлинной рѣчи Толстого отводилось побольше. Въ обширномъ отдѣлѣ записокъ и воспоминаній о Л. Н Толстомъ прежде всего привлекаютъ къ себѣ воспоминанія графини С. А. Толстой, А. А. Стаховича и Н. В. Давыдова, всѣ, относящіяся къ созданію и исторіи «Власти тьмы». Далѣе слѣдуетъ довольно подробное, хотя мѣстами нѣсколько наивное описаніе поѣздки въ Ясную Поляну 24 — 25 авг. 1883 г. нѣкоего Г. А. Русанова, горячаго поклонника Толстого и его идей. При свиданіи Русановъ, съ усердіемъ дошлаго интервьюера, выпытывалъ у Толстого мнѣнія и отзывы по самымъ разнообразнымъ предметамъ, и не разъ встрѣчаемъ въ этихъ воспоминаніяхъ такую фразу: «Толстой улыбнулся (въ отвѣтъ на вопросъ или замѣчаніе собесѣдника) и ничего не сказалъ». Тѣмъ не менѣе, кое-что изъ довольно неумѣло записанныхъ фразъ и отзывовъ Толстого довольно любопытно, какъ новые маленькіе штрихи для обрисовки настроеній и мнѣній Толстого. «Тургеневъ-литераторъ—говорилъ напр. Толстой: — Пушкинъ былъ тоже имъ, Гончаровъ—еще больше литераторъ, чѣмъ Тургеневъ; Лермонтовъ и я—не литераторы».—«Какъ Лѣсковъ съ Леонтьевымъ представляются мнѣ всегда вмѣстѣ парою, такъ же точно, такими же парами представляются мнѣ обыкновенно еще Данилевскій и Чаевъ, Маркевичъ и... какъ его?.. Авсѣенко, Сальясъ и Мельниковъ. Сальяса и Мельникова я читать не могу... это противное подражаніе народному языку; слащавое, дѣланное, фальшивое отношеніе къ народу невыносимо»... «Читали вы Гаршина? Это прелесть, прелесть! Тургеневъ первый указалъ мнѣ на него... Странно, право! Видишь книжку «Устоевъ», просматриваешь оглавленіе и тамъ, вмѣстѣ съ другими, какими-нибудь Ѳедоровыми, Сидоровыми, Карониными и пр. и пр., значится наравнѣ и Гаршинъ съ своимъ разсказомъ. Такъ и чуется, — оживленно говорилъ Толстой: — что редакція и не подозрѣваетъ, что Гаршинъ и эти другіе—совсѣмъ не одно и то же. Онъ положительно выдѣлился, сразу выдѣлился»..

Далѣе въ этомъ же отдѣлѣ весьма любопытны воспоминанія о Толстомъ крестьянъ, собранныя въ Голицынѣ и Ясной Полянѣ; нѣ-

которыя изъ нихъ переданы (самими крестьянами) очень непосредственно и тепло.

Въ слѣдующемъ отдѣлѣ — изслѣдованій и документовъ—находимъ данныя о библіотекѣ Толстого, изученіе которой начато А. Е. Грузинскимъ, статью о замѣткахъ Толстого на экземплярѣ сочиненій Тютчева, котораго Толстой очень цѣнилъ и ставилъ высоко, и т. п. Имѣются данныя объ участіи толстовскаго общества въ торжествахъ въ память Руссо. — Любопытна и хроника, дающая много фактовъ паническаго страха властей предъ однимъ именемъ Толстого, и въ приложеніи приведена курьезная переписка о выдачѣ неразрѣшенныхъ сочиненій Толстого: въ 1899 году баронъ Э. Ю. Нольде, ссылаясь на свой чинъ тайнаго совѣтника, получилъ отъ начальника гл. управленія по дѣламъ печати Соловьева разрѣшеніе получить заграничное изданіе толстовскаго «Воскресенія»; въ 1912 году, при слава Богу конституціи и свободѣ книгопечатанія, тайный совѣтникъ Н. В. Давыдовъ, предсѣдатель московскаго толстовскаго общества такого же разрѣшенія на заграничнаго Толстого не удостоился, при чемъ вопросъ о томъ, по своей необычайной государственной важности, восходилъ до самого г. министра внутреннихъ дѣлъ. Наконецъ въ «Ежегодникѣ» находимъ библіографію произведеній Толстого за два года послѣ его смерти, краткое описаніе московскаго Музея, а также разнообразныя данныя о дѣятельности московскаго общества. Приложенъ рядъ иллюстрацій, между прочимъ воспроизведенъ карандашный рисунокъ, изображающій Толстого-студента казанскаго университета, до сихъ поръ неизвѣстный. Продолженіе «Ежегодника» можно будетъ только привѣтствовать.

Петербургскій Толстовскій Музей отмѣтилъ вторую годовщину Толстого выпускомъ прекрасно составленнаго путеводителя по музею. Изящно изданная книжечка, со многими портретами и видами, очень хорошо исполненными, не только даетъ перечень коллекцій, но знакомитъ во многихъ мѣстахъ и съ относительной цѣнностью ихъ, цитируетъ важнѣйшія мѣста болѣе замѣчательныхъ писемъ и т. п., представляя такимъ образомъ необходимое пособіе не только для бѣглаго знакомства съ музеемъ, но и для изученія жизни Толстого.

Московскій Музей издалъ еще публичную лекцію В. А. Маклакова о Львѣ Толстомъ, какъ общественномъ дѣятелѣ. Это одушевленная характеристика всѣмъ извѣстныхъ выступленій Толстого въ качествѣ дѣятеля въ области народнаго образованія, помощи бѣднымъ, голодающимъ, сектантамъ и т. д. Авторъ справедливо видитъ въ этой дѣятельности все того же Толстого, какимъ мы знаемъ его въ качествѣ художника и религіознаго реформатора:

«то же безстрашіе и добросовѣстность мысли, которая ничего не боится и ни передъ чѣмъ не останавливается,—ни передъ неожиданностью выводовъ, ни передъ всеобщностью осужденія. Та же преданность дѣлу, которая не позволяла ему ограничиваться критикой, совѣтами, а заставляла самому дѣлать то дѣло, о которомъ онъ говорилъ. И наконецъ, мы всегда видимъ одно: когда онъ вмѣшивается въ борьбу, можно быть увѣреннымъ, что на какой сторонѣ была правда, справедливость, истинная человѣчность, на той сторонѣ былъ всегда Толстой». Лишній разъ напоминая обществу объ этой дѣятельности Толстого, какой хватило бы на десятки человѣкъ, авторъ въ заключеніи выразительно отмѣчаетъ, какъ «государство, какъ воплощеніе народной мощи, почтительно останавливалось передъ этимъ безсильнымъ старцемъ, какъ воплощеніемъ народнаго генія, народной славы, народной любви».

Книжка воспоминаній о Толстомъ С. Т. Семенова, извѣстнаго автора разсказовъ для народа, участника «Посредника» первой поры, подкупаетъ въ свою пользу, безыскусственностью разсказа и содержитъ довольно любопытныя черты для характеристики отношеній къ великому писателю разнообразныхъ рядовыхъ людей трудовой массы. Довольно много подробностей въ ней касаются времени участія Толстого въ «Посредникѣ», его работы во время голодовокъ; наиболѣе обстоятельны разсказы о встрѣчахъ съ Толстымъ за послѣдніе годы его жизни. Книжка заканчивается описаніемъ дня погребенія Толстого въ Ясной полянѣ.

Ч. В—ій.

— И. И. Гливенко. Витторіо Альфьери. Жизнь и произведенія. Т. I. Спб. 1912.

Книга И. И. Гливенка—диссертація, доставившая автору, послѣ публичнаго диспута 18 ноября, ученую степень магистра западноевропейскихъ литературъ. На диспутѣ было подчеркнуто, что едва ли трудъ И. И. Гливенка можно назвать «изслѣдованіемъ», какъ назвалъ его авторъ. И, дѣйствительно, передъ нами «книга объ Альфьери», а не изслѣдованіе о немъ, въ общепринятомъ смыслѣ термина. Авторъ предпочелъ дать изображеніе оригинальной и сложной личности поэта, его настроеній и воззрѣній на литературное творчество—біографія и поэтика Альфьери составляютъ содержаніе вышедшаго тома,—чѣмъ анализировать источники своей работы и методически строить общіе выводы. Получилась книга, про которую Н. И. Карѣевъ имѣлъ поводъ сказать, что это скорѣе литературное, чѣмъ ученое произведеніе. Она обращена не только, и даже не столько къ спеціалисту науки, сколько къ культурному читателю

вообще. Такая книга можетъ быть научной, не будучи типично-ученой, что за трудомъ И. И. Гливенко и признано судомъ факультета. Но эти ея свойства, не во всемъ сочувственныя коллегамъ автора по наукѣ, дѣлаютъ ее доступной и интересной для широкой публики, на вниманіе которой русскій трудъ объ Альфьери имѣетъ большое право. Она увлечетъ читателя интересомъ къ своеобразной индивидуальности итальянскаго поэта, пьемонтскаго аристократа, выбитаго судьбой и порывами собственной натуры изъ колеи традиціоннаго быта, яркой фигуры на порогѣ двухъ культурныхъ эпохъ, какъ бы сложившихся, чтобы измучить его своими противоположностями, которыя въ немъ стали внутренними противорѣчіями и мысли, и чувства. Этотъ обликъ даетъ книга Гливенка на большомъ матеріалѣ автобіографіи Альфьери, его писемъ и произведеній, въ крупныхъ до трагизма и мелкихъ до жалости чертахъ его личной жизни. Личность Альфьери—крайне интересна для историка, какъ отраженіе напряженнаго культурно-историческаго момента. Но это—не точка зрѣнія нашего автора. Онъ заслужилъ упрекъ, что лишь мимоходомъ, даже нехотя отмѣчаетъ связь индивидуальныхъ чертъ своего героя съ условіями среды и эпохи, лишь по скольку безъ того никакъ нельзя было обойтись, а не ставитъ его въ широко и внимательно очерченную историческую обстановку. Для И. И. Гливенка—Альфьери, прежде всего, увлекшая его интересная индивидуальность, психологическій типъ, который онъ охотнѣе сопоставитъ съ родственными Альфьери натурами иныхъ эпохъ и обстановокъ (не разъ при чтеніи книги вспомнишь, напр., лорда Байрона, при сохраненіи всего разстоянія несоизмѣримыхъ калибровъ), чѣмъ съ его современниками, близкими по общей культурной атмосферѣ, но индивидуально-далекими. То же субъективное отношеніе къ Альфьери наложило печать и на трактовку поэтики Альфьери. На основаніи теоретическихъ сочиненій Альфьери Гливенко построилъ эту поэтику, любопытную, какъ одна изъ разновидностей теорій неоклассицизма, примыкающая, впрочемъ, по существу, къ основамъ французской поэтики, изъ которой Альфьери черпалъ не мало готовыхъ формулъ. Но для И. И. Гливенка ея цѣнность больше, потому что и тутъ онъ ищетъ выраженія индивидуальности своего героя, утверждая, что воззрѣнія Альфьери «оригинальны органически»: поэтъ-теоретикъ бралъ чужія слова и мысли, не какъ школьную схему, а какъ подлинное выраженіе своихъ личныхъ переживаній и оправданіе своего подлиннаго творчества. Да и «классицизмъ» Альфьери, по свойствамъ его натуры, получаетъ, дѣйствительно, своеобразный оттѣнокъ, усиливающій впечатлѣніе личности, которая судьбой поставлена была на грани двухъ вели-

кихъ эпохъ. Въ этомъ «неоклассикѣ» уже сквозитъ и подъ часъ ярко прорывается «романтическая» струя его темперамента и умоначертанія. Въ приложеніяхъ—три неизданныхъ произведенія Альфьери, не видавшія до сихъ поръ печати по смѣлости своего содержанія («Esquisse du jugement universel» и двѣ стихотворныя итальянскія новеллы), изданіе которыхъ несомнѣнная заслуга автора; а далѣе—рукопись, гдѣ поэтъ далъ много указаній на время, мѣсто, поводъ написанія тѣхъ или иныхъ своихъ произведеній, цѣннѣйшій матерьялъ, какъ то странно до сихъ поръ никѣмъ не использованный; а въ заключеніи—переводъ одной изъ трагедій Альфьери—«Филиппъ»—въ стихахъ, тяжеловѣсность которыхъ переводчикъ едва ли не преувеличенно сваливаетъ на свойства стиля самого автора. Таковъ, въ главныхъ чертахъ, первый томъ труда Гливенка. Имѣя самостоятельную цѣну, онъ, все-таки, такъ построенъ, что долженъ служить базой къ изученію поэтическаго творчества Альфьери, и будетъ крайне досадно, если онъ увеличитъ количество магистерскихъ «первыхъ томовъ», не имѣвшихъ затѣмъ продолженія, а такихъ у насъ, къ сожалѣнію, не мало. И. И. Гливенко долженъ дать русскому читателю всего Альфьери—не только въ изученіи своемъ, но и въ переводѣ его автобіографіи, существующей чуть ли не на всѣхъ европейскихъ языкахъ, кромѣ русскаго.

А. Пр.

— Эдгаръ Мартини, профессоръ классической филологіи въ Лейпцигскомъ Университетѣ. Исторія римской литературы. Пособіе для студентовъ-филологовъ и преподавателей латинскаго языка. Переводъ и дополненія К. Тюлеліева. Часть I. Литература республики. Съ рисунками въ текстѣ и отд. таблицами. Спб. и М. Цѣна 2 р. 50 к.

Оригиналъ книги Мартини появился въ 1910 г. въ серіи «Sammlung von Kompendien für das Studium und die Praxis». Это названіе сряду выясняетъ практически-справочный характеръ сочиненія. Поэтому обыкновенный читатель, а не спеціалистъ-филологъ, врядъ ли будетъ имѣть терпѣніе одолѣть всю книгу подрядъ; для послѣдовательнаго чтенія сочиненіе Мартини не годится. Оно и черезчуръ сухо для этого, и переполнено такими подробностями, которыя широкой публикѣ покажутся прямо излишними, какъ напр. пространныя разсужденія о рукописномъ преданіи древнихъ писателей, обширная библіографія предмета и т. д. Нельзя не добавить къ этому, что авторъ удѣлилъ менѣе, чѣмъ слѣдовало бы, вниманія той сторонѣ исторіи античной литературы, которая наиболѣе интересна для современнаго читателя, а именно вліянію древнихъ писа-

телей на новыхъ и новѣйшихъ. Правда, это направленіе въ изученіи античности стало выдвигаться сравнительно очень недавно, но оно уже блестяще представлено такими трудами, какъ Ѳ. Ф. Зѣлинскаго, «Cicero im Wandel der Jahrhunderte» (въ истекающемъ году книга вышла уже 3-имъ изданіемъ), Ramorino, «Cornelio Tacito nella storia della coltura», Hirzel, «Plutarch», Finsler, «Homer in der Neuzeit», Maass, «Goethe und die Antike» и др. Путемъ этого вліянія античности на новую и новѣйшую литературу и можно наиболѣе осязательно и наглядно доказать всю несокрушимую мощь древней культуры. Нечего и говорить, далѣе, что въ книгѣ Мартини нельзя найти какія-нибудь блестящія общія характеристики того или другого писателя или даже психологическій анализъ отдѣльныхъ произведеній. Но, не задаваясь этими возвышенными темами, авторъ прекрасно выполнилъ свою уже отмѣченную выше скромную задачу—дать надежный учебникъ избраннаго имъ предмета. Онъ не только внимательно перечиталъ, но и изучилъ всѣ сколько-нибудь важные труды, посвященные взятой имъ темѣ. Задача эта является далеко не легкой, если принять во вниманіе хотя бы тотъ фактъ, что въ только что вышедшемъ библіографическомъ пособіи по римской литературѣ (Klussmann, «Scriptores latini») за періодъ времени всего въ 18 лѣтъ (1878-1896) голый перечень сочиненій, посвященныхъ одному Цицерону, занимаетъ 42 страницы петита обычнаго in-8/. Это внимательное изученіе предмета помогло Мартини дать глубоко продуманное собственное сужденіе по всѣмъ спорнымъ вопросамъ разсмотрѣннаго имъ періода римской литературы. И въ рѣшеніи контроверсъ, и во всей вообще книгѣ изложеніе отличается простотой и ясностью. Излишне прибавлять, что, живя въ одномъ изъ виднѣйшихъ центровъ нѣмецкой учености и въ мѣстѣ главнаго книжнаго рынка—въ Лейпцигѣ, авторъ могъ поставить свой трудъ на уровнѣ современной науки. Въ вышедшемъ пока первомъ томѣ изложеніе заканчивается такъ называемой «новой школой римскихъ поэтовъ». Изъ болѣе крупныхъ писателей въ книгу вошли Плавтъ, Теренцій, Цицеронъ, Варронъ, Цезарь, Саллюстій, Корнелій Непотъ, Лукрецій и Катуллъ.

Обратимся теперь къ русскому переводу. Г. Тюлеліевъ отнесся къ своей задачѣ съ полною добросовѣстностью, временами даже излишней. Онъ старался передать нѣмецкій текстъ также бережно, какъ будто это былъ какой-нибудь важный историческій источникъ. Въ этихъ видахъ онъ сохранилъ даже ссылки Мартини на французскій переводъ извѣстнаго сочиненія В. И. Модестова: «Введеніе въ римскую исторію», хотя русскій текстъ этой книги выпущенъ въ свѣтъ тѣмъ же Товариществомъ М. О. Вольфъ, которое издало и

Мартини. Понятно, что цитаты оригинала воспроизведены и для другихъ трудовъ, имѣющихся въ русскомъ переводѣ, какъ напр. Пельмана, «Исторія античнаго коммунизма и соціализма». Затѣмъ переводчикъ старательно сохранилъ всѣ библіографическія указанія Мартини, иногда совершенно излишнія для русскихъ читателей. Въ самомъ дѣлѣ, кто, напр., будетъ у насъ интересоваться нѣмецкимъ переводомъ трактата Катона о сельскомъ хозяйствѣ, вышедшимъ въ Галле въ 1787 г.? Перепечатавъ цѣликомъ библіографію Мартини, г. Тюлеліевъ сдѣлалъ, правда, указанія и на русскую литературу предмета, но далеко не съ исчерпывающей полнотой, а имѣя въ виду «перечислить лишь наиболѣе существенное и необходимое». Конечно, этой оговоркой можно легче всего оградить себя отъ указанія пропусковъ (а они есть у г. Тюлеліева, и притомъ иногда не маловажные); но во всякомъ случаѣ, въ виду справочнаго характера книги и отсутствія въ нашей литературѣ хорошаго библіографическаго указателя книгъ по древнеримской словесности, мы желали бы видѣть въ послѣдующихъ изданіяхъ перевода этотъ отдѣлъ значительно расширеннымъ, хотя бы въ ущербъ библіографіи оригинала. Что касается характера самаго перевода, то, будучи филологомъ по образованію, г. Тюлеліевъ въ общемъ справился со своей задачей успѣшно, хотя отдѣльные lapsus'ы у него попадаются, напр. на стр. 382 «поучительное построеніе» (?) вм. «научной системы» (Lehrgebäude). Или въ началѣ книги Мартини съ извѣстной гордостью заявляетъ, что, въ виду практическаго характера его труда, онъ счелъ нужнымъ внести туда также указанія и на «весьма разбросанныя» (sehr zerstreute) дидактическія сочиненія по методикѣ преподованія древнихъ авторовъ, вошедшихъ въ школьный обиходъ, переводчикъ же совершенно умалилъ эту заслугу нѣмецкаго ученаго, передавъ sehr zerstreute черезъ «весьма распространенныя». Вообще, бу-тщательный пересмотръ всего текста на случай новаго изданія будетъ далеко не лишнимъ. Но и въ настоящемъ видѣ книга достигаетъ практическихъ цѣлей, указанныхъ въ ея заглавіи. Можно надѣяться, что при все болѣе и болѣе укореняющейся у насъ системѣ подготовленія къ университетскимъ экзаменамъ по отдѣльнымъ учебникамъ, а не по курсамъ преподавателей, руководство Мартини станетъ однимъ изъ такихъ учебниковъ, особенно когда выйдетъ въ переводѣ вторая и послѣдняя часть его, не появлявшаяся еще, насколько намъ извѣстно, въ нѣмецкомъ оригиналѣ.

Русскій текстъ своею цѣною превосходитъ стоимость оригинала, потому что Товарищество М. О. Вольфъ сочло нужнымъ прибавить къ книгѣ рядъ рисунковъ, многіе изъ которыхъ еще не появлялись въ русскихъ изданіяхъ. Всѣ эти иллюстраци въ общемъ подобраны

удачно и исполнены отчетливо, за исключеніемъ изображеній изъ иллюстрированныхъ рукописей Теренція, сдѣланныхъ очень мелко. Таблица съ текстомъ Марціана Капеллы, про котораго въ книгѣ упоминается вскользь, могла бы быть съ успѣхомъ замѣнена страницей рукописи Лукреція или Катулла.

А. Малеинъ.

— А. А. Кизеветтеръ. Историческіе очерки. Цѣна 3 р.

Книга г. Кизеветтера посвящена главнымъ образомъ концу XVIII и первой половинѣ XIX в. Авторъ считаетъ необходимымъ поднять завѣсу надъ недавнимъ прошлымъ русской исторіи.

«Русская исторія», пишетъ г. Кизеветтеръ, «въ своемъ постепенномъ развитіи съ необычайной послѣдовательностью овладѣвала отдѣльными частями своего предмета. Когда въ половинѣ XVIII в. зарождавшаяся наука русской исторіи дѣлала свои первые шаги, то двѣ проблемы привлекли къ себѣ преимущественный интересъ: 1) о происхожденіи Руси и 2) о составѣ древнѣйшей лѣтописи. Тѣ же проблемы направляли изслѣдовательскую дѣятельность русскихъ и въ первыя десятилѣтія XIX в. Въ 40-хъ годахъ идейная борьба между западниками и славянофилами передвинула работу изслѣдователей къ московскому государству. Размышляя надъ путями нашего національнаго развитія, и то и другое теченіе ставило центромъ своихъ историческихъ построеній антитезу московскаго царства и петербургской имперіи. Не Кіевская, а московская Русь дѣлается преимущественно объектомъ изслѣдовательской пытливости. Выдвигались новыя и новыя задачи историческаго изученія, но русская исторіографія не спѣшила примѣнить ихъ къ изученію имперіи XVIII и XIX в.».

А. А. Кизеветтеръ думаетъ, что время такого изученія будетъ неуклонно приближаться и что содѣйствіе такому изученію составляетъ одну изъ очередныхъ задачъ нашей исторіографіи. Историческіе очерки его и посвящены этому періоду. Въ ихъ составъ вошли статьи печатавшіяся въ послѣдніе годы въ рядѣ нашихъ журналовъ. и только нѣкоторые изъ нихъ печатаются впервые. По содержанію статьи очень разнообразны. Въ «Посадской общинѣ въ Россіи XVIII ст.» авторъ излагаетъ въ сжатой и доступной для широкой публики формѣ результаты своихъ изслѣдованій, которыя въ болѣе полномъ изложеніи были предметомъ его диссертаціи. Нѣсколько статей посвящено выясненію міросозерцанія публицистовъ Екатерининскаго времени. Есть статьи о политической тенденціи Домостроя и объ императорѣ Николаѣ I, какъ конституціонномъ монархѣ и т. д. Всѣ 14 статей разбиты авторомъ на 4 части: «изъ исторіи

политическихъ идей, школа и просвѣщеніе, русскій городъ въ XVIII ст. и изъ исторіи Россіи въ XIX в.». Особенно интересна и обстоятельна статья: «Императоръ Александръ I и Аракчеевъ», въ которой дается новое освѣщеніе личностей государя и временщика. Авторъ опровергаетъ шаблонную точку зрѣнія на Аракчеева, какъ на «демона зла», и считаетъ его служилымъ холопомъ, преданнымъ «безъ лести», но при непремѣнномъ условіи полученія за свою преданность соотвѣтствующихъ подачекъ. Взаимныя отношенія Александра I и Аракчеева слагались иначе, чѣмъ гласитъ легенда. Александръ вдохновлялъ, Аракчеевъ исполнялъ. Разбирая политическую дѣятельность Александра I, г. Кизеветтеръ приходитъ къ выводу, что отличительной его чертой была безповоротная рѣшимость и умѣнье маскировать свои планы. Аракчеевъ могъ стать при Александрѣ лишь тѣмъ, чѣмъ желалъ самъ Александръ. Онъ приближалъ къ себѣ Аракчеева не потому, что былъ плѣненъ его личностью или поддавался его вліянію, а потому, что считалъ Аракчеева для себя необходимымъ. Онъ былъ разсчетливымъ хозяиномъ, который считаетъ не лишнимъ держать у своихъ покоевъ на цѣпи злого сторожеваго пса.

Очерки читаются съ огромнымъ интересомъ, который увеличивается еще и тѣмъ, что авторъ постоянно подчеркиваетъ неразрывную связь настоящаго съ прошлымъ, указываетъ преемственность идей и учрежденій и въ прошломъ находитъ свѣтлые зародыши болѣе культурной современности.

Т.

— М. П. Чубинскій. Статьи и рѣчи по вопросамъ уголовнаго права и процесса. Т. II. СПБ., 1912 г.

Сборникъ М. П. Чубинскаго заключаетъ въ себѣ рядъ статей и замѣтокъ по разнообразнымъ вопросамъ уголовнаго права, нѣсколько рецензій и три «памятки» (изъ нихъ первая разрослась въ обширную статью), посвященныя характеристикѣ нашихъ криминалистовъ—В. Д. Спасовича, Д. А. Дриля и Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскаго. Содержаніе сборника свидѣтельствуетъ объ отзывчивости автора на острые вопросы современной дѣйствительности, входящіе въ сферу дѣятельности криминалиста. Онъ присоединяетъ «голосъ науки» къ голосамъ, заявляющимъ, что «обновленная Россія не хочетъ болѣе позора казней»; онъ требуетъ (по поводу проникшихъ въ печать слуховъ о пыткахъ въ Ригѣ) выясненія истины, точно ли Россія есть «страна пытокъ»; онъ подвергаетъ обстоятельной критикѣ сенатскія разъясненія клонящіяся, то къ пораженію избирательныхъ правъ гражданъ, то къ ограниченію правъ народныхъ

представителей, раскрываетъ беззаконность посягательствъ на свободу судебной рѣчи и судебной защиты, посвящаетъ большую статью «мартирологу судебной реформы», наконецъ, въ сообщеніи, сдѣланномъ въ соединенномъ засѣданіи С.-Петербургскаго юридическаго общества и русской группы международнаго союза криминалистовъ, обсуждаетъ выдвинутый преобразованіемъ мѣстной юстиціи вопросъ объ участіи народнаго элемента въ мѣстномъ судѣ. Это послѣднее сообщеніе, небольшое по размѣрамъ, намъ представляется особенно цѣннымъ. У насъ существуетъ немало предразсудковъ, въ силу которыхъ тѣ или другія требованія законодательныхъ реформъ объявляются ненаучными. Такъ, даже докладчикъ комиссіи, избранной Гос. Думою 2-го созыва для предварительнаго разсмотрѣнія законопроекта о мѣстномъ судѣ, хотя и поддерживалъ принципъ выборности мѣстнаго суда, но находилъ этотъ принципъ противорѣчащимъ требованіямъ науки. Еще болѣе распространено мнѣніе о ненаучности требованія, чтобы къ выборному мѣстному судьѣ были присоединены представители отъ общества, для участія въ рѣшеніи хотя бы только важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ. Тотъ же докладчикъ считаетъ это требованіе лишеннымъ «объективныхъ основаній» и подчеркиваетъ, что оно отстаивалось и во 2-й, и въ 3-й Гос. Думѣ, главнымъ образомъ депутатами-крестьянами. Конечно, депутаты-крестьяне не въ силахъ были подыскать «научной» аргументаціи въ пользу «засѣдателей или совѣтниковъ». Взявъ засѣдателей подъ свою защиту, М. П. Чубинскій придалъ «крестьянскому» требованію недостававшую ему печать академизма.—Самаго серьезнаго вниманія заслуживаетъ статья о «современномъ состояніи уголовнаго законодательства въ Россіи». Она ярко изображаетъ это безпорядочное состояніе, по истинѣ вопіющее и не имѣющее ничего подобнаго во всемъ мірѣ. Можно спорить противъ вывода, къ которому приходитъ авторъ,—о желательности немедленнаго введенія въ дѣйствіе въ полномъ объемѣ Уголовнаго Уложенія 1903 г.,—но нельзя не пожелать, чтобы его критика одновременнаго примѣненія различныхъ уголовныхъ кодексовъ послужила толчкомъ къ работѣ надъ устраненіемъ хаоса, царящаго въ нашемъ уголовномъ законодательствѣ.

Вся книга проникнута бодрымъ настроеніемъ, которое хорошо выражено авторомъ въ словахъ: «не нужно поддаваться унынію и уподобляться дѣвамъ, у которыхъ оказались въ рукахъ въ важный моментъ лишь пустые свѣтильники».

Н. Полянскій.

— А. Л. Байковъ. Междувластныя и властныя отношенія въ теоріи права. Ярославль. 1912.

Книга г. Байкова представляетъ собою «опытъ теоретико-познавательнаго построенія», что въ юридической литературѣ является довольно необычнымъ. Она «заключаетъ въ себѣ попытку новаго построенія понятія права и формъ его выраженія». «Ближайшей задачей настоящаго труда—говоритъ авторъ,—является выясненіе природы междувластныхъ и властныхъ отношеній въ теоріи права. Разсматривая связанные съ этой задачей вопросы, мы приходимъ къ заключенію, что понятія права и нравственности—продуктъ опредѣленныхъ психическихъ процессовъ, что переживаемая нами дѣйствительность, преломляясь сквозь призму нашей психики, вызываетъ многообразныя представленія этически должнаго, правомѣрнаго, что поэтому теорію права слѣдуетъ созидать на психологическомъ основаніи; выражаясь короче, мы высказываемся въ пользу психологической теоріи права. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы расширяемъ проблему и подготовляемъ пути для теоретико-познавательнаго обоснованія права». Таковы задачи автора. Каково же ихъ разрѣшеніе?

Общая гносеологическая конструкція автора, какъ и его «теоретико-познавательное обоснованіе права», являются несомнѣнною новостью въ юриспруденціи, хотя его «конечные выводы въ ученіи о правѣ» и примыкаютъ къ теоріи проф. Петражицкаго. Авторъ исходитъ изъ моднаго нынѣ ученія «интуитивизма» (изложеннаго у насъ въ Россіи Н. О. Лосскимъ: «Обоснованіе интуитивизма» и «Введеніе въ философію права»), согласно которому *дѣйствительность имманентна сознанію*, т. е. входитъ въ область сознанія и обусловливается имъ.

Гносеологическая конструкція автора, снабженная массою формулъ, представляется весьма схоластической и схематичной. Право, какъ и нравственность, авторъ относитъ къ сферѣ этики, этическаго сознанія, и полагаетъ, что «по существу никакого различія между ними не обнаруживается»; какъ праву, такъ и нравственности одинаково «присущъ элементъ долженствованія», «обязанности», т. е. «этическаго оправданія связанности». Но «гдѣ обязанность, тамъ и обязывающій, управомоченный» ибо всякое «обязываніе» по существу своему является «притязательнымъ». Такимъ образомъ, и право, и нравственность оперируютъ съ понятіями «правомочія» и «обязанности». Различіе между ними покоится на «дестинарныхъ представленіяхъ», т. е. представленіяхъ «адресатовъ» или «дестинаторовъ», «въ интересахъ или по адресу коихъ» осуществляются обязанности и производятся соотвѣтственные эффекты. «Въ сферѣ

нравственности—говоритъ авторъ —мое «я» и его интересы отступаютъ на задній планъ, заслоняются интересами прочихъ. Въ сферѣ правовыхъ переживаній «я» занимаетъ центральную позицію, мыслится въ числѣ адресатовъ этическаго порядка». Такое утвержденіе представляется намъ принципіально неправильнымъ. Особенно наглядно это обнаруживается въ области нравственности. Для всякаго нормально-моральнаго человѣка нравственный долгъ долженъ выполняться не ради «интересовъ» представляемаго «адресата» или «дестинатора», якобы «притязающаго» на исполненіе долга, а для того, чтобы исполнить свой долгъ, *какъ таковой*, подъ вліяніемъ собственнаго нравственнаго *самообязыванія*. Сущность права также заключается не въ томъ, что оно удовлетворяетъ «интересамъ» разныхъ «дестинаторовъ», а въ томъ, что медленно, но неуклонно, на ряду съ прочими нормативными средствами, оно ведетъ человѣчество отъ соціально-низшаго къ соціально-высшему типу поведенія. Что касается «властныхъ» и «междувластныхъ» отношеній, то авторъ приходитъ къ опредѣленію власти, какъ «функціи», посредствомъ которой «осуществляются акты господства». Власть «постулируетъ» отношеніе «неуравновѣшенной» зависимости, съ признакомъ подчиненія. Отсюда авторъ приходитъ къ опредѣленію понятій «властныхъ» отношеній, построенныхъ на началахъ «неуравновѣшенной» зависимости, и отношеній «междувластныхъ», предполагающихъ «равновѣсіе взаимно зависимыхъ сторонъ». Отношенія эти «пластичны», измѣнчивы и способны переходить одно въ другое подъ вліяніемъ измѣненія характера зависимости. Далѣе авторъ выводитъ, что и государство, и международный союзъ—не центральныя, не конечныя понятія, а лишь «частныя выраженія двухъ болѣе общихъ системъ властной и междувластной зависимости».

Подводя итогъ книгѣ г. Байкова, слѣдуетъ сказать, что она даетъ много матеріала для юристовъ и бросаетъ нѣкоторый новый свѣтъ на явленія правовой дѣйствительности, особенно въ области международнаго права. Вообще починъ г. Байкова можно привѣтствовать, но автору предстоитъ еще много работы—иначе его «опытъ» окажется мертворожденнымъ.

П. Михайловъ.

— Д. В. Краинскій. Матеріалы къ изслѣдованію исторіи русскихъ тюремъ въ связи съ исторіей учрежденія Общества попечительнаго о тюрьмахъ. Черниговъ. 1912 г. Ц. 1 р. 35 к.

Исторія нашихъ тюремныхъ учрежденій изслѣдована очень мало. Нельзя, поэтому, не привѣтствовать попытку пролить свѣтъ на эту едва затронутую научными трудами область. Г. Краинскій,

въ качествѣ тюремнаго инспектора, имѣлъ доступъ къ архивнымъ матеріаламъ по тюремному дѣлу въ черниговской губерніи. Составленный имъ очеркъ имѣетъ, однако, и общее значеніе, такъ какъ въ исторіи тюремнаго дѣла въ Черниговской губерніи несомнѣнно отразилось общее направленіе тюремной политики въ Россіи. Въ послѣдней части своей работы авторъ, притомъ, прямо намѣчаетъ главные этапы исторіи общества попечительнаго о тюрьмахъ.

Первый отдѣлъ книги г. Краинскаго посвященъ состоянію мѣстъ заключенія въ Черниговской губерніи до введенія въ дѣйствіе учрежденія о губерніяхъ 1775 г. Обстоятельно обрисованы два основныхъ типа тюремныхъ строеній: *острогъ*, какъ мѣсто карательнаго заключенія, огражденное двойнымъ частоколомъ, и *колодничья изба*, лишенная ограды, предназначенная для предварительнаго ареста и напоминающая нынѣшнія арестантскія при полиціи. И остроги, и избы были тѣсны, ветхи и грязны, а воздухъ въ нихъ, по отзыву одного городничаго, былъ «столь ядовитъ и вреденъ, что люди немалымъ числомъ впадали въ болѣзни». Начало XIX-го вѣка авторъ во второй части своей работы характеризуетъ какъ періодъ тюремнаго строительства. Малороссійскій генералъ-губернаторъ кн. А. Б. Куракинъ обратилъ вниманіе на невозможное состояніе тюремъ и сообщилъ объ этомъ Александру I, ходатайствуя объ отпускѣ средствъ на новыя тюремныя зданія. Онъ доносилъ, что въ тюрьмахъ «совокупно находятся злодѣй, смертоубійца, святотатъ, человѣкъ, подозрѣваемый только въ преступленіи и могущій доказать невинность, какъ иногда и злополучный, потерявшій отъ разныхъ стекшихся обстоятельствъ все безъ остатка, а потому пришедшій не въ состояніе платить своихъ долговъ и преслѣдуемый заимодавцами». Молодой императоръ отозвался на гуманное представленіе о «раздѣленіи колодниковъ въ мѣстѣ и образѣ содержанія ихъ по роду преступленія и степени обвиненія». 20-го апрѣля 1803 г. былъ изданъ указъ о раздѣленіи колодниковъ на разряды и объ отпускѣ суммъ на постройку болѣе благоустроенныхъ каменныхъ тюремъ, получившихъ названіе тюремныхъ замковъ.

Третья и послѣдняя часть работы г. Краинскаго отведена исторіи общества попечительнаго о тюрьмахъ. Возникшее въ 1819 г. по инициативѣ ученика знаменитаго Говарда — Вальтера Виннинга, это общество въ началѣ своей дѣятельности проявило незаурядную для того времени энергію. Не ограничиваясь филантропической дѣятельностью, общество постепенно взяло въ свои руки и тюремное хозяйство. Отмѣненная лишь недавно «Инструкція смотрителю тюремнаго замка» (1831 г.) представляла нѣсколько измѣ-

ненную программу петербургскаго комитета общества. Но такую энергію проявили только центральныя учрежденія общества, и лишь на первыхъ порахъ. Въ книгѣ г. Краинскаго излагается исторія дѣятельности или, вѣрнѣе, бездѣятельности отдѣленій общества въ Черниговской губерніи. Комитеты общества вербовались изъ провинціальныхъ чиновниковъ почти насильственно; дѣло доходило даже до взысканія «пожертвованій» черезъ полицію и до обложенія незаконными поборами государственныхъ крестьянъ, на которыхъ провинціальныя власти думали переложить непріятную повинность. Реформа 1851 г. окончательно превратила общество въ междувѣдомственное бюрократическое учрежденіе. Тюремное дѣло пришло въ совершенный упадокъ, и самое завѣдываніе тюрьмами перешло въ руки невѣжественныхъ тюремныхъ смотрителей. Учрежденіе Главнаго тюремнаго управленія, упорядочивъ административный строй тюрьмы, вмѣстѣ съ тѣмъ фактически лишило общество всякаго вліянія, и оно находится теперь наканунѣ преобразованія въ учрежденіе исключительно благотворительнаго характера. Къ сожалѣнію, авторъ недостаточно обратилъ вниманіе на положеніе самихъ тюремныхъ сидѣльцевъ. Нельзя признать обоснованнымъ выводъ, что причиной разложенія Общества попечительнаго о тюрьмахъ былъ упадокъ филантропическихъ началъ и равнодушіе къ судьбѣ преступниковъ. Вѣдь самъ авторъ документально доказываетъ, что общество очень скоро получило бюрократическую окраску. Тюрьма, къ сожалѣнію, стоитъ внѣ общественнаго контроля. Недовѣріе къ представителямъ общества доходитъ до того, что администрація чинитъ препятствія, напр., въ дѣлѣ устройства просвѣтительныхъ чтеній въ тюрьмѣ, а осмотръ тюремъ гораздо болѣе доступенъ знатнымъ иностранцамъ, чѣмъ представителямъ русскаго общества. Перелагать отвѣтственность за тюремное неустройство на общество нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній.

Ал. Маклецовъ.

— В. Тотоміанцъ. Кооперація въ русской деревнѣ. Москва, 1912.

Изъ всѣхъ видовъ коопераціи сколько-нибудь значительное распространеніе въ прежнее время въ деревнѣ имѣли кредитныя учрежденія. Прочія ея формы быстро стали тамъ распространяться лишь въ самые послѣдніе годы. Дѣятельность коопераціи не могла въ столь короткое время достаточно опредѣлиться, печатныя о ней свѣдѣнія—накопиться въ достаточномъ количествѣ, и можно, пожалуй, согласиться съ мнѣніемъ г. Тотоміанца о преждевременности широкихъ обобщеній по предмету деревенской коопераціи обобщеній.

Отсюда, однако, не слѣдуетъ, чтобы литературному труду о деревенской коопераціи оставалось обратиться въ простой сборникъ матеріаловъ. Самъ г. Тотоміанцъ въ объясненіе характера своей книги заявляетъ, что «*общая* картина развитія и положенія коопераціи должна предшествовать тѣмъ выводамъ, которые можно сдѣлать на ея основаніи». Но разсматриваемый нами трудъ врядъ ли можетъ считаться и «общей картиной», такъ какъ цѣлые его отдѣлы состоятъ изъ однѣхъ подробностей. Не знаемъ, приложимо ли къ нему и наименованіе «сводки» матеріаловъ, присвоиваемое ему авторомъ; главы II и IV, напримѣръ, въ коихъ описываются одно за другимъ отдѣльныя сельско-хозяйственныя общества, представляютъ собою только выборки изъ отчетовъ, безъ сведенія однородныхъ данныхъ во едино. Такой же характеръ имѣетъ и глава III, но она скорѣе заслуживаетъ названіе сводки, потому что составлена на основаніи отвѣтовъ на спеціальные запросы. Характеръ обобщенной сводки и описаній имѣютъ въ книгѣ г. Тотоміанца главы о кредитной коопераціи, пересказывающія содержаніе отчетовъ Управленія по дѣламъ мелкаго кредита, земскихъ и частныхъ изслѣдованій и т. п.

Большая книга г. Тотоміанца заполнена, главнымъ образомъ, двумя, наиболѣе распространенными видами коопераціи—кредитными и сельско-хозяйственными обществами. На всѣ прочія коопераціи изъ 450 страницъ книги отведено около восьмидесяти, и современному артельному маслодѣлію въ Европейской Россіи, представляемому двумя стами заводовъ, посвящено лишь три страницы. Тѣ два вида коопераціи, которые богаче представлены въ книгѣ, подлежатъ оффиціальной регистраціи, и въ оффиціальныхъ изданіяхъ по крайней мѣрѣ о кредитныхъ учрежденіяхъ публикуются довольно многочисленныя и обработанныя данныя. Свѣдѣнія о менѣе распространенныхъ коопераціяхъ пришлось бы собирать по крупицамъ и производить дѣйствительно великую работу.

Планъ расположенія матеріала, переполненіе книги цифрами, при крайней бѣдности обобщенія дѣлаютъ разсматриваемый нами трудъ мало пригоднымъ для чтенія. Но серьезно интересующійся коопераціями найдетъ въ этой книгѣ данныя для знакомства съ предметомъ если не путемъ систематическаго чтенія, то путемъ справокъ. По характеру изданія оно должно представлять интересъ для изслѣдователя, но важнымъ его недостаткомъ съ этой точки зрѣнія является отсутствіе библіографическихъ указаній, особенно необходимыхъ въ данномъ дѣлѣ потому, что, по словамъ самого автора, матеріалъ о многихъ видахъ коопераціи «разбросанъ по каплямъ въ многочисленныхъ періодическихъ изданіяхъ». В. В.

— Ежегодникъ кустарной промышленности. 1912 г. Томъ первый, выпуски 1 и 2. Спб., 1912.

Несмотря на правительственную, а частью и общественную реакцію, послѣдніе годы характеризуются большимъ оживленіемъ въ области организаціонной работы экономическаго характера, между прочимъ—въ области кустарныхъ промысловъ, составляющихъ важное дополненіе къ земледѣльческимъ доходамъ нашего крестьянства. Общественнымъ выраженіемъ интереса къ кустарной промышленности въ Россіи служитъ, между прочимъ, фактъ созыва двухъ всероссійскихъ съѣздовъ дѣятелей по кустарной промышленности, раздѣленныхъ промежуткомъ всего лишь въ три года, въ то время какъ между первымъ и вторымъ съѣздами протекло восемь лѣтъ,—а также учрежденіе въ Петербургѣ постояннаго Бюро Съѣздовъ, съ участіемъ въ немъ представителей различныхъ кустарныхъ районовъ, благодаря чему общеніе между мѣстными дѣятелями по кустарной промышленности не прерывалось и въ теченіе времени, раздѣляющаго съѣзды. Новымъ знакомъ оживленія общественнаго интереса къ нуждамъ кустарнаго дѣла служитъ изданіе Постояннаго Бюро Съѣздовъ, подъ редакціей Е. Д. Максимова, ежемѣсячнаго періодическаго органа: «Вѣстника Всероссійскихъ Съѣздовъ дѣятелей по кустарной промышленности», первый номеръ котораго вышелъ въ ноябрѣ истекшаго года. Названное въ заголовкѣ этой замѣтки изданіе того же Бюро, подъ той же редакціей Е. Д. Максимова, служитъ какъ бы преддверіемъ къ періодическому органу Бюро Съѣздовъ: оно было предпринято на время, пока не удастся организовать періодическій органъ, за который высказались первые два кустарныхъ съѣзда, и облегчило организацію этого изданія. Будучи первымъ опытомъ даннаго рода, не имѣя ни образца, ни опредѣленнаго кадра литературныхъ дѣятелей въ данной области, «Ежегодникъ Кустарной Промышленности» не могъ, конечно, сразу выполнить программу изданія, долженствующаго заключать прежде всего основныя данныя и о самой кустарной промышленности, и объ организованной въ ея пользу работѣ. Характеристика современнаго состоянія кустарной промышленности требуетъ предварительной разработки массы новаго матеріала, которая не могла быть выполнена въ краткій срокъ средствами Бюро; осуществленіе этой части программы Ежегодника можетъ быть только дѣломъ будущаго, переданнымъ въ наслѣдіе замѣнившему его ежемѣсячному изданію. Два выпуска «Ежегодника» (второй посвященъ почти цѣликомъ кооперации въ кустарной промышленности) не отличаются, поэтому, оби-

ліемъ и цѣльностью матеріаловъ; главнымъ ихъ интересомъ долженъ быть признанъ наиболѣе важный въ непосредственно-практическомъ отношеніи отдѣлъ, касающійся организаціи и дѣятельности въ пользу кустарной промышленности центральныхъ и мѣстныхъ, правительственныхъ, земскихъ и общественныхъ учрежденій. И въ этой области, однако, по недостатку времени и мѣста, указаны лишь главные факты.

Главнымъ препятствіемъ къ изданію періодическаго органа, обслуживающаго нужды кустарнаго дѣла, является недостатокъ литературныхъ силъ, происходящій отъ слабаго интереса къ этой отрасли труда. Редакція «Ежегодника» сдѣлала кое-что и для устраненія этого препятствія, и въ первомъ его выпускѣ удостовѣряетъ, что изъ привлеченной ею къ сотрудничеству молодежи вырабаты- вается группа, заинтересовавшаяся вопросами кустарной промышленности и постепенно пріобрѣтающая опытъ для участія въ подобномъ изданіи.

— Аркадій Петровъ. Рабочій вопросъ въ Японіи. Спб. 1913.

Западная культура дѣлаетъ въ послѣднее время большія завоеванія, возбуждая къ новой жизни желтыя расы со старымъ оригинальнымъ бытомъ, философіей и моралью. Трудно, однако, допустить мысль, что дѣло ограничится одностороннимъ вліяніемъ, и старая восточная культура не окажетъ въ свою очередь воздѣйствія на западные народы. Въ чемъ же можно ожидать такого воздѣйстія, и каковъ будетъ окончательный результатъ взаимодѣйствія двухъ культуръ? Заимствуютъ ли западные народы какія-либо специфическія черты культуры восточной, подобно тому какъ желтыя расы, воодушевляются началами, выработанными ихъ западными соперниками, или восточные народы окажутъ на нихъ вліяніе, развивая на свой ладъ тѣ же западныя культурныя начала—этотъ вопросъ не допускаетъ въ настоящее время сколько-нибудь точнаго отвѣта. Мы слишкомъ мало еще сталкиваемся съ восточными народами, плохо понимаемъ духъ восточной культуры и недостаточно освѣдомлены относительно того, какъ усваиваются и перерабатываются желтыми расами перенимаемыя ими начала западной культуры.

Наша страна ближе другихъ европейскихъ странъ соприкасается съ восточными государствами и нуждается, поэтому, въ правильномъ ихъ пониманіи уже въ силу настоятельности практическихъ задачъ, вытекающихъ изъ близкаго соприкосновенія народовъ. Нельзя, однако, сказать, чтобы свѣдѣнія русскаго общества объ этихъ государствахъ соотвѣтствовали важности связанныхъ съ ними интересовъ. Это относится особенно къ странѣ, такъ блистательно заявившей себя въ послѣднее время—и увы! на нашъ счетъ—на

аренѣ международныхъ отношеній: къ Японіи. Поэтому, новое произведеніе г. Аркадія Петрова,—извѣстнаго многими трудами о Японіи, посвященное вопросу, чреватому не маловажными возможностями въ будущемъ, не можетъ не привлекать къ себѣ живого вниманія русскаго общества. Авторъ рисуетъ въ этомъ трудѣ современное положеніе рабочаго класса въ Японіи и тѣ движенія, которыя зародились и быстро развиваются въ средѣ японскаго пролетаріата подъ вліяніемъ водворенія въ Японіи западно-европейскихъ хозяйственныхъ порядковъ.

Рабочее движеніе въ Японіи рисуется, впрочемъ, г. Петровымъ въ общемъ довольно таки схематизированномъ—пожалуй даже стилизованномъ — видѣ, по типу движеній рабочихъ въ Западной Европѣ. Причину сказаннаго отчасти слѣдуетъ искать въ томъ, что главнымъ матеріаломъ для характеристики этого движенія служатъ автору свѣдѣнія о дѣятельности въ данномъ направленіи японской народолюбивой интеллигенціи, вдохновляющейся идеями европейскаго соціализма, которыя на первыхъ порахъ она лишь перенимаетъ и усваиваетъ, но не перерабатываетъ самостоятельно, и пытается руководить японскимъ пролетаріатомъ въ духѣ западно-европейскаго рабочаго движенія. Вслѣдствіе бѣдности японской литературы свѣдѣніями объ интеллектуальной жизни рабочихъ—естественной для того періода соціальнаго развитія страны, когда въ рабочемъ классѣ только еще зарождается сознательное отношеніе къ окружающему и развитіе классоваго самосознанія,—книга г. Петрова не даетъ достаточно опредѣленнаго представленія о современномъ движеніи и политическомъ развитіи японскаго пролетаріата. Да и изложеніе, разбросанное и изобилующее общими, противорѣчивыми фразами, заимствованными, нужно полагать, изъ книгъ и статей японскихъ публицистовъ, выступающихъ въ литературѣ въ качествѣ партійныхъ и агитаторовъ, а не научныхъ изслѣдователей, мало можетъ содѣйствовать составленію опредѣленнаго представленія о предметѣ. Разработка взятой авторомъ темы должна быть, къ тому же, признана незаконченной; и хотя оглавленіе къ его книгѣ обѣщаетъ описаніе рабочаго движенія по 1913 годъ, но въ дѣйствительности болѣе или менѣе обильный матеріалъ приводится въ данной главѣ лишь для 1906 г., а для послѣднихъ трехъ-четырехъ лѣтъ книга г. Петрова ограничивается почти исключительно изложеніемъ нѣкоторыхъ фактовъ о дѣятельности интеллигенціи и политическихъ партій. Этому ограниченію поля наблюденія сопутствуетъ и, вѣроятно, служитъ причиной замѣна японскихъ литературныхъ источниковъ—англійскими и русскими, свидѣтельствующая, нужно полагать, о томъ, что въ послѣдніе годы авторъ

перестал наблюдать съ прежнимъ вниманіемъ за рабочимъ движеніемъ въ Японіи. Три-четыре года въ жизни страны—не большой, конечно, срокъ; но принимая во вниманіе, что русско-японская война послужила сильнымъ толчкомъ къ развитію Японіи и что описанные довольно подробно въ книгѣ г. Петрова 1905—06 годы были моментомъ возрожденія движенія японскаго пролетаріата, и послѣдующее время должно характеризоваться не маловажными успѣхами въ развитіи самосознанія рабочихъ—отсутствіе въ книгѣ свѣдѣній объ этихъ послѣднихъ годахъ нельзя не считать важнымъ пробѣломъ. Общее впечатлѣніе отъ книги г. Петрова можно формулировать такъ: въ ней рисуются первыя проявленія самосознанія въ средѣ японскихъ рабочихъ и первыя ихъ попытки организоваться для борьбы съ предпринимателями, при чемъ наибольшее вниманіе обращено на дѣятельность въ данномъ направленіи японской интеллигенціи.

Какъ бы введеніемъ къ книгѣ г. Петрова служитъ большой статистическій очеркъ финансово-экономическаго положенія Японіи. Книга издана очень небрежно въ типографскомъ отношеніи.

В. В.

— М. Н. Соболевъ. Элементарный учебникъ политической экономіи для коммерческихъ училищъ и для самообразованія. Цѣна 1 р. 25 к.

Настоящій учебникъ, какъ показываетъ и самое заглавіе его, предназначается для средней школы. Этимъ опредѣляется его объемъ содержаніе, характеръ изложенія. Что касается перваго, то можно отмѣтить только полную его пригодность для той цѣли, которую имѣлъ въ виду авторъ. Впрочемъ, это наиболѣе легкая изъ задачъ, которыя приходится рѣшать при составленіи популярныхъ учебниковъ. Гораздо сложнѣе обстоитъ дѣло съ содержаніемъ такого учебника. Но и тутъ надо отдать должное автору. Благодаря умѣлому подбору и ясному изложенію матеріала, ему удалось сообщить предмету крайне необходимую въ данномъ случаѣ жизненность и простоту. Въ учебникѣ имѣются, наряду съ чисто теоретическими построеніями, главы, посвященныя такъ наз. прикладной экономіи. Послѣднія надо признать наиболѣе удачными. Страницы, посвященныя раздѣленію труда и машинамъ, главы о деньгахъ и банковомъ дѣлѣ принадлежатъ къ наиболѣе интереснымъ. Это объясняется, на нашъ взглядъ, именно преобладаніемъ въ нихъ примѣровъ и фактовъ дѣйствительной жизни. Учебникъ заключаетъ въ себѣ помимо введенія, знакомящаго съ основными вопросами теоріи, три части:

ученія о производствѣ, о распредѣленіи и объ обмѣнѣ. Это— обычное дѣленіе предмета. Не совсѣмъ обыченъ, хотя въ этомъ отношеніи авторъ и не вполнѣ одинокъ, порядокъ слѣдованія отдѣловъ другъ за другомъ. Проф. Соболевъ помѣщаетъ ученіе о распредѣленіи непосредственно послѣ отдѣла о производствѣ, а ученіе объ обмѣнѣ ставитъ послѣднимъ. Рядомъ съ факторами производства авторъ говоритъ достаточно подробно и о его формахъ, раздѣляя ихъ на двѣ группы; формы капиталистическихъ и не капиталистическихъ предпріятій. Слѣдуетъ отмѣтить ту осторожность, диктуемую самымъ характеромъ учебника, съ какой авторъ излагаетъ вопросы чисто-теоретическіе, напр. о цѣнности. При разноголосицѣ, существующей въ политической экономіи относительно большей части, если не всѣхъ ея основныхъ проблемъ, иначе и нельзя было поступить при составленіи популярнаго руководства.

Отступая отъ общепринятаго у насъ взгляда, авторъ вводитъ въ кругъ хозяйственныхъ благъ также и духовныя, не матеріальныя блага, напр. знанія ученаго, талантъ музыканта. На стр. 5 авторъ, говоря о предметѣ науки, опредѣляетъ ея содержаніе такъ: «политическая экономія занимается тѣми общественными отношеніями людей, которыя складываются при ихъ трудовой дѣятельности, направленной на созданіе нужныхъ имъ благъ». На стр. 12, перечисляя основные виды производства, онъ присоединяетъ къ производствамъ добывающему, сельско-хозяйственному, обрабатывающему и торговому еще пятый видъ—«производство не матеріальныхъ услугъ, которое заключается въ созданіи всякаго рода дѣйствій, нужныхъ человѣку, напр., услуги прислуги, врача, учителя, чиновника и проч.». Что же это за производство? Гдѣ оно происходитъ? По отношенію къ учителю, врачу, чиновнику это будетъ, если угодно, университетъ или другое соотвѣтствующее учрежденіе. Но гдѣ искать «трудовую дѣятельность», направленную на созданіе услугъ прислуги? Читатель, да еще не искушенный въ тонкостяхъ экономической діалектики—а для такихъ вѣдь это руководство и написано—будетъ несомнѣнно недоумѣвать, читая эти строки. Авторъ не позаботился разсѣять это недоумѣніе, потому что дальше въ учебникѣ не говорится ни слова о производствѣ такого рода, въ то время какъ явленіямъ другихъ видовъ промышленной дѣятельности посвящены цѣлыя главы. Взгляды, несомнѣнно отступающіе отъ общепринятаго трактованія предмета, въ популярныхъ учебникахъ едва ли желательны. Во всемъ остальномъ учебникъ вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію.

М. Н.

Въ теченіе декабря мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Абрамовичъ, Н. И. Женщины и міръ мужской культуры. Москва, 1913 г. Цѣна 60 коп.

Аваліани, С. Л. Крестьянскій вопросъ въ Закавказьѣ. Т. I. Одесса, 1912 г.

Авенаріусъ, Р. Философія, какъ мышленіе о мірѣ согласно принципу наименьшей мѣры силы. Пер. Г. А. Котляръ. Спб., 1912 г. Цѣна 60 коп.

Алтаевъ, Ал. Впереди вѣковъ. Истор. повѣсть изъ жизни Леонарда да-Винчи. Спб., 1913 г. Цѣна 75 коп.

— Подъ знаменемъ «башмака». Крестьянская война въ Германіи. Истор. повѣсть изъ жизни XVI вѣка. Спб., 1913 г. Цѣна 75 коп.

— Разсказъ изъ жизни Рафаэля. Спб., 1913 г. Цѣна 50 коп.

— Сказки жизни. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р.

Альгренъ, Эрнстъ. Собраніе сочиненій. Т. I. Маріанна. Романъ. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р.

Анцыферовъ, А. Н. Очерки по кооперации. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Багалѣй, Д. И. Очерки изъ русской исторіи. Т. 2-ой. Харьковъ, Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 80 коп.

Бенъ-Ихіель, Нэхемія. Стихи и проза. Одесса, 1913 г. Цѣна 1 р.

Бинтовтъ, Юрій. Катехизисъ нравственности. Москва, 1904 года. Цѣна 1 р.

Вавулинъ, Николай. Безуміе, его смыслъ и цѣнность. Психологическіе очерки. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Вендровъ, З. Правожительство. Юмористическіе разсказы. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Виллари, Пасквале. Джироламо Саванарола и его время. Т. II. Пер. съ итал. Д. Н. Бережкова. Спб., 1913 г. Цѣна 4 р.

Волковъ, А. Ф. Торговые третейскіе суды. Спб., 1913 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Гарднеръ, Вадимъ. Отъ жизни къ жизни. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Гартевельдъ, В. Каторга и бродяги Сибири. Москва, 1913 г. Цѣна 20 коп.

Глаголева-Данини, С. М. Крестьянскія волненія въ Дофинэ въ концѣ XVIII вѣка. Спб., 1912 г.

Годинъ, Яковъ. Сѣверные дни. Первая книга стиховъ. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р.

Голицынъ-Муравлинъ, Дм., кн. Святыня. Романъ. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб.

Грушевскій, М. Исторія украинскаго козачества до соединенія съ Московскимъ государствомъ. Т. I. До начала XVII вѣка. Спб., 1913 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Гулливеръ въ царствѣ лилипутовъ (По Свифту). Спб., 1913 г. Цѣна 30 коп.

Гурвичъ, О. Я. Іудаизмъ и свободомысліе. Минскъ, 1912 г. Цѣна 50 коп.

Гуревичъ, Борисъ. Народу моему. Спб., 1912 г. Цѣна 25 коп.

Данилинъ, И. Передъ праздникомъ и другіе разсказы изъ жизни дѣтей. Москва,1912 г. Цѣна 15 коп.

Доброхотовъ, Анатолій. Пѣсни воли и тоски. 1900—1912 гг. Москва, 1913 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Донкастеръ, Л. Наслѣдственность въ свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій. Пер. съ англ. Москва, 1913 г. Цѣна 80 коп.

Дрожжинъ, С. Д. Пѣсни стараго пахаря. 1906—1912. Москва, 1913 г. Цѣна 1 р.

Дядиченко, А. Н. Доходы и расходы губ. и уѣздн. земствъ Черниговской губ. за 25-лѣтіе 1885—1910 годы. Черниговъ, 1912 г. Цѣна 50 коп.

Езерскій, Ѳ. В. Институтъ трезвенниковъ. Москва, 1913 г. Цѣна 20 коп.

Жуковъ, Иннокентій. Зѝмокъ души моей. Поэма. Москва, 1912 г. Цѣна 80 коп.

Ильинскій, Н. Гомеръ въ обработкѣ для школъ. Вып. I. Иліада. Тифлисъ, 1912 г. Цѣна 75 коп.

Инфантьевъ, П. Побѣгъ. Повѣсть изъ сибирской жизни. Спб., 1913 г. Цѣна 40 коп.

Каренинъ, Влад. Сочиненія. Т. III. Каролина Нейбергъ въ облакахъ Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Каратыгинъ, Е. С. Въ странѣ крестьянскихъ товариществъ. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р.

Келлеръ, Н. Происхожденіе домашнихъ животныхъ. Спб., 1913 г.

Козьминыхъ-Ланинъ, И. М. Уходъ на полевыя работы фабрично-заводскихъ рабочихъ Московской губ. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Козыревъ, Н. Г. Свадебные обряды и обычаи въ Островскомъ уѣздѣ Псковской губ. Спб., 1912 г.

Конради, В. Книга о святомъ Францискѣ. Спб., 1912 г. Цѣна 3 р.

Корецкая, Зинаида. Бунтъ молодой души. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Кульманъ, В. Методика русскаго языка. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Лопе-де-Вега. Собраніе сочиненій. Т. I. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Лондонъ, Джекъ. Собраніе сочиненій. Т. VII. Сынъ солнца. Т. VIII. Дочь снѣговъ. Спб., 1912 г. Цѣна каждаго тома 1 р.

Любомудровъ, Владиміръ. Эмбріологическія замѣтки. Спб., 1913 г. Цѣна 10 коп.

Л—цъ, Р. Мои пѣсни. Москва, 1913 г. Цѣна 60 коп.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Собраніе сочиненій. Т. II. Именинникъ. Романъ. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Манухинъ, Г. М. Любовь и себялюбіе. Москва, 1913 г. Цѣна 15 коп.

— Стремленіе къ жизни и смерти. Москва, 1912 г. Цѣна 10 коп.

Миллеръ, К. К. Система ввозныхъ свидѣтельствъ въ Германіи Спб., 1912 г.

Мюлау-фонъ, Елена. Избранныя сочиненія. Т. II. Послѣ третьяго ребенка. Пер. Мих. Кадишъ. Москва, 1913 г. Цѣна 1 р.

Мурашевъ, Г. В. А. С. Пушкинъ. Москва, 1912 г. Цѣна 25 коп.

Немировичъ-Данченко Вас. И. Край золотого заката. Спб., 1912 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Ноайль-де, М., граф. Сады. Пер. Владиміра Гусева. Томъ III. Стихи. Кіевъ, 1913 г. Цѣна 60 коп.

Орловскій, Сергѣй. Родныя и чужія были. Спб., 1913 г. Цѣна 2 р. 25 коп.

Павловъ, Анатолій. Ариѳметическое рѣшеніе раціональныхъ уравненій. Тифлисъ, 1912 г.

Первушинъ, С. А. Опытъ массового алкоголизма въ связи съ теоріей потребностей. Спб., 1912 г. Цѣна 40 коп.

Перцовъ, П. Панруссизмъ или панславизмъ. Москва, 1913 г. Цѣна 50 коп.

Покровскій, Н. Страданія стараго Вертера. Романъ. Спб., 1913 г. Цѣна 35 коп.

Пришвинъ, Михаилъ. Очерки. Т. II. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Прокоповичъ, С. Н. Прерванная рѣчь. (На диспутѣ проф. Чистякова). Москва, 1913 г. Цѣна 20 коп.

Рославлевъ, Александръ. Цѣвница. Стихи. 1905—1911. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р.

Рубакинъ, Н. А. Среди опасностей. Спб., 1913 г. Цѣна 75 коп.

Русовъ. Н. Н. Озеро. Романъ. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р.

Селитренниковъ, А. А. Испанія и Лиссабонъ. Спб., 1913 г. Цѣна 75 коп.

Селищевъ, А. Взгляды Карла Гавличка на Россію. Казань, 1913 г. Цѣна 85 коп.

Соколовъ, В. К. Католическая церковь и государство въ Германіи во 2-ой половинѣ XIX ст. Казань, 1912 г. Цѣна 2 р.

Тепферъ, Р. О прекрасномъ въ искусствѣ. Пер. съ франц. М. Д. Г. Спб., 1912 г. Цѣна 90 коп.

Уайльдъ, Оскаръ. Афоризмы. Пер. кн. Д. Л. Вяземскаго. Спб., 1913 г.

Урусовъ, Л. Мумія. Комедія въ одномъ дѣйствіи. Москва, 1913 г. Цѣна 15 коп.

Успенскій, П. Д. Внутренній кругъ. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 20 коп.

Фонъ-Лангъ, П. Среди неудачъ. Изъ русско-японской войны. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р.

Фридманъ, М. Психологія ревности. Москва, 1913 г. Цѣна 80 коп.

Хоцяновъ, К. С. Разборъ трагедіи А. С. Пушкина: «Моцартъ и Сальери». Спб., 1912 г. Цѣна 80 коп.

— Рѣчь о Н. В. Гоголѣ. Спб., 1912 г. Цѣна 10 коп.

— Разборъ лирическихъ произведеній. Спб., 1912 г. Цѣна 30 коп.

— Разборъ повѣсти «Тарасъ Бульба» Н. В. Гоголя. Спб. 1912 г. Цѣна 60 коп.

— Разборъ комедіи «Горе отъ ума» А. С. Грибоѣдова. Спб., 1912 г. Цѣна 30 коп.

— Разборъ комедіи «Ревизоръ» Н. В. Гоголя. Спб., 1912 г. Цѣна 30 коп.

— Опытъ простого изъясненія трагедіи Шекспира «Макбетъ» Спб., 1912 г. Цѣна 30 коп.

— Разборъ послѣдняго произведенія А. Н. Островскаго: «Не отъ міра сего». Спб., 1912 г. Цѣна 25 коп.

Чугаевъ, Л. А. Періодическая система химическихъ элементовъ. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 75 коп.

Шапошниковъ, И. Н. Наглядная практическая грамматика для гор. и сел. нач. училищъ. Часть II. Москва, 1913 г. Цѣна 45 коп.

Шидловскій, А. Ѳ. Шпицбергенъ въ русской исторіи и литературѣ. Спб., 1912 г.

Ширманъ, М. Г. Школьное и внѣшкольное распространеніе сельскохозяйственныхъ знаній. Спб., 1913 г. Цѣна 25 коп.

Шмурло, Е. Петръ Великій въ оцѣнкѣ современниковъ и потомства. Вып. I. (XVIII вѣкъ). Спб., 1912 г.

Эдсеръ, Эдвинъ. Общая физика. Пер. подъ ред. И. И. Боргмана. Спб. 1912 г. Цѣна 3 р. 80 коп.

Эйнгорнъ, Виталій. Московскій университъ, губернская гимназія и, другія учебныя заведенія Москвы въ 1912 г. Вып. I и II. Москва, 1912 г. Цѣна 1-го вып. 40 коп., 2-го—75 коп.

Доклады Олонецкой губ. земск. управы губ. земск. собранію сессій 1911 года. Петрозаводскъ, 1912 г.

Журналы Олонецкаго губ. земск. собранія сессій 1911 года. Петрозаводскъ, 1912 г.

Изданія «Посредника». Л. Н. Толстой о писателяхъ и о книгахъ. № 1025—1030. Вып. I. Ларошфуко и др. франц. писатели. Вып. II. Паскаль. Вып. III. Объ Анри Аміэнѣ. Вып. IV. Гюи де-Мопассанъ. Вып. V. О Вильгельмѣ фонъ-Поленцѣ. Вып. VI. О С. Т. Семеновѣ. № 1035. Кабановъ, Н. Краткій русско-эсперантскій словарь. № 206. Л. Бессель. Какъ я путешествовалъ по Абиссиніи. Вып. LXXXIII. Великій реформаторъ воспитанія и образованія Жанъ-Жакъ Руссо. Очеркъ д-ра философіи Тадасу Мисава. Вып. LXXXV. Умственное развитіе дѣтей, поступающихъ въ московскія городскія школы. Москва, 1912 г.

Исторія современной Россіи. Подъ ред. В. А. Поссе. (Введеніе). Спб., 1912 г. Цѣна 1 р.

Историческая библіотека. № 45. Кровавый султанъ. В. Михайлова. № 46. Шипка—Плевна. Н. Бороздина. Москва, 1912 г. Цѣна выпуска 10 коп.

Историческіе мемуары объ Имп. Александрѣ и его дворѣ граф. Шуазель-Гуффье. Пер. З. Мировичъ. Вступит. статья А. А. Кизеветтера. Москва. 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Коммерческая Школа и Жизнь. № 1. 1912 г.

Краткія хозяйственно-статистическія свѣдѣнія по Смоленской губ. Смоленскъ, 1912 г. Цѣна 1 р.

Мемуары г-жъ де-Ремюза. Ред. и вступит. статья С. Ф. Фортунатова. Т. I. Москва, 1912 г. Цѣна 2 р.

Нижегородскій Ежегодникъ. Иллюстр. литературный календарь-справочникъ на 1913 г. Подъ ред. Г. И. Сергѣева и В. Е. Чешихина (Вѣтринскаго). Нижній-Новгородъ, 1913 г. Цѣна 40 коп.

Новыя идеи въ физикѣ. Непеціодич. изданіе подъ ред. И. И. Боргмана. Сборникъ № 2. Эфиръ и матерія. Сборникъ № 4. Дѣйствіе свѣта. Спб., 1913 г. Цѣна сборника 80 коп.

Новыя идеи въ философіи. Непеціодич. изданіе подъ ред. А. В. Васильева. Сборникъ № 1. Математика. Методъ, проблемы и значеніе ея. Сборникъ № 3. Теорія познанія. I. Сборникъ № 4. Что такое психологія? Спб., 1913 г. Цѣна сборника 80 коп.

Общество мира въ Москвѣ. Вып. II. Москва, 1912 г.

Отечественная война, ея причины и слѣдствія. Москва, 1912 г. Цѣна 1 руб.

Отчетъ Воронежской ученой Архивной Комиссіи. 1910—1 дек. 191 Сост. Ст. Звѣревъ. Воронежъ, 1912 г.

Отчетъ о дѣятельности Орловской гор. публ. библіотеки за 1911 Орелъ, 1912 г.

Отчетъ Харьковскаго комитета по вывозу минер. топлива, руды флюсовъ, соли и чугуна изъ горнозавод. раіона юга Россіи за 1911 годъ. Харьковъ, 1912 г.

Перзкаты. Литературный сборникъ. № 1. Спб., 1912 г. Цѣна 75 коп.

Переселеніе и землеустройство за Ураломъ въ 1911 г. Отчетъ о работахъ Переселенческаго Управленія за 1911 годъ. Карты заселяемыхъ районовъ за Ураломъ. Спб., 1912 г.

Письма П. Я. Чаадаева изъ-за границы къ брату (1823—1826). Издалъ А. А. Вилковъ. Варшава, 1912 г.

Письма А. П. Чехова. Томъ II. (1888—1889). Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Положеніе о землеустройствѣ съ законодательными мотивами и разъясненіями. Подъ ред. А. А. Зноско-Боровскаго. Спб., 1912 г. Цѣна 3 р.

Русская исторія въ очеркахъ и статьяхъ. Т. III. Подъ ред. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Кіевъ, 1913 г. Цѣна 3 р. 50 коп.

Сельско-хозяйственный обзоръ Симбирской губ. Вып. 4-ый. Симбирскъ, 1912 г.

Соляная промышленность Южной Россіи въ 1911 году. Харьковъ, 1912 г.

М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ. Подъ ред. М. К. Лемке. Томъ IV. Спб., 1912 г. Цѣна 3 р.

Толстовскій Ежегодникъ. Москва, 1912 г. Цѣна 2 р.

Три вѣка. Россія отъ смуты до нашего времени. Историческій сборникъ подъ ред. В. В. Каллаша. Москва, 1913 г. Т. II и III.

Туберкулинъ. Журналъ всероссійской лиги для борьбы съ туберкулезомъ. № 10. Москва, 1912 г.

Украинская Жизнь. № 11. Москва, 1912 г. Цѣна 45 коп.

Шведскія народныя сказки. Въ обработкѣ для дѣтей Ник. Коринцева. Спб., 1912 г.

Энциклопедическій Словарь. Изд. т-ва «Бр. А. и И. Гранатъ и К⁰». 7-ое совершенно переработанное изданіе. Т. XV. Гирке-Городъ. Москва, 1912 г.

Етнографічний збірникъ. наук. тов. ім. Шевченка. Т. XXXI—XXXII У Львові, 1912.

Записки Наукового товариства імени Шевченка. Кн. IV. У Львові. 1912.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Балканскія дѣла и дипломатія.—Правительственная декларація о внѣшней политикѣ. — Рѣчь П. Н. Милюкова въ защиту нашего министерства иностранныхъ дѣлъ.—Воинственныя увлеченія нашихъ газетъ.

Не добромъ будетъ помянутъ истекшій годъ въ политической исторіи Европы. Это былъ годъ тревожныхъ и запутанныхъ международныхъ кризисовъ, взаимныхъ опасеній и пререканій великихъ державъ, кровавыхъ столкновеній и войнъ, результаты которыхъ не выяснились еще до сихъ поръ. Враждебное соперничество между Германіей и Англіей, лихорадочныя морскія вооруженія обѣихъ странъ, военныя дѣйствія Италіи противъ Турціи, албанское возстаніе, воинственныя приготовленія и требованія союзныхъ балканскихъ государствъ, кровопролитныя битвы на Балканахъ и наконецъ угрозы Австро-Венгріи по адресу Россіи,—все это непрерывно волновало общественное мнѣніе. Иногда казалось, что въ каждую данную минуту можетъ вспыхнуть страшный всеобщій пожаръ, по сигналу одного изъ безконтрольныхъ распорядителей народныхъ судебъ — императора Вильгельма II или эрцгерцога Франца-Фердинанда австрійскаго.

Прочный тройственный союзъ, съ Германіей во главѣ, обезпечивалъ своимъ участникамъ свободу агрессивной предпріимчивости и служилъ, поэтому, постояннымъ источникомъ общаго безпокойства. Италія могла предпринять походъ противъ Триполи только благодаря существованію тройственнаго союза, который ограждалъ ее отъ всякихъ возраженій или противодѣйствій со стороны Франціи и Австро-Венгріи. Вѣнскій кабинетъ выступалъ на Балканскомъ полуостровѣ въ роли хозяина только потому, что имѣлъ возможность опираться на союзныя обязательства Германіи и Италіи. Этотъ могущественный международный синдикатъ встрѣчалъ нѣкоторый противовѣсъ въ соглашеніи трехъ другихъ державъ—Франціи, Англіи и Россіи; но тройственное согласіе послѣднихъ оставалось все-таки недостаточно твердымъ и опредѣленнымъ, чтобы сдерживать наступательные порывы членовъ тройственнаго союза. Нельзя было въ точности опредѣлить, въ какой мѣрѣ Франція солидарна съ Россіею

на Балканахъ и до какихъ предѣловъ будетъ простираться готовность Англіи дѣйствовать заодно съ Франціей и Россіею; между тѣмъ относительно степени сплоченности такъ называемой «лиги мира» не существовало и не возникало никакихъ сомнѣній. Пагубное значеніе этого факта ярко отразилось на ходѣ балканскаго кризиса. Австро-Венгрія диктовала свою волю державамъ на Ближнемъ Востокѣ; въ сущности она одна предъявляла извѣстныя положительныя требованія и отстаивала свои опредѣленные интересы, тогда какъ государства противоположнаго лагеря только хлопотали о сохраненіи мира. Австрійцы открыто оказывали помощь и покровительство организаторамъ и вождямъ албанскаго возстанія; они умышленно направляли ихъ отряды въ спорныя пограничныя мѣстности Старой Сербіи и Македоніи, чтобы расширить предѣлы будущей Албаніи и ограничить территоріальныя притязанія сосѣднихъ балканскихъ странъ. Эта коварная закулисная дѣятельность Австро-Венгріи именно и дала первый толчекъ къ ускоренію взрыва на Балканахъ. Болгарія и Сербія не могли допустить, чтобы возставшіе албанцы-мусульмане водворились въ такихъ сербско-болгарскихъ центрахъ, какъ Ускюбъ (Скопье) и Монастырь; оттого и созрѣла рѣшимость балканской федераціи прибѣгнуть къ оружію, и вспыхнула война во имя защиты угнетенныхъ христіанскихъ народностей, которымъ угрожали уже не только турки, но и албанцы и поддерживавшіе ихъ австрійцы. Никто въ Европѣ не разсчитывалъ на полное и окончательное торжество балканскихъ государствъ; напротивъ, многіе надѣялись или опасались, что Турція справится съ ними и что державамъ придется еще заступиться за нихъ; въ лучшемъ случаѣ ожидалась неизбѣжность европейскаго посредничества и участія въ опредѣленіи результатовъ войны. Этимъ объясняется сдѣланное Болгаріи и ея союзникамъ предупрежденіе, что никакія территоріальныя пріобрѣтенія и перемѣны не будутъ допущены,—предупрежденіе, которое, по мысли кабинетовъ, должно было гарантировать и балканскія государства отъ послѣдствій возможнаго разгрома. Однако, тонкая дипломатическая игра оборвалась очень скоро, и Европа внезапно очутилась предъ сокрушительнымъ фактомъ паденія турецкаго могущества подъ ударами союзныхъ армій.

Западно-европейская дипломатія отнеслась къ событіямъ съ весьма разнородными чувствами. Австро-Венгрія поспѣшила наложить запретъ на занятіе части Адріатическаго побережья сербами; другія державы придумали компромиссъ, способный удовлетворить стремленіе Сербіи къ морю безъ ущерба для австрійскихъ и итальянскихъ интересовъ. Оффиціальная Россія не высказывала и не выяс-

няла своей точки зрѣнія, предоставляя говорить и дѣйствовать за себя французскому министру-президенту и министру иностранныхъ дѣлъ, Раймонду Пуанкарэ. Послѣдній отлично исполнялъ взятую на себя щекотливую задачу, но упорное молчаніе нашей собственной дипломатіи вызывало недоумѣніе и давало обильную пищу разнымъ неблагопріятнымъ толкамъ и слухамъ. Иностранная пресса приписывала намъ какіе-то фантастическіе воинственные планы, ссылаясь на мнимую мобилизацію русскихъ войскъ и на заявленія нѣкоторыхъ глашатаевъ новаго славянофильства. Съ нашей стороны не было дано ни одного авторитетнаго указанія относительно путей и цѣлей русской политики. Только изъ-за границы иногда доходили до насъ неясные отголоски предполагаемыхъ или дѣйствительныхъ мнѣній русской дипломатіи. Это обстоятельство несомнѣнно ослабляло позицію Франціи и Англіи относительно Австро-Венгріи предъ лицомъ общественнаго мнѣнія. Всѣ руководители иностранныхъ кабинетовъ успѣли подробно высказаться по поводу балканскихъ дѣлъ: преемникъ графа Эренталя, умершаго въ февралѣ, графъ Берхтольдъ—неоднократно въ австрійской и венгерской делегаціяхъ; Пуанкарэ—въ публичныхъ рѣчахъ и въ объясненіяхъ передъ парламентской комиссіею; британскій премьеръ Асквитъ—на банкетѣ лондонскаго лорда-мэра, 9-го ноября; сэръ Эдуардъ Грей—въ парламентскихъ отвѣтахъ на предъявленные вопросы и затѣмъ въ привѣтственной рѣчи на первомъ собраніи делегатовъ балканскихъ государствъ и Турціи въ Лондонѣ, 11-го декабря; германскій канцлеръ Бетманъ-Голльвегъ—въ вызывающей деклараціи 2-го декабря въ имперскомъ сеймѣ. Нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ, въ отличіе отъ всѣхъ своихъ заграничныхъ коллегъ, не имѣлъ и не искалъ случая подѣлиться своими мыслями съ русскимъ обществомъ, которое, поэтому, до конца продолжало блуждать во тьмѣ; онъ видимо не находилъ также нужнымъ ознакомить западно-европейскую публику съ намѣреніями и взглядами русской дипломатіи. Наконецъ, въ Государственной Думѣ выступилъ съ заявленіями по иностранной политикѣ не руководитель дипломатическаго вѣдомства, а предсѣдатель совѣта министровъ, въ связи съ общей правительственной деклараціей 5 (18) декабря.

По самому характеру своей задачи В. Н. Коковцовъ могъ коснуться текущихъ международныхъ вопросовъ только въ общихъ чертахъ, не вдаваясь ни въ какія частности и не называя никакихъ иностранныхъ державъ; онъ говорилъ о чувствахъ и настроеніи Россіи, но не о направленіи ея политической дѣятельности. Съ одной стороны онъ подтвердилъ значеніе и силу традиціонныхъ русскихъ симпатій къ славянству. «Военныя доблести и рѣдкое единодушіе,

проявленныя балканскими народами,—заявилъ онъ, между прочимъ,—не могли не найти самаго горячаго сочувствія во всѣхъ русскихъ сердцахъ. Какъ великая славянская и православная держава, принесшая неисчислимыя жертвы на защиту своихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ, Россія не можетъ оставаться безучастною къ достиженію послѣдними такихъ условій существованія, которыя, отвѣчая совершеннымъ подвигамъ и потокамъ пролитой крови, прочно обезпечивали бы жизненные ихъ интересы и мирное ихъ развитіе, и устранили бы въ будущемъ вѣроятность новыхъ осложненій, всегда опасныхъ для европейскаго мира. Памятуя лучшіе завѣты нашей исторіи и сходясь, въ этомъ отношеніи, съ ясно выраженнымъ русскимъ общественнымъ мнѣніемъ, императорское правительство не можетъ, конечно, не придавать первенствующаго значенія интересамъ Россіи, охрана коихъ составляетъ его священную обязанность и налагаетъ на него тяжелую отвѣтственность. Оно не можетъ также не отмѣтить съ чувствомъ удовлетворенія, что ему не приходится ни въ чемъ измѣнять занятое имъ съ самаго начала положеніе. Оставаясь спокойнымъ среди нерѣдко сгущавшихся вокругъ него возбужденія и тревоги, правительство не подало никому основанія заподозрить насъ въ своекорыстныхъ замыслахъ или въ желаніи обострить конфликты, и руководилось всегда въ своихъ дѣйствіяхъ одною мыслью—стоять на стражѣ историческихъ своихъ задачъ и своего достоинства».

Все это очень хорошо сказано *вообще* по адресу русскаго общественнаго мнѣнія и также отчасти для Европы, но мудрено было бы изъ приведенныхъ словъ сдѣлать какой-либо опредѣленный политическій выводъ. Пріятно, конечно, узнать, что Россія близко принимаетъ къ сердцу жизненные интересы родственныхъ ей балканскихъ народовъ,—но какіе именно интересы она признаетъ жизненными, достойными энергической защиты, остается все-таки неизвѣстнымъ. Естественно, что на первомъ планѣ должны стоять для насъ интересы Россіи, но опять-таки ничего не говорится о томъ, каковы эти интересы и въ чемъ они заключаются по отношенію къ Балканамъ. Если правительство не измѣняло своего положенія, занятаго имъ съ самаго начала, то тѣмъ скорѣе и легче было бы объяснить публикѣ, чѣмъ именно опредѣляется и характеризуется это положеніе. Не обидно ли для русскаго общества остаться безъ всякихъ свѣдѣній о томъ, какую твердую и неизмѣнную позицію занимала русская дипломатія съ самаго начала кризиса? Всякій, разумѣется, повѣритъ, что наше правительство ни имѣло желанія ни обострять конфликты, ни преслѣдовать корыстныя цѣли на Балканахъ; но быть свободнымъ отъ такихъ жела-

ній—не значитъ еще «стоять на стражѣ своихъ историческихъ задачъ и своего достоинства». Для того, чтобы «стоять на стражѣ», нужно быть готовымъ къ борьбѣ или, по крайней мѣрѣ, принимать на себя видъ боевой рѣшимости; но Россія вовсе не думала слѣдовать дурному примѣру Австро-Венгріи и благоразумно предпочитала ставить свои историческія задачи на скромную почву миролюбія.

Давъ нѣкоторое удовлетвореніе нашимъ славянскимъ симпатіямъ, предсѣдатель совѣта министровъ переходитъ къ успокоительному изложенію нынѣшнихъ политическихъ обстоятельствъ. «Было бы преждевременно,—говоритъ онъ,—предрѣшать въ настоящую минуту, какимъ способомъ будетъ разрѣшенъ тотъ или другой отдѣльный вопросъ, вытекающій изъ событій, совершающихся на Балканахъ. Основныя начала, которыми должно руководствоваться правительство, когда настанетъ время принимать окончательныя рѣшенія, указываются столько же всѣмъ нашимъ прошлымъ, сколько и необходимостью сочетать его съ условіями современной политической обстановки. Не слѣдуетъ забывать, что залогомъ успѣха всегда является коренное правило всякой разумной политики—стремиться къ фактически достижимому, не поддаваясь увлеченіямъ чувства. Вѣрные нашему союзу и соглашеніямъ съ другими великими державами, увѣренные въ поддержкѣ нашихъ союзниковъ и друзей, мы вмѣстѣ съ тѣмъ не видимъ пользы, а тѣмъ болѣе необходимости противополагать однѣ группировки державъ—другимъ. Всѣ правительства, которыя сошли бы съ почвы совмѣстнаго обсужденія коренныхъ вопросовъ современнаго политическаго положенія, выдвигая на первый планъ свои непосредственные, а тѣмъ болѣе второстепенные интересы, приняли бы на себя тяжелую нравственную отвѣтственность за возможность дальнѣйшихъ международныхъ осложненій. Великія державы имѣютъ слишкомъ глубокія основанія къ тому, чтобы стремиться предотвратить дальнѣйшее развитіе наступившихъ осложненій до предѣловъ, угрожающихъ общеевропейскому миру. Русское правительство полагаетъ, что одушевляющія ихъ дружныя усилія, направленныя къ этой высокой цѣли, помогутъ имъ найти способы примирительнаго разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, затрагивающихъ ихъ интересы и справедливые запросы балканскихъ государствъ. Оно не могло, поэтому, не привѣтствовать самымъ искреннимъ образомъ починъ англійскаго правительства, предложившаго великимъ державамъ подвергнуть совмѣстному предварительному обсужденію вопросы, связанные съ ликвидаціей войны, въ коихъ такъ или иначе замѣшаны ихъ интересы. Сочувственный пріемъ, оказанный въ европейскихъ столицахъ этому пред-

ложенію, и открывшееся уже совѣщаніе пословъ великихъ державъ въ Лондонѣ должны, какъ мы надѣемся, облегчить мирное разрѣшеніе нынѣшняго кризиса. Проникнутое искреннѣйшимъ желаніемъ всемѣрно содѣйствовать охраненію европейскаго мира, русское правительство выражаетъ надежду на то, что нашимъ усиліямъ суждено будетъ, съ Божьей помощью, увѣнчаться успѣхомъ и что грядущія событія не затронутъ жизненныхъ интересовъ Россіи, которые мы призваны ограждать всѣми нашими силами во имя чести и достоинства нашей родины».

Въ этой части своей деклараціи В. Н. Коковцовъ весьма искусно обходитъ или замалчиваетъ тѣ стороны современнаго положенія, которыя вызываютъ наибольшую тревогу въ Европѣ. Упомянувъ о союзникахъ и друзьяхъ, на поддержку которыхъ мы можемъ вполнѣ разсчитывать, онъ въ то же время считаетъ лишнимъ «противополагать однѣ группировки державъ другимъ»; онъ говоритъ о всѣхъ державахъ безъ различія и, примѣняя къ нимъ извѣстное правило поведенія, теоретически отрицаетъ возможность осложненій, угрожающихъ общему миру. Въ нѣкоторыхъ фразахъ можно видѣть намекъ на Австро-Венгрію и косвенное осужденіе ея способа дѣйствій; но такъ какъ мысль закутана въ общую формулу, то она никого не задѣваетъ и ничего реальнаго не затрагиваетъ. Заключительный примирительный аккордъ свидѣтельствуетъ о миролюбіи, котораго могутъ не раздѣлять другія державы. Въ результатѣ получается нѣчто весьма неопредѣленное и неясное. И послѣ заявленій В. Н. Коковцова, какъ и до нихъ, мы не знаемъ, какъ относится наша дипломатія къ вопросу о сербскомъ портѣ и какъ поступитъ она въ случаѣ вооруженнаго австрійскаго вмѣшательства въ балканскія дѣла. Почему Австро-Венгрія вооружается противъ Россіи, если русское правительство проникнуто миролюбіемъ? Не было ли какихъ-нибудь основаній къ тому, чтобы намѣренія Россіи были истолкованы въ превратномъ смыслѣ вѣнскимъ кабинетомъ? Ничего этого не объяснила намъ правительственная декларація, и по прежнему чувствуется необходимость въ болѣе точныхъ указаніяхъ и свѣдѣніяхъ, которыя могъ бы сообщить только компетентный министръ, С. Д. Сазоновъ.

Объясненія В. Н. Коковцова, уже въ силу своего неопредѣленнаго оптимизма, произвели очень благопріятное впечатлѣніе за границей и повсюду одинаково приняты были за доказательство русскаго миролюбія. Во Франціи и Англіи одобряли сдержанный тонъ деклараціи, доброжелательное отношеніе ко всѣмъ державамъ, упоминаніе о друзьяхъ и союзникахъ, наконецъ—признаніе необходимости компромисса. Въ Германіи и Австро-Венгріи подчеркивали выраженія

сочувствія къ славянству, хотя и не отрицали успокоительнаго характера остальныхъ заявленій В. Н. Коковцова. Славянскія народности были также довольны, потому что въ словахъ сочувствія имъ представлялось нѣчто болѣе реальное и существенное.

Въ нашей печати отношеніе было нѣсколько иное. Декларація никого у насъ не удовлетворила, но нѣкоторыми своими сторонами болѣе понравилась оппозиціи, чѣмъ правымъ и націоналистамъ. Въ Государственной Думѣ, въ засѣданіи 13-го декабря, П. Н. Милюковъ выступилъ даже защитникомъ нашей оффиціальной дипломатіи и говорилъ такіе комплименты ея руководителю, С. Д. Сазонову, какіе вовсе не вытекали изъ объясненій предсѣдателя совѣта министровъ. Почтенный ораторъ оппозиціи находитъ, что правительство, въ лицѣ г. Сазонова, отказалось отъ прежнихъ ошибокъ и усвоило вполнѣ разумную и цѣлесообразную политику. «Во-первыхъ, г. Сазоновъ все дѣлалъ сообща черезъ своихъ союзниковъ и друзей. Съ самаго начала онъ поставилъ вопросъ такимъ образомъ, что Россія оказалась поддержанной въ Европѣ всей той силой, всѣмъ тѣмъ могуществомъ, которое принадлежитъ группѣ тройственнаго соглашенія. И результаты этого сказались, ибо всѣ шаги, такимъ образомъ принятые, были приняты и противоположной стороной—тройственнымъ союзомъ, и легли въ основу теперешней европейской политики. Во-вторыхъ, г. Сазоновъ, въ противоположность Извольскому, не связалъ себя опредѣленнымъ планомъ; онъ не дѣлалъ положительныхъ предложеній, отъ которыхъ потомъ пришлось бы отречься, и не измѣрялъ заранѣе предѣловъ тѣхъ уступокъ, которыя могутъ быть достигнуты подъ давленіемъ неизвѣстности и открытаго вопроса. Давленіемъ этого рода на противника онъ достигъ того, что мѣру уступокъ оказалось возможнымъ повысить. Я знаю,—продолжалъ П. Н. Милюковъ—здѣсь многіе обвиняли, и часть общественнаго мнѣнія готова обвинять, русскую дипломатію за то, что она мало сдѣлала, за то, что уступки эти были недостаточны. По моему, здѣсь игнорируютъ то, что было сдѣлано дѣйствительно, игнорируютъ дѣйствительныя права Россіи на признательность къ намъ славянъ». Въ безпрепятственномъ занятіи сербами Новобазарскаго санджака и Старой Сербіи П. Н. Милюковъ усматриваетъ «положительные результаты основного шага русской и французской дипломатіи». Этотъ основной шагъ заключался въ томъ заявленіи, что «если вы не даете вмѣшиваться другимъ, то не должны вмѣшиваться и сами. Если вы требуете, чтобы другіе отказались отъ захвата, отъ территоріальнаго расширенія, то откажитесь сами. И русская дипломатія, вмѣстѣ съ французской, это сдѣлала»,—по словамъ оппози-

ціоннаго оратора. «Она подписала тотъ протоколъ о безкорыстіи, который предложилъ всѣмъ европейскимъ державамъ французскій премьеръ». Далѣе, «выставленное единодушно Россіей и Франціей требованіе, чтобы Европа сообща рѣшала спорные вопросы, привело къ устраненію того, что Пуанкарэ назвалъ «непоправимыми иниціативами» отдѣльныхъ государствъ. Отдѣльное вмѣшательство, особенно опасное въ моментъ нерѣшенныхъ еще отношеній, до сихъ поръ было избѣгнуто, и самыя трудныя минуты прошли безъ этого посторонняго вмѣшательства». Благополучное разрѣшеніе австросербскаго конфликта было также достигнуто усиліями русской дипломатіи, при французскомъ содѣйствіи. Такимъ образомъ,—заключаетъ П. Н. Милюковъ,—«та линія поведенія, которую я считаю желательною, вполнѣ совпадаетъ съ линіей нашей оффиціальной дипломатіи». На путь войны толкаютъ «безотвѣтственныя вліянія», съ которыми дипломаты вынуждены бороться; въ этомъ отношеніи ораторъ присоединяется «къ позиціи, занятой нашей оффиціальной дипломатіей», такъ какъ «именно она обезпечиваетъ намъ миръ, и поэтому оппозиція должна ее защищать противъ безотвѣтственныхъ вліяній всею силою своего убѣжденія».

Приведенная аргументація П. Н. Милюкова страдаетъ, къ сожалѣнію, однимъ весьма существеннымъ недостаткомъ: она основана лишь на предположеніяхъ и догадкахъ, которыхъ нельзя подтвердить никакими точными данными. Для того, чтобы защищать и хвалить политику С. Д. Сазонова, необходимо имѣть о ней какія-либо положительныя свѣдѣнія; но С. Д. Сазоновъ не высказывалъ своихъ взглядовъ, не объяснялъ своей политики и не раскрывалъ своихъ плановъ и дѣйствій ни въ парламентскихъ рѣчахъ, ни въ дипломатическихъ актахъ. Откуда же беретъ П. Н. Милюковъ матеріалъ для оцѣнки того, что дѣлалъ и предпринималъ нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ? Онъ упоминаетъ о заявленіяхъ французскаго премьера, который иногда изъ вѣжливости ссылается на своего русскаго коллегу; но не странно ли изъ случайныхъ заграничныхъ источниковъ почерпать свѣдѣнія о дѣятельности русской дипломатіи? Если Пуанкарэ бралъ на себя въ Европѣ роль дипломатическаго миротворца и придумывалъ мѣры для устраненія возникшихъ затрудненій и опасностей, то почему это слѣдуетъ считать заслугой С. Д. Сазонова? «Протоколъ безкорыстія» не былъ въ свое время подписанъ Австро-Венгріей и слѣдовательно не могъ имѣть тѣхъ важныхъ послѣдствій, которыя приписываетъ ему П. Н. Милюковъ. Предоставленіе сербамъ Новобазарскаго санджака и Старой Сербіи объясняется, конечно, не «протоколомъ безкорыстія», отвергнутымъ австрійцами, а болѣе серьезными причинами и обстоятель-

ствами, которыхъ не предвидѣлъ вѣнскій кабинетъ, — неожиданно-быстрыми военными успѣхами балканской федераціи и побѣдоноснымъ движеніемъ сербовъ къ Адріатикѣ, представляющей огромный интересъ не только для Австро-Венгріи, но и для Италіи. Вопросъ о захватѣ сербами части албанскаго побережья, выдвигавшій на очередь проблему албанской автономіи, совершенно заслонилъ собою сравнительно второстепенный вопросъ о санджакѣ, изъ-за котораго трудно было бы придумать благовидный предлогъ для вмѣшательства. Русско-французская дипломатія была тутъ, очевидно, ни при чемъ. Нѣтъ основанія утверждать, что дипломатическія усилія Франціи вдохновлялись С. Д. Сазоновымъ; скорѣе можно сказать, наоборотъ, что французскій премьеръ часто говорилъ и дѣйствовалъ за Россію, поддерживалъ извѣстное направленіе нашей балканской политики и способствовалъ ея постепенному практическому выясненію. Руководящее вліяніе иностранной дипломатіи, хотя бы союзной, никакъ не можетъ быть поставлено въ заслугу нашему министру иностранныхъ дѣлъ; для достоинства Россіи было бы лучше, если бы отъ ея имени говорилъ русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, а не французскій или британскій. Трудно также согласиться съ тѣмъ оптимистическимъ мнѣніемъ, что наша оффиціальная дипломатія способна успѣшно бороться съ властными «безотвѣтственными вліяніями» и что, поэтому, она «обезпечиваетъ намъ миръ». Наше дипломатическое вѣдомство зависитъ отъ тѣхъ же властныхъ элементовъ, какъ и всѣ другія вѣдомства; оно не имѣетъ никакихъ способовъ противодѣйствія «безотвѣтственнымъ вліяніямъ», опирающимся на извѣстныя спеціальныя полномочія. Въ сущности мудрено проводить у насъ точную границу между отвѣтственнымъ или безотвѣтственнымъ положеніемъ: безотвѣтственность составляетъ у насъ общее правило, а возможность властнаго воздѣйствія входитъ въ область факта. Такой вліятельный и авторитетный министръ иностранныхъ дѣлъ, какъ покойный графъ Ламздорфъ, не могъ помѣшать переходу дальневосточной политики въ руки безотвѣтственныхъ дѣятелей, стремившихся къ войнѣ, и, слѣдовательно, обезпеченіе мира было внѣ его власти; то же самое примѣнимо и къ нынѣшней оффиціальной дипломатіи.

Впрочемъ, въ концѣ своей рѣчи П. Н. Милюковъ признаетъ, что восхваляемая имъ политика С. Д. Сазонова ему въ точности неизвѣстна, что ему неизвѣстны даже основные взгляды министра по турецко-балканскому вопросу. Почтенный ораторъ оппозиціи «хотѣлъ бы отъ русскаго министра услыхать заявленіе о томъ, въ чемъ же состоятъ тамъ (на Востокѣ) наши интересы». «Это уже сдѣлали—говоритъ онъ—наши друзья и союзники, а также наши

противники. Это сдѣлалъ Пуанкарэ, когда въ своихъ рѣчахъ подробно выяснилъ и указалъ, въ чемъ заключаются французскіе интересы на Востокѣ. Послѣ рѣчи фонъ Бетманъ-Гольвега мы знаемъ также обстоятельно и подробно, въ чемъ заключаются нѣмецкіе интересы на Востокѣ. Но въ чемъ заключаются русскіе интересы на Востокѣ—мы до сихъ поръ, къ сожалѣнію, ни слова не слышали». Поэтому П. Н. Милюковъ кончаетъ свою рѣчь пожеланіемъ, чтобы «русская дипломатія использовала моментъ, который она пропускаетъ, чтобы съ этой каѳедры сказать, какъ значительны заслуги русской дипломатіи и Россіи предъ славянами». Не вѣрнѣе ли было бы обождать, когда министръ выскажется, и потомъ уже говорить о его заслугахъ, если найдется къ тому основаніе? Пока мы не знаемъ какъ понимаетъ С. Д. Сазоновъ наши балканскіе интересы и въ какомъ направленіи и духѣ онъ дѣйствовалъ во время послѣдняго кризиса, мы не можемъ судить и объ его политикѣ. Въ общемъ защита нашей оффиціальной дипломатіи со стороны П. Н. Милюкова является по меньшей мѣрѣ преждевременной и недостаточно обоснованною.

Правда, на министра иностранныхъ дѣлъ рѣзко нападаютъ у насъ воинственные патріоты, сторонники быстрыхъ и смѣлыхъ рѣшеній, мечтающіе о кровавомъ разгромѣ «лоскутной» имперіи Габсбурговъ и объ «освобожденіи» Галичины отъ австрійско-польскаго гнета для передачи ея подъ власть отечественныхъ обрусителей. Эти нападки легкомысленныхъ шовинистовъ, пишущихъ въ такъ называемыхъ націоналистическихъ или патріотическихъ газетахъ, едва ли заслуживаютъ серьезнаго опроверженія. Но, рѣшительно отвергая нелѣпые упреки по адресу дипломатіи, мы не видимъ повода и къ ея восхваленію. Напротивъ, мы склонны ставить ей въ вину недостатокъ вниманія къ русскому обществу и народному представительству, отсутствіе потребности и обязанности періодически знакомить его съ политическимъ положеніемъ и съ дипломатическою дѣятельностью во время кризисовъ, справедливо волнующихъ общественное мнѣніе страны. При отсутствіи свѣдѣній легко распространяются самые фантастическія слухи и толки, вліянію которыхъ поддаются иногда и очень умные люди. Сколько гипотезъ и догадокъ высказывалось по поводу военныхъ приготовленій Австро-Венгріи! Эти торопливыя вооруженія, по неизвѣстнымъ причинамъ и мотивамъ, были направлены противъ Россіи, а такъ какъ съ русской стороны не было основанія желать скорѣйшаго осуществленія загадочныхъ австрійскихъ плановъ, то намъ оставалось лишь спокойно принимать необходимыя оборонительныя мѣры и затѣмъ «ожидать поступковъ», избѣгая малѣйшихъ отступленій отъ обычной

оффиціальной дружбы съ Австро-Венгріею. Между тѣмъ въ новой серьезной газетѣ,—«Русской Молвѣ», издаваемой при участіи многихъ дѣльныхъ и выдающихся публицистовъ,—излагаются взгляды, явно призывающіе къ войнѣ подъ предлогомъ охраны мира. Въ довольно умѣренной статьѣ о роли Россіи въ балканскихъ дѣлахъ П. Б. Струве, между прочимъ, замѣчаетъ, что «въ моменты почти паническаго настроенія, охватившаго Вѣну, Петербургъ сохранялъ полное спокойствіе и, твердо отстаивая свои позиціи, никому не бросалъ вызововъ». Теперь же, по мнѣнію автора, «послѣ того какъ устранены тѣ опасенія, которыми Австро-Венгрія оправдывала свои приготовленія къ войнѣ, ей надлежитъ самой вернуться къ спокойствію и доказать на дѣлѣ, что она не ищетъ поводовъ къ войнѣ. Этотъ «вопросъ» Россія оффиціальная и Россія неоффиціальная, имѣютъ право и обязаны, безъ всякихъ вызововъ, прямо и просто поставить Австро-Венгріи». Мы, разумѣется,—какъ и большинство русскихъ читателей газетъ,—ничего не знаемъ о позиціяхъ, которыя твердо отстаивались Петербургомъ безъ ущерба для общественнаго спокойствія, въ отличіе отъ Вѣны, поддавшейся постыдной паникѣ; быть можетъ даже, что этихъ позицій у насъ вовсе не было и потому не предстояло и надобности въ ихъ твердой защитѣ; но предложеніе прямо поставить Австро-Венгріи вопросъ, не ищетъ ли она предлога къ войнѣ, кажется намъ уже прямо ненужнымъ и въ высшей степени рискованнымъ. Тѣмъ не менѣе можно еще спорить о цѣли и смыслѣ, а также о формѣ подобнаго конфиденціальнаго обращенія къ иностранному правительству, питающему противъ насъ, по слухамъ, враждебные замыслы; но редакція газеты превращаетъ мысль г. Струве въ проектъ настоящаго ультиматума, значеніе котораго ясно для каждаго. «Необходимо — говоритъ газета — окончательно и категорически заявить по адресу Австріи: ни шагу далѣе на Балканскій полуостровъ». Дипломатія должна помнить, что «если она не сумѣетъ заставить Австрію отказаться отъ ея поползновеній, то Россія вынуждена будетъ побѣдить свое отвращеніе къ войнѣ и бросить на чашку вѣсовъ свой мечъ». Газета точно формулируетъ тотъ минимальный счетъ, который надо предъявить австрійцамъ и съ котораго «ничего нельзя скинуть». Редакція «Русской Молвы» не можетъ не понимать, что предъявленіе подобнаго ультиматума великой европейской державѣ равносильно объявленію войны, а война съ Австро-Венгріею неминуемо повлекла бы за собою участіе Германіи, противъ которой въ свою очередь выступила бы Франція, и культурная Европа сдѣлалась бы ареною разрушительной, кровавой вакханаліи, какой не видалъ еще міръ. И все это предлагается

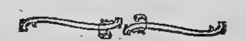
съ легкимъ сердцемъ, когда въ сущности никто и ничто намъ не угрожаетъ извнѣ и когда внутри страны народныя массы переживаютъ тяжелый кризисъ хозяйственный, общественный и политическій, подъ гнетомъ традиціонной системы безправія. Посылать свой народъ на убой ради прирѣзки лишняго куска земли къ Сербіи! Мы увѣрены, что «Русская Молва» не будетъ настаивать на своей идеѣ; но самое появленіе статьи о «мечѣ» въ серьезномъ прогрессивномъ органѣ представляетъ печальный и характерный симптомъ.

Балканская война, начатая 15 (2)-го октября и прерванная перемиріемъ 3 декабря (20-го ноября), остается величайшимъ событіемъ не только истекшаго года, но и всей современной эпохи. Вѣковой восточный или турецко-балканскій вопросъ, стоившій уже столько крови человѣчеству, сразу двинутъ впередъ къ окончательному рѣшенію. Мирные переговоры, открывшіеся 16 (3)-го декабря въ Лондонѣ, показали наглядно, что Турція далеко еще не признаетъ себя окончательно побѣжденною и что она не теряетъ надежды вызвать въ свою пользу вмѣшательство или заступничество нѣкоторыхъ великихъ державъ. Турецкіе делегаты усвоили весьма удобную дипломатическую теорію, которую и поддерживали съ замѣчательнымъ упорствомъ: они выражаютъ согласіе на всѣ требованія, предъявленныя Турціи до войны, и готовы даже признать автономію отдѣльныхъ областей подъ протекторатомъ султана, но безъ значительнаго измѣненія территоріальнаго status-quo, такъ какъ великія державы заранѣе предупредили балканскія государства, что въ случаѣ войны никакихъ территоріальныхъ перемѣнъ допущено не будетъ. Это предупрежденіе составляло, будто бы, обязательство великихъ державъ передъ Турціею и сохранило свою полную силу послѣ всѣхъ турецкихъ пораженій. Представители балканскихъ государствъ, опирающіеся на право завоеванія, озадачены мнимой или дѣйствительной наивностью турецкихъ уполномоченныхъ, которые какъ будто не признаютъ суровыхъ законовъ войны,—между тѣмъ какъ сами турки всегда злоупотребляли правомъ грубой и безпощадной силы по отношенію къ побѣжденнымъ. Туркамъ въ концѣ концовъ поневолѣ придется примириться съ тѣмъ, что право военной силы и побѣды, такъ долго служившее имъ, обратится теперь противъ нихъ и что бывшіе ихъ подвластные станутъ теперь самостоятельными гражданами.

Общее международное положеніе нѣсколько разъяснилось, и объ европейской войнѣ стали меньше говорить, чѣмъ прежде. Австро-сербскій споръ уладился при помощи компромисса, который

доставить Сербіи торговый портъ и свободный желѣзнодорожный путь къ нему, безъ ущерба для автономіи Албаніи.

Въ англійскомъ парламентѣ продолжается обсужденіе подробностей законопроекта объ ирландскомъ гомрулѣ, при чемъ правительственное большинство нерѣдко значительно сокращается; въ засѣданіи 11-го ноября, по поводу одной финансовой поправки, оппозиція неожиданно одержала даже побѣду, и нѣкоторымъ уже казалось, что возможно паденіе кабинета. Но палата, по предложенію премьера Асквита, согласилась въ одномъ изъ послѣдующихъ засѣданій отмѣнить свое неудачное постановленіе, ошибочное по существу, и министерство сохранило свой прежній авторитетъ. Противъ гомруля уніонисты организовали въ протестантской провинціи Ирландіи, Ольстерѣ, революціонное движеніе, съ цѣлью не допустить осуществленія реформы послѣ принятія ея парламентомъ. Эта сложная противозаконная организація не вызываетъ пока никакихъ преслѣдованій, такъ какъ до сихъ поръ она не выходитъ изъ предѣловъ теоретическихъ разсужденій и не прибѣгаетъ ни къ какимъ запрещеннымъ и преступнымъ дѣйствіямъ.

ПРАВЫЯ ПАРТІИ ВЪ ЧЕТВЕРТОЙ ДУМѢ И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ДЕКЛАРАЦІЯ.

Чтó ожидало бы Россію, если бы оправдались надежды руководителей послѣдней выборной кампаніи и большинство, значительное большинство четвертой Государственной Думы оказалось на сторонѣ правыхъ и націоналистовъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ нетрудно найти въ исторіи той четверти вѣка (1881—1905), когда безраздѣльно и непрерывно торжествовала реакція, и тѣхъ недавнихъ лѣтъ, когда она вновь разразилась надъ страною. Но указанія исторіи забываются скоро, толкуются различно; наглядность и силу даетъ имъ повтореніе ихъ въ настоящемъ. Такимъ повтореніемъ, поразительно яснымъ, послужили рѣчи, произнесенныя на правой сторонѣ Думы въ засѣданіяхъ 7-го—15-го декабря. И какъ ни велико внушаемое ими отвращеніе, на нихъ слѣдуетъ остано-

виться уже потому, что опасность, недавно грозившую Россіи, нельзя считать миновавшею. Нѣтъ увѣренности въ томъ, что измѣнились условія, сдѣлавшія ее возможной.

Тѣ общественныя группы, изъ среды которыхъ выходятъ крайніе правые и умѣренно-правые члены Государственной Думы, существовали, конечно, и при старомъ режимѣ. Онѣ господствовали въ дворянскихъ собраніяхъ, стремились къ господству—и иногда его достигали—въ земствѣ и городахъ, властвовали на мѣстахъ, пользовались широкимъ вліяніемъ въ области центральнаго управленія. Изъ ихъ среды выдвигались, главнымъ образомъ, высшіе представители власти, пополнялась такъ называемая бюрократія. На нихъ, слѣдовательно, лежитъ значительная, очень значительная доля отвѣтственности за бѣдствія, пережитыя и переживаемыя Россіей. Представители ихъ не могутъ не сознавать этого крупнаго минуса въ своемъ пассивѣ. И вотъ, чтобы сбросить съ своихъ плечъ тяжелое бремя, они отрекаются отъ союзника, которому обязаны столь многимъ. «Мы всемѣрно, — восклицаетъ г. Марковъ 2-й, — гораздо раньше манифеста 17-го октября, боролись съ той бюрократіей, инородческой, безнародной, безвѣрной, которая отдѣлила царя отъ народа, захватила самодержца въ плѣнъ и, его именемъ злоупотребляя, дѣйствовала во вредъ и самодержавію, и народу. И бо́льшаго врага у насъ, правыхъ, какъ эта бюрократія, не было, нѣтъ и не будетъ». Что же приводитъ ораторъ въ подтвержденіе этого невѣроятно смѣлаго тезиса? Ничего: ни одного факта, ни одного намека на фактъ. И это понятно: все въ недавнемъ прошломъ говоритъ не за, а противъ него. Примѣръ дворянской фронды противъ бюрократіи—не оппозиціи, а именно фронды или, еще правильнѣе, интриги,—можно привести только одинъ: противодѣйствіе, оказанное редакціоннымъ комиссіямъ во время подготовки крестьянской реформы. Отголоскомъ раздраженія, накопившагося тогда въ помѣщичьихъ сферахъ, послужилъ извѣстный адресъ московскаго дворянства (1865 г.)—а затѣмъ entente cordiale между бюрократіей и предшественниками нашихъ современныхъ «правыхъ» болѣе не нарушалась. Ихъ интересы оберегалъ длинный рядъ министровъ, начиная съ гр. Д. А. Толстого до В. К. Плеве. Согласно съ ихъ желаніями былъ созданъ институтъ земскихъ начальниковъ, пользовавшійся—и пользующійся—ихъ полнѣйшимъ сочувствіемъ, хотя специфически-дворянское начало, положенное въ его основу «свѣдущими людьми» изъ меньшинства кахановской комиссіи, было сильно разбавлено и подавлено бюрократическимъ элементомъ. Земскіе начальники увеличили собою армію чиновничества,—и то немногое «свое», что они внесли туда, ужилось какъ нельзя лучше съ адми-

нистративными традиціями и нравами... Въ продолженіе цѣлыхъ десятилѣтій «первенствующее сословіе» пользовалось своимъ привилегированнымъ положеніемъ только въ своихъ собственныхъ видахъ и цѣляхъ, ходатайствуя передъ властью—т. е. передъ бюрократіей—только за себя и для себя. Едва ли можно указать хотя бы одно постановленіе дворянскаго собранія, вызванное заботой о благѣ народной массы—а постановленій, пренебрегавшихъ этимъ благомъ, можно насчитать не мало [1]... Если бюрократія была «безнародной», то столь же «безнародны» были и мнимые ея враги, державшіеся ею, цѣплявшіеся за нее и отъ нея ожидавшіе великихъ и богатыхъ милостей. «Инородцевъ» было много и тамъ, и тутъ, но не эпитетомъ «инородческая» можно характеризовать бюрократію, во главѣ которой, за однимъ развѣ исключеніемъ, стояли все время «истинно-русскіе» люди (гр. Толстой, И. Н. Дурново, И. Л. Горемыкинъ, Д. С. Сипягинъ, П. Н. Дурново, П. А. Столыпинъ).

Доказательство независимости правыхъ отъ бюрократическихъ вліяній г. Марковъ видитъ въ томъ, что между правыми нѣтъ «камергеровъ, чиновниковъ и сановниковъ», что они не гоняются за орденами, чинами и другими знаками отличія. Въ какой степени это вѣрно, въ настоящую минуту, по отношенію къ членамъ думской партіи правыхъ—мы судить не беремся; замѣтимъ только, что въ Думѣ называли одно имя, не укладывающееся въ вышеприведенную схему, и по сосѣдству съ г. Марковымъ сидятъ какъ бывшій губернаторъ, такъ и бывшій (или настоящій?) ректоръ университета. Но вотъ что совершенно ясно: г. Марковъ забылъ, что его партія не вся засѣдаетъ въ Думѣ. Онъ забылъ о дѣятельныхъ и весьма вліятельныхъ правыхъ членахъ Госуд. Совѣта, о которыхъ онъ, однако, очень хорошо помнилъ, когда грозилъ третьей Думѣ неминуемымъ проваломъ ея «либеральныхъ» законопроектовъ въ верхней палатѣ. Эта забывчивость понятна: слишкомъ ужъ рѣзко общность цѣлей и средствъ у правыхъ Думы и правыхъ Госуд. Совѣта идетъ въ разрѣзъ со сказкой о многолѣтней и упорной борьбѣ между бюрократіей и единомышленниками г. Маркова. На правой сторонѣ Госуд. Совѣта сосредоточенъ главный штабъ русской бюрократіи.

Чѣмъ рискованнѣе и безпочвеннѣе тезисъ, тѣмъ неизбѣжнѣе противорѣчія и несообразности въ его защитѣ. Ихъ нетрудно замѣтить и въ рѣчи г. Маркова. Возражая предсѣдателю совѣта министровъ,

---

[1]) Если бы намъ сказали, что мы неправильно сближаемъ стремленія «правыхъ» съ вожделѣніями дворянства, какъ сословія, то мы попросили бы вспомнить о солидарности, столь несомнѣнно существовавшей между правой стороной третьей Думы (вожди которой сохранили свои мѣста и въ четвертой) и съѣздами «объединеннаго дворянства».

г. Марковъ спросилъ его, неужели онъ полагаетъ, «что 17-го октября Россія жила не на строго правовыхъ основаніяхъ, что у насъ не было законодательства, что у насъ было какое-то персидское управленіе, гдѣ законъ не имѣетъ никакой силы?». «Увѣряю васъ,— воскликнулъ ораторъ,—на строго законномъ основаніи Россія жила гораздо раньше манифеста 17-го октября 1905-го года». Этими словами г. Марковъ пытается снять съ бюрократіи одно изъ самыхъ тяжкихъ обвиненій, которымъ она подвергалась и подвергается до сихъ поръ. Законодательство въ Россіи конечно было, существовала и формула, въ силу которой россійская имперія должна была управляться «на твердомъ основаніи положительныхъ законовъ»; но кому же неизвѣстно, что между этой формулой и дѣйствительностью лежала, да отчасти лежитъ и теперь, цѣлая пропасть? Законность, уваженіе къ закону постоянно входили въ составъ пожеланій, выражавшихся, на сколько это было возможно, либеральною печатью, раздѣлявшихся лучшею частью русскаго общества — и остававшихся безплодными, главнымъ образомъ именно потому, что исполненіе ихъ было несовмѣстимо съ господствомъ бюрократическаго строя. Утверждать, что Россія до октябрьскаго манифеста «жила на строго законномъ основаніи» — значитъ выступать не врагомъ, а защитникомъ бюрократіи, защитникомъ, идущимъ дальше чѣмъ она сама, игнорирующимъ для всѣхъ очевидное и ясное. Доказательство мы приведемъ только одно, но такое, съ которымъ ничего не подѣлаетъ даже смѣлость г. Маркова. Первый пунктъ Высочайшаго указа 12-го декабря 1904-го года признаетъ неотложнымъ «принятіе дѣйствительныхъ мѣръ къ охраненію полной силы закона, важнѣйшей въ самодержавномъ государствѣ опоры престола,— дабы ненарушимое и одинаковое для всѣхъ исполненіе его почиталось первѣйшею обязанностью» всѣхъ подчиненныхъ монарху властей и лицъ. До какой степени должно было упасть въ бюрократической средѣ чувство законности, если, въ торжественную минуту государственной жизни, понадобилось поставить на первый планъ напоминаніе объ обязанности властей охранять силу закона!

Ни для кого не тайна, что это напоминаніе прошло безслѣдно: сила закона охраняется въ настоящее время отнюдь не больше, а скорѣе меньше, нежели до 1904-го года. Бюрократія осталась тѣмъ, чѣмъ она была, приспособившись къ новымъ обстоятельствамъ и обогативъ свой арсеналъ новыми орудіями, свою практику— новыми пріемами, отъ самыхъ тонкихъ до самыхъ грубыхъ. Безчисленныя иллюстраціи этой темы представляетъ послѣдняя выборная кампанія. И въ чью же пользу работала бюрократія, кто дѣйствовалъ заодно съ нею и усердно пожиналъ ею посѣянное? Отвѣтъ на

этотъ вопросъ всѣмъ извѣстенъ—но г. Марковъ столь же мало стѣсняется съ настоящимъ, какъ и съ прошедшимъ. Приписавъ своимъ единомышленникамъ борьбу съ бюрократіей въ до-конституціонную эпоху, онъ столь же... рѣшительно выставляетъ ихъ обиженными ею на выборахъ. Что правительство — читаемъ мы во второй его рѣчи, — «намъ помогало на выборахъ, это вздоръ... Правительство противъ насъ шло на выборахъ. А если бы оно намъ помогало, то вотъ тамъ, гдѣ сидитъ Милюковъ, сидѣлъ бы Марковъ, а это все правые были бы». Горько жалуясь на то, что ему не позволили прочитать лекцію въ Харьковѣ, онъ рядомъ съ этимъ повѣствуетъ о чтеніяхъ его и г. Пуришкевича, состоявшихся, тамъ и здѣсь, въ полныхъ аудиторіяхъ — и, слѣдовательно, доказываетъ наглядно, что въ запрещеніи, неизвѣстно почему встрѣченномъ имъ въ одномъ мѣстѣ, не было ничего систематическаго, тенденціознаго. Пораженіе, понесенное правыми въ Харьковѣ и Екатеринославѣ, онъ приписываетъ выдѣленію духовенства въ особую курію — но, конечно, не упоминаетъ о многочисленныхъ случаяхъ, когда такое выдѣленіе предпринималось въ интересѣ правыхъ или націоналистовъ... Нѣтъ, впрочемъ, надобности продолжать опроверженіе басни объ обидѣ, нанесенной правительствомъ бѣднымъ, угнетеннымъ правымъ; стоитъ только вспомнить о трогательномъ единодушіи, царившемъ въ курской губерніи между губернаторомъ и правыми кандидатами въ четвертую Думу. Побѣда гг. Маркова, Пуришкевича и ихъ товарищей была побѣдой и для г. Муратова, едва ли случайно переведеннаго въ Курскъ, незадолго до выборовъ, изъ Тамбова, гдѣ съ полнѣйшею ясностью обнаружились его политическія симпатіи и способы приложенія ихъ къ жизни... Если бы и затѣмъ оставалось сомнѣніе на счетъ того, враждой или дружбой проникнуты отношенія между бюрократіей и правыми, то достаточно назвать г. Хвостова, котораго правая фракція Думы поспѣшила избрать своимъ вождемъ. Соратникамъ бывшаго нижегородскаго губернатора меньше чѣмъ кому-либо пристало отрекаться отъ бюрократіи, прошлой и настоящей, и принимать видъ гонимыхъ за независимость, угнетаемыхъ за самоотверженное служеніе правдѣ...

Политическій символъ вѣры свой и своей партіи г. Марковъ излагалъ не разъ въ третьей Думѣ и изложилъ вновь, съ нѣкоторыми дополненіями, въ своихъ послѣднихъ рѣчахъ. «Въ манифестѣ 17-го октября — говорилъ онъ 8-го декабря, — «установлены незыблемыя правила для русскаго правительства, и больше ничего; никакихъ правилъ для русскаго Царя не установлено... Не манифестъ 17-го октября, а манифестъ 6-го августа установилъ Государственную Думу». «По нашему ученію» — читаемъ мы въ слѣдую-

щей рѣчи того же оратора,—совѣсть самодержца есть высшій законъ, выше всякихъ законовъ, выше, конечно, и законовъ основныхъ... Статья 85-ая гласитъ: сила законовъ равно обязательна для всѣхъ безъ изъятія россійскихъ подданныхъ и для иностранцевъ, въ россійскомъ государствѣ пребывающихъ. Въ этой категоріи лицъ Самодержецъ Всероссійскій не значится, а посему и сила законовъ основныхъ для него необязательна». Дальше г. Марковъ ссылается на ст. 4-ую зак. основн., по которой «императору всероссійскому принадлежитъ верховная самодержавная власть, и повиноваться ей «не только за страхъ, но и за совѣсть» самъ Богъ повелѣваетъ». Объ истинномъ значеніи ст. 4-ой, изъ которой не случайно же исключено слово «неограниченный», мы говорили много разъ и не будемъ повторять сказаннаго; не станемъ также доказывать, что статья 85-ая, установляющая понятіе объ общеобязательной силѣ законовъ, вовсе не имѣетъ въ виду опредѣленіе существа верховной самодержавной власти, составляющее предметъ первой главы основныхъ законовъ. Въ этой главѣ мы находимъ рядъ постановленій, прямо опровергающихъ исходную мысль г. Маркова. Особенно знаменательна статья 11-ая, на основаніи которой Государь Императоръ, въ порядкѣ верховнаго управленія, издаетъ, *въ соотвѣтствіи съ законами*, указы и повелѣнія. Эта статья имѣетъ въ виду не подданныхъ, не исполнителей монаршей воли, а непосредственно и исключительно самого монарха; она была бы совершенно излишня, если бы для Государя, по выраженію г. Маркова, не предполагалось «установить никакихъ правилъ», если бы онъ былъ поставленъ «выше всякихъ законовъ, не исключая и основныхъ». Одинаковый со ст. 11-ой смыслъ имѣетъ и то правило ст. 10-ой, по которому «въ дѣлахъ управленія подчиненнаго опредѣленная степень власти ввѣряется отъ монарха, *согласно закону*, подлежащимъ мѣстамъ и лицамъ». Личную дѣятельность монарха регулируютъ и ст. 7, 8, 23 главы первой законовъ основныхъ. Ограниченія, установленныя ст. 86, 87, 92, 94 главы о законахъ, не имѣли бы никакого смысла, если бы они не касались монарха. Въ ихъ установленіи и заключается все значеніе перемѣны, провозглашенной манифестомъ 17-го октября, осуществленной законодательными актами 20-го февраля 1906-го года и закрѣпленной основными законами. Можно называть эту перемѣну какъ угодно, можно не давать ей никакого опредѣленнаго имени, но нельзя отрицать внутреннее родство созданнаго ею порядка съ тѣмъ, что принято считать конституціоннымъ строемъ. Никакими софизмами нельзя затемнить глубокое *правовое* различіе между прошедшимъ и настоящимъ Россіи. Фактически прежніе порядки могутъ обнаруживать

большую живучесть, могутъ даже во многомъ измѣняться къ худшему, конституціонализмъ можетъ быть въ той или другой степени мнимымъ — но, разъ войдя въ государственную жизнь, конституціонный строй не можетъ быть уничтоженъ, не можетъ быть прямо нарушенъ иначе, какъ путемъ насильственнаго переворота. Къ постоянной угрозѣ такимъ переворотомъ сводится взглядъ, проводимый правыми ораторами съ думской трибуны. Съ успокоеніемъ общества, съ увѣренностью въ завтрашнемъ днѣ, необходимою для мирной работы, онъ безусловно несовмѣстимъ,— и былъ бы несовмѣстимъ даже тогда, если бы проповѣдниками его являлись не эпигоны крѣпостничества, а законные преемники славянофильства. Такихъ преемниковъ, впрочемъ, нѣтъ и быть не можетъ, потому что нѣтъ больше условій, при которыхъ создалась славянофильская теорія. Когда послѣдователемъ ея (въ рѣчи 10-го декабря) объявляетъ себя г. Марковъ, это производитъ впечатлѣніе профанаціи, кощунства. Свою генеалогію нынѣшніе правые должны вести не отъ славянофиловъ, не отъ Юрія Самарина и кн. Черкасскаго—а отъ тѣхъ членовъ губернскихъ комитетовъ и высшихъ государственныхъ установленій, которые тормозили крестьянскую реформу и помѣшали ея законченности и полнотѣ.

Стремясь, въ сущности, къ возстановленію прежняго режима, правые называютъ себя сторонниками законосовѣщательной Думы; только на словахъ мирясь съ толкуемымъ ими вкривь и вкось манифестомъ 17-го октября, они преклоняются передъ предшествовавшимъ ему манифестомъ 6-го августа. И это преклоненіе, однако, имѣетъ чисто формальный характеръ. Дума 6-го августа пришлась бы по сердцу правымъ—и націоналистамъ—лишь въ такомъ случаѣ, если бы она была послушнымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ, вѣрнымъ отраженіемъ ихъ взглядовъ, другими словами—если бы она была избрана подъ ихъ властнымъ «руководствомъ», подъ гнетомъ еще болѣе сильнымъ и болѣе откровеннымъ чѣмъ тотъ, свидѣтелями котораго мы были нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Дума, лишенная всякой законодательной власти, была бы лишена и всякаго нравственнаго авторитета; ея «мнѣнія» считались бы одобреніемъ правительственныхъ мѣропріятій, на самомъ дѣлѣ будучи не чѣмъ инымъ, какъ ихъ вынужденнымъ отголоскомъ. Все осталось бы по старому; старую роль продолжала бы играть и бюрократія, тѣмъ болѣе, что она на самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ короткаго періода «отсутствія власти», вовсе не сходила со сцены. Гдѣ же основаніе думать, что измѣнилось бы отношеніе между нею и самодержавіемъ, изображенное въ рѣчи г. Маркова? Гдѣ основаніе вѣрить, что она перестала бы «отдѣлять царя отъ народа», перестала бы злоупо-

треблять именемъ самодержца? Злоупотребленіе, длящееся въ теченіе десятилѣтій или даже столѣтій, не можетъ быть случайнымъ: оно неразрывно связано съ данными условіями и устранимо только путемъ ихъ устраненія. Бюрократія, въ новѣйшее время, всегда и вездѣ является спутницей неограниченной монархіи; такъ было во Франціи при старомъ порядкѣ и въ эпоху обѣихъ имперій, въ Пруссіи великаго курфюрста и его преемниковъ, въ Австріи Іосифа II-го, Меттерниха и Баха. Нельзя стоять за самодержавіе, въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаютъ это слово наши «назадняки»—и въ то же время искренно и послѣдовательно отрицать бюрократію. Не врагами ея, а союзниками всегда были предшественники нынѣшнихъ правыхъ; союзниками ея и друзьями являются и сами правыя, состоящіе съ нею лишь въ скоропреходящей ссорѣ. «Милые бранятся—только тѣшатся»; маленькій поворотъ—и они очутятся въ объятіяхъ другъ у друга. Да и теперь, развѣ не въ средѣ «правыхъ» находятъ сочувствіе и привѣтъ нѣкоторые члены «объединеннаго правительства», уклонъ которыхъ вправо ясно отдѣляетъ ихъ отъ средней (болѣе или менѣе) линіи, проводимой предсѣдателемъ совѣта министровъ? Развѣ не слышится глубокая тоска по общенію съ бюрократіей въ горькихъ жалобахъ г. Пуришкевича на «систематическое отшибаніе» ею правой фракціи, на «недопустимое, презрительное отношеніе» правительственной власти къ усердствующимъ «правымъ»? Съ жалобами перемѣшивается у правыхъ ораторовъ надежда—надежда на успѣхъ, одно время казавшійся уже столь близкимъ, столь возможнымъ [1]! Этотъ успѣхъ былъ бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, успѣхомъ бюрократіи—той бюрократіи, которая еще недавно властвовала нераздѣльно и бывшіе вожди которой, засѣдающіе въ Госуд. Совѣтѣ, всегда готовы взять на себя продолженіе хорошо знакомаго имъ дѣла.

Присмотримся теперь поближе къ пожеланіямъ правыхъ партій, съ достаточною ясностью, хотя едва ли съ совершенною полнотою высказаннымъ при обсужденіи правительственной декларацiи. «Мы желали бы услышать—воскликнулъ г. Марковъ,—о пересмотрѣ уголовнаго уложенія, съ тѣмъ, чтобы были повышены всѣ нормы, повышены на нѣсколько ступеней... Наши уголовные суды развратили русскій народъ снизу до верху, въ особенности нашу безбожную, безнародную интеллигенцію... Мы не меньше, васъ, гг. конституціоналисты и революціонеры, желаемъ обезпечить

[1]) «Мы, правые—сказалъ г. Марковъ въ своей второй рѣчи,—въ четвертой Думѣ не будемъ, повидимому, правительственной партіей, *хотя будущее мнѣ неизвѣстно*». Вздохомъ резигнаціи прикрыто здѣсь чаяніе близкаго торжества.

права личности, но прибавляемъ: мирнаго, честнаго гражданина»... Само собою разумѣется, что въ случаѣ торжества правыхъ къ числу «мирныхъ и честныхъ гражданъ» не были бы отнесены ни «конституціоналисты и революціонеры», ни вообще «несогласно-мыслящіе», и что личность «добрыхъ»—добрыхъ въ томъ специфическомъ смыслѣ, въ какомъ это слово употреблялось, напримѣръ, принцемъ-президентомъ послѣ переворота 2-го декабря,—была бы обезпечена за счетъ «злыхъ», недостойныхъ покровительства власти. Понятно, далѣе, какое значеніе имѣетъ въ устахъ г. Маркова требованіе тѣлеснаго наказанія для хулигановъ, особенно для «хулигановъ-интеллигентовъ, хулигановъ высшаго класса населенія». Въ западной Европѣ—и это, конечно, говоритъ не въ пользу ея правящихъ классовъ — существуетъ и кое-гдѣ побѣждаетъ теченіе, благопріятное возстановленію тѣлеснаго наказанія, но только за опредѣленныя, тяжкія преступленія противъ личности. Хулиганство—понятіе эластичное, допускающее самыя различныя толкованія. Какое изъ нихъ выбрали бы наши реакціонеры, облеченные властью—это угадать нетрудно. И по избранной ими дорогѣ, подъ властнымъ ихъ давленіемъ, покорно пошли бы, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, наши суды, истинная вина которыхъ, какъ всѣмъ извѣстно, заключается совсѣмъ не въ томъ, въ чемъ укоряетъ ихъ г. Марковъ...

Въ томъ же духѣ, какъ и г. Марковъ, говорилъ о хулиганствѣ и о мѣрахъ борьбы съ нимъ и г. Пуришкевичъ. Въ программу, которую бывшій бессарабскій, нынѣ курскій депутатъ съ похвальною откровенностью развилъ передъ Думой, входитъ, далѣе, оздоровленіе школы—изданіемъ новаго университетскаго устава, который «не дѣлалъ бы изъ студенчества и профессуры передовыхъ застрѣльщиковъ русской революціи»; оздоровленіе городовъ и селъ—введеніемъ новаго полицейскаго устава (!); изданіе закона о печати, который положилъ бы конецъ нынѣ дѣйствующей «свободѣ пропаганды» (!); «отведеніе должнаго мѣста» церковно-приходскимъ школамъ (т. е. примѣненіе ими по отношенію къ земскимъ школамъ извѣстной формулы: «ôte-toi de là que je m'y mette»?)... Озабочены г.г. Пуришкевичъ и Марковъ и матеріальнымъ благосостояніемъ народныхъ массъ. Первый желаетъ продолженія работъ по обезпеченію крестьянъ землею, «путемъ укрѣпленія собственности на основаніи закона 9-го ноября и ликвидаціи имѣній, пріобрѣтенныхъ крестьянскимъ банкомъ». Второй жалуется на стѣсненіе переселеній, но предлагаетъ поощрить ихъ... раздачей русскимъ крестьянамъ тѣхъ земель въ Туркестанѣ и Закавказьѣ, «куда ихъ не пускаютъ «въ угоду мѣстнымъ инородцамъ», и недопущеніемъ захвата

нѣмецкими колонистами русскихъ земель въ Подоліи и Волыни. Чтобы оцѣнить по достоинству эти заявленія, достаточно сопоставить ихъ съ небольшою рѣчью, произнесенною, отъ имени крестьянской группы, депутатомъ Мерщимъ (представителемъ Кіевской губерніи—одной изъ тѣхъ, гдѣ прошли почти исключительно правые разныхъ оттѣнковъ). Г. Мерщій отмѣтилъ, съ одной стороны, полное отсутствіе въ правительственной деклараціи указаній о цѣломъ рядѣ «мѣропріятій первой важности, самыхъ существенныхъ для крестьянъ», напримѣръ о правовомъ положеніи крестьянъ, о мѣрахъ къ устраненію малоземелья, объ освобожденіи предметовъ первой необходимости отъ налоговъ, о сложеніи съ крестьянъ натуральныхъ повинностей, о борьбѣ съ пьянствомъ и другими народными бѣдствіями—а съ другой стороны, недостаточное освѣщеніе въ деклараціи не менѣе важныхъ для крестьянъ общегосударственныхъ вопросовъ, какъ-то: общественное призрѣніе, дорожное дѣло и въ особенности народное образованіе, которое въ настоящее время страдаетъ отъ междувѣдомственной розни и отъ вредной тенденціозности [1]). «Горячее одобреніе слова г. Мерщія» встрѣтили только слѣва: правые безмолствовали, центръ—также. Если бы въ средѣ крестьянъ оставались еще какія-либо сомнѣнія на счетъ того, гдѣ ихъ истинные друзья, эти сомнѣнія были бы разсѣяны рѣчами г.г. Маркова и Пуришкевича—и пріемомъ, оказаннымъ заявленію г. Мерщія.

Не думаемъ, впрочемъ, чтобы такія сомнѣнія существовали. Изъ числа нынѣшнихъ крестьянъ-депутатовъ нѣкоторые засѣдали въ третей Думѣ и, конечно, вынесли оттуда и передали своимъ новымъ товарищамъ впечатлѣнія, нашедшія столь яркое выраженіе въ рѣчахъ Андрейчука, Амосенко, Дворянинова и другихъ «прозрѣвшихъ» членовъ тогдашней правой. Не можетъ не быть знакомъ депутатамъ-крестьянамъ и протестъ, поданный ихъ собратьями,

[1]) Замѣтимъ, мимоходомъ, что въ этихъ послѣднихъ словахъ депутата-крестьянина Мерщія можно найти объясненіе упорнаго отказа думской крестьянской группы отъ приглашенія въ свою среду епископа кременецкаго Никона. Для высшей церковной іерархіи и для представителей ея въ Госуд. Думѣ нѣтъ вопроса болѣе животрепещущаго, болѣе важнаго, чѣмъ сохраненіе обособленности и привилегированнаго положенія церковноприходскихъ школъ—а крестьянская группа очевидно относится къ этому вопросу совершенно иначе. Упрекъ въ «междувѣдомственной розни и вредной тенденціозности» относится именно и исключительно къ вѣдомству православнаго исповѣданія», какъ хозяину церковно-приходскихъ школъ. Мы видѣли еще недавно, что къ духовенству кіевской губерніи, гдѣ избранъ деп. Мерщій, онъ можетъ быть примѣненъ съ особенною силой (см. № 11 В. Евр. за 1912 г., стр. 362).

лѣтомъ прошлаго года, на съѣздѣ «союза русскаго народа» [1]). Никого, поэтому, не введутъ въ заблужденіе увѣренія г. Маркова что правые—«настоящій, чистый русскій народъ»; никого не смутитъ его претензія говорить отъ имени народа, 90% котораго даже на фабрикахъ (гдѣ г. Марковъ насчиталъ только 10% соціалъ-демократовъ) думаютъ, будто бы, какъ правые, и если не показываютъ этого наглядно, то лишь потому, что «разрознены и не объединены». Всѣмъ очень хорошо извѣстно, что насколько затруднено или даже сдѣлано невозможнымъ объединеніе народныхъ массъ подъ другими партійными знаменами, настолько облегчено и поощрено объединеніе ихъ подъ флагомъ «правыхъ»—и если оно удается крайне слабо или идетъ назадъ, а не впередъ, то исключительно потому, что слишкомъ мало общаго между народомъ и горстью мнимыхъ, самозванныхъ его вождей. Есть, наконецъ, простой способъ подсчета силъ—подсчета реальнаго, основаннаго на фактахъ, а не на обманѣ и самообманѣ. Пускай будутъ спрошены всѣ граждане россійской имперіи, спрошены не по куріямъ или другимъ искусственнымъ клѣткамъ, а непосредственно и прямо, при условіяхъ, обезпечивающихъ полную сознательность и полную свободу голосованія. Если бы правые были убѣждены, что на ихъ сторонѣ, за ничтожными исключеніями, весь русскій народъ, они должны были бы стоять, безбоязненно и твердо, за всеобщую подачу голосовъ. Ни о чемъ подобномъ они, конечно, не помышляютъ. Непослѣдовательнымъ съ точки зрѣнія логики, но вполнѣ послѣдовательнымъ съ точки зрѣнія самоохраны является г. Пуришкевичъ, когда оправдываетъ и признаетъ необходимымъ давленіе власти на избирателей. То же самое можно будетъ сказать о немъ и о его единомышленникахъ и тогда, когда они—какъ это нетрудно предвидѣть,—станутъ на защиту дѣйствующей избирательной системы или выскажутся за дальнѣйшее ограниченіе избирательнаго права.

Для главы объединеннаго кабинета рѣчи крайнихъ правыхъ, не смотря на переполнявшую ихъ мелкую злобу, должны были быть пріятны потому, что на ихъ фонѣ рельефно выдѣлялась сравнительная мягкость—если не правительственныхъ дѣйствій, то по крайней мѣрѣ правительственныхъ сужденій. Въ первой деклараціи В. Н. Коковцова было признано, что дѣятельность четвертой Госуд.

[1]) См. въ № 12 В. Евр. за 1911 г. «Внутреннее обозрѣніе», стр. 379—380, и «Вопросы общественной жизни», стр. 423—425, а также въ № 7 В. Евр. 1912 г. «Вопросы общественной жизни», стр. 420—424.

Думы «должна быть направлена къ отысканію новыхъ путей для всесторонняго усовершенствованія русскаго государственнаго и общественнаго быта на строго правовыхъ основаніяхъ, установленныхъ Высочайшимъ манифестомъ 17-го октября». Правительство, по словамъ предсѣдателя совѣта министровъ, «вполнѣ сознаетъ несовершенство имѣющихся въ его распоряженіи средствъ къ охраненію порядка и полагаетъ, что они должны быть замѣнены твердыми правовыми нормами». Въ своей второй рѣчи В. Н. Коковцовъ согласился съ тремя пожеланіями, высказанными представителемъ партіи народной свободы, В. А. Маклаковымъ: «чтобы соблюдался законъ, чтобы у власти была добрая воля охранять и отстаивать порядокъ, основанный на законѣ, и чтобы власть не ставила въ заслугу сознательнаго нарушенія закона». Эти заявленія, вмѣстѣ взятыя и противопоставленныя домогательствамъ правыхъ, могли бы образовать нѣкоторый, не лишенный цѣнности правительственный активъ—если бы слова не въ такой степени шли въ разрѣзъ съ дѣлами. Изъ всѣхъ оппозиціонныхъ рѣчей, произнесенныхъ во время преній о декларацiи министерства, наибольшее впечатлѣніе произвела, по видимому, рѣчь Н. Н. Львова (саратовскаго депутата, прогрессиста, одного изъ самыхъ выдающихся русскихъ ораторовъ)—произвела именно потому, что въ ней съ особой яркостью было освѣщено противорѣчіе между писанной декларацiей министерства и «декларацiей дѣйствія», «декларацiей въ лицахъ». «Свобода слова, свобода союзовъ и собраній, неприкосновенность личности—и рядомъ съ этимъ министръ внутреннихъ дѣлъ Макаровъ; свобода совѣсти—и рядомъ съ нею оберъ-прокуроръ св. синода Саблеръ; свобода науки—и министръ просвѣщенія Кассо; независимость суда—и министръ юстиціи Щегловитовъ»! Глубоко вѣрнымъ было указаніе Н. Н. Львова и на то, что при иномъ исходѣ выборовъ иною была бы и декларація кабинета. Все было сдѣлано для того, чтобы большинство оказалось въ Думѣ на сторонѣ правыхъ, считающихъ для себя оскорбленіемъ одно напоминаніе о манифестѣ 17-го октября—а къ такому большинству министерство, конечно, не обратилось бы съ рѣчью о строго правовыхъ началахъ, установленныхъ манифестомъ...

Какъ бы то ни было, нежданное и нежеланное большинство осталось вѣрнымъ тому пути, который былъ намѣченъ предсѣдателемъ Думы въ первомъ ея засѣданіи. Прежде, чѣмъ разойтись на рождественскія вакаціи, Дума, большинствомъ 132 голосовъ противъ 87, приняла формулу перехода, предложенную прогрессистами. «Выражая увѣренность,—гласитъ эта формула,—что нормальная законодательная дѣятельность возможна только при

совмѣстной работѣ правительства и законодательныхъ учрежденій въ направленіи искренняго осуществленія началъ, возвѣщенныхъ Высочайшимъ манифестомъ 17-го октября 1905-го года, и водворенія строгой законности, Госуд. Дума приглашаетъ правительство твердо и открыто вступить на этотъ путь». Итакъ, съ точки зрѣнія думскаго большинства, водвореніе строгой законности, осуществленіе манифеста 17-го октября—все это еще впереди; на этотъ путь правительство еще не вступило. За «писанной деклараціей» должна послѣдовать «декларація дѣйствія» [1]).

Если формула, принятая большинствомъ, знаменуетъ собою шагъ впередъ сравнительно съ позиціей третьей Думы, то это, конечно, еще не значитъ, что она не оставляетъ желать ничего лучшаго въ смыслѣ рѣшительности и опредѣленности. Это станетъ совершенно яснымъ, если поставить рядомъ съ нею съ одной стороны—формулу, предложенную въ Думѣ партіей народной свободы и отклоненную большинствомъ, съ другой — формулу, принятую Госуд. Совѣтомъ. Въ формулѣ конституціоналистовъ-демократовъ было выражено убѣжденіе, что осуществленіе началъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17-го октября, невозможно безъ измѣненія правилъ 3-го іюня, *безъ коренной реформы Госуд. Совѣта* и безъ согласованія предположеній правительства съ ясно выраженной волей страны. Въ формулѣ, принятой большинствомъ Госуд. Совѣта, поддержка верхней палаты обѣщана правительству по тѣмъ его проектамъ, «которые имѣютъ цѣлью подъемъ благосостоянія населенія и укрѣпленіе въ его средѣ порядка, спокойствія и законности». Не удостоилась одобренія верхней палаты даже крайне умѣренная формула меньшинства, говорившая объ «укрѣпленіи порядка и законности на началахъ дарованнаго волей монарха государственнаго строя». Упомянуть объ этихъ началахъ большинство Госуд. Совѣта не согласилось, очевидно—потому, что они ему до сихъ поръ чужды и антипатичны. Даже законность, въ глазахъ представителей старыхъ традицій, желательна лишь «въ средѣ населенія»; въ средѣ администраціи, слѣдовательно, она составляла бы излиш-

---

1) Голосованіемъ по поводу формулъ перехода къ очереднымъ дѣламъ раскрыто съ полнѣйшею ясностью единодушіе между обѣими правыми партіями—крайнихъ правыхъ и націоналистовъ,—во время преній нѣсколько затушеванное отсутствіемъ искренности въ рѣчахъ націоналистовъ Въ формулѣ, предложенной послѣдними и поддержанной крайними правыми, выражалась надежда, что правительство «вновь встанетъ на путь твердой и ясной національной политики». Другими словами, слабой стороной дѣятельности кабинета В. Н. Коковцова признавалась... недостаточная твердость въ проведеніи началъ, прямо противныхъ смыслу манифеста 17-го октября.

нюю роскошь. Порядокъ и спокойствіе—вотъ къ чему сводится вся забота тѣхъ, кто держится стараго, до-реформеннаго прусскаго принципа: Ruhe ist die erste Bürgerpflicht. Нужно ли, затѣмъ, еще доказывать необходимость «коренной реформы» Госуд. Совѣта? Такихъ доказательствъ можно было бы найти немало въ отчетахъ о предпраздничной сессіи верхней палаты...

«Декларація дѣйствія», о которой говорилъ Н. Н. Львовъ, представляется съ одной стороны крайне необходимой, съ другой—сравнительно легко осуществимой. Она необходима, потому что неопредѣленныя обѣщанія потеряли всякую силу, и серьозность положенія требуетъ безотлагательнаго перехода къ дѣлу; она легко осуществима, потому что первымъ шагомъ должно было бы явиться здѣсь даже не дѣйствіе, а воздержаніе отъ дѣйствій. Въ самомъ дѣлѣ, какую цѣну можетъ имѣть заявленіе, что правительство «вполнѣ сознаетъ несовершенство состоящихъ въ его распоряженіи средствъ охраны порядка и готово замѣнить ихъ твердыми правовыми нормами», пока эти средства пускаются въ ходъ на каждомъ шагу, безъ твердыхъ основаній и въ прямое нарушеніе правовыхъ нормъ? Кто станетъ утверждать, что въ настоящую минуту для «охраны порядка» нужны, напримѣръ, громадные штрафы, безпрестанно налагаемые губернаторами и градоначальниками на органы печати, или мѣры строгости, постигающія ни въ чемъ не повинныхъ подростковъ? Что мѣшаетъ перенести заржавѣлыя орудія власти въ административную кунсткамеру, не ожидая наложенія на нихъ оффиціальнаго штемпеля негодности? Предшествуя юридической отмѣнѣ «усмотрѣнія», фактическое ограниченіе его было бы хоть нѣкоторымъ ручательствомъ въ искренности преобразовательныхъ намѣреній... Рядомъ съ «декларацiей дѣйствія», иллюстрируемой, на первыхъ порахъ, демонстративнымъ бездѣйствіемъ, должна была бы идти, конечно, «декларація въ лицахъ». Съ реальнымъ примѣненіемъ началъ, возвѣщенныхъ предсѣдателемъ совѣта министровъ, рѣшительно несовмѣстимо продолженіе дѣятельности главныхъ представителей господствовавшей до сихъ поръ системы. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить наиболѣе рельефные эпизоды выборной кампаніи... Къ несчастію, признаковъ подобной «деклараціи» еще не видно; «декларативнаго» значенія перемѣны въ личномъ составѣ высшаго управленія покамѣстъ не имѣютъ.

P. S. Прежде, чѣмъ разойтись до 21-го января, Государственная Дума выслушала нѣсколько характерныхъ рѣчей по аграрному вопросу. Депутатъ отъ Екатеринославской губерніи, крестьянинъ Макогонъ, выступилъ съ защитой новой земельной политики, отри-

цая какое бы то ни было понужденіе крестьянъ къ выходу изъ общины, радуясь продажѣ крестьянскихъ земель, отожествляя принудительное отчужденіе съ грабежомъ, выражая предположеніе, что противниками закона 9-го ноября (т. е. 14-го іюня) могутъ быть только «городскіе ораторы». Среди правыхъ онъ возбудилъ настоящій восторгъ, очень скоро, однако, охлажденный рѣчами другихъ крестьянъ, Леванидова и Фирсова. По словамъ перваго, новый законъ примѣняется въ его мѣстности «насильственнымъ и даже обманнымъ способомъ». «Насъ спрашиваютъ,—воскликнулъ второй,—у васъ, кажется, мало земли? Мы говоримъ: да. Такъ вотъ къ вашимъ услугамъ законъ 14-го іюня; онъ имѣетъ такую магическую силу, что увеличиваетъ земельную площадь во сколько угодно. Мы этому не вѣримъ. Намъ говорятъ: вы недовольны,—нѣтъ вамъ ничего; вы не получите ссуды отъ правительства, если не желаете воспользоваться этимъ закономъ, а тѣ, кто желаетъ имъ воспользоваться, получатъ все, что имъ угодно... Если я, какъ посланникъ народа, буду говорить за законъ 14-го іюня, то я не знаю, могу ли я возвратиться въ то мѣсто, откуда меня отправили мои избиратели». Въ рѣчахъ обоихъ депутатовъ-крестьянъ слышалось глубокое негодованіе противъ вновь воскресающихъ предположеній о возстановленіи тѣлеснаго наказанія. «Дайте намъ не розгу—воскликнулъ г. Леванидовъ,—дайте намъ образованіе и убавьте у насъ водки». И подъ именемъ образованія оба депутата понимаютъ, очевидно, не то, которое предлагается церковно-приходскими школами...

Что бы ни говорили правые и націоналисты о своей солидарности съ народомъ, о своей преданности его идеаламъ, они не введутъ въ заблужденіе большинство крестьянъ, на какой бы сторонѣ Думы послѣдніе ни избрали себѣ мѣсто. Слишкомъ глубока пропасть, вырытая сословными предразсудками и классовыми интересами меньшинства. Ее можно, до поры до времени, не замѣчать, но, однажды замѣтивъ, нельзя, безъ измѣны народу, протянуть черезъ нее руку. И съ этой точки зрѣнія нельзя не привѣтствовать тѣ рѣчи, которыя, исходя не отъ крестьянъ, звучали въ унисонъ съ крестьянскимъ міровоззрѣніемъ. Попытки оправдать, идеализировать новые земельные порядки, исходившіе изъ среды октябристовъ и націоналистовъ (рѣчи гг. Шидловскаго и Невіандта), встрѣтили отпоръ со стороны А. С. Посникова и А. И. Шингарева, достаточно сильный и яркій. И это соотношеніе партій будетъ повторяться каждый разъ, когда передъ Думой будетъ вставать та или другая сторона крестьянскаго вопроса—вопроса специфически русскаго, но болѣе всего чуждаго и даже враждебнаго «истинно-русскимъ» (въ кавычкахъ) людямъ.

К. Арсеньевъ.

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Прогрессъ «обновленнаго» строя. — Вторженіе «охраны» въ среднюю школу.—Поднятый печатью «шумъ» и министерство народнаго просвѣщенія.—«Реформа» военно-медицинской академіи.—Эпизодъ борьбы за «доконституціонную» свободу собраній.—В. Е. Якушкинъ †.

«Обновленный» строй несомнѣнно прогрессируетъ. «Охрана» покончила съ университетами и принялась за среднюю школу. По поводу послѣднихъ событій въ петербургскихъ гимназіяхъ, товарищъ министра народнаго просвѣщенія, баронъ Таубе, говорилъ газетному сотруднику, что «по заведенной практикѣ, охрана дѣйствовала вполнѣ самостоятельно и извѣстила министерство лишь post factum». И говорилъ онъ это не тономъ протеста, а тономъ утвержденія, что такъ есть и такъ быть должно. А. А. Макарова на посту министра внутреннихъ дѣлъ смѣнилъ Н. А. Маклаковъ, имѣющій въ губернаторскомъ формулярѣ борьбу съ земствомъ, преслѣдованіе украйнофиловъ, запрещеніе сбора на памятникъ Шевченки, высылку евреевъ и особенно энергичный «нажимъ» на выборы. О смертной казни и о необходимости ея отмѣны продолжаютъ говорить одни «безпочвенные» теоретики. Изъ вопроса жизненной потребности отмѣна смертной казни поднялась въ высь вопросовъ далекой отвлеченности. Въ области уголовныхъ каръ говорятъ, какъ о потребности, о возрожденіи розги. Говорятъ въ земствѣ, заговорили—въ Государственной Думѣ. И кто поручится, что снова не раздастся надъ крестьянской спиной отвратительный свистъ розги, на который старый строй восемь лѣтъ назадъ наложилъ, казалось, безповоротный запретъ!

Министерствомъ заготовленъ законопроектъ о печати. Будетъ ли это законъ о свободѣ или объ «обузданіи» печати? Задаваться подобнымъ вопросомъ было бы наивно. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ мы приводили циркуляръ главнаго управленія по дѣламъ печати, предлагавшій трактовать воспроизведеніе въ газетахъ рѣчей лѣвыхъ членовъ Думы какъ самостоятельное преступное дѣяніе со стороны редакторовъ. Циркуляръ уже возымѣлъ свое дѣйствіе. За напечатаніе рѣчи члена

Думы Малиновскаго петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати наложенъ арестъ на «Лучъ» и «Правду», и редакторы обѣихъ газетъ привлечены къ отвѣтственности по ст. 129 уголовнаго уложенія. Въ Одессѣ конфискована «Южная Мысль» за два абзаца изъ рѣчи В. А. Маклакова. Для администраціи, конечно, желательно, чтобы подобные аресты и конфискаціи и сопровождающія ихъ уголовныя кары назначались по закону, а не по циркулярамъ и «разъясненіямъ». Вѣчно «разъяснять» черное бѣлымъ и бѣлое чернымъ все-таки «неудобно».

Насколько, въ практикѣ повседневной обывательской жизни, вѣрно и неуклонно прогрессируетъ «обновленный» строй отъ произвола къ закономѣрности, — любопытнымъ новымъ показателемъ можетъ служить недавній циркуляръ рязанскаго губернатора, разосланный исправникамъ и полиціймейстеру. Губернатору принадлежитъ право разрѣшать содержателямъ питейныхъ заведеній устройство «увеселеній для публики»—заводить билліарды, музыку и т. п. Казалось бы, между этимъ правомъ и правомъ обывателя читать тѣ газеты, которыя ему нравятся, нѣтъ ничего общаго. Но рязанскій губернаторъ разсудилъ иначе. Свое право разрѣшать музыку и билліарды онъ связалъ съ правомъ обывателя читать газеты и второе подчинилъ первому. Въ рязанскомъ воеводствѣ трактирщикамъ объявлено: «желаешь имѣть билліардъ и другія увеселенія для публики»—выписывай «Новое Время», «Свѣтъ», «Земщину» и вообще благонадежныя изданія». Обывателямъ: — «желаешь, сидя въ трактирѣ, слушать музыку—не смѣй и думать о лѣвыхъ листкахъ». Циркуляръ предписываетъ начальникамъ полиціи при отвѣтахъ на запросы, поступающіе къ нимъ отъ губернаторской канцеляріи «по прошеніямъ о разрѣшеніи имѣть въ питейныхъ заведеніяхъ на будущій годъ то или иное увеселеніе, не исключая билліарда,—непремѣнно указывать, какіе именно газеты и журналы просители выписываютъ и предполагаютъ выписать для своихъ заведеній въ наступающемъ году». И при этомъ, дабы «сократить, насколько возможно, распространеніе среди населенія какихъ бы то ни было противоправительственныхъ изданій», губернаторъ вмѣняетъ «въ обязанность уѣзднымъ исправникамъ и полиціймейстеру заранѣе предупредить наиболѣе подходящимъ по ихъ мнѣнію способомъ всѣхъ содержателей питейныхъ заведеній, что тѣ изъ нихъ, которые выписываютъ или предполагаютъ для посѣтителей своихъ заведеній выписать періодическія изданія лѣваго направленія», ни въ коемъ случаѣ не могутъ разсчитывать на полученіе разрѣшенія на право устройства увеселеній.

«Кстати, какъ въ этой губерніи насчетъ хулиганства?» Этимъ

вопросомъ закончено въ «Русскомъ Словѣ» воспроизведеніе циркуляра. Вопросъ заимствованъ изъ откликовъ съ лѣвыхъ скамей въ Думѣ на рѣчи гг. Пуришкевича и Маркова. Если имѣть въ виду, что хулиганство особенно пышно расцвѣло на почвѣ сознанія уличными безобразниками своей недосягаемости для внѣшнихъ мѣръ воздѣйствія, то смыслъ вопроса станетъ вполнѣ понятенъ. Идеологи правового обновленія и возвѣщенной закономѣрности скажутъ: «трактирщики Рязанской губерніи могутъ принести жалобы». Жаловаться каждый всегда и на все можетъ. Еще по петровскому законодательству всѣмъ «обиженнымъ» дозволялось о своихъ нуждахъ бить челомъ и просить, только «не составляя сходбищъ». Но что изъ жалобъ выйдетъ? Въ лучшемъ случаѣ, рязанскіе трактирщики могутъ утѣшать себя тѣмъ, что когда губернаторъ получитъ другое назначеніе или, какъ г. Хвостовъ, будетъ избранъ членомъ Думы, то сенатъ признаетъ его циркуляръ незаконнымъ и отмѣнитъ. Стоило орловскимъ «зубрамъ» провести г. Хвостова въ Думу,—и его распоряженіе о привлеченіи къ суду всего состава нижегородскаго ярмарочнаго комитета отмѣнено. Но выборы въ Думу бываютъ разъ въ пять лѣтъ, да и не часто губернаторовъ выбираютъ. А рязанскіе обыватели, лишенные права читать подъ музыку «Русскія Вѣдомости», «Рѣчь», «Копѣйку» и т. д., и издатели газетъ «лѣваго направленія»,—они не могутъ имѣть и такого утѣшенія, сколь ни явна причиненная имъ обида.

Явленіе того же порядка представляетъ собою отвѣтъ главнаго командира кронштадтскаго порта на просьбу родителей воспитанника фельдшерской школы, покушавшагося на самоубійство. Воспитанникъ Ивановъ за опозданіе съ прогулки былъ посаженъ въ карцеръ и тамъ отравился сулемой. Мальчика удалось спасти; инспекторъ школы рѣшилъ его исключить въ назиданіе другимъ, тѣмъ болѣе, что за короткое время это былъ второй случай отравленія. Родители обратились къ главному командиру. Послѣдній заявилъ: «Приму, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы его при полиціи хорошенько выдрали розгами. Впрочемъ, можно и въ экипажѣ» («День», № 68).

Непосредственный результатъ самостоятельнаго, «по заведенному порядку», вторженія охраны въ жизнь средней школы уже опредѣлился. Г-жа Витмеръ, владѣлица гимназіи, въ помѣщеніи которой было накрыто «преступное» собраніе «преступнаго» сообщества, отъ завѣдыванія гимназіей устранена. Нѣкоторые ученики—по счастью, немногіе—исключены, т. е. выброшены изъ школы съ волчьимъ билетомъ, безъ права поступать въ другія учебныя заве-

денія и, по самоновѣйшему министерскому циркуляру, безъ права держать выпускные экзамены въ качествѣ экстерновъ; остальные задержанные уволены по просьбѣ родителей или вслѣдствіе болѣзни. Коротко говоря, будущее тридцати слишкомъ юношей и молодыхъ дѣвушекъ уже разбито.

По мнѣнію министерства народнаго просвѣщенія, это пустяки—мелочной эпизодъ, не заслуживающій общественнаго вниманія. «Меня очень удивляетъ шумъ, поднятый петербургской печатью вокругъ этой исторіи»,—говорилъ директоръ департамента министерства, г. Вильевъ. Не столь категоричны, но одинаковы по содержанію слова барона Таубе. Онъ заявилъ, что «раздувать инцидентъ и придавать ему преувеличенное значеніе министерство не намѣрено». Но тутъ же, впрочемъ, не ограничиваясь разъ сдѣланной оговоркой о самостоятельности «охраны», бар. Таубе прибавилъ: «министерство народнаго просвѣщенія не касается, однако, ничуть тѣхъ мѣръ, которыя могли бы быть приняты со стороны властей полицейскихъ. Этотъ вопросъ вѣдѣнію министерства, конечно, не подлежитъ». Во-первыхъ, слѣдовательно, возможенъ еще судебный процессъ или возможна административная расправа въ формѣ ссылки въ Нарымскій край, или хотя бы высылки изъ Петербурга. И министерство, предвидя такія возможности, торопится передъ ними преклониться и заранѣе умываетъ руки. Оно, «конечно», передъ охраной за судьбу ввѣренныхъ ему полу-дѣтей не заступится. А, во-вторыхъ, если безразличенъ для министерства, то отнюдь не безразличенъ для общества самый фактъ вторженія «охраны» въ среднюю школу и обусловленное имъ, во всякомъ случаѣ преждевременное знакомство воспитанниковъ и воспитанницъ съ жандармами, съ городовыми и съ филерами высшихъ и низшихъ ранговъ.

«Всѣхъ арестованныхъ—разсказывала одна газета—подъ усиленнымъ конвоемъ, ночью, отвезли на Тверскую улицу, въ жандармское управленіе, и тамъ блѣдныя отъ испуга и волненія дѣти должны были дефилировать передъ жандармомъ-фотографомъ. Ихъ снимали по одиночкѣ, а кромѣ того, въ нѣсколькихъ группахъ». Другая газета рисовала картину допроса: «ихъ—гимназистовъ и гимназистокъ — допрашивали относительно принадлежности къ обществу «огарковъ». Ихъ спрашивали относительно порнографической литературы. Юноши и молодыя дѣвушки понимали, что ихъ заподозрѣли въ чемъ-то отвратительномъ, гнусномъ до послѣдней степени; даже не въ простомъ развратѣ, а въ публичныхъ оргіяхъ, какихъ-то гнусныхъ извращеніяхъ»... Какъ непроницаемъ долженъ быть «футляръ» на человѣкѣ, чтобы удивляться поднятому шуму! А есть въ «исторіи» и еще одна сторона, не

вскрытая, но о которой можно говорить съ увѣренностью. Разоблаченіе дѣятельности Азефа, дѣло Богрова, признанія Меньшикова, Бакая и т. д., и т. д. до конца сорвали тайну съ пріемовъ охраннаго сыска. «Охрана» ничего непосредственно не выслѣживаетъ, а дѣйствуетъ исключительно по указаніямъ агентовъ внутренняго наблюденія—«сотрудниковъ». Если, вмѣсто гимназическаго начальства, «охрана» узнала о томъ, что гимназисты и гимназистки собираются съ «противоправительственной» цѣлью, значитъ сотрудничество проникло и въ гимназіи. А если такъ, то является естественный вопросъ: не провокація ли создала и эти собранія, и завѣренную какимъ-то уставомъ организацію, и найденныя при обыскахъ прокламаціи? Одна мысль о захватѣ средней школы въ цѣпкія и грязныя лапы провокаціи, казалось бы, должна приводить въ трепетъ педагоговъ. А наше министерство просвѣщенія «удивляется шуму». Этотъ вопросъ вѣдѣнію его «не подлежитъ».

«Россія» разсудила «исторію» просто. Всему виной—«радикальствующая улица», т. е., во-первыхъ, «лѣвые листки», во-вторыхъ тѣ семьи, «гдѣ родители или совсѣмъ не заботятся о томъ, что происходитъ съ ихъ молодежью, или даже, съ своей стороны, поощряютъ въ этой молодежи такія черты, какъ атеизмъ, радикализмъ, протестъ противъ всякой дисциплины, стремленіе критиковать все, что постарше и поавторитетнѣе». «Присмотритесь ближе—взывали «казенныя перья»—ближе къ тѣмъ, кто является героями подобныхъ исторій. Это—сбившіеся съ толку, отбившіеся отъ работы, лишенные всякихъ устоевъ мальчуганы, которые росли, какъ былинки въ полѣ, внѣ систематическаго надзора, или совсѣмъ безъ семьи, или въ такой семьѣ, гдѣ менѣе всего думали о томъ, что можетъ получиться, если дѣти оставляются безъ правильнаго, разумнаго воспитанія».

Какъ это старо, неумно и лицемѣрно! По свидѣтельству педагогическихъ совѣтовъ, всѣ, захваченные и обысканные гимназисты были лучшими учениками. Да и что они дѣлали «преступнаго» въ моментъ захвата полиціей всѣхъ входовъ и выходовъ гимназіи г-жи Витмеръ? Какъ устанавливаетъ бар. Таубе, «несомнѣненъ фактъ наличности литературы противоправительственной и, притомъ, въ значительномъ количествѣ, обнаружённой не только при задержаніи участниковъ собранія въ гимназіи Витмеръ, но и при обыскѣ у нихъ на дому, при чемъ кромѣ означенной литературы найдены были и ленты (?) для ея воспроизведенія». Но, говорилъ онъ далѣе, «найденная при обыскахъ противоправительственная литература не носитъ современнаго характера». Что же это за таинственная литература? Прежде говорили: «революціонная» литература. Теперь во-

шелъ въ жандармскій обиходъ терминъ «противоправительственная». Правительство, по манифесту 17 октября, есть совѣтъ министровъ. Слѣдовательно, противоправительственная литература—есть литература, критически относящаяся къ дѣятельности совѣта министровъ даннаго состава. Не слишкомъ ли широко и не слишкомъ ли самонадѣянно со стороны министерства считать «преступнымъ», хотя бы для гимназистовъ, чтеніе и храненіе не восхваляющей его литературы? А что если вдругъ г. Кассо уйдетъ въ отставку? Какъ быть тогда съ начатымъ судебнымъ или охраннымъ преслѣдованіемъ? Если же литература «не носитъ современнаго характера», то она логически не можетъ быть противоправительственной. Отъ товарища министра, къ тому же доктора правъ, можно было бы ждать иного обращенія съ юридической терминологіей.

По поводу «исторіи» въ петербугскихъ гимназіяхъ кивнула на семью не одна «Россія». 11 декабря, въ тотъ самый день, когда оффиціозъ напечаталъ свою статью, попечитель петербургскаго учебнаго округа издалъ циркуляръ, касающійся правилъ внѣшкольнаго поведенія учащихся. Въ этомъ циркулярѣ онъ рекомендуетъ начальникамъ среднихъ учебныхъ заведеній «установить возможно тѣсное взаимодѣйствіе между родителями, воспитателями и опекунами учащихся, съ одной стороны, и учебнымъ персоналомъ, съ другой, дабы школа могла проводить въ жизнь всѣ требованія, направленныя къ благу учащихся, не только безъ всякихъ треній, но и съ той цѣнной поддержкой, какая можетъ быть оказана благожелательно настроенной къ задачамъ школы семьей». По адресу семьи попечитель предупреждаетъ: «Въ тѣхъ случаяхъ, когда семья не можетъ или не хочетъ оказать содѣйствіе школѣ», на нее падаетъ «отвѣтственность какъ за неуспѣхъ предлагаемыхъ школой въ цѣляхъ нравственнаго воспитанія мѣропріятій, такъ равно и за дальнѣйшую судьбу не поддающихся исправленію дѣтей».

Допустимъ на минуту, что центральное значеніе «исторіи»—не во вторженіи «охраны» въ школу и не въ напрасномъ лишеніи десятковъ юношей и дѣвушекъ-подростковъ возможности окончить среднее образованіе. Допустимъ, что усердіемъ охраны раскрыта ужасная «противоправительственная» зараза, охватившая петербургскія гимназіи. Скажемъ вмѣстѣ съ попечителемъ округа: «семья не оказала содѣйствія школѣ; семья виновата». Но какъ связать слова циркуляра съ упраздненіемъ родительскихъ собраній и комитетовъ—единственной возможной формы реальнаго взаимодѣйствія школы и семьи и единственнаго средства устраненія треній между ними? Въ стремленіи наглухо закрыть школу отъ общества, въ Петербургѣ, какъ оказалось и какъ установлено го-

родской думой, судьбу предсѣдателей родительскихъ комитетовъ по участію, въ силу неотмѣненнаго Высочайшаго повелѣнія, въ педагогическихъ совѣтахъ, раздѣлили и представители городского общественнаго управленія. Ихъ «разъяснили» еще проще: имъ перестали посылать повѣстки на засѣданія.

Свѣтлымъ лучемъ въ тяжелые для гимназій дни промелькнула телеграмма извѣстнаго московскаго благотворителя г. Шахова. Онъ просилъ исключенныхъ «не тужить», обѣщая дать имъ средства и помимо казенной школы получить законченное среднее и высшее образованіе...

Давно и вѣрно замѣчено: всѣ реформы,—въ военномъ вѣдомствѣ особенно,—начинаются у насъ съ перемѣны формы. Съ осени на плечахъ студентовъ военно-медицинской академіи появились новые погоны съ золотыми вензелями, на фуражкахъ—новыя кокарды. Не безъ тайной радости, конечно, студенты поторопились снять погоны, дѣлавшіе ихъ похожими на околоточныхъ надзирателей, и украсить плечи погонами, чуть-чуть что не офицерскими. Таковъ былъ и такъ былъ встрѣченъ студентами первый шагъ на пути «реформы» высшаго военно-медицинскаго образованія. Второй шагъ представлялъ собою приказъ, предписывавшій студентамъ отдавать честь офицерамъ. На этотъ приказъ студенты отвѣтили трехдневной забастовкой и отказомъ до конца академическаго года посѣщать лекціи начальника академіи, проф. Вельяминова.

По оффиціальной версіи, причиной забастовки послужили крайне преувеличенные и фактически невѣрные слухи о массовыхъ случаяхъ столкновеній между студентами и офицерами въ первые же дни послѣ опубликованія приказа. Неудовольствіе студентовъ, вызванное тѣмъ, что приказъ предлагалъ офицерамъ поступать въ отношеніи не отдавшихъ имъ чести студентовъ примѣнительно къ правиламъ, существующимъ для воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ,—было объяснено явнымъ и простымъ недоразумѣніемъ. Но дальнѣйшее развитіе событій въ жизни акедеміи показало, что впервые, по вопросу объ отданіи чести, поставленный между медиками-студентами и воспитанниками военно-учебныхъ заведеній знакъ равенства знаменовалъ собою нѣчто гораздо большее, нежели порядокъ наложенія взысканій на виновныхъ въ нарушеніи приказа студентовъ. Не прошло и нѣсколькихъ недѣль, а академія уже изъята изъ непосредственнаго подчиненія военному министру и надъ нею поставлена власть главнаго военно-санитарнаго инспек-

тора. На послѣдняго, помимо академической конференціи, возложена обязанность экстренно внести въ военный совѣтъ законопроектъ о полной реорганизаціи академіи. Начальникъ академіи Н. А. Вельяминовъ подалъ въ отставку, и его отставка принята.

О томъ, что далѣе повисло надъ военно-медицинской академіей, сообщаются только слухи. Слухи имѣютъ зловѣщій характеръ для судьбы высшаго учебнаго заведенія, въ 1899-мъ году отпраздновавшаго столѣтіе своего существованія, давшаго странѣ многія тысячи врачей, служившаго разсадникомъ профессоровъ для медицинскихъ факультетовъ университетовъ и обладающаго наиболѣе полно и богато, въ научномъ отношеніи, обставленными клиниками. Но, какъ ни зловѣщи циркулирующіе толки и какъ ни чрезмѣренъ реформаторскій радикализмъ, приписываемый ими, относительно военно-медицинской академіи, военному министерству,—не вѣрить сообщеніямъ печати не приходится. Общая оцѣнка момента заставляетъ признать, напротивъ, что и самые невѣроятные изъ слуховъ весьма близки къ дѣйствительности. Въ академіи три дня продолжалась забастовка. Студенты рѣшили на сходкѣ не подчиняться приказу объ отданіи чести. Въ дни забастовки не всѣ профессора читали лекціи пустымъ стѣнамъ аудиторій. Конференція не обнаружила склонности отнестись къ студентамъ съ прямолинейностью чиновъ охраны. Развѣ недостаточно всего этого, чтобы срыть академію до основанія? Развѣ считается съ чѣмъ бы то ни было политика, вырывающая крамолу съ корнемъ?

Преемникомъ Н. А. Вельяминова называютъ военнаго генерала изъ профессоровъ академіи генеральнаго штаба. Что онъ не медикъ и ничего не можетъ смыслить въ медицинскихъ наукахъ,— очевидно пустяки. Вѣдь былъ же директоромъ училища правовѣдѣнія генералъ Языковъ, назначенный въ силу многолѣтняго стажа службы въ полиціи. Вѣдь назначаютъ военныхъ генераловъ губернаторами. И ничего—справляются! Для всѣхъ студентовъ академіи предположено учредить обязательный интернатъ. Слушатели академическаго курса будутъ именоваться не студентами, а «военно-санитарными воспитанниками». На лѣто они будутъ выступать въ лагерь и тамъ получать строевое военное образованіе. Что касается объема преподаванія, то, исходя изъ безспорнаго факта, что солдаты — люди взрослые и не женщины, авторы «реформы», если вѣрить слухамъ, намѣрены упразднить клиники и каѳедры по акушерскимъ и дѣтскимъ болѣзнямъ. Вообще, какъ передавала газета «День», составители ожидаемаго новаго положенія объ академіи считаютъ, что до сихъ поръ военные врачи получали «черезчуръ широкое медицинское образованіе», «которое, являясь совер-

шенно излишнимъ для военнаго врача, служило одной изъ причинъ вольнаго духа въ арміи». По ихъ мнѣнію, въ основу научныхъ знаній военныхъ врачей, переименовываемыхъ въ «санитарныхъ офицеровъ», должны лечь, главнымъ образомъ, практическія свѣдѣнія по хирургіи и умѣлое обращеніе съ ранеными».

Словомъ, съ академіей рѣшено покончить. И для этого готово теоретическое оправданіе: какъ ученое учрежденіе и какъ высшее медицинское учебное заведеніе, она не нужна. Нужна профессіональная школа для приготовленія особой категоріи офицеровъ, предназначенныхъ лечить солдатъ. Въ Петербургѣ есть военно-фельдшерская школа. Ея начальникомъ всегда состоялъ и нынѣ состоитъ военный полковникъ: былъ одинъ изъ комендантскихъ штабъ-офицеровъ, другой—изъ воспитателей кадетскаго корпуса. Степенью выше, но рядомъ съ нею, будетъ, подъ названіемъ академіи, военно-лекарская школа, и во главѣ ея—военный генералъ... Проектъ, говорятъ, пойдетъ помимо Государственной Думы и Государственнаго Совѣта. Для этого, какъ извѣстно, имѣется «разъясненіе», отграничивающее военное законодательство и обезпечивающее за нимъ самостоятельность и независимость отъ законодательныхъ учрежденій.

---

11 декабря въ Петербургскомъ столичномъ мировомъ съѣздѣ разсмотрѣно дѣло, имѣющее весьма крупное значеніе для просвѣтительныхъ, ученыхъ и другихъ обществъ,—особенно для тѣхъ, которыя созданы до возглашенія «незыблемыхъ основъ гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ». Такія общества въ свое время получили уставы и на основаніи ихъ жили и дѣйствовали. Эти уставы, утвержденные частью Высочайшей властью, частью властью соотвѣтственныхъ министровъ, новымъ государственнымъ устройствомъ не отмѣнены. Слѣдовательно, они сохраняютъ силу. И, поскольку уставъ регламентируетъ существованіе общества на бумагѣ, конфликтовъ не возникаетъ. Но какъ только общество, забывая о «благахъ» обновленнаго строя, обнаруживаетъ стремленіе къ активной жизни, какою жило прежде, передъ нимъ сейчасъ же выростаютъ, на подобіе стѣны, эти «блага». Само собою разумѣется, что основной смыслъ всякаго ученаго, благотворительнаго, просвѣтительнаго и т. п. общества заключается въ устройствѣ собраній и засѣданій. А на этотъ предметъ въ преддверіи осуществленія новыхъ порядковъ, 4-го марта 1906 г., были изданы «временныя правила», которыя, во имя «свободы» собраній,

совершенно лишили обывателей, не кричащихъ «долой конституцію!»—возможности собираться.

Одно изъ старѣйшихъ обществъ въ Россіи—Императорское русское техническое. Существуетъ оно съ 1866-го года, имѣетъ большое число отдѣленій въ разныхъ городахъ и по существу входящихъ въ кругъ его занятій предметовъ раздѣляется на четырнадцать отдѣловъ. Уставъ допускаетъ участіе въ занятіяхъ общества не только почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ и членовъ-корреспондентовъ, но и постороннихъ лицъ. § 27 устава опредѣляетъ, что члены имѣютъ право вводить въ помѣщеніе общества постороннихъ лицъ гостями, съ запискою ихъ въ особую книгу, подъ своею отвѣтственностью за нихъ во всемъ и съ платою за одинъ день 50 коп., а за мѣсяцъ—5 рублей. Кромѣ того, въ § 54 говорится, что каждому изъ отдѣловъ «предоставляется приглашать въ свои засѣданія, съ совѣщательнымъ голосомъ, не только членовъ общества, но и постороннихъ лицъ».

Пока не было «свободы собраній», техническое общество въ теченіе сорока лѣтъ безпрепятственно устраивало засѣданія, приглашая, кромѣ членовъ, постороннихъ лицъ и допуская ихъ къ участію въ занятіяхъ «съ совѣщательнымъ голосомъ». Предварительнаго разрѣшенія у полиціи общество никогда не испрашивало. Но въ 1907-мъ году градоначальникъ, ссылаясь на «временныя» правила 4 марта, потребовалъ, чтобы совѣтъ общества извѣщалъ его за трое сутокъ о каждомъ назначенномъ засѣданіи. Если бы во главѣ общества стояли люди, не умудренные опытомъ русской дѣйствительности, то, независимо отъ формальной правильности требованія, они не усмотрѣли бы въ немъ ничего стѣснительнаго. Законъ установилъ явочный порядокъ устройства собраній, а изъ своихъ занятій общество никогда ни отъ кого не дѣлало тайны. Но не только теперь, когда «успокоеніе» наступило, а и въ 1907-мъ году всѣмъ было отлично извѣстно, что слова закона: «обязанъ заявить» практикой дѣйствительности дополнены: «и получить разрѣшеніе». А потому совѣтъ техническаго общества естественно поспѣшилъ забронироваться уставомъ и отвѣтилъ градоначальнику, что не считаетъ себя обязаннымъ исполнять его требованіе. Дальнѣйшихъ бумагъ въ совѣтъ общества не поступало.

Прошло три года. 13 октября 1910 г. въ помѣщеніи общества происходило засѣданіе XII-го отдѣла. Явился помощникъ полицейскаго пристава, объявилъ собраніе незаконнымъ, такъ какъ о немъ не былъ предварительно извѣщенъ градоначальникъ, и приступилъ къ составленію протокола. Въ собраніи оказалось, кромѣ предсѣдателя отдѣла, инженеръ-технолога И. В. Чернышева, 7 членовъ об-

щества и 44 постороннихъ. Всѣ посторонніе предъявили именныя повѣстки. Бухгалтеръ представилъ корешки квитанціонной книги, свидѣтельствующія о поступленіи въ кассу сорока четырехъ полтинниковъ. Въ книгѣ для записи гостей помощникъ пристава «обнаружилъ» сорокъ четыре фамиліи гостей съ отмѣткой противъ каждой фамиліи принявшаго на себя «отвѣтственность» члена. Протоколъ, словомъ, удостовѣрилъ, что всѣ формальности были соблюдены. Несмотря на это, собраніе было закрыто, а гостей для удостовѣренія личности городовые отвели въ участокъ. Что они тамъ провели цѣлую ночь и что засѣданіе не могло состояться,—объ этомъ въ условіяхъ возглашенной «свободы» и «дѣйствительной неприкосновенности» говорить не приходится. Просиживать ночь въ участкѣ обыватели привыкли и на такую форму ограниченія «гражданской свободы» уже давно не претендуютъ. Но полиція пошла дальше. Началось безконечно долгое разслѣдованіе и въ результатѣ, въ 1912-мъ году, И. В. Чернышеву было предъявлено обвиненіе у мирового судьи въ нарушеніи правилъ 4-го марта.

Мировой судья постановилъ оправдательный приговоръ, признавъ, что техническое общество обязано дѣйствовать по своему уставу и что требованія устава были исполнены. Полицейскій приставъ перенесъ дѣло въ съѣздъ. При этомъ, стремясь доказать, что «обвиняемый» не только нарушилъ правила 4-го марта, но и уставъ техническаго общества, онъ обнаружилъ изумительное «запамятованіе» составленнаго его помощникомъ протокола. Число постороннихъ изъ 44-хъ по протоколу выросло въ апелляціонномъ отзывѣ до «свыше 150-ти». Далѣе апелляторъ указывалъ, что всѣ посторонніе были допущены безъ записи въ книгу и безъ взноса платы. О предъявленныхъ ими составителю протокола повѣсткахъ онъ умолчалъ. Мировой съѣздъ оправдательный приговоръ судьи утвердилъ. Такимъ образомъ, пока что, споръ техническаго общества съ градоначальникомъ получилъ разрѣшеніе въ пользу общества. Но на долго ли? Въ распоряженіи градоначальника осталась третья инстанція—сенатъ. И едва ли можно сомнѣваться, на чьей сторонѣ окажется мнѣніе недосягаемой для вліяній «скалы правосудія».

Въ видѣ иллюстраціи, приведемъ любопытную газетную справку. 14-го декабря сенатъ слушалъ пятьдесятъ дѣлъ объ обществахъ: 37—по жалобамъ представителей обществъ, 13 — по рапортамъ министра внутреннихъ дѣлъ. «Почти» всѣ жалобы оставлены безъ послѣдствій. Всѣ безъ исключенія рапорты—уважены. Правда, эти пятьдесятъ дѣлъ разсмотрѣны первымъ департаментомъ сената, а споръ техническаго общества съ градоначальникомъ будетъ рѣшать сенатъ кассаціонный. Но во всѣхъ вопросахъ, связанныхъ съ

«политикой», разница между административнымъ сенатомъ и кассаціоннымъ въ теченіе шести лѣтъ систематично сглаживалась и теперь ушла въ область воспоминаній. Общее собраніе кассаціонныхъ департаментовъ не остановилось передъ «разъясненіемъ», что выборгскій гофгерихтъ за привлеченіе къ отвѣтственности полиціймейстера, исполнившаго требованіе объ арестѣ членовъ магистрата, подлежитъ сужденію въ порядкѣ закона о равноправіи. 13-го декабря уголовный кассаціонный департаментъ разъяснилъ, что дворники частныхъ домовъ въ Петербургѣ суть должностныя лица и что потому дѣла о насильственныхъ противъ нихъ дѣйствіяхъ должны разсматриваться не окружнымъ судомъ съ присяжными засѣдателями, а судебной палатой съ сословными представителями...

Стало менѣе еще однимъ членомъ первой Думы и вмѣстѣ съ тѣмъ выдающимся общественнымъ дѣятелемъ, историкомъ съ научнымъ именемъ и литераторомъ. 2-го декабря въ Москвѣ скончался Вячеславъ Евгеньевичъ Якушкинъ. Покойный былъ внукомъ декабриста и сыномъ знаменитаго перваго русскаго изслѣдователя обычнаго права. По окончаніи курса въ московскомъ университетѣ, онъ былъ оставленъ для приготовленія къ профессорской каѳедрѣ. За диссертацію «Очерки по исторіи русской поземельной политики XVIII и XIX вѣковъ» В. Е. получилъ степень магистра. Но вскорѣ затѣмъ, высылкой въ Ярославль за рѣчь на пушкинскомъ юбилеѣ [1]), его научная и преподавательская дѣятельность оборвалась. Какъ литераторъ, В. Е. отдавалъ свои силы главнымъ образомъ «Русскимъ Вѣдомостямъ», въ теченіе многихъ лѣтъ будучи постояннымъ сотрудникомъ и членомъ редакціи газеты, а одно время—ея редакторомъ. Кромѣ того, онъ работалъ въ журналахъ. Въ «Вѣстникѣ Европы» имъ были помѣщены двѣ статьи: «Изъ исторіи литературы двадцатыхъ годовъ» (1888, ноябрь и декабрь); «А. И. Полежаевъ, его жизнь и поэзія» (1897, іюнь).

Политическій дѣятель воспитался въ покойномъ на земской работѣ. Его земское служеніе принадлежало Курской губерніи. Онъ былъ убѣжденнымъ конституціоналистомъ и стойкимъ борцомъ въ земствѣ за «увѣнчаніе зданія» реформъ Александра II. Въ канунъ освободительнаго движенія В. Е. примкнулъ къ «союзу освобожденія» и былъ участникомъ земскихъ съѣздовъ 1904 и 1905 г.г. И въ публицистикѣ, и въ земствѣ, и въ партіи народной свободы, въ которой онъ былъ учредителемъ и безсмѣннымъ членомъ централь-

---

1) См. обществ. хронику въ № 7 «Вѣстника Европы» за 1899 г.

наго комитета, и въ первой Государственной Думѣ, В. Е. Якушкинъ являлся энергичнымъ истолкователемъ и защитникомъ народно-крестьянскихъ интересовъ. Земельный вопросъ былъ для него кореннымъ, всепокрывающимъ вопросомъ русской жизни. «Мы смотримъ на дѣло земельной реформы»—говорилъ онъ въ Думѣ—«не только какъ на средство устраненія той опасности, которая сейчасъ грозитъ странѣ отъ возникшихъ и могущихъ возникнуть еще аграрныхъ волненій. Это также не есть актъ благотворительности. Это есть широко поставленная попытка провести коренную соціальную реформу».

Выборгскій процессъ выкинулъ В. Е. за бортъ открытой и непосредственной политической дѣятельности. Сенатское «разъясненіе» лишило его политическихъ правъ. Курское дворянство за стремленіе положить конецъ крестьянскому земельному голоду отомстило ему исключеніемъ изъ дворянскаго собранія. Но для прежней неустанной работы у покойнаго уже не стало и силъ. Тюрьма отняла отъ него здоровье. Онъ вышелъ изъ тюрьмы съ тѣмъ мучительнымъ недугомъ, который вскорѣ приковалъ его къ постели. В. Е. Якушкинъ раздѣлилъ судьбу многихъ и многихъ русскихъ людей. Лучшіе годы жизни, научныя знанія, талантъ оратора, всѣ силы, всю энергію онъ отдалъ на борьбу за конституцію. Борьба привела къ побѣдѣ—но «обновленный строй» бросилъ его въ тюрьму, закрылъ передъ нимъ свои двери, распахнувъ ихъ передъ врагами новыхъ государственныхъ формъ, а ему сказалъ: «ты не нуженъ»...

Издатель: М. М. Ковалевскій.

Ред.: К. К. Арсеньевъ. Д. Н. Овсянико-Куликовскій.

Поправка. Съ стих. Ив. Бунина (декабрь, 1912 г.) вкралась досадная опечатка:

Напечатано:

Но въ *воздухѣ* песчаныхъ нива...

Слѣдуетъ читать:

Но въ *духотѣ* песчаныхъ нивъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Н. И. Карѣевъ. Собраніе сочиненій. Т. II. Философія исторіи въ русской литературѣ. Спб., 1912. Стр. 236. Ц. 1 р. 50 к.

Въ этой книгѣ собраны критическіе этюды о философско-историческихъ идеяхъ Грановскаго, о теоріи культурно-историческихъ типовъ Н. Я. Данилевскаго, объ исторической философіи въ «Войнѣ и мирѣ» Льва Толстого и о теоріи личности П. Л. Лаврова. Почтенный авторъ касается здѣсь важнѣйшихъ вопросовъ такъ называемой «философіи исторіи» и излагаетъ свои взгляды съ обычною обстоятельностью и объективностью.

П. Инфантьевъ. Жизнь народовъ Россіи. Этнографическіе разсказы. Ц. 1 р.

Въ этой книгѣ дано нѣсколько беллетристическихъ очерковъ изъ жизни инородцевъ, населяющихъ Россію. Предназначены они, повидимому, для подростковъ. Авторъ вводитъ въ разсказы бытовыя картинки изъ жизни различныхъ племенъ. Тутъ и свадьбы, и похороны, и описаніе охоты, торговли, суевѣрій; разсказывается о природѣ и животномъ мірѣ края, въ которомъ племя живетъ. Несмотря на большое количество описаній, разсказы читаются съ интересомъ. Вызываютъ недоумѣніе два разсказа. Въ одномъ изъ нихъ, озаглавленномъ «Чары шамановъ», описывается встрѣча автора съ фельдшеромъ, который около 10-ти лѣтъ прожилъ среди вогуловъ и остяковъ. Онъ разсказываетъ о сверхъестественной силѣ шамановъ и о чудесахъ, ими продѣлываемыхъ. Такъ, напримѣръ, при немъ шаманъ вылетѣлъ въ трубу и въ нѣсколько минутъ слеталъ за 50 верстъ въ поискахъ за пропавшими ключами. Слушатели недоумѣваютъ и приходятъ къ выводу, что человѣкъ, проживиій 10 лѣтъ среди дикарей, легко могъ свихнуться. Но въ еще большее недоумѣніе долженъ придти подростокъ-читатель. Онъ совсѣмъ не разберетъ, вѣрить ли въ сверхъестественную силу шамановъ или нѣтъ?

Другой—разсказъ изъ жизни туркменъ и хивинцевъ. Дѣйствіе происходитъ въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія слѣдовательно описываемые нравы отошли въ прошлое. О современныхъ хивинцахъ мы ничего не узнаемъ. Во всемъ разсказѣ слишкомъ сквозитъ враждебное отношеніе къ хивинцамъ.

Въ концѣ каждаго очерка даются краткія свѣдѣнія о племени, которому очеркъ посвященъ. Изложены они крайне сухо и иногда повторяютъ то, что читатель знаетъ уже изъ разсказа.

Книга снабжена хорошими рисунками.

Проф. М. Грушевскій. Исторія Украинскаго козачества до возсоединенія съ Московскимъ государствомъ. Томъ I. До начала XVII вѣка. СПБ., 1913 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Книга эта—авторскій переводъ части VII тома его монументальной «Історії України-Руси», появленіе котораго было отмѣчено въ «В. Е.» (ноябрь 1909 г.). Украинскій оригиналъ исторіи козачества законченъ Куруковскимъ договоромъ 1625 г., къ каковому времени закончилось не только внутреннее строеніе козачества, но и связь его съ тогдашней украинской интеллигенціей—остатками боярства и духовенствомъ. Русскій переводъ оканчивается на четверть вѣка ранѣе, когда эти возможности лишь вырисовывались. Объясняется это, видимо, техническими условіями: въ украинскомъ оригиналѣ исторія козачества входитъ въ рядъ томовъ общей исторіи Украины, а въ русскомъ переводѣ авторъ выпускаетъ исторію козачества отдѣльнымъ изданіемъ. Въ переводѣ сдѣланы незначительныя сокращенія сравнительно съ подлинникомъ, но сохраненъ весь научный аппаратъ, всегда сложный, стройный и поучительный у проф. Грушевскаго. Для лицъ, не умѣющихъ читать по украински или не привыкшихъ къ пользованію украинской литературой, появившаяся книга является большой цѣнностью, открывающей новыя перспективы въ исторіи козачества. Благодаря легкому языку и популярности и яркости изложенія, книгу можно рекомендовать и не спеціалистамъ.

Л. фонъ-Лангъ. Среди неудачъ. Изъ русско-японской войны. Варшава, 1913. Стр. 240. Ц. 1 р.

Въ очеркахъ г. фонъ-Ланга впечатлѣнія участниковъ войны въ Манчжуріи переплетаются съ романомъ, героиня которагэ разошлась съ своимъ первымъ жени-

хомъ, молодымъ офицеромъ, и готовилась выйти замужъ за другого, болѣе юнаго. Оба жениха, не зная другъ друга, отправились одновременно на войну, случайно познакомились въ пути и встрѣтились въ послѣдній разъ въ госпиталѣ, гдѣ юный поручикъ, раненый въ грудь, просилъ своего бывшаго спутника послать телеграмму его невѣстѣ— той же самой, въ которую когда-то былъ влюбленъ этотъ старшій офицеръ, Волгинъ. Весь разсказъ автора вертится около этой искусственно придуманной романической исторіи. Беллетристика, и притомъ неудачная, занимаетъ вообще слишкомъ много мѣста въ книжкѣ г. фонъ-Ланга; описанія отдѣльныхъ военныхъ эпизодовъ теряются среди длинныхъ и неинтересныхъ разговоровъ, происходящихъ между разными дѣйствующими лицами. Нѣкоторые изъ молодыхъ офицеровъ рисуются идеально-добродѣтельными, другіе — штабными карьеристами; о Куропаткинѣ говорится, какъ о любимомъ всѣми и симпатичномъ начальникѣ, котораго только «слабость воли привела къ отступленію послѣ побѣды арміи». Въ нѣсколькихъ словахъ, какъ бы мимоходомъ, упоминается о русскомъ поселкѣ въ Ляоянѣ, гдѣ были «веселые дома и квартиры дѣвицъ легкаго поведенія», гдѣ въ кафе-шантанахъ «ставились веселыя пьесы, пѣлись шансонетки, показывали кинематографы» и гдѣ пріѣзжіе офицеры просиживали мѣсяцами, забывъ о службѣ на позиціяхъ. Въ роковые дни Ляоянскихъ битвъ одинъ изъ видныхъ генераловъ, по словамъ автора, равнодушно выслушалъ сообщенное ему очень важное приказаніе, потому что въ данный моментъ былъ занятъ «выдаиваніемъ ощенившейся сучки, которая потеряла на переходѣ своихъ щенятъ и рисковала заболѣть отъ избытка молока». Тѣмъ не менѣе авторъ увѣренъ, что только слабость воли Куропаткина превратила побѣду въ пораженіе, и на эту тему много разсуждаютъ взволнованные собесѣдники-офицеры. Ничего новаго о японской войнѣ книжка г. фонъ-Ланга не даетъ.

Н. С. Лобачъ. Убійцы. Нѣкоторыя черты психофизики преступниковъ. Со снимками преступниковъ. Москва, 1913. Стр. 168. Ц. 1 р. 50 к.

Бывшій врачъ каторжныхъ тюремъ на Сахалинѣ, г. Лобачъ, излагаетъ въ этомъ трудѣ результаты своихъ продолжительныхъ наблюденій надъ типами преступниковъ-убійцъ, изъ которыхъ были имъ спеціально изслѣдованы восемьдесятъ человѣкъ. Характеристики и подробныя показанія этихъ убійцъ-грабителей, вмѣстѣ съ портретами ихъ звѣрскихъ и тупыхъ физіономій, представляютъ интересный вкладъ въ литературу уголовной антропологіи и несомнѣнно заслуживаютъ вниманія нашихъ судебныхъ врачей и криминалистовъ.

Лучшая говорящая машина

„ПАТЕФОНЪ"

играетъ пластинки безъ иголокъ.

Богатѣйшій выборъ пластинокъ!

Ежемѣсячно новые выпуски!

Цѣна пластинкамъ 28 с/м. съ краснымъ этикетомъ 1 р. 30 к.
„ „ 28 с/м. съ желтымъ этикетомъ 1 р. 75 к.

ПОСЛѢДНЯЯ НОВОСТЬ! ПЛАСТИНКИ „ЗОЛОТОЙ СЕРІИ"

35 с/м. двухстороннія 2 р. 50 к.

Требуйте безплатные каталоги.

Акц. Общ. Бр. ПАТЕ,

МОСКВА, Тверская, 38.

ОТДѢЛЕНІЯ:

С.-Петербургъ,
Невскій, 64.

Ростовъ н-Д.,
Б. Садовая, 92.

Варшава,
Вербовая, 8.

Одесса,
Дерибасовская, 10.

1—4

Открыта на 1913 годъ подписка на

„СВѢТЛЫЙ ПУТЬ“.

Еженедѣльный иллюстрированный журналъ литературы и современной жизни.

Подписной годъ начинается съ 1-го ноября 1912 г.

„СВѢТЛЫЙ ПУТЬ“ въ теченіе подписного года съ 1-го ноября 1912 г. по 1 ноября 1913 года **дастъ своимъ подписчикамъ:**

52 №№ ЕЖЕНЕДѢЛЬНАГО ЖУРНАЛА, содержащихъ обзоръ всѣхъ событій современной жизни и злобъ дня въ области политики, литературы, искусства и пр., съ разнообразными иллюстраціями всѣхъ событій русской и иностранной жизни.—Рядъ очерковъ и рисунковъ будетъ посвященъ знаменательной годовщинѣ трехсотлѣтняго юбилея воцаренія Дома Романовыхъ. Съ ноября начнется печатаніемъ романъ К. Измайловскаго захватывающаго интереса **„ЖЕНА ИНТЕНДАНТА“.**

СЕЗОННЫЕ ВЫПУСКИ новѣйшихъ парижскихъ и вѣнскихъ модъ, съ особыми отдѣлами по домоводству и хозяйству.

12 КНИГЪ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній, въ которыхъ среди разнообразнаго литературнаго содержанія будутъ даны: Записки Императрицы Екатерины II; А. И. Герценъ—избранныя сочиненія; К. Измайловскій „Интендантство передъ судомъ народной совѣсти“; К. Миртовъ „Л. Н. Толстой и дѣти“; И. И. Соловьевъ „Петербургъ въ 2013 г.“; С. Славинъ—„Воспоминанія стараго журналиста“; М. Сергѣевичъ „Нашихъ дней апостолы правды и труда“ и др.

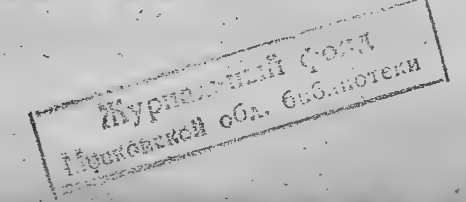
ДВѢ ПРЕМІИ: сочиненія Помяловскаго и полный дѣловой юридическій справочникъ.—Такого богатаго и интереснаго литературнаго матеріала не давало еще ни одно изъ дешевыхъ иллюстрированныхъ изданій.

Подписная цѣна: съ пересылкой и доставкой на годъ 2 р. 50 к., на 1/2 года 1 р. 50 к., за границу 5 рублей.

Подписныя деньги адресовать: Петербургъ, Верейская, 14, въ Главную Контору журнала **„СВѢТЛЫЙ ПУТЬ“.** 1—2

Пробные №№ требуйте безплатно.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
„Іосифъ Михайловъ"
фирма существуетъ съ 1870 г.
КРУЖЕВА,
ТЮЛЬ,
ЛЕНТЫ,
ГАЗЪ
и другія модныя
отдѣлки.
Временное помѣщеніе послѣ пожара въ Голофтѣевской галлереѣ:
Москва,
Б. Дмитровка, домъ № 7,
противъ конторы
Императорскихъ театровъ.
Телеф. 48-46.
Продажа безъ запроса.

КОРСЕТЫ
НОВѢЙШ. ИЗЯЩ. ФАСОНОВЪ
послѣднія модели ПАРИЖА
ПРІЕМА ЗАКАЗОВЪ.
французскіе вязаные КОРСЕТЫ „ПЛАСТИКЪ"
НАБРЮШНИКИ
ГРУДОДЕРЖАТЕЛИ
Новый иллюстр. каталогъ безплатно
СПБ
Литейный 45 В прот. Бассейной
МАРКУСЪ ЗАКСЪ
ТЕЛЕФ. № 238-40.

МНѢНІЕ НАУКИ

О ГИЛЬЗАХЪ КАТЫКА.

Торговымъ Домомъ А. КАТЫКЪ и К° представлены гильзы своей фабрики для испытанія, не содержитъ-ли бумага какихъ либо вредныхъ для здоровья веществъ. При химическомъ изслѣдованіи бумаги, а также продуктовъ горѣнія таковой, никакихъ вредныхъ для здоровья веществъ не обнаружено, причемъ установлено, что бумага состоитъ исключительно изъ растительной клѣтчатки.

Завѣдывающія лабораторіей инженеръ-химикъ А. ШТАНГЕ.

Химико-аналитическая и бактеріологическая лабораторія высочайше утвержденнаго Россійскаго Фармацевтическаго Общества. Москва 21 февраля 1907 г.

Требуйте ТОЛЬКО ГИЛЬЗЫ КАТЫКА!

Открыта подписка на 1913 годъ.

9-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

ГОЛОСЪ ЮГА

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

СЪ ДОСТАВКОЙ:		БЕЗЪ ДОСТАВКИ:	
На годъ	8 р. — к.	На годъ	7 р. — к.
„ $1/2$ года	4 р. 25 к.	„ $1/2$ года	3 р. 75 к.
„ 3 мѣсяца	2 р. 25 к.	„ 3 мѣсяца	2 р. 10 к.
„ 1 мѣсяцъ	р. 75 к.	„ 1 мѣсяцъ	р. 70 к.

Учителя, земскіе и городскіе служащіе, рабочіе, крестьяне и сельскіе священники платятъ въ годъ 6 рублей съ пересылкой.

ГОДОВЫМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА—при подпискѣ 3 руб., 1-го апрѣля 3 р. и 1-го сентября 2 р.

КОНТОРА ПОМѢЩАЕТСЯ въ г. Елисаветградѣ, по московской улицѣ, въ домѣ Златкевича. Открыта съ 8 часовъ утра до 7 часовъ вечера.

Издатель Д. С. ГОРШКОВЪ. 1—2

Открыта подписка на 1913 годъ.

на газету

(40-й годъ изданія) (40-й годъ изданія)

„ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ"

выходящую ежедневно за исключеніемъ понедѣльниковъ въ промежуткахъ между сессіями Государственной Думы, на слѣдующихъ условіяхъ: съ доставкой на домъ въ Орлѣ и пересылкой въ другіе города

на годъ 7 руб., за границу 14 руб.

на 11 мѣсяцевъ —	6 р. 50 к.	на 5 мѣсяцевъ —	3 р. 50 к.
„ 10 „	6 р. — к.	„ 4 „	3 р. — к.
„ 9 „	5 р. 50 к.	„ 3 „	2 р. 40 к.
„ 8 „	5 р. — к.	„ 2 „	1 р. 70 к.
„ 7 „	4 р. 50 к.	„ 1 „	— р. 90 к.
„ 6 „	4 р. — к.	„ $1/2$ „	— р. 50 к.

На полмѣсяца подписка принимается только отъ городскихъ подписчиковъ.

Подписка принимается: для иногороднихъ только съ 1-го числа каждаго мѣсяца; а для городскихъ съ 1-го и 16-го.

Пріемъ подписки, объявленій и розничная продажа газеты производятся:

ВЪ ОРЛѢ—въ конторѣ „Орловскаго Вѣстника" верхъ Болховской ул., домъ бр. Фроммельдъ и въ отдѣленіи ея: Московская улица, аптекарскій магазинъ Коссовскаго.

Въ отдѣленіяхъ конторы:

ВЪ БРЯНСКѢ—Авиловская улица, домъ насл. Голосовыхъ, А. К. Федоровъ.

ВЪ БОЛХОВѢ—Карачевская улица, Ѳ. А. Костинъ.

Только розничная продажа газеты:

ВЪ ЕЛЬЦѢ—въ маг. Пузевскаго.

„ КАРАЧЕВѢ—въ маг. Ясковскаго.

„ БРЯНСКѢ—въ библ. г. Ѳедорова.

ВЪ МЦЕНСКѢ—въ маг. Половнева и въ кн. маг. Иванова.

Издатель *А. И. Аристовъ.*

Отвѣтственный редакторъ *М. Я. Андреевъ.*

1—3

СПЕЦІАЛЬНО МАТЕРІИ ДЛЯ МЕБЕЛИ КОВРЫ, ПОРТЬЕРЫ, ТЮЛЬ, БАХРОМА, ШНУРЪ, АГРАМАНТЪ

МОСКВА, Ильинка, прот. Гост. двор.
С. ПЕТЕРБУРГЪ, Екатерин. каналъ

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ВСѢХЪ СОРТОВЪ и СТИЛЕЙ
ПРОДАЖА ПО ЦѢНАМЪ ФАБРИКИ. Фирм. осн. 1883 г.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КАТАЛОГЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

1—3

Поставщикъ Двора
Его Императорскаго Величества

К. М. Шредеръ.

ПЕРВАЯ РОССІЙСКАЯ ПАРОВАЯ ФОРТЕПІАННАЯ ФАБРИКА

основ. въ 1818 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій, 52.

Рояли и піанино новой модели осени 1911 г.

Инструменты фабрики К. М. Шредеръ рекомендуются извѣстнѣйшими піанистами, какъ Гофманъ, Годовскій, Грюнфельдъ, Генъ, Зауеръ, Сафоновъ, Сенъ-Сансъ и друг.

ІОСИФЪ ГОФМАНЪ пишетъ: Рояли Шредера по своимъ качествамъ не только лучшіе въ Россіи, но могутъ быть достойно приравнены къ лучшимъ издѣліямъ Германіи, Австріи, Франціи и Америки.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ № 11 безплатно.

1—1

